

Д. Н. Александров

РИТОРИКА

УЧЕБНОЕ
ПОСОБИЕ

Д.Н. Александров

РИТОРИКА

Учебное пособие

*Рекомендовано Министерством
общего и профессионального образования
Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений*

Москва
Издательство «Флинта»
Издательство «Наука»
2002

УДК 800/801
ББК 812
А 46

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра русского языка Московского государственного
технического университета им. Н.Э. Баумана
(зав. кафедрой канд. филол. наук, доц. *М.П. Тоболова*),
канд. филол. наук, доц. *Н.Ю. Штрекер*,
преподаватель русского языка и литературы
средней школы № 44 г. Калуги *Е.М. Солонов*

Александров Д.Н.

Риторика: Учебное пособие. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 624 с.:
ил.

ISBN 5-89349-205-6 (Флинта)

ISBN 5-02-002781-2 (Наука)

Приводятся теоретические сведения (правила, связи, оценки и пр.) и многочисленные упражнения, которые могут быть полезны начинающим освоение искусства красноречия, и тем, кто совершенствуется в ораторском искусстве. Предложена оригинальная авторская система учебных деловых игр. Представлены тесты, которые в изложении автора позволяют значительно расширить философский и риторический кругозор обучающихся. Пособие содержит хрестоматию, словарь, персоналии, библиографию.

Для студентов и преподавателей высших учебных заведений, а также для изучающих курс риторики в средних школах-гимназиях.

Стихи, принадлежащие автору пособия, даны без указания фамилии.

ISBN 5-89349-205-6 (Флинта)

ISBN 5-02-002781-2 (Наука)

© Александров Д.Н., 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Что такое риторика	7
Кому нужна риторика	8
Учебная дисциплина «риторика»	10
Введение	15
ЧАСТЬ I. Теория	19
Эрудиция	20
Чтение	23
«Цветы» красноречия	27
Три «золотых» правила риторики	33
Риторическое «древо»	47
Деловые игры	51
Оценка выступления оратора	58
Связи теории и практики	62
ЧАСТЬ II. Хрестоматия	67
Классика	71

Аристотель	72
Гомер	85
Демосфен	101
Кони Анатолий Федорович	116
Крисп Гай Саллюстий	131
Ломоносов Михаил Васильевич	137
Овидий Публий Назон	160
Платон	163
Плевако Федор Никифорович	195
Плиний Младший	225
Сенека Луций Анней	239
Цицерон Марк Туллий	247
Православие	256
Аввакум	263
Булгаков Сергей Николаевич	273
Валишевский Казимир	280
Митрополит Кирилл	302
Мень Александр	308
Муравьев Андрей Николаевич	319
Сиповский Василий Дмитриевич	338
Толстой Михаил Владимирович	363
ЧАСТЬ III. Экзерсисы	373
Подражание образцам	376
Пушкин Александр Сергеевич	378
Андроников Ираклий Луарсабович	394
Тесты	419
Задания и вопросы	421
Ответы	456
Цитоны	489
Монофоны	515

ЧАСТЬ IV. Анналы	525
Рифмы	527
Персоналии	539
Словарь	569
Техника речи/Лекиф	570
Культура оратора	580
Имена	598
Заключение	615
Библиографический список	622

*Памяти моих родителей
Антонины Дмитриевны
и Николая Павловича
Александровых —
первых и главных моих
спонсоров — посвящаю*

Д.Н. АЛЕКСАНДРОВ

Конечная цель красноречия —
убеждать людей.

Ф.Д.С. Честерфилд

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЧТО ТАКОЕ «РИТОРИКА»?

Энциклопедии и словари отвечают на этот вопрос примерно так: **риторика — теория ораторского искусства, теория красноречия, наука об умении говорить красно, хорошо, так, как нужно в данном случае.** Поскольку риторика — одна из древнейших наук в истории человечества, она имеет свое название не только на греческом, но и на латинском языке: «риторика» — по-гречески, «элоквенция» — по-латыни. Когда-то оба эти названия были идентичны, и их знали все гимназисты.

Таким образом, «Риторика», или «Основы ораторского искусства», или «Русское красноречие», — это приблизительно один и тот же учебный курс, который до 1917 г. был обязательным предметом во многих учебных заведениях России, а теперь с большим или меньшим успехом восстанавливается в учебных планах высших и средних учебных заведений нашей страны.

Риторика объединяет в себе признаки науки, поскольку в ней есть точно выписанные правила, которые должен соблюдать всякий, кто хотел бы освоить ее азы. **Но в риторике сосредоточены и начала подлинного искусства**, потому что никакие правила не могут гарантировать успешный результат для каждого вновь начинающего оратора. Учитывая эти обстоятельства, учителя риторики в Древнем Мире обучали своих учеников во время бесед, прогулок, в ходе которых начинающие перенимали у старших все те правила и приемы, все те знания, умения и навыки, которые были созданы до них, и которыми уже овладели старшие поколения.

Ритор — **оратор** в Древней Греции и в Древнем Риме, а примерно с III в. до н. э. — еще и **учитель практического красноречия** в ораторской школе. В широком смысле — преподаватель, квалификация которого позволяет ему успешно обучать ораторскому искусству, искусству красноречия.

Как *учебный предмет риторика* состоит из четырех частей: истории, теории, практики и техники.

Как *наука риторика* содержит пять разделов:

- *нахождение* материала для последующего выступления или, как говорили в прежние времена, — «изобретение»;
- *расположение* материала в наилучшем для конкретной речи порядке, соблюдение логичности и последовательности в изложении тезисов;
- *выражение*, под которым понималось учение о трех ораторских стилях (высоком, среднем и низком) и о трех средствах возвышенного стиля — это отбор слов, сочетание слов и стилистических фигур (украшений), потому что риторы учили «высокому» стилю. Этот третий раздел ранее назывался отдельным термином — «элокуция»;
- *запоминание*, под которым понималось стремление заучить текст выступления наизусть, запомнить как можно лучше все те тщательно продуманные места речи, которые были заготовлены в предыдущем разделе: подобраны слова, тщательно обдумана сочетаемость этих слов друг с другом и с теми стилистическими фигурами, которые оратор решил использовать в выступлении;
- *произнесение* речи, как правило, в условиях судебного заседания или перед толпой на площади, перед входом в государственное учреждение.

КОМУ НУЖНА РИТОРИКА?

Нет ни одной области человеческих знаний, человеческой деятельности, для которых плохая, запутанная, бестолковая и многословная профессиональная или бытовая речь исполнителя была бы благом. Речь, не содержащая в себе новых мыслей, новых соотношений между старыми мыслями, наполнена уже известными

сентенциями, а нередко вообще не содержит в себе никаких мыслей как таковых. А как часто именно такую речь мы слышим на работе, на улице, по телевизору — при трансляции из Государственной Думы или с заседаний нашего правительства. И если внимательно прислушаться, можно встретиться с тем, что русский, родившийся за границей в третьем-четвертом поколении, говорит по-русски лучше, чем молодая и развязная корреспондентка, прожившая всю свою непродолжительную жизнь в России.

Каждый человек должен уметь точно, кратко и красочно выражать свои мысли. Именно этому и учит учебный предмет, который называется риторика, ораторское искусство или русское красноречие.

Итак, умение говорить хорошо по-русски необходимо всем, но особенно деловым людям: депутатам, министрам, руководителям, ученым, журналистам, а также родителям, учителям-преподавателям, ученикам-студентам, наконец, просто собеседникам.

Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что *если бы все студенты и учащиеся любых учебных заведений страны хотя бы в малой степени овладели риторикой как учебной дисциплиной, то общий показатель культуры в России поднялся бы, как минимум, на один «балл» за счет того, что логичность, краткость ответа и достоинство отвечающего в момент речи подчеркнули бы знание им предмета, владение ситуацией, знание основ теории и практики заданного вопроса, даже общий кругозор говорящего.*

Конкретно владение данным предметом поможет каждому человеку:

- нанимаясь на новую работу, уметь так рассказать свою биографию начальнику, чтобы тому захотелось немедленно принять говорящего в число своих сотрудников;
- рассказывая новому коллективу свою биографию, заявить о себе как о человеке, с которым интересно и приятно говорить;
- получив от начальника задание на выполнение срочной работы, сделать ее и отчитаться о ней так, чтобы начальник издал приказ о немедленном повышении отчитавшегося с соответствующим увеличением должностного оклада.

УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА «РИТОРИКА»

Риторика как учебный предмет отличается от многих других предметов тем, что владение большинством из них связано со знаниями, а риторика — еще и с умениями.

Действительно, если, скажем, кто-нибудь не знает, когда умер Петр I или А.С. Пушкин, то две даты — 1725 и 1837 гг. восполнят им этот пробел в знаниях.

Если же кто-то не владеет приемами выступления перед аудиторией, то одного перечисления нужных правил для него недостаточно: нужно длительное время для овладения этими умениями, навыками. **Овладение практикой русского красноречия построено на знаниях, умениях, навыках, на длительной практике выступлений в различных аудиториях, в частности.**

Вот поэтому и по многим другим причинам, о которых мы здесь не упоминаем, риторика восстановлена с 1994—95 учебного года как школьный учебный предмет в 8—9 и 10—11 классах российских средних учебных заведений с гимназической программой гуманитарных предметов. Став на этот путь, мы возвращаемся к дореволюционным временам, когда риторика широко преподавалась в гимназиях и университетах.

Этот предмет и сегодня широко изучается за рубежом. Так, в Европе и в Америке самые современные направления ораторского искусства восходят к классической риторике, претендуя не без основания даже на роль общей методологии гуманитарных знаний. Одновременно за рубежом возрастает и роль ораторской практики, под которой с полным правом можно понимать практическую и каждодневную речь в учебном заведении, на собрании и даже на улице. Любой выпускник среднего учебного заведения в развитых странах зарубежья получает определенную риторическую практику, основанную на знании теории. Это может быть краткий курс речевого мастерства, в котором ученики (слушатели) только знакомятся с общими закономерностями подготовки к публичному выступлению, только начинают освоение основ делового общения. А может быть и длительное обучение в специальных школах по подготовке профессионально ориентированных ораторов и раторов.

Общая практика овладения и владения профессиональным ораторским мастерством постепенно становится во всем мире неотъ-

емлемым элементом подготовки специалистов практически любого производственного профиля. К ним в первую очередь относятся различные социальные профессии: дипломатия, юриспруденция, педагогика, медицина, торговля, психология, все служащие социологических служб, работники муниципальных организаций, библиотек, секретариатов и пр. При подготовке этих специалистов курс риторики должен стать обязательным.

В Программе, утвержденной Министерством общего и профессионального образования (М.: «Просвещение», 1994), имеется подзаголовок — «От мысли к слову», отражающий особенность современной российской риторической педагогики. У каждого человека мысль связана со словом и, следовательно, если у него нет мыслей, то не найдется и слов. А если слова все же возникают, то это будет то, что в народе называется болтовней и даже «лишней тратой времени без пользы и без удовольствия».

Итак, тот предмет, который называется «Риторика — Ораторское искусство — Русское красноречие» или, на современном языке, «Речь и логика делового партнера», нужен всем. Но беда заключается в том, что пока, к сожалению, далеко не все еще эту мысль осознали, не для всех она стала в полной мере очевидной.

Будем надеяться, что становление этой идеи в умах нашего народа осуществится с такой скоростью, с какой бы всем нам этого хотелось. Надеемся также, что данное пособие сослужит на этом пути свою, пусть невеликую, но достойную службу.

Древние спрашивали: откуда берутся взрослые, не умеющие говорить в публичной аудитории, откуда появляются люди с примитивным мышлением, не умеющие связать двух слов, о трех словах — речи нет? Сами же древние ораторы и отвечали: «Они вырастают из детей, только из детей!»

Следовательно, курс «Риторики — Ораторского искусства — Русского красноречия — Речи делового партнера» может помочь школе в обеспечении более высокого ораторского, общекультурного и, наконец, интеллектуального развития учащихся.

Заметим, что в современной средней и высшей школе нашей страны умственное развитие части учащихся осуществляется в некоторой степени стихийно, в том смысле, что преподаватель большую часть времени и внимания вынужден уделять отстающим, а наиболее одаренные нередко бывают предоставлены сами себе. Поэтому аттестат (диплом) выдается всем, а потом выпускник

сталкивается с тем, что не может толково рассказать о собственных планах в дальнейшей жизни, подготовить грамотное ораторское выступление на заданную тему.

Итак, задача заключается в том, чтобы выйти за пределы заданного учебного объема; может быть, задача выхода за рамки привычного объема — одна из основных не только для отдельного человека, но и для всей нашей школы в целом.

Пособие составлено на основе теоретических исследований, монографий, книг по истории ораторского искусства, а также многолетнего опыта чтения автором спецкурсов по риторике разного объема и протяженности в Мурманске и Одессе, Москве и Барнауле, Калуге и Караганде, Перми, Свердловске и других городах. Автору приходилось работать с разными контингентами слушателей — от студентов высших и средних учебных заведений до дипломированных учителей, опираясь на их специализации (учителя литературы и русского языка, учителя истории, географии и т.д.), с журналистами, депутатами, руководителями предприятий.

В современных условиях, на наш взгляд, оптимален объем курса в 98 часов со следующей тематикой и сеткой часов (см. таблицу).

Объем курса может быть уменьшен или увеличен по договоренности с администрацией учебного заведения (в основном за счет деловых игр, на которые приходится более половины общего количества часов).

Для занятий должно быть предусмотрено наличие следующего технического оборудования:

- песочные часы (на 5 минут) — для каждого слушателя. Они, как правило, не могут быть заменены современными механическими и другими часами, поскольку позволяют осуществлять на зачетных занятиях визуальный контроль всем слушателям по одному источнику информации;
- 2—3 магнитофона, что позволит демонстрировать говорившему его речевые недостатки, ораторские успехи и индивидуальные задания;
- видеомангитофоны, которые фиксируют на пленку не только звуковые, но и визуальные личностные особенности ораторов;

УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА «РИТОРИКА»

Таблица 1

Тема	Количество часов		
	Лекции	Семинары	Деловые игры
1. Предмет и задачи курса	2	—	На одну группу в 10 человек. Сюжеты деловых игр описаны в соответствующем разделе. На каждую игру от двух до четырех часов (редко больше)
2. История ораторского искусства	2	2	
3. Теория массовой информации	2	2	
4. Логика как средство воспитания культуры мышления	2	2	
5. Психологические особенности ораторской речи	4	4	
6. Выразительные средства и приемы риторики	4	4	
7. Техника речи и культура оратора	2	2	
8. Методика подготовки к выступлению	2	2	
9. Процесс публичного выступления, этика	2	2	
10. Ответы на вопросы	2	2	
11. Методика рецензирования выступления	2	2	
12. Заключительная лекция	2	—	
Итого:	28	18	50
Всего:	96		

- специально подготовленные учебные аудиопленки по отдельным темам учебного курса для демонстрации на занятиях (особенно на деловых играх). К ним примыкает демонстрация выступлений известных личностей (государственных деятелей, деятелей культуры и искусства и пр.);
- специальная литература, список которой прилагается в конце пособия.

Пособие состоит из **четырёх частей**. В **первой части** (Теория) рассматриваются некоторые общие вопросы теории, без которых трудно освоить в полной мере содержание курса.

Во **второй части** (Хрестоматия) представлены тексты (классические и о православии) и вопросы к ним.

Третья часть (Экзерсисы) содержит деловые игры, упражнения. Здесь предложены образцы, которым нужно и полезно подражать; примеры, которые можно анализировать и оценивать; несколько интеллектуальных риторических игр, призванных помочь желающим выйти за границы общего школьного или вузовского объема.

Представленные в пособии задания сопровождаются контрольными вопросами, ответами, авторскими примечаниями и комментариями.

В **четвертой части** пособия (Анналы) приведены дополнительные материалы, которые в немалой степени смогут удовлетворить творческие пожелания читателя.

При цитировании текста указываются имя автора первоисточника и сам источник заимствования. Во второй части полностью соблюдено требование Закона РФ об авторском праве и смежных правах, согласно которому возможно «цитирование в оригинале и в переводе... произведений и отрывков из них в качестве иллюстрации в изданиях... учебного характера в объеме, оправданном поставленной целью».

Словарь, помещенный в конце пособия и содержащий более 600 слов-терминов, состоит из трех разделов: «Техника речи / Лекиф», «Культура оратора» и «Имена».

Есть немало свидетельств того, что риторика — дисциплина в некоторой степени таинственная, не поддающаяся полному и точному описанию, что характерно для многих видов искусства (живописи, скульптуры и пр.). А именно все люди говорят по-разному, как все художники пишут свои картины не одинаково, важно научить и тех и других делать это так, чтобы результат был стройным, ярким, красочным, отличающимся от других и подобных.

Этой цели и посвящает свою работу автор настоящего пособия.

В заключение хочется высказать особую благодарность моим рецензентам:

учителям-профессионалам *С.М. Ивкиной* и *Е.М. Солонову*,
кандидатам филологических наук, доцентам *Л.И. Алексеевой*,
Н.Ю. Штрекер, *М.П. Тоболовой*.

Спасибо всем коллегам, способствовавшим выходу в свет настоящей книги.

Оратор есть тот, кто любой вопрос изложит со знанием дела, стройно и изящно, с достоинством при исполнении.

Марк Туллий Цицерон

ВВЕДЕНИЕ

Умение говорить хорошо необходимо всем, каждый человек должен уметь точно, кратко и красочно выразить свои мысли, быть оратором.

В основе слов **ОРАТОР**, **ОРАТОРСКИЙ**, **ОРАТОРИЯ**, **ОРАРЬ**, **ОРАНТА** и некоторых других лежит **ОРИС**.

ОРИС (лат.) — рот.

ОРАТОР (от лат. *orare* — говорить) — 1) лицо, произносящее речь, 2) красноречивый человек, владеющий мастерством слова.

ОРАТОРСКИЙ — 1) относящийся к оратору, 2) соответствующий требованиям красноречия, красноречивый.

ОРАТОРИЯ (от итал. *oratoria*) — крупное музыкальное произведение для хора, солистов, написанное на драматический сюжет и предназначенное для концертного исполнения.

ОРАРЬ (или **ОРАРИЙ**) — часть облачения диакона, перевязь, расшитая крестами и надеваемая на левое плечо.

ОРАНТА (лат. *orans* — молящийся) — изображение молящейся фигуры.

В средние века сложился канон изображения Богоматери, получивший наименование иконографического типа, согласно которому некоторые иконы стали называться «Богоматерь-Оранта» в отличие от других, тоже весьма известных, например, «Одигитрия» (по-греч. — путеводительница).

ОРАТОРСКАЯ ПРОЗА — живая речь, получившая художественную обработку. Издревле различались несколько форм красноречия: речи торжественные, судебные, политические, проповеди, поучения, бытовые (например, за столом, на похоронах и пр.) и т.п. С развитием радио и телевидения появились новые формы бесед, диспутов, интервью.

Под термином *риторика*, как правило, понимается теория красноречия, сама наука о красноречии, исследование теоретических основ ораторского искусства, курс обучения красноречию.

Тщательная и длительная подготовка к публичному выступлению приводила к абсолютной популярности ратора в народе. Поэтому, например, в Древней Греции юноши, которым исполнялось 18 лет, поступали в школы, в которых изучали риторику, философию, военное дело и другие науки, важные для того времени. Такие школы назывались «эфебиями», ученики — «эфебами», и только после окончания школы, рассчитанной на два года занятий, они становились полноправными гражданами Греции. Особенно распространены были такие школы в Афинах и в Спарте.

Итак, как древнейшая наука и искусство риторика существует с дохристианских времен. Среди знаменитых ораторов и риторов известны имена многих древних авторов. Для античности существовал свой речевой идеал, выразителями которого были Гомер, Сократ, Платон, Аристотель, Цицерон и др. Иным был риторический идеал раннего христианства, зафиксированный, например, в Библии, в Нагорной Проповеди, где выделены в качестве образца для подражания кротость, миролюбие, сдержанность, стремление возлюбить своего ближнего.

Русский речевой идеал связан с именами многих выдающихся деятелей государства и культуры, среди которых наибольшую роль сыграли М.В. Ломоносов, написавший свое «Руководство», А.В. Суворов со своей «Наукой побеждать», В.Г. Белинский, а также учебники риторики А.Ф. Мерзлякова и Н.Ф. Кошанского. Нет нужды продолжать этот список, но нельзя не вспомнить вклад в становление русской речи А.С. Пушкина, его предшественников и последователей. Отдельной строкой скажем о судебных ораторах России — А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако и других.

У специалистов по риторике есть термин: «**умение держать тему**», т.е. не сбиваться с главного вопроса на второстепенные или вообще не относящиеся к теме, не потеряться в примерах, забыв о названии темы. Это также **умение не подменить серьезность проблемы мелкими и некорректными нападка**ми на конкретную личность, умение быть логичным, кратким, сдержанным, уважительным и доброжелательным по отношению к оппонентам, к разным точкам зрения и к аудитории в целом.

Очевидно, что для достижения таких целей нужно серьезно заниматься риторикой, тренироваться в произнесении речей, пусть сначала маленьких и на бытовые темы, затем — более сложных и длительных по регламенту. Нужно понять, что выход за рамки темы происходит, как правило, по двум причинам:

- неумение говорящего вести серьезную и профессионально организованную беседу на заданную тему. В риторике такое явление называется **«паралогизм»**, под которым понимается появление как бы второй, ложной, линии рассуждения, все более отдаляющейся от главной логической канвы беседы. Преодолеть «паралогизм» можно лишь длительной и кропотливой работой по повышению риторического мастерства самого оратора, становлению его в Оратора;
- нежелание говорящего вести серьезно и профессионально организованную беседу на заданную тему. В риторике это явление называется **«софистика»** или «софизм». Под ним подразумевается стремление оратора увести слушателя к умышленно ложным умозаключениям, основанным на естественном, природном различии в понимании сложных вопросов беседы, на двусмысленности понятий, на выхватывании отдельных сторон рассматриваемого явления (вопроса, тезиса, темы и пр.).

В русском переводе популярной детской книги Киплинга «Маугли» среди ее животных-героев действует и стая обезьян — «бандерлогов». Не напоминает ли нам манера некоторых ораторов повадки «бандерлогов», оперирующих в критических ситуациях спора не монологами, не диалогами, а криком, бессмысленным и максимально громким, когда спорящие не слушают друг друга, стараются выяснить не то, что их объединяет, а то, что их разъединяет?

Для человека монолог —
Основа рассуждения,
А добрый, честный диалог
Раскроет все сомненья...
Я вижу «бандерлогов» там,
Где люди суетятся,
Кричат все хором, злобный гам
Толкает их подрасться.
У «бандерлогов» есть мечта —

ВВЕДЕНИЕ

Болтать, искать изъяны,
Считать, что глуп и тот и та... —
Так спорят обезьяны.

Единственная возможность для оратора избежать «эффекта бандерлогов» заключается в повышении собственного ораторского мастерства. А ораторское мастерство опирается на общий уровень культуры говорящего, на его знания теории и практики ораторского искусства, на постепенное формирование ораторской эрудиции. Это понятие может рассматриваться как в самом широком смысле, так и в узком, от понятия «эрудированный оратор» до понятия «эрудированный человек». Первое понятие шире второго, поскольку оратор не только владеет нужной для данной аудитории информацией, но и может донести эту информацию до слушателей.

Не случайно в устном рассказе И.Л. Андроникова «Первый раз на эстраде» есть яркая фраза, которой автор характеризует одного из своих персонажей — лектора Ленинградской филармонии: «Он дурно знает свой предмет и еще хуже говорит о нем».

Итак, чем характеризуется речь опытного оратора, какими особенностями она отличается от речи общей массы говорящих, которые никогда не занимались риторикой как учебным предметом?

Попытаемся прояснить два указанных И.Л. Андрониковым аспекта:

- что означает: знать свой предмет «недурно»,
- как научиться говорить о нем лучше.

В этих специальных и специфических знаниях, умениях и навыках сокрыто таинство риторики — одновременно

и науки
и искусства.

ЧАСТЬ I

ТЕОРИЯ

Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово.

М.В. ЛОМОНОСОВ

Эрудиция — это память,
а память — это воображение.

М. Жакоб

ЭРУДИЦИЯ

Начнем с примеров.

Первый пример. На трибуну поднимается оратор, выдвигающий себя в Государственную Думу, и начинает свою речь так:

— Я, конечно, так сказать, человек, который более аккуратнее, нежели чем другие, которые, понимаете, все еще не могут заныть, понимаете, свои места в зале...

Второй пример. Закончив выступление, оратор отвечает на вопросы.

— А что Вы читаете в свободное время?

— Вчера читал статьи Бодлера об искусстве. Был во Франции такой хороший парень, который считал, что дендизм — высшее проявление романтизма...

Первый пример взят из «густой» летописи предвыборных собраний конца 1995 г., второй — помещен в те же дни в «Комсомольской правде» (15 дек. 1995, №230). Совпадающие по времени примеры разительно отличаются эрудированностью говорящих. Можно даже предположить, что между собой они общаться не смогут или будут делать это с большим трудом, поскольку не совпадают их интересы, владение нормами русской речи. Более того, первому оратору понадобится некоторое время, чтобы освоить новые для него понятия, особенно «дендизм». Но и второй оратор, услышав начало речи первого, едва ли будет внимательно слушать ее продолжение.

Кратко проанализируем оба примера.

Неграмотность первой фразы видна сразу. Но на всякий случай укажем на ошибки: 1) слова «конечно», «так сказать», «по-

нимаете» (два раза) — лишние, слова-«паразиты»; 2) в сочетании «нежели чем» нужно использовать только одно из этих слов — или «нежели», или «чем»; 3) в слове «занять» ударение должно стоять на «я», — «занЯть»; 4) «более аккуратнее» сказать нельзя, нужно или «более аккуратный» или «аккуратнее»; 5) вся фраза, содержащая фонетические, грамматические, синтаксические, стилистические ошибки, смешна и нелепа в целом. Услышав ее в начале выступления, невозможно подумать о том, что в самом выступлении будут интересные мысли, которыми оратор сможет поделиться с аудиторией, предлагая себя в Думу и излагая программу собственного видения в развитии всей страны. Человек, владеющий русской речью на уровне этого кандидата в депутаты Думы, не в силах заниматься государственным законотворчеством по причине собственной малой эрудированности.

Второй ответ — про Бодлера — принадлежит известному современному певцу и музыканту Юрию Шевчуку. О нем немало пишет современная печать, говорит радио и телевидение, широко передавая его устные и музыкальные выступления.

Итак, перед нами два различных уровня эрудированности ораторов. Но и аудитория у этих выступающих тоже не может быть однородна. И у первого и у второго в зале найдутся люди, которым выступление не понравится. Первого — из-за чудовищно неграмотной фразы, второго — по причине того, что немногие слушатели вспомнят цитату из А.С. Пушкина («как денди лондонский одет») и не смогут соотнести термины «романтизм» и «дендизм».

Что же такое эрудиция с общепринятой точки зрения?

В русском языке нет такого слова, которое могло бы в полной мере соответствовать этому термину, настолько оно объёмно и всеохватывающе. «Эрудицию» на русский язык приходится переводить описательными конструкциями, например, «знающий, опытный, хорошо владеющий определенным материалом, достигший на пути познания выдающихся успехов» и пр. Характеристика кого-нибудь как человека «эрудированного» может восприниматься как наивысшая похвала, более высокая, чем в словах «этот человек компетентен».

Эрудиция (от лат. *эрудицио* — ученость, познания) — **глубокие всесторонние познания, широкая многосторонняя осведомленность о многих вещах, явлениях, в широком смысле — обо всем.**

Эрудиция — капризная Дама, и хорошо, если она находится около оратора, помогая ему, демонстрируя аудитории его культуру, кругозор, познания в теории риторики и в умении пользоваться ими на практике. Куда хуже, если оратор начинает речь, а эрудиция не только отсутствует, но аудитории становится ясно, что она рядом с ним никогда не стояла, да, видимо, и не будет, она с кем попало под руку на трибуну не пойдет.

Поэтому перед начинающим оратором стоят две задачи — подружиться с Эрудицией и попросить ее о помощи. Если же первая задача достигнута, то на вторую Эрудиция, как правило, соглашается без особых капризов.

ЧТЕНИЕ

За последние годы в методике обучения чтению сформировалось понятие «зрелого чтеца». **Люди читают, чтобы получать информацию.** В школе обучают только одному виду чтения — изучающему, о других видах в школе, как правило, неизвестно. Но зрелый чтец владеет несколькими видами, меняя их в зависимости от изменения цели в получении информации. Ясно, что речь идет о чтении про себя, поскольку вслух люди читают в основном в трех случаях: с учебной целью (на уроке, при подготовке к экзамену, для группы учащихся и т.п.), если слушатель не может читать сам (ребенок, больной и пр.), с эстрады (художественное чтение, репетиции и т.д.).

Предполагается, что зрелый чтец владеет следующими видами чтения и свободно переходит от одного вида к другому по мере надобности.

- *Изучающее* чтение — понимание до 100% информации при скорости не менее чем 60 слов в минуту. Сам термин показывает, что чтец желает изучить текст, ничего в нем не пропуская. Так читаются учебники.
- *Ознакомительное* чтение — понимание до 70—75% информации при скорости в 120—150 слов/мин. Термин поясняет: цель чтения — знакомство с информацией, при которой второстепенные детали могут быть отброшены как незначительные. Так обычно читаются детективы, фантастика и т.п. Для такого вида чтения самым главным является сюжет, его развитие, поступки действующих лиц.
- *Просмотровое* чтение — понимание до 25—30%, а иногда и до 15% при скорости чтения до 300—500 слов/мин. Таким чтением просматриваются газета, книга в магазине, когда

читатель решает вопрос о желательности покупки книги в личное владение.

Эти виды могут следовать друг за другом в любом порядке при чтении одной и той же статьи (книги), в зависимости от интереса, который статья (книга) представляет собой для читателя. Чтец читает то медленнее, то быстрее, то более подробно понимая текст, то менее детально.

Есть еще один вид чтения — *поисковое*, когда читателю нужно найти в тексте заинтересовавшее его (при просмотрном или ознакомительном чтении) место, и он хотел бы перечитать его еще раз.

Все эти виды чтения объединяются тем, что чтец читает не только про себя, но и для себя, для своей собственной надобности. А прочитанное оставляет в себе, никому о нем не рассказывая.

- *Реферативное чтение* — это наиболее творчески оформленный вид, когда чтец читает для того, чтобы рассказать о прочитанном другим людям. Здесь нет и не может быть показателя скорости и процента понимания, поскольку перед чтецом стоит совершенно другая цель: выбрать из статьи, книги главное, суммировать основное (развитие сюжета, характеристику главных действующих лиц и т.п.), чтобы сообщить об этом слушателям в логичном изложении (в реферате по отдельному и специально подготовленному плану). А план, в свою очередь, многократно переделывается и совершенствуется.

Так чтец становится зрелым чтецом и постепенно превращается в оратора, а затем и в Оратора.

Таким образом, школьное домашнее задание — «прочитать от сих до сих и пересказать своими словами» постепенно превращается в методические рекомендации «О правилах работы с литературой».

Эти рекомендации обычно пестрят указаниями типа: «нужно глубоко раскрыть», «следует четко проанализировать», «необходимо концептуально подойти», «обязателен тщательный и логичный ответ на вопрос о...» и т.п. Но творческий аспект в работе оратора, отход от буквального пересказа текста не являются на следующий день после того, как человек начал свое восхождение к вершинам красноречия. Поэтому указания, помещенные выше,

непонятны недостаточно подготовленному в риторике оратору. Предварительно он должен пройти несколько кругов самообразования, тогда, может быть, приобщится к правильным в целом указаниям методистов.

«Самостояние человека — залог величия его», — скажет поздний Пушкин. Но он вынес начало своего «самостояния» из своей семьи и из лица. Нам — труднее. Приходится все делать самим. Будем надеяться, что один из начальных кругов самостояния желающие смогут пройти в рамках пособия по обучению риторике, не обязательно этого, можно и любого другого. Но нет сомнений, что риторика — один из предметов, который такое самостояние воспитывает.

Правила работы с литературой при подготовке плана выступления (и его содержания) в целом весьма просты. Им учат в школе, начиная с третьего класса. **Нужно научиться выделять главное в статье, в абзаце.** Научиться выделять главное на фоне второстепенного — основа основ для молодого (да и любого) оратора. Далее, **нужно научиться делить текст на смысловые единицы, отвечающие главным его идеям.** Если нужно законспектировать статью, то лучше не переписывать ее, а сгруппировать нужный материал вокруг основных вопросов. Это поможет оратору осмыслить для себя логику развития главной идеи (идей) текста. Одновременно следует приучить себя к тому, что нужно не жалеть времени на уточнение непонятных слов и терминов (в том числе иностранных) по словарю.

Важный пример. Молодой оратор готовит реферат о Цицероне. У нас о нем обычно все знают только то, что он жил-был. Подробности жизненного пути этого великого государственного деятеля и оратора Древнего Мира мало кто знает. Докладчик приходит на консультацию с вопросом: куда (по его плану) вставить цитату о гибели Цицерона, которая звучит так:

Подспели солдаты. Даже они отвернулись, чтобы не видеть, как Геренний убивает Цицерона. Он отрубил голову и руки убитого; их доставили Антонию, и он велел выставить их на рострах. Цицерон был убит 7 декабря [43 года до н.э.] (*П. Грималь.* Цицерон. — М.: Молодая гвардия, 1991. — С. 487).

ТЕОРИЯ

После длительных размышлений было решено оставить эту цитату для ответов на вопросы, а из основного материала изъять. Практика показала, что решение было верным.

Далее мы переходим к такой яркой теме, как «цветы» красноречия. Именно они нередко позволяют объективно судить о профессиональной квалификации оратора.

Остроумие и вкус воспитываются только в кругу лучшего общества; а многие ли из наших писателей имеют счастье принадлежать к нему?

А. С. Пушкин

«ЦВЕТЫ» КРАСНОРЕЧИЯ

«Цветы» (в нашем случае) — это все то, что украшает выступление оратора. Подробный учебный материал по этой теме находится в разделе деловых игр, которые распадаются на многие подразделы. Там речь пойдет об умениях, здесь — о знаниях.

Остроумие, вкус, умение пользоваться поговорками, пословицами, приемами ораторской речи — первый признак оратора, грамотного в теории риторики. Не перечисляя всех приемов, которые названы в учебном материале министерских программ, остановимся на главном.

А.С. Пушкин прав, воспитание писателя (для нас оратора) зависит от «лучшего общества». Поэтому счастливы те люди, которые могут сказать, что первые уроки языковой культуры они получили дома, что старшие в доме говорили на таком русском языке, который является языком Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского...

Вспомним, что А.С. Пушкин закончил Лицей, созданный по подобию Ликей античных времен, а первый из Ликеев был основан еще Аристотелем за триста с лишним лет до Рождества Христова. Один из пушкинovedов пишет:

Не надо забывать и положительных знаний и навыков, вынесенных Пушкиным из Лицея: он был несравненно грамотнее Лермонтова, я уже не говорю о Гоголе; он вышел из Лицея с порядочным запасом сведений по мифологии и истории, по русской литературе и выучился по-латыни: по крайней мере, на юге он читал Овидия в подлиннике, а, поступая в Лицей, читал Вергилия во французском переводе (*Скатов Н. Русский гений.* — М.: Современник, 1987, С. 63).

В Лицее пушкинских времен давали широкое гуманитарное образование при ежедневных семи часах занятий, при этом не забывали и математику с дифференциалами и интегралами, почти профессионально обучали рисованию и музыке, фехтованию, верховой езде, танцам и пр. Все это позволило поэту написать об Онегине:

Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал.

Надо думать, что сам поэт читал и одного и другого, поскольку в Лицее античность впитывалась не только в «классах» и домашних заданиях, она входила в обиход, в повседневную систему мышления и существования. А глубоко артистичная натура поэта умела сочувствовать Древнему Миру и понимать его.

Отсюда вывод. Если оратор за время своего выступления не использовал ни разу ни одного «цветка» для украшения собственного устного творчества, то впечатление от его выступления снижается. Поэтому полезно устраивать отдельные учебные деловые игры на знание пословиц, поговорок, анафор, градаций (нанизываний), гипербол (литот), на создание в канве выступления юмористических моментов, инверсий, т.е. всего того, что делает выступление нарядным, того, что для Цицерона заключалось в одном слове — «изящно».

А как, право же, бывает «изящно» вставить в свою речь русскую пословицу или поговорку к месту, да такую, которая не очень и известна в широкой аудитории. Говорят, что Владимир Иванович Даль, составитель популярнейшего словаря и друг А.С. Пушкина, любил в свое смутное время повторять такие слова: «Времена шатки — береги шапки» (*Порудоминский В.* Жизнь и слово. — М.: Молодая гвардия, 1985. — С. 165). Ну как не вспомнить об этом и в наши дни!

Владимир Иванович Даль (1801—1872) — в молодости морской офицер, потом дипломированный врач, писатель, лексикограф и этнограф, генерал статской службы, член-корреспондент и Почетный академик Петербургской академии наук, писавший под псевдонимом «Казак Луганский», присутствовавший при последних днях жизни А.С. Пушкина, всю жизнь занимался тем, что находил и публиковал тот материал русского языка, который

является его общенациональным украшением. У Даля было особое отношение к иностранным словам. Он полагал, например, что нет нужды использовать иностранные слова там, где можно употребить русские. Вместо слов — моральный, оригинальный, натура, артист, грот, пресс, гирлянда, пьедестал (и множества других) можно сказать по-русски — нравственный, подлинный, природа, художник, пещера, гнет, плетеница, подножье...

Убедительно оригинален был этот русский человек — Владимир Иванович Даль! Каков был бы сегодня русский язык, если бы пожелания Даля о замене слов иностранных на русские (при наличии их полных эквивалентов) были проведены в жизнь. Тогда сегодня мы не знали бы таких слов: климат, адрес, атмосфера, гимнастика и гимнаст, автомат..., а говорили бы: погодье, насыл, колоземица или мироколица, ловкосилие и ловкосил, самодвига... Современники обвиняли Даля в том, что он сам «сочиняет слова для своего словаря». Он их не сочинял, а «подслушивал» где-нибудь в глубокой провинции: именно так говорил там народ, а он только записывал слова и работал над словарем всю свою жизнь. Со словом «добро» Даль нашел шестьдесят пословиц и поговорок, а со словом «глаз» — сто десять.

Как в целом можно объяснить, почему одно иностранное слово остается в русском языке, а другое — нет? Например, все говорят сейчас «рэкетир», а не — «вымогатель», но, как правило, человек скажет — «качок», а не «культурист». Тайны языка, загадки его развития действуют на нас и по сей день.

Одним из любимых занятий Л.Н. Толстого было чтение Дале-вых словарей и сборников (поначалу Даль издавал свой словарь отдельными выпусками). Для образа Платона Каратаева Толстой взял у Даля семьдесят пословиц, а в окончательный текст романа включил только девять...

В данном пособии А.С. Пушкин не раз указывается в качестве образца для подражания. А.Н. Островский писал о А.С. Пушкине так:

Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет все, что может поумнеть. Кроме наслаждения, кроме форм для выражения мыслей и чувств, поэт дает и самые формулы мыслей и чувств.

Богатые результаты совершеннейшей умственной лаборатории делаются общим достоянием. Высшая творческая натура влечет и подравнивает к себе всех. Поэт ведет за собой публику в незнакомую ей страну изящного... (Островский А.Н. Застольное слово о Пушкине // Светлое имя Пушкина. — М.: Правда, 1988. — С. 136).

«Цветы» красноречия, умение говорить изящно осваиваются и формируются последовательно и постепенно. Практическая сторона этого феномена рассматривается в разделе деловых игр, которые мы называем «подготовительные». Мысль о важности того, что нужно формировать умение изъясняться красноречиво, проходит через все пособие. Ритору следует обращать внимание на то, чтобы ученики ставили себе такую цель при любом учебном выступлении.

Начинающий оратор фиксирует свое внимание не только на содержании речи, но и на ее оформлении, на том, что Цицерон и Пушкин называют «изящно», а мы сравниваем с высшей формой словесного творчества, присущей, например, такому выдающемуся рассказчику, как Ираклий Луарсабович Андроников. Мы еще поговорим об этом в разделе о прослушивании эталонных образцов.

Назовем некоторые ораторские возможности, которые могут оживить выступление, сделать его более наглядным, ярким, запоминающимся.

Юмор и остроумие. Разница между ними заключается в том, что юмористические моменты, места в ораторском выступлении можно и нужно готовить заранее. В процессе подготовки следует найти то предложение, ту фразу, то сравнение, которые могли бы соответствующим образом воздействовать на слушателей. Трудно рекомендовать для этой цели конкретное сочетание, подходящий сюжет. Этот прием остается за самим оратором.

Остроумие невозможно заготовить заранее, яркие искорки этого важнейшего свойства человеческого интеллекта проявляются спонтанно, неожиданно, нередко как бы помимо воли говорящего.

В целом, если некий человек придумывает анекдоты, то он остроумен, если он сам ничего придумать не может, но во мно-

жестве записывает анекдоты в специальную книжечку, а потом удачно использует их в подходящий момент, то этот человек не лишен юмористического подхода к реальности.

Оставим этот раздел без примеров, проявив тем самым элемент остроумия при описании «цветов» нашего пособия.

Пословицы и поговорки. Можно рекомендовать каждому оратору иметь некий набор русских и иностранных образцов народного творчества. Полезно составить для себя такой список, обновляя его время от времени. Например:

Используются часто	Используются редко
Хорошо смеется тот, кто смеется последним Чему быть, того не миновать Что имеем — не храним, потерявши — плачем Цыплят по осени считают	Хорошо поешь, где-то сядешь Шерсть стриги, а шкуру не дери Хлеба край, так и под елью — рай Хоть нагишом, да с палашом

Список подходящих для себя пословиц и поговорок каждый оратор может продолжить самостоятельно.

Что касается зарубежных, то они нередко придают сюжету оригинальный местный колорит, который пословица в русском варианте передать не в силах.

Например, арабская поговорка «Если тебе не везет, то и на верблюде собака укусит» соответствует русской: «Счастье было, да сплыло», но опирается на местные реалии и предпочтительнее для выступления на темы о Востоке.

Среди других «цветов» можно назвать:

Использование цитат для:

- опоры на весомый авторитет,
- соблюдения чистоты обсуждения. Чтобы не допустить софизма (паралогии), полезно зачитать мнение оппонента, разворачивая собственное поле аргументации,
- создания эффекта присутствия в отдаленных местах, описанных известным путешественником и пр.

Демонстрация визуальных и аудитивных наглядных пособий, особенно выступлений, например, Д.С. Лихачева, И.Л. Андроникова и других корифеев русского красноречия.

Стилизация под речь персонажа, о котором ведется повествование, как в ее внешних проявлениях, так во внутренних (похожих мыслях, поступках, речевых оборотах и пр.).

Естественно, что все перечисленные приемы не должны становиться самоцелью, каждый из них следует использовать в оптимальном количестве при непременно высоком качестве исполнения.

Перечисленные приемы позволяют сделать **речь нарядной**. Здесь они указаны не все, некоторые встречаются в других разделах пособия, а немалое количество вообще не попало на его страницы.

Остается посоветовать всякому желающему творчески выполнять в своей риторической деятельности пробелы в данном пособии по части украшения собственной бытовой и ораторской речи.

ТРИ «ЗОЛОТЫХ» ПРАВИЛА РИТОРИКИ

Среди всех многочисленных правил риторики, которые сформулированы на сегодняшний день ее теоретиками и практиками, можно выделить три, являющихся наиболее существенными для начинающего оратора, пытающегося освоить риторические премудрости. Эти «золотые» правила таковы:

- тезис и лозунг,
- формула Цицерона,
- план и эпистема.

ТЕЗИС И ЛОЗУНГ

Выходя на трибуну, оратор должен полностью осознавать разницу между тем, что понимается в риторике под терминами «тезис» и «лозунг».

Тезис (греч.) — положение (мысль), которое автор или оратор намерен доказать, защитить или опровергнуть. Другими словами, **тезис есть мысль, которую следует обосновать**. Оратор, не знающий этого положения, не доказывает свои мысли, а только объявляет их, озвучивает с трибуны, поэтому нередко выступление оратора, мало подготовленного в риторике, сводится к выкрикиванию отдельных мыслей, даже слов, призывов и пр. при отсутствии элементарных попыток обосновать, доказать, логично подвести слушателей к нужным в данном случае выводам.

Это правило непосредственно связано с таким предметом обучения — наукой, известной со времен Древнего Рима и Древней Греции, как логика.

Обоснование логических принципов ораторского искусства выходит за пределы настоящей работы, поэтому ограничимся следующим. В логике есть несколько разделов, которыми должен владеть всякий опытный оратор, например:

- законы тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания,
- формы мышления в виде понятия, суждения и умозаключения,
- логический квадрат как норма отношений между суждениями,
- умозаключения на основе дедукции, индукции и аналогии,
- вопросы аргументации, убеждения, доказательства,
- понятие гипотезы, версии и полей аргументации.

Этот список можно легко продолжить, листая любой учебник формальной логики. Очевидно также, что логичность мыслей оратора становится доступной слушателям только после того, как оратор начнет говорить. Следовательно, логичность мысли проявляется только в речевой деятельности, т.е. связь между логикой и риторикой абсолютна и постоянна.

Термин «лозунг» содержит в себе понятие, едва ли не противоположное тому, что означает «тезис».

Лозунг (нем.) — **призыв, краткая, четкая, хорошо запоминающаяся фраза, не требующая никаких обоснований** или доказательств ни для говорящего, ни для слушающих. Например: «Да здравствует Первое мая!» или «Кадры решают все!».

Во все времена было, есть и будет немало ораторов, говорящих с высокой трибуны не тезисами, а лозунгами. В таком случае выступление сводится к выкрикам лозунгов, для решения которых сам автор не знает ни путей, ни средств, ни рецептов, пусть даже высказанных в самых общих чертах. Такое выступление может нравиться слушателям с невысоким уровнем образования, поскольку оратор старается воздействовать не на интеллект аудитории, а на чувства, оперировать не логическими, а эмоциональными категориями.

Систематические опросы среди различных слоев населения России, проводимые широко и подробно различными институтами (общественными центрами, организациями, фондами и пр.) в наши дни по поводу рейтингов государственных деятелей, де-

путатов Думы, членов Правительства, лидеров политических и иных партий, объединений и т.п., показывают, что аудитория (избиратели, слушатели и пр.) по-разному реагирует на ораторов — популистов, интеллектуалов, ортодоксов, радикалов или консерваторов.

Какие бы идеалы ни исповедовал оратор, он не может не считаться с тем, что такие понятия, как «пропонент», «оппонент», «аудитория», «спор», «обсуждение», «согласие», «консенсус», следует со слушателями обсуждать, принимать их во внимание, стараться обосновать свою точку зрения.

В целом разница между спором и обсуждением заключается в том, что при споре выявляется «победитель» в словесном состязании, в этом и состоит цель «спора», а при «обсуждении» его участники стараются отыскать «истину» как цель всего обсуждения вопроса (темы, проблемы и пр.).

Первое «золотое» правило риторики требует, чтобы оратор логично, умело и красочно доказывал в аудитории свои «тезисы».

Итак, если рассматривать известную русскую «мудрость», которая звучит так: «в споре рождается истина» с точки зрения теории и практики риторики, то оказывается следующее.

В «споре» истина не столько «рождается», сколько «вырождается», в «споре» один из участников одерживает победу не потому, что говорит умнее, убедительнее, а потому, что кричит громче, ведет себя агрессивнее. Истина в полной мере рождается в обсуждении, спор нельзя вести шепотом, а обсуждение допускает негромкие речи как пропонента, так и оппонента, высказывающих свои и различные точки зрения на обсуждаемый вопрос (проблему).

Всякий желающий убедиться в важности первого «золотого» правила для теории и практики риторики может прослушать, например, по телевизору выступления нескольких ораторов, принадлежащих к различным фракциям Думы, придерживающихся неодинаковых точек зрения по важным проблемам жизни страны. Сравнивая разных ораторов, нужно вычленив в их выступлениях те места в их речах, которые свидетельствуют либо об умении, либо о неумении доказывать свою точку зрения, аргументировать тезисы, опровергать чужие тезисы, аргументируя собственные антитезисы.

Оратор, не владеющий механизмами аргументации собственных тезисов, не может считаться оратором, грамотным с точки зрения теории и практики не только риторики, но и логики, и этики.

В хрестоматийном разделе пособия представлены речевые образцы (тексты) более чем двух десятков выдающихся ораторов (авторов) разных стран и разных эпох, придерживавшихся непохожих ораторских стилей. Для начинающего оратора полезно сравнить ораторское наследие этих авторов, отметить для себя те отличия, которые представлены в их произведениях, проанализировать те приемы, которые использованы ими для доказательства собственной точки зрения на обсуждаемую в данном случае проблему.

Такого же внимания заслуживают и следующие «золотые» правила риторики.

ФОРМУЛА ЦИЦЕРОНА

Эта формула вынесена в качестве эпиграфа к Введению в настоящем пособии. Она достойна того, чтобы воспроизвести ее еще раз. Марк Туллий Цицерон однажды сказал:

Оратор есть тот, кто любой вопрос изложит со знанием дела, стройно и изящно, с достоинством при исполнении.

Второе «золотое» правило риторики снимает вопрос о «судьях». Извечный вопрос, связанный с контролем, с оценкой, с взаимопониманием, снимается этой формулой Цицерона. Оценка любого устного выступления, увязанная с мнением Цицерона, позволяет опираться не столько на собственные знания, свой опыт, личный вкус, внутренний голос рецензента, сколько на мнение человека, ставшего в риторике авторитетом едва ли не абсолютным.

Итак, если перечитать формулу Цицерона, то можно обнаружить в ней пять составляющих, пять требований, которые автор считает нужным предъявлять к оратору.

Оратор есть тот, кто **любой вопрос** (требование 1)
изложит со **знанием** дела (2),
стройно (3А),
изящно (3Б),
с д о с т о и н с т в о м (4) при исполнении.

Эти пять требований к оратору лучше объединить в четыре раздела: (1), (2), (3А) и (3Б), (4). Стремление объединить «стройно» и «изящно» в 3А и в 3Б, а не оставить как 3 и 4, можно объяснить следующим образом.

В литературе есть понятие «медали», у которой всегда две неразрывные стороны — лицевая и оборотная, или аверс и реверс. Так и в данной части формулы Цицерона. Можно считать «стройно» и «изящно» по отдельности, но лучше этого не делать, поскольку они неразрывны и обращают наше внимание на две стороны одной медали, которые в теории риторики нередко обозначают как содержание (стройно) и форму (изящно).

Форма — слово латинское, и в словарях найдется до десятка его определений, из которых в данном случае наиболее подходит «наружный вид, внешнее очертание», которое в свою очередь обусловлено его внутренним содержанием. Таким образом, форма и содержание влияют друг на друга, находясь в сложной взаимозависимости.

Содержание — слово русское и означает единство всех элементов целого, его свойств и связей, существующее и выражающееся в форме и неотделимое от нее.

Не будем же и мы отделять форму от содержания, и наоборот, а следовательно, и стройное от изящного. Действительно, если ораторское выступление «стройно», то не стоит удивляться, что оно же и «изящно». Пожалуй, напротив: достойно удивления такое выступление, которое можно назвать стройным, но не изящным или изящным, но не стройным.

Теперь обратим внимание на первую составляющую формулы Цицерона: «**любой вопрос**» — в его изложении. Очевидно, что за те более чем две тысячи лет, которые прошли со времени жизни автора, мир сильно изменился, а вместе с ним и жизнь человека. Поэтому можно, видимо, сделать к первому требованию Цицерона такое примечание, которое никак не должно быть «исправ-

лением» его или «неуважением» к тому, что было Цицероном сказано.

Можно записать так:

Примечание к пункту 1: (по тематике оратора).

Тогда, не нарушая формулу Цицерона, мы бы могли поставить эти слова, взятые в скобки, после слов Цицерона «любой вопрос». Получилось бы: ... **«любой вопрос» (по тематике оратора)**... и дальше по тексту Цицерона.

Действительно, в наши дни ни один оратор не может одинаково успешно читать лекции, выступать с докладами «по любому вопросу» с высоким «знанием дела»... Но по той тематике, за которую этот оратор взялся, **он должен в ее рамках «любой вопрос со знанием дела»...**

Наконец, **«с достоинством»**... Как часто ораторы наших дней не в ладах с этим требованием Цицерона. Часто приходится видеть и слышать, что невозможность говорить «стройно и изящно» сопряжена с этической стороной в выступлении оратора: он невежлив, неприветлив, агрессивен, нередко вплоть до того, что переходит к физическому воздействию на оппонента, хватает его за одежду, за волосы и пр.

Возможно, что при чтении этих строк читатель сможет назвать сам для себя фамилии таких ораторов, сочетая их речи с их действиями, с их воззрениями, их поступки — с тем, что сказал об оценке ораторского выступления сам Марк Туллий Цицерон.

В хрестоматийной части пособия представлены тексты выступлений различных авторов с античных времен до наших дней. Хорошо было бы обратить на них внимание с той точки зрения, которую предлагает Цицерон в данном высказывании: анализировать каждый абзац, каждое предложение по всем пяти составляющим формулы Цицерона, а саму формулу взять в рамку, запомнить и считать за руководство к действию при оценке выступления коллеги или заезжего агитатора, собирающего голоса за своего кандидата, депутата, партийного лидера и т.п.

Если второе «золотое» правило риторики тесно связано с риторическими «цветами», риторическими тропами и фигурами, с манерой и стилем оратора, с мелодичностью его голоса и с темпо-ритмом его речи, то третье «золотое» правило — в наибольшей степени с первым.

Тезис (первое правило) выражается и преломляется в умении подготовить для выступления его творческий план (третье правило) в общем понятии риторической эпистемы.

По разделу «стройно и изящно» проходит линия между наукой и искусством, которыми разные авторитеты в риторике именуют саму ретиорику. Что же она являет собой в самом деле? Науку или искусство?

То, что «стройно», то наука.

То, что «изящно», то искусство.

Наука поддается регламентации, подчиняется законам, по которым действие может быть повторено на основании научных разработок, методик и пр.

Искусство не имеет строгих законов, все они приблизительны, личностны, повторение в рамках искусства называется копией. Хорошо для всего человечества, что все люди говорят по-разному, что художники, музыканты, писатели, поэты не похожи друг на друга, что ораторы представляют собой всю возможную гамму от «стройно и изящно», до оценок, прямо противоположных по всем показателям, сформулированным самим Цицероном. Впрочем, и в третьем правиле есть немало того, что идет от изящного искусства.

ПЛАН И ЭПИСТЕМА

Школьные практика и методика показывают, что искусству и науке написания плана своей письменной или устной работы ученики начинают обучаться с начальных классов. Практика вузов в свою очередь демонстрирует, что студенты подготовить такой план на научной творческой основе не могут, путаются в вопросах, не могут отличить главное от второстепенного, избежать повторений как в словах, так и в мыслях.

Будем исходить из того, что в формальной логике есть понятие *модальности суждений*. Введем понятие *эпистемической модальности*, под которой понимается выраженная в суждении информация об основаниях принятия и степени обоснованности самого понятия. Термин «эпистемический» восходит к греческому

слову «эпистема», означающему в античной философии высший тип несомненного, достоверного, абсолютного знания.

Таким образом, творческий процесс подготовки оратором своего предполагаемого устного выступления связан с обдумыванием как самих пунктов плана, так и всей совокупности его разделов, подразделов и пр., возможных вопросов аудитории, предполагаемых ответов оратора на эти вопросы. Другими словами, эпистемическая подготовленность оратора к выступлению предполагает, что он подготовился к акту выступления самым лучшим из возможных для него вариантов.

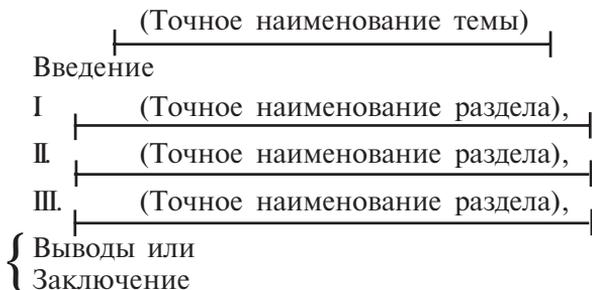
Тогда автор должен думать об обоснованности каждого сказанного им в процессе лекции слова, обосновывать каждое новое суждение уже безусловно обоснованными ранее, испытывать чувство уверенности в истинности каждого из суждений, излагаемых им устно перед аудиторией.

Все сказанное выше относится и к первому «золотому» правилу риторики.

Написание самого плана может быть многократным в том смысле, что автор будет много раз переделывать свой план, стремясь сделать его как можно более эпистемичным, т.е. доказательным во всех его составляющих аспектах.

Сам план может выглядеть, например, следующим образом. Этот пример может быть одним из вариантов конкретного плана выступления на конкретную тему, обдуманную автором заранее.

Знаком ┌───┐ , т.е. отрезком прямой, ограниченным с двух сторон, обозначим наименование темы выступления и наименование основных (главных) разделов плана. Тогда план может принять следующий вид.

Следует подчеркнуть, что:

1) любое наименование темы (раздела) будет понятнее для аудитории, если в нем будет немного слов, «чем меньше — тем лучше». Оратор, стремящийся к отказу от многословия (не говоря уже об отказе от слов-паразитов), осуществляет тем самым самоконтроль собственной риторической деятельности, что скажется благоприятно на общих результатах его выступления перед аудиторией;

2) основные разделы плана, обозначенные римскими цифрами I, II, III, могут делиться на более мелкие вопросы, обозначаемые арабскими цифрами (1, 2, 3, 4 и т.д.), а эти последние — на еще более мелкие, обозначаемые строчными буквами (а, б, в, г и пр.).

Тогда каждый раздел плана в развернутом виде может представлять собою следующее, например:

II. ────| 1) ────| а) ────| б) ────|
 2) ────| а) ────| б) ────| в) ────|
 3) и т.д. по всем подпунктам.

Закончим это рассуждение тем, что такой подробный, развернутый план выступления на практике нередко называют «план-гармонь», поскольку его можно «свернуть» или «развернуть» и «сыграть» по нему, как по нотам, «пьесу», обозначенную в заголовке ораторского выступления.

При таком подходе опытный оратор может не писать полный текст своего выступления, пользуясь на трибуне лежащим перед ним подробным «планом-гармонью». Малоопытный напишет полный текст, возьмет его с собой на трибуну, однако говорить лучше не читая текст, а ориентируясь в материале выступления по плану;

3) во Введении можно говорить о:

- а) том, чем примечательна предлагаемая оратором тема,
- б) том, чем притягательна предлагаемая тема для оратора,
- в) а также можно дать другое начало, придуманное самим оратором.

На практике бывают случаи, когда:

- тема важна, но оратору не очень приятна (и наоборот, вариантов может быть множество),
- тема не имеет глобальной значимости, но оратору важна по причине некоторых личных (семейных) особенностей (или другое сочетание общих и частных интересов),
- начало выступления связано с ярким, конкретным, узнаваемым для аудитории примером, дающим «запев» для всего последующего хода лекции (беседы, встречи и пр.);

4) всякое выступление опытный оратор заканчивает Выводами или Заключением, что не одно и то же.

Выводы даются для менее подготовленной аудитории и содержат в себе краткий повтор одной самой важной мысли каждого раздела плана выступления (без примеров и доказательств).

Заключение лучше адресовать более подготовленной аудитории, непременно включая в него попытки прогноза развития вопросов, освещенных в ораторском выступлении. Всякие повторы излагаемого материала лучше оформлять новыми фразами, новыми формулировками, отличными от высказанных в ходе выступления.

Эпистемическая подготовка плана выступления соотносит само выступление с тем, «как наше слово отзовется», хотя в полной мере предугадать это не представляется возможным. Без Введения и без Выводов (Заключения) опытный оратор собственное выступление не может себе представить, не может появиться на трибуне с плохо продуманным планом.

Полное понимание эпистемы плана приходит к оратору через несколько лет творческой практической ораторской деятельности.

Теоретическая проблема мастерства оратора, связанного с эпистемичной моделью плана выступления, столь важна и так многогранна, что нужно привести по этому поводу подходящий пример. Очевидно, что все нижеследующие рассуждения и пожелания являются примерными, т.е. не должны восприниматься как абсолютное указание. Напротив, могут быть предложены для данного текста и другие возможные варианты творческой работы с ним.

ЗАДАНИЯ

1. Прочитайте следующий ниже текст, лучше вслух (хотя можно читать и про себя, но при чтении вслух текст лучше запоминается), и попытайтесь дать заголовки и подзаголовки к нему. Практика работы с этим текстом показывает, что примерно один из пяти-десяти человек, работающих с ним, дает верный заголовок, примерно один из пятисот — верный подзаголовок. (Уточним: верным считается ответ, который совпадает с вариантом, данным в статье редакцией газеты.)

Кажется, что назвать текст лучше, чем сделала это редакция, невозможно. Хотя, может быть, кто-нибудь из потенциальных его читателей и выйдет победителем в этом соревновании. Итак, читаем помещенный ниже текст.

2. После того как первое задание выполнено, переходим ко второму. Прочитайте текст еще раз и наметьте план, который скрыт в тексте, и так, как об этом говорится в третьем «золотом» правиле риторики: заголовок; подзаголовок; пункты плана, сколько, какие; какие подпункты и т.д.; наконец, Выводы или Заключение. Не следует торопиться с этой работой, лучше составить несколько вариантов плана, а затем остановиться на лучшем, по мнению его автора.

После текста даны примерные ответы на все поставленные здесь вопросы, нужно постараться не заглядывать в них, и сделать задание, а потом сверить с ответами.

После того как эти два задания будут выполнены, можно перейти и к третьему, и к четвертому.

Итак, читаем без спешки, проглатывания слов, по возможности «с чувством, с толком, с расстановкой».

ТЕКСТ¹

«Билетов нет...» — сейчас такой ответ у окошка железнодорожных касс можно услышать все чаще. Железная дорога не справляется с огромным потоком пассажиров.

Что же делать? Нет, не нам, пассажирам, а железной дороге. Увеличить число поездов на самых загруженных направлениях? Но и так,

¹ Комсомольская правда, 1992.

едва промелькнет на станции красный огонек последнего вагона, как освободившийся путь спешит занять следующий состав. Может быть, стоит увеличить число вагонов? Но тогда составу потребуется и более мощный локомотив. И к тому же на многих станциях придется удлинять перроны. Уже и сейчас мы можем получить билет не только в 18-й вагон, но даже и в 20-й — куда же еще расти составам? Да, в длину расти уже нельзя. А если вверх? Если сделать вагон двухэтажным?

Представьте, у вагона, как обычно, вас встречает проводник, и... вы поднимаетесь вверх по уютной лестнице, из окон вашего купе на втором этаже — прекрасный обзор. К вашим услугам душ, кондиционер. Ведь двухэтажный вагон не только примет в полтора раза больше пассажиров, но и будет **комфортабельнее**.

Этим не исчерпываются выгоды применения двухэтажных вагонов дальнего следования; они позволят освоить значительно больший объем пассажирских перевозок меньшим количеством вагонов и поездов, «освободить» место для товарных составов, увеличить пропускную способность линий, снизить себестоимость пассажирских перевозок и увеличить производительность труда.

Подсчитано, что использование двухэтажных вагонов на железных дорогах страны только за счет снижения эксплуатационных расходов позволит ежегодно **экономить** до 18 млрд руб.

По этому пути идут многие страны мира. Но наши отечественные вагоны с двух этажами могут стать более комфортабельными, чем зарубежные, ведь и ширина колеи железнодорожных путей в нашей стране, и высота переходов, мостов и других путевых сооружений по **техническим** характеристикам значительно шире и выше, чем по зарубежным стандартам.

Примечательно и то, что первые двухэтажные вагоны появились в России. В 1830 г. петербургские мебельщики построили для Царско-сельской дороги двухъярусные вагоны, и им подобных не было в мире. Такова история.

Продолжится ли сегодня история отечественного двухэтажного вагона?

Ответы на два первых вопроса по тексту.

1. Заголовок должен отвечать главной мысли, заключенной в тексте. Подзаголовок призван уточнить главную мысль, допол-

нить представление о содержании текста. Есть специальные журналистские разработки о том, как лучше озаглавливать текст. Среди заголовков различаются «обобщающие» его содержание, «уводящие» от содержания текста, «привлекающие» читательское внимание и некоторые другие.

В данном случае редакция сказала так:

Заголовок: Этажи на рельсах.

Подзаголовок: Экономия: 18 млрд руб.

2. Кроме Введения, к которому можно отнести весь первый абзац, и Заключения — последний абзац, в тексте можно обнаружить три раздела:

I. История двухэтажного вагона

II. Возможности комфорта для пассажиров

III. Технические показатели русских и зарубежных железных дорог.

Очевидно, что каждый из трех главных вопросов можно разделить на подвопросы, те — на еще более мелкие части, в которые в целом войдет все содержание этого текста.

ЗАДАНИЯ (продолжение)

3. Можно попытаться улучшить предлагаемый план за счет собственного творчества. Например, в Заключение вполне подойдет такая «домашняя заготовка»:

Если первые двухэтажные вагоны были построены в 1830 г. для Царскосельской железной дороги, то, может быть, в таком вагоне однажды ехал сам А.С. Пушкин?

По годам и по географии такое предположение возможно. Но есть ли об этом фактические данные?

Какими еще мыслями можно дополнить такой план к этому тексту? Ответ за читателем, за реализацией его творческих возможностей.

4. Заканчивая работу с текстом, полезно прочитать его вслух «профессиональным чтением» с учетом заголовка, подзаголовка, деления текста на абзацы, фразы и синтагмы.

Каждый желающий может придумать для себя еще и задание «номер пять», а может быть, и «номер шесть...»

Итак, подводим итог «золотым» правилам риторики. В кратком изложении они могут быть сформулированы так.

- I. Каждую свою мысль, каждое положение (тезис) оратор должен доказать своей аудитории. Обязательностью доказательства, аргументированностью тезис отличается от лозунга.
- II. Опытный оратор должен говорить так, чтобы его речь отличалась стройностью, изяществом, достоинством.
- III. План лекции должен быть подготовлен на основе античной эпистемы, т.е. так, чтобы лекция (выступление) принесла аудитории максимум пользы и эстетическое удовольствие для слушателей.

Эти правила следует запомнить, сделать руководством к действию.

Продолжение этой темы можно найти в последующих разделах пособия. Например, план и эпистема рассматриваются на практике в хрестоматии (*Крисп Г.С. Инвектива против Цицерона; Андроников И.Л. Первый раз на эстраде и др.*) Формула Цицерона (второе «золотое» правило) сочетается с вариантами обращений во времена А.С. Пушкина, которые имели четко обозначенную сферу применения:

«Милостивый Государь» — к вышестоящему,

«Милостивый Государь мой» — к равному,

«Государь мой» — к нижестоящему.

Современные бытовые обращения (товарищ, гражданин, господин, сударь, коллега и др.) не имеют общепринятой функциональности, вызывают споры и в обществе, и в официальных органах.

Наконец, несоблюдение трех обсуждаемых правил риторики нередко приводит к тому, что на автора выступления (устного или письменного) персонаж, посчитавший себя оскорбленным, подает в суд и выигрывает судебный процесс со всеми юридическими и даже финансовыми последствиями.

В хрестоматийной части пособия можно найти и другие примеры, иллюстрирующие теоретическую составляющую трех «золотых» правил риторики.

РИТОРИЧЕСКОЕ «ДРЕВО»

Люди Античного Мира любили и умели мыслить образно. Древние риторы и ораторы нередко сравнивали ораторское выступление с деревом, в котором сами находили отдельные части: корни, ствол, ветви (большие и маленькие), листья, цветы (рис. I). Все эти древесные части они соотносили с частями ораторского выступления, полагая, что каждая из частей взаимосвязана со всем другими частями лекции (выступления оратора, беседы двух мыслителей и пр.). Так, они связывали причину, заставившую оратора подняться на трибуну, с теми ораторскими украшениями, которые он считает нужным использовать во время своего выступления. Это его последнее творческое решение должно быть связано с учетом особенностей, которыми обладает аудитория, которая, как предполагает оратор, будет его слушать. Все эти проблемы в свою очередь самым тесным образом соотносятся с конкретной темой, которую оратор предполагает обсудить со своими слушателями.

Наконец, все то, что сказано выше, не может не зависеть от места и времени проведения ораторского выступления. Очевидно, что зависимость от темы, от аудитории, от места и времени, наконец, от собственного самочувствия, настроения и от многих других компонентов, которые не всегда поддаются предварительному учету и анализу, должна привести и приводит на практике оратора к тому, что он будет вынужден перестраиваться по ходу своего выступления, менять план речи, использовать те ораторские приемы и теоретические положения, которые он захочет и сможет предъявить данной аудитории по конкретной теме, выступая в нужном месте и в заранее оговоренное время.

Таким образом, с древних времен риторика рассматривала такие закономерности в качестве предварительной творческой и

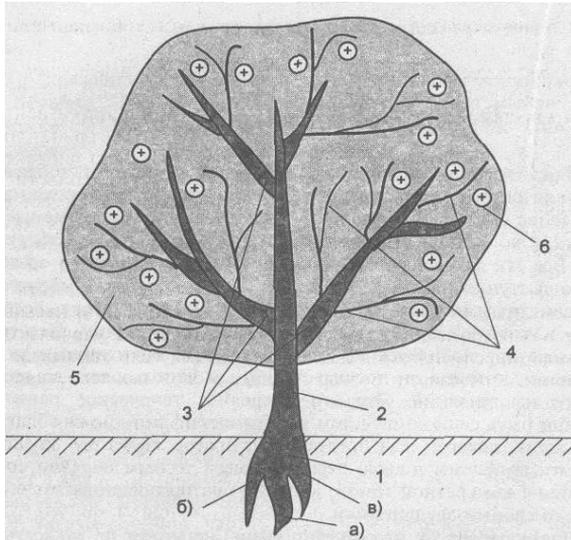

Рис. 1. Риторическое древо.

- 1 — **корень древа**, скрытый от глаз аудитории. Под ним понимается причина, приведшая оратора на трибуну: а) стремление прославиться, стать известным; б) надежда получить плату, гонорар за выступление; в) предположение, что выступление будет для аудитории полезным, будет способствовать расширению ее кругозора, становлению профессиональных умений и навыков;
- 2 — **ствол**, который представляет собой тему выступления, основную проблему ораторской речи;
- 3 — **основные несущие ветви**, под которыми подразумеваются основные вопросы в плане лекции, в классической риторике чаще всего этих ветвей три;
- 4 — **более мелкие веточки** — подвопросы, на которые делится каждый основной вопрос темы;
- 5 — **крона древа**, представленная листьями, т.е. словами, в которые оратор «одевает» свое устное высказывание. Опытный оратор использует за время выступления несколько тысяч таких листьев-слов;
- 6 — **цветы**, т.е. те украшения, которые могут сделать речь изящной, выразительной. М.Т. Цицерон называл такое украшение «лекифом» («лекиф» — это античный флакон тонкой работы, в котором в те времена женщины хранили духи, розовое масло и пр.).

профессиональной подготовки оратора, что позволяло оратору избегать многих досадных ошибок в тот момент, когда он вынужден был говорить перед аудиторией, глядя в глаза своим слушателям. Заметим, что среди них могли быть как заинтересованные в его выступлении, так и равнодушные.

В теории риторики принято деление «цветов» на тропы и фигуры.

Троп (от греч. «*τροπος*») — слово или фраза в переносном значении, образное выражение, сдвиг в семантике слова от прямого к переносному значению, например, метафора, метонимия, синекдоха, гиперболола, литота, эпитет, оксиморон, аллегория и др.

Фигура (от лат. «*образ*», «*вид*») — необычные по синтаксису обороты речи, применяемые для усиления выразительности выступления, воздействия на чувства слушателей, например, анафора, эпифора, эллипс(ис), антитеза, градация, инверсия, хиазм, гипербатон, анаколупф, симплока, парцелляция, асиндетон, полисиндетон, силлепсис, катахреза, энтимем(а) и др.

Умелое украшение ораторской речи позволяет сделать выступление не только полезным, познавательным, но и насыщенным элементами эстетики, превратить доклад в удовольствие, испытываемое слушателями даже в том случае, если тема речи была вполне серьезна, и оратор говорил о сложных теоретических проблемах науки, искусства, религии.

Блестящее владение ораторскими «лекифами» можно найти в устных рассказах И.Л. Андроникова, по творчеству которого российское телевидение сделало более 25 передач (например, «Первый раз на эстраде», «Первый раз на телевидении» и др.).

Полные характеристики вариантов тропов и фигур нужно смотреть в соответствующих словарях.

С целью пополнения своего ораторского словаря, повышения ораторского мастерства полезно прослушивать риторические образцы, годные для подражания, выписывать из них примеры оригинальных ораторских приемов (слов, оборотов, тропов, фигур и пр.), стараться их запомнить и в дальнейшем использовать в собственных творческих ораторских выступлениях.

Ораторский лекиф не ограничивается теми «цветами», которые заключены в тропах и в фигурах. Есть еще немало других воз-

ТЕОРИЯ

возможностей для украшения любого ораторского выступления, например, использование:

- цитат,
 - пословиц и поговорок, русских и иностранных,
 - элементов юмора и остроумия,
 - различных обращений,
 - риторических вопросов,
 - вновь появившихся и устаревших слов, выражений,
 - стилизации под речь персонажа,
 - многих вариантов интонаций и модуляций голоса и пр.
-

ДЕЛОВЫЕ ИГРЫ

Деловые игры, которые можно условно разделить на: 1) подготовительные деловые игры и 2) реальные деловые игры — обязательны для серьезной школы риторики, готовящей творчески активных и знающих ораторов.

Подготовительные деловые игры призваны сформулировать те умения и навыки, которые помогут будущему оратору не растеряться перед аудиторией. **Реальные** — в полной мере соотносятся с действительной ораторской ситуацией, наиболее приближенной к выступлению опытного оратора перед слушателями.

К подготовительным деловым играм можно отнести следующие их виды:

- *прослушивание образцов* — самая простая из всех деловых игр. Но ее можно значительно усложнить, если поставить перед слушателями дополнительные задания: выписать наиболее яркие слова и выражения, использованные автором, попытаться восстановить план, по которому подготовлено выступление, обнаружить достоинства и недостатки предлагаемого выступления и т.п.;
- *подготовка монофонов* на любую (или на предлагаемую и заранее обусловленную букву/звук). (Подробнее см. «Монофоны»);
- *создание рифмы*. Работа не очень сложная, но для части слушателей, имеющих тягу к поэзии, представляется значительной и интересной. Нужно подбирать рифмы на данное слово. Победителем будет тот, кто наберет таких рифм больше, чем другие;
- *«стихомэтр»* — это продолжение «рифмы». При такой работе можно подражать великим поэтам, поскольку при этом

расширяется словарный запас оратора, вырабатывается индивидуальный «темпо-ритм», функционирует творческий аппарат избирательного сочетания слов, рифм и пр. Название деловой игры «стихомэтр» имеет несколько юмористический оттенок, потому что «мэтр» — это «мастер» по-французски, наставник, почтительное название человека, обладающего в данной области выдающимися знаниями (в науке, литературе, искусстве).

Можно предложить слушателям самостоятельно написать стихотворение, может быть, как подражание известному поэту. Например, по современной зимней дороге катит рейсовый автобус, останавливается около одинокого столба... Может получиться примерно так.

ПОДРАЖАНИЕ А.С. ПУШКИНУ

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит...

А.С. Пушкин

По дороге зимней, скучной
Ровно катит автобус,
Шум мотора однозвучный
Утешает слух и вкус.

Покосились, утонули
В белой заводи снегов,
А кусты совсем нырнули, —
Чуть виднеются с боков.

Что-то слышится родное
В мощном рокоте движка.
То раздумье про былое.
То веселье, то тоска.

Не поет шофер мотивы
Про девицу да метель,
Звуки дизеля ретивы,
И шипит натужно дверь.

Устилает снег поляны.
Перелески да мосты,
А столбы, как будто пьяны,
Низкорослы и пусты, —

Люди медленно выходят,
Тихо радио звучит.
По дороге вихри бродят,
А мотор тепло ворчит.

Подчеркнем, что школа риторики не готовит «на поэтов». Всякая критика собственных поэтических творений допускается в качестве пожеланий, в самой вежливой и максимально осторожной

форме, поскольку она призвана стимулировать риторическое творчество, что и является целью в данном случае.

Следующий этап работы по сюжетам «стихомэтра» можно сочетать с формированием этических представлений — любви к Отечеству, к русской природе и пр.

Например. Участник деловой игры получает листочек, на котором напечатаны первая, третья, пятая и т.д. строки стиха, написанного хорошим поэтом, но непременно неизвестным присутствующим. Игрок должен дописать отсутствующие строки. Другой участник получает другой листочек с четными строчками и задачей вставить нечетные. Третий — строчки первую и вторую, а должен написать третью и четвертую и т.д.

Вариантов может быть много. Затем можно перейти на произведения оригинальные в полной степени, например:

ДОРОГА

Я обещаю Вам дорогу,
Где поле дальнее, река,
Тропа, тянущаяся к стогу,
Стакан парного молока.
 И синь небес, и воздух чистый,
 И трели птиц, и шум листвы,
 Восход луны волшебномглистый,
 И запах скошенной травы.
Здесь жили люди пять столетий,
Да и теперь еще живут, —
Стоят дома, амбары, клетки,
Здесь строят, любят, сеют, ждут.
 Я обещаю Вам, как прежде,
 В деревне крики кур, гусей,
 Людей, в привычной всем одежде,
 Средь них — мудрец и ротозей.
Вас встретит влажный взгляд теленка,
Высокий летний небосвод,
В белье висящем — рубашонка,
Простор, манящий от ворот.

Если ритор захочет работать со стихомэтрами, то у него найдется немало возможностей для проявления собственных твор-

ческих потенциалов, как и потенциалов заинтересованных слушателей:

- *«портрет»* — попытка описать возможными риторическими средствами известную «звезду» (эстрады, экрана, политики, спорта и пр.). Очевидно, что работа должна начинаться с подготовки подробного «плана-гармони»;
- *«плюс-минус»* — оценка выступления оратора (депутата, политика, журналиста и пр.) по форме: достоинства (которые можно обозначить знаком плюс) и недостатки (обозначаемые знаком минус). Тогда работа может принять такой вид:

ВЫСТУПЛЕНИЕ «ЗВЕЗДЫ»: Ф. И. О.	
(—)	(+)
1) ... и т.д.	1) ... и т.д.

Работа по форме «плюс-минус» (№6 по таблице) является продолжением деловых игр, названных выше;

- *«первый—второй...»* — расстановка нескольких похожих явлений (книг, песен, политических партий и пр.) с обоснованием их порядкового места соответствующими логическими и риторическими приемами;
- *вид деловой игры*, которую может представить себе сам оратор (ритор), исходя из собственных воззрений на логику, риторику и этику.

Реальные деловые игры делятся на речевые и музыкальные.

Среди **речевых** деловых игр следует упомянуть такие, как: «диктор», «комментатор», «рецензент», «критик».

Из цепочки этих наименований видно, что требования к каждой последующей игре возрастают, начиная от «диктора» и заканчивая «критиком». Несколько отдельно среди них стоят «гид / экскурсовод» и «автобиография». Специальные «планы-гармони» для них требуют отдельного разговора.

Музыкальные деловые игры, как и игры со стихами, следует адресовать только тем слушателям, которые в них заинтересованы и любят музыку. Для них можно выбрать игры с классической музыкой, с эстрадной, «попсой» и т.п.

В таблице приведены виды деловых игр. Графы 8, 17, 26 не заполнены в надежде на то, что читатель сможет вписать туда те названия деловых игр, которые он сам придумает, разработав планы их проведения для себя или для соответствующей аудитории.

Научиться владеть риторическим материалом, вниманием аудитории без овладения деловыми играми трудно. Лучше освоиться сначала с методикой проведения игр, а затем уже выходить на реальное ораторское выступление в конкретной живой аудитории слушателей.

Подведем краткий итог этого раздела. Начинать нужно с умения читать вслух профессионально. Если актеры со сцены «читают художественно», то оратор должен владеть профессиональным чтением. Этой задаче и посвящена деловая игра «диктор».

Диктор (лат.) — говорящий перед микрофоном (телекамерой), читающий текст, написанный другим автором. Условия деловой игры требуют, чтобы диктор прочитал несколько раз текст про себя (как подготовка перед выступлением), а затем он читает его перед аудиторией. Нельзя читать текст, не отрываясь от него, нужно продумать членение текста по смыслу, по ударениям, по фразе, по интонации и пр. После того как диктор закончит чтение, ему можно задавать вопросы по тексту, по его содержанию, его реалиям, по неясным словам и пр. (см. таблицу на стр. 56).

В последнем случае деловая игра из фазы «*диктор*» переходит на более высокую ступень — «*комментатор*» и т.д.

В третьей части пособия есть раздел «Цитоны». Не станем предвосхищать его содержание, но неумение оратора связать слова, объединить их по функции приводит нередко к тому, что некоторые ляпсусы становятся притчей во языцех и передаются от одного студенческого поколения к другому.

Например: Студент-оратор:

- По наследству детям от родителей передаются руки и ноги, а воспитание — нет.
- Если он великий педагог, то он внес новшество, а у него еще последователи по разным сторонам...

Таким образом, мы от деловых игр переходим к тому, что оратор должен учиться не только говорить, но и оценивать и собственные выступления, и речи других ораторов (авторов). Занимаясь этим важным делом, сам оратор (рецензент) должен вспомнить оценочную формулу Цицерона (второе правило риторики).

ТЕОРИЯ

ВИДЫ ДЕЛОВЫХ ИГР

Таблица 2

	№	Название	Комментарий	
Речевые, игровые, постановочные	1	Прослушивание образцов	И. Андроников и др. (по усмотрению ратора)	Подготовительные
	2	Монофон	На любые буквы (звуки)	
	3	Рифмы	На любые слова от простого к сложному	
	4	Стихомэтр	Подражание, проба пера, творчество	
	5	Портрет	«Звезда» политики, экрана, спорта и т.п.	
	6	Плюс-минус	На усмотрение оратора и ратора (нравится / не нравится)	
	7	Первый, второй.....	Выбор из трех: депутатов в Думу и пр.	
	8			
	9	Диктор	Чтение статьи перед микрофоном	Реальные
	10	Комментатор	Комментирование статьи, ответы на вопросы	
	11	Гид/экскурсовод	Экскурсия по музею, описание экспоната	
	12	Автобиография	Творческий рассказ о собственной биографии	
	13	Реферат	На серьезную тему, подготовленную заранее	
	14	Рецензент	На выступление делегата, журналиста	
	15	Критик	На последний кинофильм, спектакль, передачу телевидения	
	16	Зачетное выступление	Тема оговорена ратором и оратором заранее	
	17			
Музыкальные	18	Смешанный музыкальный ряд	Романс — народная песня — советская песня	
	19	Авторская песня	По усмотрению ратора, желанию аудитории	
	20	Эстрадная песня	«Подмосковные вечера», «Летят журавли» и др.	
	21	Народная песня	«Ноченька», «Коробейники», «Вдоль по Питерской»	

ДЕЛОВЫЕ ИГРЫ

Окончание таблицы 2

	№	Название	Комментарий	
Музыкальные	22	Творчество мастера	С. Лемешев, Л. Русланова, Л. Зыкина и др.	Реальные
	23	Романсы	В исполнении В. Пономаревой, Л. Лещенко и др.	
	24	Оперная музыка	Оперы русских композиторов («Евгений Онегин» и др.)	
	25	Духовная музыка	По выбору ратора (напр., композиторы П. Чесноков, А. Струмский)	
	26			

ОЦЕНКА ВЫСТУПЛЕНИЯ ОРАТОРА

Вначале вспомним о формуле Цицерона (второе «золотое» правило риторики) и о той деловой игре, которая именуется выше *«Рецензент»*.

Любая оценочная работа затруднена уже хотя бы потому, что не всегда есть для нее общепризнанные и широко известные критерии. Кроме того, она деликатна, поскольку ее неграмотный, агрессивный вариант может привести к отрицательным межличностным отношениям, к реальным и мнимым обидам и даже к творческому застою.

В данном случае мы попытаемся, опираясь на формулу Цицерона, разработать схему оценки ораторского выступления исходя из привычных для нас балльных оценок: «5», «4», «3» и «2». А оценочную шкалу увеличим до десяти показателей: научность темы выступления, защита интересов конкретной группы людей, связь с жизнью, информативность, логичность построения выступления, степень аргументированности каждого высказывания оратора, степень контакта оратора с аудиторией, степень владения излагаемым материалом, использование оратором ораторских украшений на уровне тропов и фигур (других ораторских лекторов), наконец, владение оратором техникой речи.

Как показывает практика, введение в схему оценки «0» позволяет подчеркнуть, что сам рецензент считает себя недостаточно компетентным для того, чтобы оценочно высказаться по какому-нибудь разделу прослушанной лекции. Более того, такой подход позволяет избежать недоразумений между оратором и рецензентом, может даже способствовать улучшению отношений

ОЦЕНКА ВЫСТУПЛЕНИЯ ОРАТОРА

между ними, которые нередко бывают при такой ситуации натянутыми.

В схему включены и такие показатели, как: «Наиболее удачное в ораторском выступлении» и «Существенные упущения в ораторском выступлении». Их можно считать тезисами для рецензента, которые он должен обосновать, аргументированно выставляя прослушанному им оратору подходящие, по его мнению, оценки.

Раздел «Пожелания» можно адресовать не оратору, а организаторам выступления, которые, как полагает рецензент, чего-нибудь не учли при подготовке и организации выступления, например, не заготовили мел, магнитофон, микрофон и т.п.

Итак, анализируем все эти вопросы, собранные в схему для оценки ораторского выступления.

Таблица 3

СХЕМА ОЦЕНКИ ОРАТОРСКОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ

Для практического занятия по курсу «Риторика»

№ _____

Дата _____

Лист оценки лекции

- 1) Лектор: а) ФИО _____, б) образование _____
ученая степень _____
в) место работы, должность _____
- 2) Лекция: а) тема _____
б) продолжительность _____
в) количество слушателей, состав _____
г) место проведения _____
- 3) Критерии оценки лекции: 5 4 3 2 0
- а) научный уровень (эрудиция, анализ, учет нового) _____
- б) идейная направленность (партийность, критика враждебных взглядов, тезисов и пр.) _____
- в) связь с жизнью (учет практических задач страны, коллектива, учет новых направлений и пр.) _____
- г) информативность на уровне: 1) фактов, 2) связей, подходов, выводов, 3) аспектов эстетики) _____
-

- д) построение лекции (логика плана, частей, последовательности, Введения и Заключения) _____
- е) аргументированность (логика доказательств, адекватность примеров теории; при ответах на вопросы) _____
- ж) контакт с аудиторией (учет психологии, реакции) _____
- з) владение материалом (степень несвязанности текстом, владение картой, доской, таблицами и пр.) _____
- и) культура речи (правильность, богатство, эмоциональность, использование ораторских приемов и пр.) _____
- к) техника речи (дикция, интонация, темпо-ритм) _____

Итого за всю лекцию: _____

- 4) Наиболее удачное в лекции _____
- 5) Существенные упущения _____
- 6) Пожелания _____
- 7) Сведения о рецензенте: а) профессия _____,
 б) пол _____, в) возраст _____,
 г) образование, ученая степень _____,
 д) сам рецензент лекции читает (да, нет) с 19__ года по тематике: _____

8) Примечание: а) оценивая лекцию, Вы ставите оценку за каждый из критериев и за всю лекцию в целом, б) полагая, что лекция заслуживает оценки, например, «4+» или «4—», поставьте ее; затрудняясь в оценке, поставьте «0», в) старайтесь высказать продуманное, объективное мнение: Ваши оценки помогут нам в работе.

Благодарим Вас за внимание!

(Если хотите, укажите свои ФИО, но это не обязательно)

Еще несколько замечаний по виду схемы оценки ораторского выступления.

Схему можно использовать в двух вариантах:

1) *оратор сам становится рецензентом* и при помощи этой схемы оценивает выступление своего коллеги, ведущего телепередачи, популярного комментатора, ведущего беседу по радио, и пр. Цели при этом могут быть самые разные, например, выявить у рецензируемого плюсы и минусы в ходе выступления для повышения собственного ораторского творческого мастерства. Можно придумать и другие подходящие цели и задачи;

2) *оратор сам желает превратиться в рецензируемого*, тогда он просит своего коллегу прослушать себя в аудитории и оценить собственное выступление по этой схеме.

Еще раз напоминаем, что **всякое рецензирование, всякая работа рецензента должны проводиться на основе уважения и доверия между оратором и рецензентом**. В противном случае это может стать не пользой для того и для другого, а началом неприязненных и даже враждебных отношений.

Кто-то из известных людей сравнил работу рецензента с работой хирурга, поскольку у хирурга цель заключается в том, чтобы убрать из организма все то, что для этого организма не нужно, но вместе с тем и не поранить, не ущемить все то, что нужно, чтобы улучшить работу организма, а не ухудшить ее.

Обучением рецензированию можно, как правило, заканчивать весь курс риторики. Ибо эта работа требует не только опыта, знания теории и практики Русского красноречия, но и определенной степени мудрости.

СВЯЗИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Связи между сопредельными дисциплинами являют собой коммуникативную триаду, к которой по полному праву можно отнести *Логику*, *Риторику*, *Этику*, объединяя их в комплекс, называемый «*ЛоРиЭт* делового партнера».

Очевидно, что этот комплекс тесно связан с «Психологией личности и межличностных отношений», со всеми учебными дисциплинами по проблемам делового партнерства.

Возможно, вскоре придет такое время, когда подобный учебный предмет станет привычным в расписании всех учебных заведений не только гуманитарного, но и технического направления.

В наше время достаточно представить себе, что условно и символически логика расположена в области лба человека. Именно там происходят сложнейшие мыслительные операции, в результате которых данный индивид мыслит логично или нелогично. Наука об элементарных законах и формах правильного человеческого мышления во многом таинственна, а мыслительный процесс сокрыт от глаз собеседника (делового партнера).

Таким образом, логика мышления каждого отдельного человека секретна для посторонних и проявляется только тогда, когда он начинает говорить. Так появляется **первая связка, состоящая из Логики и Риторики — ЛоРи**. Можно немало написать о степени их взаимосвязей и взаимопроникновении. Ограничимся сказанным.

Следующее звено — **Этика, философское учение о морали, о нравственности**, представляющее собой систему норм нравственного поведения людей, отношения людей к Отечеству, к обществу, друг к другу, нормы отношений между деловыми партнерами, как частность. Непосредственно к этике примыкает этикет. Если слово «этика» латинского происхождения, то «этикет» —

французское слово. *Этикет* — это строго установленные законы и формы отношений между отдельными людьми, принятые формы проведения приемов, встреч, переговоров между дипломатами, представителями фирм и т.п.

Следовательно, человек мыслит, говорит и выражает всем своим поведением определенное отношение к собеседнику (деловому партнеру). Является искомая коммуникативная триада: *Ло + Ри + Эт...*

Можно думать, что если логика сокрыта во лбу, риторика озвучивается посредством рта, то этика — это область глаза и уха: собеседники внимательно слушают друг друга и уважительно общаются не только словами, но и взглядами.

Схематично эту взаимозависимость можно выразить как на рис. 2.

На схеме стрелка Ло идет внутрь, а для Ри и Эт — вовне, т.е. пока человек думает, то степень логичности его мыслей скрыта от внимания делового партнера, а как только он заговорит, то логическая правильность и риторическая красочность станут достоянием многих; П — профессиональная подготовленность оратора (стрелка внутрь), а К — его культура (стрелка вовне);

Эв — эвристика — современный учебный предмет, вводимый во многих высших учебных заведениях и определяющий деятельность человека в том случае, когда он действует молча.

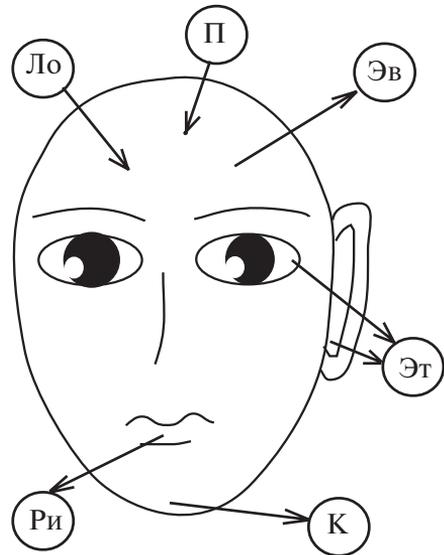

Рис. 2. Схема ЛоРиЭт.

На практике эти взаимосвязи можно и нужно формировать в процессе выполнения деловых игр, прodelьвания различных многочисленных подготовительных упражнений, которые постепенно готовят начинающего оратора к реальному ораторскому выступлению перед живой аудиторией.

Связи между теорией и практикой можно представить себе посредством схемы (рис. 3). Эта трехчастная схема, состоящая из **Оратора, Аудитории и расположенной между ними Информации**, позволяет выступающему ориентироваться в теории и на практике в тех показателях качества и эффективности, которые были бы желательны для результативного ораторского выступления в конкретной аудитории и в условленное для лекции время.

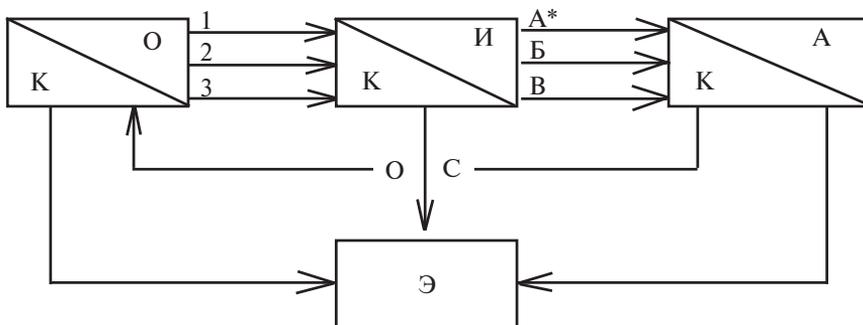

Рис. 3. Связь между теорией и практикой.

О — оратор	1 — лингвистический канал
И — информация	2 — паралингвистический канал
А — аудитория	3 — кинетический канал
ОС — обратная связь	A* — слуховой анализатор
К — качество	Б — зрительный анализатор
Э — эффективность связи	В — речедвигательный анализатор

Здесь 1, 2, 3 — каналы связи (оружие оратора), A*, Б, В — анализаторы (оружие аудитории), К — у каждого О, каждой И и А необходимо наличие этого К, Э — только наличие трех К дает искомое Э.

Знание схемы взаимодействия О, И, А дает возможность планировать К и Э, позволяет избежать ошибок непрофессиональности при подготовке к любому ораторскому выступлению.

Связь между О, И и А позволяет:

- формировать базу каждого тезиса и антитезиса, доказательную и фактическую их стороны;

- учитывать содержание формулы М.Т. Цицерона: «Оратор есть тот, кто любой вопрос изложит со знанием дела, стройно и изящно, с достоинством при исполнении»;
- способствует становлению профессионального умения готовить план выступления с учетом темы выступления, подготовленности аудитории, злободневности конкретной излагаемой информации.

Недостаточная теоретическая подготовленность студентов нередко приводит к таким риторическим сценам:

Студент: Я беру эти какие-то дискеты и придаю им какую-то схему...

Экзаменатор: Вы, следовательно, не знаете ни эти дискеты, ни эту схему?

С.: Почему не знаю, знаю, конечно.

Э.: Потому что, «какие-то», «какую-то» — местоимения неопределенные, демонстрирующие, что говорящий не имеет четкого представления о предметах речи и согласно словарям русского языка соответствуют смыслу «Неизвестно какой».

Еще пример.

С.: Государство выступило против раболепства перед женщиной и оберегает общественное сознание против такого воспитания... Женщина должна быть гордой и свободной.

Э.: А что же такое «раболепство»?

С.: Это — когда женщина раба и обслуживает всех.

Э.: Нечто новое, поскольку в словарях написано, что «раболепствовать» означает «по-рабски льстить», «быть угодливым». Таким образом, смысл слова искажен до противоположного.

Итак, для полного овладения риторикой, как и другими дисциплинами, к ней тяготеющими, **требуются не только способности, но и длительный кропотливый труд**, который не всегда и не во всем поддается анализу и описанию.

Переходим к риторической подготовительной практике.

ЧАСТЬ II

ХРЕСТОМАТИЯ

*Риторика заботится о словах,
их смысле и порядке*

СЕНЕКА

Есть немало примеров того, что интеллектуальные способности личности тесно связаны с риторическими знаниями и умениями человека. Вот как, например, характеризует трех своих современников один из наиболее известных ораторов Древнего Рима — Гай Саллюстий Крисп: Марк Бибул — «оратор слабый, человек скорее злобного, чем тонкого ума...» Луций Домиций — «язык хвастливый, руки в крови, ноги беглеца...» «Лишь ум Марка Катона, изворотливого, речистого, хитрого человека, не вызывает у меня пренебрежения». (*Крисп Г.С. Сочинения.* — М.: Наука, 1981, с. 133).

Три человека, три характеристики, каждая связана с риторикой, с ораторскими умениями и знаниями этих людей, живших за несколько лет до рождения Иисуса Христа.

Точно сказано. Если даже мы сегодня и не знаем те реалии Древнего Мира, на которые опирался, оценивая хорошо знакомых ему людей Крисп, то и тогда мы не можем не согласиться с оригинальностью его словесных формулировок. А именно: первый из них — *оратор слабый*, второй — *язык хвастливый*, и только третий — *человек речистый*.

Будем помнить, что древние греки и римляне сознательно и целенаправленно ставили риторiku на место важнейшей составляющей всей программы «народного» образования своего времени.

Кроме того, тексты авторов, представленные в пособии, охватывают различные проявления русской риторической традиции почти за 500 лет: от середины XVI в. до наших дней. Среди них есть и представители древней греко-латинской риторики, жившие задолго до нашей эры.

В основу хрестоматийной части пособия легли три основных соображения:

- *подбор таких авторов*, для творчества которых характерны различные стили и манеры изложения. Среди них те, кого можно отнести к классикам (разных периодов), к авторам, посвятившим себя вопросам Православия (в различных аспектах его теории и практики);
- *отбор таких произведений*, которые, с одной стороны, значимы для творчества данного автора, а с другой — соответствуют общим закономерностям данного направления риторики. Отбирались произведения не слишком объемные и с небольшим числом сюжетных линий, чтобы не затруднялось восприятие содержания с учебно-риторической точки зрения. Кроме того, это должны быть такие произведения, к которым относительно нетрудно подготовить цельную систему контрольных вопросов, контрольных ответов, заданий, комментариев и пр.;
- *список персоналий* для пособия не должен значительно выходить за рамки Федеральной программы Министерства общего и профессионального образования России для средней и высшей гуманитарной школы страны.

Каждый любитель Русского красноречия, желающий совершенствовать свои риторические знания, умения и навыки, сможет найти в пособии учебный материал, отвечающий его интересам, его общекультурному и интеллектуальному уровню в зависимости от тех целей и задач, которые стоят перед ним.

Итак, хрестоматия включает два раздела: классику и православие. Для каждого текста предполагается постановка реальных риторико-методических задач, решение которых связано с риторическим анализом текста, со знанием биографических сведений об авторе, наконец, со знанием общих законов риторики, с владением присущей риторике терминологии.

Вспомним, что в становлении Риторики как науки и искусства в российской школе было такое время, когда всякое гуманитарное обучение было связано с овладением и владением учениками классическими языками: древнегреческим и латинским. Более того, знание древней мифологии, философии было для всякого культурного человека обязательным.

Именно поэтому Евгений Онегин имел возможность «бранить Гомера, Феокрита» и «читать Адама Смита», страницами цитиро-

вать Древних авторов, заниматься переводами Демосфена и Цицерона. Все аспекты «классического образования» пронизывали общество и все стороны его повседневной жизни.

В пособии есть материалы, которые могут быть трудны для чтения, понимания, работы с ними, например, тексты Платона, Аристотеля, М.В. Ломоносова, Гомера и др. Что же делать читателю, если трудности языка автора первоисточника превышают возможности начинающего оратора? Есть несколько возможных решений:

- пропустить текст, чтобы вернуться к нему впоследствии и доделать то, что не получилось в первый раз;
- не отступать, пока не будет усвоен в достаточной степени весь учебно-риторический материал конкретного параграфа;
- пропустить текст и никогда больше к нему не возвращаться.

Читатель сам найдет для себя приемлемое решение, впрочем, он может придумать для себя и четвертый, и пятый варианты.

Итак, цели и задачи работы с пособием ясны. Остается перевернуть эту страницу.

Зачем ты выучил свой текст наизусть! Нам нужна свободно льющаяся речь, живая, эмоциональная... Говори свободно, коротко, остроумно. Помни, что это нетрудно.

И.Л. Андроников

КЛАССИКА

Латинский язык — один из древних языков италийской группы, развивавшийся на основе говора г. Рима. Завоевания Римской республики привели к латинизации всех ближних и дальних территорий и постепенному поглощению всех местных языков. В последующие годы при распаде Римской империи из латинского языка образовались: итальянский, сардинский, провансальский, французский, каталанский, португальский, ретороманский, далматский, румынский и молдавский языки, которые все вместе называются *латинскими*. До XII—XIII вв. латинский язык был языком литературы и поэзии, до XV—XVI вв. — языком церкви, науки (медицины и пр.), до XIX в. широко применялся в университетском преподавании. И в наши дни он широко используется в научной и художественной терминологии.

Здесь представлены тексты авторов, **обязательные для хрестоматии по риторике**, от древнейших времен до наших дней. Среди них: *Гомер* (первый поэт человечества), *Аристотель* (величайший создатель философии и основатель афинского гимназиума под названием «Ликей»), *Цицерон* (имя которого стало нарицательным для обозначения человека, владеющего Красноречьем), *Демосфен* (знаменитый не только своими чрезвычайными ораторскими способностями, но и «филиппиками» и риторическими упражнениями на берегу моря с камешками во рту), знаменитый *Сенека* (обучавший Нерона и по его приказу покончивший жизнь самоубийством), *Платон* (с его прошедшей сквозь века «платонической любовью») и др.

Нельзя забыть и классиков русского происхождения: *М.В. Ломоносова* («первый русский университет»), *А.Ф. Кони* и *Ф.Н. Плевако*.

вако (имена, известные всем, даже не имеющим отношения ни к юриспруденции, ни к ораторскому искусству) и др.

Наиболее трудны для чтения, понимания, изучения тексты речей и сочинений, оставшихся нам в наследство от ораторов и риториков Древнего Мира. Основная причина в том, что в нашей массовой школе долгие годы не преподаются древние языки (греческий и латынь), древняя мифология... До 1917 г. положение было иным: греческий и латинский тщательно изучались, серьезно преподавалась история Древнего Мира (в том числе и мифология, и поэзия, подвиги богов и героев и пр.). А в целом значительность общего гуманитарного образования способствовала рациональному овладению классическими текстами уже в плане изучения риторики на текстах авторов Древнего Мира.

Современному человеку, пожелавшему не мимоходом изучить древний материал Красноречия, представленный в хрестоматии, нужно набраться терпения и не рассчитывать на то, что его можно одолеть единым махом.

Самобытен и не прост для беглого чтения и язык, и стиль, и манера главного нашего ритора и ученого — М.В. Ломоносова. Но вполне современен для понимания язык А.Ф. Кони и Ф.Н. Плевако.

АРИСТОТЕЛЬ

Мы остановимся только на одном разделе труда Аристотеля «О дружбе». На основе рассуждений Аристотеля можно организовать следующие задания.

ЗАДАНИЯ

1. Найдите в тексте те места, в которых сказано, что дружба основывается на:
 - а) сходстве,
 - б) различии между людьми,
 - в) равенстве,
 - г) подчинении одного другому.

2. Как сочетаются друг с другом:

- а) дружба и любовь,
- б) дружба и справедливость,
- в) дружба между родственниками,
- г) дружба или единодушие,
- д) количество друзей.

Поскольку Аристотель — сын своего времени и своего народа, постольку он ставит во главу угла своих сочинений интеллект. Все, что им написано, — умно. В вопросе о «дружбе» автор приходит к мысли, что человек с умеренным чувством к себе будет руководствоваться разумом, справедливостью, стремиться к воздержанным и благородным поступкам.

Цель настоящей хрестоматии заключается не в том, чтобы выяснить тонкости философских взглядов автора. Поэтому нужно выполнить следующее:

3. Проследите логическую цепочку в каждом из рассуждений автора, что будет способствовать росту ораторского мастерства того, кто захотел бы выполнить все (или некоторые) указанные выше задания.

4. Выступите с сообщением о том, «как нужно обращаться с друзьями».

Очевидно, что для этой цели нужно составить отдельный, тщательно продуманный план выступления, который лучше согласовать с ритором, может быть, переделать его несколько раз.

5. Определите, как можно охарактеризовать стиль, присущий Аристотелю, чем характерна его манера изложения материала, использование им ораторских приемов и прочее.

Итак, читаем текст.

О ДРУЖБЕ

11. В добавление ко всему этому нельзя не сказать о дружбе (*philia*): что она такое, в чем и по отношению к чему проявляется. Мы видим, что она тянется через всю жизнь при любых обстоятельствах, видим, что она — благо, и поэтому о ней надо говорить как об имеющей отношение к счастью. Начать, пожалуй, лучше всего с того, что вызывает затруднение и требует исследования.

Между теми ли, кто подобен друг другу, устанавливается дружба, как обычно думают и говорят? «Галка, — говорят, — садится рядом с галкой» и «Равного с равным бессмертные сводят». Какая-то собака, рассказывают, постоянно спала на одном и том же кирпиче. Когда Эмпедокла спросили, почему спит собака на одном и том же кирпиче, он ответил, что собака чем-то похожа на этот кирпич, давая понять, что причина, по которой это место стало для собаки излюбленным, — сходство.

Другие, напротив, полагают, что дружба — это скорее взаимное тяготение противоположностей, ведь говорится: «Когда земля суха, то мил ей дождь». Противоположное, считают они, стремится к дружбе с противоположным, тогда как похожее не допускает дружбы с похожим, коль скоро похожее ни в чем похожем на себя не нуждается.

Трудно или нет стать другом? Лстецы, быстро вошедшие в доверие, — это вовсе не друзья, хотя кажутся друзьями.

И вот еще вопрос: станет или нет достойный человек другом дурному? Для дружбы необходимы верность и надежность, а дурной совсем не таков.

Может ли дурной быть другом дурному? Или, скорее, тоже не может?

Следовало бы определить с самого начала, какую именно дружбу мы рассматриваем. Принято думать, что существует дружба с богом и дружба с неодушевленными предметами. Это неверно. Дружба, утверждаем мы, имеет место там, где возможна ответная любовь (*antiphileisthai*), а дружба с богом не допускает ни ответной любви, ни вообще какой бы то ни было любви (*philein*). Ведь нелепо услышать от кого-то, что он «дружит с Зевсом» (*philein ton Dia*). Точно так же и со стороны неодушевленных предметов не может быть ответной любви. Бывает, впрочем, любовь (*philia*) и к неодушевленным вещам, например, к вину или чему-то еще такому. Итак, мы исследуем не дружбу (*philian*) с богом и не дружбу с неодушевленными предметами, но дружбу предметов одушевленных и таких, со стороны которых возможна ответная любовь. Если рассмотреть теперь, что такое предмет, вызывающий к себе любовь, то он не иное что, как благо. Предмет, вызывающий любовь (*philēton*), не то же самое, что предмет, требующий к себе любви (*phileton*), равно как и желанное (*boylēton*) не то же самое, что желательное (*boylēton*), Желанное — это благо как таковое, желательное — благо, которое хорошо для данного человека. Так и предмет, вызывающий любовь, —

благо само по себе, а требующий любви — благо для самого данного человека; поэтому предмет, требующий к себе любви, всегда может быть вместе и вызывающим к себе любовь, но предмет, вызывающий любовь, не совпадает с требующим к себе любви. С этим связан вопрос: становятся или нет друзьями человек достойный и дурной? В самом деле, благо, которое хорошо для данного человека, своего обладателя, неким образом соединено с благом вообще, равно как и требующее к себе любви соединено с тем, что вызывает к себе любовь, а с благом связано и ему сопутствует свойство быть приятным и полезным. Дружба людей достойных — это их взаимная любовь (*antiphilōsin*) друг к другу. Они любят друг друга как вызывающие к себе любовь, а любовь они вызывают тем, что [хороши]. Так что же, спросят, достойный человек не станет другом дурного? Все-таки станет. Благо сопутствует польза (*to sympheron*) и приятность (*to hēdy*), и дурной — друг в той мере, в какой он приятен; насколько он полезен, он тоже друг. Однако подобная дружба, конечно, не опирается на то, что вызывает к себе любовь (*philēton*). Вызывающее к себе любовь мы определили как благо, дурной же не вызывает к себе любви. Основа этой дружбы [не вызывающее любовь], а требующее к себе любви, — [не желанное, а желательное]. Поистине от той всецелой дружбы, которая бывает между добродетельными людьми, происходят все эти [виды] дружбы: дружба ради удовольствия и дружба ради выгоды. Любящий за доставляемое удовольствие дружит не той дружбой, в основу которой положено благо, равно как и любящий выгоду. Эти виды дружбы, в основе которых лежат благо, удовольствие, польза, не тождественны, но и не вовсе чужды друг другу, а неким образом восходят к чему-то общему. Мы говорим, например, что врачует нож, врачует человек, врачует наука, но смысл этих слов неодинаков: про нож это говорят в том смысле, что он используется при врачевании, про человека — в том смысле, что он лечит, про науку — в том смысле, что она причина и начало. Равным образом не тождественны: дружба людей добродетельных, в основе которой — благо, и дружба, вызванная удовольствием и выгодой. Эти виды дружбы не просто омонимы: хотя они не одно и то же, но в какой-то мере имеют отношение к одному и тому же и происходят из одного и того же. В самом деле, если кто-нибудь скажет: любящий ради удовольствия не друг этому человеку, поскольку благо не лежит тут в основе дружбы, то он исходит при этом из дружбы людей добродетельных, которая вмещает в себя все эти виды дружбы: дружбу, опирающуюся на благо,

на удовольствие, на выгоду. Действительно, тот человек не дружит такой дружбой, а лишь дружбой, которая ищет приятного и выгодного.

Будет ли добродетельный другом добродетельному? Подобный, говорят, ни в чем подобном себе не нуждается. Довод этот имеет в виду дружбу, ищущую выгоды: друзья, если они друзья постольку, поскольку нужны друг другу, дружат дружбой, которая опирается на выгоду. Но мы уже определили дружбу, ищущую или удовольствия, или выгоды, как отличную от дружбы, в основе которой добродетель. Достойный поистине друг добродетельному, причем эта дружба намного сильнее других видов дружбы: ведь в эту дружбу входит все: и благо, и приятное, и полезное. Но будет ли добродетельный другом дурному? — В той мере, конечно, в какой он приятен, он друг ему. А будет ли дурной другом дурному? — В той мере, в какой им выгодно одно и то же, они друзья; мы наблюдаем это всякий раз, когда им бывает выгодно одно и то же; друзьями их делает выгода, и ничто не мешает и дурным людям находить в чем-то одинаковую выгоду.

Итак, самая прочная, верная и прекраснейшая дружба — это взаимная любовь людей достойных, в основе которой, естественно, лежат добродетель и благо. Добродетель, на которую опирается такая дружба, неизменна, так что неизменна и сама дружба. Выгода же никогда не остается неизменной, поэтому дружба, ищущая выгоды, непрочна и меняется в зависимости от выгоды. Это относится и к дружбе, в основе которой удовольствие. Дружба лучших людей опирается на добродетель, дружба большинства — на выгоду, а у людей грубых (*phortikois*) и заурядных (*tykhoysin*) дружба зависит от получаемого наслаждения.

Попадая на плохих друзей, люди обычно негодуют и изумляются. Однако в том, что их постигает, нет ничего странного. Если эти люди стали друзьями ради удовольствия и выгоды, то стоит им исчезнуть, как дружбе приходит конец. Часто бывает так: дружба не прерывается, но друг плохо обошелся с другом, и это вызывает негодование. Ничего неожиданного в этом нет: твоя дружба с ним опиралась не на добродетель, и в том, что он ведет себя недобродетельно, нет ничего странного. Не правы те, кто негодует в таких случаях. В дружбу они вступили, ища удовольствия, а думают, что она должна быть дружбой, опирающейся на добродетель, что невозможно. Дружба, ищущая приятного и выгодного, не связана с добродетелью. Сдружившись ради удовольствия, они ищут [в самой по себе дружбе чего-то] добродетельного, но это неверно: где удовольствие и выгода, там нет добродетели; наоборот, где добро-

детель, там ей сопутствуют удовольствие и выгода. Нелепо отрицать, что достойному приятнее всех достойный, поскольку даже дурные приятны друг другу, как о них говорит Еврипид: «Дурной с дурным сплавляется»; в самом деле, не наслаждение сопровождается добродетелью, а добродетель — наслаждением.

Должно или не должно иметь место удовольствие в дружбе между людьми достойными? Нелепо утверждать, будто не должно. Если лишить их свойства быть приятными друг другу, то это значит, что общаться они должны будут [не друг с другом, а] с другими, приятными друзьями, поскольку для совместной жизни нет ничего важнее, чем быть приятными друг другу. Нелепо думать, будто достойные не должны уживаться вместе. Однако люди уживаются лишь тогда, когда им это бывает приятно. Стало быть, именно добродетельным должно быть особенно присуще свойство быть приятными.

Дружба была у нас разделена на три вида, и затруднение вызывал вопрос: опирается ли в них дружба на равенство или на неравенство? Ответим на него теперь: она опирается и на то и на другое. Дружба, порожденная сходством, — это дружба людей достойных, совершенная дружба. Дружба, в основе которой несходство, — это дружба, ищущая выгоды. Бедняк — друг богача, поскольку ему не хватает того, чем обеспечен богач. По той же причине дурной — друг добродетельного: он друг ему, потому что надеется приобрести от него недостающую ему добродетель. Дружба между несхожими, стало быть, основана на выгоде, и недаром Еврипид говорит: «Когда земля суха, то мил ей дождь», подразумевая, что между этими противоположностями возникает дружба, основанная на выгоде. Возьми самые крайние противоположности — огонь и воду, и [увидишь, что] они полезны друг другу. Огонь, говорят, гаснет, если нет влаги, ведь она, как полагают, служит ему пищей, взятая в том количестве, которое огонь может преодолеть. Если влага в излишке, она пересилит и потушит огонь, но если ее количество соразмерно, то она подкрепит его. Итак, очевидно, что даже между самыми противоположными вещами возникает дружба, и это дружба ради выгоды. Все дружеские отношения, основанные на равенстве и на неравенстве, подпадают под [сделанное нами] расчленение на три вида.

Во всех видах дружбы существует различие взаимоотношений: друзья любят, благотворительствуют, помогают или еще что-то в том же роде делают неодинаковым образом. Когда один усердствует, а другой небрежет, то за пренебрежение [его] упрекают и порицают. Пренебре-

жение со стороны одного из друзей особенно явно, когда друзья имеют общую цель, например, если они дружат ради выгоды, удовольствия, добродетели. Если ты делаешь мне больше добра, чем я тебе, то не спорю, я должен любить тебя больше. Если же мы дружим не ради чего-то общего, то расхождений бывает больше. В таких случаях пренебрежение со стороны одного из друзей мало заметно. К примеру, если один друг доставляет удовольствие, а второй — выгоду, то тут возникает спор; тот, кто больше приносит выгоды, думает, что за присносимую пользу он не получает заслуженного удовольствия, а кто больше доставляет приятного, находит, что извлекаемая выгода — малоодстойная благодарность за наслаждение. Вот почему расхождения чаще возникают при этих видах дружбы.

Там, где друзья неравны, те, у кого много богатства или еще чего-то в этом роде, думают, что сами они не должны любить, но что их должны любить люди более бедные. Однако самому любить лучше, чем быть любимым: любить — это некое действие, доставляющее наслаждение [*energeia tis hēdonēs*), и благо, а быть любимым не вызывает в предмете любви никакой деятельности. И еще: лучше познавать, чем быть познаваемым, ведь быть познаваемым свойственно даже неодушевленному, а познавать и любить — одушевленному. И еще: быть благотворителем лучше, чем не быть им. Любящий благотворит постольку, поскольку он любит, а любимец в качестве любимца не благотворит. Тем не менее, люди из честолюбия предпочитают быть любимцами, а не сами любить, поскольку быть любимцем связано с каким-то превосходством: любимец всегда пользуется превосходством и в наслаждении, и в обилии средств, и в добродетели, а честолюбец стремится к такому превосходству. И пользующиеся превосходством не думают, что они обязаны любить, полагая, что вознаграждают любящих тем, в чем они их превосходят. И еще: если любящие ниже своим положением, любимые думают, что должны не сами любить, а принимать любовь. Тот же, кому недостает денег, удовольствий, добродетели, восхищается тем, у кого все в изобилии, и любит его, полагая, что получает, или получит от него это.

Бывает дружба из сочувствия, из желания добра кому-то. Возникающая при этом дружба не содержит в себе всех [вышеупомянувшихся свойств]: часто мы одному желаем добра, но общаться хотим с другим. Надо ли называть эти чувства свойством дружбы вообще или только дружбы совершенной, основанной на добродетели? Именно последнему виду дружбы присуще все это: в достойном человеке соединяется и

приятное, и полезное, и добродетель, и ни с кем иным нам не захотелось бы жить вместе, и добра мы пожелаем бы именно ему, а также только ему — жизни и благополучия,

О том, бывает или нет у человека дружба с самим собой и любовь к самому себе, мы сейчас умолчим, но в дальнейшем скажем об этом, Сами себе мы желаем всего: хотим общаться сами с собой (это, пожалуй, и неизбежно), благоденствовать, жить, желать добра не иному кому, как себе. Себе больше всего сочувствуем: стоит нам ушибиться или иное что в этом роде испытать, мы тотчас огорчаемся. Словом, с этой точки зрения существует, по-видимому, дружба человека с самим собой. Действительно, говоря о таких вещах, как сочувствие, желание благополучия и прочее, мы относим их либо к дружбе с самим собой, либо к совершенной дружбе. В обоих случаях все это имеется: тут есть и совместная жизнь, и желание жизни и благополучия, и все остальное.

Можно, пожалуй, считать, что везде, где существуют [отношения] справедливости, существует и дружба. Поэтому сколько видов справедливости, столько и видов дружбы. В самом деле, справедливость [проявляет себя в отношениях] чужестранца к гражданину, и раба к хозяину, гражданина к гражданину, сына к отцу, жены к мужу, и сколько вообще существует видов общения, при стольких имеет место и дружба. Всего прочнее бывает, по-видимому, дружба чужестранцев: у них нет общей цели, ради которой они соперничают, как это бывает между согражданами. Соперничая из-за первенства, сограждане не остаются друзьями.

Теперь, подводя итог, мы можем сказать, бывает или нет у человека дружба с самим собой. Как уже вкратце говорилось выше, мы видим, что дружба узнается по отдельным видам блага, на которые она направлена, иметь же все эти блага мы больше всего желали бы сами себе: себе хотим и добра, и жизни, и благополучия, себе больше всего сочувствуем, с собой больше всего хотим жить. Поэтому если дружба познается по отдельным видам доставляемого блага, но все эти блага мы желали бы иметь себе, то ясно, что существует дружба по отношению к самим себе, подобно тому как, согласно нашему утверждению, существует несправедливость по отношению к самому себе. В силу того, что обидчик и обиженный — разные лица, человек же один, казалось бы, не бывает несправедливости по отношению к самому себе. Между тем она бывает, как мы в этом убедились, рассматривая части, входящие в состав души: их много, и при всяком их несогласии возникает несправедливость по отношению к самому себе. Подобно этому, по-

видимому, существует и дружба с самим собой. Недаром если [у нас] есть друг, то всякий раз, желая сказать о нем как о большом друге, мы говорим: «У нас с ним одна душа». Поскольку душа состоит из нескольких частей, то «одна душа» будет тогда, когда придут в согласие разум и чувства (таким путем она станет единой); и, если в душе будет единство, наступит дружба с самим собой. Такою будет дружба с самим собой у человека добродетельного: только в его душе составные части в хорошем состоянии и не восстают друг против друга. Дурной же никогда не бывает себе другом, он всегда во вражде с самим собой. Невоздержанный, если учинит что-либо, ища наслаждений, потом раскаивается и чернит себя. Подобным образом дурной чувствует себя и из-за других своих пороков, не переставая враждовать против самого себя и противоречить себе.

Существует также дружба, основанная на равенстве. Например, дружба товарищей предполагает, что достаток их равен по количеству и ценности: среди товарищей никто не должен владеть имуществом большим, чем другой, ни по количеству, ни по ценности, ни по размеру, но должен иметь все равное с другими, потому что товарищи равны. Дружба, основанная на неравенстве, — это дружба отца и сына, подчиненного и начальника, лучшего и худшего, жены и мужа; и вообще она имеет место всюду, где между друзьями есть низшая и высшая ступень. Такая дружба в неравенстве предполагает пропорциональность. Так, при задаче добра никто не уделит равное лучшему и худшему, но всегда даст больше тому, кто имеет преимущество. Этим достигается пропорциональное равенство: в каком-то отношении худший, получив меньше добра, равняется с лучшим, получившим больше.

12. Из всех вышеназванных видов дружбы больше всего любви в дружбе родных, а именно — в отношениях отца к сыну. Но почему отец любит сына сильнее, чем сын отца? Не потому ли, как правильно говорят некоторые, имея в виду, конечно, толпу, что отец — благодетель сына, тогда как сын обязан ему благодарностью за благодеяние? Эта причина, по-видимому, действует и там, где дружба основана на выгоде. Здесь дело обстоит так же, как мы это наблюдаем и в практических умениях (*epistemas*). Я говорю о случаях, когда совпадают цель и действие и нет иной цели, помимо действия. У флейтиста, например, его цель совпадает с действием (ведь для него игра на флейте — это и цель и действие), а в строительном искусстве они не совпадают, поскольку тут существует особая цель помимо действия. Дружба — это

действие, и у нее нет иной цели, кроме действия — любви, но только она одна. Отец всегда действует в этом смысле как бы больше сына, потому что сын — его создание. То же самое наблюдаем мы и в других случаях: все бывает благосклонны к тому, что они сами создали. Отец неким образом благоволит к сыну как к своему созданию, движимый и воспоминанием, и надеждой. Поэтому отец больше любит сына, чем сын отца.

Надо рассмотреть те виды дружбы, которые называются и кажутся дружбой, действительно ли они дружба. Например, дружбой признают расположенность (*eunoia*). В общем, расположенность, по-видимому, не дружба. Ко многим мы часто расположены, увидав или услышав о ком-то хорошее, но разве от этого мы уже и друзья? Скорее, нет. Ведь если кто благоволил к Дарию Персидскому, а такое могло быть, то это еще не была дружба с Дарием. Однако расположенность может, по-видимому, быть началом дружбы; стать дружбой она может тогда, когда человек, способный делать добро, присоединит к расположенности желание делать добро тому, к кому он расположен. Расположенность — нравственное качество и обращено к нравственному началу. Ведь не говорят, что человек расположился к вину или чему-то еще из неодушевленных благ и удовольствий. Расположение питают к тому, кто добродетелен нравом. Расположение неотделимо от дружбы и проявляет себя в том же, что и она. Поэтому его признают дружбой.

Единодушие (*homonoia*) очень близко дружбе, если понимать единодушие в собственном смысле слова. Допустим, что у кого-то такие же понятия, как у Эмпедокла, и он признает те же элементы, что и Эмпедокл. Единодушен ли такой человек с Эмпедоклом? Или, скорее, нет? В самом деле, единодушие имеет в виду вещи другого рода. Прежде всего, оно проявляется не в умозрении, а в практических делах, да и в этих последних не тогда, когда их одинаково понимают, а тогда, когда, понимая их одинаково, отдают предпочтение одному и тому же в делах, о которых размышляют. Так, если оба мечтают о власти, один для себя и другой для себя, то единодушны ли они? Едва ли! Но если я хочу сам властвовать, и он тоже хочет, чтобы я властвовал, то мы единодушны. Единодушие бывает в практических делах, когда хотят одного и того же. В практических делах единодушие в собственном смысле слова (*kyriōs tegomēnē*) касается назначения одного и того же лица в начальники.

13. Поскольку, как мы утверждаем, существует дружба с самим собой, то будет или нет любить себя человек достойный? Себялюбец —

это тот, кто все делает ради самого себя в том, что приносит выгоду. Стало быть, себялюбив дурной, ведь он все делает ради самого себя; достойный же не таков. Он потому и добродетелен, что ради другого делает свое дело, следовательно, он не себялюбив. Однако все стремятся к благам и уверены, что именно им нужно больше благ. Там, где дело касается богатства и власти, это особенно очевидно: человек достойный отступится от них в пользу другого, но не потому, что ему самому не пристало иметь их в избытке, а потому, что он видит, как другой лучше его сумеет ими воспользоваться. Остальные же люди так не поступают либо по неведению (они не знают, что могут злоупотреблять такими вещами), либо из честолюбивого стремления к власти. Но ни то ни другое не окажет своего влияния на человека достойного. Он, следовательно, не себялюбив в том, по крайней мере, что касается подобных благ. Если же он и любит себя, то там, где речь идет о прекрасном. Только здесь он не уступит другому; от выгоды же и наслаждения отступится. Если выбирать приходится прекрасное (*to kalon*), то он любит себя; если же — пользу и удовольствие, то любит себя не он, а дурной.

14. Себя ли будет достойный человек любить больше всего или нет? В одних случаях он больше всего будет любить сам себя, в других — нет. Поскольку, как мы утверждаем, достойный человек отступится в пользу друга от благ, приносящих выгоду, он будет любить друга. Да, но он отступает от них в той мере, в какой, уступая другу, приобретает прекрасное самому себе. Следовательно, в одних случаях он любит друга больше, чем себя, в других — сам себя. Когда речь идет о выгоде, он любит друга больше, чем себя; если же о прекрасном и о благе, то себя любит сильнее, ведь эти вещи, — а они-то суть самые прекрасные — он приобретает себе. Значит, он добролюбив, а не себялюбив. Если он любит сам себя, то только потому, что хорош. Дурной же человек себялюбив; в нем нет ничего, за что бы ему любить себя, нет ничего прекрасного, но и, не имея этого, он сам себя будет любить за то, что это он сам. Поэтому его можно в строгом смысле слова назвать себялюбом (*philaytos*).

15. В добавление [к рассмотренному] можно сказать о самодовлениии (*aytarkeias*) и о человеке самодовлеющем. Возникнет или нет у него потребность в дружбе? Или он и тут будет довольствоваться самим собой? Ведь и поэты говорят такие слова:

Тогда на что и друг? Среди удач
Благодеяний бога нам довольно.

По этой причине возникает вопрос: нуждается ли в дружбе человек, имеющий все блага и довольствующийся сам собой? Или, скорее, именно в таком случае потребность в ней особенно сильна? В самом деле, кого ему благодетельствовать и с кем жить вместе? Проводить жизнь один он, конечно, не станет. Раз он нуждается в подобных вещах, а они неосуществимы без дружбы, то самодовлеющий, по-видимому, нуждается в дружбе. Прибегать к привычному для [известных] рассуждений сравнению с богом было бы и там (в самих этих рассуждениях) неправомерно, и здесь неприемлемо. Если бог самодовлеющ и ни в чем не нуждается, то отсюда не следует, что и мы ни в чем не будем нуждаться. Существует и такое рассуждение о боге; бог, говорят, владеет всеми благами и самодовлеющ, чем же он занят? Не спит же он? Он будет созерцать что-то, утверждает рассуждение, поскольку такое занятие самое прекрасное и наиболее свойственное ему. Что он будет созерцать? Если он станет созерцать нечто отличное от самого себя, то будет созерцать что-то лучшее себя. Но бессмысленно, чтобы существовало нечто лучшее, чем бог, следовательно, он будет созерцать сам себя, а это нелепо: ведь даже человека, который сам себя разглядывает, мы упрекаем в тупости. Бог будет вести себя бессмысленно, — такой выдвигается довод, — если станет смотреть сам на себя. Опустим вопрос, что именно станет рассматривать бог. Мы ведем исследование не о самодовлении бога, а о человеческом самодовлении: будет ли нуждаться в дружбе самодовлеющий человек или нет! Исследовав [понятие] «друг», можно увидеть, что такое друг, каков он и [понять, что] друг — это «второе я», когда дело касается очень близкого друга. Как гласит поговорка, «это второй Геракл»; друг — это второе я.

Узнать самого себя — это и самое трудное, как говорили некоторые из мудрецов, и самое радостное (ведь радостно знать себя), но самих себя своими силами мы не можем видеть (что сами себя не можем [видеть], ясно из того, что, укоряя других, не замечаем, что сами совершаем сходные проступки; это происходит от снисходительности [к самим себе] или от пристрастия, и многих из нас это ослепляет, мешая судить правильно); поэтому, как при желании увидеть свое лицо мы смотримся в зеркало и видим его, так при желании познать самих себя мы можем познать себя, глядя на друга. Ведь друг, как мы говорим, — это «второе я». Итак, если радостно знать самого себя, а знать себя невозможно без помощи друга, то самодовлеющий человек должен нуждаться в дружбе, чтобы познать самого себя. И еще, если прекрас-

но, — а оно так и есть, — чтобы тот, кому судьба послала блага, был благотворителен, то кого он станет благодетельствовать? С кем будет совместно жить? Он не станет, конечно, проводить жизнь в одиночестве. Совместная жизнь приятна и необходима. Если эти вещи прекрасны, необходимы, приятны и не могут осуществиться без помощи дружбы, то человек самодовлеющий должен испытывать потребность в дружбе.

16. Многих или немногих друзей надо иметь? Вообще говоря, ни многих, ни немногих. Если друзей много, то трудно каждому в отдельности уделять любовь. И в других случаях наша слабая природа также не имеет сил достигать до удаленных предметов. При помощи зрения мы не видим далеко, и если стать от предмета дальше надлежащей меры, то по бессилию природы [зрение окажется] недостаточным. То же самое относится к слуху и ко всему остальному. Но если по бессилию природы любовь окажется недостаточной, это вызовет справедливые нарекания, и такой человек не может быть другом, потому что не любит, а только на словах друг, дружба же этого не терпит. И еще, если друзей будет много, то не будет конца огорчениям. Ведь когда друзья многочисленны, то естественно, что с кем-то одним всегда приключается беда и огорчение тут неизбежно. С другой стороны, [нехорошо иметь] немногих друзей — одного или двух, число их должно соответствовать обстоятельствам и стремлению человека к любви.

17. А теперь надо рассмотреть, как следует обращаться с другом. Исследование наше коснется не всякой дружбы, а лишь той, при которой друзья больше всего обвиняют (*egkaloysi*) друг друга.

Обвиняют не во всех случаях одинаково. Дружба отца с сыном, например, не дает таких поводов для обвинений, как те виды дружбы, [при которых действует правило]: «как я тебе, так и ты мне, а за упущение строгие взыскание (*egklema*)». Там, где друзья неравны, не бывает равенства. Любовь отца к сыну основана на неравенстве, подобна ей и любовь жены к мужу, слуги к господину и вообще низшего к высшему. При таких видах дружбы не бывает обвинений. Обвинения бывают тогда, когда друзья — люди равного достоинства. Поэтому рассматривать мы должны, как следует обращаться с другом в том случае, когда друзья равны по достоинству...

Печатается по: *Аристотель*.
Сочинения в 4-х т. — М.: Мысль,
1984. — Т. 4. — С. 361 и след.

ГОМЕР

Краткое содержание нижеследующего отрывка из «Илиады» состоит в том, что Зевс призывает богов на помощь людям, но позволяет им помогать только тем, кому боги захотят помочь по собственному желанию.

Стихи 1—30 рассказывают об этой помощи, без которой Ахиллес не сможет нанести троянцам полное поражение,

Стихи 31—74 фиксируют то, что с Олимпа сходят Гера, Афина, Посейдон, Гермес, Гефест, чтобы помочь Ахиллу. За Трои ратуют Арей, Аполлон, Ксанф, Артемида, Лета и Киприда. По мере того как боги приближаются к месту битвы, усиливаются грозные явления природы: гром, молнии, землетрясения и пр.;

- 75—111 — Ахиллес выходит на бой и ищет Гектора, но Аполлон выводит на битву Энея;
- 112—155 — вмешивается Гера, но Посейдон советует всем отойти в сторону;
- 156—258 — бой между Энеем и Ахиллесом, но сначала они разговаривают;
- 259—290 — затем они сражаются;
- 291—352 — Посейдон избавляет Энея от поражения, отбросив его далеко в воздух;
- 353—418 — Ахиллес и Гектор побуждают воинов на битву, но Аполлон советует последнему удалиться в толпу, Ахиллес нападает на троянцев, многих убивает, в том числе Полидора, сына Приама;
- 419—454 — Гектор желает отомстить за смерть брата, выходит на Ахиллеса, они сражаются, но Аполлон спасает и его;
- 455—503 — разъяренный Ахиллес нападет на других троянцев, покрывает поле битвы телами пораженных и их оружием.

В «Илиаде» есть к этой главе несколько примечаний:

- Стих 90 — Пелиас, наименование копья Ахиллеса
- 144 — Царь черновласый — Посейдон (Посейд~~он~~).
- 147 — ...от огромного кита спасался — Геракл спас Гесиону от морского чудовища, которое должно было ее проглотить.
- 307 — Будет отныне Эней над троянцами царствовать мощно. — Римляне считали, что их город основан потомками Энея, и называли себя «энеидами». Юлий Цезарь считал себя потомком рода «энеидов».
- 404 — Геликийский бог — Посейдон.

ЗАДАНИЯ

1. Было давно замечено, что Гомеру очень удаются описания внешних проявлений чувств — гнев, страх и пр. Попробуйте найти эти места в тексте, систематизируйте их.
2. С другой стороны, у Гомера нет никаких попыток описать психическое состояние своих героев. Попробуйте сделать это современным языком и современными средствами.
3. По Гомеру, боги управляют судьбами людей, вмешиваясь в их действия, спасая героев от верной гибели. Найдите эти места в тексте, систематизируйте их.
4. Из диалектики известно, что всякое новое завоевание в развитии человечества оплачивается потерей какого-то качества, которое непременно будет утеряно на более высокой стадии общественного развития.
Какие из этих качеств следует отметить, если сравнивать описание Гомера, с одной стороны, а с другой — последующее развитие человечества?
5. Данный перевод «Илиады» Гомера сделан *Николаем Ивановичем Гнедичем* (1784—1833), опубликован в 1829 г. и стал достоянием русской общественности. Специалисты отмечают высокую художественную ценность работы переводчика, которая изучалась во всех гуманитарных учебных заведениях, была на языке у всех культурных людей того времени.

А.С. Пушкин написал:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи,
Старца великого тень чую смущенной душой.

Какие места этого отрывка из «Илиады» понравились вам в наибольшей степени, почему? Это трудный вопрос, поскольку многие из читателей этой хрестоматии столкнутся с Гомером в первый раз в жизни, да и греческий язык, который маленький Пушкин подробно изучал в Лицее, в наше время мало известен. Тем не менее, попробуйте ответить и на этот вопрос. Главное, объясните свою точку зрения. (А что касается греческого, то все современные слова, начинающиеся на «авиа...» — авиация, авиатор и т.п., — восходят к греческому «авис», что в переводе на русский означает «птица».)

ИЛИАДА
ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

Битва богов

Так при судах дуговерхих блестящие медью ахейцы
Строились окрест тебя, Пелейон, ненасытимый бранью.
Их ожидали трояне, заняв возвышение поля.

- Зевс же отец повелел, да Фемида бессмертных к совету
- 5 Всех призывает с холмов олимпийских; она, обошед их,
Всем повелела в Кронионов дом собираться. Сошлись
Все, и Потоки, и Реки, кроме Океана седого;
Самые нимфы явились, живущие в рощах прекрасных,
И в источниках светлых, и в злачноцветущих долинах.
- 10 В дом олимпийский собравшись тучегонителя Зевса,
Сели они в переходах блестящих, которые Зевсу
Сам Гефест хромоногий по замыслам творческим создал.
Так собирались к Зевсу бессмертные; сам Посейдхон
Не был Фемиде преслушен: из моря предстал он с другими,
- 15 Сел посредине бессмертных и Зевса выпрашивал волю:
«Что, сребромолненный, паки богов на собор призываешь?
Хочешь ли что рассудить о троянах или аргивянах?
Брань между ними близка, и немедленно бой запалает».

- Слово к нему обращая, вещал громовержец Кронион:
- 20 «Так, Посейдхон! проник ты мою сокровенную волю,
Ради которой вас собрал: пекусь и о гибнущих смертных.
Но останусь я здесь и, воссев на вершине Олимпа,
Буду себя услаждать созерцанием. Вы же, о боги,
Ныне шествуйте все к ополченьям троян и ахеян;
- 25 Тем и другим поборайте, которым желаете каждый.
Если один Ахиллес на троян устремится, ни мига
В поле не выдержать им Эакидова бурного сына.
Трепет и прежде их всех обымал при одном его виде;
Ныне ж, когда он и гневом за друга пылает ужасным,
- 30 Сам я страшусь, да, судьбе вопреки, не разрушит он Трои».

- Так он вещал — и возжег неизбежную брань меж богами.
 К брани, душой несогласные, боги с небес понеслись.
 Гера к ахейским судам, и за нею Паллада Афина,
 Царь Посейдон многомогущий, объемлющий землю, и Гермес,
 35 Щедрый податель полезного, мыслей исполненный светлых.
 С ними к судам и Гефест, огромный и пышущий силой,
 Шел хромая; с трудом волочил он увечные ноги.
 К ратям троян устремился Арей, шеломом блестящий,
 Феб, не стригущий власов, Артемида, гордая луком,
 40 Лета, стремительный Ксанф и с улыбкой прелестной Киприда.
 Все то время, пока божества не приблизились к смертным,
 Бодро стояли ахеяне, гордые тем, что явился
 Храбрый Пелид, уклонявшийся долго от брани печальной.
 В рати ж троянской у каждого сердце в груди трепетало,
 45 Страхом объемлясь, что видят опять Пелейона героя,
 Грозно доспехом блестящего, словно Арей смертоносный.
 Но едва олимпийцы приблизились к ратям, Эрида
 Встала свирепая, брань возжигая: вскричала Афина,
 То пред ископанным рвом за великой стеною ахейской,
 50 То по приморскому берегу шумному крик подымая.
 Страшно, как черная буря, завыл и Арей меднолатный,
 Звучно троян убеждающий, то с высоты Илиона,
 То пробегая у вод Симоиса, по Калликолоне.

- Так олимпийские боги, одних на других возбуждая,
 55 Рати свели и ужасное в них распалили свирепство.
 Страшно громами от неба отец и бессмертных и смертных
 Грянул над ними; а долу под ними потряс Посейдон
 Вкруг беспредельную землю с вершинами гор высочайших.
 Все затряслось, от кремнистых подошв до верхов многоводных
 60 Иды: и град Илион, и суда меднобронных данаев.
 В ужас пришел под землю Аид, преисподних владыка;
 В ужасе с трона он прынул и громко вскричал, да над ним бы
 Лона земли не разверз Посейдон, потрясающий землю,
 И жилищ бы его не открыл и бессмертным и смертным,
 65 Мрачных, ужасных, которых трепещут и самые боги.
 Так взволновалось всё, как бессмертные к брани сошлись!
 Против царя Посейдона, мощного Энносигея,

- Стал Аполлон длиннокудрий, носящий крылатые стрелы;
Против Арея — с очами лазурными дева Паллада;
- 70 Противу Геры пошла златолукая ловли богиня,
Гордая меткостью стрел Артемида, сестра Аполлона;
Против Леты стоял благодетельный Гермес крылатый;
Против Гефеста — поток быстроводный, глубокопучинный,
Ксанфом от вечных богов нареченных, от смертных —
Скамандром.
- 75 Так устремлялися боги противу богов. Ахиллес же,
Гектора только бы встретить, пылал в толпы погрузиться;
Сердце его беспредельно горело Приамова сына
Кровью насытить Арея, убийством несытого воя.
Но Аполлон, возжигатель народа, героя Энея
- 80 Против Пелида подвигнул, наполнивши мужеством душу.
Голос и образ приняв Ликаона, Приамова сына,
К сыну Анхиза предстал и вещал Аполлон дальновержец:
«Где же угрозы твои, Анхизид, предводитель дарданцев?
Или не ты в Илионе, с царями за чашей пируя,
- 85 Гордо грозился, что с сыном Пелеевым станешь на битву?»
- Быстро ему возражая, воскликнул Эней предводитель:
«Что ты меня, Приамид, против воли моей принуждаешь
С сыном Пелеевым, гордым могучеством, боем сражаться?
Ныне не в первый бы раз быстроногому сыну Пелея
- 90 Противостал я: меня он и прежде копьем Пелиасом
С Иды согнал, как нечаян нагрязнул на пажити наши;
Он разорил и Педас и Лирнесс. Но меня Олимпиец
Спас, возбудивши во мне и силы, и быстрые ноги;
Верно, я пал бы от рук Ахиллеса и мощной Паллады,
- 95 Всюду предтекший ему, подавшей совет и могучесть
Медным копьем побивать крепкодушных троян и лелегов.
Нет, никогда человек с Ахиллесом не может сражаться:
С ним божество неотступно, и гибель оно отражает.
Дрот из руки Ахиллесовой прямо летит и не слабнет
- 100 Прежде, чем крови врага не напьется. Но, если бессмертный
В битве присудит нам равный конец, не легко и Энея
Он одолеет, хотя и гордится, что весь он из меди!»

- Сыну Анхизову вновь провещал Аполлон дальновержец:
 «Храбрый! почто ж и тебе не молиться богам вековечным,
 105 Столько ж могущим! И ты, говорят, громовержца Зевеса
 Дщерью Кипридой рожден, а Пелид сей — богинею низшей:
 Та от Зевеса исходит, Фетида — от старца морского.
 Стань на него с некрушимою медью; отнюдь не смущайся,
 Встретясь с Пелидом, ни шумною речью, ни гордой угрозой!»
- 110 Рек—и бесстрашного духа исполнил владыку народов:
 Он устремился вперед, ополченный сверкающей медью.
 Но не укрылся герой от лилейнораменные Геры,
 Против Пелеева сына идущий сквозь толпища ратных.
 Быстро созвавши богов, златотронная Гера вещала:
 115 «Царь Посейдон и Афина Паллада, размыслите, боги,
 Разумом вашим размыслите, что из деяний сих будет?
 Видите ль, гордый Эней, ополченный сияющей медью,
 Против Пелида идет: наустил его Феб стреловержец.
 Должно немедленно, боги, отсюда обратно отвлечь нам
 120 Сына Анхизова: или единый из нас да предстанет
 Сыну Пелея и силой исполнит, да в крепости духа
 Он не скудеет и чувствует сам, что его, браноносца,
 Любят сильнейшие боги; а те, что издавна доныне
 Трои сынам поборают в сей брани жестокой,— бессильны!
- 125 Все мы оставили небо, желая присутствовать сами
 В брани, да он от троян ничего не претерпит сегодня;
 После претерпит он всё, что ему непреклонная Участь
 С первого дня, как рождался от матери, выпряла с нитью.
 Если того из глагола богов Ахиллес не познает,
 130 Он устрашится, когда на него кто-нибудь от бессмертных
 Станет в сражении: боги ужасны, явившись взорам».
- Гере немедля ответственвал мощный земли колебатель:
 «Так безрассудно свирепствовать, Гера, тебя недостойно!
 Я не желаю бессмертных сводить на неравную битву,
 135 Нас и других здесь присутственных; мы их могуществом выше.
 Лучше, когда, совокупно сошед мы с пути боевого,
 Сядем на холме подзорном, а брань человекам оставим.
 Если ж Арей нападенье начнет или Феб луконосец,
 Если препятствовать станут Пелееву сыну сражаться,

140 Там же немедля и мы сопротивникам битву воздвигнем,
Битву ужасную: скоро, надеюсь, они, разойдся,
Вспять отойдут на Олимп и сокроются в сонме бессмертных,
Наших десниц, против воли своей, укрощенные силой».

Так говоря, пред Афиною шествовал царь черновласый

145 К валу тому насыпному Геракла, подобного богу,
В поле, который герою троянские мужи с Афиной
Древле воздвигли, чтоб он от огромного кита спасался,
Если ужасный за ним устремлялся от берега в поле.
Там Посейдон черновласый и прочие боги воссели.

150 Окрест рамен распростершие непроницаемый облак;
Боги другие, напротив, по калликолонским вершинам,
Окрест тебя, Аполлон, и громителя твердей Арея.
Так на обеих странах небожители-боги сидели,
Думая думы; печальную брань начинать олимпийцы

155 Медлили те и другие; но Зевс от небес возбуждал их.
Ратями поле заполнилось всё, засияло от меди
Воев, коней, колесниц; задрожала земля под стопами
Толп, устремлявшихся к бою; но два знаменитые мужа
Войск обоих на среду выходили, пылая сразиться,

160 Славный Эней Анхизид и Пелид Ахиллес благородный.
Первый Эней выступал, угрожающий; страшно качался
Тяжкий шелом на главе Анхизидовой; щит легкометный
Он перед грудью держал и копьем потрясал длиннотенным.
Против него Ахиллес устремился, как лев истребитель,

165 Коего мужи-селяне решася убить непременно,
Сходятся, весь их народ; и сначала он, всех презирая,
Прямо идет; но едва его дротиком юноша смелый
Ранит,— напучась он к скоку, зияет; вокруг страшного зева
Пена клубится; в груди его стонет могучее сердце;

170 Гневно косматым хвостом по своим он бокам и по бедрам
Хлещет кругом и себя самого подстрекает на битву;
Взором сверкает и вдруг, увлеченный свирепством, несется
Или стрельца растерзать, или в толпище первым погибнуть, —
Так поощряла Пелида и сила и мужество сердца

175 Противостать возвышенному духом Энею герою.
Чуть сосупились они, устремляясь друг против друга,

- Первый к нему взговорил Ахиллес, бессмертным подобный:
 «Что ты, Эней, на такое пространство отшедши от рати,
 Стал? Не душа ли тебя сразиться со мной увлекает
 180 В гордой надежде, что ты над троянами царствовать будешь,
 Чести Приама наследник? Но, если б меня и сразил ты,
 Верно, Приам не тебе свое достояние вверит.
 Есть у него сыновья; и в намереньях тверд он, незыбок.
 Или троянцы тебе обещают удел знаменитый,
 185 Лучшее поле для стада и пашен, чтоб им обладал ты,
 Если меня одолеешь? Тяжел, я надеюсь, подвиг!
 Ты уж и прежде, я помню, бежал пред моим Пелиасом.
 Или забыл, как, тебя одного изловив я у стада,
 Гнал по Идейским горам, и с какой от меня быстротою
 190 Ты убегал? И назад оглянуться не смел ты, бегущий!
 С гор убежал ты и в стены Лирнесса укрылся; но в прах я
 Град сей рассыпал, ударив с Афиной и Зевсом Кронидам;
 Множество жен полонил и, лишив их жизни свободной,
 В рабство увлек; а тебя от погибели спас громовержец.
 195 Ныне тебя не спасет он, надеюсь, как ты полагаешь
 В сердце своем! На прими мой совет и отсюда скорее
 Скройся в толпу; предо мною не стой ты, пока над тобою
 Горе еще не сбылося: событие зрит и безумный!»

- Но Эней знаменитый ответствовал так Ахиллесу:
 200 «Сын Пелеев! напрасно меня, как младенца, словами
 Ты застращать уповаешь: так же легко и свободно
 Колкие речи и дерзости сам говорить я умею.
 Знаем взаимно мы род и наших родителей знаем,
 Сами сказания давние слыша из уст человеков:
 205 Но в лицо, как моих ты, равно и твоих я не ведал.
 Ты, говорят, благородного мужа Пелея рожденье;
 Матьер — Фетида тебе, лепокудрая нимфа морская.
 Я же единственным сыном высокого духом Анхиза
 Славлюся быть; а матьер моя Афродита богиня.
 210 Те иль другие должны неизбежно сегодня оплакать
 Сына любезного: ибо не мню я, чтоб детские речи
 Нас развели и чтоб с бранного поля мы так разошлись.
 Если ж ты хочешь, скажу я тебе и об роде, чтоб знал ты
 Наш знаменитый род: человекам он многим известен.

- 215 Нашего предка Дардана Зевс породил громовержец:
Он основатель Дардании; сей Илион знаменитый
В поле еще не стоял, яспоречных народов обитель;
Жили еще на погориях Иды, водами обильной.
Славный Дардан Эрихфония сына родил, скиптроносца,
- 220 Мужа, который меж смертных властителей был богатейший:
Здесь у него по долинам три тысячи коней паслося,
Тучных, молодых кобылиц, жеребьятами резвыми гордых.
К ним не раз и Борей разгорался любовью на паствах;
Многих из них посещал, набегая конем черногривым;
- 225 Все понесли, и двенадцать коней от Борей родили.
Бурные, если они по полям хлебородным скакали,
Выше земли, сверх колосьев носились, стебля не смявши;
Если ж скакали они по хребтам беспредельного моря,
Выше воды, сверх валов рассыпавшихся, быстро летали.
- 230 Царь Эрихфоний родил властелина могучего Троса;
Тросом дарованы свету три знаменитые сына:
Ил, Ассарак и младой Ганимед, небожителем равный.
Истинно, был на земле он прекраснейший сын человеков!
Он-то богами и взят в небеса, виночерпцем Зевесу,
- 235 Отрок прекрасный, дабы обитал среди сонма бессмертных.
Илом почтенным рожден непорочный душой Лаомедон;
Царь Лаомедон родил знаменитых: Тифона, Приама,
Клития, Лампа и отрасль Арееву, Гикетаона.
Капис, ветвь Ассарака, родил властелина Анхиза;
- 240 Я от Анхиза рожден, от Приама — божественный Гектор.
Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хваплюся!
Доблесть же смертных властительный Зевс и величит и малит,
Как соизволит провидец: зане он единый всемогущ.
Но довольно о сем; разговаривать больше, как дети,
- 245 Стоя уже на середине гремящего боя, не будем.
Нам обоим легко насказать оскорблений взаимных
Столько, что тяжести их не подымет корабль стоскамейный.
Гибок язык человека; речей для него избыточно
Всяких; поле для слов и сюда и туда беспредельно.
- 250 Что человеку измолвишь, то от него и услышишь.
Но к чему нам послужат хулы и обидные речи,
Коими, стоя, друг друга в лицо мы ругаем, как жены,

Жены одни, расплавшись злостью, сердце грызущей,
Шумно ругаются между собою, на улицу вышед;
255 Правду и ложь расточают; гнев до чего не доводит!
Ты от желанного боя словами меня не отклонишь,
Прежде чем медью со мной не сразишься. Начнем и скорее
Силы один у другого на острых изведем копьях!»

Рек он—и медною пикою в щит и чудесный и страшный
260 Мощно ударил,— и весь он, огромный, взревел под ударом.
Быстро Пелид и далеко рукою дебелой от персей
Щит отклонил устрасая; он думал, что дрот длиннотенный
Может пробиться легко, устремленный могучим Энеем:
Он, неразумный, о том ни душой, ни умом не размыслил,
265 Что не может легко небожителей дар благородный
Смертным мужам уступать, ни могучеством их сокрушаться.
Пущенный сильным Энеем щита досточудного бурный
Дрот не пробил, обессиленный златом, божественным даром.
Две полосы просадил он; но три их еще оставалось;
270 Пять в нем полос сочетал хромоногий художник небесный:
Две для поверхности медяных, две оловянных в середине
И одну золотую: она-то копье удержала. —
После герой Ахиллес послал длиннотенную пику
И ударил противника в щит его выпуклобляшный,
275 Около обода, где и тончайшая медь оббегала,
Где и тончайшая кожа лежала воловья: насквозь их
Ясень прорвал пелионский; весь щит затрещал под ударом.
Сгорбясь, прикинул Эней и стремительно щит над собою
В страхе поднял; и копье, засвистев у него над спиною,
280 Стало, вонзившись в землю, насквозь прохватившее оба
Плотные круги щита. Ускользнув от убийственной меди,
Стал Анхизид, и в очах его черная мгла разлилася
С ужаса, как недалёко от смерти он был. Ахиллес же
Пламенный, крикнувши страшно и выхватив меч изощренный,
285 Бросился; но сопровтивник рукой подхватил уже камень,
Страшное дело, какого не подняли ли б два человека,
Ныне живущих; а он и один им размахивал быстро.
Тут Ахиллеса напавшего — камнем Эней поразил бы
В шлем или в щит, но они от него отразили бы гибель;

- 290 Сын же Пелеев мечом у Энея исторгнул бы душу,
Если б того не узрел Посейдон, потрясающий землю.
Быстро к бессмертным богам устремил он крылатое слово:
«Боги! печаль у меня о возвышенном духом Энее!
Скоро герой, Ахиллесом сраженный, сойдет к Аидесу,
295 Ложных советов послушав царя Аполлона, который
Сам, безрассудный, его не избавит от гибели грозной.
Но за что же теперь, неповинный, он бедствовать будет?
Казнь понесет за вины чужие? Приятные жертвы
Часто приносит богам он, на небе великом живущим.
300 Боги, решимся и сами его из-под смерти исторгнем.
Может, и Зевс раздражится, когда Ахиллес у Энея
Жизнь пресечет: предназначено роком — Энею спастись,
Чтобы бесчадный, пресекшийся род не погибнул Дардана,
Смертного, Зевсу любезного более всех человеков,
305 Коих от крови его породили смертные жены;
Род бо Приама владыки давно ненавидит Кронион.
Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно,
Он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться».

- Быстро ему отвечала богиня верховная Гера:
310 «Землю колеблющий, собственным разумом сам размышляй ты,
Должно ль избавить тебе иль оставить троянца Энея
Пасть под рукой Ахиллеса великого, как он ни славен.
Мы, Посейдаон, богини, и я и Паллада Афина,
Тысячу крат перед всеми бессмертными клятвой кпялися
315 Трои сынов никогда не спасать от грозящей напасти,
Даже когда Илион пожирающим пламенем бурным
Весь запылает, зажженный светочьми храбрых данаев».

- Геры услышавши речь, Посейдаон, земли колебатель,
Встал, устремился сквозь шумную битву и трескот оружий
320 К месту, где храбрый Эней и герой Ахиллес подвизались.
Быстро, как бог, разлил он ужасную тьму пред очами
Сына Пелеева; ясьень пелийский, сияющий медью,
Вырвавши сам из щита у высокого духом Энея,
Тихо его положил близ Пелидовых ног, а Энея
325 Мощной рукою поднял от земли и по воздуху бросил:
Многие толпища воинов, многие толпища коней

- Быстро Эней перепрыгнул, рукой божества устремленный.
Он долетел до пределов кипящего битвою поля,
Где ополченья кавконов готовились двинуться в сечу.
- 330 Там Анхизиду предстал Посейдхон, колеблющий землю,
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:
«Кто из бессмертных, Эней, тебя ослепил и подвинул
С сыном Пелеевым бурным сражаться и меряться боем?
Он и сильнее тебя, и любезнее жителям неба.
- 335 С ним и вперед повстречавшись, вспять отступай перед грозным;
Или, судьбе вопреки, низойдешь ты в обитель Аида.
После, когда Ахиллес рокового предела достигнет, —
Смело геройствуй, Эней, и в рядах первоборных сражайся
Ибо другой из ахейн с тебя не похитит корыстей».
- 340 Так Посейдон заповедав, на месте оставил Энея.
В то же мгновение бог от очей Ахиллеса рассеял
Облак чудесный; и, ясно прозрев, он кругом оглянулся,
Гневно вздохнул и вещал к своему благородному сердцу:
«Боги! великое чудо моими очами я вижу.
- 345 Дрот предо мною лежит на земле; но не зрю человека,
Против которого бросил, которого свергнуть пылал я!
Верно, и сей Анхизид божествам олимпийским любезен!
Он, полагал я, любвию их напрасно гордится.
Пусть он скитается! Мужества в нем, чтоб со мною сразиться,
- 350 Больше не будет; и ныне он рад, убежавши от смерти.
Но устремимся; данаев воинственных рать возбудивши,
Противостанем врагам и других мы троян испытаем».
- Рек он—и прыгнул к рядам и мужей возбуждал, восклицая:
«Днесите вы не стойте вдали от троян, аргивяне герои!
- 355 Муж против мужа иди и без отдыха пламенно бейся!
Трудно мне одному, и с великою силой моею,
Столько воюющих толп обойти и со всеми сражаться!
Нет, ни Арей, невзирая, что бог, ни Афина Паллада
Бездны сражений такой не могли б обойти, подвизаясь!
- 360 Сколько, однако ж, смогу я, руками, ногами и силой
Действовать буду и в рвении, льщусь, ни на миг не ослабну;
Прямо везде сквозь ряды я пройду; и никто из дарданцев
Весел не будет, который подступит к копыю Ахиллеса!»

- Так возбуждал их герой; а троян шлемоблещущий Гектор
365 Криком бодрил и грозился идти он против Ахиллеса;
«Храбрые Трои сыны! не страшитесь вы Пелейона.
Сам я словами готов и противу бессмертных сразиться;
Но копьем тяжело: божества человеков сильнее.
Речи не все и Пелид приведет в исполнение, гордый;
370 Но одни совершит, а другие, не кончив, оставит.
Я на Пелида иду, хоть огню его руки подобны,
Руки подобны огню, а душа и могучесть — железу!»

- Рек он, — и грозно трояне в противников подняли копья;
Храбрость смесилась мужей, и воинственный крик их раздался.
375 Тут, явившись Гектору, Феб возгласил сребролукий:
«Гектор! еще не дерзай впереди с Ахиллесом сражаться.
Стой меж рядов, поражай из толпы, да тебя и далёко
Он не уметит копьем или близко мечом не ударит.»

- Рек он, — и Гектор опять погрузился в волны народа,
380 С трепетом сердца услышавши голос вещавшего бога.
Тут Ахиллес на троян, облеченный всей силою духа,
С криком ударил: и первого он Ифитиона свергнул,
Храброго сына Отринтова, сильных дружин воеводу;
Нимфа наяда его родила градоборцу Отринту,
385 Около снежного Тмола, в цветущем селении Гиды.
Прямо летящего в встречу, его Ахиллес быстроногий
В голову пикою грянул, и надвое череп расселся.
С громом на землю он пал, и вскричал Ахиллес, величаясь:
«Лег ты, Отринтов сын, ужаснейший между мужами!
390 Умер ты здесь, на чужбине! а родину бросил далеко,
Возле Гигейского озера, бросил отцовские нивы,
Около рыбного Гилла и быстропучинного Герма!»

- Так величался, а очи сраженного тьма осенила;
Тело же кони ахейн колесами вокруг истерзали,
395 Павшее в первом ряду Ахиллес Демолеона там же,
В брани противника сильного, славную ветвь Антенора,
Пикой в висок поразил, сквозь шелом его меднолазитный:
Крепкая медь не сдержала удара; насквозь пролетела
Пика могучая, кость проломила и, в череп ворвавшись,

- 400 С кровью смесила весь мозг и смирила его в нападение.
 Вслед Гипподама, который, на дол соскочив с колесницы,
 Бросился в бег перед ним, поразил он копьем в междуплечье;
 Он, испуская свой дух, застонал, как вол темночелый
 Стонет, кругом алтаря геликийского мощного бога
- 405 Юношей силой влекомый, и бог Посейдон веселится,—
 Так застонал он, и дух его доблестный кости оставил.
 Тот же с копьем полетел на питомца богов Полидора,
 Сына Приамова. Старец ему запрещал ратоборство;
 Он из сынов многочисленных был у Приема юнейший,
- 410 Старцев любимейший сын; быстротою всех побеждал он,
 И, с неразумия детского, ног быстротою тщеславясь,
 Рыскал он между передних, пока погубил свою душу.
 Медяным дротом младого его Ахиллес быстроногий,
 Мчавшегось мимо, в хребет поразил, где застежки золотые
- 415 Запои смыкали и где представлялася броня двойная;
 Дрот на противную сторону острый пробился сквозь чрево;
 Вскрикнув, он пал на колена; глаза его тьма окружила
 Черная; внутренность к чреву руками прижал он, поникший.

- Гектор едва лишь увидел, что брат Полидор, прободенный,
 420 Внутренность держит руками, к кровавому долу приникший,
 Свет помрачился в очах Приамидовых: боле не смог он
 В дальних рядах оставаться; пошел он против Ахиллеса,
 Острым, как пламень светящим, колебля копьем. Ахиллес же,
 Чуть лишь увидел, подпрянул и с радостью гордой воскликнул:
- 425 «Вот человек сей, который глубоко пронзил мое сердце!
 Вот сей убийца друга любезного! Радуюсь: больше
 Друг мы от друга не будем по бранному поприщу бегать!»

- Рек — и, свирепо взглянув, к благородному Гектору воскликнул:
 «Ближе приди, да скорее дойдешь к роковому пределу!»
- 430 И ему, не смущаясь, отвечивал Гектор великий:
 «Сын Пелеев! меня, как младенца, напрасно словами
 Ты устрашить ласкаешься: так же легко и свободно
 Колкие речи и дерзости сам говорить я умею.
 Ведаю, сколько могуч ты и сколько тебя я слабее.
- 435 Но у богов всемогущих лежит еще то на коленах,

Гордую душу тебе не я ли, слабейший, исторгну,
Сим копием; на копье и моем остра оконечность!»

- Рек — и, ужасно сотряси, копье он пустил; но Афина
Духом отшибла его от Пелеева славного сына,
440 В сретенье тихо дохнув; и назад к Приамиду герою
Дрот прилетел, и бессильный у ног его пап. Ахиллес же,
Пламенный, с криком ужасным, убить нетерпением горящий,
Ринулся с пикой; но Феб Аполлон Приамида избавил
Быстро, как бог осенил он героя мраком глубоким.
445 Трижды могучий Пелид на него нападал, ударяя
Пикой огромной, и трижды вонзал ее в мрак лишь глубокий.
Но в четвертый он раз еще налетевши, как демон,
Крикнул голосом страшным, крылатые речи вещая:
«Снова ты смерти, о пес, избежал! Над твоей головою и
450 Гибель висела, и снова избавлен ты Фебом могучим!
Феба обык ты молить, выходя на свистящие копья!
Скоро, однако, с тобою разделаюсь, встречу после,
Если и мне меж богов-небожителей есть покровитель!
Ныне пойду на других и повергну, которых постигну!»
- 455 Рек—и Дриопа убил он, ударивши, пикою в выю;
Тот, зашатавшись, у ног его пал; но его он оставил;
Демуха ж Филеторида, огромного, сильного мужа,
Дротом, в колено вонзив, удержал устремлённого; после
Медноогромным мечом поразил и исторг ему душу.
460 Вслед на Биаса детей, Лаогона и Дардана, вместе
К битве скакавших, напал он и вместе их сбил с колесницы.
Первого пикой пронзив, а другого мечом поразивши.
Трос же, Аласторов сын, подбежал и колена герою
Обнял, не даст ли пощады и в плен не возьмет ли живого:
465 Может быть, думал, меня не убьет, над ровесником сжался.
Юноша бедный! не знал он, что жалости ждет бесполезно.
Был перед ним не приветный муж и не мягкосердечный —
Муж непреклонный и пламенный! Трос обхватил лишь колена,
Мысли молить, как весь нож Ахиллес погрузил ему в печень;
470 Печень в груди отвалилася; кровь, закипевши из раны,
Перси наполнила; очи его, испустившего душу,

- Мрак осенил; а Пелид, устремившись, Мулия грянул
 В ухо копьем, и стремительно вышло сквозь ухо другое
 Медное жало. За ним он Эхеклу, Агенора сыну,
 475 Череп разнес пополам мечом с рукояткой огромной:
 Весь разогрелся под кровию меч; и Эхеклу на месте
 Очи смежила багровая Смерть и могучая Участь.
 После сразил Девкалиона: где на изгибистом локте
 Жилы сплетаются, там ему руку насквозь прохватила
 480 Острая пика, и стал Девкалион, с рукою повисшей,
 Видящий близкую смерть: Ахиллес пересек ему выю,
 Голову с шлемом, сотрясши, поверг; из костей позвоночных
 Выскочил мозг; обезглавленный труп по земле протянулся.
 Он же немедля напал на Пиреева славного сына,
 485 Ригма, который пришел из фракийской земли плодоносной;
 Дротом его поразил; острие углубилось в утробу;
 Он с колесницы слетел; а Пелид Арейфою вознице,
 Коней назад обращавшему, в плечи сияющий дротик
 Вбил и сразил с колесницы; и в страхе смешались кони.
- 490 Словно как страшный пожар по глубоким свирепствует делям,
 Окрест сухой горы, и пылает лес беспредельный;
 Ветер, бушуя кругом, развеивает погибельный пламень, —
 Так он, свирепствуя пикой, кругом устремлялся, как демон;
 Гнал, поражал; заструилось черною кровию поле,
 495 Словно когда земледелец волов сопряжет крепкочелых
 Белый ячмень молотить на гумне округленном и гладком;
 Быстро стираются класы мычащих волов под ногами, —
 Так под Пелидом божественным твердокопытные кони
 Трупы крушили, щиты и шеломы: забрызгались кровью
 500 Снизу вся медная ось и высокий полкруг колесницы,
 В кои, как дождь, и от конских копыт, и от ободов бурных
 Брызги хлестали; пылал он добыть между смертными славы
 Храбрый Пелид, и в крови обагрят необорные руки.

Печатается по: Гомер. Илиада. — М.:
 Московский рабочий,
 1981. — С. 320 и след.

ДЕМОСФЕН

Кроме речей политических, довольно известных в России, Демосфену принадлежат и такие, которые касаются повседневной жизни его современников, например, «... о приданом», «об обмене имуществом», «... о лжесвидетельстве» «... о нанесении ущерба», «... о долге», «... о нанесении побоев», «надгробная речь» и др.

Нет смысла перечислять их далее, но нужно полистать этот трехтомник знаменитого афинского оратора: поучительно, с элементами явного эстетизма, автор рассказывает о жизни античных греков.

Остановимся только на речи, которую автор назвал «Любовная речь». Впрочем, среди современных нам ученых нет единого мнения о том, что речь подготовил сам Демосфен: может быть, это был один из последователей или даже его учеников.

Сформулируем риторические задания, тем более, что «Любовная речь» официально включена в «Демосфеновский корпус».

ЗАДАНИЯ

1. Попытайтесь вычленить из речи те задачи, которые ставит перед собой ее автор. Сколько их, какие они, как можно охарактеризовать каждую из них? Найдите по тексту те строки, которые характеризуют ответ на это задание.
2. Как, по мнению автора речи, следует составлять речи такого наполнения, рассчитанные к тому же на устное произнесение?
3. Как характеризует автор адресат своей речи — внешний вид, природные качества, мудрый образ жизни, мужественность, отношение к философии...? Каждый, желающий ответить на это задание, может продолжить список по тексту, перечисляя то, что адресат «должен делать для собственной пользы»... (см. цифру (56) по тексту Демосфена).
4. Какие особенности стиля автора можно отметить, перечитывая его речь не в первый раз, например, как составляет автор свои пожелания адресату (см., скажем, цифру (52) по тексту) или рассуждение о личном вкладе в достижение успеха (см. цифру (39) по тексту)?
5. Что еще можно сказать о речи, дополнив по собственному желанию перечисленные выше вопросы еще одним или несколькими?

Примечания и пояснения к «Любовной речи»

Позднейшая античная традиция приписывает великому оратору и увлечение философией. Между тем автор данной речи как в языке и стиле, так и в понимании философии является последователем Исократа. Диалогическая форма преамбулы речи показывает также, что автор был знаком с «Федром» Платона. На основании приводимых в ней имен речь можно датировать временем жизни Александра Македонского.

- ¹ Речь произносится третьим лицом от имени отсутствующего автора.
- ² Имеется виду нечто вроде записной книжки, состоящей из полос папируса.
- ³ Речи, предназначенные для письменной публикации или для чтения в узком кругу ценителей.
- ⁴ Аретэ — персонифицированный образ добродетели.
- ⁵ Эти состязания состояли в том, что наездник на последнем круге гонки и полном ходу прыгивал с колесницы и бежал подле нее и затем перед достижением цели вновь запрыгивал в нее.
- ⁶ Речь идет о боевых колесницах, описываемых Гомером, (см., например: Илиада. 466-475).
- ⁷ Эак и Радамант — судьи в царстве мертвых (вместе с Миносом).
- ⁸ Геракл — известный герой, прославившийся своими двенадцатью подвигов! Кастор и Полидевк — близнецы, совершили ряд подвигов, в том числе освободили свою сестру Елену и участвовали в походе аргонавтов.
- ⁹ Ганимед — мальчик, за красоту взятый на небо, любимец Зевса и его виночерпий. Адонис отличался редчайшей красотой. Согласно одному из мифов, из капель крови Адониса, погибшего во время охоты на вепря, выросли розы.
- ¹⁰ Перикл — знаменитый афинский государственный и политический деятель V в. (родился около 490). Учился не только у Анаксагора, но и испытал на себе влияние элеата Зенона и музыканта Дамона (*Плутарх*. Перикл. IV. 4; *Платон*. Алкивиад. 119 а).
- ¹¹ Анаксагор — знаменитый философ, родился около 500 г. в Клазоменах. В родном городе быстро отошел от общественной жизни, путешествовал по Греции. В 456 г. остановился в Афинах и близко сошелся с Периклом. Известен своим учением об «уме».
- ¹² Алкивиад — афинский государственный деятель и полководец (450—403), часто менял политическую ориентацию, пускался на авантюры во взаимоотношениях между греками и персами, афинянами и спартацами. Отличался красотой, умом и честолюбием, а также невоздержанностью, заносчивостью и грубостью (*Платон*. Пир; *Плутарх*. Алкивиад).

- ¹³ Сократ — знаменитый афинский философ (около 470—399).
- ¹⁴ Тимофей — известный афинский стратег и государственный деятель, сын Конона, друг Исократ (*Псевдо-Плутарх*. Жизнеописание 10 ораторов. 873 с.; *Цицерон*. Об ораторе. III. 34), руководил многочисленными военными предприятиями во второй четверти IV в., в частной жизни отличался расточительностью и невоздержанностью. См. вступление к примеч. к речи XLIX.
- ¹⁵ Исократ — знаменитый афинский оратор и публицист (436—338), пользовавшийся большим влиянием в политической жизни Афин и Греции, держал школу, из которой вышло много видных государственных деятелей, писателей и ораторов.
- ¹⁶ Архит из Тарента — философ пифагорейской школы первой половины IV в., известен как математик, полководец и государственный деятель, был дружен с Платоном.
- ¹⁷ Солон — знаменитый афинский государственный деятель VII в., начал свою политическую деятельность с призыва к войне с Мегарами, чтобы вернуть принадлежавший некогда афинянам о. Саламин, борьба за который отразилась в написанной им элегии «Саламин». Еще более известен своим законодательством, пришедшим на смену законов Драконта. Ему принадлежит также целый ряд прогрессивных нововведений в области культуры, образования и воспитания. За его выдающиеся качества древние включили имя Солона в число семи самых мудрых людей.

LXI ЛЮБОВНАЯ РЕЧЬ

(1) Ну что же, коль скоро ты хочешь послушать речь, то я познакомлю тебя с ней и прочту. Однако, прежде всего тебе нужно узнать о цели ее написания. В своей речи¹ автор желает восхвалить Эпикрата, он, по его мнению, является самым привлекательным среди многих благородных юношей города и еще более превосходит своих сверстников разумом, чем красотой. Но так как автор видел, коротко говоря, что большинство сочинений о любви принесло тем, в честь кого они написаны, больше позора, чем славы, то поостерегся совершить такой промах, и, как утверждает, написал о том, в чем твердо был убежден в душе, а именно, что истинно любящий не может ни совершить, ни потребовать чего-нибудь постыдного.

(2) Так вот, если ты ждешь от меня речь главным образом о любви, то она об этом и написана; в остальном же частью посвящена восхвалению самого юноши, а частью — увещаниям относительно образования и

направления жизни. Все это изложено в том виде, как это обычно делается в записках². Ведь речи, предназначенные для устного произнесения, должны быть составлены просто и естественно, как если бы кто говорил без подготовки, те же, которые рассчитаны на больший срок жизни, требуют искусной и тщательной разработки; первым подобает быть убеждающими, последним — показательными³. Но для того чтобы мне не пришлось сказать ничего неожиданного для тебя и чтобы не выражать только личное мнение о предмете, удели внимание самой речи; ее сейчас ты услышишь, ведь пришел и сам Эпикрат, которого я хотел видеть в качестве слушателя.

(3) Я замечал, что некоторые из тех, кого любят и кто обладает красотой, не находят правильного применения ни одному из этих счастливых качеств, но, с одной стороны, превозносятся красивой наружностью, с другой же, избегают общения с влюбленными. И они настолько неверно судят о собственном благе, что из-за тех, кто губит дело, также дурно расположены к желающим сблизиться на основе целомудренной воздержанности. Поэтому, казалось мне, такие люди не только не понимают своей пользы, но и приучают остальных к порочному общению, (4) и те, кто мыслит возвышенно, не должны следовать безрассудству этих последних; поскольку поступки сами по себе строго не делятся на прекрасные и постыдные, но имеют это различие по большей части в зависимости от свойств совершающих их, то неразумно было бы одинаково судить об одних и других. Кроме того, нет ничего более нелепого, чем то, когда восхищаются теми, у кого очень много искренних друзей, но при этом отвергают влюбленных, хотя только им и свойственно сблизиться не со всеми, но с добродетельными и благоразумными. (5) Ну, а кто вообще никогда не видел прекрасной вершины такой любви или решительно приговорил себя к неспособности целомудренно наслаждаться общением с другими, то и не удивительно, что он имеет такой образ мыслей. У тех, кто настроен так, как ты, и хорошо осведомленных, как заметно благодаря чистой любви, увеличилось число дружеских связей, какие все это время поддерживались с тщательнейшей осмотрительностью, не возникает даже мысли о том, что их можно подозревать в каких-нибудь неблагоприятных делах. (6) Поэтому меня особенно побуждала к написанию речи возможность достичь двух прекрасных целей. Во-первых, рассказав о присущих тебе добродетелях, я одновременно рассчитываю показать, что ты достоин восхищения и что я, влюбленный в тебя, обладающего такими достоинствами, отнюдь не безумец; и, во-вторых, подавая тебе сове-

ты, — а это в высшей степени необходимо, — я надеюсь, с одной стороны, выразить свидетельства моей любви, с другой же — указать на основания нашей взаимной дружбы. (7) Однако мне хорошо известно, как нелегко, рассказывая о тебе, передать твои выдающиеся природные качества, и как еще опаснее — дать совет, ибо советчик должен нести ответственность за того, кого он убедил. Но те, я считаю, кто по праву удостоился похвального слова, должны на деле далеко превосходить силу красноречия своих хвалителей; давая же совет, я постараюсь не ошибиться, ибо знаю, что безрассудные и окончательно испорченные невоздержанностью люди совершенно ничего не могут взять даже из самых удачных советов, и напротив, те, кто ведет скромную и добродетельную жизнь, умеют успешно воспользоваться и посредственным советом. (8) С этой надеждой я и приступлю к речи. Но, я думаю, все вы, пожалуй, согласитесь со мной: в этом возрасте особенно подобает отличиться красотой тела, воздержанностью в желаниях, мужественностью того и другого, способностью вести приятные речи. Но всем этим, что является даром природы, судьба наградила тебя столь щедро, что ты неизменно вызываешь всеобщее удивление, прочее же ты сам собственными стараниями довел до такого совершенства, что в этом отношении тебя не мог бы упрекнуть ни один разумный человек. (9) И все же, за что кто-то удостоивается величайших похвал? Разве не за то, что его любят боги, а люди восхищаются как им самим, так и его счастливой судьбой? В целом о твоих добродетелях уместно, пожалуй, подробнее рассказать потом; теперь же я попытаюсь правдиво показать то, что должен сказать в похвалу твоим достоинствам особо.

(10) Я начну прежде всего с похвального слова тем твоим свойствам, по которым с первого взгляда все узнают тебя, — с наружной красоты и цвета кожи, отчего блестят и отдельные части и все твое тело. Мысленно я не нахожу ничего подходящего, с чем можно было бы это сравнить, однако мне приходит на ум просить читающих эту речь поглядеть на тебя и рассмотреть, чтобы я, который не в состоянии описать тебя похоже, мог удостоиться снисхождения. (11) Но с чем можно было бы сравнить то, что, будучи смертным, вызывает у созерцающих непреходящее желание, воспринимается зрением, но не приносит насыщения, исчезает из вида, но хранится в памяти, обладает достоинством богов, но имеет человеческую природу, цветет красотой, но не дает повода для обвинений в изъяде? Однако же твою наружность нельзя упрекнуть и в том, что уже случалось с красотой многих юношей. (12) Всю привлекательность

их внешности портила либо нескладность фигуры, либо какое-то несчастье решительно отрицало прекрасно созданное природой. Едва ли мы найдем в тебе подобный недостаток: какой-то из богов, заботившийся о твоей наружности, хранил тебя столь бережно от недугов такого рода, что, наделив безупречным внешним видом, он расположил в тебе все замечательным образом. (13) Так, особенно подчеркнув красоту твоего лица и глаз, божество тем самым еще более подтвердило свою благосклонность к тебе. Оно достаточно позаботилось о тебе не только для того, чтобы можно было увидеть очевидное, но так как добродетель некоторых людей не познается по их поступкам, то оно при помощи самого внешнего облика обнаружило прекраснейшие свойства твоего характера: для тех, кто тебя видел впервые, ты выглядел скромным, для всех — мужественным и рассудительным. (14) И самое удивительное вот что: если скромные люди чаще всего воспринимаются слабыми, величественные — высокомерными, мужественные — дерзкими, а спокойные — тупоумными, то благосклонная судьба все это противоположное уравнила в тебе и в должной мере объединила, как если бы она пожелала исполнить обет или подать всем пример в создании существа, но не обычного, а с бессмертными чертами. (15) Если бы только можно было описать словами твою красоту, или если бы она была единственным твоим преимуществом, заслуживающим похвалы, то мы, по нашему убеждению, прославляя достоинства твоей внешности, не должны были бы умолчать ни об одном из них. Теперь же я опасаясь, как бы нам не отбить у присутствующих охоту слушать остальное и не наговорить понапрасну красивых слов. (16) Но кто бы мог выразить словами совершенство твоей красоты, какую не могут превзойти произведения искусства самых лучших мастеров? И в этом нет ничего удивительного: ведь они имеют вид застывших фигур, так что остается нежным, какое выражение души придал им художник, напротив, необычайную красоту твоего тела во всем, что бы ты ни делал, подчеркивают движения самой сущности твоей души. Итак, о многом умолчав, я должен был в этих словах воздать хвалу твоей наружной красоте.

(17) Относительно порядочности я, очевидно, имею прекрасный повод сказать, что хотя на твоих ровесников возводят клевету, тебе выпало заслужить лишь похвалу. Ты не только ни в чем не поступил своей честью, но и избрал более мудрый образ жизни, чем можно было бы ожидать от человека твоего возраста. И самое большое тому доказательство — твое обхождение. Когда тебе приходилось сталкиваться с множеством людей, имевших самые разнообразные обычаи, и, когда затем все они

склоняли тебя к общению на привычный им лад, ты столь прекрасно держал себя в этих обстоятельствах, что все они, восхищенные, чувствовали дружеское расположение к тебе. (18) Это — признак людей, живущих по правилам чести и человеколюбия. Впрочем, кое-кто при всеобщем одобрении уже получил совет и последовал ему: не должно вступать в близкие отношения с первым встречным, ведь если кто в любви угождает низким людям, то его неизбежно порицает людская молва, а если он всячески бережется слухов подобного рода, то всегда вызывает неудовольствие своих друзей. (19) Я же полагаю, ты заслуживаешь от меня похвалы главным образом за то, что если остальные не считают возможным угодить нравам всех поклонников, то ты настолько отличаешься от них, что завоевал сердца всех самых суровых и разборчивых людей и, с одной стороны, никому не дал повода для подозрений в нечистых делах, с другой же, благодаря своему обхождению ни у кого не вызвал досады, происходящей от различия умонастроений. (20) Потому-то с влюбленными, если и об этом нужно сказать, ты, мне кажется, ведешь себя столь благородно и разумно, что, в то время как большинство вообще не может пристойно общаться с теми, кто оказал им предпочтение, тебе в высшей степени удалось снискать всеобщую любовь. Это — самое очевидное доказательство твоей добродетели. Ведь все, что ни есть справедливого и прекрасного, ты никого ничем не обошел, но при этом никто даже и не помышляет о вещах, причиняющих чувство стыда: столь большую возможность для тех, кто стремится к прекрасному, предоставляет твоя непорочность, и такую нерешительность она рождает в тех, кто склонен к наглости. (21) В самом деле, ведь если очень многие, когда были молодыми, пытались утвердить за собой имя порядочных людей молчанием, то ты настолько выдаешься врожденной добродетелью, что уже своими речами и приветливостью приобрел о себе ничуть не меньшую славу, чем при помощи всего остального; такая убедительность и такое изящество свойственны тебе, когда ты рассуждаешь серьезно и когда говоришь в шутку. Ибо ты добродушен, но не наивен, красноречив, но не коварен, благожелателен, но не без достоинства, вообще говоря, такой, какой мог быть сын Аретэ⁴ и Эрота.

(22) Теперь о твоей мужественности — ведь и об этом здесь нельзя умолчать, и не потому, что твои природные свойства не допускают более полного развития, или последующее время не предоставит еще больше возможностей для написания хвалебных речей в твою честь, но потому, что прекрасно — удостоиться хвалы в этом возрасте, в каком и осталь-

ным надлежит быть безупречными. О твоей мужественности с приведением многочисленных примеров мог бы рассказать и кто-нибудь другой, а особенно имея в виду твои упражнения, очевидцами которых были очень многие люди. (23) Однако, нужно прежде всего сказать о том, как прекрасно ты поступил, отдавшись этому роду состязаний. Правильный выбор в юношеском возрасте того, чем следует заниматься, есть главный признак добродетельного характера и здравого рассудка. Поэтому решительно нельзя обойти похвалой твоего образа действий. Хорошо зная о том, что в прочих соревнованиях имеют право участвовать и рабы и чужеземцы, а состязания на колесницах⁵ являются преимуществом только полноправных граждан, к тому же, лучших из них, ты посвятил себя этому виду состязаний. (24) Кроме того, рассудив, что упражнения в беге несколько не способствуют приобретению мужества и крепости духа, а кулачные бои и подобное этому наносят ущерб внешнему виду и умственным способностям, ты избрал самое возвышенное и прекрасное поприще, к тому же более всего соответствующее твоим наклонностям, ибо эти состязания из-за обращения к оружию и напряженного бега сравнимы с действиями на войне, а по своему великолепию и красоте снаряжения подобны отблеску могущества богов. (25) Вдобавок к этому, они представляют собой восхитительное зрелище, состоящее из множества меняющихся картин, и потому оцениваются самыми высокими наградами; ведь помимо победного венка, уже сами состязания и подготовка к ним являются немалой наградой для тех, кто в надлежащей мере стремится к доблести. Величайшее тому доказательство — произведение Гомера⁶, где у него таким способом воюют друг против друга эллины и варвары. Ведь еще и теперь во время игр этот обычай сохраняется не только в самых незначительных эллинских городах, но и в самых могущественных. (26) Итак, твой выбор в высшей степени прекрасен и вызывает восхищение у всех людей. Но так как ты считал, что никакой пользы не приносят ни жажда доблести, ни тело, совершенное от природы, если душа не подготовлена для достижения честолюбивых целей, то с самого начала обнаружил это усердие не только своими упражнениями, но и не вызвал разочарования на деле, прочие же свои способности и мужество характера ты с блеском показал на публичных состязаниях. (27) Хотя я и медлю с началом рассказа о событиях, тогда происшедших, опасаясь за слабость передачи, однако я о них не умолчу; ведь достойно порицаний нежелание сообщить о том, что доставляет нам удовольствие видеть. Вместе с тем, если бы я захотел подробно рассказать обо всех состязаниях, то,

пожалуй, речь у нас оказалась бы слишком длинной. Но если я упомяну только об одних, где ты отличился больше всего, то я одновременно коснусь и всех прочих и не злоупотреблю терпением слушателей. (28) Когда были запущены упряжки, и одна шла впереди твоей, а другая позади, ты, опередив ту и другую, над обеими одержал убедительную победу и в награду получил венок, по сравнению с которым, хотя победа сама по себе была прекрасна, твое спасение оказалось более прекрасным и неожиданным. В то время как упряжка твоего противника в борьбе, не имевшей перевеса, столкнулась с твоей, и когда все решили, что несущихся коней невозможно сдержать, ты, хотя и видел, что некоторые из присутствующих — несмотря на то, что еще ничего страшного не произошло, — находятся в сильной тревоге, не растерялся и не оробел, но, благодаря своему мужеству, показал себя лучшим в управлении упряжкой, а благодаря быстроте, опередил своих соперников, дела которых до этого шли успешно. (29) Ты также оказал столь большое влияние на изменение нравов, что, хотя большинство поговаривало и было убеждено во мнении, на конных ристалищах-де самое приятное зрелище, это — крушение колесниц, все зрители, напротив, испытывали страх, как бы с тобой не случилось чего-нибудь подобного: такую благожелательность и дружественность вызывало у них твое благородство.

(30) И это естественно; ведь замечательно — прославиться в каком-нибудь одном отношении, но еще замечательнее — объединить в себе все, что могло бы служить к славе всякого честолюбивого человека. Это можно видеть вот откуда: мы найдем, что Эака и Радаманта боги любили за справедливость⁷, Геракла, Кастора и Полидевка — за мужество⁸, Ганимеда, Адониса⁹ и подобных им — за красоту. Поэтому меня удивляют не те, кто ищет твоей дружбы, а те, кто не выказывает такого желания. Ведь если некоторые удостоились близости богов, обладая лишь одним из упомянутых преимуществ, то, пожалуй, большим оказалось стремление всякого смертного добиться дружбы того, кто предстает обладателем всех достоинств. (31) По праву можно восхвалить твоих отца, мать и всех родственников, — так далеко превосходишь ты своих сверстников в доблести, но еще большей похвалы заслуживают те, кого ты, одаренный такими качествами, избрал из всех и признал достойными своей дружбы; (32) не знаю лишь, должно ли их называть влюбленными или же истинными знатоками. Мне также представляется, что судьба, презиращая низких людей и благосклонная к порядочным, желая взволновать сердца последних, с самого начала наградила тебя красотой не для того, что-

бы разочаровать их в надежде на удовольствие, а чтобы побудить к добродетели, ведущей к блаженству.

(33) Хотя еще немало я мог бы сказать о тебе, но, по-видимому, на этом мне следует закончить свое похвальное слово, ибо я опасаюсь, как бы обо мне не решили, что я, изображая тебя, выхожу за пределы человеческой природы. Как кажется, впечатление от описания словом столь значительно уступает непосредственному наблюдению, что никому не приходит в голову не верить воспринимаемому зрением, а похвалу тому же предмету, пусть она страдает недостатками, не находят правдивой.

(34) Итак, сказав об этом, я попытаюсь дать тебе советы, вняв им, ты сможешь сделать свой образ жизни еще более достойным. Однако я не хотел бы, чтобы ты дальнейшую мою речь рассматривал, как нечто внешнее и понимал бы ее так, как если бы я говорил из желания блеснуть красноречием, а не ради твоей пользы; я хочу, чтобы ты не ошибся в том, что является истинным, и, распоряжаясь собой, нечаянно не принял порок за благо. (35) Не порицаем же мы тех, кто безвестен и незаметен, если даже они совершают неблагородные поступки, а, напротив, пренебрежение хотя бы чем-нибудь одним из того, что доставляет почесть, приносит таким известным людям, как ты, позор. К тому же, кто допустил ошибку в своем суждении относительно прочих вещей, тот не избрал наилучшее только в одном случае. Но кто неправильно понял или оставил без внимания совет относительно принципов поведения, тот за свое невежество расплачивается в течение всей своей жизни.

(36) Всего этого тебе нужно избежать; ты должен обратить внимание на то, что в человеческих делах имеет самое большое значение и при счастливом исходе приносит нам наибольший успех, а при неудаче на всю жизнь причиняет непоправимый ущерб. Вне всякого сомнения, следует проявить особую заботу о том, что дает решительный перевес в том и другом случае, (37) И, конечно, мы найдем, что это — дух, который стоит во главе всех человеческих дел; его же может правильно воспитать и развить лишь одна философия. Поэтому, считаю я, ты должен приобщиться к ней, не колеблясь и не страшась труда, которого она требует; ведь праздность и беспечность не способствуют постижению даже того, что лежит на самой поверхности, тогда как терпение и трудолюбие приводят к достижению всех благ; (38) и поэтому самой большой глупостью является, когда люди все свои честолюбивые помыслы обращают на приобретение богатства, физической силы и на подобное и при этом терпят большие лишения, — ведь все это преходяще и обычно находится в подчине-

нии духа, — а о совершенствовании самого духа, пребывающего в них, стоящего над всем остальным и целиком определяющего жизненный путь, они не заботятся. (39) Прекрасно — прославиться высочайшими достоинствами, полученными от судьбы, но намного прекраснее — быть причастным ко всякому славному делу, благодаря собственному усердию. Первого иногда удавалось достигать и людям незначительным, но последнее доступно лишь человеку, отличающемуся добродетелью. (40) Однако для основательного и подробного изложения содержания философии нам представится в будущем, как я полагаю, более благоприятная возможность. Но коснуться ее вкратце нам сейчас ничто не мешает. В первую очередь тебе следует хорошенько уяснить главное, а именно, что в основе всякого образования лежат знания и некое упражнение, и что к философии это относится более всего. Чем серьезнее окажутся те, кто посвятил себя ей, тем лучше они смогут познать ее сущность. (41) Если красноречие и размышление обусловлены духом, а философия учит тому и другому, то отчего нам не стремиться овладеть этой наукой, чтобы с ее помощью стать сведущими в том и другом? Лишь тогда, разумеется, наша жизнь достигнет высшего совершенства, когда мы в своем стремлении к благу доступное познанию одолеем посредством искусства, остальное — путем упражнения и навыка (42) Однако ни в коем случае нельзя утверждать, будто мы в своих способностях усваивать знания ничем не отличаемся друг от друга. Вообще говоря, при надлежащем воспитании совершенствуется всякий человек, но более всего тот, кто от природы оказался одареннее других. Ведь одним удастся возвыситься лишь над самими собой, другим же — превзойти остальных. (43) Твердо помни, что знание, приобретенное на опыте, является ненадежным и не приносит пользы в дальнейшей жизни, и, наоборот, — образование на основе философии вооружает на все необходимые случаи жизни. Пусть кто-то, усердно упражняясь, благодаря счастливому стечению обстоятельств, уже добился славы. Не обращай на них внимания; тебе нужно позаботиться о самом себе. Ты должен не поверхностно, но глубоко рассуждать о важнейших вещах, знать не для того, чтобы слегка поговорить при случае, но чтобы с блеском выступать в состязаниях. (44) Поразмысли также, что тем, кто занимается философией, она во всем приносит величайшую пользу, но в еще большей мере она сообщает знания о практике и теории управления государственными делами. Быть несведущим в геометрии и в других подобных науках, конечно, позорно, но стать первым ревнителем ее — ниже твоего достоинства. Отличиться в этой области

знания — похвально, но проявить полную неосведомленность — смешно. (45) Об этом ты можешь как заключить из многого другого, так и заметить на примерах знаменитых мужей прошлого. Так, вероятно, ты слышал, что Перикл¹⁰, который, по общему мнению, мудростью далеко превосходит всех своих современников, сблизился с Анаксагором из Клазомен¹¹, и, став его учеником, приобрел такое большое влияние. Затем ты увидишь, что Алкивиад¹², значительно уступавший врожденной добродетелью этому последнему, который склонен был поступать в своей жизни то блестяще, то низко, а то разнузданно, по причине своей близости к Сократу¹³ во многом изменил к лучшему свой образ жизни, остальное же принудил предать забвению, совершив много великих деяний. (46) Но если желательно, чтобы я не задерживался на примерах прошлого и обратился к свидетельствам недавнего времени, то ты можешь обнаружить, что Тимофей¹⁴ удостоился великой славы и многочисленных почестей не вследствие своего образа действий в молодом возрасте, а благодаря подвигам, совершенным им под влиянием общения с Исократом¹⁵. Ты также убедишься, что Архит¹⁶, назначенный единоличным правителем, настолько справедливо и мягко управлял городом Тарентом, что имя его было у всех на устах. Он, сначала вызывавший пренебрежение, в полной мере проявил свое дарование, сблизившись с Платоном. (47) Впрочем, ничто из этого не происходило беспричинно; ведь было бы совершенно нелепо, если бы мы были вынуждены совершать незначительные дела, используя результаты научного знания и обучения, и, напротив, в важных делах могли бы обходиться без их применения. Я не знаю, что мне нужно еще об этом сказать; ибо с самого начала я помнил о твоей осведомленности в этих вещах, но при этом держал в уме, что подобные увещания несведущих побуждают, а сведущих поощряют. (48) Не думай, однако, будто я, излагая все это, намереваюсь как учитель наставить тебя в чем-нибудь таком. Мне не стыдно будет признаться, что я сам еще многому должен научиться; кроме того, я больше склонен заниматься государственными делами, чем быть учителем других. Я отказываюсь от этого не потому, что считаю сомнительной славу людей, избравших своей профессией обучение мудрости, но потому, что такова действительность. (49) Во всяком случае, многие, я знаю, бывшие до того людьми незаметными и скромными, благодаря этой науке стали знаменитыми, а Солон¹⁷ и при жизни и по смерти удостоился величайшей славы. Ему не только принадлежат прочие достойные деяния, но он оставил после себя как памятник своего мужества трофей, воздвигнутый в

честь победы над мегарцами, (50) как памятник прозорливости — возвращение Саламина, и как памятник глубокого ума — свои законы, которым еще и теперь неизменно следует большинство эллинов. Однако, обладая такими добродетелями, он ни о чем другом не проявил большей заботы, чем о славе одного из семерых мудрецов. При этом он считал, что философия приносит ее приверженцам не позор, но доброе имя и судил об этом столь же верно, как и об остальном, в чем он отличался.

(51) Не могу и я судить иначе и призываю тебя обратиться к философии, если ты еще помнишь о своем врожденном даре. Потому-то я и распространялся об этом в начале своей речи и совсем не для того, чтобы похвалой твоим природным свойствам приобрести твоё расположение, но чтобы тем больше побудить тебя к занятиям философией, если только ты придаешь ей какое-нибудь значение и в непомерной гордости своими настоящими достоинствами не пренебрегаешь будущими. (52) Коль скоро ты выделяешься среди своего окружения, то приложи все старание, чтобы превзойти остальных; более того, прими за лучшее первенствовать среди всех и считай, что гораздо полезнее показать такое стремление, нежели выдаваться среди посредственных людей. Не посрами своих способностей и не обмани надежды тех, кто ждет от тебя великих свершений, но пытайся собственным усердием превзойти ожидания любящих от всего сердца тебя людей. (53) Имей в виду, что прочие речи, если они заслуживают внимания, приносят славу своим авторам, но советы доставляют пользу и честь тем, кто дал себя убедить; суждения относительно прочих вещей раскрывают наши чувства, но избрание способа действий обнаруживает всю сущность нашего характера. Как ты решишь об этом деле, так все решат и о тебе; помни, что тот же суд испытанием ждет и меня, воздавшего тебе такую хвалу. (54) Поэтому будь достоин ее и охраняй меня от упреков за дружбу с тобой. Я не стал бы с таким пылом призывать тебя к занятиям философией, если бы не помышлял об этом прекрасном залоге моей благосклонности к тебе и если бы не видел, что государство, испытывая недостаток в благородных мужах, часто прибегает к услугам случайных людей и вследствие их ошибок терпит величайшие беды. (55) В своих предписаниях тебе я руководился горячим желанием, чтобы твоя добродетель послужила на пользу государства, а ты сам удостоился от него почестей. Я не верю, что тебе предстоит жизнь заурядного человека, но уповаю на то, что государство поручит тебе управлять каким-нибудь делом, к тому же настолько значительным, насколько оно будет соответствовать твоим выдающимся способностям,

и тем скорее пожелает подвергнуть тебя испытанию. Итак, полезно заранее иметь такой образ мыслей, чтобы потом не поступить дурно.

(56) Моей целью было сказать, что, по моему убеждению, ты должен делать для собственной пользы, твой же долг — поразмыслить над этим. Необходимо также, чтобы остальные, ищущие твоей дружбы, не довольствовались приятным времяпрепровождением и беседами с тобой и не склоняли тебя к ним, но прилагали все усилия к тому, чтобы придать твоей жизни как можно больший блеск. За это они могут и сами удостоиться большой похвалы, и стать источником величайших благ для тебя. (57) Я не порицаю теперь никого из твоих близких друзей. Ведь мне представляется немаловажным в твоём счастье и то, что судьба не столкнула тебя ни с одним бесчестным поклонником, но ты отдавал предпочтение таким, каких выбирают в друзья из своих сверстников. Все же я прошу тебя принимать всех их ласково и дружелюбно, но уступать тем из них, кто обладает наибольшей мудростью, с тем чтобы и они, и остальные сограждане держались о тебе еще более высокого мнения. Будь счастлив.

Печатается по: *Демосфен. Речи.*
В трех томах. Т.П. — М.: ПИМ,
1994. — С. 323 и след.

Таково содержание «Любовной речи» автора, наиболее популярного во все времена. Не правда ли, содержание это является несколько неожиданным для людей нашего времени? Речь идет не об эротике и не об описании всех сюжетов, сопровождающих такую тему, а о совсем других аспектах любовного отношения к человеку.

Продолжим данный выше перечень наших риторических и методических заданий.

ЗАДАНИЯ (продолжение)

6. Как можно квалифицировать различия в понимании самого термина «Любовная речь» — в современной интерпретации и в сравнении с текстом из «Демосфеновского корпуса». Хорошо было бы продумать план такого реферата, обсудить его с ритором, а затем, может быть, выступить с докладом, рассчитанным на больший регламент для выступления, чем обычные пять минут.

Для читателей, интересующихся риторикой, с одной стороны, — а с другой — равнодушных к законодательству и юриспруденции, еще одно, дополнительное, задание.

7. В издании речей Демосфена редакция, подготовившая их к публикации, поместила такие строки: «Воспроизведение в любой форме без письменного согласия издательства «Памятники исторической мысли» незаконно». А в предисловии к данному пособию процитирован «Закон Российской Федерации об авторском праве и смежных правах», ст. 1, пп. 1 и 2, в котором такое действие считается возможным, если делается с задачами «учебного характера и в объеме, оправданном поставленной целью». Итак, задание можно сформулировать так: во-первых, в чем расходятся Закон и слова редакции «ПИМ», во-вторых, — кто из них, на ваш взгляд, прав: редакция или российский Закон. И почему прав?

Может быть, для решения этого вопроса придется проконсультироваться у юриста, если собственных знаний по этому вопросу у начинающего оратора (а может быть, и у продолжающего) окажется недостаточно.

- А вот редакция самого популярного российского еженедельника «Аргументы и факты» указывает на последней странице: «При перепечатке ссылка на «АиФ» обязательна».

Следовательно, слово за оратором!

КОНИ АНАТОЛИЙ ФЕДОРОВИЧ

Обвинительная речь А.Ф. Кони по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем вошла во все сборники его трудов с неизменным посвящением его учителю — профессору римского права Н.И. Крылову, к которому он относился с неизменным почтением.

Дело об утоплении крестьянки Емельяновой слушалось 12 декабря 1872 г. в Петербургском окружном суде с участием присяжных заседателей. Защита была уверена, что обвинителю не удастся доказать виновность подозреваемого, но А.Ф. Кони был другого мнения. Позднее он писал:

Ознакомясь с делом, я приступил прежде всего к мысленной постройке защиты, выдвигая перед собой резко и определенно все возникающие и могущие возникнуть по делу сомнения, и решил поддерживать обвинение лишь в тех случаях, когда эти сомнения бывали путем напряженного раздумия разрушены и на развалинах возникало твердое убеждение в виновности... После того, как я пришел к убеждению в виновности путем логических житейских и психологических соображений, я начал мыслить образами. Они иногда возникали передо мною с такой силой, что я как бы присутствовал невидимым свидетелем при самом совершении преступления...

Речь А.Ф. Кони на самом процессе была столь ярка и убедительная, что присяжные вынесли свой приговор: «Да, виновен». Суд признал Емельянова виновным в «насильственном лишении жизни своей жены, но без предумышления и по обстоятельствам дела, заслуживающим снисхождения». Его лишили всех прав, состояния и на восемь лет отправили на каторгу. Текст речи А.Ф. Кони дается без сокращений.

ЗАДАНИЯ

1. Проследите за логикой оратора, доказывающего виновность подозреваемого, которую сам оратор называет «условиями». Сколь-

- ко их, как они расположены друг за другом, как строится описание жизненной линии банщика?
2. Охарактеризуйте всех действующих лиц этой трагедии.
 3. В речи есть немало цифр, характеризующих минуты и часы, относящиеся к преступлению. Проанализируйте их применительно к речи обвинителя и его «больших усилий ума и совести...».
 4. Исследуйте ораторские приемы А.Ф. Кони, использованные им в его речи. Какие эти приемы, сколько? Перечислите их.

СУДЕБНЫЕ ДЕЛА

ПО ДЕЛУ ОБ УТОПЛЕНИИ КРЕСТЬЯНКИ ЕМЕЛЬЯНОВОЙ ЕЕ МУЖЕМ

Господа судьи, господа присяжные заседатели? Вашему рассмотрению подлежат самые разнообразные по своей внутренней обстановке дела, где свидетельские показания дышат таким здравым смыслом, проникнуты такою искренностью и правдивостью и нередко отличаются такою образностью, что задача судебной власти становится очень легка. Остается сгруппировать все эти свидетельские показания, и тогда они сами собою составят картину, которая в вашем уме создаст известное определенное представление о деле. Но бывают дела другого рода, где свидетельские показания имеют совершенно иной характер, они сбивчивы, неясны, туманны, где свидетели о многом умалчивают, многие боятся сказать, являя перед вами пример уклончивого недоговаривания и далеко не полной искренности. Я не ошибусь, сказав, что настоящее дело принадлежит к последнему разряду, но не ошибусь также, прибавив, что это не должно останавливать вас, судей, в строго беспристрастном и особенно внимательном отношении к каждой подробности в нем. Если в нем много наносных элементов, если оно несколько затемнено неискренностью и отсутствием полной ясности в показаниях свидетелей, если в нем представляются некоторые противоречия, тем выше задача обнаружить истину, тем более усилий ума, совести и внимания следует употребить для узнания правды. Задача становится труднее, но не делается неразрешимой.

Я не стану напоминать вам обстоятельства настоящего дела; они слишком несложны для того, чтобы повторять их в подробности. Мы знаем, что молодой банщик женился, поколотил студента и был посажен под арест. На другой день после этого нашли его жену в речке

Ждановке. Проницательный помощник пристава усмотрел в смерти ее самоубийство с горя по мужу, и тело было предано земле, а дело — воле божьей. Этим, казалось бы, все и должно было кончиться, но в околотке пошел говор об утопленнице. Говор этот группировался около Аграфены Суриной, она была его узлом, так как она будто бы проговорила, что Лукерья не утопилась, а утоплена мужем. Поэтому показание ее имеет главное и существенное в деле значение. Я готов сказать, что оно имеет, к сожалению, такое значение, потому что было бы странно скрывать от себя и недостойно умалчивать перед вами, что личность ее не производит симпатичного впечатления и что даже вне обстоятельств этого дела, сама по себе, она едва ли привлекла бы к себе наше сочувствие. Но я думаю, что это свойство ее личности несколько не изменяет существа ее показания. Если мы на время забудем о том, как она показывает, не договаривая, умалчивая, труся или скороговоркою, в неопределенных выражениях высказывая то, что она считает необходимым рассказать, то мы найдем, что из показания ее можно извлечь нечто существенное, в чем должна заключаться своя доля истины. Притом показание ее имеет особое значение в деле: им завершаются все предшествовавшие гибели Лукерьи события, им объясняются и все последующие, оно есть, наконец, единственное показание очевидца. Прежде всего, возникает вопрос: достоверно ли оно? Если мы будем определять достоверность показания тем, как человек говорит, как он держит себя на суде, то очень часто примем показания вполне достоверные за ложные и, наоборот, примем оболочку показания за его сущность, за его сердцевину. Поэтому надо оценивать показание по его внутреннему достоинству. Если оно дано непринужденно, без постороннего давления, если оно дано без всякого стремления к нанесению вреда другому и если затем оно подкрепляется обстоятельствами дела и бытовую житейскую обстановкою тех лиц, о которых идет речь, то оно должно быть признано показанием справедливым. Могут быть неверны детали, архитектурные украшения, мы их отбросим, но, тем не менее, останется основная масса, тот камень, фундамент, на котором зиждуются эти ненужные, неправильные подробности.

Существует ли первое условие в показаниях Аграфены Суриной? Вы знаете, что она сама первая проговорила по первому толчку, данному Дарьею Гавриловую, когда та спросила: «Не ты ли это с Егором утопила Лукерью?» Самое поведение ее при ответе Дарье Гавриловой и подтверждение этого ответа при следствии исключают возможность

чего-либо насильственного или вынужденного. Она сделалась, — волею или неволею, об этом судить трудно, — свидетельницей важного и мрачного события, она разделила вместе с Егором ужасную тайну, но, как женщина нервная, впечатлительная, живая, оставшись одна, она стала мучиться, как все люди, у которых на душе тяготеет какая-нибудь тайна, что-нибудь тяжелое, чего нельзя высказать. Она должна была терзаться неизвестностью, колебаться между мыслью, что Лукерья, может быть, осталась жива, и гнетущим сознанием, что она умерщвлена, и поэтому-то она стремилась к тому, чтобы узнать, что сделалось с Лукерьей. Когда все вокруг было спокойно, никто еще не знал об утоплении, она волнуется как душевнобольная, работая в прачечной, спрашивает поминутно, не пришла ли Лукерья, не видали ли утопленницы. Бессознательно почти, под тяжким гнетом давящей мысли, она сама себя выдает. Затем, когда пришло известие об утопленнице, когда участь, постигшая Лукерью, определилась, когда стало ясно, что она не придет никого избличать, бремя на время свалилось с сердца, и Аграфена успокоилась. Затем опять тяжкое воспоминание и голос совести начинают ей рисовать картину, которой она была свидетельницей, и на первый вопрос Дарьи Гавриловой она почти с гордостью высказывает все, что знает. Итак, относительно того, что показание Суриной дано без принуждения, не может быть сомнения.

Обращаюсь ко второму условию: может ли показание это иметь свою исключительную целью коварное желание набросить преступную тень на Егора, погубить его? Такая цель может быть только объяснена страшною ненавистью, желанием погубить во что бы то ни стало подсудимого, но в каких же обстоятельствах дела найдем мы эту ненависть? Говорят, что она была на него зла за то, что он женился на другой; это совершенно понятно, но она взяла за это с него деньги; положим, что даже и, взяв деньги, она была недовольна им, но между неудовольствием и смертельною ненавистью целая пропасть. Все последующие браку обстоятельства были таковы, что он, напротив, должен был сделаться ей особенно дорог и мил. Правда, он променял ее, с которою жил два года, на девушку, с которой перед тем встречался лишь несколько раз, и это должно было задеть ее самолюбие, но чрез неделю или, во всяком случае, очень скоро после свадьбы он опять у ней, жалуется ей на жену, говорит, что снова любит ее, тоскует по ней. Да ведь это для женщины, которая продолжает любить, — а свидетели показали, что она очень любила его и переносила его крутое обраще-

ние два года, — величайшая победа! Человек, который ее кинул, приходит с повинною головою, как блудный сын, просит ее любви, говорит, что та, другая, не стоит его привязанности, что она, Аграфена, дороже, краше, милее и лучше для него... Это могло только усилить прежнюю любовь, но не обращать ее в ненависть. Зачем ей желать погубить Егора в такую минуту, когда жены нет, когда препятствие к долгой связи и даже к браку устранено? Напротив, теперь-то ей и любить его, когда он всецело ей принадлежит, когда ей не надо нарушать «их закон», а между тем она обвиняет его, повторяет это обвинение здесь, на суде. Итак, с этой точки зрения, показание это не может быть заподозрено.

Затем, соответствует ли оно сколько-нибудь обстоятельствам дела, подтверждается ли бытовою обстановкою действующих лиц? Если да, то, как бы Аграфена Сурина ни была несимпатична, мы можем ей поверить, потому что другие, совершенно посторонние лица, оскорбленные ее прежним поведением, не свидетельствуя в пользу ее личности, свидетельствуют, однако, в пользу правдивости ее настоящего показания. Прежде всего, свидетельница, драгоценная по простоте и грубой искренности своего показания, — сестра покойной Лукерьи. Она рисует подробно отношения Емельянова к жене и говорит, что, когда Емельянов посватался, она советовала сестре не выходить за него замуж, но он поклялся, что бросит любовницу, и она, убедившись этою клятвою, посоветовала сестре идти за Емельянова. Первое время они живут счастливо, мирно и тихо, но затем начинается связь Емельянова с Суриной. Подсудимый отрицает существование этой связи, но о ней говорит целый ряд свидетелей. Мы слышали показание двух девиц, ходивших к гостям по приглашению Егора, которые видели, как он, в половине ноября, целовался на улице, и, не таясь, с Аграфеною. Мы знаем из тех же показаний, что Аграфена бегала к Егору, что он часто, ежедневно по несколько раз, встречался с нею. Правда, главное фактическое подтверждение, с указанием на место, где связь эта была закреплена, принадлежит Суриной, но и оно подкрепляется посторонними обстоятельствами, а именно — показаниями служащего в Зоологической гостинице мальчика и Дарьи Гавриловой. Обвиняемый говорит, что он в этот день до 6 часов сидел в мировом съезде, слушая суд и собираясь подать апелляцию. Не говоря уже о том, что, пройдя по двум инстанциям, он должен был слышать от председателя мирового съезда обязательное по закону заявление, что апелляции на приговор съезда не бывает, этот человек, относительно которого приговор съезда был несправед-

лив, не только по его мнению, но даже, по словам его хозяина, который говорит, что Егор не виноват, «да суд так рассудил», этот человек идет любопытствовать в этот самый суд и просиживает там полдня. Действительно, он не был полдня дома, но он был не в съезде, а в Зоологической гостинице. На это указывает мальчик Иванов. Он видел в Михайлов день Сурину в номерах около 5 часов. Это подтверждает и Гаврилова, которой 8 ноября Сурина сказала, что едет с Егором, а затем вернулась в 6 часов. Итак, частица показаний Суриной подтверждается. Таким образом, очевидно, что прежние дружеские, добрые отношения между Лукерьею и ее мужем поколебались. Их место заняли другие, тревожные. Такие отношения не могут, однако, долго длиться: они должны измениться в ту или другую сторону. На них должны были постоянно влиять страсть и прежняя привязанность, которые пробудились в Егоре с такою силою и так скоро. В подобных случаях может быть два исхода: или рассудок, совесть и долг победят страсть и подавят ее в грешном теле, и тогда счастье упрочено, прежние отношения возобновлены и укреплены, или, напротив, рассудок подчинится страсти, заглухнет голос совести, и страсть, увлекая человека, овладеет им совсем; тогда явится стремление не только нарушить, но навсегда уничтожить прежние тягостные, стесняющие отношения. Таков общий исход всех действий человеческих, совершаемых под влиянием страсти; на середине страсть никогда не останавливается; она или замирает, погасает, подавляется или, развиваясь чем далее, тем быстрее, доходит до крайних пределов. Для того, чтобы определить, по какому направлению должна была идти страсть, овладевшая Емельяновым, достаточно взглянуть в характер действующих лиц. Я не стану говорить о том, каким подсудимый представляется нам на суде; оценка поведения его на суде не должна быть, по моему мнению, предметом наших обсуждений. Но мы можем проследить его прошедшую жизнь по тем показаниям и сведениям, которые здесь даны и получены.

Лет 16 он приезжает в Петербург и становится банщиком при номерных, так называемых «семейных» банях. Известно, какого рода эта обязанность; здесь, на суде, он сам и две девушки из дома терпимости объяснили, в чем состоит одна из главных функций этой обязанности. Ею-то, между прочим, Егор занимается с 16 лет. У него происходит перед глазами постоянный, систематический разврат. Он видит постоянное, беззастенчивое проявление грубой чувственности. Средства к жизни добываются не тяжелым и честным трудом, а тем, что он угождает

посетителям, которые, довольные проведенным временем с приведенною женщиною, быть может, иногда и не считая хорошенько, дают ему деньги на водку. Вот такова его должность с точки зрения труда! Посмотрим на нее с точки зрения долга и совести. Может ли она развить в человеке самообладание, создать преграды, внутренние и нравственные, порывам страсти? Нет, его постоянно окружают картины самого беззастенчивого проявления половой страсти, а влияние жизни без серьезного труда, среди далеко не нравственной обстановки для человека, не укрепившегося в другой, лучшей сфере, конечно, не явится особо задерживающим в ту минуту, когда им овладевает чувственное желание обладания... Взглянем на личный характер подсудимого, как он нам был описан. Это характер твердый, решительный, смелый. С товарищами живет Егор не в ладу, нет дня, чтобы не ссорился, человек «озорной», беспокойный, никому спускать не любит. Студента, который, подойдя к бане, стал нарушать чистоту, он поколотил больно — и поколотил притом не своего брата мужика, а студента, «барина», — стало быть, человек, не очень останавливающийся в своих порывах. В домашнем быту это человек не особенно нежный, не позволяющий матери плакать, когда его ведут под арест, обращавшийся со своею любовницею «как палач». Ряд показаний рисует, как он обращается вообще с теми, кто ему подчинен по праву или обычаю. «Идешь ли?» — прикрикивает он на жену, зовя ее с собою; «Гей, выходи», — стучит в окно, «выходи» — властно кричит он Аграфене. Это человек, привыкший властвовать и повелевать теми, кто ему покоряется, чуждающийся товарищей, самолюбивый, непьющий, точный и аккуратный. Итак, это характер сосредоточенный, сильный и твердый, но развившийся в дурной обстановке, которая ему никаких сдерживающих начал дать не могла.

Посмотрим теперь на его жену. О ней также характеристичные показания, эта женщина невысокого роста, толстая, белокурая, флегматическая, молчаливая и терпеливая. «Всякие тиранства от моей жены, капризной женщины, переносила, никогда слова не сказала», — говорит о ней свидетель Одинцов. «Слова от нее трудно добиться», — прибавил он. Итак, это вот такая личность: тихая, покорная, вялая и скучная, главное — скучная. Затем выступает Аграфена Сурина. Вы ее видели и слышали: вы можете относиться к ней не с симпатией, но вы не откажете ей в одном: она бойка и даже здесь за словом в карман не лезет, не может удержать улыбки, споря с подсудимым, она, очевидно, очень живого, веселого характера, энергическая, своего не уступит даром, у нее

черные глаза, румяные щеки, черные волосы. Это совсем другой тип, другой темперамент.

Вот такие-то три лица сводятся судьбою вместе. Конечно, и природа, и обстановка указывают, что Егор должен скорее сойтись с Аграфеною; сильный всегда влечется к сильному, энергическая натура сторонится от всего вялого и слишком тихого. Егор женится, однако, на Лукерье. Чем она понравилась ему? Вероятно, свежестью, чистотою, невинностью. В этих ее свойствах нельзя сомневаться. Егор сам не отрицает, что она вышла за него, сохранив девическую чистоту. Для него эти ее свойства, эта ее неприкосновенность должны были представлять большой соблазн, сильную приманку, потому что он жил последние годы в такой сфере, где девической чистоты вовсе не полагается; для него обладание молодою, невинною женою должно было быть привлекательным. Оно имело прелесть новизны, оно так резко и так хорошо противоречило общему складу окружающей его жизни. Не забудем, что это не простой крестьянин, грубоватый, но прямодушный, — это крестьянин, который с 16 лет в Петербурге, в номерных банях, который, одним словом, «хлебнул» Петербурга. И вот он вступает в брак с Лукерьею, которая, вероятно, иначе ему не могла принадлежать; но первые порывы страсти прошли, он охлаждается, а затем начинается обычная жизнь, жена его приходит к ночи, тихая, покорная, молчаливая... Разве это ему нужно с его живым характером, с его страстною натурою, испытавшею житье с Аграфеною? И ему, особенно при его обстановке, приходилось выдвигать виды, и ему, может быть, желательна некоторая завлекательность в жене, молодой задор, юркость, бойкость. Ему, по характеру его, нужна жена живая, веселая, а Лукерья — совершенная противоположность этому. Охлаждение понятно, естественно. А тут Аграфена снует, бегаёт по коридору, поминутно суется на глаза, подсмеивается и не прочь его снова завлечь. Она зовет, манит, туманит, раздражает, и когда он снова ею увлечен, когда она снова позволяет обнять себя, поцеловать, в решительную минуту, когда он хочет обладать ею, она говорит; «Нет, Егор, я вашего закона нарушать не хочу», — т.е. каждую минуту напоминает о сделанной им ошибке, корит его тем, что он женился, не думая, что делает, не рассчитав последствий, сглупив. Он знает при этом, что она от него ни в чем более не зависит, что она может выйти замуж и пропасть для него навсегда. Понятно, что ему остается или махнуть на нее рукой и вернуться к скучной и молчаливой жене, или отдаться Аграфене. Но как отдаться? Вместе, одновременно

с женою? Это невозможно. Во-первых, это в материальном отношении дорого будет стоить, потому что ведь придется и материальным образом иногда выразить любовь к Суриной; во-вторых, жена его стесняет; он человек самолюбивый, гордый, привыкший действовать самостоятельно, свободно, а тут надо ходить тайком по номерам, лгать, скрываться от жены или слушать брань ее с Аграфеною и с собою — и так навеки! Конечно, из этого надо найти исход. И если страсть сильна, а голос совести слаб, то исход может быть самый решительный. И вот является первая мысль о том, что от жены надо избавиться.

Мысль эта является в ту минуту, когда Аграфена вновь стала принадлежать ему, когда он снова вкусил от сладости старой любви и когда Аграфена отдалась ему, сказав, что это, как говорится в таких случаях, «в первый и в последний раз». О появлении этой мысли говорит Аграфена Сурина: «Не сяду под арест без того, чтобы Лукерья не было», — сказал ей Емельянов. Мы бы могли не совсем поверить ей, но слова ее подтверждаются другим беспристрастным и добросовестным свидетелем, сестрою Лукерья, которая говорит, что накануне смерти, через неделю после свидания Егора с Суриною, Лукерья передавала ей слова мужа: «Тебе бы в Ждановку». В каком смысле было это сказано — понятно, так как она отвечала ему: «Как хочешь, Егор, но я сама на себя рук накладывать не стану». Видно, мысль, на которую указывает Аграфена, в течение недели пробежала целый путь и уже облеклась в определенную и ясную форму — «тебе бы в Ждановку». Почему же именно в Ждановку? Вглядитесь в обстановку Егора и отношения его к жене. Надо от нее избавиться. Как, что для этого сделать? Убить... Но как убить? Зарезать ее — будет кровь, нож, явные следы, — ведь они видятся только в бане, куда она приходит ночевать. Отравить? Но как достать яду, как скрыть следы преступления и т. д.? Самое лучшее и, пожалуй, единственное средство — утопить. Но когда? А когда она пойдет провожать его в участок — это время самое удобное, потому что при обнаружении убийства он окажется под арестом и даже как нежный супруг и несчастный вдовец пойдет потом хоронить утопившуюся или утонувшую жену. Такое предположение вполне подкрепляется рассказом Суриной. Скажут, что Сурина показывает о самом убийстве темно, туманно, путается, сбивается. Все это так, но у того, кто, даже как посторонний зритель, бывает свидетелем убийства, часто трясутся руки, и колотится сердце от зрелища ужасной картины: когда же зритель не совсем посторонний, когда он даже очень близок к убийце, когда убий-

ство происходит в пустынном месте, осенью и сырою ночью, тогда немудрено, что Аграфена не совсем может собрать свои мысли и не вполне разглядела, что именно и как именно делал Егор. Но сущность ее показаний все-таки сводится к одному, т.е. к тому, что она видела Егора топившим жену; в этом она тверда и впечатление передает с силою и настойчивостью. Она говорит, что, испугавшись, бросилась бежать, затем он догнал ее, а жены не было; значит, думала она, он таки утопил ее; спросила о жене — Егор не отвечал. Показание ее затем вполне подтверждается во всем, что касается ее ухода из дома вечером 14 ноября. Подсудимый говорит, что он не приходил за ней, но Анна Николаева удостоверяет противоположное и говорит, что Аграфена, ушедшая с Егором, вернулась через 20 минут. По показанию Аграфены, она как раз прошла и пробежала такое пространство, для которого нужно было, по расчету, употребить около 20 минут времени.

Нам могут возразить против показаний Суриной, что смерть Лукерьи могла произойти от самоубийства или же сама Сурина могла убить ее. Обратимся к разбору этих, могущих быть, возражений. Прежде всего нам скажут, что борьбы не было, потому что платье утопленницы не разорвано, не запачкано, что сапоги у подсудимого, который должен был войти в воду, не были мокры, и т. д. Вглядитесь в эти два пункта возражений, и вы увидите, что они вовсе не так существенны, как кажутся с первого взгляда. Начнем с грязи и борьбы. Вы слышали показание одного свидетеля, что грязь была жидкая, что была слякоть; вы знаете, что место, где совершено убийство, весьма крутое, скат в 9 шагов, под углом 45°. Понятно, что, начав бороться с кем-нибудь на откосе, можно было съехать по грязи в несколько секунд до низу, и, если затем человек, которого сталкивают, запачканного грязью, в текущую воду, остается в ней целую ночь, то нет ничего удивительного, что на платье, пропитанном насквозь водою, слякоть расплывается и следов ее не останется: природа сама выстирает платье утопленницы. Скажут, что нет следов борьбы. Я не стану утверждать, чтобы она была, хотя разорванная пола кацавейки наводит, однако, на мысль, что нельзя отрицать ее существования. Затем скажут: с а п о г и! Да, сапоги эти, по-видимому, опасны для обвинения, но только по-видимому. Припомните часы: когда Егор вышел из дома, это было три четверти десятого, а пришел он в участок десять минут одиннадцатого, т.е. чрез 25 минут по выходе из дома и минут чрез 10 после того, что было им совершено, по словам Суриной. Но в часть, где собственно содержатся арестанты и где его осматрива-

ли, он пришел в 11 часов, через час после дела, в совершении которого он обвиняется. В течение этого времени он много ходил, был в теплой комнате, и затем его уже обыскивают. Когда его обыскивали, вы могли заключить из показаний свидетелей, один из полицейских выяснил, что на него не обратили внимания, потому что он приведен на 7 дней; другой сказал сначала, что всего его обыскивал, а потом объяснил, что сапоги подсудимый снял сам, а он осмотрел только карманы. Очевидно, что в этот промежуток времени он мог успеть обсохнуть, а если и оставалась сырость на платье и сапогах, то она не отличалась от той, которая могла образоваться от слякоти и дождя. Да, наконец, если вы представите себе обстановку убийства так, как описывает Сурина, вы убедитесь, что ему не было надобности входить в воду по колени. Завязывается борьба на откосе, подсудимый пихает жену, они скатываются в минуту по жидкой грязи, затем он схватывает ее за плечи и, нагнув голову, сует в воду. Человек может задохнуться в течение двух-трех минут, особенно если не давать ему ни на секунду вынырнуть, если придержать голову под водой. При такой обстановке, которую описывает Сурина, всякая женщина в положении Лукерьи будет поражена внезапным нападением, в сильных руках разъяренного мужа не соберется с силами, чтобы сопротивляться, особенно если принять в соображение положение убийцы, который держал ее одною рукою за руку, на которой и остались синяки от пальцев, а другою нагибал ей голову к воде. Чем ей сопротивляться, чем ей удержаться от утопления? У нее свободна лишь одна рука, но перед нею вода, за которую ухватиться и опереться нельзя. Платье Егора могло быть при этом сыро, забрызгано водою, запачкано и грязью немного, но при поверхностном осмотре, который ему дали, это могло остаться незамеченным. Насколько это вероятно, вы можете судить по показаниям свидетелей: один говорит, что он засажен в часть в сапогах, другой говорит — босиком; один показывает, что он был в сюртуке, другой — в чуйке и т.д. Наконец, известно, что ему позволили самому явиться под арест, что он был свой человек в участке, — станут ли такого человека обыскивать и осматривать подробно?

Посмотрим, насколько возможно предположение о самоубийстве. Думаю, что нам не станут говорить о самоубийстве с горя, что мужа посадили на 7 дней под арест. Надо быть детски легковверным, чтобы поверить подобному мотиву. Мы знаем, что Лукерья приняла известие об аресте мужа спокойно, хладнокровно, да и приходиться в такое отчая-

ние, чтобы топиться ввиду семидневной разлуки, было бы редким, чтобы не сказать невозможным, примером супружеской привязанности. И так, была другая причина, но какая же? Быть может, жестокое обращение мужа, но мы, однако, не видим такого обращения: все говорят, что они жили мирно, явных ссор не происходило. Правда, она раз, накануне смерти, жаловалась, что муж стал грубо отвечать, лез с кулаками и даже советовал ей «в Ждановку». Но, живя в России, мы знаем, каково в простом классе жестокое обращение с женою. Оно выражается гораздо грубее и резче, в нем муж, считая себя в своем неотъемлемом праве, старается не только причинить боль, но и нашуметь, сорвать сердце. Здесь такого жестокого обращения не было и быть не могло. Оно, по большей части, есть следствие грубого возмущения какою-нибудь стороною в личности жены, которую нужно, по мнению мужа, исправить, наказуя и истязуя. Здесь было другое чувство, более сильное и всегда более страшное по своим результатам. Это была глубокая, затаенная ненависть. Наконец, мы знаем, что никто так не склонен жаловаться и плакаться на жестокое обращение, как женщина, и Лукерья точно так же не удержалась бы, чтобы не рассказывать хоть близким, хоть сестре, что нет житья с мужем, как рассказывала о нем накануне смерти. И так, нет повода к самоубийству. Посмотрим на выполнение этого самоубийства. Она никому не намекает даже о своем намерении, напротив, говорит накануне противоположное, а именно: что рук на себя не наложит, затем она берет у сестры — у бедной женщины — кофту: для чего же? — чтобы в ней утопиться, наконец, местом утопления она выбирает Ждановку, где воды всего на аршин. Как тут утопиться? Ведь надо согнуться, нужно чем-нибудь придержаться за дно, чтобы не всплыть на поверхность. Но чувство самосохранения непременно скажется, — молодая жизнь восстала бы против своего преждевременного прекращения, и Лукерья сама выскочила бы из воды. Известно, что во многих случаях самоубийцы потому только гибнут под водою, что или не умеют плавать, или же несвоевременно придет помощь, которую они обыкновенно сами призывают. Всякий, кто знаком с обстановкою самоубийства, знает, что утопление, а также бросание с высоты, — два преимущественно женских способа самоубийства, — совершают так, что самоубийца старается ринуться, броситься как бы с тем, чтобы поскорее, сразу, без возможности колебания и возврата, прервать связь с окружающим миром. В воду «бросаются», а не ищут такого места, где бы надо было «входить» в воду, почти как по ступенькам. Топясь в Ждановке, Лукерья должна

была войти в воду, нагнуться, даже сесть и не допустить себя встать, пока не отлетит от нее жизнь. Но это положение немислимое! И зачем оно, когда в десяти шагах течет Нева, которая не часто отдает жизни тех, кто пойдет искать утешения в ее глубоких и холодных струях. Наконец, самое время для самоубийства выбирается такое, когда сама судьба послала ей семидневную отсрочку, когда она может вздохнуть и пожить на свободе без мужа, около сестры. И так, это не самоубийство.

Но, может быть, это убийство, совершенное Аграфеной Суриной, как намекает на это подсудимый? Я старался доказать, что не Аграфене Суриной, а мужу Лукерьи можно было желать убить ее, и притом, если мы остановимся на показании обвиняемого, то мы должны брать его целиком, особенно в отношении Суриной. Он здесь настойчиво требовал от свидетелей подтверждения того, что Лукерья плакалась от угроз Суриной удавить ее или утюгом хватить. Свидетели этого не подтвердили, но если все-таки верить обвиняемому, то надо признать, что Лукерья окончательно лишилась рассудка, чтобы идти ночью на глухой берег Ждановки с такою женщиною, которая ей враг, которая грозила убить ее. Скажут, что Сурина могла напасть на нее, когда она возвращалась, проводив мужа. Но факты, неумолимые факты, докажут нам противное. Егор ушел из бань три четверти десятого, пришел в участок в десять минут одиннадцатого, следовательно, пробыл в дороге 25 минут. Одновременно с уходом из дому он вызвал Аграфену, как говорит Николаева. Следовательно, Сурина могла напасть на Лукерью только по истечении этих 25 минут. Но та же Николаева говорила, что Аграфена Сурина вернулась домой через двадцать минут после ухода. Наконец, могла ли Сурина один на один сладить с Лукерьею, как мог сладить с нею ее муж и повелитель? Вот тут-то были бы следы той борьбы, которой так тщетно искала защита на платье покойной. И так, предположение о Суриной как убийце Лукерьи рушится, и мы приходим к тому, что показание Суриной в существе своем верно. Затем остаются неразъясненными два обстоятельства: во-первых, зачем обвиняемый вызвал Аграфену, когда шел убивать жену, и, во-вторых, зачем он говорил, по показанию Суриной, что «брал девку, а вышла баба», и упрекал в том жену в последние моменты ее жизни? Не лжет ли Сурина? Но, господа присяжные, не одними внешними обстоятельствами, которые режут глаза, определяется характер действий человека; при известных случаях надо посмотреть и на те душевные проявления, которые свойственны большинству людей при известной обстановке. Зачем он бро-

сил тень на честь своей жены в глазах Аграфены? Да потому, что, несмотря на некоторую свою испорченность, он живет в своеобразном мире, где при разных, подчас грубых и не вполне нравственных явлениях существует известный, определенный, простой и строгий нравственный кодекс. Влияние кодекса этого выразилось в словах Аграфены: «Я вашего закона нарушать не хочу!». Подсудимый — человек самолюбленный, гордый и властный; прийти просто просить у Аграфены прощения и молить о старой любви — значило бы прямо сказать, что он жену не любит потому, что женился «сдуру», не спросясь броду; Аграфена стала бы смеяться. Надо было иметь возможность сказать Аграфене, что она может нарушить закон, потому что этого закона нет, потому что жена внесла бесчестье в дом и опозорила закон сама. Не тоскующим и сделавшим ошибку, непоправимую на всю жизнь, должен он был прийти к Аграфене, а человеком оскорбленным, презирующим жену, не смогу до свадьбы «себя соблюсти». В таких условиях Аграфена стала бы его, быть может, жалеть, но он не был бы смешон в ее глазах. И притом — это общечеловеческое свойство, печальное, но верное, — когда человек беспричинно ненавидит другого, несправедлив к нему, то он силится найти в нем хоть какую-нибудь, хотя вымышленную, вину, чтоб оправдаться в посторонних глазах, чтобы даже в глазах самого ненавидимого быть как бы в своем праве. Вот почему лгал Егор о жене Аграфене и в решительную минуту при них обоих повторял эту ложь, в виде вопроса жене о том, кому продала она свою честь, хотя теперь и утверждает, что жена была целомудренна.

Зачем он вызвал Аграфену, идя на убийство? Вы ознакомились с Аграфеною Суриною и, вероятно, согласитесь, что эта женщина способна вносить смуту и раздор в душевный мир человека, ею увлеченного. От нее нечего ждать, что она успокоит его, станет говорить как добрая, любящая женщина. Напротив, она скорей всего в ответ на уверения в прочности вновь возникшей привязанности станет дразнить, скажет: «Как же, поверь тебе, хотел ведь на мне жениться — два года водил, да и женился на другой». Понятно, что в человеке самолюбивом, молодом, страстном, желающем приобрести Аграфену, должно было явиться желание доказать, что у него твердо намерение обладать ею, что он готов даже уничтожить жену-разлучницу, да не на словах, которым Аграфена не верит и над которыми смеется, но на деле. Притом она уже раз испытала его неверность, она может выйти замуж, не век же находиться под его гнетом; надо ее закрепить надолго, навсегда, поделив-

шись с нею страшною тайною. Тогда всегда будет возможность сказать «Смотри, Аграфена! Я скажу все, мне будет скверно, да и тебе, чай, не сладко придется. Вместе погибать пойдем, ведь из-за тебя же Лукерыи душу загубил...»

Вот для чего надо было вызвать Аграфену, удалив, во что бы то ни стало, плаксивую мать, которая дважды вызывалась идти его провожать. Затем могли быть и практические соображения: зайдя за ней, он мог потом, в случае обнаружения каких-нибудь следов убийства, сказать: я сидел в участке, а в участок шел с Грушей, что же — разве при ней я совершил убийство? Спросите ее! Она будет молчать, конечно, и тем дело кончится. Но в этом расчете он ошибся. Он не сообразил, какое впечатление может произвести на Сурина то, что ей придется видеть, он позабыл, что на молчание такой восприимчивой женщины, как Сурина, положиться нельзя... Вот те соображения, которые я считал нужным вам представить. Мне кажется, что все они сводятся к тому, что обвинение против подсудимого имеет достаточные основания. Поэтому я обвиняю его в том, что, возненавидев свою жену и вступив в связь с другою женщиною, он завел жену ночью на речку Ждановку и там утопил.

Кончая обвинение, я не могу не повторить, что такое дело, как настоящее, для разрешения своего потребует больших усилий ума и совести. Но я уверен, что вы не отступите перед трудностью задачи, как не отступила перед ней обвинительная власть, хотя, быть может, разрешите ее иначе. Я нахожу, что подсудимый Емельянов совершил дело ужасное, нахожу, что, постановив жестокий и несправедливый приговор над своею бедною и ни в чем не повинною женою, он со всею строгостью привел его в исполнение. Если вы, господа присяжные, вынесете из дела такое же убеждение, как и я, если мои доводы подтвердят в вас это убеждение, то я думаю, что не далее, как через несколько часов, подсудимый услышит из ваших уст приговор, конечно, менее строгий, но, без сомнения, более справедливый, чем тот, который он сам произнес над своею женою.

КРИСП ГАЙ САЛЛЮСТИЙ

Инвектива, написанная во второй половине 54 г. до н. э. против Марка Туллия Цицерона, соотносится с такой же инвективой в обратную сторону — Цицерона против Криспа. Поэтому лучше рассматривать их одновременно, сравнивая по содержанию и форме.

К инвективе Криспа есть примечания:

- 1) ... вызвана твоим душевным недугом. — Фраза начала первой речи Цицерона против Каталины и начало его инвективы против Ватиния.
- 2) ... ни меры, ни умеренности. — Ссылка на речь Криспа «О заговоре Каталины».
- 3) ... торговать, ... своим достоинством. — Цицерон. В защиту Сестия.
- 4) ... защищает дело государства. — Цицерон. Речь в сенате по возвращении из изгнания.
- 5) ... из окружения ... Сципиона Африканского. — Ср.: *Цицерон*. Против Верреса. Обычный эпитет бывшего консула.
- 6) ... ставший гражданином нашего города. — Намек на Сатиры Ювенала:

Новый, незнатный совсем человек из Арпина, недавно
Всадником бывший простым, повсюду ставит заставы
(пер. Д. Недовича, Ф. Петровского).
- 7) ... влечения кого бы то ни было. — Избитая тема для очернения. Ср.: *Цицерон*. Против Каталины.
- 8) ... в своем безудержном красноречии? — Марк Пупий Писон Кальпурниан был консулом в 61 г. См.: *Цицерон*. Об ораторе.
- 9) ... запятнавшая себя клятвопреступлениями жена. — О жене Цицерона Теренции известно только то, что она не отличалась порядочностью в денежных делах.
- 10) ... чем это допустимо по отношению к отцу. — Избитое обвинение в инцесте (кровосмешении).
- 11) ... для себя и своих родных. — Это был дом, который Цицерон купил в 62 г., одолжив 2 млн. сестерциев у Суллы. В 58 г. после изгнания Цицерона дом его был разрушен.
- 12) ... не как палач. — Цицерон называл себя стражем Города.
- 13) ... когда ты был его стражем! — Саллюстий обвиняет Цицерона в том, в чем тот обвинял консула 58 г. Луция К. Писона.
- 14) ... на основании Плавциева закона. — Закон о политических волнениях 78 г. трибуна Марка Плавция Сильвана.

- 15) ... третий покупал дом. — Это мог быть Публий Сулла.
- 16) ... осаждают твой дом. — Это были Гай Корнелий и Луций Варгунтей. Такая попытка была сделана 7 ноября 63 г.
- 17) ... ты дознался. — Намек на Цицерона, часто говорившего, что он «собрал сведения», «дознался».
- 18) ... ведя дела в суде. — Цинциев плебисцит 204 г. запрещал защитникам принимать вознаграждение за ведение дел в суде.
- 19) ... пролив кровь сограждан и принеся им несчастья? — Явное искажение фактов: в 62 г. процессы катилинариев не сопровождались вынесением смертных приговоров.
- 20) ... из окружения Марка Красса. — Имеется в виду триумвират 60 г. Отношения между ним и Цицероном были изменчивы.
- 21) ... ничтожнейший человек. — Пародия на Цицерона, говорившего «ничтожнейший сенатор».
- 22) ... наемный защитник в суде. — Пародия на Цицерона.
- 23) ... моим консулатом творимый. — Стих из поэмы Цицерона «О консулате».
- 24) ... подвергая жесточайшей проскрипции. — Проскрипции — списки для лиц, объявленных вне закона, следствием чего могли быть и лишения жизни.
- 25) ... зависели от твоего произвола. — Понятия «царь» и «царская власть» были для древних равносильны понятиям «тиран» и «тирания».
- 26) ... отменив Порциев Закон. — Известно три Порциевых закона.
- 27) ... языку уступите, о лавры! — Стих из поэмы Цицерона. Лавровый венок — воинская награда.
- 28) ... кроме лишь обозначения верховной власти. — Цицерон был в 63 г. консулом, Сулла — диктатором без ограничения во времени.
- 29) ... Минерва обучила всем искусствам. — Ср.: *Цицерон*. О своем доме.
- 30) ... Юпитер ... допустил в собрание богов. — Ср.: *Цицерон*. Против Катилины.
- 31) ... Италия ... на своих плечах. — Ср.: *Цицерон*. В сенате по возвращении из изгнания.
- 32) ... Павлов, Фабиев, Сципионов. — Ироническое сопоставление деятельности Цицерона с заслугами выдающихся римлян.
- 33) Кто имеется в виду, неясно.
- 34) ... того преследуешь. — Имеется в виду Помпей, на жизнь которого Цицерон будто бы готовил покушение.
- 35) Кого называл тиранами. — Цезарь, Помпей и Красс.
- 36) ... дело Ватиния ведешь в суде. — Т.е. в августе 54 г.
- 37) ... о Сестии злословишь. — См *Цицерон*. К брату Квинту.
- 38) ... Бибула ... оскорбляешь. — Марк Кальпурний Бибул, коллега Цезаря по консулату 59 г., вступил с ним в борьбу из-за земельного закона.

- 39) ... больше всего и покоряешься. — Скорее всего имеется в виду Цезарь.
- 40) ... о делах государства ... другое. — Намек на то, что сенаторы сидя слушали прения, затем переходили к сенатору, чье мнение они разделяли.

ЗАДАНИЯ

1. Какие аргументы находит Гай Саллюстий Крисп, чтобы опорочить имя и честь Марка Туллия Цицерона? Найдите в тексте соответствующие места.
2. Какие ораторские приемы использует автор в своем выступлении? Найдите в тексте соответствующие слова и обороты.
3. Что означают намеки автора, выраженные словами: «стоя высказываешь ... одно мнение, сидя — другое», «языку уступите, о лавры», «ноги беглеца», «только недавно ставший гражданином нашего города». Список таких мест из инвективы Криспа может быть продолжен.
4. Чтобы полностью оценить речь Криспа, сопоставьте ее с соответствующей инвективой Цицерона, поскольку они могут быть рассмотрены как единое целое, как половинки, составляющие единое явление в риторике, и обратитесь к заданиям, которые подготовлены для инвективы М.Т. Цицерона.
5. Попытайтесь сопоставить слова и выражения, форму и содержание обоих выступлений, используя метод антитезы. Найдите в текстах соответствующие слова, выражения, места и пр.

ИНВЕКТИВА ПРОТИВ МАРКА ТУЛЛИЯ ЦИЦЕРОНА

1.(1) С тяжелым сердцем и негодуя терпел бы я твою хулу, Марк Туллий, если бы знал, что твоя заносчивость преднамеренна, а не вызвана твоим душевным недугом¹. Но поскольку я не вижу в тебе ни меры, ни умеренности², то отвечу тебе, чтобы ты, если и получил какое-то удовольствие, говоря обо мне дурно, перестал его испытывать, дурное выслушивая.

Где мне жаловаться, отцы-сенаторы, кого умолять, когда я вижу, что государство отдано на разграбление и становится добычей любого наглеца? Римский ли народ? Да ведь он настолько развращен подачками,

что готов торговать собой и своим достоянием³. Или вас, отцы-сенаторы? Но ваш авторитет — посмешище для отъявленного негодяя и преступника: где бы Марк Туллий ни находился, он защищает законы, правосудие, дело государства⁴ и перед всеми нами действует так, будто он лишь один остался из окружения прославленного мужа Сципиона Африканского⁵, а не является найденышем, приехавшим из муниципия и только недавно ставшим гражданином нашего Города!⁶

(2) Или поступки и высказывания твои, Марк Туллий, действительно никому неизвестны? Не жил ли ты с ранних лет так, что не видел ничего позорного для себя в том, что явилось бы предметом влечения кого бы то ни было?⁷ Точнее, не ценой ли своего целомудрия совершенствовался ты у Марка Писона в своем безудержном красноречии?⁸ Поэтому ничего удивительного нет в том, что ты позорно торгуешь тем, что самым постыдным образом приобрел.

2. Но, если не ошибаюсь, предмет твоей гордости — твой блестящий дом: нечестивая и запятнавшая себя клятвопреступлениями жена⁹, дочь — соперница матери, для тебя более приятная и покорная, чем это допустимо по отношению к отцу. Самый же дом, оскверненный насилием и грабежами, — зачем приобрел ты для себя и своих родных?¹¹ Ты, очевидно, хотел напомнить нам, до чего теперь все дошло, если ты, гнуснейший человек, стал жить в доме, принадлежавшем прежде прославленному Публию Крассу.

(3) И вот, несмотря на это, Цицерон все-таки утверждает, что был в собрании бессмертных богов и прислан оттуда как страж нашего Города и граждан, а не как палач¹², — он, добывающий себе славу на несчастьях государства! Как будто истинной причиной пресловутого заговора не был твой консулат и государство не было растерзано именно в то время, когда ты был его стражем!¹³ Но, насколько я могу судить, ты больше гордишься теми решениями, касающимися государственных дел, которые по окончании консулата принял вместе с женой Теренцией, когда у себя дома вы выносили приговоры на основании Плавциева закона¹⁴ и ты осуждал одних заговорщиков на смертную казнь, а других карал денежным штрафом, когда один строил для тебя тускульскую, другой — помпейскую усадьбу, третий покупал дом¹⁵, а кто не мог дать ничего, тому грозило злостное обвинение, он, дескать, пытался осаждать твой дом¹⁶ или строил козни против сената, — и вот насчет него ты, наконец, дознался¹⁷.

(4) Если мои обвинения ложны, отчитайся: какое имущество ты получил от отца, насколько умножил его, ведя дела в суде¹⁸, на какие деньги

приобрел дом, выстроил тускульскую и помпейскую усадьбы, потребовавшие огромных расходов? Если же ты об этом умалчиваешь, то кто может усомниться в том, что богатства эти ты собрал, пролив кровь сограждан и принеся им несчастья?¹⁹

3. Однако, если не ошибаюсь, новый человек, арпинат, из окружения Марка Красса²⁰, подражает ему в доблести, презирает распри между знатыми людьми, одни лишь интересы государства принимает близко к сердцу, ни угрозами, ни благорасположением не позволяет отвлечь себя от правды; он — сама дружба и сама доблесть души.

(5) Да нет же — ничтожнейший человек²¹, проситель, заискивающий перед недругами, а друзей склонный оскорблять, стоящий то на той, то на другой стороне, не сохраняющий верности никому, ничтожнейший сенатор, наемный защитник в суде²², человек, у которого нет ни одной неоскверненной части тела: язык лживый, руки загрешенные, глотка бездонная, ноги беглеца; то, чего из стыдливости не назовешь, тяжко обещено. И, будучи именно таким, он еще смеет говорить:

«О счастливый Рим, моим консулатом творимый!»²³

Твоим консулатом творимый, Цицерон? Наоборот — несчастный и жалкий, раз он подвергся жесточайшей проскрипции²⁴, когда ты, вызвав потрясения в государстве, принуждал всех людей, охваченных страхом, склоняться перед твоею жестокостью, когда все правосудие, все законы зависели от твоего произвола²⁵, когда ты, отменив Порциев закон²⁶, отняв у всех нас свободу, сосредоточил в своих руках право жизни и смерти.

(6) Мало того, что ты совершил это безнаказанно; даже при одном упоминании об этом ты раздражаешься упреками и не позволяешь людям забывать об их рабском положении. Ну, хорошо, Цицерон, допустим, что ты кое-что и совершил, кое в чем и преуспел, но достаточно и того, что нам довелось испытать. Даже слух наш станешь ты утомлять своей ненавистью, не давая нам покоя несносными речами?

«Меч, перед тогой склонись, языку уступите, о лавры!»²⁷

Как будто ты, облаченный в тогу, а не вооруженный, совершил все то, что прославляешь, и между тобой и диктатором Суллой было какое-либо различие, кроме лишь обозначения верховной власти!²⁸

4. (7) Но зачем мне много говорить о твоем высокомерии? Ведь Минерва обучила тебя всем искусствам²⁹, Юпитер Всеблагий Величайший допустил в собрание богов³⁰, Италия доставила из изгнания на своих пле-

чах³¹. Скажи, молю тебя, Ромул Арпинский, выдающейся доблестью превзошедший всех Павлов, Фабиев, Сципионов³², — какое место занимаешь ты среди наших граждан? Какая борющаяся сторона в государстве тебе по душе? Кто тебе друг, кто недруг? Против кого ты прежде злоумышлял, тому теперь прислуживаешь³³. По чьему почину ты возвратился из изгнания в Диррахии, того преследуешь³⁴. Кого называл тиранами³⁵, их могуществу способствуешь; тех, которые тебе казались наилучшими, называешь теперь безумными и бешеными. Дело Ватиния ведешь в судах, о Сестии злословишь³⁷. Бибула всячески поносишь и оскорбляешь³⁸, Цезаря восхваляешь. Кого ты сильнее всего ненавидел, тому больше всего и покоряешься. Стоя высказываешь о делах государства одно мнение, сидя — другое⁴⁰. Этих поносишь, тех ненавидишь, жалкий перебежчик, которому не доверяют ни те, ни другие!

Печатается по: *Крисп Гай Саллюстий.*
Инвектива против М.Т. Цицерона.
Соч. — М.: Наука, 1981. — С. 126 и след.

ЛОМОНОСОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

Хрестоматия по риторике не может обойтись без произведений М.В. Ломоносова, особенно без его «Краткого руководства к красноречию». Изданное более 250 лет тому назад, оно и сегодня представляет собой интерес не только исторический. Если отвлечься от особенностей языка автора, то бросается в глаза, что М.В. Ломоносов и в риторике сказал свое великое слово «первого русского университета».

Среди многих наук и искусств, коими владел М.В. Ломоносов, риторика занимает не последнее место. В Московской славяно-греко-латинской академии один год обучения посвящался поэтике, один год — риторике. Последнюю преподавал прекрасный педагог Порфирий (Петр) Крайский, автор учебника риторики, приучавший своих питомцев к тому, что без знания античных авторов (Демосфена, Цицерона, Плиния, Тацита, Сенеки и др.) нельзя овладеть русским красноречием. В то время уже были известны первая русская «Риторика» Макария (1617—1619 гг.) и «Риторика» М.И. Усачева (1699 г.).

Таким образом, М.В. Ломоносов имел возможность подробно и тщательно изучить все то, что было создано до него, а затем стать реформатором русского языка и написать новое развернутое собственное «Краткое руководство к красноречию».

Вспомним слова А.С. Пушкина о М.В. Ломоносове: «Ломоносов был великий человек» (*Пушкин А. С.*, ПСС. — 1949.— Т. XI. — С. 225) и «Уважаю в нем великого человека» (там же. Т. XIII. — С. 178).

ЗАДАНИЯ

1. Что М.В. Ломоносов называет красноречием, и какие для него находит средства, «средствия», как говорит сам автор?
2. Как и по какому поводу автор цитирует ораторов Древнего Мира, чему, по его мнению, у них нужно учиться?
3. Сколько троп и какие «суть», по его мнению, «знатнейшие»? Лучше их перечислить, запомнить и использовать в собственных выступлениях. Это—тропы «речений».

4. Тот же вопрос о «тропах предложений»: сколько, какие? Приведите примеры использования.
5. На какие места в «Кратком руководстве» М.В. Ломоносова следует еще обратить внимание? Почему? Как их использовать в собственной ораторской практике?

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К КРАСНОРЕЧИЮ

КНИГА ПЕРВАЯ,
В КОТОРОЙ СОДЕРЖИТСЯ РИТОРИКА,
ПОКАЗУЮЩАЯ ОБЩИЕ ПРАВИЛА ОБОЕГО КРАСНОРЕЧИЯ,
ТО ЕСТЬ ОРАТОРИИ И ПОЭЗИИ, СОЧИНЕННАЯ
В ПОЛЬЗУ ЛЮБЯЩИХ СЛОВЕСНЫЕ НАУКИ

Март 1744 г.—январь 1747 г.

Фрагменты

ВСТУПЛЕНИЕ

§ 1

Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово.

§ 2

К приобретению оного требуется пять следующих средств: первое — природные дарования, второе — наука, третье — подражание авторов, четвертое — упражнение в сочинении, пятое — знание других наук.

§ 3

Природные дарования разделяются на душевные и телесные. Душевные дарования, а особливо остроумие и память к получению сего искусства толь необходимо нужны, как добрая земля к посеянию чистого семени, ибо как семя на неплодной земли, так и учение в худой голове тщетно есть и бесполезно. И для того Аполлоний Алабенденский, славный в древних временах красноречия учитель, по свидетельству Цицеронову, тех, которые от родителей своих к нему в училище

присылались, в самом начале учения природную остроту прилежно рассматривал и которых приметил к тому быть неспособных, немедленно назад отослал, чтобы они напрасными трудами себя не изнуряли. Телесные дарования, громкий и приятный голос, долгий дух и крепкая грудь в красноречии, а особливо в произношении слова упражняющимся очень надобны; также дородство и осанковатый вид приличны, ежели слово пред народом говорить должно.

§ 4

Наука состоит в познании нужных правил, которые показывают подлинный путь к красноречию. Они должны быть, первое, кратки, чтобы не отяготить памяти многим изусту учением, а особливо тем, чему легче можно с примеров научиться, нежели по правилам; второе, порядочны, для того, чтобы они были вразумительны и тем к научению способственны; третье, удовлетворены примерами, которые бы показывали самую оных силу для яснейшего их понятия и для способнейшего своих примеров против оных сочинений. Мы будем стараться, чтобы в настоящем нашем предприятии поступить по сим требованиям.

§ 5

Изучению правил следует подражание авторов, в красноречии славных, которое учащимся едва не больше нужно, нежели самые лучшие правила. Всяк знает, что и в художествах того миновать нельзя, например: кто учится живописству, тот старается всегда иметь у себя лучшие рисунки и картины славных мастеров и, к ним применяясь, достигнуть совершенства в том художестве. Красноречие, коль много превышает прочие искусства, толь больше требует и подражания знатных авторов. Но о сем пространнее предложено будет на конце сея книги особливо.

§ 6

Подражание требует, чтобы часто упражняться в сочинении разных слов. От беспрестанного упражнения возросло красноречие древних великих авторов, которых от того ни старость, ни великая честь и достоинство отвратить не могли, ибо генералы, сенаторы и сами консулы, как Ирций и Панса, будучи на высочайшем степени римския власти, у Цицерона приватно в красноречии обучались и в домах своих в произношении слова упражнялись. Азиний Поллион, славный генерал римский,

презрев печаль об умершей своей дочери, в четвертый день после ее смерти обучался в произношении слова. Отсюда воспоследовало, что таковые трудолюбивые люди, не готовясь, говорили публично прекрасные речи. Сие прежде началось у греков, а потом уже в Риме возвысилось на самый высочайший степень. Такие речи, без приготовления пред народом произнесенные, назывались божественными, ибо оне казались быть выше сил человеческих. Того ради надлежит, чтобы учащиеся красноречию старались сим образом разум свой острить чрез беспрестанное упражнение в сочинении и произношении слов, а не полагаться на одне правила и чтение авторов, ежели при всяком случае и о всякой материи готовы быть желают к предложению слова.

§ 7

Материя риторическая есть все, о чем говорить можно, то есть все известные вещи в свете, откуда явствует, что, ежели кто имеет большее познание настоящих и прешедших вещей, то есть чем искуснее в науках, у того большее есть изобилие материи к красноречию. Итак, учащиеся оному великое будут иметь в своем искусстве вспоможение, ежели они обучены по последней мере истории и нравоучению.

§ 8

Слово двояко изображено быть может — прозою или поэмою. Проза есть слово, которого части не имеют точно определенной меры и порядка складов; ни согласия, в произношении точно назначенного, но все речения располагаются в нем таким порядком, какого обыкновенный чистый разговор требует. Поэма состоит из частей, известною мерою определенных, и притом имеет точный порядок складов по их ударению или произношению. Первым образом сочиняются проповеди, истории, учебные книги, другим составляются гимны, оды, комедии, сатиры и других родов стихи.

§ 9

Но хотя проза от поэмы для отменного сложения разнится, а потому и в штиле должна быть отлична, однако в рассуждении общества материи весьма с оною сходствует, ибо об одной вещи можно писать прозою и стихами. Итак, оба сии красноречия роды имеют в себе купно обоим общее и особливо каждому отменное.

§ 10

Мы предлагаем здесь вкратце руководство к обоим красноречию и для того, поступая по натуральному порядку, показываем, во-первых, учение о красноречии вообще, покуда оно до прозы и до стихов касается, и затем при правилах полагаются в нем примеры прозою и стихами. Потом сообщаем наставление к сочинению речей в прозе, и примеры присовокупляем прозаические из славных авторов. Наконец, предлагается о стихотворстве учение с приложенными в примеры стихами.

Сии три учения составляют три книги сего руководства: Риторикю, Ораторию и Поэзию.

КРАТКОГО РУКОВОДСТВА К КРАСНОРЕЧИЮ КНИГА I,
СОДЕРЖАЩАЯ РИТОРИКУ

§ 1

Риторика есть учение о красноречии вообще. Имя сея науки происходит от греческого глагола $\rho\epsilon\omega$, что значит: говорю, лью или теку. Оттуда же произведено и речение $\rho\eta\tau\omicron\rho$ (ритор), которое хотя на греческом языке значит витию или красноречивого человека и в российский язык в том же знаменовании принято, однако от новейших авторов почитается за именование писателя правил риторических.

§ 2

В сей науке предлагаются правила трех родов. Первые показывают, как изобретать оное, что о предложенной материи говорить должно; другие учат, как изобретенное украшать; третьи наставляют, как оное располагать надлежит, и посему разделяется Риторика на три части — на изобретение, украшение и расположение.

ЧАСТЬ I
О ИЗОБРЕТЕНИИ

<...> Глава вторая
О изобретении простых идей

§ 23

Сочинитель слова тем обильнейшими изобретениями оное обогатить может, чем быстрейшую имеет силу соображения, которая есть

душевное дарование с одною вещью, в уме представленною, купно воображать другие, как-нибудь с нею сопряженные, например: когда, представив в уме корабль, с ним воображаем купно и море, по которому он плавает, с морем — бурю, с бурей — волны, с волнами — шум в берегах, с берегами — камни и так далее. Сие все действуем силою соображения, которая, будучи соединена с рассуждением, называется остроумие.

§ 24

Отсюда видно, что чрез силу соображения из одной простой идеи расплодятся могут многие, а чем оных больше, тем и в сочинении слова больше будет изобилия. Сие душевное дарование хотя многие имеют от природы велико, однако оно не всегда и не во всяком случае надежно, для того вспоможение оного должно здесь предложить некоторые правила.

§ 25

Материя, сочинителю слова данная, обыкновенно бывает сложенная идея, которая называется тема. Простые идеи, из которых она составляется, называются терминами. Например, сия тема: *неусыпный труд препятства преодолевает* — имеет в себе четыре термина: неусыпность, труд, препятства и преодоление. Предлоги и другие вспомогательные части слова за термины не почитаются.

§ 26

От терминов темы произведены быть могут чрез силу соображения (по §23 и 24) многие простые идеи, которые мы разделяем на первые, вторичные и третичные. Первыми называем те, которые от терминов темы непосредственно происходят, вторичными, которые от первых, третичными, которые от вторичных идей рождаются. Например, в предложенной (§25) теме неусыпность есть термин, от которого рождаются непосредственно первые идеи: 1) утро, в которое неусыпный человек рано встает; 2) вечер и ночь, в которые он не спя в трудах упражняется. Вторичные идеи, которые от первой — утро — происходят, суть: заря, скрывающиеся звезды, восходящее солнце, пение птиц и прочая. Третичные идеи, которые от вторичной — заря — рождаются суть: багряный цвет, сходство с некоторою округлою дверью и прочая.

<...>§ 32

О речениях, которые показанным образом собирать должно, не рассуждаем здесь, как еврейские учителя, которые в книге, Зоар называемой, словам без всякого основания приписывают некоторую потаенную силу, от звезд происходящую и действующую в земных существах, и не принимаем их в таком разумении, как Руцелин, некто англичанин, который помянутому древнему раввинскому заблуждению учил нечто подобное в двенадцатом веке, утверждая, якобы в познании имен содержалось познание самых вещей, от чего произошла между учеными новая секта, которой последователи назывались именники (Nominales), и воспоследовали оттуду в Париже у студентов великие распри и кровопролития с теми, которые держались противного мнения и назывались вещественники (Reales). Мы учим здесь собирать слова, которые не без разбору принимаются, но от идей, подлинные вещи или действия изображающих, происходят и как к предложенной теме, так и к самим себе некоторую взаимную принадлежность имеют, что окажется чрез приличное оных сопряжение в следующей главе.

Глава шестая

О возбуждении, утолении и изображении страстей

§ 94

Хотя доводы и довольны бывают к удостоверению о справедливости предлагаемая материи, однако сочинитель слова должен сверх того слушателей учинить страстными к оной. Самые лучшие доказательства иногда столько силы не имеют, чтобы упрямого преклонить на свою сторону, когда другое мнение в уме его вкоренилось. Мало есть таких людей, которые могут поступать по рассуждению, преодолев свои склонности. Итак, что пособит ритору, хотя он свое мнение и основательно докажет, ежели не употребит способов к возбуждению страстей на свою сторону или не утолит противных?

§ 95

А чтобы сие с добрым успехом производить в дело, то надлежит обстоятельно знать нравы человеческие, должно самым искусством чрез рачительное наблюдение и философское остроумие высмотреть, от каких представлений и идей каждая страсть возбуждается, и изведать

через нравоучение всю глубину сердец человеческих. Из сих источников почерпнул Демосфен всю свою силу к возбуждению страстей, ибо он немалое время у Платона учился философии, а особливо нравоучению. Также и Цицерон оттуда же имел чрезвычайную свою власть над сердцами слушателей, которой и самые жестокие нравы не могли противиться. Для сего предлагаются здесь правила к возбуждению страстей, которые по большей части из учения о душе и из нравоучительной философии происходят.

§ 96

Страстию называется сильная чувственная охота или неохота, соединенная с необыкновенным движением крови и жизненных духов, при чем всегда бывает услаждение или скука. В возбуждении и утолении страстей, во-первых, три вещи наблюдать должно: 1) состояние самого ратора 2) состояние слушателей, 3) самое к возбуждению служащее действие и сила красноречия.

§ 97

Что до состояния самого ратора надлежит, то много способствует к возбуждению и утолению страстей: 1) когда слушатели знают, что он добросердечный и совестный человек, а не легкомысленный ласкатель и лукавец; 2) ежели его народ любит за его заслуги; 3) ежели он сам ту же страсть имеет, которую в слушателях возбудить хочет, а не притворно их страстными учинить намерен, ибо он тогда не токмо словом, но и видом и движением действовать будет; 4) ежели он знатен порою или чином; 5) с важностию знатного чина и породы купно немало помогает старость, которой честь и повелительство некоторым образом дает сама натура. Довольно было Августу к внезапному усмирению замешательства, учинившегося между знатым молодыми дворянами, сказать:

Слушайте, молодые люди, старика, которого во младости старики слушали.

§ 98

Нравы человеческие, коль различны и коль отменно людей состояние, того и сказать невозможно. Для того разумный ритор прилежно наблюдать должен хотя бы главные слушателей свойства, то есть 1) возраст, ибо малые дети на приятные и нежные вещи обращаются и

склоннее к радости, милосердию, боязни и к стыду, взрослые способнее приведены быть могут на радость и на гнев, старые перед прочими страстями склоннее к ненависти, к любочестию и к зависти, страсти в них возбудить и утолить труднее, нежели в молодых; 2) пол, ибо мужеский пол к страстям удобнее склоняется и скорее оные оставляет, но женский пол, хотя на оные еще и скоряе побуждается, однако весьма долго в них остается и с трудом оставляет; 3) воспитание, ибо кто к чему привык, от того отвратить трудно; напротив того, большую к тому же возбудить склонность весьма свободно: спартанского жителя, в поте и в пыли воспитанного, трудно принудить, чтобы он сидел дома за книгами; напротив того, афинеанина едва вызовешь ли от учения в поле; 4) наука, ибо у людей, обученных в политике и многим знанием и искусством важных, надлежит возбуждать страсти с умеренною живностию и с благочинною бодростию, предложениями важного учения исполненными; напротив того, у простаков и у грубых людей должно употреблять всю силу стремительных и огорчительных страстей, для того, что нежные и плачевные столько у них действительны, сколько лютна у медведей. При всех сих надлежит наблюдать время, место и обстоятельства. Итак, разумный ритор при возбуждении страстей должен поступать, как искусный боец: уметь в то место, где не прикрыто, а особливо того наблюдать, чтобы тем приводить в страсти, кому что больше нужно, пристойно и полезно.

§ 99

Сим следует главное дело, то есть самая сила к возбуждению или утолению страстей и действие красноречия. Оно долженствует быть велико, стремительно, остро и крепко, не первым токмо стремлением ударяющее и потом упадающее, но беспрестанно возрастающее и укрепляющееся. Здесь присовокупить должно крепость голоса и напряжение груди. И, таким образом, ежели кто хочет приятную или скучную страсть возбудить, то должен он своим слушателям представить все к предлагаемой вещи принадлежащее добро или зло в великом множестве и скоро одно после другого. К сему требуется, чтобы ритор имел великое остроумие и рачение для изыскания идей, к сему делу пристойных. Буде же он какую-нибудь страсть утолить хочет, то должен слушателям показать, что оного добра или зла в предлагаемой вещи нет, к которому они толь страстны, или по последней мере изъяснить, что оное добро или зло не толь велико, как они думают. Здесь не меньше

надлежит употребить силы и стремления в слове, а притом еще надобно больше иметь предосторожности, нежели в первом случае.

§ 100

Больше всех служат к движению и возбуждению страстей живо представленные описания, которые очень в чувства ударяют, а особливо как бы действительно в зрении изображаются. Глубокомысленные рассуждения и доказательства не так чувствительны, и страсти не могут от них возгореться; и для того с высокого седалища разум к чувствам свести должно и с ними соединить, чтобы он в страсти воспламенился. Сему в пример служить может следующее описание. Когда преславный город Смирна от трясения земли разорился, тогда посланный к Антонам, кесарям римским, Аристид представлял:

Смирна, украшение Азии, честь вашей империи, огнем и трясением земли повержена и сотрена (потом, описав ее бывшую красоту, говорит). Сие все ныне покрыто пепелом, затворилась она пристань, разрушились прекрасные площади, исчезли преизрядные улицы, училища с учителями и отроками упали, храмы инные рассыпались, инные поглощены землею. Приятнейший зрению город, и по имени своему прекраснейший, стал неприятное позорище, громада разрушенных зданий и трупов. Уже ныне по опустошенному только зефиры провевают.

При сих словах оба кесари не могли от слез удержаться. Во время замешательства, которое между солдатами и чернью в Риме весьма кровопролитно было, Пупиен-кесарь ни словом, ни властью оного утолить не мог. Но как только сына своего Гордиана, младенца, бунтующим показал, то немедленно все смятение утолилось. Обнаженная раненых солдатов грудь, сетующие их родители, жены и малые дети, в слезах и рыдании представленные, великую силу имеют к возбуждению жалости и милосердия. Искусный ритор при возбуждении и утолении страстей должен стараться, как бы подобные случаи так живо слушателям в слове изобразить, чтобы они предлагаемое дело как перед глазами ясно видели.

§ 101

Сии суть общие правила, учащие возбуждению и утолению страстей. Им следуют особливые о знатнейших страстях, которые от риториков чаще других употреблены бывают. Из них мягкие и нежные суть ра-

дость, любовь, надежда, милосердие, честь или любочестие и студ. Напротив того, печаль, ненависть, гнев, отчаяние, раскаяние и зависть суть жестокие и сильные страсти. Прочие между сильными и нежными посредственны.

Весьма возвышается слово смешением страстей, и для того славные авторы нередко представляют одного человека, двумя разными или и противными страстями объятого. Так Вергилий изображает Дидону, королеву карфагенскую, одержимую яростию, раскаянием и отчаянием, при отъезде Енея, генерала троянского, в 4 книге своей Енеиды. <...>.

ЧАСТЬ II
О УКРАШЕНИИ

<...> Глава третья
О тропах речений

§ 181

Тропы речений знатнейшие суть шесть: метафора, синекдоха, метонимия, антономазия, катахрестис и металепсис.

§ 182

Метафора есть перенос речений от собственного знаменования к другому ради некоторого обоих подобия, что бывает, 1) когда речение, к бездушной вещи надлежащее, переносится к животной, например: *твердый человек* вместо *скупой*; *каменное сердце*, то есть *несклонное*; *мысли колеблются*, то есть *переменяются*; 2) когда речение, к одушевленной вещи надлежащее, переносится к бездушной: *угрюмое море*, *лицо земли*, *луга смеются*, *жаждущие пустыни*, *земля*, *плугом уязвленная*, *необузданные ветры*; 3) когда слово от неживотной вещи к неживотной же переносится: в *волнах кипящий песок* вместо *мутящийся*; *небо звездами расцветает* вместо *светит*; 4) когда речения переносятся от животных к животным вещам: *алчный взор*, *летающие мысли*, *лягатель Зоил*.

§ 183

Сим образом идеи представляются много живее и великолепнее, нежели просто, причем наблюдать должно, 1) чтобы метафор не употреблять чрез меру часто, но токмо в пристойных местах, ибо излишно

в речь стесненные переносные слова больше оную затмевают, нежели возвышают; 2) к вещам высоким и важным непристойно переносить речений от вещей низких и подлых, например: *небо плюет* непристойно сказать вместо *дождь идет*. Но ежели вещи, от которых слово переносится, не очень подлы, то могут прилагательными именами быть повышены и употреблены: так, ежели гром назвать трубою, то будет метафора низка; однако с прилагательным *труба небесная* будет много выше; 3) к низким и подлым вещам от высоких и важных переносить речения также непристойно, кроме шуток, например, *блистающая солома, громогласный комар*.

§ 184

Синекдоха есть троп, когда речение переносится от большого к меньшему или от меньшего к большему, что бывает, 1) когда род полагается вместо вида, как *цвет* вместо *розы*, *ветр* вместо *севера*; 2) вид вместо рода, как: *сокол* вместо *птицы*, *река* вместо *воды*. Но притом надлежит остерегаться, чтобы не поступить против природы, например: *из Кипра в Крит плыть способным западом*, ибо оный ветер плывущим в ту сторону противен; 3) когда целое полагается вместо части: *египтяне Нилом жажду свою утоляют* вместо *частью воды из Нила*; 4) часть вместо целого, например: *сто голов* вместо *сто человек*; 5) когда положено будет множественное число вместо единственного, например: *он пишет краснее Цицеронов*; 6) единственное вместо множественного: *россиянин радуется о получении победы* вместо *россияне*; 7) когда известное число полагается вместо неизвестного: *там тысячи валяются вдруг* вместо *множество валится*.

§ 185

Метонимия есть, когда вещей, некоторую принадлежность между собою имеющих, имена взаимно переносятся, что бывает, 1) когда действующее вместо страждущего полагается: *имеете Моисея и пророков* вместо *имеете книги Моисеевы и пророческие*; *читать Вергилия*, то есть *Вергилиевы стихи*; 2) когда положено будет действие или свойство вместо действующего: *убийство достойно смертной казни* вместо *убийца достоин*; *милость на суде похвальна*, то есть *милосливый*; *где оная злоба, которая меня погубила?* то есть *где оный злобный?* 3) когда материя приемлется вместо той вещи, из которой она сделана: *животворящее древо*, то есть *животворящий крест*;

серебром искупить, то есть *серебряными деньгами*; *пронзен железом*, то есть *железным оружием*; 4) или вещь, сделанная вместо самой материи: *хлеб собирать с поля*, то есть *пшеницу*; *венки щипать в лугах*, то есть *цветки, из которых венки сплетают*; 5) когда вещь содержащая или место полагается вместо содержимой: *восток и льдистый океан свои колена преклоняют*, то есть *живущие на востоке и при Ледовитом океане*; *острая голова*, то есть *острый ум в голове*; *любезна небесам страна*, то есть *богу, живущему на небесах*; 6) когда вместо вещи полагается тот, кто ею владеет: *сильный мало-мощного съедает*, то есть *его добро*; *при военном шуме молчат законы*, то есть *суды*; *Укалегон горит*, то есть *дом его*; 7) намерение или причина, для которой что бывает вместо действия: *честь на алтарь возложить*, то есть *жертву для чести божией*; 8) признак вместо самой вещи: *орел вместо Российской империи*; *луна вместо Турции*; *десять дымов*, то есть *десять домов*; *седину почитать должно*, то есть *старых*.

§ 186

Антономазия есть взаимная перемена имен собственных и нарицательных, что бывает, 1) когда употребляется имя собственное вместо нарицательного, например:

Сампсон или *Геркулес* вместо *сильного*, *Крез* вместо *богатого*, *Цицерон* вместо *красноречивого*; 2) нарицательное вместо собственного: *Апостол* *пишет*, то есть *Павел*; *стихотворец* *говорит*, то есть *Вергилий*; 3) когда предки или основатели полагаются вместо потомков, напр.: *Славен* вместо *славян*, *Иуда* вместо *еврейского народа*; 4) имя отечественное вместо собственного: *арпинянин* вместо *Цицерона*, *тroyанин* вместо *Енея*; 5) стихотворцы нередко полагают свое собственное имя вместо местоимения *я*, как *Овидий* нередко называет себя своим прозванием *Назон*.

§ 187

Катахресис есть перемена речений на другие, которые имеют близкое к ним знаменование, что бывает ради напряжения или послабления какого-нибудь действия или свойства, например: для напряжения — *бояться* вместо *ждать*, *бежать* вместо *итти*; *бранить* вместо *выговаривать*; *лукав* вместо *хитр*; *скуп* вместо *бережен*; *нахален* вместо *незастенчив*; для послабления — *ждать* вместо *бояться*; *итти*

вместо *бежать*; *выговаривать* вместо *бранить*; *хитр* вместо *лукав*; *незастенчив* вместо *нахален*.

§ 188

Металепсис есть перенесение слова через одно, два или три знаменования от своего собственного, которые одно из другого следуют и по оному разумеются:

Как десять жатв прошло, взята пространна Троя.

Здесь через жатву разумеется лето, через лето целый год. Таковы суть и следующие примеры: *помнить союз* вместо *хранить*; *знать бога* вместо *бояться*; *под темною ивою*, то есть *в тени у ивы*.

Глава четвертая
О тропах предложений

§ 189

Тропы предложений суть пять: аллегория, парафразис, эмфазис, ипербола, ирония, от которых перед прочими украшениями получает слово особливое возвышение и великолепие, а особливо от четырех первых.

§ 190

Аллегория есть перенесение предложений от собственного знаменования к другому стечением многих метафор, между собою сродных и некоторую взаимную принадлежность имеющих. Пример из Цицеронова слова против Калпурния Пизона:

Таков я боязлив не был, чтобы, управив в превеликих бурях и волнениях корабль общества и невредим в пристанище поставив, утрашился от малого туману твоего бесстыдия и от скверного дыхания твоего сообщника.

Из сего примера видеть можно, что от начала до конца аллегории полагаются речения, между собою сродные, как: бури, волнения, корабль, пристанище, туман, дыхание.

§ 191

Разделяется аллегория на чистую и смешанную; чистая состоит вся из переносных речений, например: *окропил ты мне горящую грудь*, то есть *печальному духу моему дал ты отраду*. Смешанная состоит из

речений переносных, к которым для изъяснения многие присовокупляются в свойственном знаменовании, например:

Сказывает, что он видит в Италии Восстающий облак лютыя и кровавыя войны, видит гремящую и блещущую от запада бурю, которая в кое государство погодою победы принесена ни будет, все наводнит великим и кровавым дождем.

§ 192

К сему тропу принадлежат загадки и пословицы. Загадки всегда состоят из чистой аллегии, пример о колодезе из Верг., Эклога 3:

*Скажи, в каких землях, то будешь ты мне Феб,
Не больше трех локтей открыты небеса.*

И следующее о льде:

Меня родила мать, которую я рождаю.

Так же и пословицы, которые состоят из чистой или смешанной аллегии, надлежат до сего тропа:

И всяк спяшет, да не так, как скоморох.

*Молебен нет,
А польги нет.*

*Либо полон двор,
Либо корень вон.*

§ 193

Аллегоричным стилем многие излишно услаждаются и чрез меру часто сей употребляют, а особливо те, которые не знают подлинной красоты слова, но прельщаются притворным его видом. Умеренно употребленная аллегория слово украшает и возвышает, а без меры часто в слово внесенная оное помрачает и изображает. Однако иногда служит к возбуждению страха и в сем случае ночи подобна, ибо потаенное страшит больше, нежели явное. От вымыслов разнится аллегория тем, что в них сами идеи, а в аллегии только одне речи переносятся.

§ 194

Парафразис есть представление многими речениям того, что одним или немногими изображено быть может, например: *храбрый разоритель Карфагена*, то есть *Сципион*. К составлению парафразисов слу-

жить могут следующие правила: 1) когда к существительному приложишь пристойное прилагательное и, оное переменяв на существительное ж, первое положишь в родительном падеже или переменишь в прилагательное, например: вместо *села* положишь *безмолвие сел* или *безмолвие сельское*; 2) когда глагол переложить на имя, а с ним сочинишь иной глагол, к тому приличный: в *страхе привести* вместо *устрашить*; *обагрить кровью* вместо *окровавить*; 3) когда имя полагается в родительном падеже с другим именем, произведенным от глагола, к первому принадлежащего, например: *течение воздуха* вместо *ветра*; *разлучение от жизни* вместо *смерти*; *ночное упокоение после трудов*, то есть *сон*; 4) чрез метафору, когда имя полагается в родительном падеже с другим именем, значащим подобие, или в прилагательное применяется, например: *юность лет*, то есть *весна*; *старость дня*, то есть *вечер*; *волнение мыслей*, то есть *сомнение*; *жидкие поля Балтийские*, то есть *Балтийское море*.

§ 195

Эмфазис есть когда действие или состояние вещи не прямо изображается, но разумеется из другого и чрез то великолепно возвышается, что бывает 1) по обстоятельствам, например:

*Сердца жаленьем закипели,
Когда под дерзким кораблем
Балтийски волны побелели.*

Побеление волн есть обстоятельство бегущего по морю корабля, чрез которое здесь скорее оно течение разумеется; 2) по жизненным свойствам, например.:

*Небесной красоте дивится чистый Дафнис
И видит облака и звезды под ногами.*

(Вергилий, Екл. 5)

То есть Дафнис на небе, или:

Разданный Гектор здесь страшил коней ахейских.

То есть здесь Гектора волочил Ахиллес; 3) по месту или времени, например: Вергилий говорит о Цербере, что *он растянулся по неизмеримой пещере*, и о выходе греков из коня в Трое, что *спускались они по веревке*, и чрез то показывает ужасную величину одного адского пса и высоту коня троянского; 4) когда предыдущее разумеется чрез последующее:

Волы несут домой повешенные плуги.

(Вергилий, Екл.4)

То есть землю пахать ввечеру перестали; 5) когда тот, кто о каком действии рассказывает, представляется, как бы он сам оное производил. Так Вергилий говорит о Силене в 6 Еклоге:

*Корой обводит сестр предерзка Фаетонта
И ольхи на земли велики производит.*

То есть поет о перемене Фаетонтовых сестр в ольхи.

§ 196

Ипербола есть повышение или понижение слова невероятное, которое употребляется:

1) Для напряжения, например: *бег скорейший Вихря и молнии; звезд касающийся Атлант; из целых гор иссеченные храмы.* Сюда принадлежит и следующее:

*Коликой славой днесь блистает
Сей град о прибытии твоём!
Он всей отрады не вмещает
В пространном здании своём;
Но воздух наполняет плеском
И нощи тьму отъемлет блеском.
Ах, если б ныне россов всех
К тебе горяща мысль открылась,
То б мрачна ночь от сих утех
На вечный день переменялась.*

2) Употребляется для послабления, например: *чуть в костях держится или как тень шатается,* то есть *весьма истоштал.*

§ 197

Сей троп приличен в изображении людей, великими страстями объятых, а особливо радостию, печалию, ненавистью и гневом! Так, Ахиллес, гневный на Агамемнона, говорит у Гомера, что он с Агамемноном не примирится, хотя бы он давал ему все богатство, которое в песке морском или в земных недрах скрыто, и дочери его за себя не поймет, хотя бы она красотою с Венерою и искусством с Минервою могла сравниться.

§ 198

Иперболы иногда умягчаются:

1) Речениями: *якобы, почти, близ, едва не* и прочие, например:

Един оный день был мне подобен бессмертию, в который я в отечество возвратился, когда видел я Сенат и весь народ, мне на сретение ишедший, когда мне казалось, что весь Рим, почти подвигнувшись от своего основания, шествовал смотреть на своего сохраниителя (Цицерон в сл. по возвращении).

2) Поправлением, какое в пример приводит Димитрий Фалерей из потерянных стихов древняя стихотворицы Сафы:

Зять входит, Марсу равный.

Потом как бы она, себя поправляя, говорит:

Мужей великих много больший.

§ 199

Ирония есть, когда чрез то, что сказываем, противное разумеем. Цицерон говорит о Катилине во 2 против него слове:

Да! человек он боязливый и прекроткий, не мог противиться консульскому голосу, и как только услышал повеление, чтобы итти в ссылку, тотчас послушал, успокоился!

Он же в 14 слове против Антония:

Приятны бессмертным богам будут наши благодарения и жертвы наши по убиении толикого множества граждан!

И Ювенал в 15 сатире о суеверии египтян, которые огородные зеля за божество почитали:

*..... Кольсвяты те народы,
У коих полны все богами огороды!*

§ 200

Ирония состоит иногда в одном слове, когда малого человека Атлантом или гигантом, бессильного Сампсоном, скаредного Авессаломом или Иосифом называем, и посему надлежит она до тропов речений.

§ 201

К иронии причитаются еще другие виды насмешества, из которых знатнейшие суть:

- 1) Сарказм, то есть ирония в повелительном наклонении, например:

*Вот, троянин, поля, что ты искал войною,
И вот Гесперия. Измерь, лежа убитый.*

(говорит Турн у Верг. Ен., кн. 12)

- 2) Хариентизм есть когда указывают на что-нибудь странное, смешное или непристойное, как Цицерон в слове за Клуенция говорит:

Подумайте о его лице и о одежде, до земли протяженной.

- 3) Астеизмом называют некоторую учтивую насмешку, например:
Пускай тот любит твоистихи, Мевий, кому Бавий не противен
(Верг, Экл. 3). Мевий и Бавий были худые стихотворцы.

<...>

ЧАСТЬ III О РАСПОЛОЖЕНИИ

Глава первая

О расположении идей вообще

§ 249

Расположение есть изобретенных идей соединение в пристойный порядок. Правила о изобретении и украшении управляют соображением и разбор идей; предводительство рассуждения есть о расположении учение, которое снискателям красноречия весьма полезно и необходимо нужно, ибо что пользы есть в великом множестве разных идей, ежели они не расположены надлежащим образом? Храброго вождя искусство состоит не в одном выборе добрых и мужественных воинов, но не меньше зависит и от приличного установления полков. И ежели в теле человеческом какой член свихнут, то не имеет он такой силы, какую действует в своем месте.

§ 250

Расположение разделяется на натуральное и художественное. Натуральное есть, которое самой натуре последует, как она требует, что бывает по времени, месту или достоинству. По времени располагаются идеи так, что те, которые прежде были или бывают, полагаются наперед, а которые оным следуют, те после одна за другою присовокупляются. Так, в римской истории прежде предлагают о Пунической, нежели о

Македонской войне, и о Македонской прежде, нежели о внутренней. И в похвале красного дня описать прежде должно утро, потом полдень, а напоследи вечер. По месту о верхних говорят прежде, нежели о нижних, о передних прежде, нежели о задних, и прочая. По достоинству: например, о золоте должно предлагать прежде прочих металлов и проч.

§ 251

Художественное расположение есть, которое утверждается на правилах. Из оных главные суть следующие: 1) Предложенную тему должно изъяснить довольно, ежели она того требует, к чему служат распространения из мест риторических и избранные парафразисы. 2) По изъяснении оную доказать несомненными доводами, которые располагаются таким образом, чтобы сильные были наперед, которые послабее, те в середине, а самые сильные на конце. 3) К доказательствам присовокупить возбуждение или утоление страсти, какой материя требует. 4) Между всеми сими рассеять должно по пристойным местам витиеватые речи и вымыслы: первые больше в изъяснениях и в доказательствах, последние в движении страстей.

§ 252

Изъяснений доводов и возбуждений расположение разделяем на соединительное и разделительное. Соединительное бывает, когда прежде предлагается о видах, какого рода или о частях целого подробно особливо, а потом целое или род представляется. Например, когда, похвалив смелость в сражениях, терпение в противностях, постоянство в трудах какого героя, прославляем после того вообще его мужество или, описав все части какого здания, хвалим потом все оное здание. Разделительное расположение бывает противным образом, когда, представив род или целое, потом виды или части особливо предлагаем.

§ 253

Сии суть самые главные правила расположения, которым присовокупляются в следующих главах некоторые формы, служащие обще к расположению прозы и стихов. О частях великого прозаического слова, о расположении и о свойствах их здесь не предлагаем, ибо сие собственно надлежит до оратории, в которой о том пространно покажем.

Глава вторая

О хрии

§ 254

Хрия есть слово, которое изъясняет и доказывает краткую нравоучительную речь или действие какого великого человека, и посему разделяется на действительную, словесную и смешанную.

§ 255

Действительная хрия есть, которая изъясняет и доказывает действие, например: *Лакедемоняне, стараясь детей своих научить трезвости и представить пьянство скаредным, приводили их к пьяным рабам, чтобы, смотря на толь гнусное позорище, от вина отвращение имели.*

Дионисий, тиран сицилийский, неприятелю своему Диону отмстил таким образом, что сына его при дворе своем воспитал в роскоши между худыми людьми и тем нравы его испортил.

Таковые действия поставляются темами действительной хрии.

§ 256

Словесная хрия изъясняет и доказывает какую-нибудь краткую нравоучительную речь, например: *Добрые нравы оскверняет гордость* (Клавдиан). *Живи, поминая смерть; время летит и, что молвил я, то уже минулось* (Персий). *Мицение есть подлыя души утешение* (Ювенал).

§ 257

Смешанная хрия есть, которая изъясняет и доказывает действие, с краткою нравоучительною речью соединенное, например: *Когда Анаксагору сказали, что сын его умер, тогда он так отвечивал: я знал, что он смертен родился.*

§ 258

Хрия состоит из осьми частей, которые суть: 1) приступ, 2) парафразис, 3) причина, 4) противное, 5) подобие, 6) пример, 7) свидетельство, 8) заключение. В первой части похвален или описан быть должен тот, кто оную речь сказал или дело сделал, что соединяется с темою хрии. Во второй изъясняется предложенная тема чрез распространения.

В третьей присовокупляется довольная к доказательству темы причина. В четвертой предлагается противное, то есть, что предложенному в теме учению в противность бывает, тому противное действие последует. Пятую часть составляет подобие, которым тема изъясняется, купно и подтверждается. Шестая часть доказывает примером историческим. Седьмая утверждает мнением или учением древних авторов, которое сходствует с предложенною темою. Осьмая часть содержит в себе краткое увещательное заключение всего слова.

§ 259

Хрия разделяется еще на полную и неполную, на порядочную и непорядочную. Полною называется та, которая все восемь частей имеет; неполная — которая некоторых частей в себе не имеет. Порядочная хрия называется, когда в ней части по предписанному порядку расположены, а непорядочная, когда части не так одна за другой следуют, как выше показано. Сие отъятие и смешение имеет место только в средних частях, а первая и последняя оным не подвержены, для того, что приступ и заключение хрии ни в иных местах положены, ни от ней отделены быть не могут.

<...>

Глава пятая

О расположении описаний

<...> § 295

Что касается до порядка, в повествованиях наблюдаемого, то полагаются они по большей части натуральным образом, что после чего было, а особливо то наблюдается в важных и правдивых историях. Но этические поэмы и повести великую красоту получают и в читателях удивление возбуждают, когда оне начинаются не с начала всего деяния, но с некоторого чудного, знатного или нечаянного приключения, которое было в середине самого действия, а что наперед было, описывается повествованием знатного лица, в самой истории представляемого, до того самого случая, с которого она началась, а прочее, что следует, идет обыкновенным натуральным порядком. Таким образом, Вергилий начал свою Енеиду с приключившейся великой бури, которою Еней отнесен был в Карфагену, где он Дидоне, царице карфагенской, рассказывает о своем странствовании, начиная от самого разорения Трои, и кончит на самой той буре, которая его к Африканским берегам при Карфагене

прибила; прочее сам Вергилий натуральным порядком покончал. Сему подражая, Фанелон начинает похождение Телемаково с разбития корабля при Калипсином острове, а не с самого начала его странствования, как он из Итаки отъехал. Таковых перерывов в повестях употребить еще больше можно, которых Барклаева Аргенида весьма много к великому своему украшению имеет.

<...>

Печатается по: *Ломоносов М.В.*
Избранная проза. — М.: Советская Россия,
1980. — С. 355 и след.

ОВИДИЙ ПУБЛИЙ НАЗОН

Совершенно оригинальные элегии и письма Овидия широко изучались в российской школе до 1917 г. Они наполнены чувствами грусти человека, сосланного на чужбину, обращены к друзьям и к жене, содержат просьбы об освобождении. В них тоска по родине сочетается с восторженным отношением к стихам, с воспоминаниями о прожитой жизни. В элегии №9 он обращается к другу, успешно начинающему карьеру судебного оратора. Во второй части стихотворения автор восхваляет серьезность этих занятий в противоположность легкомысленным стихам, которыми занят сам Овидий (Элегии. Кн. 1).

В хрестоматии представлено письмо, в котором речь идет о похвале другу, занятому изучением судебного красноречия и имеющему на этой стезе первые, но значительные успехи.

К тексту Овидия нужно сделать два примечания:

Строчка 9) Мой торопливый язык ... — античность не знала чтения «про себя», даже наедине с собой люди читали вслух. Впрочем, лучше читать «вслух» и в наши дни, во всяком случае, для совершенствования своих ораторских умений.

Строчка 23) ... в суде ста мужей ... — В свое время Овидий заседал в суде центумвиров, занимавшихся разбором имущественных и завещательных, реже — уголовных дел, судей было ровно сто пять.

ЗАДАНИЯ

1. Найдите строчки, посвященные речи, произнесенной адресатом, прочитайте их вслух, но только после того, как все письмо будет прочитано от начала до конца (может быть, и не один раз).
2. Что говорит Овидий о повторном чтении текста?
3. Как понять и как объяснить сравнение с водой (с водой в роднике и с водой в сосуде)?
4. Что говорит автор о таланте (во второй части письма)? Поясним, что Стикс — воды в Аркадии, которые по убеждению древних, отличались свойством разъедать все, кроме лошадиных копыт. Поэтому этим именем греки называли главную реку подземного царства, семь раз опоясывающую ад. Боги клялись Стиксом, и эта клятва считалась самой священной.

5. Задание, связанное со стихом автора. Прочитайте письма вслух еще раз, вслушайтесь в звучание стиха, в его мелодичность (музыку), в темпо-ритм всего произведения.

5. КОТТЕ МАКСИМУ

Спросишь, откуда пришло письмо, что теперь ты читаешь?
Издалека, где с морской синью мешается Истр.
Если страна названа, то припомниться должен писавший:
Публий Назон, поэт, сгубленный даром своим.
5 Как бы хотел он тебе не с берега гетов косматых,
Котта, привет передать, но повстречаться с тобой.
Юноша, отчее в ком возрождается вновь красноречье,
Я прочитал твою речь, людный пленившую суд.
10 Мой торопливый язык читал ее более часа,
Но и такая она слишком была коротка.
Я ее вздумал продлить, читая снова и снова, —
С каждым разом она нравилась мне все сильней.
Прелести не отнимает у ней повторное чтение —
Значит, пленяет она силою, не новизной.
15 Счастливы те, кто ее от тебя на форуме слышал;
Им насладиться пришлось уст красноречьем таких.
Ибо, хотя хороша на вкус вода и в сосуде,
Много приятнее пить из самого родника.
Яблоки нам приятней срывать с ветвей наклоненных,
20 Чем из чаши резной брать за обильным столом.
Не провинись я, не будь моя муза причиной изгнания,
То, что прочитано мной, слышал бы я от тебя,
Может быть, вновь в суде ста мужей заседаю привычно,
Речи твоей бы внимал, прежнюю должность заняв,
25 Чувствовал, как наслажденьем мое наполняется сердце,
И, увлеченный, с тобой был бы согласен во всем.
Но, коль судьба отняла у меня и вас, и отчизну
И захотела, чтоб я с дикими гетами жил,
Чаще, прошу я тебя, плоды твоего прилежанья —
30 Чтобы казалось, что мы свиделись, — мне присылай.
Так же, как делаю я, — если ты не сочтешь недостойным
Мой пример, ибо сам лучший мне мог бы подать.
Я ведь, хотя и давно для вас, мой Максим, потерял,

35 Свой напрягаю талант, чтобы не согнуть совсем.
Тем же и мне ответь, чтобы чаще плоды твоих бдений
 Впредь и сосланный друг брал благодарной рукой.
Юноша милый, кому больше всех посвящал я усилья,
 Не ради них ли, скажи, ты вспоминаешь меня?
Кажется ль мне, что, друзьям читая новую песню
40 Или, как делать привык, их заставляя читать,
Чувствуешь ты иногда, забыв душой об утрате,
 Вдруг, что чего-то тебе близкого недостает?
И как, бывало, при мне ты привык говорить о Назоне,
 Все ль у тебя на устах имя его и теперь?
45 Пусть мне смерть принесет стрела из гетского лука
 (Видишь, за лживую здесь клятву расплата близка!),
Если и в ссылке тебя не вижу я постоянно,
 Благо свободен идти дух мой, куда захочу.
Так, не зримый никем и духом Рима достигнув,
50 То я внимаю тебе, то я с тобою говорю.
Как мне бывает тогда хорошо, передать я не в силах;
 Самыми светлыми мне кажутся эти часы.
Веришь ли, мнится тогда, что я очутился на небе,
 Что получил я удел в сонме блаженных богов.
55 Но возвращаюсь сюда, небеса и богов покидаю...
 Как недалеко течет Стикс от Понтийской земли!
Если ж из этой земли мне вернуться препятствуют судьбы,
 Тщетной надежды меня, Максим, скорее лиши!

Печатается по: *Овидий. Скорбные элегии*
Письма с Понта. — М., 1979. — С. 133 и след.

ПЛАТОН

Особенностью творчества Платона является то, что все его произведения написаны в форме диалогов. Иногда двое людей мирно беседуют у пересохшей реки, иногда — несколько человек, и каждый из собеседников высказывает свою точку зрения на обсуждаемый предмет. А сам предмет обсуждения непременно относится к бессмертию души («Федон») или к идее жизни («Пир»), частично к теории красноречия на основе учения о душе («Федр», пятый раздел) и т.д.

Последний диалог заканчивается молитвой Сократа, которая звучит так:

Сократ: Разве не следует помолиться перед уходом?

Федр: Конечно, надо.

С.: Милый Пан и другие здешние боги, дайте мне стать внутренне прекрасным! А то, что у меня есть извне, пусть будет дружественным тому, что у меня есть внутри, рогатым пусть я считаю мудрого, а груд золота пусть у меня будет столько, сколько не унести, не увезти никому, кроме человека рассудительного. Просить ли еще о чем-нибудь, Федр? По мне, такой молитвы достаточно.

Ф.: Присоедини и от меня ту же молитву. Ведь у друзей все общее.

С.: Пойдем.

В «Федре» Сократ говорит о том, как нужно писать речи искусно:

Прежде всего, нужно познать истину относительно любой вещи, о которой говоришь или пишешь, суметь определить все соответственно этой истине, а, дав определение, знать, как дальше подразделить это на виды, вплоть до того, что поддается делению. Природу души надо рассматривать точно так же, отыскивая вид речи, соответствующий каждому природному складу, и таким образом строить и упорядочить свою речь; к сложной душе надо обращаться со сложными, разнообразными речами, а к простой душе — с простыми. Без этого невозможно искусно, насколько это

позволяет природа, овладеть всем родом речей — ни теми, что предназначены учить, ни теми — что убеждать, как показало все наше предшествующее рассуждение (*Платон. Собр. соч.* — М.: Мысль, 1993. Т. 4. — С. 189).

В хрестоматии представлен (в сокращении) «Софист», в котором собеседники доказывают, что существует не только истина, но и ложь, во-первых, и что если оратор отвергает истину, то только во имя торжества лжи, во-вторых. В «Софисте» дается несколько определений самого понятия «софист». Но поскольку в человеческой жизни истина и ложь нередко перемешаны, то истина часто отвергается, а ложь не реже утверждается.

В «Софисте» есть следующие примечания, которые могут помочь в понимании платоновского текста:

Сократ — товарищ Теэтета, фигурирует в «Софисте» в качестве безмолвного персонажа. В других диалогах он иногда вступает в разговор вместе утомившегося Теэтета.

Чужеземец из Элеи последовательно сравнивает софиста с рыболовом, с охотником, с торговцем добродетелью, как спорщика ради денег, отделяет общее творческое искусство от наиболее частного его вида — софистики.

По мнению Платона, есть благородная софистика, которая есть искусство обличения. Внешне она похожа на обычную софистику, но на самом деле представляет собой истинную мудрость.

Пословицы из обихода борцов в палестре не раз встречаются у Платона, для которого спор тоже имеет характер состязания и борьбы.

Протагор считался автором сочинения «О борьбе».

Платон относил софистов к людям, которые обладают ложными знаниями, основанными на подражании, а в подражании не может быть истины, в нем только призрак истины. В другом месте он рассуждает о двух видах подражания: творящем образы и создающем призрачные подобию.

Платон сравнивает софистику с многоголовой гидрой, которую победил Геракл.

Ксенофан Колофонский (VI—V вв.) — основатель школы элеатов. По одному из свидетельств «Ксенофан сомневался относительно всего и принимал только одно положение — что все едино и оно есть бог, конечный, разумный, неизменяемый».

Платон в «Федре» говорит о правой и левой сторонах человеческого тела или о правом и левом «делании безумия». В данном случае он делит

все творческие искусства в ширину на присущие человеку и присущие богу. Дальнейшие деления происходят, по Платону, в длину (мы бы сказали в глубину) — искусство бога слева, искусство человека — справа.

ЗАДАНИЯ

1. Попытайтесь найти в тексте все определения, данные Платоном софисту, их не менее пяти, последовательно выпишите и соотнесите с соответствующими местами авторского текста. Проследите систему доказательств Платона по каждому из определений.
2. Попытайтесь составить схему божественных и человеческих искусств по Платону, слева — божественные, справа — человеческие, слева — охота на рыбу, животных и пр., справа — упражнения софиста по подчинению себе людей на основе ложной мудрости и всего прочего, что сосредоточено в этих диалогах Платона.

3. Подумайте, нет ли возможности определить кого-нибудь из современных нам телевизионных ораторов в качестве «софистов». Это задание потребует тщательной подготовки, многочисленных консультаций с ритором, переделок плана выступления, подбора нужных «лекифов» и всего прочего, что оговаривается в риторике как в теории, так и в практике.

После того как все выступление полностью подготовлено, следует снять с заголовка выступления фамилию такого возможного «героя», поскольку в аргументации автора могут быть недостатки, передержки, что не должно бросать негативный отблеск на имидж реального человека, живущего в наши дни. В противном случае может получиться «инвектива», может быть, неожиданная даже для самого ее автора.

4. Вопрос, связанный со стилем Платона, с особенностями его риторический и ораторской манеры, — последнее задание по Платону.

Какие «лекифы» можно обнаружить в платоновском тексте, какие из них употребляются более часто, какие — в меньшей степени?

Впрочем, здесь все можно сделать по воле желающего заняться этой творческой работой.

5. Вопрос по второй части текста, который называется: «Возможность лжи в речах и мнениях», где есть определение понятия «речь», различные подходы к этому определению, автор рассматривает речь с разных сторон, наконец, дает окончательное определение софиста.

Найдите в тексте и то и другое, посмотрите на их соотношение, попытайтесь понять мысль автора. Правда, можно сказать, что текст перегружен многими сложными подразделениями и делениями, что несколько затрудняет его понимание.

(Впрочем, последняя мысль уже является подсказкой для ответа на четвертое задание).

СОФИСТ

*Феодор, Сократ,
Чужеземец из Элеи, Тезтет*

С о к р а т. Так, чужеземец, не откажи нам в первом одолжении, о котором мы тебя просим. Скажи-ка нам вот что: как ты привык — сам в длинной речи исследовать то, что желаешь кому-нибудь показать, или путем вопросов, как это, например, делал в своих великолепных рассуждениях Парменид, чему я был свидетель, когда был молодым, а тот уже преклонным старцем?

Ч у ж е з е м е ц. С тем, Сократ, кто беседует мирно, не раздражаясь, легче рассуждать, спрашивая его, в противном же случае лучше делать это самому.

С о к р а т. Так ты можешь выбрать себе в собеседники из присутствующих кого пожелаешь: все будут внимать тебе спокойно. Но если ты послушаешься моего совета, то выберешь кого-нибудь из молодых, например вот этого Тезтета или же кого-то из остальных, если кто тебе по душе.

Ч у ж е з е м е ц. Стыд берет меня, Сократ, находясь теперь с вами впервые, вести беседу не постепенно, слово за словом, но произнося длинную, пространную, непрерывную речь, обращаясь к самому себе или же к другому, словно делая то напоказ. Ведь в действительности то, о чем зашла теперь речь, не так просто, как, может быть, понадеется кто-то, судя по вопросу, но нуждается в длинном рассуждении. С другой стороны, не угодить в этом тебе и другим, особенно же после того, что ты сказал, кажется мне неучтивым и грубым. Я вполне одобряю,

чтобы собеседником моим был именно Теэтет, как потому, что и сам я с ним уже раньше вел разговор, так и оттого, что ты меня теперь к этому побуждаешь.

Т е э т е т. Сделай же так, чужеземец, и, как сказал Сократ, ты угодишь всем.

Ч у ж е з е м е ц. Кажется, об этом не приходится более говорить. Что ж, после всего этого моя речь, по-видимому, должна быть обращена к тебе. Если же для тебя из-за обширности исследования что-то окажется обременительным, вини в том не меня, но вот этих твоих друзей.

Т е э т е т. Я со своей стороны думаю, что в таком случае я не сдамся; а случись что-либо подобное, то мы возьмем в помощники вот этого Сократа, Сократова тезку, моего сверстника и сотоварища по гимнастическим упражнениям, которому вообще привычно трудиться вместе со мной.

**Первоначальные
частичные
определения
софиста**

Ч у ж е з е м е ц. Ты хорошо говоришь, но об этом ты сам с собой поразмыслишь во время исследования, вместе же со мною тебе надо сейчас начать исследование, как мне кажется, прежде всего с софиста, рассматривая и давая объяснение, что он такое. Ведь пока мы с тобою относительно него согласны в одном только имени, а то, что мы называем этим именем, быть может, каждый из нас про себя понимает по-своему, меж тем как всегда и во всем должно скорее с помощью объяснения соглашаться относительно самой вещи, чем соглашаться об одном только имени без объяснения. Однако постигнуть род того, что мы намерены исследовать, а именно что такое софист, не очень-то легкое дело. С другой стороны, если что-нибудь важное должно разрабатывать, как следует, то здесь все в древности были согласны, что надо упражняться на менее важном и более легком прежде, чем на самом важном. Итак, Теэтет, я советую это и нам, раз мы признали, что род софиста тяжело уловить: сначала на чем-либо другом, более легком, поупражняться в способе его исследования, если только ты не можешь указать какой-нибудь иной, более удобный путь.

Т е э т е т. Нет, не могу.

Ч у ж е з е м е ц. Итак, не желаешь ли ты, чтобы мы, обращаясь к чему-либо незначительному, попытались сделать это образцом для более важного?

Т е э т е т. Да.

Ч у ж е з е м е ц. Так что же предложить нам — хорошо известное, а вместе с тем и маловажное, но допускающее объяснение ничуть не меньше, чем что-либо важное? Например, рыбак, удящий рыбу, — не есть ли он нечто всем известное и заслуживающее не очень-то большого внимания?

Т е э т е т. Это так.

Ч у ж е з е м е ц. Однако я надеюсь, что он укажет нам путь исследования и объяснение, не бесполезное для того, чего мы желаем.

Т е э т е т. Это было бы хорошо.

Ч у ж е з е м е ц. Давай же начнем с него следующим образом. Скажи мне: предположим ли мы, что он знаток своего дела, или же скажем, что он в нем неискусен, но обладает другой способностью?

Т е э т е т. Уж меньше всего можно признать, что он неискусен.

Ч у ж е з е м е ц. Но ведь все искусства распадаются на два вида.

Т е э т е т. Как так?

Ч у ж е з е м е ц. Земледелие и всевозможный уход за всяким смертным телом, далее — все то, что относится к составному и сделанному, то есть к тому, что мы называем утварью, а затем подражательные искусства — все это с полным правом можно бы назвать одним именем.

Т е э т е т. Как это и каким?

Ч у ж е з е м е ц. В отношении всего, чего прежде не существовало, но что кем-либо потом вызывается к жизни, мы говорим: о том, кто это делает, — «он творит», а о том, что сделано — «его творят».

Т е э т е т. Верно.

Ч у ж е з е м е ц. Но ведь то, что мы сейчас рассмотрели, относится по своим свойствам именно сюда.

Т е э т е т. Конечно.

Ч у ж е з е м е ц. Итак, будем называть все это, выражаясь кратко, творческим искусством.

Т е э т е т. Пусть будет так.

Ч у ж е з е м е ц. С другой стороны — целый ряд наук и знаний, а также искусства дельца, борца и охотника, так как все они ничего не творят, но занимаются тем, что отчасти словами и действиями подчиняют своей власти то, что есть и что возникает, отчасти не позволяют этого делать другим. Наиболее подходящим было бы назвать все эти части в совокупности неким искусством приобретения.

Т е э т е т. Да, это было бы подходящим.

Ч у ж е з е м е ц. Когда, таким образом, все искусства распадаются на приобретающие и творческие, то к каким, Теэтет, мы причислим искусство удить рыбу?

Т е э т е т. Разумеется, к приобретающим.

Ч у ж е з е м е ц. Но разве не два есть вида приобретающего искусства? Одно из них — искусство обмена по обоюдному соглашению посредством даров, найма и продажи, а другое — искусство подчинения себе всего делом или словом: не будет ли этот последний вид искусством подчинять?

Т е э т е т. Так, по крайней мере, явствует из сказанного.

Ч у ж е з е м е ц. Что же? Искусство подчинять — не разделить ли его на две части?

Т е э т е т. Как?

Ч у ж е з е м е ц. Причислив все явное в нем к искусству борьбы, а все тайное — к искусству охоты.

Т е э т е т. Согласен.

Ч у ж е з е м е ц. Но конечно, было бы неразумным не разделить искусство охоты на две части.

Т е э т е т. Скажи, как?

Ч у ж е з е м е ц. Различая в нем, с одной стороны, охоту за одушевленным родом [вещей], а с другой — за неодушевленным.

Т е э т е т. Как же иначе? Если только существуют те и другие.

Ч у ж е з е м е ц. Ну как же не существуют? Охоту за неодушевленными [вещами], не имеющую названия, за исключением некоторых частей водолазного искусства и немногих других подобных, мы должны оставить в стороне, а охоту за одушевленными существами назвать охотою за животными.

Т е э т е т. Пусть будет так.

Ч у ж е з е м е ц. Но не справедливо ли указать два вида охоты за животными и один из них — за животными на суше, распадающийся на много видов и названий,— наименовать охотой за обитающими на суше, а все виды охоты за плавающими животными — охотою за обитателями текучей среды?

Т е э т е т. Конечно.

Ч у ж е з е м е ц. Но ведь мы видим, что один разряд плавающих имеет крылья, а другой живет в воде?

Т е э т е т. Как же не видеть?

Ч у ж е з е м е ц. Вся охота за родом крылатых у нас называется птицеловством.

Т е э т е т. Конечно, называется так.

Ч у ж е з е м е ц. А охота за живущими в воде почти вся называется рыболовством.

Т е э т е т. Да.

Ч у ж е з е м е ц. Что же? Эту охоту, в свою очередь, не разделить ли мне на две главные части?

Т е э т е т. На какие?

Ч у ж е з е м е ц. Одна производит ловлю прямо с места сетями, а другая — посредством удара.

Т е э т е т. Как называешь ты их и в чем различаешь одну от другой?

Ч у ж е з е м е ц. Одну — так как все то, что имеет цепью задержать что-либо, заграждает этому выход, как бы его окружая, — уместно назвать заграждением...

Т е э т е т. Конечно.

Ч у ж е з е м е ц. А садки, сети, невода, тенета и тому подобное можно ли назвать иначе как заграждениями?

Т е э т е т. Никак.

Ч у ж е з е м е ц. Стало быть, эту часть ловли назовем заградительной или еще как-нибудь в этом роде.

Т е э т е т. Да.

Ч у ж е з е м е ц. А вид ловли, отличный от первого, который производится с помощью ударов крюками и трезубцами, надо назвать одним общим именем — ударной охоты. Или кто-нибудь, Теэтет, назовет это лучше?

Т е э т е т. Не станем заботиться об имени. Ведь и это вполне удовлетворяет.

Ч у ж е з е м е ц. Но та часть ударной охоты, которая происходит ночью при свете огня, у самих охотников получила, думаю я, название огневой.

Т е э т е т. Совершенно верно.

Ч у ж е з е м е ц. Вся же дневная часть, с крюками и трезубцами, называется крючковой.

Т е э т е т. Да, это называется так.

Ч у ж е з е м е ц. Одна часть этой крючковой охоты, когда удар направлен сверху вниз, потому что при ней главным образом идут в ход трезубцы, носит, думаю я, название охоты с трезубцами.

Т е э т е т. Так, по крайней мере, называют ее некоторые.

Ч у ж е з е м е ц. Но остается еще один, так сказать, единственный вид.

Т е э т е т. Какой?

Ч у ж е з е м е ц. Такой, когда ударяют крюком в направлении, противоположном первому, причем не в любое место, куда попало, как это бывает при охоте с трезубцами, но каждый раз в голову и рот рыбы, которую ловят; затем она извлекается снизу вверх с помощью удилищ из прутьев и тростника. Каким именем, Теэтет, скажем мы, надо это назвать?

Т е э т е т. Я полагаю, что теперь найдено именно то, что мы недавно поставили своей задачей исследовать.

Ч у ж е з е м е ц. Теперь, значит, мы с тобой не только согласились о названии рыболовного искусства, но и получили достаточное объяснение самой сути дела. Оказалось, что половину всех вообще искусств составляет искусство приобретающее; половину приобретающего — искусство покорять; половину искусства покорять — охота; половину охоты — охота за животными; половину охоты за животными — охота за живущими в текучей среде; нижний отдел охоты в текучей среде — все вообще рыболовство; половину рыболовства составляет ударная охота; половину ударной охоты — крючковая; половина же этой последней — лов, при котором добыча извлекается после удара снизу вверх, — есть искомое с нами ужение, получившее название в соответствии с самим делом.

Т е э т е т. Во всяком случае, это достаточно выяснено.

Ч у ж е з е м е ц. Ну так не попытаться ли нам по этому образцу найти и что такое софист?

Т е э т е т. Конечно.

Ч у ж е з е м е ц. Но ведь первым вопросом было: должно ли считать удильщика-рыболова человеком обыкновенным, или же он знаток своего дела?

Т е э т е т. Да, таков был первый вопрос.

Ч у ж е з е м е ц. А теперь, Теэтет, сочтем ли мы нашего софиста человеком обыкновенным или же во всех отношениях истинным знатком?

Т е э т е т. Обыкновенным — ни в коем случае. Я ведь понимаю, что ты считаешь: тот, кто носит это имя, должен, во всяком случае, таким и быть.

Ч у ж е з е м е ц. Выходит, нам следует признать его знатоком своего дела.

Т е э т е т. Но каким бы это?

Ч у ж е з е м е ц. Или, ради богов, мы не знаем, что один из этих мужей сродни другому?

Т е э т е т. Кто кому?

Ч у ж е з е м е ц. Рыболов-удильщик — софисту.

Т е э т е т. Каким образом?

Ч у ж е з е м е ц. Оба они представляются мне в некотором роде охотниками.

Т е э т е т. Но какой охотой занимается другой? Про одного ведь мы говорили.

Ч у ж е з е м е ц. Мы только что разделили всю охоту надвое, отделив ее водную часть от сухопутной.

Т е э т е т. Да.

Ч у ж е з е м е ц. И мы рассмотрели всю ту ее часть, которая касается плавающих, сухопутную же оставили без подразделения, сказав, что она многовидна.

Т е э т е т. Совершенно верно.

Ч у ж е з е м е ц. Таким образом, до сих пор софист и удильщик-рыболов вместе занимаются приобретающим искусством.

Т е э т е т. Это, по крайней мере, правдоподобно.

Ч у ж е з е м е ц. Но они расходятся, начиная с охоты за живыми существами: один идет к морю, рекам и озерам, чтобы охотиться за обитающими в них животными.

Т е э т е т. Как же иначе?

Ч у ж е з е м е ц. А другой — к земле и неким другим потокам, к изобильным лугам богатства и юности, покорять обитающие там существа.

Т е э т е т. Что ты имеешь в виду?

Ч у ж е з е м е ц. В сухопутной охоте бывают две главные части.

Т е э т е т. Какие?

Ч у ж е з е м е ц. Одна — охота за ручными, другая — за дикими животными.

Т е э т е т. Разве существует охота за ручными животными?

Ч у ж е з е м е ц. Если только человек ручное животное. Считаю, впрочем, как тебе угодно: либо что вообще не существует ручных животных, либо что есть какое-то другое ручное животное, а человек — животное дикое; или, может быть, ты скажешь, что человек — ручное

животное, но не признаешь никакой охоты за людьми? Что из всего этого тебе понравится, это ты нам и определи.

Т е э т е т. Но я думаю, чужеземец, что мы ручные животные, и утверждаю, то существует охота за людьми.

Ч у ж е з е м е ц. Так разделим же и охоту за ручными животными надвое.

Т е э т е т. На каком основании?

Ч у ж е з е м е ц. Да определив разбой, увод в рабство, тиранию и военное искусство — все в целом как одно, а именно как охоту насильственную.

Т е э т е т. Прекрасно.

Ч у ж е з е м е ц. С другой стороны, судейское искусство, искусство говорить всенародно и искусство обхождения, также все в целом, определим, как некое искусство убеждать.

Т е э т е т. Верно.

Ч у ж е з е м е ц. Назовем же два рода искусства убеждать.

Т е э т е т. Какие?

Ч у ж е з е м е ц. Один — искусство убеждать в частной беседе, а другой — всенародно.

Т е э т е т. Конечно, бывает тот и другой вид.

Ч у ж е з е м е ц. Но в свою очередь частная охота не бывает ли, с одной стороны, требующей вознаграждения, а с другой — приносящей дары?

Т е э т е т. Не понимаю.

Ч у ж е з е м е ц. Видно, ты еще не обратил внимания на охоту влюбленных.

Т е э т е т. В каком отношении?

Ч у ж е з е м е ц. В том, что за кем влюбленные охотятся, тем они делают подарки.

Т е э т е т. Ты говоришь сущую правду.

Ч у ж е з е м е ц. Ну, так пусть этот вид будет называться любовным искусством.

Т е э т е т. Уж конечно.

Ч у ж е з е м е ц. А тот вид получения вознаграждения, при котором вступают в общение с кем-либо для того, чтобы ему угодить, и при этом всегда приманкою делают удовольствие, а в награду добиваются единственно лишь пропитания для себя в виде лести, все мы, думаю я, могли бы назвать своего рода искусством услаждающим.

Т е э т е т. Да и как не назвать?

Ч у ж е з е м е ц. А когда объявляют, что вступают в общение с другом ради добродетели, но в награду требуют деньги, не справедливо ли назвать этот род получения наград другим именем?

Т е э т е т. Конечно!

Ч у ж е з е м е ц. Каким же? Попытайся сказать.

Т е э т е т. Да это ясно: мне кажется, что мы дошли до софиста. Назвав этот род так, я дал ему, думаю, надлежащее имя.

Ч у ж е з е м е ц. Согласно, Теэтет, с теперешним нашим объяснением, выходит, что охота, принадлежащая к искусствам приобретения, подчинения, охоты, охоты на животных, сухопутной охоты, охоты за людьми, за отдельными лицами, к искусству продавать за деньги, к мнимому воспитанию — иными словами, охота за богатыми и славными юношами должна быть названа софистикою.

Т е э т е т. Совершенно верно.

Ч у ж е з е м е ц. Посмотрим еще и вот с какой стороны: ведь то, что мы теперь исследуем, принадлежит не к маловажному искусству, но к искусству весьма разностороннему, так что оно и в прежних наших утверждениях казалось не тем родом, за который мы его теперь признаем, но иным.

Т е э т е т. Каким образом?

Ч у ж е з е м е ц. Приобретающее искусство у нас было двоякого вида: одна часть заключала в себе охоту, другая — обмен.

Т е э т е т. Да, было так.

Ч у ж е з е м е ц. Назовем же далее два вида обмена: один — дарственный, другой — торговый.

Т е э т е т. Назовем это так.

Ч у ж е з е м е ц. Но мы и торговлю разделим надвое.

Т е э т е т. Каким образом?

Ч у ж е з е м е ц. Различая, с одной стороны, торговлю тех, кто продает собственные изделия, а с другой — меновую торговлю, в которой обмениваются чужие изделия.

Т е э т е т. Ну конечно.

Ч у ж е з е м е ц. Что же? Меновая торговля внутри города, которая составляет почти половину всей меновой торговли, не называется ли мелочной?

Т е э т е т. Да.

Ч у ж е з е м е ц. А обмен между городами посредством купли и продажи не есть ли торговля крупная?

Т е э т е т. Почему же нет?

Ч у ж е з е м е ц. Но разве мы не обратили внимания, что одна часть крупной торговли продает и обменивает на деньги то, чем питается и в чем имеет нужду тело, а другая — то, чем питается и в чем имеет нужду душа?

Т е э т е т. Что ты имеешь в виду?

Ч у ж е з е м е ц. Того вида торговли, который касается души, мы, быть может, не знаем, но о другом-то имеем понятие.

Т е э т е т. Да.

Ч у ж е з е м е ц. Мы скажем затем, что все музыкальное искусство, которое все время перевозится из города в город, покупается там и тут, а также живопись, фокусничество и многие другие нужные для души вещи, ввозимые и продаваемые частью для забавы, а частью для серьезных занятий, в отношении того, кто их ввозит и ими торгует, могут не меньше, чем торговля пищей и питьем, вполне оправдать имя купца.

Т е э т е т. Ты говоришь совершенно верно.

Ч у ж е з е м е ц. Так не назовешь ли ты тем же именем и того, кто скупает знания и, переезжая из города в город, обменивает их на деньги?

Т е э т е т. Несомненно, так.

Ч у ж е з е м е ц. А в этой торговле духовными товарами не должно ли по всей справедливости назвать одну часть ее искусством показа, а другую, правда не менее забавную, чем первая, но представляющую собой не что иное, как торговлю знаниями, не следует ли назвать каким-нибудь именем, сродным самому делу?

Т е э т е т. Несомненно, следует.

Ч у ж е з е м е ц. Так ту часть этой торговли знаниями, которая имеет дело с познанием всех прочих искусств, должно назвать одним именем, а ту, которая имеет дело с добродетелью, — другим.

Т е э т е т. Как же иначе?

Ч у ж е з е м е ц. Название «торговля искусствами», конечно, подошло бы той, которая имеет дело со всем остальным, а для другой, имеющей дело с добродетелью, ты сам потрудись сказать имя.

Т е э т е т. Да какое же другое имя можно назвать, не делая ошибки, помимо того, что исследуемое нами теперь — это софистический род?'

Ч у ж е з е м е ц. Никакого другого назвать нельзя. Давай же возьмем в совокупности все это и скажем, что, во-вторых, софистика оказалась искусством приобретать, менять, продавать, торговать вообще, торговать духовными товарами, а именно рассуждениями и знаниями, касающимися добродетели.

Т е э т е т. Именно так.

Ч у ж е з е м е ц. В-третьих, я думаю, что, если кто-нибудь поселится в городе и станет отчасти покупать, а отчасти сам изготавливать и продавать знания об этих самых вещах, и поставит себе целью добывать себе этим средства к жизни, ты не назовешь его каким-либо иным именем, помимо того, о котором только что было сказано.

Т е э т е т. Почему бы и не назвать так?

Ч у ж е з е м е ц. Стало быть, и тот род приобретающего искусства, который занимается меной и продажей чужих или собственных изделий, в обоих случаях, коль скоро оно занимается продажей познаний о таких вещах, ты, очевидно, всегда будешь называть софистическим.

Т е э т е т. Несомненно. Ведь надо быть последовательным в суждении.

Ч у ж е з е м е ц. Посмотрим еще, не походит ли исследуемый нами теперь род на что-либо подобное.

Т е э т е т. На что именно?

Ч у ж е з е м е ц. Частью приобретающего искусства у нас была борьба.

Т е э т е т. Конечно, была.

Ч у ж е з е м е ц. Так не будет лишним разделить ее на две части.

Т е э т е т. Скажи, на какие?

Ч у ж е з е м е ц. Допустим, что одна из них — состязание, а другая — сражение.

Т е э т е т. Так.

Ч у ж е з е м е ц. Допустим также, что той части сражения, где выступает тело против тела, довольно уместно и подобает дать какое-нибудь название... ну, например, применение силы.

Т е э т е т. Да.

Ч у ж е з е м е ц. А той, где слова выступают против слов, какое другое, Теэтет, можно дать имя, как не спор?

Т е э т е т. Никакого.

Ч у ж е з е м е ц. Но ту часть [борьбы], которая имеет дело со спорами, надо считать двоякой.

Т е э т е т. Как?

Ч у ж е з е м е ц. Поскольку она происходит всенародно, и длинные речи выступают против длинных речей, и притом по вопросам о справедливости и несправедливости, это — судебное прение.

Т е э т е т. Да.

Ч у ж е з е м е ц. Напротив, ту, которая относится к частным беседам и распадается на вопросы и ответы, имеем ли мы обыкновение называть иначе, чем искусством прекословия?

Т е э т е т. Нет, вовсе не имеем.

Ч у ж е з е м е ц. А вся та часть искусства прекословия, которая заключается в препирательстве по поводу обыденных дел и проявляется в этом просто и безыскусственно, хотя и должна считаться отдельным видом — таким признало ее наше рассуждение,— однако не получила наименования от тех, кто жил прежде, да и от нас теперь недостойна его получить.

Т е э т е т. Это правда. Ведь она распадается на слишком малые и разнообразные части.

Ч у ж е з е м е ц. Но ту, в которой есть искусство и состоит она в препирательстве о справедливом и несправедливом и обо всем остальном, не привыкли ли мы называть искусством словопрения?

Т е э т е т. Как же нет?

Ч у ж е з е м е ц. Но одна часть искусства словопрения истребляет деньги, а другая —наживает их.

Т е э т е т. Совершенно верно.

Ч у ж е з е м е ц. Так попытаемся же сказать имя, каким должно называть каждую.

Т е э т е т. Да, это нужно.

Ч у ж е з е м е ц. Я полагаю, что та часть этого искусства, которая ради удовольствия подобного времяпрепровождения заставляет пренебрегать домашними делами и способ выражения которой вызывает у большинства слушателей неудовольствие, называется — то мое мнение — не иначе как болтовней.

Т е э т е т. Конечно, она называется как-нибудь так.

Ч у ж е з е м е ц. А противоположную этой часть, наживающую деньги от частных споров, попытайся теперь назвать ты.

Т е э т е т. Да что ж другое и на этот раз можно сказать, не делая ошибки, кроме того, что опять, в четвертый раз, появляется тот же самый удивительный, преследуемый нами софист?

Ч у ж е з е м е ц. Так, стало быть, как показало исследование, и на этот раз софист, видно, есть не что иное, как род [людей], наживающих деньги при помощи искусств словопрения, прекословия, спора, сражения, борьбы и приобретения.

Т е э т е т. Совершенно верно.

Ч у ж е з е м е ц. Видишь, как справедливо говорят, что зверь этот пестр, и что, по пословице, его нельзя поймать одной рукой.

Т е э т е т. Значит, надо обеими.

Ч у ж е з е м е ц. Конечно, надо, и по возможности следует делать так, чтобы преследование его велось неотступно.

Т е э т е т. Что же? Ясно ли тебе то, что мы теперь исследуем?

Ч у ж е з е м е ц. Мне, во всяком случае, кажется, что я вижу обособленным некий великий и тягостный вид заблуждения, равный по значению всем остальным частям заблуждения.

Т е э т е т. Какой именно?

Ч у ж е з е м е ц. Тот, когда, не зная чего-нибудь, люди считают себя знающими это. Отсюда, по-видимому, у всех возникает все то, что составляет наши ошибки в мышлении.

Т е э т е т. Правда.

Ч у ж е з е м е ц. Так именно этому одному виду заблуждения и присваивается, по моему мнению, имя невежества.

Т е э т е т. Уж конечно.

Ч у ж е з е м е ц. Какое же, стало быть, надо дать имя той части искусства обучения, которая от него избавляет?

Т е э т е т. Я так думаю, чужеземец, что все другое называется ремесленным обучением, а эта часть, по крайней мере, здесь, у нас, именуется воспитанием.

Ч у ж е з е м е ц. Да и у всех почти эллинов, Теэтет, она именуется так. Но нам надо еще рассмотреть, не есть ли она уже неделимое целое, или же она допускает какое-либо достойное названия подразделение.

Т е э т е т. Конечно, это надо рассмотреть.

Ч у ж е з е м е ц. Так мне представляется, что и эта часть некоторым образом расчленяется.

Т е э т е т. В каком отношении?

Ч у ж е з е м е ц. В искусстве обучения с помощью речей один путь кажется более шероховатым, другой — более гладким.

Т е э т е т. Что же сказать нам о каждом из них?

Ч у ж е з е м е ц. Один путь стародавний, путь наших отцов, которым они главным образом пользовались, да многие пользуются еще и теперь в применении к сыновьям, когда те в чем-нибудь провинятся, причем их то бранят, то более кротко увещевают. Всю эту часть правильнее всего можно назвать вразумлением.

Т е э т е т. Это так.

Ч у ж е з е м е ц. Что же касается другого, то здесь некоторые, видно, по размышлении, пришли к выводу, что всякое неведение бывает невольным, и, если кто считает себя мудрым, он никогда не пожелает обучаться чему-либо из того, в чем считает себя сильным, способ же воспитывать путем вразумления при затрате большого труда приводит к малым достижениям.

Т е э т е т. Они правильно полагают.

Ч у ж е з е м е ц. Поэтому-то за устранение подобного [само] мнения и берутся другим способом.

Т е э т е т. Каким же именно?

Ч у ж е з е м е ц. Они расспрашивают кого-либо о том, относительно чего тот мнит, будто говорит дельно, хотя в действительности говорит пустое. Затем, так как он и ему подобные бросаются из стороны в сторону, они легко выясняют их мнения и, сводя их в своих рассуждениях воедино, сопоставляют между собой, сопоставляя же, показывают, что эти мнения противоречат друг другу касательно одних и тех же вещей, в одном и том же отношении, одним и тем же образом. Те же, видя это, сами на себя негодуют, а к другим становятся мягче и таким способом освобождаются от высокомерного и упорного самомнения, и из всех освобождений об этом освобождении слушать всего приятнее, да и для того, кто его испытывает, оно бывает самым надежным. Ведь те, кто их очищает, дитя мое, полагают, подобно тому, как это признали врачи, что тело может наслаждаться предлагаемой ему пищей не раньше, чем будет из него устранено все то, что этому служит помехой; то же самое они думают и относительно души. Они считают, что душа получит пользу от предлагаемых знаний не раньше, чем обличитель, заставив обличаемого устыдиться и, устранив мешающие знаниям мнения, сделает обличаемого чистым и таким, что он будет считать себя знающим лишь то, что знает, но не более.

Т е э т е т. Во всяком случае это состояние — наилучшее и разумнейшее.

Ч у ж е з е м е ц. Вследствие всего этого, Тезтет, о таком обличении мы должны говорить как о величайшем и главнейшем из очищений и, с другой стороны, человека, не подвергшегося этому испытанию, если бы даже он был Великим царем, поскольку он не очищен в самом главном, должны считать невоспитанным и безобразным в том отношении, в каком следовало бы быть самым чистым и прекрасным тому, кто желает стать действительно счастливым.

Т е э т е т. Безусловно, так.

Ч у ж е з е м е ц. Что же? Тех, кто занимается этим искусством, как нам назвать. Я ведь боюсь назвать их софистами.

Т е э т е т. Почему же?

Ч у ж е з е м е ц. Как бы не приписать им слишком ценный дар.

Т е э т е т. Но ведь то, что теперь сказано, походит на нечто подобное.

Ч у ж е з е м е ц. Да ведь и волк походит на собаку, самое дикое существо — на самое кроткое. Но человеку осмотрительному надо больше всего соблюдать осторожность в отношении подобия, так как это самый скользкий род. Впрочем, пусть будет так: ведь если определения четки даже в отношении мелочей, то никакого спора из-за них не возникает.

Т е э т е т. Да, вероятно, не возникает.

Ч у ж е з е м е ц. Так пусть же частью искусства различать будет искусство очищать, от искусства очищать пусть будет отделена часть, касающаяся души, от этой части — искусство обучать, от искусства обучать — искусство воспитывать, а обличение пустого суемудрия, представляющее собою часть искусства воспитания, пусть называется теперь в нашем рассуждении не иначе как благородною по своему роду софистикою.

Т е э т е т. Пусть называется. Однако я, поскольку обнаружилось столь многое, недоумеваю, кем же, наконец, если говорить правильно и с уверенностью, следует признать на самом деле софиста.

Ч у ж е з е м е ц. Твое недоумение естественно. Но и тот, софист, надо думать, теперь уже сильно недоумеваает, куда ему, наконец, ускользнуть от нашего рассуждения. Ведь справедлива пословица, что нелегко от всего увернуться. Поэтому теперь надо посильнее на него налечь.

Т е э т е т. Ты говоришь прекрасно.

Ч у ж е з е м е ц. Давай-ка сначала, остановившись, как бы переведем дух и, отдыхая, поразмыслим сами с собою: вот ведь сколь многовидным оказался у нас софист. Мне кажется, прежде всего мы обнаружили, что он — платный охотник за молодыми и богатыми людьми.

Т е э т е т. Да.

Ч у ж е з е м е ц. Во-вторых, что он крупный торговец знаниями, относящимися к душе.

Т е э т е т. Именно.

Ч у ж е з е м е ц. В-третьих, не оказался ли он мелочным торговцем тем же самым товаром?

Т е э т е т. Да; и в-четвертых, он был у нас торговцем своими собственными знаниями.

Ч у ж е з е м е ц. Ты правильно вспомнил. Пятое же попытаюсь припомнить я. Захватив искусство словопрений, он стал борцом в словесных состязаниях.

Т е э т е т. Так и было.

Ч у ж е з е м е ц. Шестое спорно; при всем том мы, уступив софисту, приняли, что он очищает от мнений, препятствующих знаниям души.

Т е э т е т. Совершенно верно.

Ч у ж е з е м е ц. Замечаешь ли ты, что когда у кого-то имеется много знаний, а именуют его только по одному виду искусства, то об этом человеке возникает неверное представление. И ясно, что, если кто имеет нечеткое представление о каком-либо искусстве, он не может себе вообразить, на что направлены все знания в этом искусстве, почему он и называет того, кто ими обладает, многими именами вместо одного.

Т е э т е т. Кажется, большею частью это происходит приблизительно так.

Ч у ж е з е м е ц. Пусть же мы не испытаем по лености ничего подобного при исследовании, но примем, прежде всего, одно из сказанного о софисте, это одно, как мне кажется, более всего его отличает.

Т е э т е т. Что же это за одно?

Ч у ж е з е м е ц. Мы где-то признали его искусником в преклословии.

Т е э т е т. Да.

Ч у ж е з е м е ц. Что же? Не признали ли мы, что он учит этому самому и других?

Т е э т е т. Как же иначе?

Ч у ж е з е м е ц. Посмотрим-ка, в спорах о чем обещают подобные люди сделать других искусными? Пусть наше исследование идет сначала примерно так. Ну-ка, делают ли они других людей способными спорить о божественных делах, скрытых от большинства?

Т е э т е т. О них действительно так говорят.

Ч у ж е з е м е ц. А относительно земных, небесных и тому подобных очевидных явлений?

Т е э т е т. Как же иначе?

Ч у ж е з е м е ц. И конечно, мы знаем, что, когда в частных беседах

зайдет речь о возникновении и бытии, они и сами оказываются искусственными в возражениях, и других делают такими же способными в этом, как они сами?

Т е э т е т. Конечно.

Ч у ж е з е м е ц. А что касается законов и всего, относящегося к государству, — берутся ли они сделать других искусными спорщиками?

Т е э т е т. Да ведь никто с ними, можно сказать, и не стал бы беседовать, если б они не брались.

Ч у ж е з е м е ц. Однако все то, что по поводу всех искусств, а также и каждого из них в отдельности должен возражать сам мастер, обнародовано для каждого желающего этому научиться в письменном виде.

Т е э т е т. Ты, кажется, имеешь в виду Протагорovy сочинения о борьбе и иных искусствах?

Ч у ж е з е м е ц. И многие другие, мой друг. Однако не представляется ли искусство прекословить какой-то способностью, годною для любых словопрений — о чем угодно?

Т е э т е т. Кажется, это искусство почти ничего не оставляет без внимания.

Ч у ж е з е м е ц. Но, ради богов, мой мальчик, признаешь ли ты все это возможным? Ведь вы, молодые, пожалуй, бываете тут пронизательнее, мы же — слабее.

Т е э т е т. О чем это и к чему ты все это говоришь? Я даже не понимаю этого твоего вопроса.

Ч у ж е з е м е ц. А о том, будто бы возможно, чтобы кто-нибудь из людей все знал.

Т е э т е т. Поистине счастливым был бы, чужеземец, наш род.

Ч у ж е з е м е ц. Каким же образом кто-то, не зная сам, мог бы здраво возражать знающему?

Т е э т е т. Это никоим образом невозможно.

Ч у ж е з е м е ц. Ну так в чем же состояло бы чудо силы софистики?

Т е э т е т. В применении к чему?

Ч у ж е з е м е ц. Каким образом софисты были бы в состоянии внушить молодым людям мнение, будто они во всем наимудрейшие? Ясно ведь, что, если бы софисты не возражали правильно, или не казалось бы, что они правильно возражают, или даже если бы и создавалось такое впечатление, но они представлялись бы разумными лишь в

силу этих возражений, то, говоря твоими же словами, едва ли кто-нибудь пожелал бы у них учиться, платя им деньги.

Т е э т е т. Разумеется, едва ли.

Ч у ж е з е м е ц. А на самом деле ведь желают?

Т е э т е т. И даже очень.

Ч у ж е з е м е ц. Я думаю, они кажутся сведущими в том, что они возражают.

Т е э т е т. Как же иначе?

Ч у ж е з е м е ц. Но, утверждаем мы, ведь они делают это по отношению ко всему?

Т е э т е т. Да.

Ч у ж е з е м е ц. Поэтому-то они и кажутся ученикам мудрыми во всем.

Т е э т е т. Конечно.

Ч у ж е з е м е ц. Не будучи в то же время таковыми. Ведь это оказалось невозможным.

Т е э т е т. Как может это быть возможным?

Ч у ж е з е м е ц. Значит, софист оказался у нас обладателем какого-то мнимого знания обо всем, а не истинного.

Т е э т е т. Безусловно, и сказанное о них теперь кажется вполне правильным.

Ч у ж е з е м е ц. Возьмем же какой-нибудь более ясный пример.

Т е э т е т. Какой?

Ч у ж е з е м е ц. Вот какой... а ты постарайся ответить мне, как следует подумав.

Т е э т е т. Так что же это?

Ч у ж е з е м е ц. Например, если бы кто-нибудь стал утверждать, что ни говорить, ни возражать не умеет, но с помощью одного лишь искусства может создавать все вещи без исключения...

Т е э т е т. Как ты разумеешь это «все»?

Ч у ж е з е м е ц. Ты уже сейчас не понимаешь, из чего исходит сказанное. Тебе кажется непонятным это «все».

Т е э т е т. Конечно, нет.

Ч у ж е з е м е ц. Я считаю, однако, что и я, и ты принадлежим ко «всему», помимо же нас все остальные животные и растения.

Т е э т е т. Как ты говоришь?

Ч у ж е з е м е ц. Я имею в виду, если кто-нибудь стал бы утверждать, что сотворит и меня, и тебя, и все растения...

Т е э т е т. О каком творении ты, однако, упоминаешь? Ведь не о земледельце же будешь ты говорить, поскольку того человека ты называешь творцом так же и животных.

Ч у ж е з е м е ц. Да, и сверх того моря, земли, неба и богов, а также всего прочего, вместе взятого; быстро творя, он каждую из этих вещей продает за весьма малые деньги.

Т е э т е т. Это какая-то шутка.

Ч у ж е з е м е ц. Ну а разве не шуткой надо считать, когда кто-нибудь говорит, будто все знает и будто мог бы за недорогую плату в короткий срок и другого этому научить?

Т е э т е т. Безусловно, шуткой.

Ч у ж е з е м е ц. Знаешь ли ты какой-либо более искусный или более приятный вид шутки, чем подражание?

Т е э т е т. Нет. Ты назвал всеобъемлющий и весьма разнообразный вид, соединив все в одном.

Ч у ж е з е м е ц. Таким образом, о том, кто выдает себя за способного творить все с помощью одного лишь искусства, мы знаем, что он, создавая посредством живописи всевозможные подражания и одноименные с существующими вещами предметы, сможет обмануть неразумных молодых людей, показывая им издали нарисованное и внушая, будто бы он вполне способен на деле исполнить все, что они ни пожелают.

Т е э т е т. Да, это так.

Ч у ж е з е м е ц. Что же теперь? Не считать ли нам, что и по отношению к речам существует какое-то подобное искусство, с помощью которого можно обольщать молодых людей и тех, кто стоит вдали от истинной сущности вещей, речами, действующими на слух, показывая словесные призраки всего существующего? Так и достигается то, что произносимое принимают за истину, а говорящего — за мудрейшего из всех и во всем.

Т е э т е т. Да почему и не быть какому-либо подобному искусству?

Ч у ж е з е м е ц. Не бывает ли, дорогой Тезтет, необходимым для многих из слушателей, когда по прошествии достаточного времени и достижении зрелого возраста они приходят в столкновение с действительностью и становятся вынужденными под ее воздействием ясно постигнуть существующее, изменить приобретенные раньше мнения, так что великое оказывается малым, легкое — трудным и все ложные представления, образованные при помощи речей, всячески опровергаются действительными делами?

Т е э т е т. Конечно, насколько я в своем юном возрасте могу судить. Но думаю, что и я еще из числа стоящих поодаль [от истины].

Ч у ж е з е м е ц. Поэтому-то все мы здесь постараемся, да и теперь стараемся, подвести тебя к ней как можно ближе, прежде чем ты испытаешь такие воздействия. О софисте же ты скажи мне следующее: ясно ли уже, что, будучи подражателем действительности, он — словно какой-то чародей, или мы еще пребываем в сомнении, уж не обладает ли он и в самом деле знанием обо всем том, о чем он в состоянии спорить?

Т е э т е т. Да каким же образом, чужеземец? Ведь из сказанного уже теперь почти ясно, что он принадлежит к людям, занятым забавой.

Ч у ж е з е м е ц. Оттого-то его и надо считать каким-то чародеем и подражателем.

Т е э т е т. Как же не считать?

Ч у ж е з е м е ц. Ну, теперь наша задача — не выпустить зверя, мы его почти уже захватили в своего рода сеть — орудие нашего рассуждения, так что он больше не убежит и от этого.

Т е э т е т. От чего же?

Ч у ж е з е м е ц. От того, что он — из рода фокусников.

Т е э т е т. Это также и мое о нем мнение.

Ч у ж е з е м е ц. Нами решено уже как можно скорее расчленим изобразительное искусство и, если софист, когда мы вторгнемся в область этого искусства, останется с нами лицом к лицу, схватить его по царскому слову, передавая же его царю, объявить о добыче. Если же софист как-либо скроется в отдельных частях искусства подражания, то решено преследовать его, все время продолжая расчленять принявшую его часть, до тех пор пока он не будет пойман. Вообще, ни этому роду, ни другому какому никогда не придется хвалиться, что он смог убежать от тех, кто владеет методом преследовать как по частям, так и в целом.

Т е э т е т. Ты хорошо говоришь, так и должно поступить.

Ч у ж е з е м е ц. Согласно с прежним характером членения, мне кажется, я усматриваю два вида искусства подражания. Однако, мне кажется, что я еще не в состоянии узнать, в каком же из них двух находится у нас искомая идея.

Т е э т е т. Но сначала скажи и поясни, о каких двух видах ты говоришь.

Ч у ж е з е м е ц. В одном я усматриваю искусство творить образы; оно стоит преимущественно в том, что кто-либо соответственно с дли-

ною, шириною и глубиною образца, придавая затем еще всему подходящую окраску, создает подражательное произведение.

Т е э т е т. Как же? Не все ли подражатели берутся делать то же самое?

Ч у ж е з е м е ц. Во всяком случае, не те, кто лепит или рисует какую-либо из больших вещей. Если бы они желали передать истинную соразмерность прекрасных вещей, то ты знаешь, что верх оказался бы меньших размеров, чем должно, низ же больших, так как первое видимо нами издали, второе вблизи.

Т е э т е т. Конечно.

Ч у ж е з е м е ц. Не воплощают ли поэтому художники в своих произведениях, оставляя в стороне истинное, не действительные соотношения, но лишь те, которые им кажутся прекрасными?

Т е э т е т. Безусловно.

Ч у ж е з е м е ц. Не будет ли справедливым первое, как правдоподобное, назвать подобием?

Т е э т е т. Да.

Ч у ж е з е м е ц. И относящуюся сюда часть искусства подражания, не должно ли, как мы уже сказали раньше, назвать искусством творить образы?

Т е э т е т. Пусть называется так.

Ч у ж е з е м е ц. А как же мы назовем то, что, с одной стороны, кажется подобным прекрасному, хотя при этом и не исходят из прекрасного, а, с другой стороны, если бы иметь возможность рассмотреть это в достаточной степени, можно было бы сказать, что оно даже несходно с тем, с чем считалось сходным? Не есть ли то, что только кажется сходным, а на самом деле не таково, лишь призрак?

Т е э т е т. Отчего же нет?

Ч у ж е з е м е ц. Не весьма ли обширна эта часть и в живописи, и во всем искусстве подражания?

Т е э т е т. Как же иначе?

Ч у ж е з е м е ц. Не назовем ли мы вполне справедливо искусством творить призрачные подобию то искусство, которое создает не подобию, а призраки?

Т е э т е т. Конечно, назовем.

Ч у ж е з е м е ц. Таким образом, я назвал следующие два вида изобразительного искусства: искусство творить образы и искусство создавать призрачные подобию.

Т е э т е т. Правильно. <...>

**Возможность лжи
в речах и мнениях**

Чужеземец. И в самом деле, дорогой мой, пытаться отделять все от всего и вообще-то не годится, и обычно это свойственно человеку необразованному и нефилософу.

Тэтет. Почему же?

Чужеземец. Разъединять каждое со всем остальным означает полное уничтожение всех речей, так как речь возникает у нас в результате взаимного переплетения идей.

Тэтет. Правда.

Чужеземец. Обрати поэтому внимание, как была полезна для нас сейчас борьба с такими людьми и как хорошо, что мы заставили их допустить смешение одного с другим.

Тэтет. В каком отношении?

Чужеземец. А в том, что речь для нас — это один из родов существующего: лишившись ее, мы, что особенно важно, лишились бы философии. Нам теперь же надо прийти к соглашению о том, что такое речь. Если бы она была у нас отнята или ее бы совсем не существовало, мы ничего не могли бы высказать. А ведь мы бы лишились ее, если бы признали, что нет никакого смешения между чем бы то ни было.

Тэтет. Это справедливо. Но я не понимаю, для чего надо согласиться относительно речи.

Чужеземец. Быть может, ты скорее бы понял, следуя вот каким путем.

Тэтет. Каким?

Чужеземец. Небытие явилось у нас как один из родов, рассеянный по всему существующему.

Тэтет. Так.

Чужеземец. Поэтому надо теперь рассмотреть, смешивается ли оно с мнением и речью.

Тэтет. Как так?

Чужеземец. Если оно с ними не смешивается, все по необходимости должно быть истинным, если же смешивается, мнение становится ложным и речь тоже, так как мнить или высказывать несуществующее — это и есть заблуждение, возникающее в мышлении и речах.

Тэтет. Так.

Чужеземец. А если есть заблуждение, то существует и обман.

Тэтет. Да.

Чужеземец. Но если существует обман, тогда все необходимо должно быть полно отображений, образов и призраков.

Т е э т е т. Как же иначе?

Ч у ж е з е м е ц. О софисте мы сказали, что, хотя он и скрылся в этой области, сам он, однако, полностью отрицал существование лжи: мол, о небытии никто не мыслит и не говорит и оно никак не причастно бытию.

Т е э т е т. Да, так и было.

Ч у ж е з е м е ц. Теперь же небытие оказалось причастным бытию, так что он, пожалуй, не станет здесь спорить. Поэтому прежде всего надлежит точно исследовать, что такое речь, мнение и представление, дабы, когда они для нас станут ясными, мы увидели и их взаимодействие с небытием; видя это последнее, мы сможем доказать, что заблуждение существует, доказавши же это, мы свяжем с ним софиста, если, конечно, он в нем виновен, или, оставив его на свободе, станем искать его в ином роде.

Т е э т е т. Вполне справедливо, чужеземец, было вначале сказано о софисте, что род этот неуловим. У него, как кажется, полно прикрытий и когда он какое-нибудь из них выставит, то приходится его преодолевать, прежде чем удастся добраться до самого софиста. <...>

Ч у ж е з е м е ц. Теперь еще вот какая малость.

Т е э т е т. Какая же?

Ч у ж е з е м е ц. Речь, когда она есть, необходимо должна быть речью о чем-либо: ведь речь ни о чем невозможна.

Т е э т е т. Так.

Ч у ж е з е м е ц. Не должна ли она иметь и какое-то качество?

Т е э т е т. Как же иначе?

Ч у ж е з е м е ц. Обратим-ка теперь внимание на нас самих.

Т е э т е т. Действительно, это следует сделать.

Ч у ж е з е м е ц. Я тебе произнесу речь, соединив предмет с действием через посредство имени и глагола; ты же скажи мне, о чем будет речь.

Т е э т е т. Так и будет по мере возможности.

Ч у ж е з е м е ц. «Тезтет сидит». Эта речь, конечно, не длинная?

Т е э т е т. Нет, напротив, в меру.

Ч у ж е з е м е ц. Твое дело теперь сказать, о ком она и к кому относится.

Т е э т е т. Очевидно, что обо мне и ко мне.

Ч у ж е з е м е ц. А как вот эта?

Т е э т е т. Какая?

Ч у ж е з е м е ц. «Тезтет, с которым я теперь беседую, летит».

Т е э т е т. И относительно этой речи едва ли кто скажет иначе: она обо мне и касается меня.

Ч у ж е з е м е ц. Мы утверждаем, что всякая речь необходимо должна быть какого-то качества.

Т е э т е т. Да.

Ч у ж е з е м е ц. Какого же качества должно теперь считать каждую из этих двух?

Т е э т е т. Одну истинной, другую ложной.

Ч у ж е з е м е ц. Из них истинная высказывает о тебе существующее, как оно есть.

Т е э т е т. Конечно.

Ч у ж е з е м е ц. Ложная же — нечто другое, чем существующее.

Т е э т е т. Да.

Ч у ж е з е м е ц. Она говорит поэтому о несуществующем, как о существующем.

Т е э т е т. Похоже, что так.

Ч у ж е з е м е ц. По крайней мере, о несуществующем, отличном от существующего, которое должно быть высказано о тебе. Ведь мы утверждали, что в отношении к каждому многое существует, а многое и нет.

Т е э т е т. Именно так.

Ч у ж е з е м е ц. Вторая речь, которую я о тебе произнес, прежде всего в силу нашего определения, что такая речь необходимо должна быть одною из самых коротких.

Т е э т е т. Мы ведь недавно в этом согласились.

Ч у ж е з е м е ц. Затем, речью о чем-либо.

Т е э т е т. Так.

Ч у ж е з е м е ц. Если она не о тебе, то и ни о ком другом.

Т е э т е т. Как это?

Ч у ж е з е м е ц. Ведь, не относясь ни к чему, она и вообще не была бы речью. Мы доказали, что невозможно, чтобы речью была ни к чему не относящаяся речь.

Т е э т е т. Вполне справедливо.

Ч у ж е з е м е ц. Если, таким образом, о тебе говорится иное как тождественное, несуществующее — как существующее, то совершенно очевидно, что подобное сочетание, возникающее из глаголов и имен, оказывается поистине и на самом деле ложною речью.

Т е э т е т. Весьма верно.

Ч у ж е з е м е ц. Как же теперь? Не ясно ли уже, что мышление,

мнение, представление, как истинные, так и ложные, все возникают у нас в душе?

Т е э т е т. Каким образом?

Ч у ж е з е м е ц. Ты это легче увидишь, если сначала узнаешь, что они такое и чем отличаются друг от друга.

Т е э т е т. Говори, говори.

Ч у ж е з е м е ц. Не есть ли мысль и речь одно и то же, за исключением лишь того, что происходящая внутри души беззвучная беседа ее с самой собой и называется у нас мышлением?

Т е э т е т. Вполне так.

Ч у ж е з е м е ц. Поток же звуков, идущий из души через уста, назван речью.

Т е э т е т. Правда.

Ч у ж е з е м е ц. И мы знаем, что в речах содержится следующее...

Т е э т е т. Что же?

Ч у ж е з е м е ц. Утверждение и отрицание.

Т е э т е т. Да, знаем.

Ч у ж е з е м е ц. Если это происходит в душе мысленно, молчаливо, то есть ли у тебя другое какое-либо название для этого, кроме мнения?

Т е э т е т. Да каким же образом?

Ч у ж е з е м е ц. Что же, когда подобное состояние возникает у кого-либо не само по себе, но благодаря ощущению, можно ли правильно назвать его иначе, нежели представлением?

Т е э т е т. Нельзя.

Ч у ж е з е м е ц. Таким образом, если речь бывает истинной и ложной, и среди этого мышление явилось нам как беседа души с самою собой, мнение же — как завершение мышления, а то, что мы выражаем словом «представляется», — как смешение ощущения и мнения, то необходимо, чтобы и из всего этого как родственного речи кое-что также иногда было ложным.

Т е э т е т. Как же иначе?

Ч у ж е з е м е ц. Замечаешь ли ты теперь, что ложное мнение и речь найдены нами раньше, чем мы предполагали, опасаясь, как бы, исследуя все это, не приняться за дело совершенно невыполнимое?

Т е э т е т. Замечаю.

Ч у ж е з е м е ц. Не будем же падать духом и во всем остальном. Ввиду того, что все это теперь стало нам ясным, вспомним о прежних делениях на виды.

Т е э т е т. О каких?

Ч у ж е з е м е ц. Мы различали два вида изобразительного искусства: один — творящий образы, другой — призраки.

Т е э т е т. Да.

Ч у ж е з е м е ц. И мы сказали, что недоумеваем, к какому из них двух отнести софиста.

Т е э т е т. Так это и было.

Ч у ж е з е м е ц. И пока мы так недоумевали, разлился еще больший мрак, как только возникло рассуждение, ставящее все под сомнение, — будто нет ни образов, ни отображений, ни призраков и потому никак, никогда и нигде не возникает ничего ложного.

Т е э т е т. Ты говоришь верно.

Ч у ж е з е м е ц. Теперь, когда обнаружилось, что существуют ложная речь и ложное мнение, освободилось место для подражаний существующему, а уж из этого возникает искусство обмана.

Т е э т е т. Пожалуй.

Ч у ж е з е м е ц. И действительно, что софист принадлежит к одному из этих двух [искусств], мы уже признали раньше.

Т е э т е т. Да.

Ч у ж е з е м е ц. Попробуем-ка, снова разделяя надвое находящийся перед нами род, каждый раз держаться в пути правой части, имея в виду то, что относится к софисту, пока мы, пройдя мимо всего общего [между ним и другими видами] и оставив ему его собственную природу, не выставим ее напоказ прежде всего нам самим, а потом и тем, кто от природы близок такому методу исследования.

Т е э т е т. Правильно.

Ч у ж е з е м е ц. Не с того ли мы начали, что различили искусства творческое и приобретающее?

Т е э т е т. Да.

Ч у ж е з е м е ц. И не явился ли нам софист в области охоты, состязания, торговли и некоторых других видов приобретающего искусства?

Т е э т е т. Конечно, так.

Ч у ж е з е м е ц. Теперь же, когда его захватило подражательное искусство, ясно, что сперва надо расчленить творческое искусство надвое. Ведь подражание есть какое-то творчество; мы, однако, говорим об отображениях, а не о самих вещах. Не так ли?

Т е э т е т. Несомненно, так.

Ч у ж е з е м е ц. Пусть, следовательно, будут прежде всего две части творческого искусства.

Т е э т е т. Какие?

Ч у ж е з е м е ц. Одна — божественная, другая — человеческая.

Т е э т е т. Я пока не понял.

Ч у ж е з е м е ц. Творческое искусство, говорили мы, — если вспомнить сказанное вначале — есть всякая способность, которая является причиной возникновения того, чего раньше не было.

Т е э т е т. Да, мы это помним.

Ч у ж е з е м е ц. Станем ли мы утверждать относительно всех живых существ и растений, которые произрастают на земле из семян и корней, а также относительно неодушевленных тел, пребывающих в земле в текучем и нетекучем виде, — станем ли мы утверждать, говорю я, что все это, ранее не существовавшее, возникает затем благодаря созидательной деятельности кого-либо иного — не бога? Или же будем говорить, руководствуясь убеждением и словами большинства...

Т е э т е т. Какими?

Ч у ж е з е м е ц. Что все это природа порождает в силу какой-то самопроизвольной причины, производящей без участия разума. Или, может быть, мы признаем, что причина эта одарена разумом и божественным знанием, исходящим от бога?

Т е э т е т. Я, быть может, по молодости часто меняю одно мнение на другое. Однако теперь, глядя на тебя и понимая, что ты считаешь, что все это произошло от бога, я и сам так думаю.

Ч у ж е з е м е ц. Прекрасно, Теэтет! И если бы мы полагали, что в будущем ты окажешься в числе мыслящих иначе, то постарались бы теперь с помощью непреложно убедительной речи заставить тебя с нами согласиться. Но так как я знаю твою природу, знаю, что и без наших слов она сама собою обратится к тому, к чему, как ты утверждаешь, ее ныне влечет, то я оставляю это: ведь мы напрасно потеряли бы время. Лучше я выставлю положение, что то, что приписывают природе, творится божественным искусством, то же, что создается людьми, — человеческим и, согласно этому положению, существует два рода творчества: один — человеческий, другой — божественный.

Т е э т е т. Верно. <...>

Ч у ж е з е м е ц. Теперь надо воспользоваться одним из этих названий. Ведь софист принадлежит не к знающим, а к подражающим.

Т е э т е т. Да, конечно.

Ч у ж е з е м е ц. Рассмотрим-ка подражателя, основывающегося на мнении, как рассматривают изделие из железа, прочно ли оно или содер­жит в себе какую-то трещину.

Т е э т е т. Рассмотрим.

Ч у ж е з е м е ц. А ведь у него она есть, и очень даже большая. Один из подражателей простоват и думает, будто знает то, что мнит, а об­лик другого из-за его многословия возбуждает подозрение и опасе­ние, что он не знает того, относительно чего принимает перед другими вид знатока.

Т е э т е т. Конечно, есть подражатели обоих родов, о которых ты упомянул.

Ч у ж е з е м е ц. Поэтому не сочтем ли мы одного простодушным, а другого —лицемерным подражателем?

Т е э т е т. Это подходит.

Ч у ж е з е м е ц. Сочтем ли мы род этого последнего единым или двояким?

Т е э т е т. Смотри ты сам.

Ч у ж е з е м е ц. Смотрю, и мне представляются каких-то два рода: один, я вижу, способен лицемерить всенародно, в длинных речах, произ­носимых перед толпою, другой же в частной беседе с помощью корот­ких высказываний заставляет собеседника противоречить самому себе.

Т е э т е т. Ты совершенно прав.

Ч у ж е з е м е ц. Кем же сочтем мы словообильного? Мужем ли государственным или народным витией?

Т е э т е т. Народным витией.

Ч у ж е з е м е ц. Как же мы назовем другого? Мудрецом или софистом?

Т е э т е т. Мудрецом его невозможно назвать: ведь мы признали его незнающим. Будучи подражателем мудреца (σοφου), он, конечно, получит производное от него имя, и я почти уже понял, что он действи­тельно должен называться во всех отношениях подлинным софистом (σοφιστην).

**Итог:
определение софиста**

Ч у ж е з е м е ц. Не свяжем ли мы, однако, как и раньше, его имя воедино, сплетая нить в обратном порядке — от конца к началу.

Т е э т е т. Конечно, сделаем так.

Ч у ж е з е м е ц. Этим именем обозначается основанное на мнении

ХРЕСТОМАТИЯ

лицемерное подражание искусству, запутывающему другого в противоречиях, подражание, принадлежащее к части изобразительного искусства, творящей призраки и с помощью речей выделяющей в творчестве не божественную, а человеческую часть фокусничества: кто сочтет истинного софиста происходящим из этой плоти и крови, тот, кажется, выразится вполне справедливо.

Т е э т е т. Сущя правда.

Печатается по: *Платон.*
Собрание сочинений в 4-х томах. —
М.: Мысль, 1993. Т. 4. — С. 275 и след.

ПЛЕВАКО ФЕДОР НИКИФОРОВИЧ

В хрестоматию включены две речи, с которыми выступал Ф.Н. Плевако по делу аристократа-князя, застрелившего любовника жены, и по делу нищих крестьян, оказавших сопротивление властям — два полюса общественно-социальной жизни России того времени.

Таким образом, мы пойдем по пути сравнения, а этим приемом охотно пользовался сам Ф.Н. Плевако: его сравнения и его образы сильны, убедительны, глубоко запоминаются. Образные сравнения еще более увеличивают впечатление от его эффектных речей, отголоски которых расходились далеко за пределами судебных заседаний.

ЗАДАНИЯ

По делу Грузинского:

1. Проследите канву сюжета, найдите в ней кульминационные пункты. С этой целью неплохо составить план развития сюжета, как это, может быть, и делал в свое время сам автор речи, проследив развитие логики событий. Лучше отдельно выделить появление Фени и сменного детского белья.
2. Составьте характеристики действующих лиц, анализируя их поступки и отношение к другим персонажам речи.
3. В тексте речи есть строка: «Не дай Бог пережить такие минуты!». Объясните ее значение для речи в целом, для состояния князя, для участников судебного заседания.
4. В речи есть строки: «Сжалось сердце у отца», «... было ли место живое в душе его в эту ужасную минуту», «есть состояние еще более извинительное» и много других. Как их охарактеризовать? Попытайтесь это сделать.

Можно отдельно осветить вопрос о том, что «многое упущено, многое забыто мною. Но пусть не отразятся мои недостатки на судьбе его». (См. предпоследний абзац речи.) Проанализируйте соотношение между делом и речью, объемом того и другого, их влиянием на судей и на присутствующих...

По делу Люторических крестьян:

Задания 1 и 2 из предыдущей речи.

3. В тексте речи есть фраза: «Десять лет, из года в год, идут они — одинаковые, разорительные, бесчеловечные условия, и граф не знает их!... Нет, защитить эту мысль — задача выше моих сил». Как можно проанализировать позицию оратора? Позицию графа и положение крестьян? Позицию немца-управляющего?
4. В конце речи оратор произносит: «Молчи закон, настало время благодати!» Как понять эти слова? Как могли понять их участники судебного заседания?
5. Какие ораторские приемы использует Ф.Н. Плевако в этой речи, например, «но подстрекатели были. Я нашел их и с головой выдаю вашему правосудию: они — подстрекатели, они — зачинщики, они — причина всех причин...»
Или: «Десяток лет сосал их силы управляющий..»
Или «... их тупые глаза умеют плакать и горько плакать...»
Или: «если я сытый, давно сытый человек...»

Продолжите этот список.

6. А.Ф. Кони так характеризовал стиль Ф.Н. Плевако:
«... речь Плевако. В ней... всегда над житейской обстановкой дела, с его уликами и доказательствами, возвышались, как маяк, общие начала, то освещая путь, то помогая его отыскивать. Стремление указать внутренний смысл того или иного явления или житейского положения заставляло Плевако брать краски из существующих поэтических образов или картин или рисовать их самому с тонким художественным чутьем и, одушевляясь ими, доходить до своеобразного лиризма, производящего не только сильное, но иногда и неотразимое впечатление. В его речах не было места юмору или иронии, но часто, в особенности когда дело шло об общественном явлении, слышался с трудом сдерживаемый гнев или страстный призыв к негодованию». (*Кони А.Ф. Избранное. Воспоминание о судебных деятелях. Князь А.И. Урусов и Ф.Н. Плевако. — М., 1989. — С. 66*).
Какие примеры для такой характеристики можно отыскать на страницах этих двух речей?
Лучше выполнить это задание письменно, по специальному плану, с перечислением конкретных слов и фраз самого оратора.

ДЕЛО ГРУЗИНСКОГО

Настоящее дело было рассмотрено Острогужским окружным судом 29—30 сентября 1883 г. Князь Г.И. Грузинский обвинялся в умышленном убийстве бывшего гувернера своих детей, впоследствии управляющего именем жены Грузинского — Э.Ф. Шмидта.

Предварительным следствием было установлено следующее. Э.Ф. Шмидт, приглашенный Грузинским в качестве гувернера, очень быстро сближается с женой последнего. После того как Грузинский потребовал от жены прекратить всякие отношения с гувернером, а его самого уволил, жена заявила о невозможности дальнейшего проживания с Грузинским и потребовала выдела части принадлежащего ей имущества. Поселившись в отведенной ей усадьбе, она пригласила к себе в качестве управляющего Э.Ф. Шмидта. Двое детей Грузинского после раздела некоторое время проживали с матерью в той же усадьбе, где управляющим был Шмидт. Шмидт нередко пользовался этим для мести Грузинскому. Последнему были ограничены возможности для свиданий с детьми, детям о Грузинском рассказывалось много компрометирующего. Будучи вследствие этого постоянно в напряженном нервном состоянии при встречах с Шмидтом и с детьми, Грузинский во время одной из этих встреч убил Шмидта, выстрелив в него несколько раз из пистолета. Ф.Н. Плевако, защищая подсудимого, очень последовательно доказывает отсутствие в его действиях умысла и необходимость их квалификации как совершенных в состоянии умоисступления.

* * *

Как это обыкновенно делают защитники, я по настоящему делу прочитал бумаги, беседовал с подсудимым и вызвал его на искреннюю исповедь души, прислушался к доказательствам и составил себе программу, заметки, о чем, как, что и зачем говорить пред вами. Думалось и догадывалось, о чем будет говорить прокурор, на что будет особенно ударять, где в нашем деле будет место горячему спору, — и свои мысли держал я про запас, чтобы на его слово был ответ, на его удар — отражение.

Но вот теперь, когда прокурор свое дело сделал, вижу я, что мне мои заметки надо бросить, программу изорвать. Я такого содержания речи не ожидал.

Много можно было прокурору спорить, что поступок князя не может быть ему отпущен, что князь задумал, а не вдруг решился на дело,

что никакого беспамяства не было, что думать о том, что Шмидт со своей стороны готовит кровавую встречу и под этой думой стреляет в Шмидта, — князю не приходилось. Все это — спорные места, сразу убедиться в них трудно, о них можно потягаться.

Но поднимать вопрос, что князь жены не любил, оскорбления не чувствовал, говорить, что дети тут ни при чем, что дело тут другое, воля ваша, — смело и вряд ли основательно. И уже совсем нехорошо, совсем непонятно объяснять историю со Шмидтом письмами к жене, строгостью князя с крестьянами и его презрением к меньшей братии — к крестьянам и людям, вроде немца Шмидта, потому что он светлейший потомок царственного грузинского дома.

Все это ново, неожиданно, и я, бросив задуманное слово, попытаюсь ответить прокурору так, как меня наталкивает сердце, возбужденное слышанным и боязнью за будущее моего детища — подсудимого. Я очень рад, что судьбу князя решаете вы, по виду вашему, — пахари и промышленники, что судьбу человека из важного рода отдали в руки ваши¹.

Равенство всех пред законом и вера в правосудие людей, не несущих с собой в суд ничего, кроме простоты и чистоты сердца, — сегодня явны в настоящем деле. Сегодня, в стороне от большого света, в уездном городке, где нет крупных интересов, где все вы заняты своим делом, не мечтая о великих делах и бессмертии имени, на скамью обвинением посажен человек, которого упрекают в презрении к вам, упрекают в том, что он из стародавней, некогда властвовавшей над Грузией фамилии... и вам же предадут его на суд!

Но мы этого не боимся и, не краснея за свое происхождение, не страшась за вашу власть, лучшего суда, чем ваш, не желаем, вполне надеясь, что вы нас рассудите в правду и в милость, рассудите по-человечески, себя на его место поставите, а не по фарисейской правде, видящей у ближнего в глазу спицу, у себя не видящей и бревна, на людей возлагающей бремя закона, а себе оставляющей легкие ноши.

В старину приходящего гостя спрашивали про имя, про род, про племя. По имени тебе честь, по роду жалование. Подсудимому не страш-

¹ Данным делом было внесено немало волнений в круги так называемого высшего светского общества России, так как на скамье подсудимых оказался один из членов этого общества. В качестве присяжных по делу выступали известные промышленники и крупные помещики («пахари и промышленники» — по выражению Ф.Н. Плевако). (*Сочм. Ред.*)

но назвать себя, и краснеть за своих предков ему не приходится. Он из рода князей Грузинских, прямой внук последнего грузинского царя Григория, из древней династии Багратидов, занесенной в летописи с IV в. после Рождества Христова. При деде его Грузия слилась воедино с нашим отечеством, его дед принял подданство, и фамилия Грузинских верой и правдой служит своему царю и новому отечеству.

Несчастье привело одного из членов этого дома на суд ваш, и он пришел ждать вашего решения, не прибегая к тем попыткам, какие в ходу у сильных мира, к попыткам избежать суда преждевременными ходатайствами об исключении из общего правила, о беспримерной милости и т.п.

Дело его — страшное, тяжелое. Но вы, более чем какое-либо другое, можете рассудить его разумно и справедливо, по-божески. То, что с ним случилось, беда, которая над ним стряслась, — понятны всем нам; он был богат — его ограбили; он был честен — его обесчестили; он любил и был любим — его разлучили с женой и на склоне лет заставили искать ласки случайной знакомой, какой-то Фени; он был мужем — его ложе осквернили; он был отцом — у него силой отнимали детей и в глазах их порочили его, чтобы приучить их презирать того, кто дал им жизнь.

Ну, разве то, что чувствовал князь, вам непонятно, адские терзания души его — вам неизвестны.

Нет, я думаю, что вы — простые люди, лучше всех понимаете, что значит отцовская или мужнина честь, и грозно охраняете от врагов свое хозяйство, свой очаг, которым вы отдаете всю жизнь, не оставляя их для суеты мира и для барских затей богатых и знатных.

Посмотрим, как было дело и из-за чего все вышло.

Чтобы решить: дороги ли были князю жена и дети, припомним, как он обзавелся семьей и жил с ней.

20 лет тому назад, молодой человек, встречает он в Москве, на Кузнецком мосту у Трамблз, кондитера, торговца сладостями, красавицу-продащицу, Ольгу Николаевну Фролову. Пришлась она ему по душе, любил он ее. В кондитерской, где товар не то, что хлеб или дрова, без которых не обойдешься, а купить пойдешь хоть на грязный, постоянный двор, — в кондитерской нужна приманка. Вот и стоят там в залитых огнями и золотом палатах красавицы-продащицы; и кому довольно бы фунта на неделю, глядишь — заходит каждый день полюбоваться, перекинуться словом, полюбезничать.

Конечно, не все девушки там не строги: больше хороших, строгих. Но, уж дело их такое, что на всякое лишнее слово, на лишний взгляд обижаться не приходится: им больно, да хозяину барыш, — ну и терпи!

А если девушка и хороша и не строга, отбоя нет: баричи и сыновья богачей начнут охотиться за добычей. Удача — пошлют до нового лакомого куска; шалют наперебой; но, шая и играя, они смотрят на ту, с кем играют, легко. Они отдают ей излишки своего кошелька, дарят цветы и камни, но, если поддавшаяся им добыча заговорит о семье и браке, они расхохочутся и уйдут. Если добыча становится матерью, им какое дело: заботу о ребенке возьмет на себя воспитательный дом, бабка, есть рвы, куда подкидывают, есть зелья, которые выгоняют из утробы... Им какое дело! Князь иначе отнесся к делу.

Полюбилась, и ему стало тяжело от мысли, что она будет стоять на торгу, на бойком месте, где всякий, кто захочет, будет пялить на нее глаза, будет говорить малопристойные речи. Он уводит ее к себе в дом как подругу. Он бы сейчас же и женился на ней, да у него жива мать, еще более, чем он, близкая к старой своей славе: она и слышать не хочет о браке сына с приказчицей из магазина. Сын, горячо преданный матери, уступает. Между тем Ольга Николаевна понесла от него, родила сына-первенца. Князь не так отнесся к этому, как те гуляки, о которых я говорил. Для него это был его сын, его кровь. Он позвал лучших друзей: князь Имеретинский крестил его.

Ольга Николаевна забеременела вновь. Ожидая второго, привязавшись всей душой к первому сыну, князь теперь уже сам знал, что значит быть отцом любимого детища от любимой женщины, а не от случайной встречи с легкодоступной продавщицей своих ласк. Отец в нем переселил сына. Он вступил в брак. Мало того, он бросился с просьбой о милости, просил государя усыновить первенца. Вы слышали про это из той бумаги, которую я подал суду. Само собой разумеется, что на полную любви просьбу последовал ответ, ее достойный.

Что ни год, то по ребенку приносила ему жена. Жили они счастливо. Муж берег добро для семьи, подарил жене 30 000 руб., а потом, чтобы родные не говорили, что жена не имеет ничего своего, купил имение на общее имя, заплатил за него все, что у него было.

Бывали у них вспышки. Но разве без вспышек прожить. Может быть, жена его, нет, нет, да и вспомнит привычки бывшей жизни... А мужу хотелось, чтобы она вела себя с достоинством, приличнее... Вот и ссора.

С честью ли, с уважением ли к себе и к мужу несла свое имя и свое звание жены и матери княгиня Грузинская до встречи со Шмидтом —

я не знаю; у нас про это ничего сегодня не говорили. Значит, перейдем прямо к этому случаю.

Дети подрастали. Князь жил в деревне. Надо было учителя. На место приехал Шмидт. Что это доктору, немецкому уроженцу, Шмидту, вздумалось ограничиться учительским местом, — не знаю. Студент, семинарист могли бы заменить его. Не с злой ли думой он прямо и пришел к ним, почуяв возможность обделать дело. В самом деле, за все хватался он: и практиковал, как лекарь, и каменный уголь копал, как горный промышленник. Что ему в учительстве.

Подрастал старший сын—Александр. Князь повез его в Питер, в школу. Там оставался с ним до весны. Весной заболел возвратной горячкой. Три раза возвращалась болезнь. Между двумя приступами он успел вернуться в Москву. Тут вновь заболевает. Доктора отчаиваются за жизнь. Нежно любящему отцу, мужу хочется видеть семью, и вот княгиня, дети и гувернер Шмидт едут. Князь видится, душа его приободрилась и приобрела энергию: болезнь пошла на исход, князь выздоравливал.

Тут-то князю, еще не покидавшему кровати, пришлось испытать страшное горе. Раз он слышит — больные так чутки — в соседней комнате разговор Шмидта и жены: они, по-видимому, перекоряются; но их ссора так странна: точно свои бранятся, а не чужие, то опять речи мирные..., неудобные... Князь встает, собирает силы..., идет, когда никто его не ожидал, когда думали, что он прикован к кровати... И что же. Милые бранятся — только тешатся: Шмидт и княгиня вместе, нехорошо вместе...

Князь упал в обморок и всю ночь пролежал на полу. Застигнутые разбежались, даже не догадавшись послать помощь больному. Убить врага, уничтожить его князь не мог, он был слаб... Он только принял в открытое сердце несчастье, чтобы никогда с ним не знать разлуки.

С этого дня князь не знал больше жены своей. Жить втроем, знать, что ласки жены делятся с соперником, он не мог. Немедленно уснуть жене он тоже был не в силах: она мать детей. Силой удалить от княгини Шмидта было уже поздно: княгиня теперь носила имя, дававшее ей силу, владела половиной состояния и могла отстоять своего друга. Так и случилось.

Князь отказал Шмидту, а княгиня сделала его управляющим своей половины. В дом к князю при нем он не ходил, но жил в той же слободе, к которой прилегают земли Грузинских.

А когда князь уезжал, Шмидт не расставался с княгиней от 8 часов утра и до поздней ночи.

В это-то время он внушил княгине те мысли, которые обусловили раздел. Княгиня сумела заставить князя поспешить с разделом, причем все расходы на него были мужнины.

Чужая власть в руках, зная, что князь не прочь помириться с женой, лишь бы она бросила связь со своим управляющим, немцем Шмидтом, последний и княгиня не стеснялись: они гласно виделись в квартире Шмидта, гласно Шмидт позволял себе оскорблять князя; мало этого: княгиня в ожидании, когда кончится постройка приготавливаемого для нее в ее половине имения домика, съехала на квартиру в дом священника, из окон в окна с домом князя, от него саженой за 200, от Шмидта в двух шагах. Тут, на глазах всей дворни, всей слободы, всех соседей, на глазах детей, оставшихся у отца, они своим поведением не щадили ни чести князя, ни его терпения, ни его сердца.

Оттуда они переезжают в Овчарню, в тот домик, который выстроил Шмидт княгине. Там-то и случилось несчастье.

Но прежде, чем голубки переберутся в свою Овчарню и заворкуют, вспоминая, как они ловко обманули князя, отняли у него его добро, надругались над его мягкостью и будут замышлять, как им захватить еще и еще, — посмотрим, как следует отнестись к одному делу, на которое так сильно напирает прокурор: к письмам князя к солдатской дочке — Фене. Уж очень эти письма ему нравятся: он ни за что не хотел, чтобы их не читать, наизусть их повторял в своей речи. Займемся и мы с вами, рассудим: какую они важность имеют в этом деле.

Князь пишет ласково, как к своей. Князь признается, что у него с Феней было дело. Но письма эти писаны в июле и августе 1882 года, а князь разошелся с женой, как с женой, еще в 1881 году, весной, когда узнал об измене. Свидетель, князь Мещерский, был у князя Грузинского за пять месяцев до несчастья, — значит, в мае 1882 года; княгиня тогда жила уже не с князем, а в слободе, рядом со Шмидтом, а при визите, сделанном Мещерским княгине, Шмидт держал себя как хозяин в дому ее; в то же время, по свидетельству старика управляющего, немца же Карлсона, Шмидт, у которого гостил свидетель, ночью, не одетый ходил в спальню к княгине... Значит, во время отношений князя к Фене жена была ему чужой. Правда, она приходила в дом мужа, к детям, забирала вещи, но женой ему не была, потому что жила со Шмидтом. Что же. Как было быть князю. Он мужчина еще не старый, в поре, про которую сказано: «Не добро быть человеку едину...». Он имел и потребность, и право на женскую ласку. Тот муж и та жена, которые, будучи любимы, изменяют, конечно, грешат пред богом, но муж, брошенный женой, но

жена, покинутая мужем, — они не заслуживают осуждения: на преступную связь их толкают те, кто оставляет семью и ложе.

Письма князя свидетельствуют лишь то, что он не так распутен и развратен, какими бы были многие из нас на его месте. Он не подражает тем, кто свое одиночество развлекает легкими знакомствами на час, сегодня с Машей, завтра с Дашей, а там с Настей или Феней... Он привязывается к женщине, уважает ее.

Мало подумал прокурор, когда упрекнул в кощунстве князя за то, что в день именин своей жены он был в церкви и молился за Феню. Что же тут дурного. Княгиня бросила его и обесчестила дом и семью... Он мог отнестись к ней равнодушно... С Феней он близок, — он, женатый и неразведенный, под напором обычной страсти и ища ласки, губит жизнь доверившейся ему девушки... Это не добродетель, а слабость, порок... и с его и ее стороны... Князь верует в молитву и молится за ту, которая грешит. Ведь и молятся-то не за свои добродетели, а за грехи.

Князь ограничился лёгкой связью, а не женитьбой. Благодаря главному нарушению супружеской верности со стороны княгини, он мог бы развестись. Но жениться — значит привести в дом мачеху к семи детям. Уж коли родная мать оказалась плохой, меньше надежды на чужую. В тайнике души князя, может быть, живет мысль о прощении, когда пройдет страсть жены; может быть, живет вера в возможность возвращения детям их матери, хоть далеко, после, потом... Он невольный грешник, он не вправе для своего личного счастья, для ласки и тепла семейного очага играть судьбой детей. Так он думает и так ломает жизнь свою для тех, кого любит...

Вернемся к делу.

Поселились в Овчарне. Скандал шел на всю губернию. Ведь всего верста с чем-нибудь отделяла усадьбу князя от домика княгини. Живя там, Шмидт и его подруга то и дело напоминали о себе оскорбленному мужу. Князю было странно, неловко чужих и своих. Когда к нему заходили гости, он мучился, мучились и гости: надо было не упоминать о княгине и делать это так, чтобы не выдать преднамеренности молчания. Выйдет князь к прислуге, к рабочим, а в глазах их точно сквозит улыбка, насмешка. Он отмалчивается, ему неловко посвятить их в суть своего горя, а жена и Шмидт этим пользуются: жена приходит без него в дом, не пустить ее не смеют, — приказа не было, и хозяйничает, берет вещи, белье, серебро.

Князь боится встретиться с детскими глазами, так вопросительно смотрящими на него.

О, кто не был отцом, тому непонятны эти говорящие глазки! Они ясны, светлы, чисты, но от них бежишь, когда чувствуешь неправду или стыд. Они чисты, а ты читаешь в них: зачем мама не с тобой, а с ним, с чужим. Зачем она спит не дома, обедает не с нами. Зачем при ней он бранит тебя, а мама не запретит ему. Он, должно быть, больше тебя, сильнее тебя.

От мысли, что дети подрастут, подрастут с ними и вопросы, которые они задают, кровь кидалась в мозг, сердце ныло, рука сжималась. Героическое терпение, смирение праведника нужно было, чтобы удержаться, связать свою волю.

Бывают несчастные истории: полюбит или привяжется человек к чужой жене, жена полюбит чужого человека, борются с своей страстью, но под конец падают. Это — грех, но грех, который переживают многие. За это я бы еще не осмелился обвинять княгиню и Шмидта, обречь их на жертву князя: это было бы лицемерием слова.

Но раз вы грешны, раз неправы перед мужем, зачем же кичиться этим, зачем на глазах мужа позволять себе оскорбляющие его поступки, зачем, отняв у него, как разбойник на большой дороге, его трудовую и от предков доставшуюся и им для детей убереженную копейку, тратить ее на цветы и венки своего гнезда. Зачем не уехали они далеко, чтобы не тревожить его каждый день своей встречей. Зачем не посоветовал Шмидт княгине, уходя из дома мужа, бросить все, на что она имела право, пока была женой, а грабительски присвоил себе отнятое, гордо заявляя князю, что это его дом. Зачем, наконец, он встал между отцом и детьми, оскорбляя первого в присутствии их, а их приучая к забвению отца. Не следовало ли бы, раз случился грех, остановиться перед святыней отцовского права на любовь детей и, с мучением взирая на страшный поступок свой, не разбивать, а укреплять в детском сердце святое чувство любви к отцу и хоть этим платить процент за неоплаченный долг.

Они, Шмидт и княгиня, не делали этого, и ошибка их вела роковым образом к развязке.

В октябре княгине удалось захватить двух дочерей, Лизу и Тамару, и увести к себе; князь и тут человечно отнесся к поступку матери, щадя, может быть, ее естественное желание побыть с детьми.

Но не того добивались там. Сейчас же из этого делают торг: не угодно ли, мол, присылать на содержание их 100 руб. в месяц. Князь отвечает: у тебя состояние, равное моему, а я содержу всех сыновей и дочерей; мне не к чему платить, когда дочери могут быть у меня.

Князь уезжает по делам в Питер. Без него можно взять и третью дочь, но раз князь в содержании отказал, то о Нине и не думают, а двух дочерей продолжают держать, намереваясь мучить князя, зная его безумную любовь к детям.

Князь возвращается домой и узнает, что княгиня уехала куда-то, но детей оставила у Шмидта. Это взорвало отца: как, он, отец, живет тут, рядом, у него все, что нужно детям, он — они знают — любит и хочет иметь детей у себя; он мог уступить их матери, а теперь мать, уезжая, оставляет их с чужим человеком, с разлучником.

Он шлет за детьми карету. Шмидт ломается, не пускает, но, вероятно, детская воля взяла перевес, — он разрешает повидаться им с отцом. Князь, само собой, оставляет детей, по крайней мере, до возврата матери.

Шмидт, раздосадованный переходом детей, вымещает свою злобу на пустой вещи, на белье; но это-то и стало каплей, переполнившей чашу скорби и терпения. В этой истории сила была не в белье, а в дерзости и злобной хитрости Шмидта.

Вы знаете, что вежливые просьбы и записки князя встретили отказ. Шмидт, пользуясь тем, что детское белье — в доме княгини, где живет он, с ругательством отвергает требование и шлет ответ, что без 300 руб. залогом не даст князю двух рубашек и двух штанишек для детей. Прихлебатель, наемный любовник становится между отцом и детьми и смеет обзывать его человеком, способным истратить детское белье, заботится о детях и требует с отца 300 руб. залогом. Не только у отца, которому это сказано, — у постороннего, который про это слышит, встают дыбом волосы!

Князь сдерживается; он пытается образумить Шмидта чрез посредника, станового, пишет новые записки и получает ответ — «пусть приедет»!

А Шмидт в это время обращает, как нам показали все свидетели, свое жилище в укрепление: заряжает револьвер, переменяет пистоны на ружье, взводит курки. Один из свидетелей, Цыбулин, по торговым делам заезжает из усадьбы княгини к князю и рассказывает виденное его прислуге.

Получает князь записку Шмидта, вероятно, такого же содержания, каковы были словесные ответы: ругательную, требующую залога или унижения. Вспыхнул князь, хотел ехать к Шмидту на расправу, но смирил себя словами: «не стоит!...»

Утром в воскресенье князь проснулся и пошел будить детей, чтобы ехать с ними к обедне.

Нина, беленькая, чистенькая, протянула к нему руки и приветливо улыбнулась. Потянулись и Тамара с Лизой; но, взглянув на их измятые, грязные рубашонки, князь побледнел, взволновался: они напомнили ему издевательство Шмидта, они дали детским глазкам иное выражение: отчего, папа, Нина опрятна, а мы — нет. Отчего ты не привезешь нам чистого. Разве ты боишься его.

Сжалось сердце у отца. Отвернулся он от этих говорящих глазок и — чего не сделает отцовская любовь — вышел в сени, сел в приготовленный ему для поездки экипаж и поехал... поехал просить у своего соперника, снося позор и унижение, рубашонок для детей своих.

При князе был пистолет. Но нам здесь доказано, что это было в обычае князя. Сам обвинитель напоминает вам, со слов молодого Карлсона, о привычке князя носить с собой револьвер.

Что ждет князя в усадьбе жены его, в укрепленной позиции Шмидта.

Я утверждаю, что его ждет там засада. Белье, отказ, залог, заряженные орудия большого и малого калибра — все говорит за мою мысль.

Если Шмидт заряжал ружье из трусости и боязни за свою целость, то вероятнее, что он не стал бы рисковать собой из-за пары детского белья, он бы выдал его. А Шмидт отказал и, зарядив ружье и пистолет, взвездя даже курки, с лампой всю ночь поджидал князя.

Если Шмидт не хотел этой встречи, но не хотел также выдавать и белья по личным своим соображениям, то он, не выдавая белья, ограничился бы ссылкой на волю княгини, на свое служебное положение, словом, на законные основания, а не оскорблял бы князя словами и запиской, возбуждая тем его на объяснение, на встречу.

Если Шмидт охранял только свою персону от князя, а не задумал расправы, он бы рад был, чтобы встреча произошла при народе, а он, едва увидел едущего князя, как выслал Лойку, говорившего с ним о делах, из дому и остался один с лакеем, которому поручил запереть крыльцо, чтобы помешать князю добровольно и открыто войти в комнату и чтобы заставить князя, раз он решится войти, прибегать к стуку, ломанью дверей, насилию.

А раз князь прибегнет к насилию, к нападению на помещение, в него можно будет стрелять, опираясь на закон необходимости. Если и не удастся покончить, а, напротив, бранью и оскорблениями из-за засады довести его до бешенства, до стрельбы, то самый безвредный выстрел может оказать услугу: обвиняя князя в покушении на убийство, можно будет отделаться от него на законном основании.

Все делается по этому плану. Оказалась ошибка в одном: слишком рассчитывал Шмидт на счастье.

Князя видели в довольно сносном состоянии духа, когда он выехал из дому. Конечно, душа его не могла не возмутиться, когда он завидел гнездо своих врагов и стал к нему приближаться. Вот оно — место, где, в часы его горя и страдания, они — враги его — смеются и радуются его несчастью. Вот оно — логовище, где в жертву животного сластолюбия пройдохи принесены и честь семьи, и честь его, и все интересы его детей. Вот оно — место, где мало того, что отняли у него настоящее, отняли и прошлое счастье, отравляя его подозрениями...

Не дай бог переживать такие минуты!

В таком настроении он едет, подходит к дому, стучится в дверь.

Его не пускают. Лакей говорит о приказании не принимать.

Князь передает, что ему, кроме белья, ничего не нужно.

Но вместо исполнения его законного требования, вместо, наконец, вежливого отказа, он слышит брань, брань из уст любовника своей жены, направленную ему, не делающему с своей стороны никакого оскорбления.

Вы слышали об этой ругани:

«Пусть подлец уходит, не смей стучать, это мой дом!

Убирайся, я стрелять буду».

Все существо князя возмутилось. Враг стоял близко и так нагло смеялся. О том, что он вооружен, князь мог знать от домашних, слышавших от Цыбулина. А тому, что он способен на все злое — князь не мог не верить: когда наш враг нам сделал много нехорошего, мы невольно верим сказанному о нем всему дурному, и, видя в его руке оружие, взятое, быть может, с самой миролюбивой целью, ожидаем всего того зла, какое возможно нанести им.

В этом состоянии он ломает стекло у окна и вслед за угрозой Шмидта стрелять стреляет со своей стороны и ранит Шмидта той раной, которую врач признает смертельной.

Шмидт бежит: это видно в окно, сквозь стекло, — бежит к парадному крыльцу. Дым мешает рассмотреть — ранен он или нет, есть у него в руках оружие или нет. Князь бежит по двору к тому же крыльцу. Здесь дверь уже растворена испуганным Евченко; князь — туда и у дверей встречается со Шмидтом. Тот от боли припадает к земле, но сейчас же вскакивает и бежит в комнаты.

В это-то едва уловимое мгновение, когда гнев, ужас, выстрел, кровь опьянили сознание князя, он в том скоропреходящем умоисступлении,

которое в такие минуты естественно, еще не помня себя, под влиянием тех же ощущений, которые вызвали первый выстрел, конвульсивно нажимает револьвер и производит следующих два выстрела: положение трупа навзничь, и не ничком, ногами к выходу, головой к гостиной, показывали, что Шмидт не бежал от князя, и он стрелял не в спасающегося врага. При этом припомните, что ружье и пистолет оказались не там, где лежали утром, то есть не в спальне княгини, а уже на столе в гостиной, — тогда будет не невероятно объяснение князя, что Шмидт выронил пистолет из рук, и уже после перенесения Шмидта в комнату, во избежание несчастного выстрела, ружье было освобождено от пистонов, а револьвер поднят с полу.

Сомневаются в состоянии духа князя, могущем преувеличить опасность и злобные намерения врага; их оспаривают. Оспаривают и законность того гнева, что поднялся в душе его.

Но, послушайте, господа: было ли место живое в душе его в эту ужасную минуту.

Не говорю об ужасном прошлом. Еще тяжелей было настоящее. Он на глазах любопытных, которые разнесут весть по всей окрестности, стоит посмешищем зазнавшегося приживалки и тщетно просит должного. На земле, его трудом приобретенной, у дома его жены и матери детей его, чужой человек, завладевший его добром и его честью, костит его. В затылок его устремлены насмешливые взоры собравшихся, и жгут его и не дают голове его силы повернуться назад. Куда идти. Домой. А там его спросят эти ужасные, милые, насмешливо-ласковые детские голоса: а где же белье. Что, папа, бука-то, знать, сильнее тебя, не смеешь взять у него наших рубашек. Плох же ты, папа! Уж лучше отпусти нас к нему. Мы его любить будем. Он нас будет чисто одевать. Мы тебя забудем, от тебя отвыкнем...

И кто же и за что же его ставит в такое положение.

Шмидт — орудие, но он был бы бессилён, если бы не слился воедино с женой его. А она. Что он ей сделал. За что. Не за то ли, что так горячо и беззаветно полюбил ее и пренебрег для нее и просьбой матери и своим положением. Не за то ли, что дал ей имя и власть. Не за то ли, что готов был прощать ей вины, простить которые из ста мужей не решатся девяносто девять.

А чем мстят. Отняли у него добро, — он молча уступил. Отняли честь, — он страдал про себя. Он уступил человеку жену, когда она, изменив ему, предпочла ему другого... Но детей-то, которых Шмидту не надо, которых мать, очевидно, не любит, ибо приносит в жертву своему другу, — зачем же их-то отрывать от него, зачем селить в них неуваже-

ние, может быть, презрение к своему бессильному отцу. Ведь он, по выражению Карлсона и Мещерского, — отец, каких мало, отец давно заменивший детям своим мать их.

Справиться с этими чувствами князь не мог. Слишком уж они законны, эти им овладевшие чувства.

Часто извиняют преступления страстью, рассуждая, что душа, ею одержимая, не властна в себе.

Но если проступок был необходим, то самая страсть, когда она зарождалась в душе, вызывала осуждение нравственного чувства. Павший мог бы избежать зла, если бы своевременно обуздывал страсть. Отсюда—преступление страсти все-таки грех, все-таки нечто, обусловленное уступкой злу, пороку, слабости. Так, грех Каина — результат овладевшей им страсти — зависти. Он не неповинен, ибо совесть укоряла его, когда страсть, еще не решившаяся на братоубийство, изгоняла из души его любовь к брату.

Но есть иное состояние вещей: есть моменты, когда душа возмущается неправдой, чужими грехами, возмущается во имя нравственных правил, в которые верует, которыми живет, — и, возмущенная, поражает того, кем возмущена... Так, Петр поражает раба, оскорбляющего его учителя. Тут все-таки есть вина, несдержанность, недостаток любви к падшему, но вина извинительнее первой, ибо поступок обусловлен не слабостью, не самолюбием, а ревливой любовью к правде и справедливости.

Есть состояние еще более извинительное. Это — когда поступок ближнего оскорбляет и нарушает священнейшие права, охранить которые, кроме меня, некому и святость которых мне яснее, чем всем другим.

Муж видит человека, готового осквернить чистоту брачного ложа; отец присутствует при сцене соблазна его дочери; первосвященник видит готовящееся кощунство, — и, кроме них, некому спасти право и святую. В душе их поднимается не порочное чувство злобы, а праведное чувство отмщения и защиты поругаемого права. Оно — законно, оно свято; не поднимись оно, они — презренные люди, сводники, святотатцы!..

От поднявшегося чувства негодования до самовольной защиты, поруганного права еще далеко. Но как поступить, когда нет сил и средств спасти поруганное, когда внешние, законные средства защиты недействительны. Тогда человек чувствует, что при бессилии закона и его органов идти к нему на действительную помощь, он — сам судья и мститель за поруганные права! Отсюда необходима оборона для прав, где спасение — в отражении удара; отсюда неодолимое влечение к самосуду, когда право незащитимо никакими внешними усилиями власти.

И вот такие-то интересы, как честь, как семья, как любовь детей, самые святейшие и самые дорогие, в то же время оказываются — раз они нарушены — самыми невознаграждаемыми. Опозорена дочь: что же, тюрьма обольстителя возвратит ей утраченную честь? Совращена с дороги долга жена: казнь соблазнителя возвратит ли ей семейную добродетель? Дети отлучаются от отца, исполнительные листы и судебные приставы сумеют ли наложить арест на исчезающее чувство любви в сыновьем сердце? Самые священные — в то же время самые беззащитные интересы!

Вот и поднимается под давлением сознания цены и беззащитности поруганного права рука мстителя, поднимается тем резче, чем резче, острее вызывающее оскорбление.

Если это оскорбление разнообразно, но постепенно, то оскорбленный еще может воздержаться от напора возмущающих душу впечатлений, побеждая каждое врозь от другого. Но если враг вызывает в душе своими поступками всю горечь вашей жизни, заставляет в одно мгновение все перечувствовать, все пережить, то от мгновенного взрыва души, не выдержав его, лопнут все сдерживающие его пружины.

Так можно уберечь себя проходящему от постепенно падающих в течение века камней разрушающегося здания. Но если стена рухнет вдруг, она неминуемо задавит того, кто был около нее.

Вот что я хотел сказать вам.

Пораженный неожиданной постановкой обвинения, я растерялся. Вместо связанного слова я отдал себя во власть впечатлениям, которые сами собой возникли в душе при перечувствовании всего, что видел, что выстрадал он...

Многое упущено, многое забыто мной. Но пусть не отразятся мои недостатки на судьбе его.

О, как бы я был счастлив, если бы, измерив и сравнив своим собственным разумением силу его терпения и борьбу с собой, и силу гнета над ним возмущающих душу картин его семейного несчастья, вы признали, что ему нельзя вменить в вину взводимое обвинение, а защитник его — кругом виноват в недостаточном умении выполнить принятую на себя задачу...

* * *

Присяжные вынесли оправдательный вердикт, признав, что преступление было совершено в состоянии умоисступления.

ДЕЛО ЛЮТОРИЧЕСКИХ КРЕСТЬЯН

По настоящему делу к суду были привлечены 34 крестьянина села Люторич, Епифанского уезда, Тульской губернии (в том числе одна женщина), обвинявшиеся в оказании сопротивления должностным лицам при исполнении ими судебного решения.

Суть дела состояла в следующем. Долгие годы люторические крестьяне безропотно несли все обязанности и терпели страшный гнет и притеснения со стороны местного помещика — графа Бобринского и его управляющего Фишера. После реформы 1861 года крестьяне были «наделены» землей. Жители села Люторич называли эти наделы весьма образно «сиротскими» и «кошачьими», так как размер их не превышал $3/4$ десятины на душу. Этого клочка земли не хватало крестьянам уже при «наделении» их землей. С приростом же населения этот крошечный «надел» тем более стал уменьшаться, раздробляясь на все мелкие части. Кругом деревни, на большом пространстве, залегали графские владения. Крестьянам, имеющим сильную нужду в земле, некуда было за ней обращаться, кроме графа. Это обстоятельство прекрасно понимали управляющий имением и сам граф и пользовались им для выживания из крестьян последних барышей.

Земля сдавалась крестьянам по договорам под стопроцентную сумму неустойки и под различными условиями, в результате которых крестьяне оказались окончательно закабаленными. За несвоевременную уплату причитающихся ему по договору сумм Фишер взыскивал с крестьян вплоть до продажи всего принадлежавшего крестьянину имущества, обрекая его на нищенство. В отношениях с крестьянами, пользуясь их неграмотностью, Фишер допускал, помимо всего прочего, много злоупотреблений, в результате чего обманным путем выкачивал из крестьян дополнительные доходы. Так было и на сей раз. По одному из обязательств Фишер получил исполнительный лист на 8219 рублей 29 коп. Исполнительный лист был передан приставу для взыскания. Однако, когда пристав приехал для производства описи, крестьяне его не допустили к ее производству и заявили, что управляющий вновь их обманул, так как по этому листу ими деньги уже уплачены. Через несколько дней пристав вновь вернулся для производства взыскания, однако на этот раз уже в сопровождении солдат. Навстречу ему вышли женщины села Люторич, которые отказались добровольно исполнить решение о взыскании и просили не приводить его в действие до тех

пор, пока не возвратятся мужчины, которые все вместе пошли в имение графа просить его о справедливости.

Пристав не пожелал ожидать возвращения мужчин и приступил к делу. Видя безуспешность просьб, толпа крестьян, не допуская пристава к деревне и доведенная до отчаяния, набросилась на волостного старшину и стала оттаскивать его в сторону, нанося ему при этом побои. Когда на помощь старшине бросились солдаты, крестьяне схватили и их и не отпускали до тех пор, пока пристав не вынужден был отказаться от производства на этот раз описи.

Через день в село прибыла уже рота солдат, под наблюдением которой все необходимые формальности по описи имущества были произведены.

В связи с тем, что дело это получило широкую огласку, возможно-сти расправиться с крестьянами за неповиновение, без суда, были упущены, и крестьяне были преданы суду. За ходом процесса следила вся Россия. Под давлением передового общественного мнения суд вынужден был вынести крестьянам сравнительно мягкий приговор. Трое крестьян были присуждены к тюремному заключению, один — к штрафу, а в случае несостоятельности — к аресту, остальные — оправданы.

Дело слушалось 17 декабря 1880 г. в московской судебной палате с участием сословных представителей. Защищал всех подсудимых Ф.Н. Плевако.

* * *

Господа судьи и господа сословные представители!

Документы прочитаны, свидетели выслушаны, обвинитель сказал свое слово — мягкое, гуманное, а потому и более опасное для дела; но жгучий и решающий задачу вопрос не затронут, не поставлен смело и отчетливо.

А между тем он просится, он рвется наружу: заткните уши, зажмурьте глаза, зажмите мои уста,— все равно, он пробьется насквозь; он в фактах нами изученного дела; его вещают те заведенные порядки в управлении владельца деревни Люторич, те порядки, которые я назову «картиной послереформенного хозяйства в одной из барских усадеб», где противоестественный союз именитого русского боярина с остзейским мажордомом из года в год, капля по капле, обессиливая свободу русского мужика и, обессилив, овладел ею в свою пользу.

Всякая чуткая душа, всякая пробужденная совесть слышит, требует его от меня, если я обойду его. И я призываю вас благосклонно выслушать мое слово в этом направлении.

Не думайте, что я уклоняюсь в сторону от целей правильно понятой защиты; не бойтесь, что увлекусь публицистическим интересом предложенного вашему суду дела, перейду пределы судебного диспута.

Чувство меры удержит меня. Оно внушает мне, что 34 подсудимых, — да и не 34, а один человек, — могут требовать, чтобы я не делал из их спины той площадки, на которой просторно можно разгуливать и декламировать темы из области общественных вопросов, оставив на произвол судьбы то, что должно всецело овладеть моими силами, — заботу о будущем подсудимых, заботу о том, чтобы отклонить или умалить удары, направленные на головы этих несчастных грозой карающего закона.

И я глубоко убежден, — и вы мое убеждение разделите, — что в настоящем деле история возникновения событий 3 и 5 мая имеет глубокие корни в прошлом; что бытовой очерк дела осветит его в настоящем свете, выведет наружу действительные, но в глубине скрывшиеся причины, мощные, неотвратимые, наличие которых меняет точку зрения и на событие, и на доказательства, и на объяснения его.

Ведь можно счесть за твердо установленное положение, что крестьяне, заявившие 22 апреля, 3 и 5 мая, что они к описи не допустят, постоянно говорили, что они ничего не должны и никакого судебного решения о взыскании не знают.

Раз у них было такое убеждение, раз, по их словам, к ним, как снег на голову, свалился исполнительный лист, вручаемый им приставом, то для доказательства этого положения мы должны изучить отношения крестьян ко взыскателям, — к немцу-управляющему и к графу Бобринскому. Только там вскроются нам факты, которые убедят нас, что крестьяне могли себя считать не в долгу; там увидим данные, убеждающие нас, что крестьяне не могли знать ни договоров, ни решений, против них постановляемых, что они могли не верить сообщенному им приставом сведению о взыскании и думать, что их протест есть протест правды против вопиющего неправосудия.

Изучим бытовые факты дела.

В Епифании почти половина земель — вотчина графа Бобринского. Особенность этого имения, не встречающая себе соперничества в губернии, это — ничтожный надел, нищенский, как его обзывают в лите-

ратуре, «кошачий» — по меткому выражению голодающего остроумия.

Крестьяне не могут жить наделом: работа на стороне и на полях помещика для них неизбежна, к ней они тяготеют, не как вольно договаривающиеся, а как невольно принуждаемые,— а в этом идея и смысл системы, практикуемой управляющим графских имений.

Конечно, наделы в имениях графа согласны с буквой закона; требовать от него большего во имя идеального права нельзя. Для тех людей, которые не знают долга, выше предписанного законом, которые не чувствуют, что закон — это минимум правды, над которой высится иной идеал, иной долг, внятный только нравственному чувству, — для тех людей факт данного надела — факт безупречный, полная мера обязанностей графа к крестьянам, чуждая всякого захвата и вреда.

И мы не станем осуждать *de jure* графа Бобринского, Мы уясним пока, что же вышло из этой полуголодной свободы.

Родилась необходимость вечно одолаживать у помещика земли для обработки, вечно искать у него заработка, ссужаться семенами для обсеменения полей. Постоянные долги, благодаря приемам управления, росли и затягивали крестьян: кредитор властвовал над должником и закабалял его работой на себя, работой за неплатеж из года в год накапливавшейся неустойки.

В этом положении, где кредитор властвовал, а должник задыхался, уже не было и помину о добровольном соглашении. Чудовищные контракты и решения доказывают, что управление не соглашалось, а предписывало условия; вечно кабальные мужики тоже не соглашались, а молча надевали петлю, чем и завершались и вступали в силу свободные гражданские сделки крестьян с их бывшим владельцем.

Не хочется думать, чтобы текст договоров, нами оглашенных на следствии, измышлялся в кабинете графа, а не в конторе немца Фишера. Зная графа Бобринского как москвича, предводителя здешнего дворянства, тщетно защищал я мысль, что эти неустойки от 50 до 100 процентов на сумму долга, просроченного семь дней, эти условия на землю, отбирающие ее назад с семенами, урожаем и работой, если среди обыденного за это время безденежья не уплатит долга крестьянин-арендатор и прочее и прочее,— неведомы ему, чужды ему и без согласия его придуманы бессердечным управляющим.

Десять лет, из года в год, идут они — одинаковые, разорительные, бесчеловечные условия, и граф не знает их!..

Нет, защитит эту мысль — задача выше моих сил. Нельзя десять лет не знать, что за малейшую неисправность одного подвергают штра-

фу в мою пользу целую общину, нельзя не видеть, что в книги экономии ежегодно вносятся тысячи рублей неустоек, собранные из нищенских копеек, взысканные с крестьянства, — нельзя, нельзя...

Тут вина не кончается человеком, пишущим договоры и требующим по ним, каким является всегда Фишер. Нет, чувство, различающее добро и зло, ясно и вразумительно судит о тех, кто мог, но не хотел положить конец подобному злу.

Я не фразы говорю. Каждое слово мое документально основано. Редкая готовность епифанского съезда мировых судей, выдавшего мне сведения о деятельности мирового судьи Голикова, присуждавшего с 1866 по 1877 год Фишеру и экономии графа Бобринского долги и неустойки, — дала мне возможность представить вам опись дел — свыше 350.

Из этой описи вы видите, что количество дел в год достигало 54. Погодно и по суммам мы получаем такие итоги: в 1866 году Фишер предъявляет всего 2 дела — на 150 рублей; на следующий год уже 7 дел, и взыскано долгу и неустойки 1542 рубля; в 1869 году — 5 дел и 103 рубля; в 1870 году разыгрывается аппетит Фишера, и он учиняет 51 дело и получает 9937 рублей; в 1871 — 54 дела и 13 032 рубля; в 1872 — 28 дел и 7858 рублей взыскания. В 1873 году настало затишье — рука бьющего устала и учинила только 5 дел и только 1309 рублей взыскано. Но мир был недолог. Со следующим годом вспыхнуло новое гонение; 20 дел и 6588 рублей в 1874 году; 12 090 рублей и 56 дел в 1875; в 1876 году — 50 дел и 14 942 рубля; в 1877 году — 38 дел и 11 026 рублей.

Я прошу вас перелистать предъявленный документ. Иски неустоек по 30 процентов, по 50 процентов, по 100 процентов за долг мелькают перед глазами. Неустойки в 300 и 500 рублей — целыми десятками. А прочтите договор: полная неустойка за неуплату малой доли долга. Прочтите дело № 143 за 1870 год — ищут долг и неустойку, крестьяне несут деньги судьбе. Деньги приняты, получены, а на неустойку в 50 процентов все-таки взят исполнительный лист. Прочтите дело № 158 — ужасный, отвратительный договор: в случае просрочки — изба, корова, лошадь и все, что сыщется в избе, поступает в неустойку. Присуждаются иски по удостоверениям волостного правления. Присуждено по удостоверению, данному волостям правлением!

Но довольно! Надо много терпения, чтобы читать эти ростовщические фантазии, которым давал значение и силу судья, живущий в наше время и творящий суд по уставам 20 ноября.

Стыдно за время, в которое живут и действуют подобные люди!

Пересмотрите, судьи, сами этот документ. Дайте значение этим прогрессивно увеличивающимся неустойкам от 100 до 500 рублей. Примите во внимание красноречивый факт, что неустойки взыскиваются, а новые долги все образуются. Значит, тяжело житье крестьян в имениях, вверенных графом Бобринским немцу Фишеру. Значит, захлестнула их мертвая петля, если они видят, как с них тянут неустойку, которой позавидует любой закладчик, а они платят, должны и все-таки опять берут.

Представьте же себе эту печальную экономическую историю.

Не трудно увидеть, что постоянное нарастание неустоек сбило с толку крестьян. Не трудно понять, до чего они дошли, когда, по свидетельству Писарева, приняли условия на обработку полей целой деревней за присужденную неустойку. Не трудно понять, как росли эти неустойки неведомо для деревни, как в волостном правлении в 1877 году под № 17 вынесен приговор, уполномочивающий двух мужиков и впредь подписывать всякие условия о неустойках.

Думаю я, что в Люторичах жизнь после реформы была во стократ тяжелее дореформенного рабства.

До 19 февраля управляющий берёт мужика, как берег всякую хозяйскую вещь, внесенную в инвентарь. Эгоистический расчет имел личной человеколюбие.

Но настал день воли, подорвались эгоистические основания беречь своего раба, и личина сброшена. Из мужика выбиралось все, что можно выбрать. А не вынесет, умрет, — что за дело. На пустое место найдется новый полуголодный, — лишь бы десница Фишера не уставала жать, где не сеяла.

Сбился с толку люторический мужик в этом омуте счетов и сборов, и не мудрено, что заспорил.

Впрочем, спору его против исполнительного листа, подкрепленного заемными письмами, судебное следствие дало такие веские аргументы, что всякому сомнению в добросовестном убеждении, что долг уплачен, нет места.

Между заемными письмами есть одно в 1000 рублей, сроком по 1 октября 1877 г. В исполнительный лист письмо это вошло всецело с процентами: искали всю сумму. А вот на следствии мы предъявили две расписки: из них видно, что признаваемый Фишером за его кассира Карнеев принял в уплату по этому заемному письму, до подачи еще иска, свыше 500 рублей. Фишер искал вновь полную — 1000 рублей.

Взыскание во второй раз именуется тяжким и гнусным поступком в нашем Уложении.

С беззастенчивостью, достойной удивления, немец-управляющий объяснил здесь, что эти расписки ошибочны, а поэтому он записал уплату, полученную Карнеевым, в 1876 году. Мало ли какие комментарии к русской записке приплетет его немецкое остроумие. Кто дал ему право своевольно игнорировать расписку, данную в уплату долга 1877 года? Я отрицаю этот комментарий, лишенный смысла, и смело, чтобы он слышал, говорю здесь: Фишер искал вторые деньги; он совершал противозаконное деяние против люторических крестьян.

Раз есть эти расписки, случайно уцелевшие у нас, раз Фишер, имея их, искал полг вполне, то есть скрыл уплату, публично искал не должного,— получают все хотя частью доказанные показания обвиняемых, что они долг весь уплатили, и лишаются веры слова Фишера, что ему были должны все искомое. Он обличен в неправде, ему верить нельзя. Ложность долга доказывается и таинственностью иска. Решение заочное. Крестьян на суде не было. Отзыва не подано. Старшина не мог объяснить, оповещали ли крестьян о поданном иске, оповещалась ли им копия решения. Между тем, если крестьяне решились сопротивляться описи, убежденные в правоте, то не естественным ли предположением было бы то, что они боролись бы с иском в форме более законной, на суде, предъявили бы там платежные расписки. Но этого не было, ибо о деле от них таили, а суд ввели в заблуждение распиской одного из крестьян, кажется, старшины...

Но не только мужик-простак, но и юрист найдет основание доказать, что долг в 5200 рублей по трем заемным письмам был погашен. Вы знаете, что Фишер здесь сознался, что многие договоры, а в том числе и долг по заемным письмам, хотя были написаны на его имя, но были долгами самому владельцу. Он сознался, что его заемные письма на 5200 рублей и долг Бобринского в 5600 рублей, об отработке которой натурой составлен договор в 1878 году, — одно и то же.

В 1878 году составлен договор. Долг в 5200 рублей уже фигурирует в цифре 6600 рублей и раскладывается на шесть лет работ. Значит, в это время крестьяне, подписавшиеся здесь в получении денег, а на самом деле их не получившие, вступили в новый договор взамен прежнего долга. Это сделал и Фишер. Значит, заемные письма были уплачены путем *novatio obligationis* замены одного долга другим.

Вдруг вздумалось Фишеру,— и он оплаченные заемные письма предъявил ко взысканию. По ним едут взыскивать. Не мужик, а всякий

юрист завопил бы, что его грабят, совершают преступление. А если его к тому же и на суд не вызывали, он подумает, что здесь мистификация, повторение рогожской истории со староверческой кассой.

Фишер ссылается, что последующий договор уничтожен. Но благоволите прочесть, когда он уничтожен. Сомнительно, чтобы с уничтожением без оговорки восстанавливалась сила им погашенных обязательств, а еще менее доказано, чтобы крестьяне знали об уничтожении этого условия, а потому понятно, что они роптали и волновались, видя, что с них берут не должное.

Сомнительность долга и его более чем сомнительная нравственная подкладка — ясны.

Посмотрите теперь, что же действительно сделали крестьяне деревни Люторич в борьбе с неправдой.

Первый день преступления — 22 апреля.

Сходу объявлено о взыскании. Сход говорит, что долга нет и потому к описи допускать не следует. Никакого сопротивления не сделано. Пристав уехал по заявлению Фишера. Тут, очевидно, преступления нет.

Частное лицо, получившее повестку о неправильном взыскании, имеет право думать само собой о незаконности иска и соображать, нельзя ли опротестовать опись.

Деревенская община — юридическое лицо. Она думает на сходке, и, по условиям юридического лица, она иначе не может думать, как вслух и речами. Сильные голоса того и другого на сходке, это — рельефные мысли думающей юридической личности; здесь пользование своим правом, здесь нет преступления.

Если же 22 апреля не было преступления, а было полное законное пользование своими правами, была сходка крестьянского мира, обсуждавшего свои дела, то те или другие мнения, высказанные здесь, те или другие громче и внятнее выраженные мысли не могли сделаться преступными оттого только, что за 22 апреля последовали майские дни.

Суду вашему подлежат только эти последние, к изучению которых мы и переходим.

3 мая, по заявлению Фишера, прибыл вновь к описи имущества судебный пристав. Но он был уже не один. Его сопровождала полиция в количестве, внушающем уважение. Исправник, становой шли рядом, человек двадцать десятских, человек десять урядников, — словом сказать, тут были представители полиции старой и новейшей формации.

Но мужики не вышли к ним навстречу. Где они? Всем миром, за исключением старых да малых, они до свету ушли в сельцо Бобрики, к графу, просить его о милости, о неразорении.

Детски наивные, простоватые, они надеялись слезами умиловать взыскателя.

Напрасное мечтание!

Им обещана одна милость: им сказано, что благодаря своему положению и влиянию, к ним пришлют подарок... в тысячу солдат.

И сдержано было джентльменское слово: не долго, всего два дня прошло, как деревня Люторичи дождалась барского пожалования!

Пока на пороге графского дома люторовцы ждали, когда примет их барин, к судебному приставу вышли одни бабы да старые и малые мужики, оставшиеся в деревне.

Начались просьбы — понятно о чем: они просили подождать, пока придут сами мужья и братья, придут с милостью да с барским ласковым словом.

На просьбы их нет ответа: пристав идет без хозяев в дома начать опись.

Вдали показался скачущий всадник, — то посол от крестьян; прислали его сказать, что надо подождать с описью, пока они придут, а они сами — замешкались: барин еще спит и не выходит к ним выслушать их просьбу...

Тщетно, пристав идет делать свое дело.

В толпе начинается шум: одни плачут, другие просят. Все сливается в музыку скорби и ропота.

Но пристав, по словам его, лично к себе не видел ни одного оскорбления, ни одной брани.

Если же среди шумящего люда и раздавались бранные слова, то не судите за это строго: бранное слово — это междометие народного языка, без него не обходится не только ссора, но и веселые, душевные речи. Я думаю, что и первые любовные ласки деревенского парня со своей возлюбленной не обойдутся без крепкого словца.

Ваше внимание должно остановиться на утверждаемом здесь факте оскорбления старшины.

Прошу вас припомнить, что старшина — сельчанин той же деревни. Он одновременно и некоторая власть, а вместе и свой человек, родня, сосед обвиняемых. Как старшина, он мог принять за всех повестку, быть представителем юридического лица — деревни. В его показани-

ях есть места, из которых видно, что он, и никто, кроме него, повинен в том, что повестка о вызове в суд была принята, а крестьяне не знали ни о суде, ни о решении. Он один настаивал на том, что крестьяне должны; но вместе с тем в его доме, в ожидании возврата крестьян из села Бобрик, не в меру другим, опись не производилась.

Немудрено, что крестьяне смотрели на него, как на ренегата, продавшего и разорившего их, и боялись, что своими, в качестве представителя деревни, действиями он свяжет их и здесь, опять приняв повестку, сделает для них обязательными и непоправимыми все действия пристава.

Крестьяне мешали ему быть их представителем, когда они сами хотят вступить в спор со взыскателем. Вот смысл удерживания, хватания его за руки и т.п.

Обвинение было направлено к тому, чтобы признать старшину властью, совместно с приставом приводившей в исполнение судебное решение и в этой должности получившей оскорбление.

Я допрашивал, были ли приглашены старшина и староста приставом и исправником? Ответы даны отрицательные и уклончивые. Если же старшина или староста явились не по призыву, а случайно, по своей воле, и на них не было возложено никакой доли в исполнение решения, то вопрос меняется.

Представьте себе, что пристав суда взял с собой для исполнения решения десять курьеров. Оскорбление одного из них во время исполнения решения — преступное сопротивление.

Но если он взял девять, а десятый, мимо проходя, увидел товарищей, зашел самовольно, вступил в дело, начал хозяйничать и был бы оскорблен — здесь сопротивлению места нет: он не орудие исполнения, он не связан с приставом путем призыва или распоряжения в одно целое, в организм власти, приводящей Решение в исполнение.

А старшина был в такой роли — случайно находившегося на месте человека, а не власти. Крестьяне, не знавшие ни пристава, ни полиции, боялись одного, — что старшина продаст их, и не пускали его представлять деревню.

Замечательно, что и 5 мая, когда вошли войска, ни войско, ни пристав, ни полиция оскорблены не были, но крестьяне держали за руки кандидата на сельского старосту — одного из подсудимых, прося его не быть представителем деревни.

Мне могут возразить, что старшина и староста и без приглашения судебного пристава имели официальное значение при приведении ре-

шения в исполнение, что они были нужны для указания имущества должников и решения вопроса о том, не скрыто ли что-нибудь.

Глубокая ошибка! Исполнялось решение гражданского суда, а по Уставу Гражданского судопроизводства при таком исполнении дело взыскателя указывать имущество: за властью присылается, когда двери заперты, сундуки замкнуты, а розыски скрытого вне селения не входят в обязанность ни пристава, ни полиции.

Итак, я думаю, что оскорбление старшины здесь не имело места в смысле сопротивления власти, исполняющей решение суда.

Перейду к другому преступному деянию — к склонению крестьян села Люторичи не допускать пристава до описи. Дело это приписывается нескольким подсудимым, громче всех об этом говорившим на деревенских сходах.

Согласитесь со мной, что мы должны считать только тогда возможным удостоверить существование факта, доказываемого не абсолютно верными доказательствами, когда природа факта не допускает или обстоятельства устранили лучшие и абсолютные доказательства. Но когда они, абсолютные доказательства, существовали, но их обошли и выдвинули только вероятные, тогда вера в факт падает.

Между тем в деревне Люторичи до 700 жителей; они все отказались допустить опись; они все, судя по ныне мной представленному приговору, считают себя незаконно разоренными Фишером. Вот кого или из числа которых и следовало бы спросить: кто вас подготовлял не допускать к описи? Они могли сказать, нуждались ли они в подстрекательстве или наболела у них эта мысль сама собой. А их не спросили, и на мимолетных плохо вяжущихся между собой впечатлениях урядников и полиции построили тяжелое обвинение.

Не верьте ему, господа судьи!

Но подстрекатели были. Я нашел их и с головой выдаю вашему правосудию: они — подстрекатели, они — зачинщики, они — причина всех причин...

Бедность безысходная, бедность — создание Фишера, одобряемое его владыкой, бесправие, беззащитная эксплуатация, всех и все доведшая до разорения, — вот они, подстрекатели!

Одновременно, потому что одинаково невыносимо всем становилось, вспыхнуло негодование люторовцев против бесцеремонного попиранья божеских и человеческих законов, и начали думать они, как им отстоять себя.

И за эту драму сидят теперь они перед вами.

Вы скажете, что это невероятно. Войдите в зверинец, когда настанет час бросать пищу оголодавшим зверям; войдите в детскую, где проснувшиеся дети не видят няни. Там — одновременное рычание, здесь — одновременный плач. Поищите между ними подстрекателя. И он найдется не в отдельном звере, не в старшем или младшем ребенке, а найдете его в голоде или страхе, охватившем всех одновременно...

Я дал вам массу материала, я вручил вам бездну условий и решений, достаточных свести с ума и спутать в расчетах разоренную деревню.

Вы прочтете — и физиономия подстрекателя сама восстанет в вашем воображении.

Сведем итоги.

22 апреля в селе Люторичах не было никакого преступления. Сход, рассуждавший об иске и описи, пользовался своим правом думать о делах. В этот день они не могли знать, что появится пристав 3 мая, а, следовательно, и думать о форме сопротивления, о насилии над старшиной.

3 мая — день, подлежащий разбору с точки зрения Уложения. Оскорбление старшины не имеет связи с обвинением в сопротивлении. Его присутствие, случайное, не связанное в единстве действий с приставом, ставит оскорбление, ему нанесенное, в самостоятельный проступок, не подлежащий вашему суду в пределах нынешнего обвинения. На скамье подсудимых нет подстрекателей: подстрекательство — в прошлом отношении Фишера и графа Бобринского к крестьянам и в массе документов, нами оглашенных.

Но защита, господа судьи, не должна самоуверенно ограничить свое слово отрицанием вины. Она должна смирить себя и предположить, что ей не удастся перелить в вашу душу ее убеждения о невинности подсудимых. Она должна, на случай признания фактов совершившимися и преступными, указать на такие данные, которые в глазах всякого судьи, у которого сердце бьется по-человечески, и не зачерствела душа в пошлостях жизни, ведут к нисхождению и даже к чрезвычайному неумению при наличности вины.

Наш закон знает такие обстоятельства. Начертав в статье 134 Уложения причины смягчения кары, он не остановился на этом. Законодатель знает, что есть случаи, когда интересы высшей справедливости устраниют применение закона. Законодатель знает, что есть случаи, когда мерить мерой закона — значит смеяться над законом и совершать публично акт беззакония.

А обстоятельства именно таковы. Люторические крестьяне попали в такой омут, где обыкновенные меры были бы ужасны и бесчеловечны.

Не тысяча солдат, осадивших деревню и грозивших ей оружием и силой, ужасали их. Не страшен им был и сам начальник губернии, разбивший бивуак в четырех верстах от деревни. Нечего было, в свою очередь, бояться и ему войти в деревню обездоленных крестьян. Страшно и ужасно было долгое прошлое люторических мужиков, перепутавшее их взгляды и, кажется, сбившее их с толку. Десятки лет сосал их силы управляющий, десятки лет с сатанинской хитростью опутывал их сеть условий, договоров и неустоек. С торной дороги свободы 19 февраля они зашли в болото... Лешего не было, но хитрый и злой, их всасывал в тину кабалы и неволи Фишер.

В этом тумане потерялось все: вера в возможность просвета жизни, чутье правды и неправды, вера в закон и заступничество перед ним.

Оставалось еще одно чувство — чувство надежды, что беззаконие, достигшее чудовищных пределов, может быть опротестовано, отдалено.

Мы, когда с нас взыскивают недолжное, волнуемся, теряем самообладание; волнуемся, теряя или малую долю наших достатков, или что-либо наживное, поправимое,

Но у мужика редок рубль и дорого ему достается. С отнятым кровным рублен у него уходят нередко счастье и будущность семьи, начинается вечное рабство, вечная зависимость перед мироедами и богачами. Раз разбитое хозяйство умирает, — и батрак осужден на всю жизнь искать, как благоденствия, работы у сильных и лобзать руку, дающую ему грош за труд, доставляющий другому выгоды на сотни рублей, лобзать, как руку благодетеля, и плакать, и просить нового благоденствия, нового кабального труда за крохи хлеба и жалкие лохмотья.

Среди обстоятельств, подобных настоящему, мутился разум целых народов. Как не спутаться забитому уму нашего крестьянина?!

Вы лучше меня знаете это и не забудьте дать ему место при постановке приговора.

Время вам ставить его.

Верю я, глубоко верю, что сегодняшний день в летописях русского правосудия не будет днем, за который покраснеет общество, разбитое в своей надежде на господство правды в русском суде. Верю я, что вы скажете сегодня: «Молчи, закон, настало время благодати!». Верю я, что те экономические лишения, те нравственные мучения, в которых протекли долгие годы жизни люторических крестьян, сегодня достигли

ХРЕСТОМАТИЯ

своего предела... Они уйдут отсюда с приобретенным убеждением, что правда есть и действует.

Вы не вынесете жестокого решения, вы не увлечетесь мнением:

Не беда, что потерпит мужик:
Знать, ведущее нас Провидение
Указало; да он и привык...

Ведь сквозь зримый миру смех незримые миру слезы водили рукой поэта-сатирика, когда он пел эту скорбную песню.

Нет, вы не осудите их. Мученики терпения, страстотерпцы труда беспросветного найдут себе защиту под сенью суда и закона.

Вы пощадите их.

Но если слово защиты вас не трогает, если я, сытый, давно сытый человек, не умею понять и выразить муки голодного и отчаянного бесправия, пусть они сами говорят за себя и представляют перед вами.

О, судьи, их тупые глаза умеют плакать и горько плакать; их загорелые груди вмещают в себе страдальческие сердца; их несвязные речи хотят, но не умеют ясно выражать своих просьб о правде, о милости.

Люди они, человеки!..

Судите же по-человечески!..

Печатается по: *Судебные речи известных русских юристов.* — М., 1957. — С. 491 и след., 542 и след.

ПЛИНИЙ МЛАДШИЙ

В толстом томе писем Плиния Младшего есть немало страниц, на которых автор рассуждает об ораторском искусстве, о пафосе речи, об умении украсить свою речь, чтобы она потрясла людей.

Творчество классиков древности трудно для прочтения, поскольку в тексте встречается масса имен, реалий, событий, совершенно незнакомых современному человеку. Поэтому письма Плиния Младшего приходится снабжать многими примечаниями. (Письма даются с сокращениями)

Книга I, письмо 2

- ¹ Арриан Матур — состоял в переписке с автором.
- ² ... внеси поправки... — автор часто просил друзей о критике, к которой относился чрезвычайно внимательно.
- ³ Кальн — замечательный оратор, друг Плиния.
- ⁴ ... немногие... — «немногие, кого возлюбил справедливый Юпитер» (цитата из «Энеиды»).
- ⁵ ... почти вся речь... — какая речь, точно неизвестно.
- ⁶ ... нашего Марка — Марк Туллий Цицерон. Лекиф — так Цицерон называл украшения речи. В первоначальном значении лекиф — маленький изящный сосуд для благовоний.
- ⁷ ... мысль об ее издании... — Издателем книги становился книготорговец, купивший у автора его произведение.

Книга I, письмо 5

- ²... Регул. — Бешеная неутолимая злоба соединялась у него с корыстолюбием и мелочной, грязной жадностью, с желанием «подложить свинью»... Он был заклятым врагом многих семей.
- ³ Арулен Рустик — брат Маврика Юния. За биографию Гельвидия, в которой он славил его и Тразею, казнен.
- ⁴ Герения Сенециона погубил Меттий Кар, один из самых страшных доносчиков Домицианова времени.
- ⁵ ... у центумвиров... — Суд по гражданским делам (буквально «Суд ста человек»), составленный на самом деле из 105 человек.
- ⁶ Тимон был, вероятно, другом-философом Рустика.
- ⁷ Меттий Модест, сын Меттия Руфа — префекта Египта.
- ⁸ ... свидетелей обычно спрашивают о подсудимых... — Плиний выступал как свидетель, а не как защитник.
- ⁹ Целер — лицо неизвестное, Фабий Юст — консул 102 г., Тацит посвятил ему «Диалог об ораторах».

- ¹⁰ Спуринна... — Лицо, известное мало.
- ¹¹ Мы направились друг к другу... — Плиний жил недалеко от портика Ливии. Портик Ливии, построенный Августом в честь своей жены Ливии, занимал площадь около 9000 кв. м, с аллеями, фонтанами...
- ¹² Маврика отличали справедливость и здравый смысл.
- ¹³ Мы поздравляли претора... — обязательное требование римского общежитийского этикета — поздравлять нового магистрата.
- ¹⁴ Сатрию Руфу — мало известен.
- ¹⁵ «Кегулос» — буквально «царек», куры мелкой породы, у нас известны «корольки».

Книга 1, письмо 20

Письмо посвящено вопросам прозы. Римляне различали два главных стиля речи: аттический и азианический. Первый требовал краткого, сжатого и точного изложения, но часто бывал сухим и бледным. Для второго характерно «краснословие»: подробный рассказ, с отклонениями, смелый и яркий язык, любовь к афоризмам, стремление взволновать и потрясти слушателей. У бездарного представителя этой школы речь превращалась в пышное и малосодержательное «безмерноречие» с явным преобладанием слов над мыслями. Квинтилиан хорошо заметил, что крупные ораторы соединяли требования обеих школ. Плиний, склонявшийся в молодости к азианизму, со временем предпочел «стиль смешанный», который объединял лучшее, что было в обоих, избегая их крайностей.

- ¹ Часто идет у меня спор с одним ученым и опытным человеком. — Этот неизвестный противник Плиния — сторонник аттицизма.
- ² ... в судебных делах больше всего нравится краткость. — Краткой считалась речь, занявшая около получаса.
- ³ Лисий — афинский оратор V в. до н. э., вел, по выражению Цицерона, «дела мелкие», которые не требовали ни широты изложения, ни патетических взлетов. — Катон Старший — политический деятель и оратор. Гай Грах — тоже. Цицерон высоко ценил его красноречие.
- ⁴ Демосфен, Эсхин и Гиперид — знаменитые афинские ораторы IV в. до н. э. Целий — молодой друг Цицерона, оратор большой силы.
- ⁵ Л. Мурена был обвинен в подкупе голосов, чтобы стать Консулом, но оправдан.
- ⁶ Дело Клуенция — Цицерон защищал Клуенция по обвинению в отравлении отчима один. Но можно было взять несколько адвокатов.
- ⁷ Корнелия Сулла — родственника диктатора Цицерон защищал от обвинения в причастности к заговору Катилины.
- ⁸ Написанная речь есть образец... для произносимой. — Плиний разделяет эту точку зрения, речь написанная — есть «архетип» речи устной.
- ⁹ Веррес — наместник Сицилии, разоривший ее жителей. Цицерон по их просьбе вел расследование.

- ¹⁰ ... вина не на ораторе, а целиком на судье. — Регламент в суде определялся «клепсидрой» (водяными часами, вода из которых вытекала по капле). Судья имел право «прибавить клепсидр» или ограничить их число.
- ¹¹ «... я сразу вижу, где горло, за него и хватаю». — В речах доносчиков недоставало доказательств и логики, но было много неистовой страсти к обвинению, они «хватали за горло» — и душили.

Книга III, письмо 15

- ¹ Силий Прокул — не известен.
- ² ... насколько можно судить по отрывкам... — Плиний осторожно хвалит не стихи, которые, видимо, слышал в отрывках, а манеру их чтения.

Книга IV, письмо 7 (отрывок)

- ⁴ «оратор — это плохой человек, не умеющий говорить». — Ср. определение Катона Старшего: «Оратор — это хороший человек, умеющий говорить».

Книга IV, письмо 8

- ¹ Матур Ариан — известен только по письмам Плиния.
- ² Ты поздравил меня с получением авгурата... — Было четыре особо почетные жреческие коллегии: понтифики, авгуры, эпулоны, децемвиры, которые упоминались при перечне должностей как особо почетные.
- ³ Другие звания... можно и пожаловать и отобрать. — Жреческие должности давались пожизненно, другие — на срок.
- ⁴ Секст Юлий Фронтин — трижды консул (73 г., 98 г., 100 г.) был одним из самых уважаемых людей Рима.
- ⁵ из года в год называл меня, словно выбирая на свое место. — Ежегодно в определенный день каждый авгур называл своего преемника. Выбранное лицо соответствующая коллегия «кооптировала».

Книга VII, письмо 4 (отрывок)

- ¹ Понтий Аллифан — сын проконсула Кипра.
- ² Гендекасиллаб — одиннадцатислоговый стих.
- ³ Икария — остров, названный так в честь Икара.
- ⁴ ... в Лаврентийской усадьбе... — ее местоположение неизвестно.
- ⁵ Азиний Галл предпочитал стиль своего отца Азиния Поллиона стилю Цицерона, будущий император Клавдий — наоборот.
- ⁶ ... в полдень я ушел поспать... — У римлян послеобеденный сон был обязателен.

Книга VII, письмо 17 (отрывок)

- ⁴ ... встав, чтобы произнести речь... — Имеется в виду произнесение речи в судебном заседании.

- ⁵ ... к простым людям в грязных замаранных тогах. — То есть к бедным гражданам, слушающим оратора в суде.
- ⁶ Помпоний Секунд жил в первой половине I в. н. э. Его биографию написал Плиний Старший,
- ⁷ «Апеллирую к народу». — Право апелляции к народу было высшим правом римского гражданина: осужденный судом, он имел право требовать защиты у народного собрания.
- ⁸ Я обычно созываю не народ, но избранных... — Обычно Плиний выступал перед друзьями.
- ⁹ То, что Марк Цицерон думает о стиле, я думаю о страхе. — Стиль — заостренная палочка, которой древние писали на воске.

Книга IX, письмо 2 (в сокращении)

- ¹ Сабин — Вероятно, Стаций Сабин.
- ² Марк Туллий — Цицерон.
- ³ ... не посылать... писем-теней? — С неясным смыслом.
- ⁴ ... к вашей жизни в лагере с ее оружием... знойными днями... — Перечисленные Плинием обстоятельства подходят для военной службы в Сирии, Каппадокии и Нумидии.

Книга IX, письмо 26 (в сокращении)

- ¹ Луперк — лицо неизвестное.
- ² Оратор должен иногда возноситься. — Плиний защищает позицию сторонников бурного, взволнованного красноречия против сторонников спокойного красноречия.
- ³ Риск придает особую цену... красноречию. — То есть тщательность всегда рискует обратиться в мелочность, в великих созданиях обязательно должна быть какая-то небрежность.

ЗАДАНИЯ

1. Это задание для любого из помещенных ниже писем Плиния. Прочитайте текст (лучше вслух), попытайтесь найти в письме главную мысль, затем подобрать для письма заголовок (главная мысль и заголовок — это разные вещи). Работа нелегкая и с налету ее не сделать.
2. Из истории риторики известно, что у древних было два основных направления в ораторском искусстве: аттический и азианический, в письмах Плиния об этом есть упоминание. В чем разница и особенности этих стилей? Что такое — «стиль»? к какому из них стремился сам Плиний Младший?

3. Письма Плиния вводят в обиход ораторов-профессионалов три термина (понятия), которые были широко известны в его времена, но практически неизвестны сейчас. Поэтому задание по каждому из них:

а) «архетип» — написанный вариант речи, которая затем произносится в аудитории, но не читается слово в слово, а является только канвой для ее устного варианта, архетипом. Попробуйте свои ораторские умения на любой удобной (интересной) для вас теме, но в двух вариантах: письменном и устном. Очевидно, что полное выполнение такого задания потребует немалого количества времени;

б) «лекиф» — Постарайтесь вставить подходящие, на ваш взгляд, лекифы в свой письменный или устный вариант. Вероятно, сами лекифы и их месторасположение можно менять не один раз, добиваясь в каждом конкретном случае наиболее выгодного результата.

С этим заданием тоже не справиться вдруг, задание для людей аккуратных и вдумчивых;

в) «клепсидра» — часы, по которым ораторы получали свое время для произнесения речи. В древнем мире эти часы были водяными, теперь таких нет. Но часы песочные должен иметь в своем распоряжении каждый начинающий оратор, если, конечно, он надеется со временем стать Оратором (с большой буквы).

Итак, лучше всего (как показывает практика) приобрести песочные часы на пять минут — это та единица, которая может рассматриваться в качестве основной «единицы говорения» для всех упражнений (деловых игр, подготовки домашних заданий и пр.). Более того, как правило, в реальной жизни (на заседаниях советов, на совещаниях и т. п.) для выступления в прениях дается как раз пять минут.

Поэтому всякая тренировка в домашних и аудиторных условиях проводится с «клепсидрой»: пока сыпется песок, — оратор говорит, как только упала последняя песчинка — речь кончилась. Это очень дисциплинирует и оратора, и председателя, и аудиторию.

Если оратору удастся с течением времени успешно объединить в своем выступлении архетип, лекиф и клепсидру, то он на верном пути превращения в Оратора.

ПИСЬМА

КНИГА 1, ПИСЬМО 2

Плиний Арриану¹ привет.

Я предвижу, что ты удержишься со своим приездом, и потому предлагаю тебе книгу, которую обещал в прежних письмах. Прочти ее, пожалуйста, и, по своему обычаю, внеси поправки², — потому особенно, что я, кажется, до сих пор ничего не писал с таким усердием. (2) Я пытался подражать, по крайней мере в оборотах речи, Демосфену, твоему любимцу всегда, и Кальву³, моему с недавних пор; силы таких ораторов могут достичь «немногие, кого справедливый»...⁴ (3) Материал вполне подходил для такого соревнования (боюсь за дерзкое слово): почти вся речь исполнена пафоса⁵: она пробудила меня от длительной спячки, если только я способен пробуждаться. (4) Не пренебрег я и лекифами нашего Марка⁶: я неизменно чуть-чуть сворачивал с дороги, когда уместно было украсить ими речь: я ведь хотел, чтобы речь потрясла людей, а не навела на них тоску.

(5) Не думай, что этой оговоркой я прошу снисхождения. Чтобы еще усилить твою правку, я тебе признаюсь: и меня самого и моих сотоварищей не отпугивает мысль об ее издании⁷, если только ты благосклонно отнесешься к этой, может быть, нелегкой затее. (6) Надо, конечно, что-нибудь издать — лучше бы уже готовое — (молитва лентяя) — надо издать по множеству причин, а главное потому, что люди не выпускают из рук книжек, мной изданных, хотя они и утратили прелесть новизны. Книгопродавцы, может быть, только говорят мне приятные слова. Пусть, впрочем, говорят, если эта ложь заставляет меня работать. Будь здоров.

КНИГА 1, ПИСЬМО 5

Ты узнаешь красноречие Регула². (3) Геренния Сенециона он поносил так неистово, что Меттий Кар сказал ему: «Какое тебе дело до моих мертвецов? Разве я беспокою Красса или Камерина»⁴? (4) (Регул донес на них при Нероне). Он считал, что все это мне тягостно, и поэтому даже не пригласил на свое чтение. (5) А, кроме того, он вспомнил, как приставал ко мне у центумвиров⁵ с расчетом меня погубить. Я помогал по просьбе Аррулена Рустика, Аррионилле, жене Тимона⁶; Регул выступал против. Я в этом деле частично опирался на мнение Меттия Модеста⁷, человека прекрасного. Он тогда находился в ссылке;

был выслан Домицианом. И вот тебе Регул: «Скажи, Секунд, — обращается он ко мне, — что ты Думаешь о Модесте?» Ответь я: «хорошо» — гибель; ответь «плохо» — позор. Могу сказать одно: боги мне помогли. «Я отвечу, если об этом будут судить центумвиры». Он опять: «Я спрашиваю, что ты думаешь о Модесте?» — (6) «Свидетелей⁸, — ответил я, — обычно спрашивают о подсудимых, а не об осужденных». Он в третий раз: «Я спрашиваю, что ты думаешь не о Модесте, а об его лояльности?» (7) «Ты спрашиваешь, что я думаю? Я считаю, что не дозволено даже обращаться с вопросом о том, о ком уже принято решение». Он замолчал; меня хвалили и поздравляли: я не повредил своему доброму имени ответом, хотя бы мне и полезным, но бесчестным, и не угодил в синок, расставленный таким коварным вопросом.

(8) Теперь, сознавая свою вину, он в перепуге хватает Цецилия Целлера, сразу за ним Фабия Юста⁹ и просит их помирить меня с ним. Мало того: приходит к Спуринне¹⁰ и униженнейшим образом (как всегда, когда он боится) молит его: «Молю тебя, пойди утром к Плинию, только совсем утром (я не в силах больше терпеть это беспокойство); каким угодно способом добейся, чтобы он на меня не сердился».

(9) Я уже не спал; от Спуринны посол: «Я иду к тебе» — «ни в коем случае: я к тебе». Мы направились друг к другу и сошлись в портике Ливии¹¹. Спуринна излагает поручение Регула, добавив свою просьбу — скупое, как и полагается просить достойному человеку за негодяя. (10) «Смотри сам, что, по-твоему, ответить Регулу. Мне не пристало обманывать тебя: я жду Маврика¹² (он еще не вернулся из ссылки) и не могу тебе ответить ни «да» ни «нет»; я буду поступать, как он решит: он тут глава, мне подобает идти за ним следом».

(11) Несколько дней спустя Регул встретился со мной в тот день, когда мы поздравляли претора¹³; занятый старым, он отводит меня в сторону и говорит: он боится, что у меня глубоко в душе засели слова, сказанные им однажды на суде центумвиров, когда он отвечал мне и Сатрию Руфу: «Сатрий Руф, который не состязается с Цицероном и доволен современным красноречием». (12) Я ответил, что сейчас, после его признания, я понимаю его колкость, но ведь слова эти можно истолковать и в почетном смысле. «Да, — говорю я, — я состязуюсь с Цицероном, я недоволен современным красноречием и считаю крайней глупостью выбирать для подражания не самое лучшее. А раз ты помнишь этот случай в суде, почему же ты забыл о другом, когда ты меня допрашивал, что я думаю о лояльности Меттия Модеста?» Он заметно побледнел...

КНИГА I, ПИСЬМО 20

Плиний Корнелию Тациту привет.

Часто идет у меня спор с одним ученым и опытным человеком¹, которому в судебных речах больше всего нравится краткость². (2) И я согласен, что ее надо соблюдать, если это дозволяется делом. Иначе предательством будет пропустить то, о чем следует сказать; предательством бегло и кратко коснуться того, что следует толковать, вбивать, повторять. (3) Для большинства в длинном рассуждении есть нечто внушительное, весомое; меч входит в тело не от удара, а более от нажима: так и слово в душу.

(4) Этот человек говорит со мной, ссылаясь на образцы: указывает мне у греков речи Лисия, у нас речи Гракхов и Катона³; большинство их кратки и сжаты. Я предпочитаю Лисию Демосфена, Эсхина, Гиперида и еще многих, а Гракхам и Катону Поллиона, Цезаря, Целия и прежде всего Туллия⁴, самой лучшей речью которого считается самая длинная. Клянусь Геркулесом! как со всем хорошим, так и с хорошей речью: она тем лучше, чем длиннее. (5) Посмотри, как статуи, картины, изображения людей, многих животных и даже деревьев, если они вообще красивы, выигрывают от размера. То же и с речами: даже свиткам величина придает некоторую внушительность и красоту.

(6) Эти соображения и множество других, которыми я защищаю эту самую мысль, задевают моего собеседника, в споре неуловимого и увертливого: он утверждает, что речи, сказанные в суде (те самые, на которые я ссылаюсь), были гораздо короче изданных. (7) По-моему, наоборот. Подтверждением служат многие речи многих ораторов, а у Цицерона речь за Мурену и за Варена⁵, в которых дается краткий голый список некоторых обвинений: своего рода оглавление. Отсюда ясно, что при издании он выпустил многое из сказанного в суде. (8) Он же в речи за Клуенция⁶ говорит, что, по старому обычаю, он излагал все дело Клуенция один, а Г. Корнелия⁷ защищал четыре дня. Несомненно, однако, что речь, по необходимости растянувшуюся на несколько дней, нельзя потом, урезав ее и подчистив, втиснуть в одну книгу, большую, правда, но все-таки одну. Но, скажут мне, «одно — речь, которую хорошо послушать в суде, и другое — речь, которую хочешь почитать». Я знаю, что некоторым так кажется, я же убежден (может быть, ошибаюсь), что одна и та же речь может, правда, показаться хорошей, когда ее произносят, и плохой, когда ее читают, но невозможно, чтобы речь, хорошо написанная, оказалась плоха при слушании. Написанная речь есть образец и

как бы ἀρχέτυπον [архетип] для произносимой⁸. (10) А кроме того, в любых хороших речах, даже в тех, которые мы знаем только в том виде, в каком они изданы, найдется множество фраз, только что пришедших в голову оратору: например, в речи против Верреса⁹: «какого же мастера? кого, наконец? правильно: говорили, что Поликлета». Из этого следует, что самой совершенной будет речь, почти целиком совпадающая с написанным текстом; это возможно, если для нее отведено должное и необходимое время; если в нем отказано, то тут вина не на ораторе, а целиком на судьбе¹⁰.

(11) Мое мнение поддерживают законы, щедро одаривающие оратора временем; ему советуют быть не кратким, а подробным и обстоятельным, а это совместимо с краткостью только в самых незначительных делах. Добавлю еще, чему меня научил опыт, учитель исключительный. (12) Я часто вел дела, часто бывал судьей, часто присутствовал в совете: не всех людей волнует одно и то же, и в большинстве случаев следствия мелочей очень значительны. Люди судят по-разному, хотя разного, и те, кто одновременно слушают одно и то же дело, воспринимают его различно, а если и одинаково, то по различным душевным побуждениям. (13) А кроме того, каждому милы его собственные измышления, и если кто-то другой скажет то самое, что он предполагал, то для него это уже сильнейший довод. Всем надо уделить то, что можно удержать, с чем можно согласиться.

(14) Как-то Регул, с которым мы защищали одно и то же дело, сказал мне: «по-твоему, надо исследовать все, относящееся к делу, а я сразу вижу, где горло, и за него и хватаю»¹¹. Он, конечно, хватал то, на что нацелился, но в выборе цели сшибался часто. Ему можно было бы возразить, что ему случалось принимать за горло колено или пятку. (15) «Я не в силах разглядеть, где горло», сказал я, «и потому я все перебираю, все испытываю: πάντα λιύον æ/vῶ [двигаю всякий камень] (поговорка)].

КНИГА III, ПИСЬМО 15

Плиний Силию Прокулу¹ привет..

Ты просишь меня прочесть в деревне твои книги и посмотреть, стоят ли они издания, умоляешь, ссылаешься на пример: упрощаешь отрезок времени, оставшийся от моих занятий, уделить твоим и добавляешь, что М. Туллий относился к поэтам благосклонно и покровительственно.

(2) Меня не надо ни просить, ни уговаривать: я благоговейно чту поэзию и очень к тебе расположен. Я выполню твою просьбу и тща-

тельно и охотно. (3) Мне кажется, я уже сейчас могу написать, что работа твоя хороша и держать ее под спудом нечего, насколько можно судить по отрывкам², которые ты читал в моем присутствии, и если меня не подвела твоя манера читать: ты читаешь как превосходный опытный чтец. Верю, однако, что уши не так уж руководят мной, чтобы, наслаждаясь, обломать все колючки моих суждений. (4) Их можно несколько притупить, но вырвать и вытащить невозможно.

(5) Итак, я уже сейчас уверенно высказываюсь о твоём произведении в целом; о частях буду судить, читая. Будь здоров.

КНИГА IV, ПИСЬМО 7

... так и честную душу сдерживает совесть, а негодяй крепнет от своей дерзости. (4) Примером Регул. Грудь слабая, произношение неясное, язык заплетающийся, соображение медленное-медленное, памяти никакой, одним словом, ничего, кроме бешеного нрава, но бесстыдством и этим самым неистовством своим он добился того, что считается оратором. (5) Геренний Сенещион чудесно перевернул, говоря о нем, катонovo определение оратора: «оратор — это плохой человек, не умеющий говорить»⁴. Клянусь Геркулесом! сам Катон так метко не охарактеризовал оратора, как Сенещион Регула.

КНИГА IV, ПИСЬМО 8

Плиний Матуру Арриану¹ привет.

Ты поздравляешь меня с получением авгурата² и правильно делаешь, во-первых, потому, что хорошо заслужить даже в малом благосклонность такого рассудительного принцепса, а затем, потому, что само это жреческое звание, и древнее и святое, замечательно еще тем, что его нельзя отнять. (2) Другие звания, почти равные по достоинству, можно и пожаловать, и отобрать³; тут судьба властна только дать.

(3) Мне кажется, что стоит меня поздравить и с тем, что я сменил Юлия Фронтини⁴, человека достойнейшего; в день, когда объявляли кандидатов, он в последнее время из года в год называл меня, словно выбирая на свое место⁵. Было это, по-видимому, не случайно, как и доказало нынешнее событие.

(4) Ты пишешь, что мой авгурат тебя особенно радует, потому что авгуром был и М. Туллий. Тебе приятно, что в магистратурах я иду по стопам того, с кем мечтаю сравняться в литературе. (5) О, если бы как

этим самым жречеством, как консулатом, который я получил, будучи гораздо моложе его, также сравняться мне на старости лет хоть в малой доле с его талантом! (6) Но конечно, то, что зависит от людей, выпадало на долю мне и многим, но трудно достичь и дерзко даже надеяться на то, что могут даровать только боги. Будь здоров.

КНИГА VII, ПИСЬМО 4

Плиний Понтию¹ привет.

(1) Ты говоришь, что прочитал мои гендекасиллабы²; ты даже осведомляешься, каким образом я начал писать их, я, человек, по твоему мнению, серьезный и, по собственному моему признанию, знающий, что уместно и что нет.

(2) Я никогда (начну издалека) не был чужд поэзии, в четырнадцатилетнем возрасте я даже написал греческую трагедию. (3) «Какую?» — спрашиваешь ты. Не знаю, она называлась трагедией. Потом, когда, возвращаясь с военной службы, я был задержан ветрами на острове Икарии³, я начал сочинять латинские элегии на это самое море и на этот самый остров. Как-то я пробовал себя на героическом стихе, а теперь в первый раз на гендекасиллабах. Родились они вот по какой причине: мне читали в Лаврентийской усадьбе⁴ книги Азиния Галла, где он сравнивал своего отца и Цицерона⁵, тут же попалась эпиграмма Цицерона на его Тирана. (4) Затем, когда в полдень (дело было летом) я ушел поспать⁶, а сон не приходил, я начал размышлять о том, что величайшие ораторы считали подобные занятия услугой и относились к ним с похвалой. (5) Я сделал над собой усилие и, против своего ожидания, после длительного перерыва, в очень короткий срок набросал следующие стихи о том самом, что подстрекнуло меня к писанию:

(6) Книги Галла читая, в которых отцу дерзновенно
Первенства пальму дарит он в ущерб самому Цицерону,
Вольную я цицеронову шутку нашел, что блистает
Тем же талантом, с которым писал он серьезные вещи.

КНИГА VII, ПИСЬМО 17

Я желаю получать похвалы не тогда, когда читаю, но тогда, когда меня читают. Поэтому я не пропускаю ни одного случая для исправления: я наедине просматриваю то, что написал, затем читаю это двоим

или троим; потом передаю другим для замечания и их заметки, если они вызывают у меня сомнения, опять взвешиваю вместе с одним или другим; наконец, читаю в аудитории, и тогда-то, поверь мне, исправляю усилненно. (8) Чем я больше взволнован, тем напряженнее у меня внимание. Почтение, робость, страх — вот лучшие судьи: имей это в виду. Разве, если тебе предстоит разговор с любым ученым, но только с ним одним, ты не волнуешься меньше, чем в том случае, когда говорить придется со многими, пусть неучеными людьми? (9) Разве, встав, чтобы произнести речь⁴, ты не тогда именно всего меньше бываешь уверен в себе, не тогда именно желаешь изменить не то, чтобы многое, а решительно все? Во всяком случае, если сцена шире, то и круг зрителей разнообразнее, но мы с уважением относимся и к простым людям в грязных замаранных тогах⁵. (10) Разве ты не теряешь твердости и не падаешь духом, если считаешь, что уже твое начало не встречает одобрения? Полагаю, что это происходит потому, что толпа от самой многочисленности своей приобретает некий большой коллективный здравый смысл, и те, у кого по отдельности рассудка мало, оказавшись все вместе, имеют его в избытке.

(11) Поэтому-то Помпоний Секунд (сочинитель трагедий⁶) обыкновенно говаривал, если кто-нибудь из его друзей считал, что данное место следует вычеркнуть, а он думал, что его надо сохранить: «Апеллирую к народу»⁷ — и таким образом, смотря по молчанию или одобрению народа, следовал мнению друга или своему собственному. Так он считался с народом. Правильно или нет, это меня не касается. (12) Я обычно созываю не народ, но избранных⁸, чтобы было на кого смотреть, кому верить, за кем наблюдать, — за каждым, словно он единственный слушатель, — и бояться каждого, словно он не единственный. (13) То, что Марк Цицерон думает о стиле⁹, я думаю о страхе. Боязнь, боязнь — вот суровейший исправитель. Исправляет уже самая мысль о предстоящем чтении; исправляет самый вход в аудиторию; исправляет то, что мы бледнеем, трепещем, оглядываемся. (14) Поэтому я не рассказываю в своей привычке, великую пользу которой я испытываю, и настолько не страшусь этих толков, что даже прошу тебя, сообщи еще что-нибудь, чтобы мне прибавить к этим доводам. (15) Моему рвению все мало. Я размышляю о том, какое великое дело дать что-нибудь в руки людям, и не могу убедить себя в том, будто не следует со многими и часто рассматривать то, что, по твоему желанию, должно нравиться всегда и всем. Будь здоров.

КНИГА IX, ПИСЬМО 2

Плиний Сабину¹ привет.

Ты доставляешь мне удовольствие, требуя от меня не только многочисленных, но и длинных писем. Я был скуп на них частью из уважения к твоей занятости, частью потому, что сам разрывался между разными, по большей части скучными делами, которые одновременно и отвлекают душевные силы и ослабляют их. (2) Кроме того, не было и материала для того, чтобы много писать. Положение у меня ведь не то же, что у Марка Туллия², следовать примеру которого ты меня зовешь. У него имелся богатейший талант, и таланту этому соответствовали разнообразные и великие события, тогда происходившие. (3) В каких узких пределах заключен я, ты это сам видишь, даже когда я молчу об этом; не посылать же тебе школьных писем или, если можно так выразиться, писем-теней³? (4) Думаю, они вовсе не подходят к тому, что я себе представляю,— к вашей жизни в лагере с ее оружием, военными рогами, трубами, потом, пылью, знойными днями⁴. Вот, думается, достаточное извинение; сомневаюсь, однако, хочется ли мне, чтобы ты его принял: ведь большой дружбе свойственно отказывать в снисхождении коротким письмам друзей, хотя и знаешь, что для них есть основание. Будь здоров.

КНИГА IX, ПИСЬМО 26

Плиний Луперку¹ привет.

(1) Я сказал, думается, удачно об одном ораторе нашего века, безыскусственном и здравомыслящем, но не очень величественном и изящном: «У него нет никаких недостатков, кроме того, что у него нет никаких недостатков». (2) Оратор ведь должен иногда возноситься, подниматься, иногда бурлить, устремляться ввысь и часто подходить к стремнину; к высотам и крутизнам примыкают обычно обрывы². Путь по равнине безопаснее, но незаметнее и бесславнее; бегущие падают чаще тех, кто ползает, но этим последним, хотя они и не падают, не достается никакой славы, а у тех она есть, хотя бы они и падали. (3) Риск придает особенную цену как другим искусствам, так и красноречию³. Ты видишь, какие крики одобрения обычно вызывают те, кто взбирается вверх по канату, когда кажется, что они вот-вот упадут. (4) Наибольшее удивление вызывает наиболее неожиданное, наиболее опасное, то, что греки так хорошо называют иногда *παράβολα* [потря-

сающе]. Кормчий, плывущий по спокойному морю, проявляет отнюдь не то же мужество, что и при плавании в бурю: в первом случае он, не вызывая ничего восхищения, без похвал, без прославлений входит в гавань, но когда скрипят канаты, гнется мачта, стонет руль, вот тогда он знаменит и близок морским богам.

(5) К чему я говорю это? Мне показалось, ты в моих сочинениях напыщенным счел то, что я считаю возвышенным, дерзким — то, что я считал смелым, перегруженным — то, что я считал полным. Все зависит от того, отмечаешь ли ты достойное осуждение или бросающееся в глаза. (6) Всякий ведь замечает то, что выдается и выступает; но следует внимательно и остро различать, чрезмерно это или величаво, высоко или беспорядочно.

(7) Нужны ли отвес и весы, чтобы определить, является ли место невероятным и пустым, или великолепным и божественным?

Я и сейчас не думаю, что сказал или могу сказать нечто подобное: и не настолько безумен, но я хочу, чтобы люди поняли, что следует отпускать поводья красноречию и не стеснять полета таланта узкими пределами,

(8) «Но ведь есть разница между ораторами и поэтами». Как будто у Марка Туллия дерзновения меньше! Впрочем, его я оставлю в стороне; не думаю, чтобы здесь возможны были сомнения. А сам Демосфен, являющийся образцом и правилом для ораторов, разве он себя сдерживает и стесняет, когда произносит свое знаменитое...

Печатается по: *Плиний Младший.*
Письма. Кн. I—X. — М., 1982. —
С. 5, 7, 18—19, 65, 64, 119—120,
127, 157—158, 169—170.

СЕНЕКА ЛУЦИЙ АННЕЙ

Первое письмо посвящено проблеме рабочего (полезного) времени и времени для отдыха, их сочетанию и удельному весу. Тому, что автор в письме к своему адресату соотносит со словами: «береги и копи время». Письмо седьмое более объемное — проблема толпы и личности, которые так занимали А.С. Пушкина. Письмо сороковое наиболее обширное — о красноречии, о стилях речи, о ее скорости и наполняемости.

Вот, например, цитаты из письма № 114:

(15) Перейдем к слогу. Сколько примеров всяческих погрешностей могу я тебе привести! Некоторым по душе слог изломанный и шероховатый: где речь льется плавно, там они нарочно приводят ее в беспорядок, не допуская ни одного заглаженного шва; что задевает слух своей неровностью, то им кажется мужественным и сильным. А у некоторых — не слог, а напев, до того мягко скользит их речь и ласкает уши.

(16) А что сказать о таком слоге, где слова переставляются подальше и, давно ожидаемые, появляются перед самой концовкой? Или о слоге медлительном, как у Цицерона, полого скатывающемся с мягкими замедлениями, ни на миг на отступающем от некоего обыкновения, размеряемом привычными стопами? И у привычных мыслей изъян может состоять не только в том, что они ничтожны, или простоваты, или бесчестны, или оскорбляют стыд чрезмерной дерзостью, но и в том, что они цветисты, что произносятся впустую и звучат громко, но никого не трогают.

(17) Все эти изъяны вводятся в обиход одним — тем, кто об эту пору главенствует в красноречии; остальные ему подражают и заражают один другого...

Примечания к приводимым письмам:

Письмо 1. (5): ... на доньшке — латинская пословица, напоминающая стих Гесиода: «... у дна смешна бережливость».

Письмо 7. (3): Полуденное представление — представление в сиесту, ког-

да часть зрителей расходилась, для оставшихся устраивали поединки не профессиональных гладиаторов, а приговоренных преступников (без доспехов), которых гнали на арену мечами, факелами и ударами бичей.

(9): читать... вслух — речь идет о риторации, или уличной проповеди.

(11): «Довольно с меня и немногих...» — изречение, приписываемое Гераклиту. *Письмо 40*. (2): Философ Серапион ближе неизвестен. У Гомера об Одиссее говорится: «Речи, как снежная вьюга, из уст у него устремлялись...», а о Несторе: «... Речи из уст его вещей, сладчайшие меда, лилися...»

(9—10): Публий Виниций, Азеллий Сабин, Варий Гемин, Квинт Гатерий — ораторы и политические деятели начала I в. н. э.; все они упоминаются в воспоминаниях Сенеки Старшего о риториках его времени.

ЗАДАНИЯ

1. Три предлагаемых письма посвящены разным темам. Какие общие особенности (стиля, ораторских приемов и пр.) можно в них обнаружить?
2. Перечислите те изречения, которые использованы автором в письмах, и объясните их смысл.
3. Что говорит Сенека о скорости речи, о ее особенностях, легкости и обдуманности выступления, о быстрой и медленной речи?
4. Что отличает стиль Сенеки от стилей других авторов, помещенных в хрестоматию.
5. Как относится Сенека к понятиям времени, речи и к отношениям между толпой и личностью?
6. Что говорит автор писем о влиянии примера (примеров) на дальнейшее обучение человека?
7. Выступая на 42-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, Министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварнадзе привел в своей речи цитату из «Нравственных писем» Сенеки к Луцилию, сказав: «Мы родились, чтоб жить вместе...»
Как можно соотнести высказывание античного оратора с нашей действительностью, если учесть, в частности, что Сенека жил почти две тысячи лет тому назад? Выступление Э.А. Шеварнадзе состоялось 24 сентября 1987г.

ПИСЬМО 1

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Так и поступай, мой Луцилий! Отвоюй себя для себя самого, береги и копи время, которое прежде у тебя отнимали или крали, которое зря проходило. Сам убедись в том, что я пишу правду: часть времени у нас отбирают силой, часть похищают, часть утекает впустую. Но позорнее всех потеря по нашей собственной небрежности. Вглядись-ка пристальней: ведь наибольшую часть жизни тратим мы на дурные дела, немалую — на безделье, и всю жизнь — не на те дела, что нужно.

(2) Укажешь ли ты мне такого, кто ценил бы время, кто знал бы, чего стоит день, кто понимал бы, что умирает с каждым часом? В том-то и беда наша, что смерть мы видим впереди; а большая часть ее у нас за плечами, — ведь сколько лет жизни минуло, все принадлежит смерти. Поступай же так, мой Луцилий, как ты мне пишешь: не упускай ни часу. Удержишь в руках сегодняшний день — меньше будешь зависеть от завтрашнего. Не то, пока будешь откладывать, вся жизнь и промчится.

(3) Все у нас, Луцилий, чужое, одно лишь время наше. Только время, ускользающее и текучее, дала нам во владенье природа, но и его кто хочет, тот и отнимает. Смертные же глупы: получив что-нибудь ничтожное, дешевое и наверняка легко возместимое, они позволяют предъявлять себе счет; а вот те, кому уделили время, не считают себя должниками, хотя единственно времени и не возвратит даже знающий благодарность.

(4) Быть может, ты спросишь, как поступаю я, если смею тебя поучать? Признаюсь чистосердечно: как расточитель, тщательный в подсчетах, я знаю, сколько растратил. Не могу сказать, что не теряю ничего, но сколько теряю, и почему, и как, скажу и назову причины моей бедности. Дело со мною обстоит так же, как с большинством тех, кто не через собственный порок дошел до нищеты: все меня прощают, никто не помогает. (5) Ну так что ж? По-моему, не беден тот, кому довольно и самого малого остатка. Но ты уж лучше береги свое достояние сейчас: ведь начать самое время! Как считали наши предки, поздно быть бережливым, когда осталось на донышке. Да к тому же остается там не только мало, но и самое скверное. Будь здоров.

ПИСЬМО 7

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Ты спрашиваешь, чего тебе следует больше всего избегать? Тол-

пы! Ведь к ней не подступиться без опасности! Признаюсь тебе в своей слабости: никогда не возвращаюсь я таким же, каким вышел. Что я успокоил, то вновь приходит в волнение, что гнал от себя — возвращается. Как бывает с больными, когда долгая слабость доводит их до того, что они и выйти не могут без вреда для себя, так случается и с нами, чьи души выздоравливают после долгого недуга. (2) Нет врага хуже, чем толпа, в которой ты трешься. Каждый непременно либо прельстит тебя своим пороком, либо заразит, либо незаметно запачкает. Чем сборище многолюдней, тем больше опасности. И нет ничего губительней для добрых нравов, чем зрелище: ведь через наслаждение еще легче подкрадываются к нам пороки. (3) Что я, по-твоему, говорю? Возвращаюсь я более скупым, более честолюбивым, падким до роскоши и уж наверняка, более жестоким и бесчеловечным: и все потому, что побыл среди людей. Случайно попал я на полуденное представление, надеясь отдохнуть и, ожидая игр и острот, — того, на чем взгляд человека успокаивается после вида человеческой крови. Какое там! Все прежнее было не боем, а сплошным милосердием, зато теперь — шутки в сторону — пошла настоящая резня! Прикрываться нечем, все тело подставлено под удар, ни разу ничья рука не поднялась понапрасну. (4) И большинство предпочитает это обычным парам и самым любимым бойцам! А почему бы и нет? Ведь нет ни шлема, ни щита, чтобы отразить меч! Зачем доспехи? Зачем приемы? Все это лишь оттягивает миг смерти. Утром люди отданы на растерзание львам и медведям, в полдень — зрителям. Это они велют убитым идти под удар тех, кто их убьет, а победителей щадят лишь для новой бойни. Для сражающихся нет иного выхода, кроме смерти. В дело пускают огонь и железо, и так покуда не опустеет арена. — (5) «Но он занимался разбоем, убил человека». — Кто убил, сам заслужил того же. Но ты, несчастный, за какую вину должен смотреть на это? — «Режь, бей, жги! Почему он так робко бежит на клинок? Почему так несмело убивает? Почему так неохотно умирает?» — Бичи гонят их на меч, чтобы грудью, голой грудью встречали противники удар. В представлении перерыв? Так пусть тем временем убивают людей, лишь бы что-нибудь происходило.

Как вы не понимаете, что дурные примеры оборачиваются против тех, кто их подает? Благодарите бессмертных богов за то, что вы учите жестокости неспособного ей выучиться. (6) Дальше от народа пусть держится тот, в ком душа еще не окрепла и не стала стойкой в добре: такой легко переходит на сторону большинства. Даже Сократ, Катон и

Лелий отступили бы от своих добродетелей посреди несхожей с ними толпы, а уж из нас, как ни совершенствуем мы свою природу, ни один не устоит перед натиском со всех сторон подступающих пороков. (7) Много зла приносит даже единственный пример расточительности и скупости; избалованный приятель и нас делает слабым и изнеженным, богатый сосед распаляет нашу жадность, лукавый товарищ даже самого чистого и простодушного заразит своей ржавчиной. Что же, по-твоему, будет с нашими нравами, если на них ополчился целый народ? Непременно ты или станешь ему подражать, или его возненавидишь. (8) Между тем и того и другого надо избегать: нельзя уподобляться злым оттого, что их много, нельзя ненавидеть многих оттого, что им не уподобляешься. Уходи в себя, насколько можешь: проводи время только с теми, кто сделает тебя лучше, допускай к себе только тех, кого ты сам можешь сделать лучше. И то и другое совершается взаимно, люди учатся, обучая. (9) Значит, незачем тебе ради честолюбивого желанья выставлять напоказ свой дар, выходить на середину толпы и читать ей вслух либо рассуждать перед нею: по-моему, это стоило бы делать, будь твой товар ей по душе, а так никто тебя не поймет. Может быть, один-два человека тебе и попадутся, но и тех тебе придется образовывать и наставлять, чтобы они тебя поняли, — «Но чего ради я учился?» — Нечего бояться, что труд твой пропал даром: ты учился ради самого себя.

(10) Но я-то не ради себя одного учился сегодня и потому сообщу тебе, какие мне попались три замечательных изречения — все почти что об одном и том же. Первое пусть погасит долг в этом письме, два других прими в уплату вперед. Демокрит пишет: «Для меня один человек — что целый народ, а народ — что один человек». (11) И тот, кто на вопрос, зачем он с таким усердием занимается искусством, которое дойдет лишь до немногих, отвечал: «Довольно с меня и немногих, довольно с меня и одного, довольно с меня и ни одного», — сказал тоже очень хорошо, кто бы он ни был (на этот счет есть разные мнения). Превосходно и третье изречение — Эпикура, писавшего одному из своих товарищей по ученым занятиям: «Это я говорю для тебя, а не для толпы: ведь каждый из нас для другого стоит битком набитого театра». (12) Вот что, мой Луцилий, нужно сберечь в душе, чтобы пренебречь удовольствием, доставляемым похвалами большинства. Многие тебя одобряют. Так есть ли у тебя причины быть довольным собой, если многим ты понятен? Вовнутрь должны быть обращены твои достоинства! Будь здоров.

ПИСЬМО 40

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Спасибо за то, что так часто мне пишешь, не упуская единственного способа показаться мне на глаза. Стоит мне получить от тебя письмо — и мы тотчас же снова вместе. Если нам приятны изображения отсутствующих друзей, напоминающие о них и умеряющие тоску разлуки пустым и обманчивым утешением, то насколько приятнее письма, хранящие живой след далеких друзей, живые пометы их руки! Это она, отпечатлевшись в письме, приносит ту радость, что отрадней всего при встрече, — радость узнавания.

(2) Ты пишешь мне, что слышал философа Серапиона, когда он к вам туда причалил. «Он обычно извергает слова с такой скоростью, что они у него не льются, а теснятся и толкаются, так как их больше, чем может произнести один голос». По-моему, это плохо для философа, чья речь, как и жизнь, должна быть размеренной, а все, что второпях несется вперед, лишено порядка. У Гомера пылкая речь, когда слова сыплются без перерыва, как снег, приписана оратору, речь же старца льется плавно и слаще меда. (3) Запомни, что стремительный напор и многословие больше пристали бродячему говоруну, чем толкующему о предметах серьезных и важных и тем более поучающему. У него, я думаю, слова не должны ни падать по капле, ни мчаться, ни заставлять нас прислушиваться, ни сыпаться нам в уши. Ведь бедность и худосочие тоже притупляют внимание слушателей, которым надоедает медлительность и прерывистость, — хотя то, чего приходится ждать, удерживается легче, чем пролетающее мимо. Ведь говорится, что люди передают ученикам знания, — но что уносится прочь, того не передашь. (4) Подумай и о том, что речь, цель которой — истина, должна быть простой и безыскусной, между тем как в речах перед народом нет ни слова истины: их цель — взбудоражить толпу, мгновенно увлечь неискушенный слух, они уносятся, не давая над собой подумать. Но как может направлять других то, что само не подчинено правилам? Неужто речь, произнесенная ради излечения души, не должна в нас проникнуть? Лекарства не помогут, если не задержатся в теле.

(5) Кроме того, в такой речи немало пустого и суетного, шуму в ней больше, чем силы. Нужно умерить мои страхи, унять раздражение, рассеять заблуждения, нужно обуздать расточительность, искоренить алчность. Разве удастся это сделать на лету? Какой врач лечит больных мимоходом? Да что тут! Даже и удовольствия не доставляет этот треск

без разбору сыплющихся слов! (6) Точно так же, как довольно однажды познакомиться с тем, что казалось невероятным, больше чем достаточно один раз услышать этих умельцев. Чему захочешь у них учиться, в чем подражать им? Какое мнение составишь о душе того, чья беспорядочная речь несется без удержу? (7) Бегущие под уклон останавливаются не там, где наметили, вес тела увлекает их с разбегу дальше, чем они хотели,— и так же быстрая речь себе не подвластна и не пристала философии, которая должна не бросать слова на ветер, а вкладывать их в душу и потом идти шаг за шагом.— (8) «Что ж, ей никогда и голоса не возвысить?» —Почему же? Но пусть сохраняет достоинство, с которым эта неистовая, чрезмерная сила несовместима. Пусть силы ее будут велики, но сдержанны, пусть речь ее будет неиссякаемой струей, а не дождевым потоком. По-моему, едва ли и оратору позволительна такая неудержимая, не ведающая законов скорость речи. Как уследить за нею судье, подчас неопытному и несведущему? Пусть оратор, даже когда его увлекает или желание блеснуть, или не властная над собою страсть, говорит не быстрее и не больше, чем могут выдержать уши.

(9) Ты правильно сделаешь, если не будешь обращать внимания на тех, кому важно, сколько сказано, а не как сказано, и предпочтешь, если понадобится, говорить, как Публий Виниций.— «Как это?» — На вопрос, как говорил Виниций, Азеллий отвечал: «Врастяжку». А Гемин Варий говорил: «Почему вы называете его красноречивым, не понимаю: он и трех слов не может связать». Почему же ты не желаешь говорить, как Виниций? (10) Пусть и тебя прервет какой-нибудь невежа, как Виниция, которому крикнули из-за того, что он отрывал одно слово от другого, будто не говорил, а диктовал: «Говори! Скажешь ты когда-нибудь или нет?» Ведь, я думаю, мчатся, как Квинт Гатерий, знаменитейший в свое время оратор, не станет ни один человек в здравом уме. Гатерий не сомневался, не делал пауз, а раз начав, несся до конца. (11) Есть вещи, которые, по-моему, одному народу подходят больше, другому меньше. У греков такая вольность была бы терпима, а мы и на письме привыкли разделять слова точками. Даже наш Цицерон, с которым так высоко поднялось римское красноречие, не был рысаком. Римская речь чаще озирается, задумывается и позволяет о себе подумать. (12) Фабиан, человек, отличавшийся и безупречной жизнью, и знаниями, и красноречием (которому принадлежит последнее место), когда вел рассуждения, говорил легко, но не скоро, так что речь его, можно сказать, отличалась плавностью, а не быстротой.

Я не возражаю, если мудрый обладает и этим достоинством, но не требую, чтобы он говорил без запинки: по мне важнее, чтобы речь была хорошо произнесена, пусть и не так плавно. (13) Я тем более хочу отпугнуть тебя от этой напасти: ведь если она пристанет к тебе, значит, ты наверняка потерял стыд, разучился краснеть и перестал себя самого слушать. Ибо этот поток, за которым даже ты не следишь, несет много такого, что тебе самому потом захочется взять назад. Но, повторяю, к тебе эта напасть не пристанет, если ты не потеряешь совесть. Кроме того, нужно ежедневно упражняться и отдавать свое усердие сначала предметам, а потом словам. (14) А им тоже нельзя давать воли, пусть даже они придут сами и потекут без всякого твоего труда: мудрецу приличествует не только скромная осанка, но и сжатая, сдержанная речь. А итог всех итогов таков: приказываю тебе говорить медленно! Будь здоров.

Печатается по: *Сенека.*
Письма к Луцилию. Трагедии. —
М.: Худож. литература, 1986. —
С. 33 и след. 47, и с. 88 и след.

ЦИЦЕРОН МАРК ТУЛЛИЙ

Среди произведений М.Т. Цицерона есть такие, которые широко известны. Среди них на первом месте находится «Об ораторском искусстве» (Изд. 4. М., 1973). В нем содержатся мысли, которые необходимо помнить всегда, если есть желание освоить риторику как учебный предмет.

Например, «кто не может говорить спокойно, мягко, отдельно, определленно, четко, остроумно, когда именно такой разработки требует речь в целом или в какой-нибудь отдельной части, — тот, обратя свой пламень к неподготовленному слуху, покажется бесноватым среди здоровых или чуть ли не хмельным среди трезвых».

Или: «Скажем еще раз: это будет такой оратор, который о малом сможет говорить скромно, о среднем — умеренно, о великом — важно» (С. 58, 59).

В хрестоматию включена работа Цицерона, мало известная современным риторам и ораторам. К ней в тексте цитируемого издания есть ряд примечаний:

- ¹ ... окутал густым мраком. — О предках Саллюстия сведений нет.
- ² ... пожар в стенах Города? — Ср. *Цицерон*. Против Катилины, II, 48; В защиту Сестия, 31.
- ³ ... считаешь для меня славным? — Неясный намек: возможно, имеется в виду выступление Цицерона против Суллы, например, в речи в защиту Секста Росция.
- ⁴ ... благодаря их завещаниям! — В соответствии с обычаем Цицерон не раз получал наследства от своих друзей.
- ⁵ ... год вакханалий в государстве. — Имеется в виду трибунат Публия Клодия с 10 декабря 59 г. по 9 декабря 58 г.
- ⁶ ... не вступал в нему [в кабалу] — метафора: имеется в виду технический термин.
- ⁷ ... как торжество мира. — Имеются в виду попытки Цицерона примирить Цезаря и Помпея перед началом гражданской войны.
- ⁸ ... высшей властью над тобой. — На основании древнего закона о власти главы рода над всеми домочадцами (право жизни и смерти и продажи в рабство).
- ⁹ ... все, чего захотелось бы другому. — Напоминание об одной из речей Цицерона.

- ¹⁰ ... нечестивое сообщество Нигидия. — Имеется в виду философ Публий Нигидий Фигул. Ему приписывали занятие астрологией.
- ¹¹ ... в совершенном им прелюбодействе. — Ссылка на одну из речей Цицерона.
- ¹² Аппий Клавдий Пульхр и Луций Кальпурний Писон Фруги были цензорами в 50 г.
- ¹³ после составления: списка сенаторов. — Имеется в виду исключение Саллюстия из сената в 50 г.
- ¹⁴ ... все подонки государства. — Имеется в виду лагерь Цезаря.
- ¹⁵ ... предоставив ему квестуру. — Это произошло в 48 г.
- ¹⁶ ... за 1 200 000 сестерциев. — О сделке с Цезарем, позволившей Саллюстия избежать суда за лихоимство, упоминается только здесь.
- ¹⁸ ... дважды справить триумф? — Кто здесь имеется в виду, неизвестно.

ЗАДАНИЯ

1. Форма ораторской инвективы требует одновременного ознакомления и с речью другой стороны. Сравните речи Криспа и Цицерона, найдите в них сходства и различия.
 2. Стараясь уничтожить друг друга, авторы инвектив — Крисп и Цицерон — используют друг против друга многие ораторские приемы. Какие, как, где? Найдите ответы по тексту.
 3. Сравните античные и классические по своей сути инвективы Цицерона и Криспа друг против друга с теми речами, которые раздаются часто в наше время в государственных органах власти нашей страны. Их сходство, их отличия?
 4. В инвективах Цицерона и Криспа есть немало исторических экскурсов, личных выпадов, которые призваны расширить тему, более полно понять всю тему в целом. Найдите эти места. Как можно использовать этот прием для совершенствования собственного ораторского мастерства?
 5. Русский перевод этих инвектив появился в печати впервые в 1981 г. в сборнике, который цитируется в данной хрестоматии. Попытайтесь сравнить содержание и форму этих инвектив с тем, что известно по этому поводу из творчества других античных авторов.
-

ИНВЕКТИВА
ПРОТИВ ГАЯ САЛЛЮСТИЯ КРИСПА

1.(1) Это действительно большое наслаждение, Гай Саллюстий, жить вполне сообразно со своими высказываниями и не говорить ничего столь непристойного, что ему не соответствовал бы твой образ жизни, — так, чтобы каждое твое слово было созвучно твоим нравам. Ведь тот, кто живет так, как ты, не может говорить иначе, чем ты, а жизнь того, чья речь столь нечиста, не бывает более нравственной.

К кому мне прежде всего обратиться, отцы-сенаторы, с чего начать? Ведь на меня как на оратора возлагается тем более тяжкое бремя, чем более известен каждый из нас, так как, если я, отвечая этому хулителю, расскажу о своей жизни и действиях, то зависть опорочит мою славу; если же я покажу во всей наготе его поступки, нравы, всю его жизнь, то я впаду в тот же порок бесстыдства, в каком упрекаю его. Если это, быть может, задевает вас, то более справедливо, чтобы вы негодовали не на меня, а на него, начавшего эту распрю. (2) Сам я приложу старания к тому, и чтобы мой ответ в мою защиту менее всего наскучил вам, и чтобы не показалось, что я его оболгал. Знаю, отцы-сенаторы, что я, отвечая ему, не могу особенно надеяться на ваше внимание, так как вы знаете, что не услышите ни одного нового для вас обвинения против Саллюстия, но снова узнаете обо всех старых, которыми прожужжали уши и мне, и теперь вам, и ему самому. Но тем сильнее должны вы ненавидеть человека, который, даже начиная совершать проступки, не занимался пустяками, но встал на этот путь так, чтобы не уступать никому и самому не превзойти себя на протяжении всей остающейся ему жизни. (3) Поэтому он и стремится лишь к тому, чтобы, как свинья, кататься в грязи, с кем ему придется. Но он глубоко заблуждается. Ведь грязь жизни не смывают бесстыдством языка, но существует, так сказать, осуждение, какое каждый из нас, слушаясь собственной совести, вынашивает против того, кто бросает честным людям ложные обвинения. И если окажется, что вы забыли, как он жил, то вы, отцы-сенаторы, должны будете оценить его жизнь на основании не его слов, а его нравов. Я же постараюсь описать их вам возможно короче. И этот обмен репликами между нами не будет бесполезен для вас, отцы-сенаторы! Ведь в большинстве случаев государство извлекает пользу из вражды между частными людьми, тогда ни один гражданин не может скрыть, что он за человек.

2. (4) Так вот, прежде всего, раз Гай Саллюстий, следуя общепринятому правилу, спрашивает о предках каждого из нас, то я и прошу его ответить мне: разве те, кого он нам поставил в пример, — Сципионы и Метеллы, пользовались добрым именем или славой до того, как их деяния и безупречнейше прожитая жизнь возвеличили их в наших глазах? Если это положило начало их доброму имени и высокому положению, то почему не судить таким же образом и обо мне, чьи деяния были славны, а жизнь прожита самым бескорыстным образом? Право, можно подумать, что ты, Саллюстий, произошел от тех людей? Будь это так, многие чувствовали бы теперь отвращение к твоей подлости. (5) Я же доблестью своей освещал путь своим предкам, так что они, если и не были известны ранее, памятью о себе обязаны мне; ты же своей жизнью, проведенной позорно, предков своих окутал густым мраком¹, так что они, даже если и были выдающимися гражданами, несомненно оказались забыты. Поэтому не попрекай меня тем, что у меня нет знаменитых предков; ведь для меня лучше быть славным собственными деяниями, чем зависеть от доброго имени предков и жить так, чтобы я сам был для своих потомков началом знатности и примером доблести. И мне не к лицу, отцы-сенаторы, чтобы меня сравнивали с теми, кто уже ушел от нас и недосягаем для ненависти и неприязни; пусть меня сравнивают с теми, кто вместе со мной занимался одними и теми же делами государства. (6) Но допустим, что я, стремясь к почестям, был чересчур честолюбив (речь идет не о том, чтобы добиваться расположения народа — здесь я признаю себя первым, — но о том пагубном противозаконном домогательстве, в котором Саллюстий шел впереди других), или при исполнении должностей, наказывая преступников, так суров, или, защищая государство, так бдителен. Защиту эту ты и называешь проскрипцией, конечно, потому, что ни один из подобных тебе не жил в безопасности в Городе; но насколько лучше было бы для государства, если бы ты, плоть от плоти преступных граждан, был к ним причислен! (7) Или я тогда неправильно написал: «Меч, перед тогой склонись!» — я, который, в тогу облаченный, уничтожил взявшихся за оружие, а миром — войну? Или я солгал, написав: «О, счастливый Рим, моим консулатом творимый!» — я, который пресек столь страшную междоусобную войну и потушил пожар в стенах Города?²

3. И тебе, ничтожнейший человек, самому не стыдно ставить мне в вину то, что ты в своей «Истории» считаешь для меня славным?³

Что постыднее — лгать в своих писаниях или в речах перед этим собранием? Что касается твоей клеветы на мою раннюю молодость, то

я, по моему мнению, столь же далек от бесстыдства, сколь ты — от стыдливости. (8) Но зачем продолжать мне свои жалобы на тебя? Какую ложь считаешь позорной ты, который осмелился — словно это порок — красноречием моим попрекнуть меня, в чьей судебной защите ты, преступник, всегда нуждался? Или, по твоему мнению, кто-нибудь может стать выдающимся гражданином, не овладев этим искусством и этой наукой? Или, по-твоему, существуют какие-то иные первоосновы, иная колыбель для доблести, питающие умы людей в их жажде славы? Но совсем не приходится удивляться, отцы-сенаторы, если человек, который — сама праздность и развращенность — удивляется этим занятиям, как чему-то новому и беспримерному.

(9) Что же касается твоего беспримерного бешенства, с каким ты столь нагло напал на моих жену и дочь, которые как женщины обходились без мужчин легче, чем ты как мужчина — без мужчин, то ты поступил как достаточно ученый и искушенный человек. Ведь ты надеялся на то, что я не воздам тебе тем же и не стану, в свою очередь, оскорблять твоих родных: ты один даешь мне для этого достаточно пищи, и у тебя в доме нет ничего такого, что было бы гнуснее тебя самого. Но ты глубоко заблуждаешься, решив, что навлечешь на меня ненависть из-за моего имущества, которого у меня много меньше, чем я достоин иметь. О, если бы у меня не было даже такого, какое есть! И было бы лучше, если бы мои друзья оставались в живых, вместо того чтобы я разбогател благодаря их завещаниям!⁴

(10) Это я — беглец, Гай Саллюстий? Перед яростью плебейского трибуна отступил я: я предпочел принять удар судьбы на себя, но не быть для всего римского народа причиной гражданских раздоров. Но после того как год вакханалий⁵ в государстве закончился и все то, что он привел в волнение, успокоилось благодаря миру и тишине, то, когда наше сословие меня призывало, и само государство собственноручно возвращало меня из изгнания, я вернулся. Этот день, если сравнить его со всей моей остальной жизнью, во всяком случае, для меня наиболее важен, когда вы все и римский народ, собравшийся толпами, приветствовали меня при моем прибытии. Столь высоко оценили они меня, бегльца, наемного защитника в суде!

4. (11) И не удивительно, клянусь Геркулесом, если я всегда считал справедливым всеобщее дружеское отношение ко мне. Ибо не прислуживал я одному человеку частным образом и не поступал к нему [в кабалу⁶], но насколько каждый радел о благополучии государства, на-

столько он был мне либо другом, либо противником. Сам я ничего так не хотел, как торжества мира⁷. Многие поддержали наглые выступления частных людей, я же боялся одних только законов; многие хотели, чтобы их оружие внушало страх, я же всегда хотел обладать властью только для вашей защиты; многие, положившись на свою власть, полученную ими от вас, злоупотребили против вас своими силами. Поэтому и не удивительно, если я поддерживал дружеские отношения только с теми, кто неизменно был другом государству. (12) И я не раскаиваюсь ни в том, что я по просьбе Ватиния, привлеченного к суду, обещал ему свою защиту, ни в том, что обуздал заносчивость Сестия, ни в том, что осудил долготерпение Бибула, ни в том, что благожелательно отнесся к доблестным действиям Цезаря. Ведь это были похвалы выдающемуся гражданину, и притом высказанные один раз. Если ты ставишь их мне в вину, то твою опрометчивость осудят, но меня в проступках не обвинят. Я сказал бы больше, если бы мне понадобилось выступить с разъяснениями перед другими людьми, а не перед вами, отцы-сенаторы, которые были советчиками во всех моих действиях. Но нужны ли слова, когда свидетельствуют сами действия?

5. (13) Теперь — чтобы вернуться к тебе, Саллюстий! — не стану я говорить о твоём отце, который, если даже и никогда в жизни не совершал проступков, все-таки, породив такого сына, как ты, не смог бы нанести государству большего ущерба. И если сам ты совершил в детстве какой-то проступок, то я не стану рассуждать о нем — дабы не показалось, что я обвиняю твоего отца, который в те времена обладал высшей властью над тобой⁸, — но рассмотрю, как ты провел свою раннюю молодость; из описания ее легко будет понять, как своевольное дитя с возрастом превратилось в бесстыдного и наглого юношу. После того как бездонную глотку не могли уже насытить доходы от торговли бесстыднейшим телом, и ты уже был не в таких летах, чтобы терпеть все, чего захотелось бы другому⁹, ты стал предаваться безудержным страстям, чтобы то, чего ты был лишен сам, испробовать на других. (14) Таким образом, отцы-сенаторы, нелегко подсчитать, больше ли он приобрел или потерял, используя части тела, которых, по чести говоря, и не назовешь. Свой отчий дом он еще при жизни отца, к своему великому позору, назначил к продаже. Может ли кто-нибудь усомниться в том, что он довел до смерти того, чьим имуществом он уже ведал как наследник еще до его смерти? И ему не стыдно спрашивать меня, кто живет в доме Публия Красса, когда сам он не может ответить, кто живет в его

отчем доме! «Но он — клянусь Геркулесом! — впал в ошибку по неопытности, свойственной молодости; впоследствии он исправился». Это не так. Он вступил в нечестивое сообщество Нигидия¹⁰. Дважды оказавшись на скамье подсудимых, он был в безнадежном положении, но выпутался из него; однако при этом каждый признал, что судьи преступили клятву, а не то, что он был невиновен. (15) Достигнув первой почетной должности — квестуры, он отнесся с презрением к этому вот месту и к нашему сословию, доступ в которое открылся также и для него, тяжко опозорившегося человека. И вот, боясь что его проступки останутся для вас тайной, он, хотя его и поносили все отцы семейств, признался вам в совершенном им прелюбодействе¹¹ и не покраснел, глядя вам в глаза.

6. Живи, как тебе угодно, Саллюстий; делай, что захочешь; достаточно и того, что ты один сознаешь свои преступления. Не попрекай нас нашей вялостью и непомерной сонливостью; мы тщательно оберегаем целомудрие своих жен, но не настолько бдительны, чтобы уберечься от тебя: твоя наглость сильнее наших стараний. (16) Могло ли бы какое-нибудь позорное деяние или высказывание, отцы-сенаторы, остановить этого вот человека, не постыдившегося сознаться перед вами в своем прелюбодействе? И если бы я не захотел отвечать тебе насчет себя и, на основании закона, публично прочитал замечание цензоров Аппия Клавдия и Луция Писона¹², неподкупнейших мужей, то разве я не навеки заклеил бы тебя позором, смыть который не смогла бы вся остающаяся тебе жизнь? Впрочем, после памятного нам составления списка сенаторов¹³ мы не видели тебя ни разу, разве только тогда, когда ты устремился в тот лагерь, куда уже стекались все подонки государства¹⁴, (17) Но того же Саллюстия, который в мирное время не был даже сенатором, после того как государство было сокрушено оружием, победитель, вернувший изгнанников, возвратил в сенат, предоставив ему квестуру¹⁵. Должность эту он исполнял, продавая все, что только находило покупателя; он считал справедливым и правильным все, что ему хотелось совершить, и мучил людей так, как должен был бы делать человек, получивший эту должность как добычу. (18) По окончании квестуры он, дав большие деньги людям, которые вели такой же образ жизни, уже стал одним из членов этой шайки. Ведь Саллюстий был на той стороне, где, словно в пучине, собрались все порочные люди. Сколько бы ни было бесстыдных людей, развратников, паррицид, святотатцев, несостоятельных должников в Городе, муниципиях, колониях, во всей

Италии, они там оседали, словно в морских заливах. Это были и те, кто утратил свое имя, и известнейшие люди, ни к чему не годные в лагере, славящиеся разве только разнузданностью своих пороков и жадной переверота.

7. (19) «Но ведь он, став претором, проявил умеренность и воздержанность». — Не разорил ли он, управляя Нижней Африкой, свою провинцию так, что испытания каким наши союзники подверглись во времена мира, превзошли все то, что дни претерпели и чего ожидали во время войны? Откуда выкачал он столько, сколько смог либо перевести путем кредитных операций, либо втиснуть в трюмы кораблей? Столько, повторяю, он выкачал, сколько захотел. Чтобы не отвечать перед судом, он сговаривается с Цезарем за 1 200 000 сестерциев¹⁶. Если какое-нибудь из этих обвинений ложно, опровергни его перед этими вот людьми: на какие средства ты, который еще недавно не смог выкупить даже дом отца, вдруг, разбогатевав словно во сне, приобрел сады, стоившие огромных денег, усадьбу Гая Цезаря в Тибуре и другие владения? (20) И ты не поколебался спросить, почему я купил дом Публия Красса, когда сам ты — давнишний собственник усадьбы, недавно принадлежавшей Цезарю! Повторяю, не проев, а сожрав отцовское имущество, какими же путями недавно достиг ты такого изобилия и такого богатства? И право, кто назначил бы своим наследником тебя, которого никто не считает даже своим достаточно уважаемым другом, разве только это человек, подобный и равный тебе?

8. Но ты, клянусь Геркулесом, скажешь, что выдающиеся деяния твоих предков тебя возвышают. Независимо от того, им ли ты подобен или они — тебе, к вашей общей преступности и испорченности прибавить нечего (21). Но, если не ошибаясь, твои почетные должности делают тебя заносчивым. Ты, Гай Саллюстий, думаешь, что дважды быть сенатором и сделаться дважды претором то же самое, что дважды быть консулом и дважды справить триумф?¹⁸ Быть чистым от всяких пороков должен тот, кто собирается обвинить другого. Только тот говорит дурно, кто не может выслушать правду. Ты же, прихлебатель за всеми столами, в ранней молодости наложник во всех спальнях и там же впоследствии прелюбодей, — пятно позора для любого сословия и напоминание о гражданской войне. (22) И право, что может быть тяжелее для нас, чем видеть тебя невредимым в этом собрании? Перестань же наглешим образом преследовать честных людей, перестань быть во власти недуга бесстыдства¹⁹, перестань по себе судить о каждом из

нас. При нравах своих ты приобрести друга не можешь; ты, видимо, хочешь иметь недруга. Я заканчиваю, отцы-сенаторы! Я часто видел, что те, кто открыто сказал о низких поступках других людей, слушателей своих оскорбляли сильнее, чем их оскорбляли те, кто их совершил. Мне же следует принимать во внимание не то, что Саллюстий, по всей справедливости должен выслушать, но то, что я по чести могу высказать.

Печатается по: *Крисп Гай Саллюстий*.
Сочинения. — М.: Наука, 1981. — С. 142.

Оцерковляя себя, человек стремится и к оцерковлению всего, что попадает в сферу его жизни, то есть к оцерковлению твари в той мере, в какой это возможно в земных условиях быта.

Такой образ жизни, реально осуществлявшийся лучшей частью русского общества на протяжении веков, и являлся общепризнанным для всех, даже для тех, кто ему не следовал и потому должен был оценивать свое состояние как ГРЕХ.

Протоиерей Лев Лебедев

ПРАВОСЛАВИЕ

В жизни России православие до 1917 г. занимало чрезвычайное место потому уже, что как учебный предмет преподавалось в общеобразовательной школе. Многие ученые-богословы были одновременно действующими священнослужителями. Создавалось большое количество духовной научной, учебной, молитвенной и иной, как бы мы теперь сказали, популярной православной литературы. Отцы церкви систематически выступали с проповедями на библейские темы в широкой народной аудитории, с университетских кафедр и в малых сельских храмах.

Существовало единение Православных церквей мира, среди которых Русская, Греческая, вернее Эллинская, Грузинская, Болгарская, Сербская и другие (Румынская, Чехословацкая, Польская — не путать с Польской католической, Американская, Кипрская, Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская) Православные церкви. Но главной среди них считалась и считается Константинопольская (Вселенский Патриархат).

Православная идея звучала в правительственных органах, со страниц газет, ее демонстрировала вся организация жизни царствующего дома, о чем еще и сегодня наглядно говорят кадры сохранившихся кинохроник и многочисленные фотографии. Умерших хоронили возле храмов, а наиболее заслуженных — в стенах самих храмов. Так, в стенах Храма Святого Равноапостольного Князя Владимира в Севастополе похоронены вице-адмирал

В.А. Корнилов, контр-адмирал В.И. Истомина, адмирал П.С. Нахимов.

Но что же такое «православие»? Как определить это понятие, без которого любая риторическая разработка этой темы не будет продуктивной?

«Словарь атеиста» дает средних размеров статью (М.: Политиздат, 1973. С. 192—193), в которой, в частности, сказано:

Бог в православии выступает в трех лицах: бог-отец (творец видимого и невидимого мира), бог-сын (Иисус Христос) и бог-дух святой, исходящий только от бог-отца. Троица — бог единосущ, недоступен для человеческого разума... Православные священнослужители требуют от верующих обязательного посещения храма, ношения нательных крестиков, исполнения таинств, которых... семь: крещение, причащение, миропомазание, покаяние, брак, священство, елеосвящение.

«Полный православный богословский энциклопедический словарь» посвящает понятию православия более обширную разработку (М.: Возрождение, Т.2. С. 1872—1878), подчеркивая различия между православием и католицизмом, например: «В отношении к государству православие не желает властвовать над ним, как католичество, ни подчиняться ему в своих внутренних делах, как протестантство; оно стремится сохранить полную свободу деятельности, не вмешиваясь в самостоятельность государства в сфере его власти...»

Современный ученый-богослов протоиерей Лев Лебедев формулирует это понятие так:

... православие — это не только сумма догматических и иных вероучительных представлений (хотя они и имеют первостепенную важность). Православие — это определенный образ жизни во Христе, ярче всего выражающийся в идеалах Святой Руси, как она исторически сложилась. Такими идеалами для всего русского общества в целом еще в середине XVII в. являются: 1) стремление к сближению с Богом... на «узком пути» (Мф. 7, 13—14) подвига по правилам православной аскезы, с тем, чтобы 2) находить в этом

единственное подлинное благо уже здесь, на земле.
(*Лебедев Л.* Москва Патриаршая. — М.: Вече, 1995. — С. 57).

Атеистов и верующих разделяют многие разногласия в оценке религии, Библии и пр. Главным разногласием является то, что верующие верят в то, что Бог есть, а атеисты — в то, что бога нет. В силу этой убежденности верующие пишут слово «Бог» с прописной буквы, а атеисты — со строчной.

Наши задания не приглашают и не могут приглашать никого из читателей присоединиться к той или иной группе верующих — атеистов, с одной стороны, — православных, мусульман, буддистов, католиков и т.д. — с другой. Но выполнять риторические задания по этой тематике тем не менее можно.

Зададим вопрос так, как он сформулирован одним из слушателей: чем объяснить, что человек может испытывать угрызения совести, любить и т.д., если не признать какого-то от Бога данного духовного начала — души?

Отвечая на вопрос, вначале нужно выяснить, что же такое душа. В энциклопедиях и словарях советского периода такого слова нет. Стало быть, власть относилась к этому понятию негативно. Действительно, в «Словаре атеиста» читаем:

Душа — по религиозным и идеалистическим представлениям — особая нематериальная сущность, активное движущее начало в человеке... Реакционная идея о бессмертии души и загробной жизни оказывала и оказывает отрицательное влияние на умы людей. Она вселяет веру в потустороннее существование и тем самым парализует творческую и социальную активность личности... Особенно большой вклад в научную разработку проблемы психической деятельности человека и тем самым в опровержение бессмертной идеи души внесли И.М. Сеченов и И.П. Павлов... (М.: Политиздат, 1973. С. 85).

До 1917 г. определение понятия «душа» звучало иначе. Например, в «Полном православном богословском энциклопедическом словаре» сказано так: «Человек, согласно учению Св. Писания, состоит из тела и души (Быт. 2,7; Мф. 10, 28). Душа ожив-

ляет тело, одухотворяет его, без нее — тело прах, а потому душа в Богословии часто называется дыханием жизни, духом жизни или просто духом. Душа не происходит от тела, а представляет собою ту особую силу, которая обращает прах в живое существо и имеет свой источник в Боге... Особые свойства души состоят в единстве, духовности и бессмертии ее, в способности разума, свободы и дара слова» (М., 1992, репр. изд. Т. I С. 805, 806).

А между тем русский народ создал за века своего существования немало пословиц и поговорок, фразеологических оборотов со словом «душа». Так, «Фразеологический словарь литературного русского языка (под ред. А.И. Федорова. — М., 1995) в составе семи тысяч словарных статей выделил более пятидесяти на различные сочетания с этим понятием: «Божья душа», «бумажная душа», «в чем душа (держится)», «добрая душа», «душа вон», «душа в пятках», «душа горит», «душа лежит/не лежит», «душа наизнанку», «душа на месте/не на месте», «душа на небе», «душа ноет», «душа радуется», «душа рвется», «душа тянет», «живая душа», «открытая душа», «простая душа», «святая душа», «широкая душа», «по душам», «для души», «ни души», «со всей душой», «за милую душу» и т.д.

Но есть в этом списке и такие обороты, как «варначья душа», «Иродова душа», «заячья душа», даже «душа моя» с пометкой, что, мол, это устаревшее для наших дней обращение.

Слово и понятие «душа» были распространенными, и весьма. У А.С. Пушкина:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —...
(1825)

Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?
(1817)

А в письмах к жене у поэта есть такие строки:

Ах, женка душа! (22 сентября 1832 г. Из Москвы в Петербург).
Прощай, душа моя. (3 октября 1832 г. Из Москвы в Петербург).
Прощай, душа. (8 октября 1833 г. Из Болдина в Петербург).
Душка моя... (19 апреля 1834 г. Из Петербурга в Москву).
Целую тебя, душа моя... (21 сентября 1835 г. Из Михайловского в Петербург).

Душа моя, вчера получил я от тебя два письма... (29 сентября 1855 г. Из Михайловского в Петербург).

Да есть ли поэт-писатель, пишущий по-русски, да чтобы он не использовал «душу» в своем творчестве! Вот, например, Б. Пастернак:

Мне по душе строптивый норов
Артиста в силе: он отвык
От фраз и прячется от взоров.
(Художник)

Вернемся, однако, к теме нашего раздела.

Таковы исходные и противоположные точки зрения. Отталкиваясь от них и на их фоне нужно высказать собственные соображения, которые в сумме могли бы стать риторическим упражнением для желающих, что в наши дни можно безбоязненно высказаться как за первую позицию — души нет, так и за вторую — душа есть.

Поддерживая первую из них, сборник «Ответы верующим (М.: Полит. литература, 1962. С. 122 и след.) высказывается следующим образом:

Жизнь человека, как и жизнь других живых существ, — это сложный процесс обмена веществ. Любой организм потребляет воздух, воду, солнечный свет, тепло, питательные вещества и выделяет то, что в нем отработано и не нужно. В этом процессе участвуют сердце, легкие, пищеварительный аппарат, сложная нервная система и все другие органы и ткани. Достаточно выйти из строя одной из этих систем... и наступает смерть. Значит, смерть — это не отделение души от тела, как утверждает религия, а прекращение определенных функций организма.

... Таким образом, неопровержимые научные данные говорят о том, что, как бы ни ухитрялись защитники религии отыскать различные аргументы для доказательства каких-то сверхъестественных, якобы данных самим богом начал в человеке, все их попытки бесполезны.

Цитата достаточна длинна, но это малая часть анализируемой статьи. Естественно, что при таком подходе никакая мысль о «жизни вечной» не может и возникать. Поэтому в «Словаре атеиста» такого понятия нет вовсе. Но в «Полном православном ... словаре» такая статья есть. Там сказано:

... Так как общение с Богом через Христа мы имеем и в этой, земной, жизни, то название «жизнь вечная» относится не только к загробной, но и к настоящей, временной жизни (Иоан. 6,40; 20,31). Вечная жизнь обретается раньше воскресения из мертвых с нашим совершенствованием и приближением к Богу. Таким образом, жизнь земная и жизнь загробная в представлении о жизни вечной как бы соединяются между собой неразрывно.... жизнь истинно христианская есть жизнь вечная и начинается с самого крещения (с. 887).

Очевидно, что позиция авторов Словаря атеиста для большинства читателей и понятнее, и ближе, и обычнее, чем сообщения из Полного православного ... Ну, что ж, **перед читателем выбор, выбор свободного человека, каким и должен быть Оратор.** Какие резоны, развивающие одну точку зрения и отрицающие другую, можно подготовить, особенно после того как будут прочитаны все материалы раздела «Православие»?

Собирая материал для этого раздела хрестоматии, мы стремились к тому, чтобы в рамках отведенной площади создать представление о православии в нашей стране и о некоторых его наиболее активных и известных авторах прошлого и настоящего. Подбор авторов для раздела создает, на наш взгляд, некоторое⁶ представление о сути православия, о его месте в жизни страны в целом, об ораторах-богословах и об особенностях этой ветви русского красноречия.

Тексты для раздела подобраны с такой целью, чтобы дать читателю некоторое представление о религии, принятой на Руси тысячу лет тому назад. Тем более, что сейчас в народе потеряна основа православия.

Например, на улицах часто можно видеть и мужчин и женщин, у которых православные кресты болтаются поверх одежды,

нередко в соединении с самыми немислимыми цепями, в сочетании с брелоками, монетами и пр. А между тем православный крест на Руси никогда не был украшением мирской одежды, его же крестильный вариант назывался «нательным», а посему, естественно, носился на теле. Пусть этот раздел послужит делу восстановления правил писанных и неписанных, теоретических предпосылок и практического проявления православного учения среди наших читателей, наконец, ораторскому подходу к религиозной теме изнутри, т.е. в произведениях самих православных авторов.

Среди них есть такие, кто известен в наши дни, — *Сергей Булгаков, Александр Мень, протоиерей Аввакум...* Другие предстанут перед современным читателем после длительного забвения — *М.В. Толстой, В.Д. Сиповский, К. Валишевский...* Особое место занимает ныне действующий *митрополит Кирилл*, с которым желающие могут встретиться в телевизионных передачах цикла «Слово пастыря».

Надеемся, что это наше «предупреждение» (слово из тех, что широко употреблялись в «пушкинские времена») поможет при подготовке любого ораторского выступления на тему в рамках данного раздела хрестоматии.

Раздел сопровождается учебными риторическими подготовительными и реальными заданиями и контрольными вопросами.

АВВАКУМ

Боярыня Морозова известна на Руси, пожалуй, в не меньшей степени, чем сам Аввакум, благодаря знаменитой картине В.И. Сурикова «Боярыня Морозова».

Боярыня *Феодосия Прокопьевна Морозова*, урожденная Соковникова (1632—1675) — яркая и трагичная фигура русской истории XVII в. В 17 лет она стала боярыней — женой Глеба Ивановича Морозова и приближенной молодой царицы Марии Ильиничны. Через 13 лет, после смерти мужа и дяди, она становится наследницей огромного состояния вместе с единственным сыном Иванушкой. Но ее приверженность до «старой веры», отказ от просьб самого царя «отступиться от старообрядчества» привели к тому, что в ночь на 16 ноября 1671 г. она была арестована вместе со своей сестрой княгиней Е.П. Урусовой, разлучена с сыном (он умер весной 1672 г.), закована в кандалы, лишена всего состояния... Боярыня Морозова умерла от голода в земляной тюрьме Боровского острога в ночь с 1 на 2 ноября 1675 г.

Протопоп Аввакум и боярыня состояли в переписке. В их письмах отражены проблемы старообрядчества, личных отношений между протопопом и боярыней, высказываются мысли относительно общих знакомых и родственников, критикуются «худые людишки», «притрапезные плуты», живущие около боярыни. Письма нередко лаконичны, иногда гневны, иногда спокойны по тону.

Некоторые места в письмах требуют пояснений:

Ивашко — старший сын Аввакума (Иван Аввакумович).

Как тебе дали двор и крестьян прибавили... — речь о вотчинах, подаренных и отобранных царем.

... помоли брата своего и нашего друга... — речь о ее двоюродном брате боярине Ф.М. Ртищеве, человеке очень влиятельном.

...Дмитрия попа с попадьею... — его жена (попадья) была одной из «любимых духовных дочерей» Аввакума.

...Настасье Марковне, з чады и снохою и со внучкою — состав семьи Аввакума.

...и з чадом своим. — Сын боярыни Морозовой Иван Глебович (годы жизни, очевидно, 1650—1672).

...смутил один человек, его имя сами ведаете. — Речь идет о Федоре юродивом.

... на меня и на мать, на старицу Александру, и на Аксинию с братом.— Старица Александра Григорьевна жила в доме Морозовой, Аксинья — Ксения Ивановна, дворовая «женка» Морозовой.

... Трефильева ученица — Трефилий, инок Московского Симонова монастыря, был казнен в Москве в конце 1660 г. за активную деятельность в старообрядчестве.

... ты меня посещала ... — Не только Аввакум, но и Анастасия Марковна бывала в доме Морозовых для «духовных бесед».

... чтобы Бог подал сыну моему супружницу на спасение... — Речь о женитьбе сына Морозовой Ивана Глебовича, которого «понутили» в выборе невесты из «никонианского мира».

... яко и Епифания Евдоксия — Из истории византийской церкви, когда императрице Евдоксии (ум. в 404 г.) в ее борьбе против Иоанна Златоуста удалось привлечь на свою сторону Епифания Критского.

... выколи глазища... что и Матридия... — Имеется в виду поступок византийской подвижницы Матридии, выколовшей себе глаза, чтобы не поддаться любовному соблазну.

В целом переписка боярыни Морозовой свидетельствует о том, что дом ее накануне Собора 1666—1667 гг., в период раннего становления старообрядчества, был одним из книжных центров, где создавались многие тексты в защиту «старой доктрины».

Письма из переписки Аввакума и боярыни были найдены только в 1911 г. при разборе полуистлевших бумаг из личной канцелярии царя Алексея Михайловича.

ЗАДАНИЯ

1. Все письма, написанные боярыней Морозовой до ее ареста (в 1669 г.), адресованы в Пустозерск, где в то время находился протоп Аввакум, и содержат в себе:
 - а) согласие с протопом по разным обсуждаемым вопросам,
 - б) несогласие с ним и с другими общими знакомыми,
 - в) благодарности многим людям по разному поводу,
 - г) сообщения о помощи разным людям со стороны самой боярыни (деньгами, молитвами, заступничеством и пр.).Найдите в тексте переписки соответствующие места, обоснуйте связи между ними, обобщите информацию, проанализируйте ее.

2. Обратите внимание на речь персонажей, на ее стиль, слова, сочетания, обороты, тематику бесед людей, живших в XVII в., говоривших и писавших согласно речевым традициям того времени, зачастую ярко, образно, умно, сердечно или гневно, а в целом — достойно серьезного изучения нашими современниками.

ПЕРЕПИСКА Ф.П. МОРОЗОВОЙ С АВВАКУМОМ И ЕГО СЕМЬЕЙ

Ф.П. МОРОЗОВА — АВВАКУМУ

Батюшку Авакуму Петровичю.

Благочестивому и чадолюбивому моему, и свету душе *моей*, и радости *моей* неизреченой, батюшку Авакуму Петровичю грешная твоя и недостойная, и ленивая, и во гресехъ живущая, и нетерпеливая, всемъ человекомъ дасадница, и никому ничево добрава не сотворила.

Ведаеть Христочь, саздатель мой, хочетьца с нимъ быть, да какъ онъ, светъ, подасть помощи, да надеюся, грешница, на святыхъ атець и на ваши праведныя молитвы. Молю, милостивай мой, со слезами и прошю твоего благословения и молитвы, батюшка христоролюбивой мой. Люта, люта мнѣ, грешнице, в такихъ печаляхъ!

А духовныя наши все розна стали, не много, которы правды во всем деръжатьца. Да не диво такъ, батюшка: время то пришло. Прости меня, Христа ради, а я всехъ пушьша согрешаю.

А дети твои не такъ живут, какъ ты: пошли за Федоромъ ходить и у него перенели высокоумья великое на себя, и гордость положили, и никово человека не поставили, и всехъ стали абманывать. Такъ ихъ съель: и дюшо, и тело! Так — а ане не атьстануть: не познали за грехъ, за него умирають. Толко милостивъ Христочь, за твои молитвы не вставить, *вось, познаютьца¹. Люта мнѣ, грешнице!

А я сама такава была: чаела себе всево добрава спасения, да не много душу не потеряла. Лють сей человекъ! Так — а не покаеца.

Многа была писать, да нельзя. И самъ ты, светъ мой, *уразумель* и мнѣ говариваль, и я, грешница, мала слушела, у тебя жа молила: «Вели жить!»

¹ наконец, познают, уразумеют.

А все то сотана виноват: ищет, какъ бы душу твою поглатить. Да велико милосердие божья и твоя малитва, и што меня богъ помиловалъ, што нетъ ево у насъ! Многа тово писать, што и уму непостижно козней ево. Сотана лють, батюшка, а и горами качаеъ, а нами ему не диво покачать; толка велико милосердие божие.

Пиши, светъ, детемъ своимъ горазда и запрети, чтобы имъ с нимъ не знатъца, и помолися за меня, чтобы и меня богъ избавилъ отъ него.

И тому Федору во всемъ запрети, чтобы в *покаянии* былъ. Толка тебя послушетъ, станеть каеца. Такъ ведаешъ, што милостивъ Христосъ. А што ж тебе ни лишить, то все лошъ, прости меня Христа ради. Ну да, чю, послушетъ ли тебя? Бога забылъ и детей твоихъ всякому злу научилъ. За то та на меня твои дети и печальни были. А я на нихъ не дивую; и сами ани тому не ради: имъ онъ видица добрай человекъ.

Прости меня, грешницу! Желея такъ писала, со слезами.

АВВАКУМ — Ф.П. МОРОЗОВОЙ

<...> Я дѣтямъ своимъ велю Феодора любить, доброй онъ человекъ; преже тебя я ево знаю и давно мнѣ сынъ духовной. Такова то ты разумна: не смогши с корову — да подойникъ о землю! Себя боло¹ тебѣ бить по роже той дурной, какъ и я себя чотками <...>

АВВАКУМ — Ф.П. МОРОЗОВОЙ

<...> *Ивашко* мой *моим* говорил: «Я, де, никово не обманул; изволила бѣ, де, пожаловала бы на тѣхъ людей сказать, ково я обманывал; *сказали бы*, де, по ея рѣчам, восли бы ково я обманулъ <...> *пожаловала* сказала <...> я, де, рад *перед богом и людьми прощатца*; *только, де*, я тово не помню, ково бѣ я обманулъ. *Кручинитца*, де, на нас за Феодора: какъ бы, де, я Феодора еретиком звал, так бы, де, меня и жаловала, и добрые, де, мы люди были».

И ты, миленькая, на них не сердитуй! Правду дѣтина та говорит, что ты, сердитую на Федора, и ихъ не *замѣчаешъ*. А я, су, имъ Феодора еретиком *звать* не велю, *да не впадутъ в правильную вину², и ты только не престанешъ — и ты за то постражешъ.

¹ ведь

² да не нарушатъ церковныхъ правил

Не хотѣла боло ты ихъ изгонять тово, да не устояла на томъ. Ушто я согрѣшил пред богомъ? Да пускай сугубо, бѣдныя, терпятъ: и отъ чужих, и отъ своихъ!

Я боло тово в тебѣ не чаял по словесем твоим. Говорила боло ты и по смерти моей их не покинуть, а нынѣ, вижи, и при живом — *оплевала!* Вѣдаешь веть, каков тебѣ сынъ — таковы и мнѣ дѣти, хотя бы онѣ и впрямь заплутали. И ты бы их духовнѣ смиряла, а голодом не морила, а то нынѣча, оставя себя, да людей смиряешь! Нутко, ты посмиряй себя, как я, бывало, всѣмъ себя велю домашним по трожды ³ ударить плетью, колико душ прилучится в дому моем; иное прилучится человѣкъ 20 и с 30, а всѣ биют мя, а я молитвую. А то ты на небо то хочешь взыти, бьючи сама, а не бита быти!

Да што на тебя дивить! Иное тебя и людишка худые с умом тѣмъ смяли, притрапезные плуты, которые въ словах проходят словеса господня, а не в дѣлѣхъ, а ты у них краснослова их слушаешь и искренних друзей изгоняешь. Что Никонъ патриархъ нас от царя оттѣснил своим коварством, так то и тѣ от вас наших вымыслом оттѣсняютъ, да в вашей *плоти похвалятся*. Богъ ихъ с нами разсудить, что онѣ на нашем основании своя гнилыя храмины созидают!

Какъ тебѣ дали двор и крестьян прибавили, и ты ко мнѣ тогда писала: «Есть, чем, батюшко, жить; телеснова много дал богъ». А нынѣ в другой грамотке пишешь: «Оскудала, батюшко, поделитца с вами нѣчем». И я лишь *разсмѣялся* твоему несогласию!

А все то у тебя притрапезники и душегубцы изгубляют, а истинным рабом Христовым и проливающим крови своя за Христа милостыня от тебя истекает, яко отъ пучины морския малая капля, и то с оговором. Да сказываль мнѣ Федор, обѣщалася боло, де, ты давать от имѣния своего с клятвою пятую долю страждущим рабам Христовым, а нынѣ больше жаль стало, или тѣмъ отдаешь, которые пропивают на винѣ процеженном, на романѣе и на рѣньском, и на медах сладких, и изнуряют во одеждах мяхких.

Горѣ тебѣ, несмотрительно живущей! Лише печосся о том, как бы дом *строен, как славы* нажить больше, как бы села и деревни стройны, а тово не знаешь, что утренний день принесет намъ, — сия бо подобает творить и онѣхъ не оставлять.

³трижды.

Ну, полно мнѣ тово говорить! Помирися с Федором, помирися з дѣтьми моими — *добро ти будет*. Аще ли ни — то не хорошо *будет*.

Напрасно покидаеш и Марковну, Марковна — доброй человекѣк, я ее знаю. Пожалуй, бога ради, окупи ея долг-от, буде у тебя сойдет-ся, да помоли брата своего и нашего друга, чтоб пожаловал о кормовой тое грамотѣ, пожаловал погружался <...> ставить <...>

Пожалуй, бога ради, не отринь от себя дѣтей моих духовных, Дмитрѣя попа с попадьею, а то слышу, что ты их *изгоняеш*.

Ф.П. МОРОЗОВА — ЖЕНЕ АВВАКУМА
АНАСТАСИИ МАРКОВНЕ

Благочестивой и христоролюбивой рабѣ Христовѣ Настасье Марковнѣ, з чады и снохою и со внучкою. Какъ вас господь сохраняет в таких ваших печалѣхъ, а моему окаянству еще владыко Христос, по своей премногой милости и святыхъ отецъ молитвами, терпит, до воли божия жива и з чадом своим.

В таких своих суетах мирских и душевных печалѣх сокрушаюся, по вся дни и часы опасуюся; и мнѣ и такъ тошно, а еще нынѣшния печали и вконецъ меня сокрушили, что такими святыми душами смутил одинъ человекѣк, его же имя сами вѣдаете. Прежде сего мутил онъ мнѣ на *твоих* дѣтей всячески, каковы онѣ высокоумны и каковы непостоянны: «Нельзя, де, их тебѣ жаловать». И о том много вам писать, что не токмо с вами мутил, и со всѣми Христовыми рабами, и всѣмъ домом моимъ мутил, и в том судит его господь. А какъ я отказала ему, и онъ всѣм стал мутить на меня, и дѣтям твоимъ, и всѣмъ оглашал, и поносил меня не дѣлом, и так поносил, что невозможно не токмо писанию предать, но и словом изрещи невозможно. Не убоися он суда божия, и не помянув смертнаго часа, и в том не постави ему господь грѣха сего. Только ты, матушка, опасайся таковаго: лукавъ есть и зѣло злокозненъ. Истинно, нѣсть в немъ страха божия, и вам бы отнютъ тому вѣры не нять, и ко мнѣ по-прежнему любовь имѣть, и я к вамъ такожде всею душею всегда рада, и николи у меня ненависти не бывало; только мнѣ то печално, что он и ваши души возмутил. Дивлюся я твоим дѣтямъ, что они с ним водилися, а кознѣй ево не провидѣли. Уже мнѣ, грѣшной, владыко Христос дал свое милосердие, святыхъ отецъ молитвами, познати ево козни и пронырство; а дѣти твои и в то время с ним водилися, и я на то

положила, вос¹ онѣ и не познали его. А на тебя матушка, отнюдь у меня никакия досады нѣтъ, ни на дитей твоих; я вамъ вседушно рада. А дѣтокъ своих, Марковна, уйми, чтобы онѣ с такимъ бездѣльникомъ не водились. На ково онѣ меня же променили! Дѣло ль то ихъ, что имъ тому повѣрить да ложь ко отцу писать Аввакуму и к прочимъ!

Толь ваша, Иванъ стар да Прокофей, правда, что вы на меня пишете неправду, а тово льстеца, душевнаго супостата, правите²! Наказаны и вы от Христа будете, что вы с нимъ сложилися да писали ложь. Буде вы от него не отстанете, то каков он самъ нагъ ходил, таковых и вас нагих поставит пред Христом. Таков-то ваш учитель! Преж сего не любили, а нынѣ вы его возлюбили, да возмутили святых отецъ душами, а сущее вы его прежде сего мало любили по дѣлу.

А буде вы моих грамотокъ не допустите к батюшку и прочтете, или батюшковы посмотрите, то уже под клятвою будете, и вѣчно со мною не знатца вам. Откуда вы взяли то, что прочитатъ чужия грамотки? И нынѣ пришли ко мнѣ грамотки просматриваны, батюшковы печати нѣтъ на нихъ — вы прочитали. В котором правилѣ взяли? Кто от духовных отцовъ или от дѣтей духовныхъ прочитает грамотки? Вы что льстите³ меня? Кормилицею вы меня *называете*, а я вамъ какая кормилица? Христось вас питает.

И намъ объявилась твоя неправда вся, как ты покрывал по сопостатѣ моемъ душевномъ, и ложь написалъ ко отцу на меня и на мать, на старицу Александру, и на Аксинью с братомъ. Какъ вы бога не убоялися, на такую мать вознегодовали за то, что бутто она мнѣ на вас возмутила! Ей, напрасно! И бутто Анну она возненавидѣла и дѣтей ея, а она о Анне беспрестани печется, и дѣтей ея истинно любит. И не Анне ино⁴ добра хочет, я сущее ее знаю, что ненависти нѣтъ у нее ни на ково, сущая она раба Христова, Трефильева ученица.

И вы сущии рабы Христовы были, какъ с нимъ не водились; а теперь ево ученьемъ злоба та на вас. Затѣваете на отца вы Трефиля, и на ево послушниковъ хулу принесли — то не ужве зѣло в вас? Пускай я виновата, простите меня бога ради, в чом я вамъ досадила.

Да послала я к тебѣ, матушка, пятнатцать рублевъ денегъ на твою на всякую нужу, а туды к батюшку послала *восьми* рублевъ: батюшку

¹ вот

² оправдываете

³ хвалите лжив

⁴ только

два рубли одному, да ему же на подѣль шесть рублей з братьею Христовою. И ты мнѣ отпиши, дойдет ли к ним. А дѣтям своим отнюдь не вели грамотокъ просматривать, и заповѣдь положи на них с клятвою, чтобы им отнюдь моих грамотокъ не прочитатъ и батюшковых. Вѣдает Христос, что я тебѣ, что рождышей матери, рада. Помню твою духовную любовь, какъ ты меня посѣщала и душу мою духовною пищею питала; сущая ты по-прежнему ко мнѣ и я к тебѣ истинно же такъ по-прежнему рада. А дѣте твои сущия неприятели душевныя явились мнѣ, повѣрили такому лукавому мужу; всяких он бѣсовскихъ кознѣй наполненъ. Аще вы не отстанете от него, то вѣчно погибнете и со мною не знайтеся!

Простите меня, грѣшную, матушка, ты да Иванъ и Прокофей, в словѣ и в дѣлѣ, и в помышлении, в чом я вас опечалила. А вы мнѣ, Иванъ да Прокофей, зѣло опечалили и досадили, что вы на меня и на прочих так ко отцу написали; напрасно только бѣсу часть дали. Богъ вас простит, вперет бы так не было.

Прости, мать моя возлюбленная, помолися за меня, грешницу, и за сына моево; молю твоего благословения.

Отдать сея грамотки на Мезени протопоповай женѣ Аввакума, Настасье или дѣтем еѣ.

Послана денегъ двенацать рублей матушке.

Ф. П. МОРОЗОВА — АВВАКУМУ

Отцу Аввакуму.

Христоролюбивому и благочестивому великому отцу, священноерею протопопу Аввакуму Петровичи многогрѣшная, недостойная, и не могу нареци имени своего за премногое недостойнство, что в великом мятежи и в суетѣ и в лѣности жизнь свою провожаю. За умножение греховъ моихъ отовсюду великая буря на душу мою, а я, грѣшница, не терпѣлива. Помолися, чадолюбивой милосердой мой отецъ, чтобы мнѣ владыко дал терпѣние и в покаянии бы меня застал и сына бы моего въ христьянствѣ застал и в покаянии. Молю и прошу со слезами у тебя, батюшко, попроси у владыки объ моемъ сынѣ и подай благословение токо ему годно, свѣту, что иво сочетать законнымъ браком, как ему время будет, и чтобы владыко подал милость свою, чтобы дал супружницу ему благочестиву и нищелюбиву, и странноприимицу. И у всѣхъ умоли, кои есть тамо Христови раби, а имена богъ ихъ вѣдаетъ, да и ты, принеси ты молитву, отецъ мой

милосердой, да и все бы раби Христовы милости бы просили о семь дѣле. Я, грѣшница, у всѣх у вас молю вашего благословения и молитвы, чтобы богъ подал сыну моему супружницу на спасение, да и мнѣ, *грѣшницѣ*. Какъ владыко тебѣ положит, батюшко, на разумъ, тобою подействуетъ, гдѣ мнѣ взять: из добрыя ли породы или из обышныя? Которыя породю полутче дѣвицы, те похуже, а тѣ дѣвицы лутче, которыя породю похуже. И ты подай свое благословение, гдѣ бы меня богъ понудит. А нужды ради дѣло то въскорѣ становится. Опасаюся, гдѣ не любо, ано понудят.

Прости, светъ души, мой батюшка, и благослови меня и сына моево, вскоре стала писала, и ты *сам* узнаешь, к чему писала.

АВВАКУМ — Ф.П. МОРОЗОВОЙ

Прежде сих грамоток за четырьѣ мѣсеца понудил мя духъ святыи сыну нашему о Христѣ написати благословение к брачному совокуплению: в нощи жгалися духъ мой о нем, и возгорѣся душа моя, да благословень будет к женитвѣ. И стрелцу у бердыша в топорище велѣл ящичек здѣлать, и заклеил своима бѣдныма рукама то посланейце в бердышь, и дал с себя ему шубу и денегъ близко полтины, и поклонился ему низко, да отнесет богом храним до рук сына моего, свѣта; а ящичек стрелцу дѣлал старецъ Епифаний; а посланейце я никому не показал, писал ево и без твоево прошения: у меня он благословень буди богомъ.

Да пишешь ты ко мне в сих грамотках на Федора, сына моего духовнаго, чтоб мнѣ ему запретити от святых тайн по твоему велѣнью, и ты, бутто патриархъ, указываешь мнѣ, как вас, детѣй духовных, управлять ко царству небесному. Охъ, увы, горѣ! Бѣдная, Бѣдная моя духовная власть! Ужъ мнѣ баба указывает, какъ мнѣ пасти Христово стадо! Сама вся в грязи, а иных очищает; сама слепая, а зрячим путь указывает! Образуемься! Веть ты не вѣдаешь, что клушишь¹. Я веть знаю, что меж вами с Феодором здѣлалось.

Писал тебѣ преж сего в грамотке: пора прощатца² — петь худо будет, та язва будет на тебѣ, которую ты Феодору смышляеш. Никакъ не по человеку стану судить. Хотя мнѣ 1000 литръ злата давай,

¹ чудишь

² каяться

*не обольстиш, не блюдись¹, яко и Епифания Евдоксия. Дочь ты мнѣ духовная — не уйдеш у меня ни на небо, ни в безну. Тяжело тебѣ от меня будет, да ужь приходит к тому. Чем боло плакать, что нас не слушала, дѣлала по своему хотѣнью — и привел боло дияволь на совершенное падение. Да еще надежа моя, упование мое, пресвятая богородица заступила от диявольскаго осквернения и не дала дияволу осквернить душу мою бѣдную, но союзъ той злый разсторгла и разлучила вас, окаянныхъ, к богу и человеком поганую вашу любовь разорвала, да в совершенное осквернение не впадете! Глупая, безумная, безобразная, выколи глазища-те свои челноком, что и Матридия она ²! Лутче со единемъ окомъ внити в живот³, нежели, двѣ оце имуще, ввержену быти в геену! Да не носи себѣ треухов-тѣхъ, здѣлай шапку, чтоб и рожу-ту всю закрыла, а то беда на меня твои треухи-те.

Ну, дружецъ мой, не сердитуй жо! Правду тебѣ говорю. Кто ково любит, тот о том печется и о нем промышляет пред богом и человекѣки. А вы мнѣ всѣ больны: и ты, и Федор. Не кручинься на Марковну: она ничево сего не знает, простая баба, право.

Печатается по: *Памятники древней Руси XVII века.* — М.: Худ. литература, 1988. Кн. 1. — С. 580 и след.

¹ не прельстишь, не обольщайся

² она (известная)

³ в жизнь вечную.

БУЛГАКОВ
СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Работа протоиерея С. Булгакова «Икона и иконопочитание в православии» соприкасается с тем, что писал протоиерей Александр Мень (см. далее), соприкасается по тематике, но не по форме. В книге С. Булгакова речь идет об иконах и иконопочитании, чего нет в других религиях, кроме православия.

Наши задания сосредоточены на ряде вопросов по этой теме.

ЗАДАНИЯ

Ответьте на вопросы:

1. В чем различие иконопочитания и идолопоклонства?
2. Что такое икона и ее освящение?
3. Что означает чудотворная икона?
4. В чем заключается символика линий и красок в иконе?
5. Что такое канон и творчество иконописца?
6. Каких вы знаете великих русских иконописцев (Андрей Рублев и пр.)?

Эти вопросы и ответы на них могут дать общее и довольно полное представление о данном разделе работы С.Булгакова. Но, очевидно, что одной работы недостаточно для того, чтобы полностью понять проблему и погрузиться в мир православной иконы.

7. Вопрос, непосредственно обращенный к технике ораторского искусства. Отец Сергей был прекрасным проповедником (служил в храмах священником) и лектором-преподавателем (читал лекции в университетских аудиториях России и Франции). Поэтому вопрос о стиле его изложения вполне актуален и правомерен.

Что можно сказать о его языке (может быть, в сравнении с языком и стилем протоиерея Александра Менья. Не забудем, что их служение и творчество разделяют примерно полвека, разные цели и аудитории, для которых они говорили и писали), о его построении фразы и всего текста в целом?

ИКОНА И ИКОНОПОЧИТАНИЕ
В ПРАВОСЛАВИИ

В православном благочестии видное место занимает почитание св. икон с изображениями Господа Иисуса Христа, Пресв. Богородицы, ангелов и святых (сюда же относятся и св. крест и св. евангелие). Православные храмы внутри покрыты росписью и обильно украшены иконами как в так наз. иконостасе (перегородке, отделяющей алтарь от храма), так и на стенах. Изображения эти обычно делаются на досках или на плоской поверхности, статуи и вообще скульптурные изображения, в отличие от Запада, в православии представляют редкое исключение. Канонически почитание икон основывается на постановлении VII вселенского собора, которое признается имеющим непререкаемую силу для Церкви. Оно имеет свое основание и в религиозной психологии, столь глубокое, что икона у православных является существенной необходимостью для благочестия. В цветущие времена православия, одинаково как в Византии, так и в России, иконы не только наполняли храмы, но они помещались и в домах, и на улицах, и площадях, и в публичных местах. Жилище, в котором нет иконы, для православного производит впечатление нечистоты и пустоты. При путешествии, при посещении новых мест, православный имеет икону, пред которой и совершает молитву, так же как он носит и небольшой крест на груди, впервые возлагаемый при крещении. Икона дает чувство осязательного присутствия Божия. Это с трудом понимается западным человеком, даже в католичестве, несмотря на то, что оно и признает иконопочитание, особенно же в протестантизме, в котором живет традиция иконоборчества и удерживается одно только изображение креста. Иконопочитание нередко принимается за идолопоклонство, причем, конечно, не дают себе труда отчетливо определить, что же под этим разумеется. Икона предполагает для своего существования образность Бога в человеке, который по сотворению своему имеет *образ Божий* (Быт. 1, 26), хотя и затемненный первородным грехом. Но Господь Иисус Христос, приняв человеческое естество, в Своем безгрешном человечестве явил истинного человека. Бог остается неизобразим в премирном бытии Своем, но в откровении Своем человеку Он имеет образ и может быть описуем. Иначе не имело бы места и самое Его откровение¹.

¹ Догматические основания иконопочитания см. в моей работе: Икона и иконопочитание, 1930.

В частности являются изобразимы, в силу сказанного, события земной жизни Господа Иисуса Христа, как они в слове изображаются во св. Евангелии, которое в этом смысле есть не что иное, как словесная икона Христова. *Картины* религиозного содержания, изображающие евангельские события, не встречают для себя принципиального возражения и в протестантском мире. Они употребительны здесь — в целях ли научения, воспоминания или же большего религиозного постижения, — употребительны так же как священные тексты, украшающие стены храма и представляющие собою также не что иное, как словесные иконы. Такое воспоминательное значение в православии имеет роспись (фрески) разного содержания, покрывающие стены храма и, в сущности, не имеющие значения иконы. Икона представляет собою не просто священное изображение, но и нечто большее, чем изображение. По верованию православия, икона есть место благодатного присутствия, как бы *явления* Христа (а далее и Богоматери, святых, вообще тех, кто изображается на иконе), *для молитвы* Ему. Это явление Христа в Своем изображении для слышания молитвы Ему не делает самую доску и краски, которые необходимы для изображения, составляют его материю, принадлежащими телу Христову. В этом смысле икона совершенно противоположна Евхаристии, где нет образа Христова, но таинственно Христос присутствует в веществе Его тела и крови, подавая их для причащения. Православный молится пред иконой Христа, как пред самим Христом, ему предстоящим в Своей иконе, но сама икона, место этого присутствия, остается только вещью и отнюдь не становится идолом или фетишем. Потребность иметь с собою и пред собою икону вытекает из конкретности религиозного чувства, которое не удовлетворяется одним только духовным созерцанием, но ищет и непосредственной, осязательной близости, как это естественно для человека, состоящего из души и тела. Человеку Господь преподает общение с Собой во вкушении тела и крови Его, т.е. чувственно и осязательно. И подобное духовно-осязательное же общение мы имеем и во святых иконах, при всем глубоком отличии иконы от св. Евхаристии. Почитание св. икон основывается, поэтому, не только на самом содержании изображаемых на них лиц или событий, но и на вере в это благодатное присутствие, которое подается Церковью силою *освящения* иконы. В освящении иконы мы имеем священнодействие, которым устанавливается именно *связь* между первообразом и образом, изображаемым и изображением. Через освящение в иконе Христа происходит таинственная встреча молящегося со Хри-

стом. И это же имеет силу и относительно иконы Богоматери и святых, которые в своих иконах как бы продолжают свою жизнь на земле в своих явлениях (аналогичный же смысл имеет и почитание св. мощей).

Силою этого благодатного присутствия чрез икону может подаваться помощь, как бы от самих изображенных на ней, и, в *этом* смысле, принципиально, всякая получившая свою силу, т. е. освященная, икона является чудотворной. Однако чудотворными, в собственном смысле, почитаются иконы, так или иначе явившие себя чудотворением и с особенной доступностью и ощутительностью являющие свою силу.

Особенно значительно количество почитаемых, как чудотворные, икон Божией Матери. По верованию Церкви, пресв. Матерь Божия, которой усыновлен в лице ап. Иоанна Богослова весь человеческий род, или вся Церковь, не оставляет мира и в Своем Успении, и пребывая в небесах, Она вместе с тем живет и жизнью нашего мира, болеет его болезнями и плачет его слезами, предстательствует о нем Своими молитвами. Потому она являет Себя миру и в чудотворных Своих иконах, которые сохраняют Ее ощутительный след на земле. (Эта вера в православии является общею с католичеством.)

Иконы имеют своим предметом изображение Христа, а в связи с Ним даже и Св. Троицы (в частности, в виде явления трех ангелов Аврааму при дубе Мамврийском), Богоматери, ангелов и святых. Содержание этих икон не ограничивается простыми изображениями, но может включать и различные события из жизни Христа (иконы праздников), или же выражать иногда очень сложные догматические идеи (напр., различные иконы св. Софии, Премудрости Божией, космические иконы Богоматери и под.). Каково происхождение подобных икон? Отчасти оно определяется прямыми данными Слова Божия, частью же богословскими соображениями (и относится в этом смысле к живописной схоластике), отчасти содержит в себе духовное *видение*, которое открывается богозрителю, а вместе и иконописцу¹. И, как таковое, будучи принято Церковью чрез икону, оно становится новым откровением, которое является источником для богословия, — тем самым возникает иконографическое богословие (как напр., в вопросе о Софии, Премудрости Божией). Вообще, икона является особым видом церковного предания, в красках и образах, наряду с устным, письменным, монументальным. Изготовление

¹ В западной иконографии характером видений более всего отмечено творчество Беато Анжелико.

икон, которым для массового спроса овладело ремесло, в своих истоках является религиозным творчеством, и Церковь прославляет некоторых святых именно как иконописцев (во главе этого ряда предание ставит евангелиста Луку, начертавшего икону Божией Матери). Таковы величайшие русские мастера иконы два друга: преподобный Андрей Рублев и Дионисий, оба монахи. Впрочем, редким исключением является и то, что оказываются известны их имена, обычно иконы так же безымянны, как и готические соборы на западе. Разумеется, истинные видения, богословские созерцания в иконах представляют собой исключения в ряду массового иконописания, но эти исключения становятся оригиналом для изготовления копий, иконных «подвижников».

Религиозное созерцание в иконе дается мастеру облеченным в образы, краски и формы. Это есть откровение в художественных образах, не отвлеченные идеи, но конкретные формы. Поэтому в иконописи имеет столь существенное значение символика красок, ритм линий, связанность композиции. Видения духовного мира облекаются в художественную форму, в которой приобретает исключительное значение язык красок (цвета: золотой, серебряный, голубой, синий, зеленый, пурпуровый и т.д.) и линий, при величайшей экономии художественных средств. Принципиально в иконе все символично и имеет свое значение: не только содержание изображаемого, но и форма и краски. В этом ведении и хранении символика иконы состоит традиция иконописания, ведущая свое происхождение с незапамятных времен, может быть, еще и из до христианской древности и Египта и Эллады, которым наследовала христианская Византия.

Таким образом возникает иконописный канон, который с наибольшей чистотой сохраняется в древних иконах. В истории иконы следует отметить особую заслугу русского старообрядчества, которое явило их миру как недостижимые вершины искусства, способные стать рядом с величайшими произведениями мирового искусства¹. Разумеется, канон этот имеет лишь общее руководящее значение, и он не только оставляет место для личного вдохновения и творчества (в известных пределах его нечувствительно изменяющих), но его даже предполагает. Поэто-

¹ От этого художественного канона, который содержится в самих памятниках иконного искусства, нужно отличать так наз. *подлинник*, в котором указывается, с какими чертами надо писать различных святых. Последний имеет значение скорее духовной цензуры для икон.

му не существует такого *абсолютного* канона для иконы, который исповедуют старообрядцы. Тем самым они обрекают иконопись на полную неподвижность и на смерть ее как искусства, из которого она родилась и которым должна остаться. Напротив, находя основание в традиции и развивая ее, икона имеет свою собственную жизнь и в современном искусстве, и это искусство имеет великое и прекрасное будущее. Однако искусство не рабствует канону, как внешнему закону, но его свободно приемлет как древнее ведение и внутреннюю правду. Иконопись есть особая отрасль символического искусства, но она есть не только искусство, но и более чем искусство, она есть боговидение и боговедение, дающие художественное свидетельство о себе. Она требует для истинного своего осуществления соединения в одном лице художника и религиозного созерцателя-богослова. Одно художество само по себе бессильно создать икону, так же как и одно богословие. Поэтому творческая иконопись является труднейшим и редчайшим искусством, как требующая соединения этих обоих, также редких даров. За то и достижения и откровения иконописи превосходят по силе своей и умозрительное богословие и внерелигиозное искусство. Иконопись свидетельствует о потустороннем мире и его образах, она не доказывает, но показывает, не принуждает доводами, но убеждает и побеждает самоочевидностью. Истинная творческая икона есть явление Христа, Богоматери, ангелов, святых, рая здесь на земле. Поэтому в ней искусству дается вообще самое высшее служение, какое только может существовать, — возвещать славу Божию. Русская душа и русское искусство таит в себе новые откровения, новое творчество иконы, которого мы являемся уже современниками.

Иконопись, как искусство, имеет свои отличительные черты, в общем определяющиеся ее задачей свидетельствовать о потустороннем мире. Поэтому оно, прежде всего, чуждо того натурализма и даже просто природного реализма, который сделался господствующим в западном искусстве ренессанса. Иконопись не допускает чувственности в изображениях, которые остаются формальны, абстрактны, схематичны, состоят из одной формы и краски. Она ищет передать не лицо, но лик. Она чужда импрессионизма, но ближе к декоративности с четкими формами и определенными красками. Поэтому икона не знает и трех измерений, не имеет глубины, но довольствуется, вслед за древней египетской иконописью, плоскостным изображением с обратной перспективой, и уже этим достигается устранение чувственности и господство формы и

краски с их символикой. Этим вносится в самые художественные ресурсы иконописи строгая и высокая аскетика, и заранее отрезается путь к чувственности, к плотской похоти. Иконопись строга, серьезна и может казаться суха, как неизбежно сынам плоти кажется высокое и чистое искусство.

Художественная родина иконы есть древний Египет (в частности, погребальные портреты эллинистической эпохи). Византия, наследница и продолжательница Эллады, является родиной христианской иконописи, здесь она имела несколько периодов расцвета. Отсюда иконописное искусство перешло в Балканские страны и Россию, где достигло высшего развития к XV веку в Москве и Новгороде. Величайшим русским иконописцем является преп. Андрей Рублев и мастер Дионисий (Москва, XV век). Вопрос о соотношении западного, итальянского и русского иконописного искусства до сих пор составляет предмет ученых споров. Влияние запада неоспоримо проявляется в русской иконописи в эпоху начинающегося упадка с XVI века и находит для себя в Симоне Ушакове (Москва, XVII век) даровитого выразителя. В XVIII—XIX вв. влияние западных вкусов на русское искусство действует понижающим образом, внося в него черты натурализма и дилетантизма, в утрате собственного стиля, вместе с ремесленничеством, и только в последнее время вновь пробудилось понимание природы иконописи как искусства, а с ним пробуждается и сознание подлинных высоких ее задач, обещающее новый его расцвет. В иконе искусство становится в связь с Церковью, служит Церкви, причем эта связь есть не только внешняя, но внутренняя. Культура и культ раскрываются в том своем единстве, которое является исходным, изначальным, а вместе и последнею целью истории человечества.

Печатается по: *Булгаков С.*
Православие. — Киев: ЛЫБИДЬ,
1991. — С. 169 и след.

ВАЛИШЕВСКИЙ КАЗИМИР

Из обширной книги Казимира Валишевского «Первые Романы» представлена частично одна глава (гл. 13) — только первые три раздела.

В примечании к изданию говорится, что редакция не делала стилистическую правку работы К. Валишевского, «полагая, что читателю будет интересна не только содержательно-повествовательная сторона произведения, но также и его языковые особенности, отражающие русский литературный язык второй половины девятнадцатого века».

Тем более причин для нас включить этот отрывок в хрестоматию. Автор пишет слово «Раскол» с прописной буквы, и мы последуем его примеру.

ЗАДАНИЯ

Ответьте на вопросы:

1. В чем была причина Раскола (колебания между анархией и порядком или между силой центробежной и силой концентрации)?
2. В чем суть раскола и богатства Церкви?
3. Каковы особенности Раскола и беспоповщины?
4. Какое место Аввакум занимает в Расколе:
 - а) личные качества Аввакума,
 - б) «изгнания» Аввакума,
 - в) взгляды Аввакума на богословие, историю, географию и другие дисциплины в ходе создания им своей церковной доктрины.
5. Дайте оценку авторского языка этой работы как литературного языка второй половины девятнадцатого века, оцените
 - а) словарный состав,
 - б) построение фразы,
 - в) использование ораторских приемов,
 - г) доказательность тезисов.
6. Обратившись к оригинальным трудам протопопа Аввакума, помещенным в хрестоматию, создайте обобщенное выступление, посвященное и Расколу и Аввакуму.

ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ

Глава тринадцатая

«РАСКОЛ»

1. Начало раскола и его причины — 2. Характерные черты. — 3. Апостольство Аввакума. — 4. Женский элемент в расколе. — 5. Развитие раскола. — 6. Секты. — 7.«Конец мира». — 8. Коллективное самоубийство.

I

НАЧАЛО РАСКОЛА И ЕГО ПРИЧИНЫ

Раскол значит схизма. Диссиденты семнадцатого века не называли себя этим именем, которым официальная церковь окрестила все их секты и которое было санкционировано обычаем. Они себя называли, как называют себя и в настоящее время его последователи, староверами или старообрядцами, т.е. приверженцами старой веры или старых обрядов. Зародившись в среде людей по большей части невежественных и ограниченных, это движение представляет на первый взгляд такую бедность идей, что развитие его становится непонятным. На западе великие религиозные конфликты противоплавали обычно различные концепции, тезисы, основанные на некоторых важных пунктах догмы или дисциплины: троичность, божественность Христа, авторитет папы. Здесь же сражались и умирали за слова, буквы, за простые жесты. Но если между тем поближе подойти к этому явлению, то оно совершенно меняет свой вид. Под этой тривиальной внешностью скрываются более серьезные, более глубокие причины диссидентства, и религиозный кризис, заключенный таким образом в узких рамках, связывается уже с великими проблемами политического, социального и интеллектуального порядка, которые эта эпоха одновременно поставила в порядок дня.

С начала своего исторического существования славянский мир неизменно колебался между двумя противоположными течениями: между анархией или силой центробежной и между порядком и силой концентрации. Эта борьба продолжается еще и на наших глазах. Унаследовав традиции, выработанные династией Рюрика, политика Алексея явилась великой попыткой объединения административного, политического и религиозного. Она этим вооружила против себя все элементы, стремившиеся к беспорядку и разъединению. В попытках церковной

реформы, предпринимавшихся еще до Никона, исправление ритуала и священных книг являлось лишь одной из деталей. Вся организация религии требовала многочисленных поправок. Плохое распределение епархий, недостаточность храмов, невежество и безнравственное поведение священнослужителей, монастыри, обращенные в притоны разврата, — все ее здание кричало о своем ничтожестве.

Хроники этого времени со всех сторон вопят о скандальных фактах. В провинции епископы были, кажется, окружены целым двором светских и духовных чиновников, походившим на свиту короля Пето, хотя и не столь веселого характера. Казначей, дьяк, два секретаря, шесть регистраторов, делопроизводитель, метрдотель, эконо́м, ключник, хранитель даров, столяр, духовник с дьяконом, сторож канцелярии, привратник, протопоп с целым клиром, церковные сторожа, служки, дюжины звонарей — таков был личный состав, которым окружал себя самый последний из этих прелатов. Прибавьте сюда еще несколько женщин, официально значащихся в списке, хотя невозможно указать какую-либо их функцию. Все они практиковали симонию в огромных размерах и спорили между собой, чуть не разрывая друг друга на части и эксплуатируя при этом безжалостно свою паству. Они подавали пример всевозможных пороков. Даже в самой столице служащие при доме патриарха были явными взяточниками. У ворот Кремля пьяные попы спорят между собой, обмениваясь всяким сквернословием, или угощают друг друга ударами кулаков. Они рыщут по улицам, насилюя девушек, валяются под столами кабаков, когда не заняты в воровских и разбойничьих шайках. Назавтра после гнусных оргий они служат обедню еще полупьяные и производят всякие гнусности перед алтарем.

Постоянно расширяясь, часто нечестным путем, богатство некоторых церквей и общин оставляет большую часть священников в крайней нищете, без всяких средств. Многие обращаются к тайной продаже вина или к другим еще более подозрительным занятиям. Их даже не осуждают, потому что в Новгороде митрополит увеличивает свои доходы, назначив налог на детей, рожденных вне брака.

Пrestиж этого клира совершенно соответствует его поведению, и закон сам санкционирует его унижительное положение: подвергшись обиде, поп имел то же право на правосудие, как какой-нибудь инородец, черемис или мордвин, и за пять рублей можно было его колотить, сколько угодно, лишь бы не убить.

Недостаточное количество храмов и разврат священнослужителей приводят к тому, что задолго еще до отделения расколом огромное

число православных оказываются исключенными фактически из официального прихода, никогда не слушая службы и умирая часто без исповеди.

Вот против этих-то беспорядков и вопиющих злоупотреблений и вооружился первый опыт реформы. Около 1644 года Никон опубликовал и послал по епархиям инструкцию, имевшую своей целью подчинить назначение клира более строгому выбору.

Открыв богатые библиотеки некоторых церквей и монастырей, стараясь пробудить в тех же местах умственную деятельность, заглохшую с шестнадцатого века, дав новый импульс школе Чудова монастыря, основанной в 1633 году, субсидируя школу св. Андрея, недавно созданную Ртищевым; улучшая и умножая типографии, он надеялся получить реальный прогресс на этом пути. Мы видели также, с какой суровостью он наказывал проступки своих подчиненных.

К несчастью, ему недоставало в этой роли судьи авторитета личного примера, а с другой стороны в реорганизацию такой распушенной церкви одновременно производимая реорганизация государства вносила в некоторых отношениях разногласия. Политическая эволюция семнадцатого века, как мы это знаем, имела тенденцию слить обе эти власти в одной иерархии, где, подчиняясь совершенно естественно светскому авторитету, духовный клонился к уничтожению. В то же время централизаторское течение закончилось с этой стороны полным переворотом в режиме приходов. Организмы, до сих пор автономные, основанные до того на принципе избрания священнослужителей прихожанами и разделения административной и юридической власти, выполняемой сообща, они стали простыми округами, подчиненными вместе с управляющей ими епархией главенству светской власти. Логическим последствием этого нового порядка вещей должно было явиться, по крайней мере то, что, обращая членов клира всех степеней в чиновников, подчиненных его власти, государство приняло бы их содержание на свой счет. Но оно этого не сделало, и отсюда между этими приходами, лишенными права выбирать своих священников, и между священниками, которых они же продолжали кормить, образовалась глубокая вражда, следы которой заметны и до сих пор. Отсюда также и другая причина недоверия, всегда так тяжело отзывавшаяся на несчастных сельских священнослужителях, вдвойне приниженных как властью, так и теми, от кого они ждут хлеба.

Впрочем, нужно отметить, Московское государство семнадцатого века не было еще само на высоте того положения, которое оно взя-

лось выполнить. Как в церковных порядках, так и в политических, прибегнув к репрессии, чтобы уничтожить беспорядок, оно только заменило злоупотребление свободой злоупотреблением властью. И ему кроме того недоставало авторитета. В новой иерархии власти церковная и гражданская были представлены двумя индивидуальностями — династией Романовых и патриархатом, одинаково возникшими лишь со вчерашнего дня и старавшимися сообща пробить себе дорогу путем кропотливых нащупываний. Алексей разделял свои prerogatives государя с Никоном, так что часто трудно было понять, кому из них принадлежит инициатива.

Собор 1666 года незадолго до этого осудил в очень сильных выражениях решения Собора 1651 года, обвиняя их авторов в невежестве и безумии. Все это не могло создать уважение и повиновение. И вот, наконец, это государство и эта церковь, соединившись как-то нескладно в общем деле скупа и деспотизма, чтобы лучше подчинить себе волю и совесть мятежников, вообще апеллировали к иностранцам. После целой массы немцев, голландцев, англичан, взятых на жалованье для того, чтобы мучить дух и тело бедного московского народа, ему нужна была еще целая свора греческих или украинских монахов для управления верой. И это было сделано в тот момент, когда, следуя близко от тех проломов, которые были сделаны на границе страны польским нашествием, римская уния завладевала в свою очередь религиозной областью святого Владимира.

Перед этой двойной атакой дух беспорядка, инстинкт самосохранения и национальное чувство соединились в народных массах, и Раскол нужно рассматривать как неизбежное следствие такого соединения. В течение многих веков находивший себе последовательно подтверждение в анархической организации веча, в бурном режиме уделов и в антиполитическом и антисоциальном явлении казацких шаек и братств дух независимости, мрачная обособленность и буйство, свойственное славянскому гению, снова появились под этой новой формой. То направление умов, которое было свойственно людям этой страны, требовало между тем, чтобы это движение приняло, особенно вначале, характер исключительно религиозный. В Москве все делалось под покровом религии, все к ней сводилось. И с другой стороны, обусловленный совокупностью сложных причин, смутных исторических воспоминаний, плохо проконтролированных впечатлений, поспешных концепций, предубеждений и сомнений — острый пароксизм латинофобии на религиозной базе сыграл, конечно, значительную роль в кризисе.

Порядок политический и моральный смешались тут в одном и том же осуждении. Будучи такого же экзотического происхождения, как и самодержавие царей, наука этих иностранных учителей казалась лишь одним приказом больше для того, чтобы увеличить тягость всеобщего рабства. Местами раскол должен был обнаружить сепаратистские тенденции, как это свидетельствует один из самых любопытных памятников его литературы: «Повесть о белом клубке». Этот «белый клубок» — эмблема независимости Новгорода.

Большинство диссидентов повиновались на самом деле лишь бессознательно этим главным импульсам. Они выставляли в споре с противниками совсем другие мотивы, которые, без сомнения, не были чужды образованию раскола, но играли в нем второстепенную роль. В их умах и в глазах современников раскол получил в общем значение протеста либо против новшеств, вводимых в то, что диссиденты называли «своей верой», либо против распущенных нравов официальной церкви. Мы не рискуем теперь после близкого изучения фактов ошибиться на этот счет. Лазарь уличал дерзких исправителей священных книг, но чаще он направлял свои нападки против «философов», окружавших царя, тех святотатцев, «которые думали измерять аршином хвост звезд». Он отдавал предпочтение местным ученым, которые, как будущий апостол Раскола, исцеляли на больших дорогах больных с помощью порошка, приготовленного из сушеного сердца новорожденного ребенка. Неронов обличал в недостойных выражениях испорченность клира, но в то же время в своей переписке с Бонифатьевым он наивно жаловался на то, что его сына преследовали за кражу драгоценной утвари в Казанском соборе. На деле также отказ подчиниться дисциплине испорченной церкви, которую они покидали, должен был у большинства раскольников закончиться другими и еще худшими уклонениями. Аввакум первый, как ни был он лично чист, сделался впоследствии защитником свободной любви, отождествленной с «любовью во Христе»; различные секты практиковали ее без всякого стыда, а знаменитая основательница одной из самых уважаемых диссидентских коммун Акулина являлась в сущности лишь сводницей.

Вообще начало Раскола можно связать еще с особым движением, вызвавшим к жизни на всем пространстве европейского континента монашеские учреждения средних веков. Среди общей разрухи, которая явилась наследием Смутного Времени, инстинкт диссоциации, так сильно свойственный славянскому темпераменту, не мог также не последо-

вать по этой наклонной плоскости. И на деле мы видим, что желание изолироваться, уйти из общества к независимому существованию значительно усилилось в течение семнадцатого века. При девяноста монастырях, основанных в этой стране между одиннадцатым и четырнадцатым веками и при сотне в пятнадцатом, эпоха первых Романовых насчитывает до двухсот пятидесяти новых учреждений. Они зарождались здесь и развивались самым простым способом. Соседи или прохожие узнавали о существовании схимника; они присоединялись к нему, строили вокруг его кельи свои, затем строили церковь во имя Богородицы или какого-либо прославленного святого; первый встречный игумен постригал основателя пустыни в монахи, ближайший епископ производил рукоположение и таким образом одним монастырем оказывалось больше.

Но еще чаще эти колонии схимников не имели средств или желания добиться официального признания. Это и не нужно было. Одежда делала монаха; соединяя вокруг себя около двадцати учеников, пришедший первым — это был обыкновенно старик — поучал их, как понимал сам, истинной вере или правильному толкованию священных текстов; не будучи священником, он служил в построенной им церкви, говорил с горечью о местных духовных властях, с печалью вообще о православной церкви, как и об обществе, и таким образом еще задолго до Никона Раскол свил себе гнездо в тиши густых лесов, в глуши затерянных деревень, на отдаленных пустынных прогалинах северо-востока, под видом скромного протеста против всего, что делалось в других местах, в центре этого мира непрерывного разврата, от которого они оторвались.

В области Владимира, возле города Вязников, в глуши густых лесов по берегам Клязьмы, монах Капитон поселился таким образом в конце 1650 года. Он был уже очень стар, думают, что ему было почти сто лет. Он вел всегда бродячую жизнь, нигде не задерживаясь надолго. Много раз его заточали и в настоящих монастырях для покаяния; всегда ему удавалось уйти, благодаря своему красноречию, как и престижу, созданному упорным воздержанием. За ним числилась репутация святого и выдающегося защитника веры. Между тем его доктрина ограничивалась лишь соблюдением правил самого сурового аскетизма и отрицанием всякой церковной иерархии.

Так родилась беспоповщина, причем идеи Капитона, толкуемые различно, породили множество и других сект. Сектанство, насчитывающее

теперь в России многочисленных приверженцев, произошло из того же источника, и основатель секты хлыстов Даниил Филиппов, родом из Костромы, там же черпал свое вдохновение. Эти черты являются общими для большей части религиозных эволюций.

Благодаря другим своим частностям, однако, Раскол принимает особенный и совершенно своеобразный характер.

II ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

В своем развитии эта схема подчеркивает вначале неслыханным образом свой природный мизонеизм. Она воздвигает, наконец, в догму абсолютное уважение ко всему, что являлось старинным. Кроме того, она стремится подчинить раз установленному канону все элементы общественной жизни: государство, общество и семью. Осуждение всякого прогресса являлось отсюда естественным последствием.

Ничто не должно больше менять своего положения. Окончательный тип национального существования был объявлен отныне готовым: *ne varietur* раз и навсегда. Он соответствовал, впрочем, представлению о Москве в том виде, в каком она рисовалась умам в течение всего шестнадцатого и первой половины семнадцатого века. Благодетельный царь с бородой, одетый в золотую парчу и осыпанный драгоценными камнями, — по изображению, данному художниками того времени Федору Иоанновичу, сыну Грозного. Он ходит по церквам, подолгу молится и не имеет никаких других забот, ни функций. Его сопровождают также бородатые и «некурящие бояре», «поддерживающие его под руку», и в этом заключается все их занятие. В приказах другие бояре, также бородатые и суровые, отправляют дела, творят суд по канонам, но не манкируют церковной службой. Они строго соблюдают посты, ходят в баню по субботам, принимают участие в воскресенье в процессиях, совершают частые паломничества и главным их занятием служит запрещение народу дьявольских игр и развлечений, уничтожение театров, запрещение танцев, музыки и маскарадов, и они в особенности противятся вторжению иностранных наук, противных духу русского народа и учению святых отцов.

Таков был идеал, призванный вечно существовать.

Новшества осуждались не потому, что они по существу своему были плохи, но потому, что они были новы. Три века спустя в госпитале раскольничьей Рогожской общины по той же причине воспрещены

железные кровати. Единственные священные книги, которые допускались расколом, были те, которые печатались при пяти первых патриархах: Иове, Гермогене, Филарете, Иосафате и Иосифе. В этих текстах каждое слово, каждая буква имели значение догмы. Они содержали в себе лишь ее одну. Главными пунктами доктрины являлись: орфография Исус, слово «истинный», уничтоженное Никоном в символе веры, двойное аллилуйя, служение обедни семью просфорами, восьмиконечный крест, шествие в ходах по солнцу и знак двухперстного креста.

Старинные обряды чисто местного характера, таким образом, считаются единственно точными толкованиями вечных истин, и Раскол им приписывает, кроме того, силу спасения, независимо от морального достоинства или от силы религиозного чувства тех, кто их соблюдает. То была доктрина спасения не по вере, а по обряду.

То было также отрицание внутреннего смысла, первоначально связанного с этими формами религиозной жизни, в которых отмечался и солидаризировался ряд моральных элементов, способных, думалось, склонить людей к лучшим делам, и в которых церковь видела средство вновь воскресить в назидание верующим тот или другой важный момент их прежнего существования. Упуская из виду эту первоначальную мысль, Раскол брал на себя задачу переделать нелепым образом работу древних христианских коммун, чтобы наполнить пустой сосуд, оживить мертвую букву посредством совершенно произвольных толкований. И, следуя этому пути, он должен был с течением времени перестроить с помощью смелых дедукций всю священную историю, изобрести более новые и более смелые символы, чем все те новшества, которые он осуждал. Таково, например, было рассуждение, изобретенное толкователями раскола по поводу воскрешения Лазаря.

Лазарь никогда не существовал. Его смерть — это грехи, его сестры олицетворяют собой тело и душу его, его могила, — это мирские дела, его воскресение, наконец, символизирует раскаяние.

Рационалистские или протестантские идеи не были чужды этой эволюции. В своей борьбе с католицизмом православные богословы польских провинций прибегали охотно к литературе реформированных церквей, заимствуя, например, у Лютера его тезис о папском Риме, в виде апокалипсического Вавилона, отождествляли Антихриста с папой или скорее с принципом, представленным в папстве. Более или менее непосредственно Раскол воспользовался этим, заменяя одну гипостазу другой, папу патриархом.

Перенеся в то же время и по той же системе свою основную доктрину на политическую и социальную почву, он показал себя одинаково враждебным и обычаям и порядкам, в которых религия даже не была заинтересована, но в которые он ее впутал путем ряда уловок. Никаких переписей, так как Бог разгневался на Давида, когда он послал Якова сосчитать народ Израиля. Никакой подушной подати, по местной терминологии, так как душа сотворена по образу Божию. Никакой военной службы позже, ввиду огнестрельного оружия, неизвестного Священному Писанию, или ввиду того, что слово «солдат» имеет отталкивающее сходство с именем Сатаны. В пророчествах или Деяниях Апостолов раскольники даже находили аргументы против употребления бритвы, а ношение галстука возбуждало в них отвращение.

Дойдя до этого, Раскол принимает вид окаменевшего сколка старой Москвы. Между тем в нем билась интенсивная жизнь и обнаруживала свою способность к силе сопротивления и пропаганды, к независимому развитию, на которое не могли воздействовать два века преследования. Продолжая существовать и расширяясь при этом, Раскол и сам эволюционирует, вопреки своему основному принципу, казалось, налагавшему на него неподвижность; он становится разнообразен до бесконечности; в его недрах зародятся позже крепкие организмы и будут стремиться осуществить многочисленные способы существования, в гармонии с различными способами веры. Наступит также день, когда революционеры, свободные от всяких исповеданий, а в то же время и реакционеры, одинаково индифферентные к догматическим спорам, будут оспаривать этого загадочного союзника, видя в нем, одни — орудие социалистической и даже антирелигиозной агитации, другие — элемент зародыша политического и социального возрождения. Таким образом некоторые историки, среди них Костомаров, а потом Милюков, видели в адептах дикого мизонеизма работников известного прогресса. Осуждая современное им общество на вечную неподвижность, Лазари и Аввакумы тем не менее вводили в него, всегда бессознательно, принципы, самые противоположные этому постулату. Остановившиеся в своем росте или ретрограды по отношению к интеллектуальному движению их страны по пути цивилизации, они тем не менее принимали участие в этом движении, прибавляя к пробуждению мысли пробуждение религиозного сознания.

Подчинение официальной церкви государству было возможно в эту эпоху лишь благодаря полной индифферентности заинтересован-

ных в этом лиц. Привлекая к себе верующих, относительно наиболее ревностных к свободам, таким образом нарушенным, Раскол облегчил еще это подчинение, но он дал в то же время духу независимости приют, предназначенный для его сохранения и для развития в нем энергии. Во всех этих отношениях великий Раскол семнадцатого века был олицетворен до некоторой степени в личности и жизни самого деятельного и самого популярного из его вожаков, очень выразительную и привлекательную фигуру которого будет кстати нарисовать здесь.

III АПОСТОЛЬСТВО АВВАКУМА

Перед нами один из последних представителей той эпической фаланги героев, которые, начиная с легендарных подвижников Владимира, не переставали растрчивать с большой силой, и не без эксцессов, на дела самого различного свойства и часто мало достойные подобных усилий, свой бурный темперамент, в котором бродили ничем не сдерживаемые силы. Вокруг нового богатыря, как в киевской эпопее, группируются многочисленные статисты, но на этот раз совершенно иного рода. Это аскеты и юродивые, как их тогда называли. По-своему они возобновляют подвиги Ильи Муромца и Добрыни, борясь босыми ногами и в одной рубахе с самыми жестокими морозами или влезая без всякого колебания в истопленные хлебные печи. Предсказатели, ясновидцы и чудотворцы, они пробиваются через тройные ряды солдат и смело говорят с государем, подавляя его силой своего слова или ослепляя совершаемыми чудесами. Иногда, однако, им не удается заставить себя слушать и их предают жестоким испытаниям. Ссылаемые в Сибирь, они сталкиваются там с другими героями, эксплуататорами и покорителями северных пустынь, московскими Кортесами и Писарро, борющимися в этой стране с жестокостью и дикостью зверей и людей. Так возникали страшные столкновения, в которые и те и другие вмешивались не менее страстно и сильно.

Родившись около 1620 года в Новгородской области, по его собственному свидетельству, от пьяницы попа и матери, исповедовавшей самый строгий аскетизм, Аввакум попал с колыбели под влияние двух нравственных типов, разделявших тогда большинство московских семей. В двадцать три года он женился на дочери кузнеца из своей деревни Настасье Марковне, и тотчас же после этого получил скромный приход. Он вскоре вооружил против себя своих прихожан бес-

покойным рвением и крайней строгостью, вошел в распрю с местными властями, ревностными чиновниками, отвечавшими на его ругательства ударами. Избитый однажды почти до смерти в своей церкви, вытащенный на другое утро за волосы из своего дома, несмотря на священные облачения, в которые он был одет, изуродованный через неделю после этого одним изувером, который откусил у него палец своими зубами, он спасается в Москву, находит там покровителей, отсылается обратно в свой приход и начинает снова.

Он принимается за вожаков медведей, которых он прогоняет, убивая при этом одно из животных и освобождая другое к великому удовольствию зрителей. Затем он наносит оскорбление могущественному воеводе Василию Шереметьеву, отказав в своем благословении сыну этого провинциального царька за то, что тот отрезал себе бороду. Отец приказывает бросить в Волгу дерзкого попа. Спасшись неизвестно каким образом из воды, Аввакум добывается перевода в Юрьевец, где получил повышение, получил также звание протопопа. Но через два месяца он снова возбудил против себя народ и клир, мужчин и женщин. Выведенная из себя толпа осаждает его в доме патриарха, куда призвали его обязанности службы. Аввакума вытащили наружу, били кнутом, топтали ногами, оставили почти мертвым на месте; ему едва удалось добраться до дому, но и там его окружили с криками: — смерть сыну б...! — И это кричали в один голос и священники и женщины.

Покинув свою жену и детей, он находит возможность сесть в лодку на Волге и пробраться в Кострому. Но там жители также выгнали своего протопопа Даниила, которого они обвиняли в участии в исправлении святых книг и обрядов и, заподозрив и Аввакума в том, что он разделяет подобные наклонности, они оказывают ему неприязненный прием. Эти события происходят в 1651 году, и в этот момент, как помнят мои читатели, будущие раскольники были еще на стороне реформы.

Аввакум возвращается затем в Москву и входит в интимные отношения с Бонифатьевым и Нероновым. Он не принимает участия, как это предполагали, в их работах. Для этого он слишком мало знает. Но за неимением другого занятия он, вероятно, заведует типографией.

Поссорившись вскоре с Никоном, при уже известных нам обстоятельствах, он меняет лагерь и обращается в ярого защитника старого ритуала. Арестованный в 1653 году, еще раз подвергшись побоям и тасканию за волосы, закованный в цепи, он проводит три дня в темной

камере без питья и пищи. У него хотят отнять рясу, но царь вмешивается в дело, и его ссылают в Сибирь с женой и детьми.

Это путешествие, которое он вынужден делать по суше и воде, продолжалось тринадцать недель. Настасья Марковна рождает в дороге. В Тобольске изгнанник сначала был хорошо принят архиепископом Симеоном, тайным приверженцем рождающегося Раскола, и воеводой, князем Василием Хилковым. Но в отсутствие архиепископа у его протеже происходят страшные распри с дьяком Иваном Струной, которого он хотел побить кожаным поясом. Он рискует снова быть зарубленным или брошенным в воду. Желая его спасти, жена воеводы думает его спрятать, как второго Фальстафа, в большом чемодане. Перед этим взрывом гнева он на некоторое время успокаивается, сохраняя непримиримость своего взгляда и невоздержанность своего усердия. Но одно видение заставляет его сожалеть об этой полукапитуляции. И, когда пропаганда, которую он ведет с новым жаром, начинает становиться беспокоящей, его отправляют подальше, в Енисейск. И вот он в качестве священника назначен в отряд Афанасия Пашкова, занятого в то время покорением для царя новых земель и новых подданных.

Пашков не похож на добродушного воеводу Тобольского. Аввакум на этот раз имеет дело с другим богатырем, и между этими людьми, одинаково деятельными и предприимчивыми в различных сферах, трудно установиться пониманию. Тот вынужден был ввести в отношения к своим людям железную дисциплину и, пытаясь смягчить строгости, Аввакум не обладал при этом ровно никакой мягкостью и умеренностью. У него не было авторитета, и потому он в глазах сибирского колонизатора являлся лишь преступником и почти раскольником. Несомненно, кроме того, что исполняя свою миссию, Пашков обнаружил страшную грубость и тот дух чрезмерного произвола, который был столь свойствен его соотечественникам, и носит у них название «самодурства».

Первая ссора, по рассказу Аввакума, вышла из-за двух женщин, из которых одной было шестьдесят лет, а другая была еще старше; они находились в шайке казаков, встреченных экспедиционным отрядом. Они были вдовы и искали монастыря, где они могли бы постричься, по обычаю того времени. Но Пашкову вздумалось их выдать замуж, Аввакум запротестовал против этого. В это время шли вниз по Тунгуске. Воевода приказал высадить священника, велел ему следовать за ним пешком. Когда он стал протестовать, Пашков бросил его ударом кулака на землю и оставил его в таком положении. Лишенный своей одежды, избитый, Аввакум оставался всю ночь под холодным дождем.

Через несколько дней судно, на котором ехал Пашков, село на мель. Сын воеводы, Иеремия, вступился за священника. Он усмотрел в этом случае небесное наказание. Рыча, как дикий зверь, говорит Аввакум, Пашков схватил мушкет и три раза выстрелил в дерзкого. И три раза произошла осечка. Если этот факт и верен, то он доказывает лишь плохое качество боевого материала, которое употреблялось в то время покорителями Сибири. Нужно предполагать, что все это было рассказано Аввакумом не так, как оно происходило на самом деле. Если верить ему, то такое чудо вызвало в воеводе чувство раскаяния, однако не помешавшее ему употребить против чудотворца другие жестокие меры. Брошенный в подземную тюрьму, священник чуть не был съеден крысами и не каждый день имел там пищу. Содержимый в холоде зимой, он был весной переведен в слишком нагреваемую камеру, где чуть не задохнулся. Он не мог даже ходить за двумя своими больными детьми, которые умерли один за другим, и когда экспедиция тронулась в путь, ему пришлось сопровождать ее пешком, по крутым тропинкам, где несчастная Настасья Марковна часто падала.

Среди многочисленных противоречий большая доля сильного воображения легко угадывается в рассказе об этих испытаниях, сделанном их главной жертвой. «В продолжение десяти лет, — говорит наивно автор, — Пашков, право не знаю, мучил ли меня или сам был замучен мною». Каждый из них, конечно, вкладывал свое и «десять лет» указывают у одного из мучителей на решительную долю воображения. Изгнание Аввакума в Сибирь состоялось в 1653 году, а уже в 1661 году протопоп был снова призван в Москву. Никон пал и, желая обеспечить немилость, в которую впал патриарх, бояре считали полезным вернуть одного из его самых ярких противников, к которому к тому же и Алексей сохранял большую симпатию.

По свидетельству историков Раскола, Аввакум должен был быть принят в столице, как «посланец неба». Один из князей Хованских, может быть, Иван Никитич, тот самый, который никак не мог простить Никону, что он заставлял его поститься во время путешествия в Соловки в 1652 году, предложил апостолу гостеприимство в своем доме, и мы видели уже, что в этот момент Раскол находил себе действительно приверженцев в одной части местной аристократии. Но было еще далеко до того, чтобы Аввакум, как он без сомнения воображал, явился в Москву в качестве триумфатора. Осложненное различными перипетиями, его возвратное путешествие продолжалось около трех лет, и в это время обстоятельства изменились. Никона уже нечего было бояться,

так как дело реформы взяло верх в официальных сферах. Возвращенный из Сибири явился *лишь* помехой и теперь уже казался человеком неудобным.

В Тобольске он свиделся с другим знаменитым изгнанником, Крыжаничем, и дал доказательство крайней узости своих идей. Крыжанич описал последовательно все детали этой короткой встречи. Решившись отдать визит протопопу, он был остановлен им на лестнице.

— Не двигайся вперед! Останься тут! Какую религию ты исповедуешь?

— Благословите меня, отец...

— Я не даю благословения, не зная за что. Исповедуй сначала твою веру!

— Почтенный отец, я верю во все истины, предписанные святой апостольской церковью; я принимаю, как счастье, благословение всякого священника, и поэтому я и прошу вашего. В деле веры я готов объясниться с епископом, но не с путешественником, заподозренным по этому же поводу. Если вы не хотите меня благословить, то Бог с вами.

Между католическим аббатом Крыжаничем, готовым на компромисс, и суровым священником Раскола, какая большая разница.

Соблазны, ожидавшие Аввакума, были такого рода, что по его собственному признанию, искушение чуть не заставило его прекратить борьбу. Некоторые бояре его обласкали. Алексей сам дал ему аудиенцию и назначил ему помещение в одном из монастырей Кремля. Сблизившись таким образом, царь и апостол часто виделись друг с другом, и государь постоянно низко кланялся при встрече прежнему изгнаннику и просил его благословения; Аввакум по крайней мере это утверждает. Если верить ему, то ему даже предоставляли свободный выбор занять какое угодно место, хотя бы духовника государя, под одним условием отказа от Раскола. В противном случае Стрешнев был уполномочен объявить ему решительно: уважая его убеждения, ему позволяют молиться, как он хочет, но требуют, чтобы он молчал.

Он обещал хранить молчание. В Сибири однажды его жена, бессиленая, измученная на скалистой дороге, спросила его:

— Долго ли еще мы будем так страдать?

— До самой смерти, Марковна, — ответил Аввакум сурово. Он дрожал теперь, но не за себя, конечно, а за своих при одном воспоминании об этой скорбной Голгофе. Это можно предположить по его исповеди и этому можно поверить. Под грубой оболочкой вечного борца у него было чувствительное и сострадательное сердце.

— Ты и наши дети связывают мне язык! — говорил он своей спутнице. Но храбрая женщина вскричала:

— Как можешь ты так говорить, Петрович! Иди в церковь и обличи ошибки еретиков!

Он медлил ей повиноваться, сам, без сомнения, несколько утомленный. Сам пощаженный, он щадил в свою очередь других, стусевался и скрылся в тиши укромных монастырей и интимных кружков. Но обстоятельства выдвигали его на первый план. Бонифатьев был мертв, Неронов примирился с официальной церковью. Аввакум сделался главою. Окружив попа ореолом мученичества, женщины выдвигали его вперед своими демонстрациями. Все более входя в ту роль, которую они ему намечали, уступая все более своей природной склонности, он мог еще некоторое время укрыться от проявления слишком заметной деятельности. Он влиял на терема, революционизировал монахинь Вознесенского монастыря и, попав под его влияние, игуменья монастыря Елена Хрущева принудила сестер этого монастыря отказаться от официальной литургии. В ожидании Собора, который должен был решить окончательно вопрос о реформе, и среди работ, созданных выходками Никона, диссиденты пользовались временно довольно большой свободой. В различных частных домах они безнаказанно устраивали собрания, часто очень воодушевленные. На них обыкновенно председательствовал Аввакум, причем горячий его темперамент находил себе там опасное возбуждение.

Вернувшись однажды от Ртищева, после бурных диспутов, с которыми он едва мог справиться, он обрушил свой гнев на протопопицу и на одну вдову, Фетинью, которую он приютил у себя. Обе женщины также заспорили. Он избил их, но потом, когда подошел к эпилептику Филиппу, который был его вторым гостем в доме и которого он считал одержимым сатаной и держал в цепях, в надежде, что изгонит беса, этот человек, обычно тихий, встретил его ужасной бранью и ударами, хотел его задушить и закричал ему:

— Я тебя не боюсь!

Аввакум понял, говорит он, что божественная милость оставила его по причине той вспышки, которой он поддался, и сейчас же, собрав своих слуг, он потребовал, чтобы каждый из них, — а их было двадцать, — дал ему по пяти ударов кнутом по голой спине. Его жена, у которой он предварительно просил прощения, и дети его тоже должны были принять участие в этом исправлении, и били его со слезами, как он это приказывал. И вот тогда демон оставил Филиппа.

К концу шести месяцев, проведенных таким образом, апостол уже не был в состоянии сдерживаться. «Он стал снова ругаться», по его собственному выражению. Он обратился к царю с жалобой, текст которой не дошел до нас, но смысл ее довольно точно установлен рядом показаний. Аввакум в ней говорил, как власть имущий, указывая на кандидатов по своему выбору на разные епископские должности, метал громы против новых духовных и умственных вождей, поставленных Москвой, и называл их «собачьими сыновьями». Результат был таков, какого и следовало ожидать: по новому приказу он был изгнан 29 августа 1664 года в Пустозерск, в самое ужасное место той Сибири, которую Аввакум так боялся увидеть снова.

Он не отправился туда тотчас же. Эта мера, кажется, вызвала протест даже со стороны близких к Алексею лиц и послужила поводом к тяжелой размолвке между ним и его женой. Принимая во внимание то, что нам известно о Марии Ильинишне, это свидетельство Аввакума вполне допустимо. До 1667 года его таскали из монастыря в монастырь, отдавая его под суд, но все отсрочивая заключение, видимо, не зная, что делать с этой неприятной личностью. Наконец его процесс был соединен с таковым его единомыслителей, представших в это время перед Собором, и его поведение перед высоким собранием еще усугубило его вину. Поэтому он был отправлен в Пустозерск, лишенный предварительно священного звания и преданный анафеме.

Он разделил там свое заключение с Лазарем и с другими московскими видными раскольниками; принял участие вместе с ними, как мы это увидим, в выработке свода доктрин, являющихся еще до сих пор основанием Раскола, и затем вместе с ними был сожжен живым в 1681 году, став окончательно таким образом исповедником и мучеником новой церкви.

Аввакум ученик Домостроя. Даже на свободе его жизнь проходила среди лишений и всякого умерщвления плоти. Он почти не спал и все ночи напролет молился. Вечером, прочитав свой требник и потушив огонь, он еще пятьсот раз простирался впотьмах перед святыми образами, читал шестьсот раз Отче Наш и сто раз Богородицу. Так как он сводил благочестие к строгому соблюдению старых обрядов, то видел мораль в отказе от мира, от всякой земной радости. Он только не понимал, что в религиозной области уважение к догме совершенно поглощает дух верующих: вне же этой сферы он не допускал никакой области умственной работы. «Ритор или философ не могут стать христианами», объявлял он решительно.

Суровый по отношению к другим, когда в дело вмешивались религия или мораль, как он их понимал, он не менее того был суров по отношению к себе. В деревне, в молодости он пленялся иногда красотою исповедуемой им молодой женщины. Немедленно же он зажигал три лампы, простирал одну из своих рук над огнем до тех пор, пока нечистое желание в нем не утихало. Еще позже он поддался подобному искушению. В Тобольске, когда одна девушка из его домашних близко подошла к нему, он быстро зашел за стол и принялся молиться, «боясь дьявольского искушения».

Демократический инстинкт, так глубоко внедрившийся в народных массах его страны, толкает его больше, чем всякий другой импульс, взять на себя защиту, когда ему представлялся к тому случай, всех слабых и угнетенных, и мы видели, что способ, каким он это проделывал, был лишен всякого благодушия. Домострой хранит в себе гораздо более оснований языческих, чем христианских и, при ближайшем рассмотрении, раскол носит тот же характер. Все главари его насильники. Лишенный священнического сана еще до Аввакума, Логгин плюет в Никона и бросает ему в лицо свою одежду в присутствии царицы. В знаменитой пустыни Нила, когда один из священников стал служить на пяти просфорах, церковный сторож, преданный Расколу, пустил ему в голову кадильницу с горящими углями и вслед затем началась общая драка. Принимая однажды одного монаха и заметив, что он пьян, Аввакум живо его спросил:

— Чего ты хочешь?

— Царства Небесного... и так далее!

— Друг, по-моему, ты с утра пропустил уже более одного стакана.

Не окажешь ли еще честь напитку, который я тебе предложу?

— Конечно!

Схватив своего гостя, он его растягивает на скамье, крепко к ней привязывает и вооружается толстой палкой. Затем он прочитывает заупокойные молитвы, приказывает монаху проститься с присутствующими и наносит ему страшный удар по затылку. Пациент моментально вытрезвился, но палач не оставил его в покое. Дав ему четки в руки, он заставил его сделать пятьсот поклонов, потом приказал ему раздеться, оставил на нем одну лишь рубаху и принялся молиться около него вместе с церковным сторожем, сопровождая каждое чтение «Отче Наш» и Богородицы ударом кнута. Монаху удалось, наконец, спастись еле живым и полуобнаженным.

Другой раз Аввакум становится случайно свидетелем прелюбодеяния. Сцена эта рассказана им со всеми деталями крайнего реализма. Застигнутый врасплох, мужчина поднимается и бормочет протопопу слова извинения. Гораздо более смелая, оправляя панталоны, женщина бесстыдно отрицает совершенный грех. «Женщины этого сорта носят панталоны», — замечает Аввакум, случайно сообщая нам одну из тайн женского туалета той эпохи. Этот случай происходил в Сибири, и виновная была отдана священнику на исправление. Аввакум посадил ее в погреб и выдержал в темноте и холоде в течение трех суток, лишив ее пищи. Когда она ночью принималась кричать, смущая его в его молитвах, он выводил ее из заключения и говорил ей:

— Хочешь водки и пива?

Дрожа, она отвечает ему:

— Что мне делать с этими напитками? Ради Бога, дайте мне кусок хлеба!

Невозмутимо он принимается не кормить ее, а поучать:

— Пойми, мое дитя, сущность вещей. Желание питает разврат, а желание рождается от невоздержанности, благодаря отсутствию разума и равнодушию к Богу. Пьянство и обжорство вызывают желание наслаждения, как телица, ты выжидаешь сильного быка, как кошка, ты караулишь котов в любовном блаженстве и забываешь о смерти!

«После этого, продолжает Аввакум, я ей дал в руки четки и приказал ей творить поклоны Богу. Не будучи в силах кланяться от большой слабости, она упала. Я приказал тогда церковному сторожу бить кнутом. Я плакал перед Господом и мучил ее».

Этот неисправимый катехизатор был в сущности добрым человеком, способным показать бесконечную кротость, обнаружить бесконечную чувствительность. Но как только религия, т.е. то, что он считал религией, выступало на сцену, он становился свирепым. Во всех тех поступках, где ему кажется затронута одна лишь мораль, он склоняется еще к снисходительности, особенно если имеет дело с женщинами, и его отношение к ним могло вызывать подозрение. Совершенно невинные, они между тем носили какой-то сентиментальный характер, где без всякого сомнения принимал участие и половой инстинкт. Так, накладывая покаяние на монахиню Елену, Аввакум обращается к ней со словами, где сострадание носит оттенок почти недвусмысленной нежности. Если же дело шло о том, что казалось ему с его точки зрения ересью, то здесь он становился неумолимым и полным ненависти. Истощив весь запас церковных проклятий, он обрушивался на виновных целым

народным лексиконом самой грубой брани. Так, при разговоре с никонианцами, у апостола всегда на языке такие слова, как «воры, разбойники, собаки», не говоря уже о других нецензурных эпитетах; он не лучше обходится даже со своими собственными товарищами, если находится с ними в малейшем противоречии. «Раскайся, трехголовый змей, исповедуй твою ошибку, вонючая собака, сын б...!». Вот его обычный стиль.

Уступки, которые сделаны были Никону, приводят его в ярость. «Хороший царь быстро бы и повыше его повесил», пишет он. Тот хороший царь, к которому он апеллирует, был, следует думать, «Грозный». Между тем Аввакум совершенно не походил на него.

Его ненависть не имела ничего общего с инстинктом жестокости. Она не была у него ни слепой, ни абсолютной. Среди тех, на которых она обрушивается, она отличает еретика, достойного самой ужасной казни, и человека, достойного сострадания и любви. Так, не впадая на этот раз в противоречие, в котором его обвинили некоторые из его биографов, Аввакум не перестает жалеть и любить всех и все. И он молится и хочет, чтобы его приверженцы молились за всех заблудших, и он не отчаивается в их обращении.

Но можно тут легко и ошибиться. В Сибири, послав на рекогносцировку маленький отряд казаков, Пашков решил посоветоваться с местным колдуном, шаманом, будет ли им удача. Само собой разумеется, этот человек обещает полный успех. Тогда Аввакум падает на колени в свином стойле, служившем ему помещением. Он просит у Бога, чтобы отряд был истреблен. Пусть ни один из них не вернется. И он не сомневается, что молитва его будет услышана. Совершенно искренне он верит в постоянное общение с божественным Владыкой и в то, что тот слышит его. Все время исповедуя полное смирение, веря в постоянно являвшиеся ему видения, которые не покидают его своей милостью, он говорит без всякого стыда о чудесах, которые он совершил. По примеру Спасителя он исцеляет больных, изгоняет демонов, получает чудесные уловы.

Когда его опровергают, это не оказывает на него никакого действия. Накануне своей второй отправки в Сибирь он хвастается, будто бы получил от неба обещание, что его не побеспокоят. И действительно, дьяк Башмаков потихоньку сказал ему от имени государя: «не бойся ничего, доверяй мне». Противоположные события не сбивают Аввакума с толку. В одном из своих писем он говорит, будто бы предсказал Пашкову, что он однажды попросит у него позволения надеть рясу, «что и случилось». В 1682 году автор предсказания был уже мертв, а

Пашков продолжал быть воеводой в Нерчинске, но пророк умер, не потеряв веры в свою сверхъестественную силу, «Святой Дух так и говорил через меня, простого грешника». «Святой Дух и я, мы судим», — повторял он до своего последнего вздыхания.

Пророк и чудотворец — в этой двойной роли он лишь делал промах за промахом, благодаря узости своего ума и недостаточности образования. Он был начитан в узком кругу известной церковной литературы.

Обширная память, хотя и не очень твердая, давала ему возможность забрасывать противника текстами настолько, что ему удавалось сбить с толку менее начитанных противников. Он был страшен в качестве полемиста, замечательно одаренный природой, вдохновением, оригинальностью, умением картинно выражаться, ловко подбирать сравнения, обороты речи, яркие пословицы, языком страстным, колоритным, вибрирующим, всегда простым, часто блестящим юмором, в одно и то же время нежным и приятным, или сжатым и энергичным, всегда легко понятным, без всякой искусственности, без следа риторики, без всякой заботы о диалекте, без всякой задней мысли, — умением говорить народным языком, да притом с настоящей силой виртуоза слова.

В качестве догматического писателя он шел уже по пробитой дорожке, причем ему приходилось воспроизводить лишь обычные обороты славянской литературы, — но повсюду, где он только затрагивал реальную жизнь, рассказывая о своей участи, беседуя со своими друзьями, он непосредственно черпал слова в источниках национальной речи. Он может поразить современного читателя грубостью некоторых выражений. Он часто тривиален, охотно обращается в циника и всегда называет вещи их именами. Но он одарен жизненной энергией и редкой силы возбудимости.

Монахиня Елена согрешила, внося смуту в одну семью. Аввакум склоняет сестер избегать ее, как зачумленную. Она должна их сама избегать, как оскверненная. Но ничто не должно измениться между ней и им, так как и он также заражен. Был ли он тронут ее чарами? Или, может быть, она внушила ему если не слабость, то по крайней мере тот трепет пробужденного желания, которого он так страшился и который умел смирять в себе так сурово? Неизвестно. Может быть, в силу утонченной чувствительности и смирения он не опровергал те дурные толки, которые вызвали их невинное общение. Он ей писал: «мне нечего бояться чумных язв, покрывающих твое тело, так как я покрыт ими сам. Пошли мне малины: я могу ее есть, так как если на тебя был донос,

то донос был и на меня, в наших отношениях нет ничего постыдного, мы стоим друг друга!»

Вне области богословия, в истории, в географии, в естественных науках его невежество было грубо, и даже в избранной им области он делал множество ошибок, как в терминологии, которую он употребляет, так и в существенных пунктах той догмы, которую он защищал. Таким образом в своей полемике с дьяконом Феодором, увлеченный своей страстью в области самых нелепых тезисов, он не встречает сочувствия даже своих собственных соратников. И он не заботится об этом. После мук, которым подвергалось его тело, настало время страданий его души, и он этому не противится. В его короне мученичества не доставало одной жемчужины: он ее принимает с радостью и ничего не боится. Держась Христа, он не боится ни царя, ни какого-либо князя, ни богатых, ни знатных, ни даже самого Сатаны.

Он всегда абсолютно верует. Его автобиография, смесь высоких религиозных вдохновений и самых вульгарных суеверий, деликатнейших чувств и самых постыдных тривиальностей, широкого понимания известных христианских истин и большого количества пустяков — свидетельствует об этом с начала до конца.

В качестве свода доктрины его писания не выдерживают никакой критики. Он считается главным участником в выработке принципов беспоповщины, и в общем его учение целиком направлено против официальной иерархии, против всякой иерархии, которую раскол не был в состоянии найти в своей среде. Аввакум не допускает даже молитвы иконе Христа в никонианской церкви. Если насильно тебя вводят в такое место, должно ему молиться, но стараясь не следить за службой. Принимая посещение никонианского священника, хозяин дома должен приказать детям спрятаться за печку; он должен избежать благословения приверженца сатаны, объявляя себя нечистым, и пытаться отделаться от него, предлагая ему водки и денег. Его жена должна сделать то же самое, сказав непрошеному гостю: «отец, что ты за человек? Разве ты не можешь понять, по твоей попадье, что мне недосуг тебя теперь принять?». Оба они, наконец, после ухода посетителя должны хорошо вымести свое жилище.

Печатается по: *К. Валишевский. Первые Романовы. — М.: Квадрат, 1993. — С. 277 и след.*

МИТРОПОЛИТ КИРИЛЛ

Речь Владыки Кирилла записана в процессе его выступления по телевидению. Мы взяли на себя смелость разделить проповедь на абзацы и поставить в тексте подходящие знаки препинания (да простится такая смелость!). Но другого пути для включения в хрестоматию этого образца (из многочисленных выступлений митрополита Кирилла по российскому телевидению) найдено не было. Будем надеяться, что безусловная польза от знакомства с творчеством этого мастера ораторской прозы позволит забыть обо всех других сторонах появления в хрестоматии данного текста.

ЗАДАНИЯ

1. Найдите в тексте те места, в которых Владыко показывает отличия между старыми и новыми Заповедями. Прочитайте эти слова вслух, постарайтесь запомнить их.
2. Какие места проповеди обратили еще на себя ваше внимание? Для разных людей это могут быть различные места, другие мысли, несходные абзацы. Их нужно определить по тексту, перечитать, оценить, запомнить.
3. При прочтении текста становится ясным, что оратор не читает свое произведение по бумаге, а говорит, не связывая себя рамками заранее подготовленного материала, логикой устоявшихся абзацев. Какие места указывают на эти обстоятельства, где особенно ярко проявляются признаки живой устной речи и ее отличия от речи письменной?
4. В чем и как проявляются особенности использования церковной лексики, церковных оборотов речи, опоры на цитаты из Библии и т.п.?
5. Оратор произносит слово «трапеза» с ударением на «е», что, естественно, можно услышать только при реальном прослушивании выступления. Словари указывают два возможных ударения — еще и на «а». Какое из этих двух ударений может быть предпочтительнее для читателя, почему?
6. В десятом абзаце оратор объединяет несколько однотипных вопросов. С какой целью он это делает, для чего нужно удва-

ивать и утраивать вопросы, развивая их содержание с каждой новой их постановкой, чему способствует такой риторический прием, использованный оратором?

7. Какие места текста можно определить как Введение и как Заключение, на какие разделы можно поделить его основную часть, сколько таких частей можно выделить в тексте, о чем говорится в каждой из них, как можно оформить разделы в виде примерного плана, исходя из содержания данного ораторского образца?
8. Постарайтесь встретиться с Его Преосвященством митрополитом Кириллом, когда он произносит речь по телевидению. Нужно послушать его воочию, чтобы составить более полное впечатление о его ораторском мастерстве. Нет сомнения в том, что текст его выступления не дает об этой стороне таланта митрополита Кирилла полного впечатления. А поэтому сравните несколько устных выступлений оратора, продолжите изучение тех ораторских приемов, которыми Владыко пользуется в своем ораторском служении.

Теперь обратимся к тексту, который представляет собой стенограмму публичного выступления большого мастера. И не забудем, что его выступления продолжаются и, очевидно, будут повторяться по различным каналам российского телевидения. Всякий желающий и искренне интересующийся современным русским красноречием имеет возможность активно продолжить собственное риторическое образование.

НОВАЯ ЗАПОВЕДЬ СПАСИТЕЛЯ

Итак, в четверг вечером на страстной неделе Господь вместе со своими учениками совершил пасхальную трапезу, которая в традиции Христианской церкви стала именоваться Тайной Вечерею. Название это не случайно, потому что именно во время этой пасхальной трапезы Господь таинственно своих учеников сделал соучастниками той жертвы, которую Он приносит Богу за грехи всего рода человеческого. Когда во время трапезы Он преподал им хлеб и вино, указав на них, как на Тело и Кровь свою, и когда ученики вкусили хлеба и вина, через это вкушение таинственно стали соучастниками жертвы Спасителя, ибо причастились истинного Тела и истинной Крови Христовой.

В конце трапезы произошел эпизод, который описали все четыре Евангелиста. Правда, Матфей и Марк относят этот эпизод не к самой трапезе, а ко времени после трапезы. А Лука и Иоанн связывают его непосредственно с Тайной Вечерью. Для нас не важно, в какой момент произошло это событие, важно само событие.

В ответ на пламенную речь апостола Петра, в которой этот апостол сказал о готовности следовать за Христом даже до смерти, Господь предсказывает его отречение.

«Душу свою ты готов положить за Меня? — спрашивает Учитель. — Уже сегодня, не пропоет петух трижды, как ты отречешься от Меня».

Петру и другим апостолам это было, видимо, очень трудно понять, но Христос взором своим прозревал трагедию грядущей ночи и прозревал трагедию предательства Петра.

Закончив трапезу, спаситель с учениками своими направился на гору Елеонскую, по-русски — Масличную гору. Эта гора находится в предместье Иерусалима за потоком, который называется Кедронским потоком. Название горы происходит оттого, что на ее склонах до сих пор растут масличные деревья, маслины. Некоторые из них насчитывают более двух тысяч лет и относятся к тому времени, когда жил Господь Иисус Христос. Эти огромные старые деревья сохранились до нашего времени.

А вот во времена Спасителя там, на склонах этой горы, был большой масличный сад, именуемый Гефсиманским садом. На склонах этой горы в тиши сада Господь любил отдыхать вместе со своими учениками, и каждый вечер почти во время страстной недели Он отправлялся туда вместе со своими учениками. Пошел Он и в четверг вечером на гору Елеонскую после совершения пасхальной трапезы.

Евангелист Иоанн в отличие от других Евангелистов помещает в повествование о вечере четверга страстной недели замечательную прощальную беседу Спасителя со своими учениками. Эта беседа началась в горнице, где проходила Тайная Вечеря, а закончилась перед тем, как перейти нужно было Спасителю и ученикам Кедронский поток, чтобы взойти на Масличную гору.

Эта замечательная беседа начинается с утверждения Спасителя о том, что пришел час Его славы: «Ныне прославился сын человеческий, и Бог прославился в нем».

О какой же славе Бога, о какой собственной славе говорит Спаситель? Что такое слава Спасителя. Что такое слава Божия? Ведь Господь накануне своих страданий, и эти страдания Он связывает с явле-

нием Божией славы. А что же лежало в основе этих страданий? Почему Бог принимает образ человеческий, принимает плоть человеческую, соединяется со страданиями мира, и Сам становится жертвой неправды? Почему Бог идет на страдания, какая сила движет Им?

Только одна сила — сила любви к роду человеческому. Поэтому явление Божией славы — это явление любви Бога к людям. Именно поэтому, свидетельствуя о том, что наступил час Его славы, Господь сразу переходит к другой теме, к этой теме любви.

Обращаясь к ученикам, Он говорит: «Заповедь Новую даю вам: да любите друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой».

Когда в свое время мы разбирали с вами Нагорную Проповедь Спасителя, то я говорил о том, что в Заповедях Блаженств, составляющих сердцевину той Нагорной Проповеди, Спаситель уже высоко-высоко поднял планку нравственных требований по отношению к тому уровню, который был отмечен десятью заповедями, полученными Моисеем на горе Синай от Бога. А вот в этих словах планка подымается еще выше: «Заповедь Новую даю вам: да любите друг друга».

По сути это ведь не Новая Заповедь. Уже в Ветхом Завете Господь говорил:

«Любите ближнего своего, как самого себя», и слушатели Спасителя прекрасно знали о том, что Заповедь любви уже дана была в Ветхом Завете.

Почему же Он называет эту Заповедь Новой? Да потому, что эта заповедь поставляется Спасителем в центр нравственных требований, в центр всей системы нравственных и духовных координат, в которых должно жить человечество.

«По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой». То есть любовь друг к другу есть отличительная особенность, самая важная характерная черта, отличающая христианина от нехристианина: будете любить друг друга, иметь такую любовь, будете Моими учениками... Не будете иметь любви, не будете Моими учениками.

Каждый знает, как тяжело любить по-настоящему. Той любовью, которую требует от нас Господь, любить близких, самых близких родных людей и то трудновато. Когда все хорошо и просто, мы вроде как и любим друг друга. А вот началась пора неудач, болезней, а сохрани Бог,

каких-то несчастных случаев, и как часто эти внешние физические обстоятельства жизни вдруг подрывают любовь, ибо любовь исчезает, как облако под натиском ветра.

Любить трудно, любить очень, трудно, что означает — иметь огромную внутреннюю силу. Откуда же такая сила? И как бы помогая ученикам ответить на этот вопрос, Спаситель тут же и говорит: «Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в Меня веруйте!». Он связывает нравственное требование о любви к ближнему с верой в Бога, с верой в Него.

Нужно сказать, что многие из наших современников вот этой связи между нравственностью и верой не сознают, не видят, не понимают. Некоторые считают, что нравственность может быть совершенно автономна от веры. И часто в быту можно встретиться с таким утверждением: «Ну, совсем не обязательно верить, чтобы быть хорошим человеком. Вот мой сосед, неплохой человек, а ни в какого Бога не верит». И когда церковь настаивает на том, что есть некая внутренняя органическая весьма значительная связь между нравственностью и верой, то нередко такую проповедь отвергают, от нее отмахиваются.

И вот ведь почему это происходит. Дело в том, что в утверждении о том, что не обязательно верить, чтобы быть нравственным человеком, есть доля правды.

Почему? Да потому, что сам Бог вложил нравственное начало в природу человека, нравственность есть часть человеческой природы, присущая изначально человеку, роду человеческому. Как человек имеет способность видеть, слышать, осязать, обонять, имеет вкус, точно так же по природе своей он имеет способность отличать добро от зла, имеет нравственную природу. И нравственная природа действительно в этом смысле как бы автономна от убеждения людей.

И в самом деле, сколько ни убеждай, что врага убить нужно, что это хорошо, что за этим убийством последует некая общая польза, человек, поддающийся таким убеждениям и убивающий другого человека, непременно испытает угрызение совести. Даже будучи уверенным в том, что это убийство во благо. Можно ведь притупить слух, вкус, зрение, обоняние, осязание. Сделать это не просто: нужно просто повредить своей человеческой природе.

Вот так же и нравственность: тоже можно притупить, разрушить нравственное чувство. Но нравственное чувство куда более хрупкий инструмент, чем наши физические свойства. Нужно сильно повредить

организму, чтобы притупилось зрение. А вот разрушить нравственное чувство очень просто: убедил себя один раз, что ты поступаешь правильно, хотя голос совести тебе говорит другое, второй раз убедил себя, третий раз убедил себя — и нравственное чувство притупляется.

А при чем же тут вера? А вера вот при чем. Вера не позволяет человеку притупить нравственное чувство. Вера есть такое умозрение, есть такое убеждение, которое постоянно воспитывает нравственное чувство, укрепляет его в человеке.

«Да не смущается сердце ваше». Пусть оно не смущается. Да, любить тяжело, любить друг друга очень тяжело: это высочайшее нравственное требование.

«Но не смущайтесь, — говорит Господь в прощальной беседе с учениками, — это можно осуществить в жизни, если вы будете верить в Меня, если вы будете верить в Бога».

Итак, вера есть неперенное условие сохранения нравственного чувства, есть неперенное условие сохранения способности человека — любить другого человека. И если любовь исчезает из нашей жизни, если мы перестаем быть способными протянуть другому человеку свою руку и свое сердце, то это означает, что вера ушла из нашей жизни.

Будем верить в Бога и в посланного Им Иисуса Христа, чтобы обладать самым высочайшим нравственным чувством, чтобы иметь счастье — любить другого человека.

Печатается по стенограмме выступления
Митрополита Кирилла на телевидении. —
3 февраля 1996 г.

МЕНЬ АЛЕКСАНДР

Книга «Православное богослужение» протоиерея А. Меня, трагически погибшего от руки так и не найденного на сегодняшний день убийцы, написана для непосвященных в православие, для тех, кто хотел бы вернуться к вере отцов, если они были православными.

В предлагаемом отрывке три раздела, соответственно которым и подготовлены три группы заданий.

ЗАДАНИЯ

1. Перечислите элементы облачения православного священника, объясните происхождение названий этих предметов и их предназначение во время церковной службы.
2. Пение и музыка в Православном храме совершенно не такие, как в других религиях, даже родственных, например, в католицизме. В наше время в радио- и телепередачах широко звучат русские православные церковные распевы. Поэтому данный вопрос может быть расширен за счет дополнительного звукового материала.
3. Какие молитвы и хоры читаются и поются в Православном храме во время Вечерни и во время Утрени? В этом разделе есть немало слов, которые не имеют хождения в повседневной жизни: их нужно понять, объяснить, не употреблять слов, неясных по содержанию.
4. Последнее задание вытекает из трех предыдущих. Обратите внимание на язык книги А. Меня, который прост, доступен, понятен каждому вне зависимости от образования и воспитания (естественно, за исключением слов церковного обихода).
Есть существенное примечание. Если желающий познать риторику считает себя атеистом или если он исповедует другую религию, то к выполнению этих заданий может быть два подхода:
 - а) отказаться совсем и не делать ничего;
 - б) сделать, но с переносом заданий на другую фактологию, приемлемую для этого читателя хрестоматии.

ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ

ОБЛАЧЕНИЯ

В ранней Церкви не было специальных культовых одежд. Исключение составлял «талит», кусок материи, которым в Иерусалимской общине, молясь, покрывали плечи и голову. Со временем возникла потребность в облачениях, отвечающих торжественности момента. Надевая их, служитель должен был отрешиться от всего будничного, осознать себя предстоящим Богу.

Современные церковные одеяния восходят к трем видам античных одежд: длинной тунике, или хитону, походному плащу — фелони и ленте, которую носили в праздничные дни как знак достоинства¹.

Туника, надеваемая диаконом, получила название *стихаря*, у священника и епископа это — *подризник*.

Фелонь в древнем Риме сшивалась в виде колокола, без рукавов, и служила основной одеждой путников (2 Тим 4,13). Нося ее, служитель Церкви хранит память о тех временах, когда проповедники Слова Божия странствовали от общины к общине. В фелонь (поверх туники) облачались как священники, так и епископы, но с XV века у архиереев она была заменена *саккосом* (родом стихаря).

Вышитая или цветная лента употребляется в каждой из трех степеней священства. Дьякон носит ее, как носили в древнем Риме, — через плечо, тогда она называется *орарем*². У священника она спускается обоими концами на грудь и скрепляется. В такой форме ее называют *епитрахилью*³. И, наконец, у епископа она лежит на плечах, одним концом спускаясь на грудь, другим — на спину. Этот знак епископского сана называется *омофором*⁴. И орарь, и епитрахиль, и омофор имеют на себе изображения крестов.

¹ Внебогослужбная одежда русского духовенства состоит из «полукафтаны», или *подрячника*, и *рясы*. Полукафтаны в допетровское время было «мирским» платьем, точно так же, как и ряса, имеет покрой повседневной одежды, носимой на Востоке. Обычай носить длинные волосы появился у клириков Русской церкви недавно. Ни в Древности, ни в Средние века его не существовало, как об этом свидетельствует иконография.

² От лат. *ораре* — молиться. Орарем дьякон подает знак к началу молитвы.

³ Греч. эпитрахелион — нашейник.

⁴ Греч. амофорион — наплечник.

Существуют и другие, второстепенные, элементы облачения (пояс, палица, набедренник, поручи), которые первоначально были нужны для удобства, а позднее им придали символический смысл.

Головные уборы духовенства возникли на основе двух головных уборов, бытовавших в Палестине: «кефье» (платка, скрепленного шерстяной повязкой) и тюрбана (греч. «митра»). Кефье превратилось в *скуфью*, закругленную шапочку. Когда она делалась из верблюжьей шерсти, то называлась *камилавкой* (от «камель» — верблюд). Твердая форма камилавки появилась в Греции в эпоху турецкого владычества, когда в ходу стали «фески». У монахов в Греции и в России долгое время сохранялся «кефейный» тип головного убора (*куколь*).

Митру, прототипом которой был тюрбан, носят епископы, а также архимандриты и заслуженные протоиереи. В своей первоначальной форме тюрбан удержался только в древневосточных церквях.

ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ И МУЗЫКА

Блаженный Августин говорил, что в музыке и пении человек может излить восторг и полет души. Мелодия дает простор тому, что не уместается в границах слов. Вот почему религиозная жизнь во все века искала музыкального выражения.

Ветхозаветные пророки пели под звуки струнных инструментов; оркестры и хоры Храма были неотъемлемой частью богослужения. Указания на них можно найти почти на каждой странице Псалтири.

Синагогальное пение состояло в «кантиляции»: ведущий произносил текст псалмодически, нараспев, украшая речитатив музыкальными узорами. Эти восточные мелодии легли в основу церковных песнопений классической эпохи. Влияние Востока закрепилось тем, что выдающиеся композиторы IV—VIII веков — святые Ефрем, Роман Сладкопевец и Иоанн Дамаскин — были родом из Сирии и широко пользовались народной музыкой своей родины.

Григорианские хоралы латинян, как и расшифрованные недавно византийские напевы, отличаются ярко выраженным «восточным» характером. Это протяжное, унисонное пение мало похоже на то, что звучит сегодня в русских храмах.

На Западе св. Амвросий (IV век) ввел антифонное пение (на два хора) по образцу Иерусалимского Храма и положил начало системе восьми «гласов». Унификацию латинского пения провел папа св. Гри-

горий Великий (VI век), по имени которого названы католические хоралы.

Немалый вклад в музыкальную культуру Церкви внесли монастыри Византии, Руси и Болгарии. Особенно велика была роль знаменитого подвижника Феодора Студита (XI век), оставившего богатое наследие «распевов».

Большинство гимнотворцев Востока и Запада опирались на традицию Иерусалима, а также на народную песенную культуру своих стран: Греции, Италии, Сирии, Армении, Эфиопии. Индивидуальное творчество в церковной музыке расцвело лишь на исходе Средних веков. Крупнейшим католическим композитором XVI века был Палестрина (Джованни Пьерлуиджи), написавший сопровождение для Литургии (несколько десятков вариантов). Среди протестантов той эпохи особенно выделялся Гендрих Шютц. Впоследствии многие композиторы — от Баха, Моцарта, Бетховена и Листа до Бриттена и Пендерецкого — создавали богослужебную музыку.

В России индивидуальное музыкальное творчество получило широкое распространение, начиная с XVIII века. В XIX и XX веках для храма писали Глинка, Чайковский, Рахманинов, Стравинский, но существовала плеяда композиторов, целиком посвятивших себя литургической музыке (Ведель, Бортнянский, Гречанинов и др.).

В настоящее время старинные распевы, которые были записаны крюковым нотами, привлекают все большее внимание. Расшифровка их привела к подлинному возрождению музыки, сложившейся в монастырях Афона и Древней Руси.

Первый орган был привезен на Запад из Византии (в VIII веке), но в самой Восточной церкви инструментальное сопровождение храмового пения не привилось. Тем не менее в принципе употребление музыкальных инструментов в церкви не противоречит Православию. Ведь именно Библия призывает нас: «Хвалите Его на струнах и органах». Перед революцией была сделана попытка пропагандировать введение инструментальной музыки в богослужение, но отклика она не имела.

ВЕЧЕР В ХРАМЕ

Для того, кто хочет накануне воскресной Литургии подготовиться к ней молитвой, двери храма, по крайней мере, в городах, вечером открыты. Прошла неделя с её заботами и трудами, печальями и радостями; настал час оглянуться назад, собраться с мыслями, побыть в сосредото-

ценности перед лицом Божиим, испытать совесть, углубиться в размышление и молитву.

Вечернее время сама Библия рекомендует как «благоприятное» для молитвенного предстояния. На ветхозаветном алтаре приносилась жертва, а служители при заходе солнца зажигали светильники — знак души, горящей огнем веры (Исх 30,8). После разрушения Храма этот обычай остался в домашней молитве иудеев и был усвоен новозаветной Церковью. Когда зажигали свечи или лампы, в христианских домах читалось «светильничное благодарение».

Так было положено начало церковной *вечерни*.

Ее последование посвящалось Христу как «Свету мира». Вечерня состояла из библейских псалмов и трех гимнов древней Церкви. В общих чертах такой порядок удержался до наших дней.

Вечерня

В конце XVIII века русский архиепископ Вениамин (Румовский-Краснопевков) обратил внимание на то, что структуру вечерни можно рассматривать в свете Истории Спасения — от создания мира до явления Христа. И в самом деле, вечерня начинается 103 псалмом, который прославляет Бога-Творца: «Благослови, душе моя, Господа! Господи, Боже мой, возвеличился еси зело...» Монументальный, торжественный, он всем своим строем как бы передает дыхание природы, ее многообразие. Здесь все: и мировой огонь — служитель Предвечного, и ветры, и горы, и животные в лесах, и, наконец, — человек, выходящий утром «на дело свое»... Основное чувство псалма — благодарность и восхищение души, созерцающей величие тварного мира. Библейский поэт говорит не только о безмерном, подавляющем воображение, его взгляд останавливается и на птицах, гнездящихся в зелени кедров, и на зверьках, скрывающихся среди камней. Он знает, что даже самое неприметное и малое в мире таит великие чудеса: «Вся премудростию сотворил еси!»

Недаром 103 псалом вдохновлял поэтов разных времен и народов. Известно, например, его переложение, написанное Ломоносовым; мотивы этого псалма можно найти в знаменитой оде Державина «Бог» и в Прологе «Фауста».

За обычной вечерней псалом читается, а когда его поют (в извлечении) накануне воскресного дня или праздника, то открываются царские врата. Служащий обходит весь храм с кадильницей, и храм наполняется благоуханием ладана.

Вслед за тем царские врата закрываются. Архиепископ Вениамин считал это символом Грехопадения, когда между человеком и Богом возникла преграда. Люди, возмечтавшие «быть как боги», оказались во тьме и, осознав свое отступничество, взывают к Творцу о помощи...

Призывом диакона (или священника): «Миром Господу помолимся!» — открывается *великая ектения*¹. Это молитва о «мире всего мира», о «соединении всех», о Церкви, о родной стране, о «временах мирных», о плавающих, путешествующих, страждущих, недугующих, плененных, об избавлении «от скорби, гнева и нужды». Заключительный призыв говорит о предании всей нашей жизни Христу Богу.

После того — как ответ на молитву — звучит псалом 1: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых... Яко весть Господь путь праведных и путь нечестивых погибнет». Византийские богословы (в частности, Симеон Солунский) усматривали в псалме указание на Христа как на образ истинной «праведности», а русские толкователи видели в этом моменте вечерни напоминание о Законе Ветхого Завета. Эти два понимания не исключают друг друга. Важно, что, произнося слова псалма и слушая его, верующие каждый раз вновь встают перед выбором пути. Еще в апостольское время проповедь, обращенная к людям, вступающим в Церковь, начиналась словами: «Есть два пути: один — жизни, и один — смерти; велико же различие между обоими путями».

Прежде во время псалмопения люди обычно сидели, поэтому служащий, призывая всех встать для молитвы, говорил: «Паки и паки (еще и еще) миром Господу помолимся!» Этими словами начинается вторая, малая ектения, имеющая всего одно «прошение».

За малой ектенией следуют слова из псалма 140. Они выражают тоску человека о Боге, желание служить Ему от всего сердца. Вместо даров на алтаре он приносит Господу свое молитвенное воздыхание.

Господи, воззвах к Тебе, услыши мя...

Вонми гласу моления моего...

Да исправится молитва моя, яко кадило, пред Тобою,
Воздеяние руку мою — жертва вечерняя.

Вновь совершается каждение всей церкви и поются *стихиры*, гимны, относящиеся к празднику или святому данного дня. Стихиры в субботу завершает «догматик», посвященный тайне явления в мир Богочеловека.

¹ Греч. слово «ектения» означает «прошение», «моление».

Во время пения «догматика» начинается обряд *входа*, который пришел к нам из Иерусалима и связан с обычаями, существовавшими при храме Гроба Господня. Богомольцы собирались в церковь задолго до начала службы и пели псалмы, гимны и молитвы. Епископ же приходил позже и в торжественной процессии вступал под своды храма. Нечто подобное этому порядку осталось и в нынешнем архиерейском служении. Когда вечерню совершает священник, он выходит северными дверями из алтаря. Перед ним несут свечу (в память о вечернем возжигании светильника), и он становится напротив царских врат. Как только смолкает «догматик», диакон возглашает: «Премудрость, прости!»¹ — и священнослужитель, благословив молящихся, направляется в алтарь.

В этот момент поют «вечернюю песнь» — один из древнейших христианских гимнов. Он сохранился от эпохи гонений.

Свете тихий
 Святыя славы,
 Безсмертнаго Отца Небеснаго,
 Святаго Блаженнаго,
 Иисусе Христе!
 Пришедше на запад солнца,
 Видевше свет вечерний,
 Поем Отца, Сына и Святаго Духа, Бога.
 Достоин еси
 Во вся времена
 Пет быти гласы преподобными,
 Сыне Божий,
 Живот давай,
 Темже мир Тя славит.

Пока звучит «вечерняя песнь», священник молится, стоя к востоку от престола, рядом с горним местом, где находится «седалище» епископа. Потом следует чтение из Ветхого Завета (*паремии*), которое предваряют стихом из Псалтири (*прокимном*, т. е. «предварителем»). В наше время паремии читаются только под большие праздники, но прокимен после «входа» произносится всегда. Вечерних прокимнов семь — на каждый день недели.

После прокимна и ектений поется вторая песнь древней Церкви: «Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохраниться нам...» и следует четвертая ектения.

¹ «Стойте прямо!» — призыв ко вниманию.

Накануне больших праздников за ней идет *лития* (от греч. «литэ» — усердная молитва), обряд, унаследованный от монастырей Палестины и Афона. В древности он состоял из процессии к святыням обители, замененной позднее выходом в притвор (сейчас — в западную часть храма). У святынь молились за живых и усопших, и затем совершалась братская трапеза, перед началом которой освящались хлеб, вино и елей. В современной литии сохранилось только это освящение. Оно напоминает о том, что земная пища посылается нам «Подателем жизни», что даже такой обыденный акт, как подкрепление сил пищей, должен происходить перед лицом Божиим.

Предстоятель произносит молитву:

Господи Иисусе Христе Боже наш,
благословивый пять хлебов и пять тысяч насытивый,
Сам благослови и хлебы сия,
пшеницу, вино и елей;
и умножи сия во граде сем
и во всем мире Твоем;
и вкушающих от них верныя освяти.
Яко Ты еси благословляяй и освящаяй всяческая,
Христе Боже наш,
и Тебе славу воссылаем
со безначальным Твоим Отцем,
и всесвятым и благим и животворящим Твоим Духом
ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Завершается вечерня стихирами и гимном праведного Симеона, того старца, который, взяв на руки Младенца, сказал:

Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко,
по слову Твоему, с миром;
ибо видели очи мои спасение Твое,
которое Ты уготовал перед лицом всех народов,
свет к просвещению язычников
и славу народа Твоего Израиля (Лк 2,29—32).

Это было одно из песнопений первохристианской церкви Иерусалима и более того: как думают некоторые исследователи, оно сложилось еще накануне Рождества Христова в среде людей, веривших в скорый приход Мессии. «Ныне отпускаеши» — как бы итог ветхозаветной Истории Спасения и благодарственная хвала грядущему Господу.

Утренняя

Как мы уже говорили, в праздники Рождества и Пасхи, а в некоторых монастырях и в иные дни вечерня смыкалась с молитвами, которые продолжались до утра. Хотя такие *всенощные* богослужения теперь редки, вечерня, соединенная с *утреней*, сохранила название «всенощного бдения».

В начале утрени звучит вифлеемское благовестие:

Слава в вышних Богу,
и на земли мир,
в человецех благоволение (Лк 2,14).

В храме гасятся светильники, чтобы полумрак способствовал молитвенной сосредоточенности. Начинается чтение шести псалмов (*Шестопсалмие*), обычай, заимствованный из иудейской практики евангельских времен.

Первый псалом (3) — это вопль души, истерзанной скорбями, которая только в Небесном Отце видит свое упование; во втором псалме (37) человек исповедует перед Богом свою греховную немощь; третий псалом (62) — голос мистической жажды; четвертый (87) — песнь муки и надежды; пятый (102) — гимн благодарения; шестой (142) — выражает торжество над злом.

Как и вечерня, утренняя начинается великой ектенией, которую предваряет Шестопсалмие. После нее звучит пение: «Бог Господь, и явился (т.е. явился) нам; благословен Грядый во имя Господне», а затем читаются «кафизмы», отрывки из псалмов, которые полагалось слушать сидя.

На всенощной после кафизм следует торжественное прославление любви и милосердия Божия, *полиелей*. Полиелей начинается песнопением, составленным из стихов Псалтири («Хвалите имя Господне...»). После каждения всего храма поется «величание» святому или празднику и читается Евангелие, а затем присутствующие подходят приложиться к праздничной иконе и Евангелию. В память о братских трапезах первых христиан, которые сопровождались помазанием благовонным маслом, епископ (или священник) начертывает елеем знак креста на челе подходящих к иконе праздника.

Пока люди прикладываются, хор поет *канон утрени*. Слово «канон» означает правило. В древности канонами назывались тексты, собранные в определенном порядке, который освящен традицией.

Канон утрени состоит из девяти «песней». Каждая из них сложена по образцу какого-нибудь библейского гимна. В соответствии с праз-

дниками и временем церковного года текст и мелодия меняются. Неизменными остаются только темы из Священного Писания:

1. Песнь Моисея после избавления от всадников фараона (Исх 15).
2. Обличительная песнь Моисея (Исх 32). Вторая песнь в каноне обычно опускается (кроме времени поста).
3. Песнь Анны, матери пророка Самуила (I Цар 2).
4. Гимн пророка Аввакума, предвосхищающий приход Бога-Избавителя (Авв 3).
5. Пророчество Исаии о рождении Эммануила (Ис 7).
6. Молитва «из бездны», включенная в Кн. Ионы (2).
- 7 и 8. Гимн отроков, исповедующих перед язычниками свою веру (Дан 3).
9. Благодарственная песнь Захарии, отца Иоанна Крестителя (Лк I).

В некоторых случаях тема варьируется настолько свободно, что неискушенному слушателю трудно уловить ее «каноническую» библейскую основу. Привести здесь все вариации невозможно, но вот несколько характерных примеров. Первая песнь, перекликающаяся с темой Исхода, в зауспокойной всенощной начинается словами: «Яко по суху, пешествовав Израиль по бездне стопами...», а в дни, посвященные кресту Христову: «Крест начерта Моисей, впрямо жезлом море Черное пресече, Израилю пешеходящу...» Начало песни отроков еврейских в зауспокойной службе: «Из пламене преподобным росу источил еси...»; в рождественской: «Отроцы благочестию совоспитани, злочестиваго веления небрегше...», в каноне к причащению эта песнь звучит так: «В пещь огненную ко отрокам еврейским снизшедшаго, и пламень в росу преложшаго Бога, пойте дела яко Господа и превозносите во вся веки».

Перед девятой песнью канона звучит «Песнь Богородицы» (лат. «Магнификат»). Она соткана из ветхозаветных псалмов и прославляет Бога, Который «низложил сильных с престолов, вознеся смиренных» (Лк 1,46—55). Каждую строфу сопровождает рефрен «Честнейшую Херувим...», как бы отвечающий на предвидение Девы Марии — «Отныне ублажат Мя вси роды».

* * *

Всенощная заканчивалась с утренней зарей. Уже рассеивался ночной мрак, когда предстоятель восклицал: «Слава Тебе, показавшему нам свет!»

Известно, что эта молитва на восходе солнца существовала в самом начале II века. О ней упоминает губернатор Вифании в своем рапорте императору Траяну.

Невольно представляешь себе окраины античного города, стены, старые памятники, выступающие в предрассветном сумраке, и толпу христиан, которые ждут восхода. Но вот над крышами домов и соснами вспыхивают первые лучи...

Не так ли явился в мир и Он, сказавший о Себе: «Я Свет миру»?

СЛАВА ТЕБЕ, ПОКАЗАВШЕМУ НАМ СВЕТ!

И доныне звучит в храмах песнь первых христиан: «Слава в вышних Богу...» Это — *великое славословие*, которое можно назвать жемчужиной всего чина утрени.

Завершается утренняя двумя ектениями и благословением народа.

Печатается по: *Мень А.*
Православное богослужение.
Таинство, Слово и Образ. —
М.: Слово/Slovo, 1991. — С. 20 и след.

МУРАВЬЕВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Книга «Путешествие по святым местам русским» появилась за полтора столетия до наших дней. В хрестоматию из нее включены два отрывка (гл. VII и IX). Первый рассказывает о Кремле, из которого видна «златоглавая Москва», такая, какой ее, вероятно, видел Наполеон, — с бесчисленными колокольнями, храмами, зданиями, монастырями и подворьями... Второй отрывок — об Архангельском соборе, в котором собраны могилы владетельных князей и государей России из рода Рюриковичей (последнее описание дано в сокращении).

ЗАДАНИЯ

1. Маленькая глава о Кремле дает возможность разделить ее на части: 1) романтическая (например: «Вот засыпает Кремль и Москва у ног его; но вокруг ходит по небу луна...» и т.д.), 2) фактическая (например: «прямо против Кремля церковь Черниговских чудотворцев...» и т.д.). Найдите по тексту материал для этих двух частей. Впрочем, нередко часть первая незаметно переходит во вторую, и наоборот.

Добавим, что Черниговские чудотворцы — это Михаил Всеволодович — черниговский князь, сын Василия Святого Чермного. Он замучен татарами в Орде вместе с боярином Федором в 1246 г. за отказ исполнять татарские языческие обычаи. Тела замученных были перевезены сначала в Чернигов, затем в Москву, где покоятся в Московском Архангельском соборе с 1774 г. Память обоих мучеников чтится 20 сентября. (*Полный православный богословский энциклопедический словарь*. — М., 1992, т. II., С. 1579).

2. Главу IX разделите на три части:
 - а) описание Архангельского собора («Но прежде, нежели приступим к торжественному сонму умерших, окинем мыслью и взором самый собор...» и т.д.). Элементы описания, убранства и пр., разбросаны по всему тексту;
 - б) собственно «духовная часть собора» (например: «Отраднo прочесть на краю гробов или на пышных покровах последние

молитвы, какие исторгались из уст...» и пр., описание молитв и икон и т.п.). Можно сказать, что этим настроением пронизан весь текст главы;

- в) обзор захоронений (от слов, например: «Приступим теперь к лику усопших: но с кого начать?..»). В части III пособия представлена схема краткого русского великого княжения. Все представители династии Рюриковичей находили свой последний покой в недрах Кремлевского Архангельского собора. Петр I, перенеся столицу в Санкт-Петербург, прервал эту традицию, — захоронения царской семьи стали делаться в соборе Петропавловской крепости.

Можно отдельно рассматривать «порядок гробов... вдоль южной стены» или «начиная от западных врат и до угла собора», «от северных врат» и т.д. Можно, наконец, составить план (схему) захоронений, сверяясь с точным описанием, данным самим автором главы.

3. Язык автора архаичен, например, «врата», «вверены», «прислоняться», «сподвижник», «соименный», «тяжкие вины», «юдоль» и пр. Продолжите этот список, выяснив значение каждого слова, поскольку многие из них вышли из широкого употребления. Например:

кимвал — музыкальный инструмент у древних евреев, употреблявшийся при богослужении в оркестре храмовой музыки, состоял из двух металлических кувшинов, которые в игре ударяли друг о друга (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II., с. 1267), *рака* — гробница, особое вместилище, куда полагаются тела усопших праведников (там же, с. 1947) и пр. Список может быть весьма длинным.

Можно отдельно проследить за конструкциями фраз языка автора. Например, перечитайте несколько раз последний абзац главы, попытайтесь пересказать его современным языком с учетом того, что *юдоль* — это по церковнославянски «дол», «долина», а в переносном смысле — жизненный путь, жизнь со всеми ее заботами и печальями.

4. По гл. IX проследите жизненный путь отдельных личностей, оставивших след в истории России. Нередко можно сделать и «маленькие открытия для собственного пользования», например, кроме раки младенца Дмитрия (история которого известна всем

на Руси), в соборе есть татарские захоронения. (См. абзац, начинающийся словами: «Опять странная противоположность, если только можно отнести к случаю то, что...» и т.д. Далее упоминается....»гроб сына славной Сумбеки, защищавшей царство свое против Грозного...» и далее). В Казани до сих пор сохранился Кремль (XVI—XVIII вв.) с башней Сююмбеки (конец XVII—начало XVIII вв.). Разница в написании имени ханши не мешает нам удивиться хитрым зигзагам истории и умению наших предков мириться с бывшими врагами.

VII КРЕМЛЬ

Отрадно стоять на высотах Кремля в чась всеночной, когда на зовь златоглаваго великана внезапно и со всѣхъ сторонъ откликаются его безчисленныя дѣти, и ходить гуль ихъ въ дрогнувшемъ эфирѣ, серебристый, многоглагольный, слитый не изъ однихъ звуковъ, но изъ чувствъ и мыслей и словъ, которыя однако же не опускаются до земли: языкъ неба плаваетъ въ небѣ, обтекая столицу своимъ мѣднымъ гимномъ. Это священные кимвалы полчищъ Ангельскихъ, стражей Русской земли, вѣчно бодрствующихъ надъ богохранимымъ градомъ, для отгнанія лукавыхъ князей тьмы. А между тѣмъ подъ сѣнію благовѣствующаго неба, сладко упокоивается земля, какъ бы на лонѣ у матери, и свѣтель вечерній ликъ бѣлокаменной Москвы, и синихъ водъ ея и зеленыхъ садовъ, въ послѣдній часъ угасающаго дня, который будто нехотя разстается съ нею, убирая какъ невѣсту своенравными цвѣтами: — гдѣ только можно медлять запоздалые лучи его, то догарая золотомъ на сонмѣ куполовъ и крестовъ, то дѣвственнымъ румянцемъ на стѣнахъ храмовъ, то воздвигая бѣлые призраки башенъ изъ массы зданій. Но эти призраки, подымаясь какъ бы изъ тьмы временъ, гласятъ о славномъ минувшемъ; это громадная лѣтопись нашего царства, каменные грани, которыя ставили предки на рубежѣ вѣковъ, ознаменованныхъ великими дѣянiями, чтобы при видѣ ихъ потомки укреплялись молитвою на новые подвиги. Прямо противъ Кремля, церковь Черниговскихъ чудотворцевъ, гдѣ долго покоились святыя мощи Князя Михаила и боярина Феодора, кровію запечатлѣвшихъ вѣру во Христа предъ дикимъ Батыемъ; далѣе, позади величественныхъ храмовъ Пятницы, всѣхъ скорбящихъ и Климента Папы Римскаго, главу коего принесъ Св. Владиміръ изъ покоренной Корсуні,

яснѣють вдали древнія башни Симонова, память первой побѣды надъ Татарами; — Сергій, молитвенно двигнувшй рать Донскаго на Мамай, указаль и мѣсто для обители благодарному Князю. — Лѣтѣе одиноко востаеъ величавая колокольня Новоспасская и съ нею воспоминаніе другаго конечнаго торжества надъ Монголами: — это бѣгство послѣдняго Хана Ахмата и паденіе Золотой Орды, два вѣка тяготѣвшій надъ Россією, и величіе Іоанна, собирателя Руси, соорудившаго обитель въ лето сверженія ига. И третія славная обитель виднѣется правѣе Симонова, изъ толпы церквей, Донская именѣмъ и отголоскомъ первой побѣды. — Сергій и витязь, сокрушитель Мамай, опять дѣйствуютъ черезъ два столѣтія, уже подъ стѣнами Москвы. Икона, сопутствовавшая доблестному Князю Донскому въ часъ рѣшительной битвы, и самый образъ святаго пустынножителя оградили здѣсь станъ ратный послѣдняго изъ дома Рюрикова, и какъ нѣкогда съ полей Куликовскихъ Мамай, такъ бѣжалъ съ Воробьевскихъ высотъ Девлетъ Гирей Крымскій, оттолѣ пожиравшій зорами Москву. Такою славою побѣдъ увѣнчанъ горизонтъ ея! — Отъ подошвы сихъ живописныхъ горъ, нынѣ остѣненныхъ мирною рощей, скромно течеть Москва рѣка, какъ Римскій Тибръ, свидѣтель столькихъ браней, вся упоенная вражьей кровью; но зарева и битвы будто забыты ею, ихъ унесла съ собою мимотекущая волна; она же весело кропитъ зеленые берега свои, усѣянные нивами и садами, и синей лентой вѣтся между ними, доколѣ мало по малу не втекаетъ въ пышную ограду храмовъ и палатъ. Тогда ударяя звонкой струею въ каменные арки моста, какъ бы въ струны гуслей, плещеть она и подъ сѣдую стѣну Кремля, который любить смотреться въ ея зеркалѣ, со всѣми своими куполами и бойницами; полная его златоверхуою славою, она опять ударяетъ волнами въ другія арки, журча свою тихую пѣснь, и, какъ рѣзвое дитя, скользитъ сквозь нихъ, отъ величаваго надзора древней матери столицы, опять въ привольное лоно своихъ рощъ и полей, къ стадамъ, пасущимся на зеленыхъ лугахъ Симонова.

Вотъ засыпаеъ Кремль и Москва у ногъ его; но вокругъ ходить по небу луна, какъ бы на стражѣ его святыни и бодрствуютъ при свѣтѣ лампадъ лики Святыхъ у входа въ каждый храмъ. Отрадно для взоровъ и сердца такое сліяніе свѣта небснаго съ земнымъ, и тамъ, куда не досягаеъ широкий лучъ мѣсяца, заслоненный громадой соборовъ или уступомъ високаго терема, тамъ яркой звездю горить во мракѣ богатый вѣнчикъ надъ иконой, и озаренное имъ лицо Пречистой Дѣвы привѣтливо улыбается съ Божественнымъ Младенцемъ мимоходящему

поклоннику. Все тихо и будто мертво, если только может быть мертво въ Кремлѣ, гдѣ живы и сами усопшіе, спящіе въ ракахъ, какъ бы на лежахъ ночныхъ. Подъ южной стѣною не плеснетъ ни одна струя Москвы рѣки, не слышно и поздняго гула на двухъ ея мостахъ, опоясавшихъ Кремль: — лишь изрѣдка легкой вѣтръ зашевелитъ звѣньями крестовыхъ цѣпей на соборныхъ главахъ, и Спасская башня, одна ведущая рѣчь за всѣхъ зубчатыхъ сестеръ своихъ, начнетъ считать боемъ часовъ мимотекущее время, какъ считаетъ свои сокровища богатый, или подымается внезапно отъ Ивана Великаго протяжный окликъ часовыхъ, что бы отозвавшись во всѣхъ вратахъ и бойницахъ, опять оставить сѣдой Кремль его ночному безмолвію, его безмятежной святынѣ, гдѣ отъ избытка небеснаго земное кажется излишнимъ.

IX АРХАНГЕЛЬСКІЙ СОБОРЪ

Погрузимся въ сумракъ Архангельскаго собора, гдѣ отъ избытка мертвыхъ тѣсно живимъ; что шагъ, то могила, и какія могилы? — вмѣстившія въ себя едва вмѣстимыхъ цѣлымъ царствомъ! каменные скрижали смерти, на которыхъ вписалась многовѣковая лѣтопись! Здѣсь истинно сердце Русской земли, и здѣсь упокоились всѣ ея междуусобія, по мѣре того, какъ собирались сюда кости ея Князей. Сколько вражды улеглось въ той же могилѣ, гдѣ одна гробовая доска служитъ гранію мира между сокрушителями бойницъ! но вмѣстѣ и сколько славы, какъ бы живыя струи подземнаго ключа, кипитъ, готово пробиться изъ подъ каменныхъ остроконечныхъ крышъ, на коихъ изсѣчено упокоительное слово: «преставися,» равняющее исполиновъ съ землей и между собою! — И не одна только лѣтопись, именъ и годовъ, представляется испытующему взору, въ мертвой тишинѣ собора; нѣтъ, много здѣсь и для сердца, и для ума! Входящий съ холоднымъ невѣріемъ, съ однимъ любопытствомъ любителя древности, можетъ выдти отселѣ съ теплою вѣрою, пораженный ужасомъ минувшаго и грядущаго, если только вникнетъ самъ въ себя, а потомъ въ святыню храма и гробовъ, и прочтетъ на нихъ не руку времени, но персть Божий! — Взявъ лѣтопись, какъ свѣточъ, пусть посвѣтитъ себѣ, во мракъ смерти, и созерцаетъ неиспытанныя судьбы божиі, совершившіяся надъ ликомъ усопшихъ. — Тогда увидитъ, какъ тайный Промыслъ, будто бы случайно, безотчетною рукою минувшихъ поколѣній, положилъ рядомъ убійцу съ убиеннымъ, жертву на мѣсто избранное мучителемъ, и, широко разселивъ благословенныя семейства

вокругъ преставшихся отцевъ, втѣснилъ по несколько честолобцевъ въ одинъ узкій гробъ, подлѣ тѣхъ, у кого домогались похитить престоль.

Отраднo и для сердца прочесть на краю гробовъ, или на пышныхъ покровахъ, послѣднія молитвы, какія исторгались изъ устъ, уже проникнутыхъ чаяніемъ вѣчности, или, съ какими отпускали въ вѣчность, проникнутые горемъ разлуки. — Здѣсь можно изучить и характеръ усопшихъ, и духъ времени, а иногда и случай смерти, по мѣрѣ того, какъ выпадало глубокое слово современниковъ на драгоцѣнную для нихъ могилу, подобно какъ осыпается иногда крупный жемчугъ, съ богато унизаннаго покрoва.

Но прежде, нежели приступимъ къ торжественному сонму умершихъ, окинемъ мыслію и взоромъ самый соборъ, куда стеклись для покоя столько сильныхъ земли. Какая высокая, истинно Христіанская мысль, запала въ душу Великаго Князя Іоанна Калиты — соорудить храмъ во имя Архангеловъ, для погребенія будущаго славнаго потомства! Онъ хотѣлъ, чтобы и по смерти земная оболочка великихъ душъ отдыхала подъ сѣнію тѣхъ Ангеловъ хранителей, которымъ порученъ будетъ каждый изъ сыновъ его, на все теченіе жизни, и потому, памятью и ликами Ангеловъ, исполненъ весь погребальный соборъ; какъ бы едиными устами отовсюду гласить онъ умилительную пѣснь, коею Церковь призываетъ помощь небесныхъ Силь: «Архистратиги божественной славы, Ангеловъ начальники и челоуѣковъ наставники, полезное намъ просите и велію милость». Вся западная стѣна объята страшною картиною послѣдняго суда, съ ликами Архангеловъ, сзывающихъ от концевъ земли весь челоуѣческій родъ, а вдоль южной и северной стѣны начертаны бывшіе Князи и судіи земли, какъ бы возставшіе уже по звуку трубному, каждый надъ своимъ гробомъ, съ отблескомъ невечерняго свѣта вокругъ чела, и съ ликомъ своего Ангела хранителя надъ главою, который ходатайствуетъ и за пределами гроба, доколѣ не рѣшится участь вѣрнной души, на страшномъ и нелицепріятномъ судилищѣ...

Калита основаль соборъ въ 1333 году, на мѣсто убогой деревянной церкви отца своего Даніила, а славный Іоаннъ, собиратель Русской земли, въ 1505 году, сломаль ветхій и основаль новый обширный храмъ, чтобы не было тѣсно его предкамъ и потомкамъ, для которыхъ устроилъ царство, на столь широкихъ размѣрахъ, распустивъ надъ нимъ крила Византійскаго имперскаго орла. Благочестивый сынъ его, Василій, довершилъ и освятилъ начатое великимъ отцемъ и, какъ радушный хозяинъ, властительски распорядивъ почетныя мѣста для каждого изъ

славныхъ предковъ, самъ улегся инокомъ, въ лѣтописномъ порядкѣ царственныхъ гробовъ.

На величественномъ иконостасѣ представляются взорамъ — древній храмовый образъ Архангела Михаила, подлѣ Спасителя, въ богатыхъ окладахъ; далѣе, за южной дверью, иконы Предтечи и Святителя Николая, надъ гробами основателей собора, а на южной стѣнѣ самый обликъ царственного инока Варлаама, при иконѣ его бывшаго Ангела, великаго Василия. По лѣвую сторону царскихъ вратъ, образъ Божіей Матери, прозванный благодатное небо, по преданію, подаренъ Витомтомъ, гордымъ Княземъ Литвы, дочери своей Софіи, когда выходила она за сына Донскаго; другая икона, Благовѣщенія, поставлена въ честь Архангела Гавріила, чтобы и радостный вѣстникъ примиренія неба съ землею, стоялъ на ряду съ Архистратигомъ небесныхъ Силъ, въ соборѣ безплотныхъ. За северною дверью, опять образъ великаго Архиепископа Кесаріи, ибо много Василиевъ отдыхаютъ въ соборѣ, подъ стѣнію его молитвъ, а другая икона, Θεодора Стратилата, ради двухъ спящихъ Царей Θεодоровъ. И горькая инокиня Марѳа, бывшая нѣкогда Царицею, ввѣря храненію Архангеловъ нетлѣнные мощи своего блаженнаго отрока Димитрія, поставила въ виду ихъ, на сѣверной стѣнѣ, икону Тихвинскія Божія Матери, на память долгаго своего заточенія въ предѣлахъ Тихвинскихъ, у пустынныхъ водъ Бѣлаго озера. — Таковы мѣстныя иконы святилища.

Приступимъ теперь къ лику усопшихъ; но съ кого начать? съ котораго конца развить сію хартию смерти, погребальнымъ свиткомъ обвиняющую всѣ столпы и стѣны? Прежде всего, припадемъ къ священной рацѣ юнаго Царевича и, посреди такого сонмища мертвыхъ, насладимся утешительною мыслію грядущаго воскресенія земной оболочки нашей, въ прославленномъ образѣ, котораго начаткомъ и свидѣтельствомъ служить нетлѣнные Святыхъ, угодившихъ Богу. Открыта рака, и въ ней, подъ богатымъ покровомъ, почиваетъ Димитрій; хранители Ангелы не будятъ дитя до послѣдняго утра; но вотъ, на гробовой доскѣ, отразился какъ въ зеркалѣ, чистый ликъ его, въ томъ возрастѣ, въ какомъ заснулъ на землѣ: изъ серебра вычеканены княжеская одежда и то ожерелье, которое дерзнулъ схватить убійца, занесшій ножъ на святаго, а вокругъ юнаго чела сіяютъ два вѣнца, земной Царевича и небесный мученика. Въ долгомъ ряду Князей, прежде него усопшихъ какъ будто для него нарочно оставлено было самое почетное мѣсто, въ сердцѣ собора, у праваго столпа, предъ иконостасомъ; но это мѣсто указано — Году-

новымъ! Борисъ, какъ родоначальникъ новаго племени Царей, первый отклонился отъ смиреннаго ихъ порядка вдоль стѣны, чтобы выступить на самую средину храма и, чрезъ шесть недѣль, онъ выкинуть былъ, призракомъ убиеннаго, Лжедимитріемъ, сквозь проломъ соборной стѣны, какъ недостойный пройти чрезъ освященные врата; а на праздное мѣсто Бориса, Царь Шуйскій, солгавшій Россіи о кончинѣ невиннаго отрока, принужденъ былъ, своими руками, поставить его раку, предъ лицомъ всего царства. — Не персть ли Божій въ событіяхъ, столь по видимому странныхъ?

А гдѣ же самъ Шуйскій? — вотъ онъ, въ западномъ углу собора, смиренно приникъ, подлѣ трехъ безъимянныхъ гробовъ, быть можетъ его братьевъ, вырытый изъ Польскаго плѣна, изъ-подъ чуждаго столба на распутіи, который двадцать семь лѣтъ гласилъ о его горькой участи, и поставленный Царемъ Михаиломъ подъ стѣну погребальную храма. Наискось отъ раки Царевича, гробъ Шуйскаго, какъ вѣчный свидѣтель тому, кого однажды убого погребалъ онъ въ Углицкомъ соборѣ, чтобы съ такою славою внести потомъ въ Архангельскій! Достоинно вниманія, что въ бѣдственную эпоху 1812 года, когда пылала Московская святыня, усердіе престарѣлаго пресвитера Вознесенской обители спасло мощи Царевича, отъ неистовства Французовъ. Ночью перенесъ онъ раку изъ запустѣвшаго собора, на верхъ иконостаса своей монастырской церкви, и, умирая, прежде изгнанія враговъ, открылъ сію тайну брату своему причетнику, который возвѣстилъ о томъ Архіепископу Августину, и святыя мощи возвратились древнему ихъ жилищу.

Но кто такъ смиренно улегся въ ногахъ Царевича, какъ бы припавъ къ его цѣлебной рацѣ? — Мы узнаемъ тебя, благочестивый Царь Алексій, еще при жизни избравшій сіе мѣсто упокоенія, ибо душа твоя, исполненная любви, прилѣпилась къ блаженному Царевичу и отъ него ожидала себѣ родственной встрѣчи, въ небесныхъ стѣняхъ. Ты любилъ бесѣдовать, не только съ святыми отшельниками, заживо умершими міру, но и съ ликомъ отжившихъ, въ пламенныхъ къ нимъ молитвахъ и даже въ умиленныхъ посланіяхъ. Такъ испросилъ ты прощеніе грозному прадѣду, у священно-мученика Филиппа, когда, посылая за его нетлѣнными мощами въ отокъ Соловецкій, трогательно писалъ къ нему, чрезъ Патріарха Никона, какъ бы къ живому; никто достойнѣе тебя не могъ занять мѣсто у ногъ блаженнаго отрока.

Одна только могила, рано утраченнаго сына Алексія, отдѣляетъ гробъ мудраго законодателя, отъ гроба кроткаго его родителя, столь близкаго сердцу Россіи.

Какъ нѣкая благовонная масть, исцѣляющая всякую язву, приложился юный Михаилъ къ глубокимъ ранамъ бѣдствующаго отечества, и заживилъ ихъ, въ теченіе долгаго царствованія. Лице его просіяло какъ солнце, въ часъ блаженной кончины, говорить преданіе, ибо на немъ отразилась тишина умиренной имъ державы. Царственно прислонился онъ къ правому почетному столпу, первенецъ своего рода, какъ столпъ и основаніе грядущаго славнаго дома, и вокругъ столпа обвилась юная лѣторосль Царевичей, дѣтей его, внуковъ и правнуковъ. Здѣсь два его сына, Іоаннъ и Василій, для которыхъ выстроилъ узорочный теремъ на своихъ палатахъ, и два внука Симеонъ и Димитрій, едва разцвѣтшіе сыны Царя Алексія, и два правнука, Илія и Александръ, отпрыски Царей Θεодора и Петра; — какъ младенцы, играя заснувшіе на лонѣхъ утѣшеннаго ими дѣда, который молча сидитъ, не смѣя нарушить ихъ невинный покой, такъ собрались дѣти и внучата къ тихому Михаилу.

Два изображенія, во весь ростъ, Царей Михаила и Алексія, висятъ на противоположномъ столпѣ, свидѣтельствуя въ виду могилъ, о земномъ величіи отжившихъ. Какая поистиннѣ противоположность! въ вѣнцѣхъ, и бармахъ Мономаховыхъ, стоятъ они, облеченные царскою одеждою, съ крестомъ и скиптромъ и державой, которая на минуту сжалась въ рукахъ Михаила, чтобы еще пышнѣе разростись въ десницѣ Алексія и обнять собою западъ, полдень и востокъ. Куда же обращенъ ликъ державныхъ? — на мирное свое жилище за предѣлами временнаго, гдѣ царство небесное смѣнило для нихъ земное! — Это была мысль благочестиваго Царя Алексія; онъ поставилъ изображение родителя противъ его гробницы, смиренно начертавъ на ней: «в лѣто 7133, Іюля въ 12-й день, на память преподобнаго отца нашего Михаила Малеина, съ субботы на воскресенье, въ 3-мъ часу ночи, преставился благовѣрный и Христолюбивый Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михаилъ Θεодоровичъ всея Руси.» Онъ же осынилъ ее богатымъ, жемчужнымъ покровомъ, «во украшеніе и надежду будущаго упованія», ибо великолѣпные сіи покровы знаменовали прославленное тѣло будущаго вѣка, въ которомъ воспрянуть мертвые; и въ свою черду, благочестивый сынъ Θεодоръ поставилъ такое же царское изображеніе противъ гроба отца, и положилъ столь же пышный покровъ на преставившагося, Божіимъ праведнымъ изволеніемъ, раба Божія, благовѣрнаго и Христолюбиваго Государя, Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича (уже не просто всей Руси но) всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и многихъ государствъ и земель, Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ, отчича и дѣдича, наслѣдника, Государя и обладателя.»

Самъ Ѳеодоръ, сей кратковременный владыка, оставивши по себѣ долгую память, истребитель мѣстничества, любитель просвещенія, для котораго вызывалъ ученыхъ мужей изъ Кіева, Царьграда и Запада, воспріялъ ту же почеть, отъ руки присныхъ, и братски улегся съ болѣзненнымъ Іоанномъ, своимъ преемникомъ, отдѣльно отъ другихъ, подъ сѣнію лѣваго столпа, ибо уже не было болѣе мѣста, подлѣ отца и дѣда.

Между сонмомъ Князей и Царей есть и одинъ Императоръ, внукъ великаго Петра, ему соименный, похищенный раннею смертію, изъ-подъ брачнаго и царскаго вѣнца. Горько опуская въ могилу свою цвѣтущую надежду, современники не могли краснорѣчивѣе выразить своего плача, какъ плачемъ Пророка Іереміи, когда одиноко возсѣлъ онъ на развалинахъ Іерусалимскихъ, во дни плѣненія Вавилонскаго, и пролилъ душу свою предъ Богомъ Израила. Его плачевную пѣснь изсѣкли на гробѣ юнаго Императора, вмѣстѣ съ описаніемъ краткой жизни и горькой утраты: «Благочестивѣйшій и самодержавнѣйшій Государь Петръ II, Императоръ Всероссійскій, рожденъ лѣта 1715-го сентября въ 12-й день, прародительское владѣніе пріемши, вѣнчанный и помазанный въ лѣто 1728, февраля 25-го дня, великихъ благъ чаяніемъ подданныхъ въ кратцѣ обнадеживъ, изволеніемъ Божіимъ, къ вѣчному царству преставися, лѣта 1730, января 19-го дня. — Разсыпая радость сердець нашихъ, обратился въ плачь ликъ нашъ, спаде вѣнецъ съ главы нашея; горе намъ яко согрѣшихомъ.» — Къ лѣвому столпу прислоненъ гробъ Императорскій, напротивъ раки блаженнаго Царевича, какъ бы для того, чтобы сильнѣе выразить, какого сокровища лишалась тогда Россія, не предвидѣвшая еще своей грядущей славы и продолженія благословеннаго корня.

Еще другія святія мощи недавно ввѣрены храненію собора, когда упразднена была церковь Черниговскихъ чудотворцевъ, надъ Тайницкими вратами Кремля. Два славные мученика, время Татарскихъ, Князь Черниговскій Михаилъ и вѣрный его бояринъ Ѳеодоръ, вмѣстѣ пострадавшіе, вмѣстѣ покоятся подъ спудомъ, у втораго столпа, и нигдѣ приличнѣе не могло быть обрѣтено мѣсто упокоенія, какъ въ сонмѣ родственныхъ Князей, которые одушевлялись подвигомъ ихъ на новые подвиги противъ невѣрныхъ. Благовѣрный Князь не хотѣлъ преклонить выи, предъ идолами Батыя, и палъ подъ мечемъ Ханскимъ, а вѣрный бояринъ, возбуждавши его къ мученичеству, запечатлѣлъ кровію твердое слово. Оба изображены надъ ракою, почившими послѣ трудовъ,

какъ и отрокъ Дмитрій, и сими тремя мучениками хвалится усыпальница Князей Русскихъ.

Опять странная противоположность, если только можно отнести къ случаю то, что устроено тайнымъ Промысломъ, къ назиданію верующихъ! Чей гробъ приникъ къ столпу, напротивъ раки пострадавшихъ за вѣру, въ Золотой Ордѣ, которая два вѣка тяготела надъ Русью?— Это гробы Царя и Царевича Казанскихъ, державы, собранной изъ остатковъ Орды и разсыпавшейся подъ тяжелою стопою Іоанна! — гробъ Царевича Петра, сына Ибраимова, сына Мамотякова, Царя Казанскаго, и гробъ сына славной Сумбеки, защищавшей царство свое противъ Грознаго, которая привезена была, съ плѣннымъ отрокомъ, изъ падшей Казани. Какъ утѣшительно читать, на гробовой доскѣ бывшаго врага Христіанъ, новое Христіанское его имя, еще отзывающееся Татарскимъ корнемъ; «въ лѣто 7074-ое, Іюня въ 11-й день, на память Св. Апостоль Варѳоломея и Варнавы, преставися Царь Казанскій, Александръ Сафагиреевичъ, сынъ Царя Казанскаго.» Не муками и не кострами, какъ нѣкогда Князей Черниговскихъ, Тверскихъ и Рязанскихъ, терзаемыхъ въ Ордѣ за вѣру предковъ, но, кроткимъ свѣтомъ Евангельской истины, призывала святая «да, закоснѣлыхъ враговъ своихъ, изъ тьмы язычества въ благодатное царство Христово, и, забывъ древнія обиды, гостепріимно открывала имъ объятія храмовъ, усыпальницу Князей: Такъ, вѣра во Христа, сливала во едино иноплеменные ихъ роды, издавна обагренные взаимною кровію.

Не много гробовъ прислонилося къ сѣверной стѣнкѣ собора, будто бы негостепріимная дышала холодомъ на искавшихъ къ ней пріютиться; но, подобно какъ бываетъ въ теплицѣ, отстранился отъ нея замогильный, княжескій цвѣтъ земли русской, чтобы пышными побѣгами распуститься, вдоль западной и южной стѣны, и обвить ихъ своимъ погребальнымъ плушемъ. Всѣ четыре могилы удѣльныя: вотъ у самаго иконостаса, подѣ Тихвинскою иконою Царицы инокини, опочилъ въ 1464-мъ году внукъ Храбраго Владиміра, сподвижника Донскаго, Князь Василій Ярославичъ Боровской, котораго благочестіе выразилось надгробною надписью: «покой, Спасе нащъ, съ праведными рабы своя, въ селѣхъ избранныхъ ти; аще бо и согрѣшиша вси, но не отступиша отъ Тебѣ.» — Какъ много смиренія и вѣры въ сей молитвѣ!

Отъ сѣверныхъ вратъ, первый положенъ, вдоль стѣны, сынъ Темнаго, Князь Андрей Углицкій, названный Большимъ, для отличія отъ меньшаго соименнаго брата, но самъ затемненный славою старшаго, Іоанна, собирателя Руси. Подлѣ лежитъ другой Князь, Андрей, сынъ Владиміра

Храбраго, а наконецъ удѣльный Князь Дмитровскій, Юрій, мало извѣстный сынъ великаго Іоанна, упирающійся въ безимянные гробы братьевъ Шуйскаго (если только это его братья), которые, своими нѣмыми памятниками, отдѣляютъ испуленнаго плѣнника отъ лика соплеменныхъ ему властителей. На Шуйскомъ, какъ на утесѣ, обрывается сѣверный рядъ гробовъ и, одиночествомъ его могилы, выражено одинокое его явленіе на престолѣ Рюрика, окончившееся невольнымъ постриженіемъ. Никто изъ Романовыхъ не хотѣлъ возлечь подлѣ; Цари и Царевичи отклонились отъ его сосѣдства къ блаженному отроку, ибо юноша Михаилъ, не путемъ Шуйскаго, возшелъ, изъ мирной обители Ипатіевской, на Грановитый престолъ.

Начиная отъ западныхъ вратъ и до угла собора, двѣнадцать удѣльныхъ гробницъ тѣснятся вдоль стѣны, одна подлѣ другой; число мертвыхъ превышаетъ здѣсь число могилъ. Третій сынъ Калиты, Андрей, положень въ самомъ углу, какъ родоначальникъ старшаго племени удѣльныхъ Князей, и подлѣ храбрый сынъ его Владиміръ, другъ Дмитрія, боець всѣхъ его битвъ, съ которымъ раздѣлили громкое имя Донскаго, въ память Куликовской побѣды, одержанной его послѣднимъ натискомъ на Орду. Смиритель Мамаю, Ольгерда, Олега Рязанскаго и всѣхъ недруговъ Дмитрія, самъ онъ довольствовался Серпуховскимъ своимъ удѣломъ, и первый изъ Князей Русскихъ имѣлъ великодушіе отречься отъ древняго права, по коему старшій въ родѣ наслѣдовалъ престолъ великокняжескій. — Оттолѣ благой примѣръ Владиміра сделался основнымъ закономъ для княжества Московскаго, которое укрѣпилось упадкомъ удѣловъ.

Не такъ поступили съ внукомъ Дмитрія, своимъ племянникомъ и братомъ, спящіе подлѣ Храбраго Владиміра, Князь Галича, отецъ и сынъ, Юрій и Косой. Маль, оскорбителенъ казался Юрію удѣлъ его, послѣ смерти брата, Великаго Князя Василія, и вмѣстѣ съ дѣтьми своими, Косымъ и Шемякою, возбудилъ онъ двадцатисемилѣтнее междоусобіе въ землѣ Русской. Казалось, честолюбивый отецъ искалъ себѣ престола только для того, чтобы, по ступенямъ его, быстро сойти въ могилу, и туда же увлечь за собою старшаго сына, ослѣпленнаго, сперва блескомъ вѣнца, а потомъ рукою соперника. Вопреки порядка Архангельскихъ гробницъ, одна могила заключила обоихъ, которымъ тѣсно было родовое ихъ княженіе, и даже третій сынъ Юрія, Дмитрій, красный тѣломъ и душою, опущень въ тотъ же гробъ; — такъ поскупилась земля Русская послѣднимъ для нихъ пріютомъ!

Но если согрешили противъ нее Князя Галича, Юрій, Косой и Шемяка, то одинъ Красный могъ загладить тяжкія вины своего семейства, чистою молитвенною жизнію. Во цвѣтѣ лѣтъ преставился онъ, какъ тихій Ангель, и необычайная его кончина изумила современниковъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ пріобщился св. таинъ и, при чтеніи канона на исходъ души, испустилъ послѣднее дыханіе; спрятали тѣло къ погребенію, но въ полночь, сбросивъ съ себя покрывало, громко возгласилъ мертвецъ Евангельскія слова: «Петръ же позна его, яко Господь есть.» Оцѣпенѣвъ отъ ужаса, діаконъ, читавшій надъ нимъ псалтирь, едва могъ разбудить спящихъ окрестъ; мертвецъ же повторялъ одно и то же, какъ будто предъ нимъ совершалось утѣшительное свиданіе воскресшаго Господа съ учениками, на озерѣ Тиверіадскомъ; онъ не глядѣлъ глазами, но тѣло у него было какъ у живаго. Красный запѣлъ церковную пѣснь: «Господа пойте дѣла и превозносите Его во вся вѣки» и пѣлъ до самой утрени; тогда принесли ему запасные дары: онъ проглянулъ, изъ глубины сердца произнесъ: «радуйся утроба Божественнаго воплощенія», пріобщился, и съ воскресенья до среды былъ живъ, пѣлъ священныя пѣсни, читалъ наизусть святое Писаніе, не понималъ, что ему говорили, но узнавалъ людей, хотя и отвѣчалъ безъ порядка; въ среду умолкъ онъ, а въ четвергъ скончался странный мертвецъ, во время литургіи. Тѣло его привезено изъ Углича въ соборъ Архангельскій и оказалось нетлѣннымъ при погребеніи. — Такъ записала сіе дивное событіе современная лѣтопись.

Два младшіе, миролюбивые сыны Донскаго, Андрей и Петръ, проторно отдыхаютъ, каждый въ своей могиле, рядомъ съ семьею тревожнаго брата Юрія, и подле нихъ старшій братъ Темнаго, Іоаннъ, раннею смертію избавленный отъ смуты междоусобія. Сынъ великаго Іоанна, Симеонъ Князь Калужскій, и трое детей Темнаго: Юрій Дмитровскій, Борисъ Князь Волоколамскій, другъ и покровитель преподобнаго Іосифа, основавшаго славную обитель въ его предѣлахъ, и младшій Андрей, вмѣстѣ съ двумя сыновьями Владиміра Храбраго, Іоанномъ и Ярославомъ, заключаютъ, у западныхъ вратъ, гробовую лѣтопись. На послѣдней могилѣ начертана съ боку, для всего ряда усопшихъ, краткая молитва, которая неволью поражаетъ взоры каждаго, входящаго въ храмъ: «помяни Господи яко благу, рабы своя».

Иной порядокъ гробовъ начинается вдоль южной стѣны, хотя ихъ тоже число двѣнадцать: по три въ рядъ, одинъ за другимъ лежатъ усопшіе, выровненные рукой смерти, до самаго иконостаса, занимая почти все

пространство собора, позади столповъ, и, въ этой тѣснотѣ мертвыхъ, только три удѣльныхъ между державными.

Сынъ Донскаго, Великіи Князь Василий, начинаетъ, у самой стѣны, первый могильный рядъ. Василій, мудро управившій кормило княжества Московскаго, послѣ воинственнаго отца, посреди крамоль Суздальскихъ, Тверскихъ и Рязанскихъ, между грозою Орды и Литвы. Подлѣ него сынъ и внукъ великаго Іоанна, съ нимъ княжившіе, хотя и не наслѣдовавшіе его державы. Рано похитила смерть юнаго Князя Іоанна, подававшаго много надеждъ мудрому отцу и Россіи, а Димитрій... ахъ! бѣдный отрокъ, вѣнчанный и развѣнчанный! — не напрасно написали, на твоей могилѣ, свидетѣли твоего краткаго величія и долгой неволи, печальную истину, почерпнутую изъ горькаго опыта жизни: «кая житейская пища пребываетъ печали непричастна! кая ли слава стоитъ на земли?»

Что, казалось, славнѣе было участи внука Іоаннова, для котораго могущественный дѣдъ возобновилъ царское вѣнчаніе, давно уже и однажды только совершившееся въ Россіи, надъ Мономахомъ? Не его ли діадимую, не его ли бармами и крестомъ, своеручно украсилъ онъ невиннаго отрока, какъ жертву, провозгласивъ его Великимъ Княземъ и соправителемъ, чтобы упрочить престолъ въ старшемъ родѣ умершаго, любимаго сына? — и чрезъ немного дней, не тою же ли властною, суровою рукою, низвергнувъ его, съ высоты величія въ душную темницу, удовлетворяя честолюбію хитрой супруги, Царевны Греческой, которая искала престола сыну своему Василю? Преданіе говоритъ, что, при послѣднемъ издыханіи, почувствовалъ Іоаннъ свою неправду, призвалъ изъ темницы юнаго Димитрія и сказала ему: «милый внукъ, прости меня; я согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою, будь свободенъ.» Димитрій со слезами упалъ на колѣна, подлѣ смертнаго одра дѣда, и умеръ Іоаннъ; но едва вышелъ отрокъ изъ ложницы усопшаго, его опять отвели въ темницу, отколь болѣе не выходилъ; ибо уже, до ранней его кончины, не было кому изъ державныхъ раскаяваться на смертномъ одрѣ. — «Кая житейская пища пребываетъ печали непричастна? кая ли слава стоитъ на земли?»

Вотъ и славный витязь Донской, во второмъ рядѣ могилъ, между одноименнымъ ему Княземъ Углицкимъ Димитріемъ, сыномъ великаго Іоанна, и кроткимъ отцемъ своимъ, Великимъ Княземъ Іоанномъ, котораго гробъ прислоненъ къ стѣнѣ соборной. Какое обиліе благодати духовной изливалось тогда на Русскую землю, посреди видимыхъ бѣдствій! не это ли было цвѣтущее время ея угодниковъ? — Подъ сѣнію твоего

святительскаго омофора, о Владыка Алексій, возрость малолѣтный Димитрій, изъ безпріютнаго сироты, обуеваемаго на шаткихъ престолахъ Владиміра и Москвы, въ мужа силы, въ державнаго князя князей русскихъ! и твоимъ благословеніемъ, твоими крепкими молитвами, о преподобный Сергій, сдѣлался онъ мужемъ побѣды, когда, съ двумя твоими иноками-воинами устремился изъ лѣсовъ Радонежскихъ, отъ дикаго твоего пріюта, на Куликовское поле, стяжать себѣ имя Донскаго, и кликнуть, въ лицѣ Орды, славный кличъ предковъ: «съ нами Богъ и никто же на ны!» — Какъ огромный курганъ, память его славной битвы, на берегахъ Непрядвы, такъ мысленно вырастаетъ могила и Димитрія, изъ среды окружающихъ ее гробовъ, когда, увлекаясь минувшимъ, стремимся духомъ въ слѣдъ за великимъ воителемъ, изъ мертвой тишины собора, на поприще его ратныхъ подвиговъ.

Основатель собора, основатель княжества Московскаго, которое укрѣпилъ кафедрою чудотворца Петра Митрополита, Іоаннъ Калита лично положень, у южныхъ вратъ собора, какъ бы на стражѣ дѣля своихъ и потомства; онъ открываетъ собою не только рядъ гробовъ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ Великій Князь Симеон Гордый, сынъ его, и братъ Грознаго Юрій, но и всю царственную усыпальницу долгаго своего племени, тридцати трехъ Князей и Царей. — Изъ его могущаго корня разраслось сіе многовѣтвистое древо, собравшее всю Россію подъ широкую тѣнь свою; отъ него, какъ изъ обильнаго родника, потекли, расплескались по лицу земли сіи княжескія волны, то тихія и свѣтлыя, то шумныя и бурныя, по мѣрѣ того, какъ отражались въ нихъ черныя тучи, ходившія по небосклону отчизны; и волны росли, росли, доколѣ не исполнили собою все древнее русло предковъ, доколѣ не слились съ океанами сѣвернымъ и восточнымъ.

«Мертвыхъ и живыхъ Боже, умертвивый смерть, и жизнь востаніемъ твоимъ всѣмъ подай, Христе, упокой рабы своя, ихъ же преставилъ еси! — Иже глубинами мудрости, челоуколюбно вся строя, и еже на пользу всѣмъ подавая, едине создателю, упокой Господи души усопшихъ!» Кто съ чувствомъ умиленія, изъ глубины сердца, не произнесетъ сихъ двухъ молитвъ, начертанныхъ съ боку, на удѣльныхъ гробницахъ Юрія и Іоанна, заслонившихъ великокняжескія Гордаго и Донскаго? Кого не порази́тъ глубокая мудрость устроившаго все на пользу Россіи, рядомъ великихъ мужей ей данныхъ? — Они же, совершивъ свой подвигъ, сами смиренно просятъ себѣ только молитвы, влагая ее въ уста мимоходящихъ.

Напротивъ Калиты, у самага иконостаса, Темный, — слѣпѣць, но не отъ рождения, а отъ руки братьевъ, изчерпавшій до дна послѣднюю чашу междоусобій, и какъ бы всосавшій въ себя всю ихъ отраву, изъ болѣзненной Руси, чтобы оставить великому сыну здоровое тѣло государства. Чего не испыталь въ теченіе дцатисемилѣтней борьбы съ присными, пришедшій наконецъ искать здѣсь, между мертвыми, того покоя, въ которомъ отказывали ему живые? — и плѣнь въ Ордѣ, и душную темницу, и трижды сверженіе съ престола, всѣ бѣдствія извнѣ и всѣ крамолы внутри, о которыхъ напослѣдокъ только слышаль, когда, отторгнутому отъ раки преподобнаго Сергія, безчеловѣчно исторгъ очи братъ Шемяка. Но Господь, умудряющій слѣпцовъ, умудрилъ и сего Темнаго владыку, обличить лжепастыря Исидора и тѣмъ спасти православіе, когда дерзнулъ онъ въ соборѣ Успенскомъ провозгласить Унію. Какъ чудотворецъ Петръ идетъ въ лѣтописяхъ объ руку съ Калитою, и Митрополить Алексій ослѣняетъ Донскаго: такъ и кроткое лице Святителя Іоны неразлучно съ памятью Темнаго Василя, его избравшаго ко благу Церкви.

Но вотъ и великій собиратель Руси, подлѣ отца: — остановимся предъ исполиномъ, котораго разгадало только потомство, когда съ изумленіемъ увидѣло предъ собою огромное цѣлое, сдвинутое имъ изъ обломковъ. Одна Москва росла въ Іоаннѣ, окрестъ же нея все разсыпалось, все падало въ его руки. Онъ слышаль и послѣдній дикій вопль бѣснующейся Орды, послѣ двухъ, тяжкихъ для насъ вѣковъ, замолкшій навѣки, и послѣдній вечевой звонъ вольнаго Новгорода, и тщетный ропоть присныхъ Ростовскихъ Князей, и покорное слово Рязани и Твери, и ратное паденіе западныхъ княженій! А самъ, какъ неумолимый древодѣль, съ утра входящій въ чашу лѣса и тамъ трудящійся до поздней ночи, не внемля вою непогоды, сквозь шумъ падающихъ окрестъ деревъ, доколѣ не исполнить урока его огромная сѣкира, — Іоаннь, мощною рукою, рубилъ вѣковые удѣлы, въ основаніе огромнаго своего дома; онъ прорубилъ въ нѣмъ широкія окна для свѣта и высокія врата на всѣ побѣдные пути, чтобы было гдѣ разгуляться его могучей Руси, по приволю вселенной. Не довольно быстръ казался ему бѣгъ Московскаго всадника, — онъ вдвинулъ его въ сердце Византійскаго орла и помчался на крыліяхъ орлихъ.

Скромный довершитель великихъ предназначеній родителя, Василій, покоритель Пскова и Смоленска, возлегъ рядомъ съ отцемъ, не дерзнувшій однако вѣнчаться діадимомъ Мономаха, послѣ горькой участи юнаго

Димитрія; не Княземъ но инокомъ вселился онъ въ мирное жилище предковъ, вопреки боярь, хотѣвшихъ удержать на нѣмъ мантию княжескую: «добръ сосудъ серебряный, но лучше золотой», сказалъ имъ Митрополить Даніиль и постригъ умирающаго. Иноки внесли его въ соборъ и положили подлѣ державнаго отца, и съ нимъ, въ одной могилѣ упокоилъ Грозный старшаго сына своего, младенца Димитрія, котораго рожденіе утѣшило побѣдителя Казани, а ранняя смерть ознаменовала страшный переворотъ его жизни.

Гробъ Василя послѣдній, у самой двери алтаря; — но вотъ уже не стало гробовъ въ соборѣ и мертвые истощились, а еще нѣтъ Грознаго и его сыновъ! — куда же укрылся ты, страшный владыка? — Царь Іоаннъ, инокъ Іона, какимъ именемъ звать тебя? на какое отзовешься? гдѣ твоя мирная обитель? — отъ зова ли страшной трубы, отъ зрѣлища ли послѣдняго суда, которое такъ мирно созерцаютъ предки твои и потомки, спящіе въ томъ же соборѣ, уклонился ты одинъ въ недоступный покой, чтобы тамъ, въ могильной тишинѣ, подъ щитомъ церковной молитвы, примириться съ собою и съ своими дѣлами, прежде нежели возгласить труба? — Есть темный, тѣсный придѣлъ, во имя Предтечи, царскаго Ангела, нынѣ упраздненный и обращенный въ гробовую храмину: тамъ улегся державный съ двумя сынами; одна только стѣна внѣшняго иконостаса отдѣляетъ его отъ гробовъ прадеда, дѣда и отца, который сторожить входъ въ сію исключительную усыпальницу перваго Царя всея Руси.

Сколько ужасовъ и сколько славы смѣшано въ одной могилѣ, подъ вѣнцомъ и схимой! — три сокрушенныхъ царства и сломанный мечъ Великаго Магистра, а за ними мрачная причина и блѣдное лице мученика Филиппа! полжизни ангела свѣта, полжизни ангела мрака! — отступимъ съ молитвою; нужна она иноку Іонѣ, бывшему Царю! Но вотъ, на первомъ шагу, одно изъ самыхъ страшныхъ дѣлъ его, — имъ убиенный сынъ и Царевичъ, за душу коего потекло столько милостынь въ Авонъ и на Синай. Это былъ послѣдній гневный порывъ Грознаго, — какое страшное исцѣленіе! Кто бы угадалъ, въ почіющихъ рядомъ, подъ кровными именами сына и отца, — убиеннаго и того кто убилъ!

Вотъ и послѣдній Царь дома Рюрикова, Феодоръ, заключаетъ собою могильную лѣтопись собора. Какъ яркое солнце закатился онъ въ лучахъ славы, и отъ его тихаго, яснаго вечера, до свѣтлаго утра Романовыхъ, бурно легла на Россію ночь Самозванцевъ. Безыменная, но конечно державная рука, быть можетъ, нѣжной супруги Ирины, облекла

пышнымъ покровомъ гробницу Θεодора, и жемчугомъ, какъ слезами, изобразила на немъ все смиреніе усопшаго и всю суету временнаго: «Нагъ изыдохъ на плачь сей, младенецъ сый, нагъ и отыду паки: что труждаюся и смущаюся всеу, вѣдая кое житія сего дѣйство? Како шествуемъ вси, равнымъ образомъ, отъ тьмы на свѣтъ, отъ свѣта же во тьму лютую: отъ чрева матерня съ плачемъ въ міръ, отъ міра печальнаго съ плачемъ горестнымъ? зачало и конецъ плачь! Какая потреба суетнымъ свѣта сего? — сонъ, сѣнь, мечта, вся суета человѣческая, елико не пребываютъ по смерти; не пребываютъ богатство, ни красота житейская, низшествуетъ слава сего житія, яко сонъ, яко сѣнь и яко прахъ преходитъ. Господи! преставльшагося отъ насъ раба своего, благовѣрнаго Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Θεодора Іоанновича, всея Россіи Самодержца, со всѣми Святыми въ царствіи твоємъ упокой.»

Есть еще одна гробница, но уже не внутри собора, а въ придѣлѣ, извнѣ пристроенномъ къ большому алтарю. Безъ подписи она, хотя и княжеская, и славнѣе многихъ другихъ, однако не Великаго и не удѣльнаго Князя: отъ того и не почтена соборною сѣнію. Но если нѣтъ надписи на безыменной, громко записана она въ сердцахъ Русскихъ и въ панихидной книгѣ, гдѣ, въ краткихъ словахъ, цѣлая лѣтопись. «Въ придѣлѣ Іоанна Предтечи опочиваетъ Царя и Великаго Князя Василія Ивановича всея Россіи племянникъ, Князь Михайло Васильевичъ Шуйскій-Скопинь. По Государеву указу, а по своему храброму разуму, Божіею помощію надъ врагами Польскими, Литовскими людьми и Русскими измѣнниками, которые хотели раззорить государство Московское и вѣру Христіанскую попрати, явно показаль преславную побѣду, и приде къ Москвѣ, Божіимъ же судомъ, преставися въ лѣто 7118 (1610) Апрѣля въ 23 день, на память великомученика Георгія послѣдній часъ дни.»

По истинѣ, это былъ послѣдній часъ дня, оставшагося Шуйскимъ, когда поблѣкъ сей лучшей цвѣтъ ихъ семѣйства, отравою коварной невѣстки, и Царь Василий не умѣлъ сохранить себѣ великаго стратига, который одинъ только могъ спасти Русскую землю. Вся она горько плакала, опуская въ могилу, вмѣстѣ съ воинственнымъ юношей, свою надежду, и вскорѣ послѣ, по словамъ древней летописи, слышанъ былъ замогильный плачь внутри собора; ибо заботившіеся такъ долго о судьбахъ отчизны не оставались и по смерти чуждыми ея болѣзнямъ.

«Въ четвертое лѣто царства Царя Василія, октября въ 20-й день, съ четвертка на пятницу, въ полунощи, въ церкви Архистратига Михаила,

честнаго его собора, идѣже лежаху тѣлеса Великихъ Князей и вѣхъ благочестивыхъ Царей Русскія земли, слышаху гласи плачевніи, шумъ аки пѣнія, сопротиво соборныя беседы, и потомъ бысть псаломскаго священнословіа гласъ, поющихъ отшедшимъ душамъ въ вѣчныя благодати 118-й псаломъ, со аллилуіями, и по семь съ плачемъ скончася гласъ; слышавше же чреды тоя стражіе повѣдаша людемъ, рекоша же тогда мнози отъ народа: яко царство Василия Царя вскоре съ плачемъ скончатися имать.»

Соборъ Архангельскій, о Іосафатова юдоль Россіи! мирень, тихъ да будетъ царственный сонъ твой, до послѣдняго утра, когда, по лицу всея земли, кости сухія услышатъ слово Господне и, вмѣстѣ съ глаголомъ Божиимъ, будетъ гласъ и землетрясеніе, стануть совокупляться кости, кость къ кости, каждая къ своему составу, и опять напрягутся на нихъ жилы, и обростетъ плоть и прострется сверху кожа, и отъ четырехъ вѣтровъ дохнетъ духъ жизни на мертвыхъ, и оживуть, и стануть на ногахъ своихъ, — соборъ многій, великій!... Дотолѣ — тихъ да будетъ царственный сонъ твой, о Іосафатова юдоль Россіи!

Печатается по: *А.Н. Муравьев.*
Путешествие по святым местам русским. —
М.: Книга — СП «Внешиберика»,
1990. — С. 227 и след. (Репр. изд.)

СИПОВСКИЙ ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ

Одна из наиболее сложных тем в истории русского православия — тема Люблинской Унии, когда Православная церковь оказалась в Западной Руси в самом тяжелом положении. Орден иезуитов захватывал в Литве и в Западной Руси позицию за позицию. Костел был отдан в их распоряжение и с целью утеснения православия они использовали богослужение, проповедь и исповедь, завели богатейшую церковную утварь, отличный орган, небывалые хоры певчих.

С целью окончательного унижения православных верующих было решено принять церковную Унию (соединение с римской церковью): для этого православным следовало принять учение римской церкви о подчинении папе Римскому, — обряды же можно было бы оставить по старым русским православным канонам.

Большой отрывок из книги В.Д. Сиповского «Родная старина» посвящен как раз этим страницам развития российского государства и Православной религии. Но из обширной главы мы берем только три раздела. На этом материале строятся задания.

ЗАДАНИЯ

1. Чтобы лучше уяснить себе канву события, подготовьте конспект текста, выделив в нем основные вехи событий, в результате которых Литва и западная Русь были прикованы к Польше в политическом и экономическом планах.
2. Как совместить истинное православие с тем, что на территории Литвы и западной Руси существовали православие и католицизм? Конспект поможет ответить на этот вопрос (можно выделить роль князей Острожского и Поцея и других лиц), объясняя, как была заключена церковная Уния.
3. Суммируйте с помощью конспекта меры, которыми православная церковь боролась против Унии, но не смогла решить эту проблему и до наших дней.
4. В тексте В.Д. Сиповского есть несколько включений ораторских речей, некоторые немалы по объему (например, «не допус-

тите, ваше Величество, посрамить нас»... и т.д., письмо инок Иоанна Вишенского и др.). Они освежают речь автора, в целом довольно сложно организованную. Попробуйте вычленив из текста автора места, трудные для восприятия и, наоборот, те из них, которые производят яркое впечатление.

Не забудем, что книга В.Д. Сиповского предназначена для детей. Как последнее обстоятельство сказалоcь на языке, на стиле автора? Или не сказалоcь?

РОДНАЯ СТАРИНА

IV

ЗАПАДНАЯ РУСЬ В КОНЦЕ XVI И В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Люблинская уния

Страшные испытания пришлось пережить русскому народу в конце XVI и начале XVII века. Московская Русь, хотя истерзанная и обнищавшая, все же довольно скоро выбилась из Смутной поры, вынесла из нее свою веру в народность во всей их целостности; не то было с западной — Литовской Русью: униженная под гнетом чуждой и враждебной власти, она вынуждена была долго изо всех сил биться, чтобы спасти от унижения и поругания свою церковь и народность.

Западные русские области, оторванные от остальной Русской земли, томившейся под игом татар, попали в XIV веке под власть Литвы, а в 1386 году, с избранием литовского князя Ягелло на польский престол, с нею вместе соединились с Польшей. С тех пор у поляков зародилось сильное желание слить с собой литовцев и западных русских в один народ, и для этого их ополячить и окатоличить. Хотя Литва и западная Русь уже при Ягелле отпали от Польши и его родич Витовт стал независимым литовским государем, но поляки не оставили своих замыслов.

В 1431 г. на общем сейме поляков и литовцев в Городле был составлен акт (договор), по которому: 1) Литва и Польша соединились в одно государство, в один народ. 2) По смерти Витовта верховная власть над Литвой снова переходит к Ягеллу, а потом к детям его: если же он умрет преже Витовта, то поляки избирают последнего своим королем. 3) Литва получает сеймы и должности, подобные польским. 4) Литовскому дворянству по назначению великого князя жалуются польские гер-

бы; но пользоваться ими и другими преимуществами, а также занимать высшие должности могут только лица латинского вероисповедания.

Хотя Городельский акт впоследствии и не выполнялся строго, а Литва постоянно выбивалась из-под польской власти, но все-таки благодаря ему в Литву стали входить польские учреждения (сеймы, новые должности, гербы); утверждалось преимущество католической церкви над православной, — являлась приманка для честолюбивых православных изменять своей вере, принимать ту, которая, кроме небесных благ, сулила еще и земные.

Ягелло и его преемники часто поддавались желаниям поляков. В русских и литовских областях раздавались щедро земли католикам, заводились новые села и города, населялись преимущественно поляками. Поселенцы-католики освобождались от разных платежей и повинностей, которыми были обложены православные. Новым городам, населенным католиками — поляками и немцами, давалось самоуправление, так называемое «Магдебургское право», по которому горожане освобождались от суда королевских чиновников, а назначался судья (войт) из местных дворян. Он с выборными из жителей советниками (бурмистрами и райцами) и производил суд. Купцы и ремесленники получали разные льготы, делились по занятиям на цехи (общины), которым давали особенные права. Город получал герб, печать и знамя. Всякие льготы и преимущества католикам — все это было искусно расставленной сетью, чтобы уловить православное население, привлечь его к Польше и католичеству.

Польские учреждения мало-помалу вводились в литовские и русские области. Вместо прежних мелких удельных князей, подручных великому князю, для управления страной и городами стали назначать, по польскому обычаю, воевод, кастелянов, старост, избирая их из богатейших помещиков. Новые порядки приходились по душе иным литовцам и русским — конечно, лицам высшего сословия — дворянам, — их права и сила росли: богатейшие из них уподоблялись всесильным польским магнатам, становились полными властелинами в своих владениях; а мелкие дворяне приравнивались к вольной необузданной польской шляхте. Зато чем больше росли права и могущество дворян-помещиков, тем тяжелее приходилось простому люду, особенно крестьянам: они все больше и больше приближались к рабскому состоянию польских «холопов».

Польша, близкая к Западной Европе, по образованию стояла гораздо выше не только Литвы, но и Руси: у поляков в конце XV ст. были и

хорошие училища, даже высшая академия в Кракове, и замечательные ученые, и писатели. Это должно было, конечно, тоже сильно помочь польскому делу и в Литве, и в западной Руси: русские и литовцы высшего сословия с польской образованностью усваивали и польский язык и мало-помалу полячились; в русскую речь все больше и больше входило польских слов и оборотов. В XVI столетии письменный язык в западной Руси представлял уже пеструю смесь церковнославянских слов, местных народных и польских. Даже в простонародную речь (наречия малорусское и белорусское) стали все сильнее и сильнее входить польские слова и обороты.

Так исподволь шло объединение Литвы и западной Руси с Польшей; поляков, однако, смущало то, что они чуть не два века трудились над этим делом, а Литва все еще крепко держалась за свою государственную самобытность, и в русских областях в народе по-прежнему сильно было православие. Со страхом смотрели поляки и на русский восток, который, стряхнув с плеч своих татарство, по соседству у них высился грозным великаном. Иван III уже зовет себя в грамотах «Государем в с е я Руси», вступает за православие, теснимое в Литве, выказывает большую охоту добывать от нее свою «извечную отчину», т.е. русские земли, и отнимает у нее 19 русских городов с их областями; сын его захватывает и Смоленск; а западнорусские люди сознают свое родство и по крови, и по вере с Московской Русью, иные даже уходят к московским, своим «природным» государям на службу... Упустить из рук богатые западнорусские области для Польши было бы большим несчастьем. С половины XVI столетия новая беда стала грозить Польше: в Литве стало широко распространяться протестантство. Особенно оно усилилось при Сигизмунде Августе (1548—1572). Это был способный, добродушный, но слабый король; он давал полную свободу всем вероисповеданиям и сам даже одно время склонялся к протестантству. Литовцы востребовались, заговорили о полной независимости от Польши. Протестантство быстро разливалось по Литве, дробилось на множество сект (толков), которые боролись между собою, порождали всюду рознь и вражду. Этой внутренней смутой легко могли воспользоваться соседи-враги. Забило тревогу, прежде всего, польское духовенство. Папа прислал в Польшу своего нунция (посла) с освященным мечом Сигизмунду для казни еретиков. Король в это время попал под влияние польско-латинской партии, и началась борьба с протестантством в Литве...

Была у Сигизмунда в это время еще забота: он был бездетен; с ним прекращался Ягеллонов дом, и его пугала мысль, что, умри он—

Литва, связанная до сих пор с Польшей одним королевским домом, упадет от нее, избрет себе своего отдельного государя. Сигизмунд ясно понимал, что ни Польше, ни Литве в отдельности несдобровать в борьбе с могучими соседями. Таким образом, было несколько причин, побуждавших короля поспешить во что бы то ни стало связать оба свои государства неразрывно в одно целое.

В Польше Сигизмунд, как король, избранный и сильно ограниченный магнатами и сеймом, не имел большой власти; но в Литве, как великий князь литовский, он был наследственным и самовластным государем и мог распоряжаться свободно. Он принял за дело. Напомнил, прежде всего литовцам, что все государственные имущества, т.е. большая часть литовской земли, принадлежат ему и часть доходов должна идти в его казну; а затем подарил эту свою наследственную собственность польским королям. Это значило, что всякий король, избранный поляками, становился владельцем всех государственных земель в Литве, т.е. литовским государем; теперь литовцы, только слившись с поляками в одно государство, могли вместе с ними избирать себе государя, иначе должны были подчиняться тому, кого избрет Польша. Это было постановлено на Варшавском сейме в 1564 году, где не было литовцев.

Постановление это (так называемый Варшавский рецесс) поразило как громом Литву и вызвало здесь сильное негодование. Великий князь литовский, любимый своими верноподданными литовцами, родом литвин, воспользовавшись своими литовскими правами, сам своими руками приносил свое отечество в жертву Польше!.. Теперь она, получив от короля право на вечное владение Литвой, могла смотреть на всякое движение последней к независимости как на мятеж. Такие мысли должны были волновать истых литовских патриотов. Сигизмунд должен был казаться им изменником, предателем своего отечества. Дело могло кончиться войной. Не будь в то время лютых казней Грозного в Москве, раздраженные литовцы, пожалуй, искали бы ее покровительства... Сигизмунду хотелось еще добиться того, чтобы Литва сама добровольно слилась с Польшей. Задоблив литовских бояр (так назывался в Литве средний класс между магнатами и крестьянами), уравнивая их вполне в правах с магнатами, Сигизмунд поспешил покончить дело объединения Литвы с Польшей.

Литовские и польские послы должны были для этого собраться в 1569 году в Люблин на сейм.

Люблинский сейм открылся 10 января. С самого начала видно было, что добра тут не будет. Поляки требовали прежде всего решения вопроса об унии (единении) и предлагали литовцам заседать вместе с ними; но литовцы не хотели нарушить старого обычая, по которому они с русскими имели свой отдельный от поляков сейм, — заявили, что прежде вопроса об унии они хотят порешить с королем свои частные, литовские дела. Литовцы думали добиться у короля утверждения особых своих прав и собрания своих законов (статута) и таким образом сделать невозможной полную унию Литвы с Польшей; но эта уловка не удалась им. Король не утвердил их особенных прав и велел рассуждать об унии. Заседать вместе с поляками литовцы отказались наотрез и составили с русскими свой отдельный сейм, который сносился с польским. Литовцы вовсе не желали полной унии, а предлагали братский союз своего государства с польским; а поляки, ссылаясь на старые акты, на Варшавский рецесс, требовали полнейшего слияния Литовского княжества с Польшей в одно государство, в один народ, причем Литва должна была отказаться от своих отдельных сеймов, от особых законов, монет и пр.

Литовцы пришли в негодование от подобного требования.

— Напрасно мы потратились на поездку сюда, — говорили они, — нам предлагают порабощение!..

Поляки, опираясь на сочувствие короля, порешили ни в чем не уступить литовцам. Король не раз уже приглашал их к себе и убеждал согласиться с поляками; но литовцы не сдавались. Король задумал, наконец, заставить их собраться вместе с поляками и сообща порешить дело. Члены польского сейма должны были по его приказу тайком собраться в замке, а затем он думал призвать своей властью литовцев и ввести их в польский сейм. Эта затея не удалась. Поляки собрались, король послал за литовцами, но те, проведая, в чем дело, не захотели попасть в ловушку и отказались ехать...

Положение литовцев в Люблине было крайне тяжелое и щекотливое: они, конечно, ясно видели, что король и поляки замышляют совершить над Литвой насилие, убить ее государственную самобытность, а их, литовских послов, принудить своим согласием и подписями узаконить это убийство. Они не выдержали тяжести своего положения и разъехались по домам. Сейм таким образом терял свое значение; польские сеймовые послы пришли в ярость, считая себя страшно оскорбленными этим поступком. Сгоряча некоторые даже кричали:

— Не смогли мы добром привести литовцев к унии — приведем оружием! После споров и предположений, как быть, как довершить начатое дело, поляки, наконец, надумали, пользуясь отсутствием литовских послов, отрезать от Литвы русские области, т. е. обессилить ее так, что она принуждена будет слиться с Польшей... Король издал универсал (указ) о присоединении к Польше Полесья (южное Полесье Беловежской пуши), затем и Волыни. Эти русские области покорились своей участи довольно легко: им не приходилось отстаивать свою государственную самобытность, а предстоял лишь выбор, от какого правительства быть в прямой зависимости — от литовского, как прежде, или от польского. За одно только опасались русские — за свое православие; но поляки их успокоили, обещали полную свободу веры. Сильнейшие из русских магнатов — князя Острожский, Черторижский и другие согласились подчиниться Польше. Волынские чиновники, которых призвали на сейм вместо выборных лиц, под страхом лишиться своих мест, не оказали сопротивления полякам. Если русские и высказывали некоторые возражения, например, говорили, что русский народ их растерзает за слияние их области с Польшей, то заканчивали обыкновенно свою речь словами: «Однако волю государя мы готовы исполнить».

Именем короля им и приказано было присягать.

Но Волыню поляки не удовлетворились, потребовали и Киева... Литовцы испугались: Литва без русских областей становилась совершенно ничтожным, бессильным государством. Литовское посольство поспешило в Люблин с просьбой отменить универсал о присоединении русских областей к Польше и назначить новый сейм для решения вопроса об унии. Просьба эта была отвергнута; решено было прежний сейм продолжать и предложено литовцам, уехавшим из Люблина, вернуться сюда чрез шесть недель.

Пришлось покориться этому, и прежние литовские послы прибыли на сейм.

Долго изо всех сил добивались они хоть каких-нибудь уступок для Литвы, — все напрасно. Постановлено было сначала обсудить предложения литовцев в польском и литовском сенатах. Оба сената съезжались во дворец, помещались в двух смежных залах, и король поочередно заседал то там, то здесь. Два дня сряду тянулись совещания. Большой и усталый король, едва волоча ноги, переходил из одной комнаты в другую, вымаливая уступки то у поляков, то у литовцев. Польские сеймовые послы с нетерпением ждали решения сенатов; всех уже томили

бесконечные переговоры. Наконец литовцы порешили, ни в чем не уступая полякам, во всем положиться на волю своего государя, предоставить ему самому по совести решить вопрос об унии,— видно, еще надеялись, что король, литвин родом, их наследственный государь, не даст их в обиду. Решение свое литовцы согласились высказать в общем собрании.

Торжественное и вместе с тем печальное зрелище представляло это собрание 28 июня 1569 г., когда старейший из литовцев, староста жмудьский, от имени всех своих товарищей, обратился к королю с речью. Глубокой скорбью звучала она, когда говоривший указывал на верную службу литовцев своим государям и отечеству и вместе с тем жаловался на неправды, насилия и обиды, какие причинялись Литве, на порабощение ее Польше (Варшавский рецесс). Закончена была речь такими прочувствованными словами:

— Не допустите, ваше величество, посрамить нас! Пусть это дело так завершится, чтобы на нас не было ни одного пятна. Будьте же, ваше величество, стражем и умирителем нашего дела; пусть это будет величайшею вашей милостью... Пусть все совершится по любви... Очень больно было бы нам, если бы внуки наши посмотрели на эти сегодняшние дела вместо радости с большим горем и обвинили нас в том, что мы не видели своей неволи... Мы доведены уже до того, что должны броситься к ногам вашей королевской милости с униженной нашей просьбой. (При этих словах все литовцы с плачем упали на колени.) Благоволи так нас устроить, чтобы это было для всех с честью, а не с унижением, с сохранением доброго имени нашего и твоей царской совести. Благоволи ради самого Бога помнить то, в чем ты нам присягал.

Эта мольба литовцев, с которою они вручали королю судьбу своего отечества, тронула и поляков,— многие из них прослезились...

— Милостивые паны коронные,— обратился жмудьский староста к польским сенаторам,— просим, ради самого Бога, ваших милостей кончить это дело по доброй совести с честью и радостью и для вас, и для нас, ваших братьев!

Король и польские сенаторы утешали литовцев, говорили, что их грусть напрасная; что братский союз Польши и Литвы угоден Богу. Надежды литовцев на милости государя не сбылись. Он, конечно, был вполне убежден, что слияние Польши и Литвы в одно государство и один народ послужит ко благу их. После еще нескольких напрасных попыток склонить короля к милости литовцы 1 июля скрепили свое согласие на унию присягою.

По Люблинскому акту королевство Польское и великое княжество Литовское составляют одно «нераздельное тело», одну Речь Посполитую (*respublica*); у этого одного государства всегда должен быть один государь, избранный в Польше общими голосами поляков и литовцев; оставляется только титул Литовского княжества и литовские должности; король оглашается литовским князем при избрании и коронации польским королем; сеймы всегда должны быть общие; должности литовские могут быть раздаваемы только тем, которые присягнут на верность польскому королю и Польскому королевству; монета должна быть общая и пр.

Таким образом, Литва и западная Русь были прикованы к Польше. Теперь только литовская государственная печать, которую короли оставили литовцам, хотя имели право ее уничтожить, литовские государственные чины да литовский статут (собрание законов) напоминали литовцам о прежней их самостоятельности.

Церковная уния

Приезд патриарха вскрыл страшные язвы, которыми страдала западнорусская церковь, обнаружил их во всей их неприглядности. Меры, принятые патриархом, оказались бессильными помочь беде. Все это послужило только на пользу врагам православия. Многие ревнители православия стали уже отчаиваться, терять веру в способность патриарха избавить русскую церковь от беспорядков; даже и князь Острожский потерял надежду на него и стал склоняться к унии с Римом. Иезуиты спешили ковать железо, пока оно было горячо, издали вторично книгу Скарги о единении церквей и стали горячо проповедовать, что русская церковь только и может ждать спасения от папы...

Уния была особенно выгодна православным епископам: подчинение Риму поднимало их значение в государстве, уравнивало их с польскими бискупами, которые принимали участие в государственных делах, избавляло их, наконец, от неприятного вмешательства в их дела мирян, панов и братств. В эту пору католические власти стали нарочно теснить православных более прежнего. Самый смелый и деятельный из епископов — Кирилл Луцкий, который в то время страдал от борьбы с луцким старостою и притом рассорился с князем Острожским, сделал решительный шаг к унии.

В 1590 году королю, по мысли Кирилла, была подана просьба, подписанная им и еще тремя епископами: Гедеоном Львовским, Дионисием

Хельмским и Леонтием Пинским. Они соглашались подчиниться папе, просили только, чтобы русской церкви оставлены были ее обряды и язык, а им, епископам, обеспечены были права. Король с большой радостью принял эту просьбу, обещал епископам уравнивать их с католическими бискупами и защитить от восточных патриархов. До поры до времени, однако, все дело хранилось в глубокой тайне: главным зачинщикам унии, видно, хотелось сперва нанять сторонников унии и тогда уже привести свой замысел в действие. Скоро нашелся важный союзник Кириллу. Это был владимирский епископ Ипатий Поцей, только что получивший этот сан в 1593 г., человек знатного рода, родственник и приятель кн. Острожского. Поцей получил воспитание в иезуитской академии в Кракове, сначала был католиком, потом кальвинистом, наконец, принял православие. Возведенный в сан епископа, Поцей стал вести безукоризненную, строгую жизнь, что было редким явлением в то время. Православные глубоко уважали его, видели в нем настоящего подвижника; такой союзник зачинщикам унии был особенно дорог. Поцей пробовал склонить окончательно кн. Острожского к унии, вел с ним переписку об этом, но тот хотел соединения всей восточной церкви с западной, а не одной западнорусской; Поцей считал такую унию делом неисполнимым и сошелся в мыслях с Терлецким, чтобы прежде всего западнорусскую церковь подчинить папе. Они открыли свои замыслы митрополиту Михаилу Рагозе. Этот слабый старик колебался, не зная, что и делать: понимал, как выгодно было принять унию и этим снискать милость короля, но боялся вооружить против себя православных, особенно могущественных панов. Митрополит стал хитрить,— сторонникам унии выказывал готовность поддерживать их, а православным вельможам и братствам писал, что он не одобряет унии. Малодушие митрополита и двусмысленность его поступков принесли печальные плоды: Терлецкий и Поцей стали действовать, не обращая большого внимания на митрополита, а православные потеряли к нему всякое уважение, и слух о его измене православию вооружал их против него.

Когда князь Острожский узнал, что замышляется уния вовсе не такая, о какой мечтал он, т.е. недобровольное соединение всей восточной церкви с западной на основании обоюдного согласия; когда он узнал, что уния заключается несколькими духовными лицами без соглашения восточных патриархов, московского духовенства и князя, без ведома православного низшего духовенства и паствы,— он написал Поцею суровое письмо, а затем издал свое знаменитое воззвание ко всем православным обитателям Литвы и Польши (24 июня).

«С молодости моей,— писал он,— я воспитан моими благочестивыми родителями в истинной вере, в которой с Божиею помощью и доселе пребываю и надеюсь непоколебимо пребывать до конца жизни. Я научен и убежден благодатию Божиею, что, кроме единой истинной веры, насажденной в Иерусалиме, нет другой веры истинной. Но в нынешние времена злохитрыми кознями вселукавого диавола сами главные начальники нашей истинной веры, прельстившись славою света сего и помрачившись тьмою сластолюбия, наши мнимые пастыри, митрополит с епископами, претворились в волков и, отвергшись единой истинной веры св. восточной церкви, отступили от наших вселенских пастырей и учителей и приложились к западным, прикрывая только в себе внутреннего волка кожей своего лицемерия, как овчиною. Они тайно согласились между собою, окаянные, как хриstopродавец Иуда с жидами, отторгнуть благочестивых христиан здешней области без их ведома и втянуть с собою в погибель, как и самые сокровенные писания их объявляют. Но человеколюбец Бог не попустит вконец лукавому умыслу их совершиться, если только ваша милость постараетесь пребыть в христианской любви и повинности. Дело идет не о тленном имени и погибающем богатстве, но о вечной жизни, о бессмертной душе, которой дороже ничего быть не может. Весьма многие из обитателей нашей страны, особенно православные, считают меня за начальника православия в здешнем крае, хотя сам я признаю себя небольшим, но равным каждому, стоящему в правоверии. Потому, опасаясь, как бы не остаться виновным пред Богом и пред вами, и узнав достоверно о таких отступниках и явных предателях церкви Христовой, извещаю о них всех вас, как возлюбленную мою о Христе братию, и хочу вместе с вами стоять заодно против врагов нашего спасения, чтобы, с Божиею помощью и вашим ревностным старанием, они сами впали в те сети, которые скрытно на нас готовили... Что может быть бесстыднее и беззаконнее! Ш е с т ь или с е м ь злонравных человек злодейски согласились между собой и, отвергшись пастырей своих, святейших патриархов, от которых поставлены, осмеливаются властно, по своей воле, отторгнуть всех нас, правоверных, будто бессловесных, от истины и низвергнуть с собою в пагубу. Какая нам может быть от них польза? Вместо того, чтобы быть светом миру, они сделались тьмою и соблазном для всех... Если татарам, жидам, армянам и другим в нашем государстве сохраняются без всякого нарушения их законы, не тем ли более нам, истинным христианам, будет сохраняться наш закон, если только все мы

соединимся вместе и заодно усердно стоять будем? А я, как доселе, во все время моей жизни, служил трудом и имением моим непорочному закону св. восточной церкви, в размножении св. писаний и книг и в прочих благочестивых вещах, так и до конца при помощи Божией обещаюсь служить всеми моими силами на пользу моих братии, правоверных христиан, и хочу вместе со всеми вами, правоверными, стоять в благочестии, пока достанет сил...»

Это послание быстро распространилось и вызвало сильное возмущение среди православных. Смутные слухи об измене нескольких епископов теперь для всех подтвердились. Западная Русь взволновалась. Испуганный общим негодованием православных львовский епископ Гедеон Балабан отступился от унии. Восстал против нее и перемышльский епископ Михаил Копыстенский. Учитель Львовского братства, переселившийся в Вильно, в своих проповедях громил отступников от православия и издал «Книжицу на римский костел».

Поцей при свидании с кн. Острожским рассказал ему подробно все дело, как и с какого времени оно началось и кто был первым его виновником; затем, упавши на колени пред князем, умолял его со слезами взять на себя святое дело унии и, пользуясь своим могуществом, уладить все в том виде, как он сам хотел. Острожский выслушал благосклонно Поцея и потребовал, чтобы владыки испросили у короля разрешение собрать собор, а сам обещал употребить все свои силы, чтобы постановление об унии совершилось с общего согласия всего христианства.

Король на просьбу епископов собрать собор сначала было согласился, но потом, когда узнал, что русские враждебно смотрят на унию, отказал. В грамоте к Острожскому король между прочим писал:

«Что касается до съезда, или собора, о котором просили сами ваши епископы, то он нам не угоден. Судить о делах спасения принадлежит власти пастырей; за ними и мы обязаны идти, как за нашими пастырями, не испытывая, чему учат те, которых Дух Святой дал нам в вожди до конца жизни. Притом же такие съезды обыкновенно более затрудняют дело, нежели приносят какую-либо пользу».

Король желал скорее кончить дело унии; Терлецкий и Поцей должны были немедля отправиться в Рим, чтобы изъявить покорность папе. Очевидно, и король, и эти епископы рассчитывали на то, что многие из колебавшихся православных пристанут к унии, лишь только будет положено начало делу.

Поцей и Терлецкий после семинедельного трудного путешествия прибыли в Рим. Папа приглашал их к себе два раза частным образом и принял их, как они сами рассказывали, «с несказанной милостию и ласковостию». Они представили ему грамоты и «униженно просили, по словам самого папы, принять их в лоно католической римской церкви, с сохранением их обрядов согласно с униєю, постановленною на Флорентийском соборе».

Более месяца пришлось Терлецкому и Поцею ждать торжественного приема. Он состоялся 23 декабря.

Папа в своем блестящем облачении восседал на богатом троне, под балдахинном, в большой зале своего дворца. Тридцать три кардинала окружали его. Многие архиепископы, епископы, прелаты и иноземные послы присутствовали здесь стоя. В это торжественное собрание были введены русские послы, т.е. Терлецкий и Поцей в сопровождении всех приехавших с ними спутников.

Подошедши к месту заседания папы и его кардиналов, оба русских епископа три раза преклонили колени. Затем приблизились к папе, поцеловали его ноги и, стоя на коленях, кратко объяснили цель своего посольства (говорил Поцей, знавший по-латыни) и подали папе грамоты. Потом, по указанию придворных распорядителей, отошли к своим спутникам, стоявшим на коленях. Папа приказал прочесть вслух представленные ему грамоты. Во время чтения Поцей и Терлецкий в знак покорности наклоняли головы и становились на колени.

По окончании чтения секретарь папы, с его благословения, стоя по левую сторону его седалища, сказал послам речь:

— Наконец, после ста пятидесяти лет, возвращаетесь вы, русские епископы, к камню веры, на котором основал Христос церковь свою, к матери и учительнице всех церквей — церкви римской. Никакое слово, самое красноречивое и сильное, не в состоянии выразить всей радости нашего святейшего отца. Дух его восторгается к Богу и признает Его премудрость и проч.

После того Терлецкий и Поцей должны были пред Евангелием, положенным на аналое, произнести громогласно исповедание католической веры. Они признавали этим вполне римское учение — об исхождении Св. Духа, чистилище, главенстве папы и пр. Православию уступались только одни обряды. По прочтении исповедания русские епископы со слезами на глазах снова лобызали ноги папе, а он сказал им несколько ласковых слов.

— Я не хочу господствовать над вами,— говорил он между прочим,— хочу на себе носить тяготы ваши.

Обняв и поцеловав русских послов, папа объявил во всеуслышание, что принимает их, а также отсутствующего митрополита Михаила и всех русских епископов со всем духовенством и народом русским, живущим во владениях польского короля, в лоно католической церкви и соединяет с нею в одно тело.

Рим ликовал, радуясь новому завоеванию папы, усилению его могущества. На память этого «великого» события была выбита медаль с изображением папы, благословляющего русских послов, и надписью: «Ruthenis receptis» 1596 г. (на присоединение русских).

Жутко было возвращаться к себе домой двум русским епископам, обласканным папою, осыпанным его милостями,— они, принимая в Риме унию от всей будто бы паствы своей, обманывали папу, а, признавая римское исповедание веры, должны были явиться отступниками в глазах всех православных русских...

Вернувшись из Рима, Терлецкий и Поцей доставили королю и митрополиту от папы послание, в котором он требовал, чтобы созван был собор для окончания дела унии.

Но и до собора еще ясно сказалось негодование русских людей на епископов, изменивших православию. В это время происходил общий государственный сейм, и русские земские послы от имени всех своих избирателей подали просьбы королю, чтобы Терлецкий и Поцей были лишены духовного сана, так как они без ведома патриархов и своей паствы ездили в Рим и самовольно отдались под власть папы и привезли оттуда великие перемены в вере... Такую же просьбу подал на сейм князь К.К. Острожский лично королю. Когда же король не обратил внимания на эти просьбы, Острожский и другие русские в последний день сейма торжественно объявили королю и всему сейму, что они и весь русский народ не будут признавать Поцея и Терлецкого своими епископами и не допустят их власти в своих владениях... Возбуждение было общее. Братства и священники предавали епископов — изменников православия проклятию; говорились горячие проповеди против папы; Острожский своими посланиями волновал дворян и мечан, грозил даже вооруженным восстанием.

Король издал манифест к народу, извещал о состоявшемся соединении церковей и открыто становился на сторону унии. Этим же указом он требовал от митрополита созвания в Бресте собора, на котором

должна была решиться судьба унии. Время для него было назначено в октябре 1596 г.

Такого собора по числу лиц и по важности вопроса еще не бывало в западно-русской церкви. В Брест прибыли экзарх константинопольского патриарха Никифор, «муж большой учености и мудрости», по словам современников, Кирилл Лукарис, экзарх александрийского патриарха, западнорусский митрополит Михаил с семью епископами и много других духовных чинов западнорусской церкви. Сюда прибыло много и светских лиц: князь Острожский явился с отрядом вооруженных людей, послы от всех областей и множество людей всякого звания. Все съехавшиеся сразу разделились на две части: латиняне соединились с униатами, Повеем и другими епископами, сторонниками унии. Митрополит Михаил Рагоза был в их руках, а это было очень важно для них: митрополит был начальником всех русских духовных чинов, и потому епископов, противников унии, можно было выставить как ослушников высшей власти. Зато во главе православных стоял экзарх Никифор, уполномоченный патриархом заменять его. Окрестности Бреста представляли воинственный вид: всюду виднелись шатры и пушки. Католиков и униатов особенно пугали боевые силы князя Острожского...

С первого же дня ясно обнаружилось, что настоящего собора и прений по вопросу об унии не может быть: для одной стороны этот вопрос был уже бесповоротно решен, а другая сторона хотя и готова была рассуждать об унии, но с явной враждой относилась к совершенному делу.

Из католиков явились на собор три бискупа, Петр Скарга и королевские послы. Начать свои заседания собор должен был 6 октября, но с самого начала обнаружился совершенный разлад. Митрополит никаких распоряжений о заседаниях собора не делал; все церкви в Бресте по приказу местного епископа Ипатия Поцея были заперты, и православные принуждены были открыть свои заседания в частном доме (духовные лица заседали отдельно от мирян). На первом же собрании, после обычных молитв, Гедеон Балабан, львовский епископ, заявил, что все собравшиеся хотят стоять всеми силами и готовы даже умереть за истинную восточную веру, и, по их убеждению, митрополит с некоторыми владыками поступил незаконно, отрекшись от подчинения патриарху. Решено было призвать в собрание митрополита и униатских епископов, чтобы они объяснили свои действия. В то же время униаты открыли заседания в городском соборе.

Три раза экзарх посылал звать митрополита. Сначала получались уклончивые ответы, а на третий раз посланным сказали:

— Что сделано, то уже сделано, — иначе быть или переделаться не может. Хорошо или худо мы поступили, только мы отдались западной церкви.

После такого ответа не оставалось ждать ничего более, и Никифор обратился к собору с большой речью, резко осуждал митрополита и других епископов, сторонников унии, за их отступничество, хвалил тех, которые твердо стояли против них.

Затем рассмотрены были наказания земских послов, приехавших на собор; они заявляли, что поместный собор в Бресте не вправе постановить решение о соединении с римской церковью без согласия патриархов и всей восточной церкви и духовные, отступившие от власти патриархов, должны быть наказаны лишением сана и пр.

В это время явились королевские послы и старались в длинной речи склонить к унии лиц, высланных для переговоров с ними. Петр Скарга в свою очередь пытался поколебать кн. Острожского, но все старания были напрасны...

Четвертый день собора был самый решительный. Бискупы и владыки-униаты, в полном облачении, в сопровождении других низших духовных чинов, отправились в церковь св. Николая при колокольном звоне и пении. Совершили благодарственное молебствие за соединение христиан. Во всеуслышание была прочтена грамота, в которой митрополит и владыки именем Бога заявляли всем «на вечную память» о своем подчинении папе...

Как только окончилось чтение грамоты, бискупы западной церкви бросились к епископам-униатам, облобызались с ними и воспели хором хвалебную песнь Богу. Затем все вместе пошли в латинский костел и там торжественно пропели «Te Deum laudamus» («Тебя, Бога, хвалим»). Противников своих, епископов и других духовных лиц, верных православию, они объявили лишенными сана и священства и предали проклятию... Не менее решительные действия совершились в четвертый день и на православном соборе. Заседание началось с раннего утра. Экзарх Никифор подробно изложил вины митрополита и владык-униатов — обвинил их в том, что они нарушили клятву, данную ими при рукоположении — подчиняться цареградскому патриарху, — нарушили постановления древних соборов, самовольно без вселенского собора решили вопрос о соединении церквей и проч.

Выслушав это, собор потребовал, чтобы тотчас же был произнесен приговор над отступниками. Тогда Никифор стал на возвышении с крестом в правой руке и Евангелием в левой и громко произнес:

— Св. Божия восточная церковь повелевает нам и настоящему собору, чтобы митрополит Михаил и единомысленные с ним владыки лишены были архиерейского достоинства и служения, епископской власти и всякого духовного сана.

Приговор этот был подписан всеми духовными членами собора, и постановлено просить короля, чтобы он назначил вместо свергнутых митрополита и владык других лиц, верных блюстителей православия.

Понятно, как должен был взглянуть на это дело король, сильно хлопотавший об унии. Она была им признана и узаконена. Греческие экзархи объявлены были турецкими шпионами, епископы и другие духовные лица, противники унии, — ослушниками митрополита, отступниками от своей церкви и даже противниками короля. Таким образом вмешательство короля в церковные дела обращало ревнителей православия в государственных преступников, в мятежников!..

Итак, уния, вместо действительного соединения церквей, разорвала западнорусскую церковь на две враждебные части, повела к новой розни, вражде и бедствиям.

Скоро возникли усиленные гонения на православие. Началось с возмутительного суда над Никифором, на которого взводили всякие вины... Старик кн. Острожский, глубоко оскорбленный, не стерпел и высказал самому королю много резких, хотя и справедливых укоров.

— Ваша королевская милость, — говорил он, — видя насилие над нами и нарушение прав наших, не обращаешь внимания на присягу свою, которою обязался не ломать прав наших... Не хочешь нас в православной вере нашей держать при наших правах, наместо отступников-епископов других дать, позволяешь этим отступникам насилия творить... За веру православную наступаешь на права наши, ломаешь вольности наши и, наконец, на совесть нашу налегаешь... Не только сам я, сенатор, терплю кривду, но вижу, что дело идет к конечной гибели всей короны польской, потому что теперь никто уже не обеспечен в своем праве и вольности, и в короткое время настанет великая смута. Предки наши, сохраняя государю верность, послушание и подданство, взаимно от него милость, справедливость и защиту получали. На старости лет затронули у меня самые дорогие сокровища: совесть и веру православную. Видя смерть перед глазами, напоминаю вашей королевской милости: остере-

гитесь! Поручаю вам отца Никифора. Пусть хлещет на вас кровь его, а мне дай Бог не видать больше ломания прав!..

Кончив свою горячую речь, Острожский встал и, опираясь на руку одного своего приятеля, пошел из королевской комнаты. Тот напоминал ему, что надо обождать ответа короля.

— Не хочу!— ответил кн. Острожский. Король послал за ним его зятя Радзивилла с просьбой вернуться..— Уверяю вас,— говорил Радзивилл Острожскому, — король тронут вашей печалью, и Никифор будет освобожден.

— Пусть себе и Никифора съест!..— ответил разгорячившийся Острожский и ушел из дворца.

Упрямство старого князя повредило делу: Никифор не увидел свободы и умер в заточении.

И прежде православным трудно жилось под властью польского короля,— приходилось терпеть всякие притеснения от католиков; а теперь к этим врагам прибавились еще униаты. Униатские епископы выгоняли православных священников из их приходов и ставили на их места своих униатов. Братства объявлены были мятежными сходками, их стали строго преследовать. От православных отбирали церкви и отдавали униатам; они овладели даже Софийским собором в Киеве и едва не прибрали к своим рукам Киево-Печерскую лавру. Православных жителей не допускали к городским должностям, всякими способами стесняли их в промыслах и торговле, на их жалобы и просьбы не обращалось никакого внимания — им приходилось выносить всевозможные притеснения и обиды. О страданиях простого народа нечего и говорить...

Борьба православия с унией

Православие оказалось, однако, сильнее, чем думали враги его: нашлись у него сильные защитники и среди книжных людей, и в темном народе, готовые оборонять отцовскую веру и пером, и мечом!..

Скоро загорелась сильная литературная борьба (полемика). Даже с дальнего Афона раздался сильный, обличительный голос.

«Покайтесь все,— писал оттуда русский инок Иоанн Вишенский,— покайтесь, да не погибнете двоякою гибелью! Турки некрещеные честнее пред Богом в суде и правде, нежели крещеные ляхи. А вы, православные христиане, не скорбите: Господь с вами... Имейте веру и надежду на Бога жива; на панов же ваших, на сынов человеческих, не

надейтесь,— в них нет спасения: они от живого Бога и от веры в Него отступили. Да будут прокляты владыки, архимандриты, игумены, которые монастыри запустили... гроши собирают с доходов, данных богомольцам Христовым, дочерям своим приданое готовят, сыновей одевают, слуг умножают, кареты себе делают... а в монастыре, вместо песнопения и молитвы, псы воют!..»

Тот же инок послал резкое обличение главным отступникам от православия: Терлецкому, Поцею и Рагозе. Стефан Зизаний, который и раньше волновал Вильну своими горячими проповедями против католицизма и унии, в 1596 году издал «Казанье (слово) св. Кирилла, иерусалимского патриарха, об антихристе». Из этого сочинения казалось, что время унии и есть антихристово время. На эту книжку явился ответ от католиков.

Особенно сильная литературная борьба загорелась по поводу Брестского собора. О нем появилось два сочинения, одно православное, другое католическое. Последнее было написано Скаргою. Он утверждал, что все постановления православных в Бресте не имеют никакого значения, потому что законно только то, что постановлено митрополитом и епископами, т.е. уния, а миряне не имеют никакого права мешаться в церковное дело и должны как овцы повиноваться своим пастырям.

В ответ на сочинение Скарги появилась «Отповедь», подписанная вымышленным именем «Христофор Филалет». Здесь, вопреки Скарге, доказывается многими примерами, что миряне не должны следовать за своими духовными пастырями, если те заблуждаются и отступают от истинной веры.

«Если мирские люди,— говорится между прочим в «Отповеди»,— обязаны всем повиноваться пастырям своим, то не погрешили и немцы кельнские, которые по примеру своего архиепископа сделались лютеранами; и мы не грешим, слушаясь владык львовского и перемышльского, которые говорят, что папа вовсе не наивысший правитель церкви, и если бы луцкий владыка (т.е. Кирилл Терлецкий) потуречился, что для него дело возможное, то «овцы» его были бы оправданы перед Богом, если бы обратились за ним в магометанство».

Эта «Отповедь» сильно раздражила католиков, так как, поймав Скаргу на противоречии самому себе, остроумно била его собственным же его оружием. Ответ католиков на «Отповедь» дышит сильным гневом и переполнен бранными выражениями. «Сам дьявол,— говорится в этом ответе,— из ада вылезши, не мог бы большей неправды сочинить, как

этот «Христофор Филалет». (Эти имена в переводе с греческого значат: «носитель Христа» и «любитель истины».) «Поистине каждый,— говорит сочинитель ответа,— может назвать его не Христофором Филалетом, а Дьяволофором и Филопсевдисом» (т.е. носителем дьявола и любителем лжи).

В это же время явилось обстоятельное и правдивое сочинение о происхождении унии — «Перестрога» (т.е. предостережение), написанное православным львовским священником.

Таким образом, борьба православия с унией и католичеством заставляла православных глубоко вдумываться в церковные вопросы, пробуждала их силы и направляла их к литературной деятельности и проповеди.

Король в своей грамоте к русскому народу требовал, чтобы все православные последовали примеру митрополита, приняли унию, и запрещал признавать владыками и иметь общение с епископами, восставшими против унии, и даже приказывал карать ее противников. Итак, сам король считал православных преступниками и своею властью узаконял гонение на них.

Наказать всех противников унии, т.е. целый народ, и принудить его признать унию было не под силу польскому правительству; но всячески теснить и гнать православных оно могло. Положение униатов было тоже далеко не привлекательным: они от своих отстали и к чужим не пристали. Православные презирали их как отступников; не считали их своими и католики: в унии они видели только переходную ступень к католичествому. Сенаторских мест униатским духовным сановникам польское правительство не дало; зато щедро наделяло их именьями, отнятыми у православных церковей и монастырей. Епископы-униаты своим корыстолюбием и небрежным отношением к церкви еще более роняли унию в глазах всех благомыслящих людей. Паны и шляхтичи, изменяя православию, считали за лучшее переходить не в унию, а прямо в католичество. Уния только и находила себе поддержку в правительстве.

После Михаила Рагозы, горько каявшегося в принятии унии, митрополитом стал Ипатий Поцей (в 1599 г.). При нем усилились преследования православных: он отнимал у православных церковей и монастырей именья в пользу униатов, изгонял православных духовных лиц и давал их места униатам, теснил братства. Притеснения дошли наконец до того, что раздраженному населению стало невмочь более терпеть. Один православный мещанин в Вильне даже покусился на жизнь Поцея, но

отрубил ему только два пальца. Преступник был казнен; а пальцы Поцея, как мученика за веру, долго лежали на престоле в церкви. Это покушение только сильнее разожгло страсти: преследование православных после этого еще более усилилось. На церковные места в униатской церкви стали допускать прямых католиков, и явно обнаружилось стремление обратить униатов совсем в латинство; преемник Поцея Иосиф Рутский особенно хлопотал об этом.

Начало XVII века, когда Московская Русь страдала от смут, было особенно тяжелым и для православных в западной Руси. Чего только не делалось здесь против них! Шайки голодных оборванных жолнеров (солдат), воротившихся из похода на Москву, буйствовали, грабили и всячески тешились над православным населением. Иезуиты натравливали даже своих школьников на православное население, а те заводили с православными уличные драки, издевались над их обрядами, врываются в церкви и бесчинствовали; бывали даже случаи, что «питомцы иезуитов» разносили церкви и дома... Все это буянам сходило безнаказанно с рук. Управы на них найти православным было негде: суды охраняли права лишь католиков и униатов, а не православных. Сильных покровителей их уже не стало. Князь Острожский умер в 1608 году. Многие прежде русские и православные роды уже ополячились.

В 1610 году явилось сочинение Мелетия Смотрицкого «Фринос» («Плач»). Здесь представлена православная церковь, которая оплакивает утрату западнорусских родов, перешедших в латинство, в следующих словах:

«Где теперь тот неоцененный камень, который я носила вместе с другими брильянтами на моей голове в венце, как солнце среди звезд,— где теперь дом князей Острожских, который превосходил всех ярким блеском своей древней (православной) веры? Где и другие также не оцененные камни моего венца, славные роды русских князей,— мои сапфиры и алмазы — князья Слуцкие, Заславские, Збаражские, Вишневецкие, Чарторижские? (Далее следует длинный перечень знатных русских родов, ополячившихся и окатоличившихся...) Вы, злые люди (своею изменою), обнажили меня от этой дорогой моей ризы и теперь насмеяетесь над немощным моим телом... Прокляты будете все вы, насмеяющиеся над моей наготой, радующиеся ей! Настанет время, что все вы будете стыдиться своих действий».

Не стало сильных защитников православия между русскими панам; один за другим сошли в могилу и последние православные епископы: Геден — епископ львовский и Михаил — перемышльский. Все

сильнее и сильнее сказывался недостаток в православных священниках: в иных местах православному населению поневоле приходилось обращаться к униатским священникам, а гонения на православных все росли да росли.

Вот какими красками на сейме 1620 года волынский депутат Лаврентий Древинский обрисовал пред королем и всеми членами сейма положение православных польской короны:

— Каждый видит ясно, какие великие притеснения терпит этот древний русский народ относительно своей веры. Уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях нет монахов, — там скот запирают; дети без крещения умирают, тела умерших без церковного обряда из городов, как падаль, вывозят; народ умирает без исповеди, без приобщения. Неужели это не самому Богу обида, и неужели Бог не будет за это мстителем?! Скажу, что в Львове делается: кто не униат, тот в городе жить, торговать и в ремесленные цехи принят быть не может; мертвое тело погребать, к больному с тайнами Христовыми открыто идти нельзя. В Вильне, когда хотят хоронить тело благочестивого русского, то должны вывозить его в те ворота, в которые одну нечистоту городскую вывозят. Монахов православных ловят на вольной дороге, бьют и в тюрьму сажают. В чины гражданские людей достойных и ученых не производят потому только, что не униаты; простаками и невеждами, из которых иной не знает, что такое правосудие, места наполняют в поношение стране русской. Деньги у невинных православных без всякой причины исторгают... Уже двадцать лет на каждом сеймике, на каждом сейме горькими слезами молим, но вымолить не можем, чтоб оставили нас при правах и вольностях наших. Если и теперь желание не исполнится, то будем принуждены с пророком возопить: «Суди ми Боже и рассуди прю мою!»

В 1620 г. в Малороссию приехал иерусалимский патриарх Феофан и поставил для православных митрополита Иова Борецкого и шесть епископов. Это сильно встревожило иезуитов; они пустили молву, будто Феофан — самозванец, а не патриарх, и поэтому все посвященные им епископы незаконны. Из-за этого вопроса снова загорелась полемика. Законность действий Феофана была доказана. В это же время казаки решительно заявили, что не пойдут на турок, если польское правительство не признает вновь поставленных православных епископов, а на сейме 1622 года снова Древинский возвышал свой горячий голос на защиту свободы веры. По новому определению сейма признаны были

права православных и решено было прекратить судебные дела, порожденные религиозной враждой. Казалось, наступала пора примирения и спокойствия; но случилось несчастье, которое разбило все упования православных и вызвало новые нападки и гонения на них.

Полоцкий униатский епископ Иосафат Кунцевич, один из самых рьяных поборников унии, не останавливался ни пред чем, добиваясь торжества ее над православием. Он не мог вынести, что многие из его паствы стали переходить к православному полоцкому епископу Мелетию Смотрицкому, и стал творить такие неправды и насилия, что даже иные католики старались умерить его слепую вражду к православным.

Литовский канцлер Лев Сапега, как дальновидный государственный человек, понимал, как вредны могут быть последствия насилий, какие совершал Кунцевич и подобные ему. Письмо Сапеги к нему, полное резких, но правдивых укоров, очень любопытно: здесь истый католик свидетельствует о тех безобразиях, какие творили горячие ревнители унии.

«Бесспорно,— пишет Сапега Кунцевичу 12 марта 1622 г.,— что я сам хлопотал об унии и покинуть ее было бы неразумно; но мне никогда и на ум не приходило, чтобы вы решились приводить к ней такими насильственными средствами. Уличают вас жалобы, поданные на вас в Польше и Литве. Разве не известны вам ропот темного народа, его речи, что он хочет лучше быть в турецком подданстве, нежели терпеть такое притеснение своей вере? По словам вашим, только некоторые монахи епархии Борецкого (нового православного митрополита) и Смотрицкого да несколько киевской шляхты противятся унии; но просьба королю подана от войска Запорожского, чтобы Борецкого и Смотрицкого в их епархиях утвердить, а вас и товарищей ваших свергнуть. И на сеймах мало ли у нас жалоб от всей Украины и от всей Руси, а не от нескольких только чернецов! Поступки ваши, проистекающие более из тщеславия и ненависти, нежели из любви к ближнему... произвели те опасные искры, которые угрожают всем нам или очень опасным, или даже всеистребительным пожаром!»

Далее Сапега указывает на весь вред насилий, указывает, что поступать так, как поступает Кунцевич и ему подобные, и невыгодно для успеха унии, и противно христианскому духу.

«Говорите,— продолжал он,— что вольно вам не униатов топить, рубить. Нет! Заповедь Господня всем мстителям дает строгое запрещение, которое и вас касается. Когда насиуете совести людские; когда запираете церкви, чтоб люди без благочестия, без христианских обрядов,

без священных треб пропадали, как неверные; когда своевольно злоупотребляете милостями и преимуществами, от короля полученными, то дело обходится и без нас; когда же, по поводу этих беспутств, в народе волнение, которое надо усмирить, то вы хотите нами (т.е. правительством) дыры затыкать!» «... Вы требуете, чтоб не принимающих унию изгнать из государства. Да спасет Бог наше отечество от такого величайшего беззакония!.. Печатать и запирают церкви и ругаться над кем-либо ведет только к пагубному разрушению братского единомыслия и взаимного согласия. Покажите, кого вы приобрели, кого уловили вашей суровостью, строгими мерами, печатанием и запираением церквей? Вместо того откроется, что вы потеряли и тех, которые в Полоцке у вас в послушании были. Из овец сделали вы их козлищами, навлекли опасность государству, а может быть, и гибель всем нам, католикам. Вот плоды вашей хваленой унии! Если отечество потрясется, то не знаю, что в то время с вашей унией будет!.. Король приказывает вам православную церковь в Могилеве распечатать и отпереть, о чем я, по приказу его, пишу к вам, и если вы этого не исполните, то я сам велю ее распечатать... Жидам и татарам не запрещается в областях королевских иметь свои синагоги и мечети, а вы печатаете христианские церкви!»

Но эти укоры не действовали на Кунцевича, ослепленного враждой к православию. Он, выражавший опасение за свою жизнь, казалось, шел навстречу беде: запирает православные церкви в Витебске, не позволяя православным служить даже за городом в шалашах. Озлобление против него дошло, наконец, до крайней степени: раздраженная уличная чернь кинулась на него, избивала его палками до смерти, а изуродованный труп его кинула в Двину (в ноябре 1623 г.).

Это убийство было знаком к новым гонениям православных. До сих пор они имели право говорить о себе: «О насилии наша сторона не мыслит». Теперь же в глазах католиков и униатов они этого права лишились. Кунцевич был провозглашен по всему католическому миру мучеником за свою христианскую ревность. Сам папа Урбан VIII зывал о мщениии — он смотрел на православных глазами Кунцевича. В своем послании к королю 10 февраля 1624 года он между прочим говорит:

«Восстань, о царь, знаменитый поражением турок и ненавистью нечестивых! Прими оружие и щит и, если общее благо требует, мечом и огнем истребляй эту язву!»

«Кто даст очам нашим источник слез, — пишет папа в другом месте, — чтобы мы могли оплакать жестокость схизматиков и смерть полоцкого

архиепископа? Где столь жестокое преступление вопиет о мщении, проклят человек, который удерживает меч свой от крови! Итак, могущественнейший король! ты не должен удерживаться от меча и огня. Да почувствует ересь, что за преступлениями следуют наказания. При таких отвратительных преступлениях милосердие есть жестокость!»

Такие воззвания делал папа, считавший себя наместником Христа на земле! Он писал не только к королю, но и ко многим епископам и светским лицам, требуя гонения на православных.

В Витебск явились королевские комиссары (чиновники), окруженные значительными отрядами пешего и конного войска,— боялись казаков, которых звали на помощь жители Витебска. Судебное разбирательство было окончено в три дня. Два бурмистра и 18 горожан были казнены; около ста бежавших горожан было приговорено заочно к смерти; имения их отобраны в казну. Город потерял все свои права и преимущества («Магдебургское право»); ратуша и две православные церкви были разрушены; даже колокола, в которые били в набат, возбуждая народ против Кунцевича, были сняты.

По всему пространству польских владений с новой силой поднялось гонение на православных. Витебский погром и другие насилия нагнали такого страха на православных, что они целыми тысячами стали переходить в унию.

По поводу витебской расправы один из современников-униатов пишет: «Великий страх после этого напал на схизматиков; начали понимать, что когда сенаторы х о т я т приводить в исполнение приказы королевские, то не боятся казацкого могущества».

Казацкие движения против Польши тогда уже начались, и польское правительство стало с тревогою смотреть на свою казацкую юго-восточную Украину.

Печатается по: *Сиповский В.Д.*
Родная старина. — М.: Современник,
1993. — С. 166 и след. (Репр. изд.)

ТОЛСТОЙ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

В предлагаемом отрывке из книги М.В. Толстого «История русской церкви» рассказывается о самом начале распространения христианства на Руси, о князе Владимире, который из нескольких религий выбрал для России православие. В результате нравственная жизнь самого князя «совершенно изменилась после благодатного крещения».

Последние абзацы отрывка рассказывают о сыновьях князя Владимира, о гибели Бориса и Глеба, о Святополке, получившем в истории России прозвище «Святополк-Окаянный». Затем речь идет о погребении тел Бориса и Глеба и других событиях того времени.

ЗАДАНИЯ

1. Выберите тексты, где есть сведения о:
 - а) князе Владимире,
 - б) выборе Владимиром христианства для Руси,
 - в) влиянии новой религии на самого князя,
 - г) сюда можно включить дополнительный вопрос, выходящий за рамки уже указанных выше.
2. Выберите тексты, где освящается история Бориса и Глеба:
 - а) их гибель,
 - б) дальнейшая судьба,
 - в) история других лиц, упомянутых на этих страницах.
3. Дайте оценку характера изложения материала автором книги «История Русской церкви», охарактеризуйте язык, стиль, ораторские приемы и т.п.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Св. Кн. Владимир

После Святослава, который жил и умер упорным язычником, наступили междоусобия между тремя сыновьями его. Младший из них, Владимир, рожденный от наложницы Малуши, Ольгиной ключницы, с восьмилетнего возраста был отправлен Святославом в Новгород под присмотром дяди, Добрыни Любчанина, который, как грубый язычник, давал

полную волю страстям своего воспитанника. После смерти отца Владимир с Добрыней завладел Киевом посредством измены, велел умертвить старшего брата своего Ярополка, взял себе насильно невесту его Рогнеду, княжну Полоцкую, и беременную жену его, гречанку. Сделавшись единовластителем Русской земли, Владимир проводил свою молодость в необузданном сластолюбии: кроме пяти жен, у него было в разных местах до 800 наложниц. Он отличался также страстью к войне и отдаленным походам.

В 983 году Владимир ходил на ятвягов и покорил землю их (в нынешней Гродненской губернии). Возвратясь в Киев, он совершал жертвоприношения идолам. Старшины и бояре сказали ему: «Бросим жребий на отрока или девицу; на кого падет, того и принесем богам».

Жребий пал на юного Иоанна, сына одного варяга-христианина, по имени Феодора, жившего в Киеве. Посланные сказали отцу: «Отдай сына богам; они выбрали его себе в жертву». Феодор отвечал: «Ваши боги — истуканы, сотворенные руками человеческими. Един Бог, которому поклоняются греки, сотворил небо и землю. Не дам сына моего бесам». Услышав этот ответ, киевляне сбежались и разломали двор варяга. Он стоял с сыном на сених. Ему кричали: «Поддай сына твоего!» Он отвечал: «Пусть боги ваши сами придут и возьмут его». Язычники подрубили сени под ними и умертвили обоих.

Но приближалось уже время общего просвещения земли Русской: ужасное братоубийство, сластолюбие грубое не могли не тяготить совести Владимира. Он думал облегчить душу тем, что ставил новых кумиров на берегах Днепра и Волхова, украшал их серебром и золотом, приносил тучные жертвы перед ними. Все это, как чувствовал он, не доставляло покоя душе, — душа искала света и мира. Владимир чувствовал тревогу, движения и сомнения в душе. Он стал припоминать свое детство и наставления блаженной бабки своей Ольги. К великому князю, недовольному старой верой, явились проповедники новых вер. Первыми явились послы из восточной Болгарии, мусульмане. Описание магометова рая, населенного прекрасными гуриями, понравилось сластолюбивому князю, но обрезание показалось ему мерзостью, а запрещение пить (крепкие напитки) — несовместимым с обычаями Руси. После немецкие паписты говорили о величии невидимого Бога и ничтожности идолов; но князь знал папскую политику и отвечал им: «Идите обратно, отцы наши не принимали веры от папы». Выслушав проповедь иудеев хозарских, Владимир спросил: «А где ваше отечество?» «В Иерусалиме —

отвечали они, — но Бог разгневался на отцов наших и расточил их по чужим странам». «И вы, отвергнутые Богом, — сказал им Владимир, — еще приходите учить других? Или хотите, чтобы и мы лишились своего отечества?» Наконец выслушан был философ, инок греческий. Показав несправедливость других вер, он представил историю Ветхого и Нового Завета и в заключение развернул картину страшного суда. «Добро стоящим одесную, — сказал Владимир, — и горе грешным на левой стороне». — «Крестись, — и будешь в раю с праведными», — отвечал ему инок.

Отпустив последнего проповедника с уважением и дарами, Владимир созвал бояр и старшин на совет об избрании новой веры; решено послать послов и рассмотреть каждую веру на месте. Послы побывали у болгар восточных, потом у немцев и, наконец, прибыли к грекам. Императоры Василий и Константин, узнав причину прибытия русских выборных, известили о том Патриарха, и Патриарх в присутствии послов совершил торжественную службу. Великолепие храма Софийского, множество духовенства в богатых облачениях, стройное пение клира привели русских в восторг. Они думали, что стоят на небе, а не на земле. Возвратясь в Киев, они с восхищением говорили о вере греческой. «Если бы греческий закон не был лучше всех других — сказали великому князю бояре и старцы — то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрейшая из людей». Владимир решился принять крещение, но не хотел унижаться перед греками и положил завоевать себе веру.

Через год после совещания о вере Владимир пошел с войском к Корсуню и, взяв его, требовал себе от двора Константинопольского руки царевны Анны, сестры императора. Ему отвечали: «Пусть примет святую веру». — «Я давно испытал и полюбил закон христианский», — сказал Владимир. Но прежде, чем невеста его пришла в Корсунь, с языческим князем случилось то же, что было некогда с Павлом: он ослеп. Прибывшая царевна советовала ему не медлить с крещением как средством к исцелению. Когда епископ возложил руку на выходящего из купели князя, Владимир, в крещении Василий, прозрел и душевно и телесно и в восторге воскликнул: «теперь я увидел Бога истинного». По крещении Владимир вступил в брак с царевной и отдал Корсунь грекам, а сам возвратился в Киев новым человеком, с памятниками боевой и христианской славы.

Равноапостольный князь искал лучшей веры не для себя одного, но для всего своего народа. Прежде всего крестились в Киеве сыновья

его. Потом уничтожены были идолы; главного из них, Перуна, Владимир велел привязать к хвосту конскому, стащить с горы и бросить в Днепр; суеверный народ плакал из сожаления о старине своей и долго следовал по берегу за уплывавшим истуканом. Тогда же князь велел объявить, чтобы на другой день все жители Киева, не исключая женщин и детей, собрались на берег Днепра для принятия Крещения, под опасением немилости князя за послушание.

Киевляне давно уже знали греческую веру, знали и решимость князя и бояр переменить веру и охотно шли креститься. Необозримые толпы людей, старцы и юноши, матери с младенцами покрыли берег реки. Туда явился и Владимир с собором духовенства. Народ вошел в Почайну, взрослые держали на руках младенцев, священники с берега читали молитвы. Владимир, объятый небесным восторгом, молился Господу и поручал ему себя и народ свой. «В этот день небо и земля ликовали», — говорит летописец.

Святой Владимир не ограничился просвещением престольного своего города, но поспешил с распространением святой веры и во всех других городах, больших и малых, — причем первым деятелем был святой Михаил, первый митрополит Киевский и всея Руси. После Киева был просвещен святой верой второй из славных городов Русских, Новгород Великий. Но здесь перемена веры обошлась не без сопротивления, нужно было укрощать возмущение силою. После того благовестие веры Христовой принесено было в область Ростовскую. Там, как и Новгороде, ревностные благовестники крестили много людей, поставили церкви и священников, но не искоренили язычества.

В прочие города Владимир отправил сыновей своих и с ними священников для водворения веры Евангельской, в то же время он распространял и просвещение: в Киеве открыто было училище, богослужebные и учительные книги получены были из южной Болгарии. Храмы строились преимущественно на тех местах, где прежде стояли идолы. Особенная заботливость святого князя обращена была на построенный им в Киеве храм Богородицы, прозванный десятинным, потому что в пользу его блаженный храмоздатель назначил десятую часть из своих доходов.

Нравственная жизнь Владимира совершенно изменилась после благодатного крещения. Довольствуясь одной женой (царевной), с которой сочетался браком по закону христианскому, он отпустил от себя всех прочих жен и наложниц, а Рогнеде послал сказать: «Я теперь

христианин и должен иметь одну жену; ты же, если хочешь, выбери себе мужа между боярами». Рогнеда отвечала: «Я природная княжна. Ужели тебе одному дорого царство небесное? И я хочу быть невестой Христовою».

Повествователь почти современный, говорит, что Владимир глубоко скорбел о прежней нечистой жизни и говорил: «Господи! Был я как зверь, жил я по-скотски, но Ты укротил меня. Слава Тебе, Боже!»

Владимир-христианин заботился о внутреннем благоденствии своих владений, которые прежде распространял мечом. Он не поднимал оружия на соседей, но жил с ними мирно. Только дикие печенеги вынуждали его воевать с ними. Желая скрепить мир с Польшей родственным союзом, святой Владимир женил сына своего (а может быть, и племянника) Святополка на дочери короля Болеслава.

Но вместе с польской королевой прибыл бискуп Рейнеберг, пустил в ход римские происки и расположил Святополка к папизму и восстанию против великого князя. Владимир заключил Святополка в темницу с женою и бискупом.

Жестокий и мстительный в язычестве, Владимир-христианин сделался образцом кротости и любви к ближнему; он не хотел наказывать даже и преступников. Епископы представили ему, что злодейства умножились и строгие меры правосудия необходимы. Послушав их, он стал наказывать преступников, но весьма осторожно и без жестокости. Бедным и нуждающимся отворен был вход к нему: он щедро раздавал им пищу, одежду, деньги; покоил странников, выкупал должников, невольникам и пленным возвращал свободу. Видя, что больные не в силах приходить к нему за помощью, он приказал развозить по улицам мясо, рыбу, хлеб, овощи, квас и мед. В праздничные дни всегда были у него три трапезы: первая для митрополита с епископами, иноками и священниками; вторая для нищих; третья для самого князя с боярами и дружиной. Такова была христианская жизнь приснопамятного крестителя земли Русской!

Святой равноапостольный князь Владимир преставился в старости 15 июля 1015 года и погребен в созданной им Десятиной церкви, рядом с гробницей супруги его Анны, скончавшейся за 4 года до него. Церковь уже чтит память его при сыне его Ярославе. Митрополит Иларион называет его вторым Константином, апостолом Русской земли, и, обращаясь к нему, говорит: «За благие дела получив ныне возмездие на небеси, блага, уготованные от Бога любящим его, и насыщаясь слад-

ким Его лицезрением, помолись Господу о земле твоей и о людях, над которыми ты благоверно владычествовал». Но мощи святого Владимира не были открыты и прославлены. Они покоились в мраморном гробе, который при нашествии татар был скрыт в земле под развалинами Десятинной церкви и обретен в 1635 году. Святая Церковь, празднуя память равноапостольного князя, воспевает:

«Радуйся, слава России! Радуйся, правитель верных; радуйся, божественный Владимир, первоначальник наш; радуйся, забрало веры; радуйся, притекающих пристанище тихое; радуйся, камень веры и молебник о поющих и величающих тебя верно».

Немедленно по кончине Владимира Святополк, как старший в семье княжеской, сел на престол и спешил задобрить киевлян ласками и подарками; но они знали, каков он, и не доверяли ему; к тому же братья их были в походе против печенегов с князем Борисом. Чтобы вернее сохранить власть, Святополк решился умертвить двух любимых сыновей Владимира, Бориса и Глеба.

Святые князя Борис и Глеб — прекрасные весенние цветы ново-просвещенной Русской земли, ранние и яркие звезды на христианском небосклоне России.

Рожденные от матери христианки и оставаясь по малолетству еще довольно долго при отце своем, тогда как прочие братья отправлены были на уделы, они росли и развивались в благочестии, не тронутые заразой язычества. Они оба, как и праведный отец их, любили назидательное чтение. Борис (в крещении Роман) научен был грамоте, прилежно читал книги, особенно же подвиги и жития святых; а Глеб (в крещении Давид), младший брат, слушал с полным вниманием и наслаждением. Читая о страдании мучеников, святой Борис обливался слезами и молился: «Господи Иисусе Христе! Удостой меня участвовать в святом произволении святых Твоих; научи меня идти по их следам. Молю сердце мое, чтобы оно знало Тебя и Твои заповеди; даруй мне дар, какой даровал Ты угодникам Твоим». Борис и Глеб горячо любили отца своего, любили друг друга и были всегда неразлучны в детстве. И отец преимущественно любил их, видя на них благодать Божию, и назначил им соседственные уделы, Борису — Ростов, а Глебу — Муром. Прибыв в свои уделы, они делали все, что могли, для распространения святой веры и отличались правосудием, кротостью, смирением и милосердием к бедным.

Вызванный из Ростова отцом, состарившимся и больным, Борис был отправлен против печенегов и, возвращаясь после напрасной погони, на

берегу реки Альты, близ южного Переяславля, узнал о смерти блаженного родителя. Это известие поразило его тяжкой скорбью: он горько плакал, говоря: «Свет очей моих, не буду уже я наслаждаться благим учением и мудростью твоей!» Окружавшие его предлагали ему выгнать Святополка и возвести его на великое княжение. «Нет,— отвечал святой Борис,— не подниму я руки на брата старейшего; умер отец мой, пусть он будет мне вместо отца». Он распустил войско и собирался в Киев, куда звал его Святополк, обещая ему лучший удел.

Был вечер субботы, 24 июля 1015 года. Борису дали знать, что к нему подосланы убийцы. Он велел священнику петь утрению, сам читал шестопсалмие и канон. Окончилась утренья; он стоял еще перед иконой и молился: «Господи! Ты пострадал за грехи наши; удостой и меня пострадать за Тебя. Умираю не от врагов, а от брата; не поставь ему того во грех». Затем, причастившись Святых Тайн и простясь со всеми, покойно лег в постель. Убийцы, как звери, ворвались в шатер, пронзили Бориса копьями и, думая, что он умер, вышли вон. Но рана не была смертельна; страдалец опомнился и вышел из шатра. Один из злодеев ударил его копьем в сердце. Тело святого Бориса тайно привезли в Вышгород и схоронили при церкви святого Василия.

Святополку мало было смерти Борисовой. Он послал к Глебу гонца: «Иди скорее, — велел он сказать ему, — отец тяжело болен и зовет тебя». Глеб спешил в Киев. Он был близ Смоленска, плывя на ладьях по реке Смядыне, когда старший брат Ярослав, княживший в Новгороде, прислал сказать ему, что отец умер, а брат Борис убит Святополком. Глеб оплакал смерть отца и еще более горевал о брате, которого нежно любил. «Не услышу я более кротких наставлений твоих, брат мой любимый. Если получил ты милости у Господа, моли Его, чтобы и я пострадал, как ты; лучше быть мне с тобой, чем в этом злом мире». Так говорил плачущий юноша, рано постигнув суету временной жизни. Скоро встретили его убийцы, посланные Святополком. Спутники Глеба увидели их и схватились за оружие, чтобы защитить любимого князя. Глеб сказал им: «Братцы, если мы не будем драться с ними, они возьмут меня и поведут к брату; если же вступим в бой, они всех нас убьют. Плывите к берегу, а я останусь на середине реки». Убийцы, приблизившись к лодке святого князя, схватились за оружие. Напрасно Глеб говорил им, что ни в чем не виноват перед братом: злодеи заставили повара Глебова, родом из Торков, зарезать своего господина, вынесли тело князя из лодки и бросили между колодами в глухом лесу.

За смертью святых страстотерпцев последовало кровавое волнение во всей России. Святополк убил еще брата, Святослава, княжившего в земле Древлянской, и вступил в отчаянную борьбу с Ярославом. То с дикими печенегами, то с поляками четыре года сряду обагрят он свою Родину кровью. Наконец он встретился с Ярославом в 1019 году на берегах реки Альты, на месте страшного братоубийства. Ярослав молился и сказал: «Кровь невинного брата моего вопиет к Всевышнему!» Три раза возобновлялась битва упорная и жестокая; подобной, по словам летописца, не бывало еще на земле Русской. Наконец Святополк обратился в бегство. Терзаемый тоской, гонимый небесным гневом, беспрестанно слыша за собой мнимую погоню, изверг бежал через Польшу в пустыни Богемские и там кончил гнусную жизнь свою, заслужив проклятие современников и прозвание «окаянного». Заняв престол Киевский, Ярослав прежде всего захотел отдать последний долг страдальцам-братьям. Скоро успел он узнать о месте погребения святого Бориса, но целый год искал напрасно останки святого Глеба. Только в 1020 году тело его случайно найдено в лесу звероловами, перевезено в Вышгород и погребено подле святого Бориса. Тело святого Глеба, лежавшее пять лет на открытом воздухе, нимало не повредилось от перемен погоды; ни птицы, ни звери плотоядные не коснулись его; оно было белым и цело нетлением, как живое. Скоро у могилы мучеников начали являться знамения и чудеса. Великий князь Ярослав по совещании с митрополитом Иоанном, решился открыть мощи новоявленных мучеников, прославленные нетлением и даром чудотворений. С благоговейной радостью перенесли святые мощи в часовню, поставленную на месте церкви святого Василия, которая незадолго перед тем сгорела. Решились соорудить новую церковь и установить праздник в честь мучеников. Лес приготовили зимой, к дню кончины святого Бориса построили церковь и поставили в ней икону святых князей. 24 июля 1021 года храм освящен митрополитом Иоанном в присутствии великого князя, при многочисленном стечении народа. Во время литургии хромой, ползавший у раки святых, встал и стал ходить в виду всех. Митрополит поставил открыто на правой стороне церкви мощи первых Русских чудотворцев и установил ежегодно праздновать память их в этот день. В 1072 году храм, сооруженный Ярославом, оказался ветхим, и сын его Изяслав построил новый храм. При торжественном перенесении святых мощей из старой церкви в новую мощи святого Бориса были несены князьями, а каменную раку святого Глеба везли на санях.

Тогда же совершилось несколько чудес, и положено праздновать каждый год 2 мая перенесение мощей святых страстотерпцев.

«Приидите восхвалим чудотворцев и мучеников: пострадав законно, они победили врага и ныне светло украшенные радостно предстоят Христу. И мы с любовью прославляем память их песнями, взывая к ним: радуйтесь заступники вселенной и поборники на врагов; радуйтесь врачи болящих и прогонители демонов; радуйтесь любезная чета прекрасных братьев, любимых Христом — Роман славный и Давид чудный».

С памятью святого страстотерпца Бориса неразлучна память о верном слуге его, преподобном Ефреме Новоторжском. Ефрем уроженец венгерский, пришел на службу к князю Борису, вместе с двумя своими братьями — Моисеем и Георгием. Последний из них был при своем князе на берегу реки Альты и хотел прикрыть его собой от последних ударов убийц, когда блаженный Борис, уже раненный, вышел из шатра. Злодеи умертвили Георгия и отрезали ему голову, чтобы снять с шеи золотую гривну. Узнав о смерти князя и любимого брата, Ефрем искал тело Георгия на месте убийства, но нашел только голову его, которую взял с собой. Он принял иночество и удалился на берег реки Тверцы, в селение Новый Торжок. Там построил он странноприимный дом и несколько лет усердно служил странникам. Когда открылись мощи святого князя Бориса и Глеба, преподобный Ефрем построил в честь новоявленных мучеников каменный храм и при нем основал обитель иноческую. Веселясь духом, что в созданном им храме верующие молятся любимому князю его, прославленному Господом, он подвизался в посте и молитве и мирно почил в глубокой старости 28 января 1053 года.

Печатается по: *Толстой М.В.*
История Русской церкви. —
Изд. Спасо-Преображенского
Валаамского монастыря,
1991. — С. 11 и след.

ЧАСТЬ III

ЭКЗЕРСИСЫ

*Когда слово не бьет, то и палка не
поможет.*

СОКРАТ

*Человек умный управится с
десятком слов ловчее, чем глупец
с сотней.*

Т. МАНН

Экзерсисы, или, в переводе на русский язык, «упражнения», в наши дни люди, придерживающиеся языковой моды, как правило, именуют не иначе, как «деловые игры». Именно они способствуют выработке риторических умений и навыков, позволяющих «расставлять слова» наилучшим способом.

Часть III включает деловые игры:

- подражания образцам,
- тесты,
- цитоны,
- монофоны.

Первыми даны два задания, направленные на **копирование стиля автора** и состоящие из контрольных вопросов, частично построенных на материалах хрестоматии, частично выходящих за ее рамки. В каждом задании сформулированы конкретные вопросы, на которые нужно дать ответ, предполагающий наличие определенного багажа знаний, умений и навыков по теории и практике русского красноречия. При желании каждый любитель русского красноречия может расширить или сократить для себя следующие ниже задания самостоятельно, ориентируясь на свои интересы и предпочтения.

Далее в этой части приведены **тесты**. В настоящее время тесты широко применяются при обучении разным наукам. Полезны они и при овладении риторикой.

Работа с тестами развивает общий кругозор, расширяет словарный запас, повышает общую культуру обучающегося.

Цитоны¹ могут способствовать желающему «учиться на чужих ошибках, а не на своих собственных». Исправляя примеры, начинающий оратор сможет сформулировать верные варианты мыслей, в них изложенных, заблаговременно обдумывая содержание

¹ Эти термины введены автором учебного пособия.

ЭКЗЕРСИСЫ

и форму высказываний для подобных ситуаций и избегая заявлений как ложных, так и малосодержательных.

Монофоны¹ следует внимательно изучить, а затем попытаться написать несколько собственных вариантов, вначале на простую «бытовую» тему, а затем на сложный исторический или художественный сюжет.

Итак, деловые игры, цитоны и монофоны формируют, как показывает практика автора настоящего пособия, у начинающего оратора элементы основ риторической ответственности и помогают избежать примитивных подходов к собственной профессиональной и бытовой речи.

Мало думать на языке.
Необходимо думать и о языке.

Д.С. Лихачев

ПОДРАЖАНИЕ ОБРАЗЦАМ

Здесь приведены тексты двух авторов, наиболее подходящие для работы, которая может быть определена как копирование образцов. Такое упражнение в наибольшей степени подходит для обучения творческих людей — музыкантов и художников: ученик повторяет работу Мастера, делает копию его шедевра, которая потом может быть оценена самим мэтром. Похвала последнего становится первой ступенькой, по которой ученик поднимается по лестнице, ведущей к постижению искусства.

Для нас — это риторика. Попытаемся тщательно сделать копию с тех творений, которые нам оставили выдающиеся авторы, достойные подражания.

Первым среди всех — Александр Сергеевич Пушкин.

На пороге XXI в. человечество отметило 200-летие Великого русского поэта, который в свое время разрешил главный экономический вопрос для России, заметив, что его герой:

... читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.

Два слова «простой продукт» подчеркнуты самим поэтом и являются ключом к пониманию проблемы: есть ли в современной России этот «простой продукт», при наличии которого отпадает нужда в золоте?

ПОДРАЖАНИЕ ОБРАЗЦАМ

Впрочем, вернемся к нашим проблемам.

Если при изучении риторического наследия А.С. Пушкина мы вынуждены пользоваться только его письменной речью, то устные выступления И.Л. Андроникова записаны для радио и телевидения. И нет сомнения в том, что его риторическое творчество достойно подражания как выдающегося рассказчика и стилиста.

ПУШКИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

Далее представлены отрывки (начало) из произведений «Станционный смотритель», «Дубровский» и «Капитанская дочка».

Проза А.С. Пушкина — образец для подражания для любого оратора — начинающего и многоопытного. Поэтому переходим сразу к формулированию задания.

ЗАДАНИЯ

1. Последовательно прочитайте первый абзац каждого из произведений и решите для себя, можно ли из предлагаемой прозы выбросить какие-нибудь слова, но при условии, что смысл фразы не изменится, подчеркиваем: «смысл фразы не изменится». Кажется, задание и не трудное и понятное, легкая, изящная пушкинская проза читается без затруднений, что вслух, что про себя. Но все же лучше вслух.

Итак, читаем:

«Кто не проклинал станционных смотрителей...» и т.д.

«Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин...» и т.д.

«Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе...» и т.д.

Что можно выбросить?

А н и ч е г о!

Как бы нам научиться говорить и писать так же, да чтобы словам было тесно, а мыслям просторно!

Впрочем, продолжите это задание, может быть, все же найдется «ненужное» для сюжета словечко.

2. К «Станционному смотрителю» и к «Капитанской дочке» есть эпиграф, а к «Дубровскому» нет. Какие слова можно было бы ему предпослать? Мы не имеем права «улучшать» нашего гения, но учиться на его произведениях мы и можем и должны.
3. Какие слова и обороты речи вам понравились в наибольшей степени, когда вы перечитывали Пушкина? Может быть, стоит их запомнить и использовать?

Добавим, что едва ли не в каждом доме найдется томик А.С. Пушкина, поэтому в хрестоматии приводится только начало указанных его произведений.

Зададим читателю маленькое промежуточное задание №1. Поиски ответа сведутся к тому, что начинающий оратор должен догадаться об ответе на поставленный ниже вопрос. А если это не получится, то придется взять в руки томик А.С. Пушкина...

ЗАДАНИЯ

1. «Барышня-крестьянка» А.С. Пушкина начинается с эпиграфа, в котором мы пропустили одно слово. Вставьте пропущенное слово в пушкинский текст. Вспоминаем:

Во всех ты, ..., нарядах хороша.

Какое слово пропущено?

2. В пушкинском тексте есть такая оценка:

... Лиза хотела удалиться, Алексей удержал ее за руку:

— Как тебя зовут,... моя?

— Акулиной — отвечала Лиза, стараясь освободить свои пальцы от руки Алексеевой, — да пусти же барин; мне и домой пора...

Какое слово здесь пропущено?

Ответ на оба вопроса даст томик А.С. Пушкина с «Барышней-крестьянкой», которая представляет собою «конец повестям И.П. Белкина. 1830 год».

3. Едва ли не любое произведение А.С. Пушкина может послужить образцом и материалом для риторических заданий. Например, цитата из «Барышни-крестьянки»:

Лиза призналась, что поступок ее казался ей легкомысленным, что она в нем раскаивается, что на сей раз не хотела она сдержать данного слова, но что это свидание будет уже последним и что она просит его прекратить знакомство, которое ни чему доброму не

может их довести. Все это, разумеется, было сказано на крестьянском...; но мысли и чувства, необыкновенные в простой девушке, поразили Алексея. Он употребил все свое..., дабы отвратить Акулину от ее намерения; уверял ее в невинности своих желаний, обещал никогда не подать ей повода к раскаянию...

В тексте цитаты пропущено два слова, которые нужно вставить, сообразуясь со смыслом и стилем Пушкинской прозы.

4. Цитата из «Барышни-крестьянки»:

Сели за стол. Алексей продолжал играть роль рассеянного и задумчивого. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспев, и только по-французски. Отец поминутно засматривался на нее, не понимая ее цели, но находил все это весьма забавным. Англичанка бесилась и молчала. Один Иван Петрович был как дома: ел за двоих, пил в свою меру, смеялся своему смеху и час от часу дружелюбнее разговаривал и хохотал.

Какая яркая, точная, забавная и сочная картина! Объясните мотивы поведения каждого из персонажей, описанных А.С. Пушкиным.

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

Коллежский регистратор,

Почтовой станции диктатор,

Князь Вяземский

Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или по крайней мере муромским разбойникам? Будем, однако, справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как на-

зывает его шутивно князь Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покою ни днем, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на зрителе. Погода несносная, дорога скверная, ящик упрямый, лошади не везут — а виноват зритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей?.. боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принужден он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздраженного постояльца. Приезжает генерал; дрожащий зритель отдаст ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Через пять минут — колокольчик!.. и фельдъегерь бросает ему на стол свою дорожную!.. Вникнем во все это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. Еще несколько слов: в течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ящиков мне знакомы; редкого зрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покамест скажу только, что сословие станционных зрителей представлено общему мнению в самом ложном виде. Сии столь оклеветанные зрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к обществу, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Из их разговоров (коиими некстати пренебрегают господа проезжающие) можно почерпнуть много любопытного и поучительного. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседу речам какому-нибудь чиновника 6-го класса, следующего по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия зрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нем-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями.

В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному. Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади. Вследствие сего зрители со мною не церемонились, и часто бирал я с бою то, что, во мнении моем, следовало мне по праву. Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие зрителя, когда сей после-

дний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: *чин чина почитай*, ввелось в употребление другое, например: *ум ума почитай*? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь к моей повести.

День был жаркий. В трех верстах от станции *** стало накрапывать, и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. По приезде на станцию, первая забота была поскорее переодеться, вторая спросить себе чаю. «Эй, Дуня! — закричал смотритель, — поставь самовар да сходи за сливками». При сих словах вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота ее меня поразила. «Это твоя дочка?» — спросил я смотрителя. «Дочка-с, — отвечал он с видом довольного самолюбия, — да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать». Тут он принялся переписывать мою дорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына: в первой почтенный старик в колпаке и шляфоре отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасет свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шляфоре выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой прочел я приличные немецкие стихи. Все это донныне сохранилось в моей памяти, так же как и горшки с бальзаминном, и кровать с пестрой занавескою, и прочие предметы, меня в то время окружавшие. Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зеленый сертук с тремя медалями на полинялых лентах.

Не успел я расплатиться со старым моим ямщиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведенное ею на меня; она потупила большие

голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу ее стакан пуншу; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мне все не хотелось расстаться с зрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до телеги. В сенях я остановился и просил у ней позволения ее поцеловать; Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцелуев, с тех пор, как этим занимаюсь, но ни один не оставил во мне столь долгого, столь приятного воспоминания.

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места. Я вспомнил дочь старого зрителя и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. Но, подумал я, старый зритель, может быть, уже сменен; вероятно, Дуня уже замужем. Мысль о смерти того или другого также мелькнула в моем уме, и я приближался к станции *** с печальным предчувствием.

Лошади стали у почтового домика. Вошед в комнату, я тотчас узнал картинки, изображающие историю блудного сына; стол и кровать стояли на прежних местах; но на окнах уже не было цветов, и все кругом показывало ветхость и небрежение. Зритель спал под тулупом; мой приезд разбудил его; он привстал... Это был точно Самсон Вырин; но как он постарел! Покамест собирался он переписать мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно не бритого лица, на сгорбленную спину — и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика. «Узнал ли ты меня? — спросил я его, — мы с тобою старые знакомые». — «Может статься, — отвечал он угрюмо, — здесь дорога большая; много проезжих у меня перебывало». — «Здорова ли твоя Дуня?» — продолжал я. Старик нахмурился. «А бог ее знает», — отвечал он, «Так, видно, она замужем?» — сказал я. Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса, и продолжал шепотом читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы и велел поставить чайник. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш разрешит язык моего старого знакомца.

Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана. Я заметил, что ром прояснил его угрюмость. На втором стакане сделался он разговорчив; вспомнил или показал вид, будто бы вспомнил меня, и я узнал от него повесть, которая в то время сильно меня заняла и тронула.

«Так вы знали мою Дуню? — начал он. — Кто же и не знал ее? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили ее, та платочком, та сережками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать аль отужинать, а в самом деле только чтоб на нее подолее поглядеть. Бывало, барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает. Поверите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались. Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала. А я-то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил...

(Продолжение см. по первоисточнику.)

ДУБРОВСКИЙ
ТОМ ПЕРВЫЙ

Глава I

«Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобострастия как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения. Никто не дерзал отказываться от его приглашения или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское. В домашнем быту Кирила Петрович выказывал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык «давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. Несмотря на необыкновенную силу физических способностей, он раза два в неделю страдал от обжорства и каждый вечер бывал навеселе. В одном из флигелей его дома жили шестнадцать горничных, занимаясь рукоделами, свойственными их полу. Окны во флигеле были загорожены деревянною решеткою; двери запирались замками, от коих ключи хранились у Кирила Петровича. Молодые затворницы в положенные часы сходили в сад и прогуливались под надзором двух старух. От времени до времени Кирила Петрович выдавал некоторых из них замуж, и новые поступали на их место. С крестьянами и дворовыми обходился он строго

и своенравно; несмотря на то, они были ему преданы: они тщеславились богатством и славою своего господина и в свою очередь позволяли себе многое в отношении к их соседям, надеясь на его сильное покровительство.

Всегдашние занятия Троекурова состояли в разъездах около иностранных его владений, в продолжительных пирах и в проказах, ежедневно притом изобретаемых и жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец; хотя и старинные приятели не всегда их избегали за исключением одного Андрея Гавриловича Дубровского. Сей Дубровский, отставной поручик гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семидесятью душами. Троекуров, надменный в сношениях с людьми самого высшего звания, уважал Дубровского, несмотря на его смиренное состояние. Некогда были они товарищами по службе, и Троекуров знал по опыту нетерпеливость и решительность его характера. Обстоятельства разучили их надолго. Дубровский с расстроенным состоянием принужден был выйти в отставку и поселиться в остальной своей деревне. Кирила Петрович, узнав о том, предлагал ему свое покровительство, но Дубровский благодарил его и остался беден и независим. Спустя несколько лет Троекуров, отставной генерал-аншеф, приехал в свое поместье, они свиделись и обрадовались друг другу. С тех пор они каждый день бывали вместе, и Кирила Петрович, отроду не удостоивавший никого своим посещением, заезжал запросто в домишко своего старого товарища. Будучи ровесниками, рожденные в одном сословии, воспитанные одинаково, они сходились отчасти и в характерах и в наклонностях. В некоторых отношениях и судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели, у обоих оставалось по ребенку. Сын Дубровского воспитывался в Петербурге, дочь Кирила Петровича росла в глазах родителя, и Троекуров часто говаривал Дубровскому: «Слушай, брат, Андрей Гаврилович: коли в твоём Володьке будет путь, так отдам за него Машу; даром что он гол как сокол». Андрей Гаврилович качал головой и отвечал обыкновенно: «Нет, Кирила Петрович: мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки».

Все завидовали согласию, царствующему между надменным Троекуровым и бедным его соседом, и удивлялись смелости сего последнего, когда он за столом у Кирила Петровича прямо высказывал свое мнение, не заботясь о том, противоречило ли оно мнениям хозяина.

Некоторые пытались было ему подражать и выйти из пределов должного повиновения, но Кирила Петрович так их пугнул, что навсегда отбил у них охоту к таковым покушениям, и Дубровский один остался вне общего закона. Нечаянный случай все расстроил и переменял.

Раз в начале осени Кирила Петрович собирался в отъездное поле. Накануне был отдан приказ псарям и стремянным быть готовыми к пяти часам утра. Палатка и кухня отправлены были вперед на место, где Кирила Петрович должен был обедать. Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирила Петровича на своем собачьем языке. Тут же находился и лазарет для больных собак, под присмотром штаб-лекаря Тимошки, и отделение, где благородные суки ощенялись и кормили своих щенят. Кирила Петрович гордился сим прекрасным заведением и никогда не упускал случая похвастаться оным перед своими гостями, из коих каждый осматривал его по крайней мере уже в двадцатый раз. Он расхаживал по псарне, окруженный своими гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями; останавливался пред некоторыми конурами, то расспрашивая о здоровии больных, то делая замечания более или менее строгие и справедливые, то подзывая к себе знакомых собак и ласково с ними разговаривая. Гости почитали обязанностью восхищаться псарнею Кирила Петровича. Один Дубровский молчал и хмурился. Он был горячий охотник. Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борзых; он не мог удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения. «Что же ты хмуришься, брат, — спросил его Кирила Петрович, — или псарня моя тебе не нравится?» — «Нет, — отвечал он сурово, — псарня чудная, вряд людям вашим житье такое ж, как вашим собакам». Один из псарей обиделся. «Мы на свое житье, — сказал он, — благодаря Бога и барина не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее и теплее». Кирила Петрович громко засмеялся при дерзком замечании своего холопа, а гости вослед за ним захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаря могла отнестися и к ним. Дубровский побледнел и не сказал ни слова. В сие время поднесли в лужкошке Кирилу Петровичу новорожденных щенят; он занялся ими, выбрал себе двух, прочих велел утопить. Между тем Андрей Гаврилович скрылся, и никто того не заметил.

Возвратясь с гостями со псарного двора, Кирила Петрович сел ужинать и тогда только, не видя Дубровского, хватился о нем. Люди отвеча-

ли, что Андрей Гаврилович уехал домой. Троекуров велел тотчас его догнать и воротить непременно. Отроду не выезжал он на охоту без Дубровского, опытного и тонкого ценителя псовых достоинств и безошибочного решителя всевозможных охотничьих споров. Слуга, поскакавший за ним, воротился, как еще сидели за столом, и доложил своему господину, что, дескать, Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться. Кирила Петрович, по обыкновению своему разгоряченный наливками, осердился и вторично послал того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если он тотчас же не приедет ночевать в Покровское, то он, Троекуров, с ним навеки рассорится. Слуга снова поскакал, Кирила Петрович встал из-за стола, отпустил гостей и отправился спать. На другой день первый вопрос его был: здесь ли Андрей Гаврилович? Вместо ответа ему подали письмо, сложенное треугольником; Кирила Петрович приказал своему писарю читать его вслух и услышал следующее:

«Государь мой премилостивый,

Я до тех пор не намерен ехать в Покровское, пока не вышлете Вы мне псаря Парамошку с повинною; а будет моя воля наказать его или помиловать, а я терпеть шутки от Ваших холопов не намерен, да и от Вас их не стерплю, потому что я не шут, а старинный дворянин. За сим остаюсь покорным ко услугам

Андрей Дубровский».

По нынешним понятиям об этикете письмо сие было бы весьма неприличным, но оно рассердило Кирила Петровича не странным слогом и расположением, но только своею сущностью: «Как, — загремел Троекуров, вскочив с постели босой, — высылать к ему моих людей с повинной, он волен их миловать, наказывать! да что он в самом деле задумал; да знает ли он, с кем связывается? Вот я ж его... — Наплачется он у меня, узнает, каково идти на Троекурова!»...

(Продолжение см. по первоисточнику.)

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

Береги честь смолоду.
Пословица

ГЛАВА I

Сержант гвардии

- Был бы гвардии он завтра ж капитан.
- Того не надобно; пусть в армии послужит,
- Изрядно сказано! пускай его потужит...
-
- Да кто его отец?

Княжнин

Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17... году. С тех пор жил он в своей симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве.

Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя Б., близко-го нашего родственника. Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по-нынешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава богу, — ворчал он про себя, — кажется, дитя умыт, причесан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мусье, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour etre outchitel¹, не очень понимая

¹ Чтобы стать учителем (франц.),

значение этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главною его слабостию была страсть к прекрасному полу; нередко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же был он (по его выражению) и *врагом бутылки*, т.е. (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее. Но как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причем учителя обыкновенно и обносили, то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке и даже стал предпочитать ее винам своего отечества, как не в пример более полезную для желудка. Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня по-*французски, по-немецки и всем наукам*, но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю:

Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, винясь в преступной слабости и с плачем жалуясь на мусье, обольстившего их неопытность. Матушка шутить этим не любила и пожаловалась батюшке. У него расправа была коротка. Он тотчас потребовал каналью француза. Доложили, что мусье давал мне свой урок. Батюшка пошел в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решился сделать из нее змей и, пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошел в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дернул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно и стал осыпать укоризнами. Бопре в смятении хотел было привстать, и не мог: несчастный француз был мертво пьян. Семь бед, один ответ.

Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день прогнал со двора, к неописанной радости Савельича. Тем и кончилось мое воспитание.

Я жил недорослем, гоня голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменялась.

Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал При-

дворный календарь, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он ее без особенного участия, и чтение это производило в нем всегда удивительное волнение желчи. Матушка, зная наизусть все его свичаи и обычаи, всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подалее, и таким образом Придворный календарь не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам. Зато когда он случайно его находил, то, бывало, по целым часам не выпускал уж из своих рук. Итак, батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер!.. А давно ли мы...» Наконец батюшка швырнул календарь на диван и погрузился в задумчивость, не превещавшую ничего доброго.

Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»

— Да вот пошел семнадцатый годок, — отвечала матушка. — Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Гарасимовна, и когда еще...

«Добро, — прервал батюшка, — пора его в службу. Полно ему бегать по девичьим да лазить на голубятни».

Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слезы потекли по ее лицу. Напротив того, трудно описать мое восхищение. Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого.

Батюшка не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение. День отъезду моему был назначен. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику, и потребовал пера и бумаги.

— Не забудь, Андрей Петрович, — сказала матушка, — Поклониться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими милостями.

— Что за вздор! — отвечал батюшка нахмурясь. — С какой стати стану я писать к князю Б.?

— Да ведь ты сказал, что изволишь писать к начальнику Петруши?

— Ну, а там что?

— Да ведь начальник Петрушин — князь Б. Ведь Петруша записан в Семеновский полк.

— Записан! А мне какое дело, что он записан? Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон. Записан в гвардии! Где его паспорт? подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в ее шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою. Батюшка прочел его со вниманием, положил перед собою на стол и начал свое письмо.

Любопытство меня мучило: куда ж отправляют меня, если уж не в Петербург? Я не сводил глаз с пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконец он кончил, запечатал письмо в одном пакете с паспортом, снял очки и, подозревая меня, сказал: «Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить под его начальством».

Итак, все мои блестящие надежды рушились! Вместо веселой петербургской жизни ожидала меня скука в стороне глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, оказалась мне тяжким несчастьем. Но спорить было нечего. На другой день поутру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка; уложили в нее чемодан, погребец с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: «Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». Матушка в слезах наказывала мне беречь мое здоровье, а Савельичу смотреть за дитятей. Надели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, обливаясь слезами.

В ту же ночь приехал я в Симбирск, где должен был пробыть сутки для закупки нужных вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился в трактире. Савельич с утра отправился по лавкам. Соскуча глядеть из окна на грязный переулок, я пошел бродить по всем комнатам. Вошел в биллиардную, увидел я высокого барина лет тридцати пяти, с длинными черными усами, в халате, с кием в руке и с трубкой в зубах. Он играл с маркером, который при выигрыше выпивал рюмку водки, а при проигрыше должен был лезть под биллиард на четверинках. Я стал смотреть на их игру. Чем долее она продолжалась, тем прогулки

на четверинках становились чаще, пока наконец маркер остался под биллиардом. Барин произнес над ним несколько сильных выражений в виде надгробного слова и предложил мне сыграть партию. Я отказался по неумению. Это показалось ему, по-видимому, странным. Он поглядел на меня как бы с сожалением; однако мы разговорились. Я узнал, что его зовут Иваном Ивановичем Зуриным, что он ротмистр ** гусарского полку и находится в Симбирске при приеме рекрут, а стоит в трактире. Зурин пригласил меня отобедать с ним вместе чем бог послал, по-солдатски. Я с охотою согласился. Мы сели за стол. Зурин пил много и потчевал и меня, говоря, что надобно привыкать ко службе; он рассказывал мне армейские анекдоты, от которых я со смеху чуть не валялся, и мы встали из-за стола совершенными приятелями. Тут вызвался он выучить меня играть на биллиарде. «Это, — говорил он, — необходимо для нашего брата служивого. В походе, например, придешь в местечко — чем прикажешь заняться? Ведь не все же бить жидов. Поневоле пойдешь в трактир и станешь играть на биллиарде; а для того надобно уметь играть!» Я совершенно был убежден и с большим прилежанием принялся за учение. Зурин громко ободрял меня, дивился моим быстрым успехам и, после нескольких уроков, предложил мне играть в деньги, по одному грошу, не для выигрыша, а так, чтоб только не играть даром, что, по его словам, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зурин велел подать пуншу и уговорил меня попробовать, повторяя, что к службе надобно мне привыкать; а без пуншу что и служба! Я послушался его. Между тем игра наша продолжалась. Чем чаще прихлебывал я от моего стакана, тем становился отважнее. Шары поминутно летали у меня через борт; я горячился, бранил маркера, который считал бог ведает как, час от часу умножал игру, словом — вел себя как мальчишка, вырвавшийся на волю. Между тем время прошло незаметно. Зурин взглянул на часы, положил кий и объявил мне, что я проиграл сто рублей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я стал извиняться. Зурин меня прервал: «Помилуй! Не изволь и беспокоиться. Я могу и подождать, а покамест поедем к Аринушке».

Что прикажете? День я кончил так же беспутно, как и начал. Мы отужинали у Аринушки. Зурин поминутно мне подливал, повторяя, что надобно к службе привыкать. Встав из-за стола, я чуть держался на ногах; в полночь Зурин отвез меня в трактир.

Савельич встретил нас на крыльце. Он ахнул, увидя несомненные признаки моего усердия к службе. «Что это, сударь, с тобою сдела-

лось? — сказал он жалким голосом,— где ты это нагрузился? Ахти, господи, отроду такого греха не бывало!» — «Молчи, хрыч! — отвечал я ему, запинаясь, — ты, верно, пьян, пошел спать... и уложи меня».

На другой день я проснулся с головною болью, смутно припоминая себе вчерашние происшествия. Размышления мои прерваны были Савельичем, вошедшим ко мне с чашкою чая. «Рано, Петр Андреич, — сказал он мне, качая головою, — рано начинаешь гулять. И в кого ты пошел? Кажется, ни батюшка, ни дедушка пьяницами не бывали; о матушке и говорить нечего: отроду, кроме квасу, в рот ничего не изволили брать. А кто всему виноват? проклятый мусье. То и дело, бывало, к Антипьевне забежит: «Мадам, же ву при, водкю». Вот тебе и же ву при! Нечего сказать: добру наставил, собачий сын. И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей!»

Мне было стыдно, Я отвернулся и сказал ему: «Поди вон, Савельич; я чаю не хочу». Но Савельича мудрено было унять, когда, бывало, примется за проповедь. «Вот видишь ли, Петр Андреич, каково подгуливать. И головке-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человек пьющий ни на что не годен... Выпей-ка огуречного рассолу с медом, а всего бы лучше опохмелиться полстаканчиком настойки. Не прикажешь ли?»...

(Продолжение см. по первоисточнику.)

Печатается по: Пушкин А.С.
Сочинения в 3-х томах. —
М.: Худож. литература, 1974. —
Т.3. — С. 256 и след.;
С. 308 и след.;
С. 418 и след.

АНДРОНИКОВ
ИРАКЛИЙ ЛУАРСАБОВИЧ

Читая рассказ И.Л. Андроникова «Первый раз на эстраде», нужно попытаться выполнить следующие три задания, при этом для каждого задания нужно читать рассказ снова.

ЗАДАНИЯ

1. Выпишите из рассказа те слова и выражения, которые выявляют особенности и оригинальность речи автора. Таких слов и оборотов находится в рассказе до сотни. Если постараться их запомнить, то можно разнообразить собственную речь (не только ораторскую, но и бытовую), сделать ее более красочной и нарядной, живой и изящной. Итак, как говорил Марк Туллий Цицерон, поищем в тексте «лекифы».
2. Выберите из текста те места, в которых автор рассматривает проблему «импровизации» в ораторском искусстве в теоретическом и в практическом планах. Запишите их и используйте (после систематизации) в своих ораторских аудиториях. Следовательно, это задание соотносится с понятием «архетипа», который древние понимали как соотношение письменной части выступления с его устной частью при многочисленных переделках, улучшениях и попытках его усовершенствовать.
3. Попробуйте составить примерный план к тексту рассказа. Это было бы продолжение работы по «архетипу». Для этого нужно найти в тексте начала и концы главных разделов, а внутри них строчки, где начинаются и где кончаются более мелкие подразделы. Кроме того, в рассказе есть, конечно, Введение и Заключение, т.е. все то, что соответствует грамотному (в риторическом смысле) устному ораторскому произведению.
4. Прослушайте рассказ «Первый раз на эстраде» в его устной форме (если можно, запишите его на магнитофон) и сравните оба варианта: устный и письменный. Заранее можно сказать, что между ними есть расхождения. Сколько, какие? Чему отдать предпочтение — устному или письменному? Почему? Итак, читаем.

ПЕРВЫЙ РАЗ НА ЭСТРАДЕ

Основные качества моего характера с самого детства — застенчивость и любовь к музыке. С них все и началось. Правда, в застенчивость мою теперь уже никто не верит. И сам я иногда начинаю сомневаться, имею ли я основания делать подобную декларацию.

Но если бы я ошибался — не было бы никакого рассказа. Ибо еще в Тбилиси, будучи школьником, я самому себе постеснялся сознаться в том, что больше всего на свете люблю музыку. Постеснялся сознаться в этом родителям, не сказал им, что не хочу идти в университет, а хочу в консерваторию, и в результате этих умолчаний угодил прямо на историко-филологический факультет Ленинградского университета. Ленинград же — это вы знаете сами — один из музыкальнейших городов в мире. И, естественно, получилось так, что, посещая университетские лекции и изучая предметы филологические, я душу свою посвятил музыке. Стал бегать на оркестровые репетиции и концерты в зал Ленинградской филармонии, зайцем проходил в классы консерватории, накупил себе музыкальной литературы, повел дружбу с музыкантами. И некоторые дисциплины превзошел, а иные не превзошел — уже трудно было развить беглость пальцев.

Но в тайных мечтах мерещилось мне красное возвышение перед дирижерским пюпитром в филармоническом зале. Казалось, это — самое счастливое на земле место. И что стоит только подняться на эту ступеньку, повернуться к залу спиной и взять в руки дирижерскую палочку — и вся жизнь станет ясной вперед и назад.

Между тем у меня не было никаких оснований так далеко и так дерзко зарываться в своих мечтаниях. Я учился все-таки не в консерватории, а в университете. К тому же застенчивость моя не проходила. И когда я сдавал экзамены и возле меня сидели праздные в этот момент студенты, которые пришли не сдавать, а послушать, как отвечают другие (в наше время можно было присутствовать на экзаменах в продолжение всей сессии и при хорошей памяти сдать предмет «с голоса», не открывая книги), как только я понимал, что я говорю, а они пришли слушать, как только осознавал их в ранге аудитории, а себя в качестве выступающего, тотчас терялась связь между мозгом и языком. И язык, не управляемый мозгом, начинал выговаривать такое, о чем я лично не имел ни малейшего представления. Случалось, я даже замирал от неожиданности и удивления, такие необыкновенные ответы выводил этот проклятый — то, чего я никогда не знал и не слышал. С тех пор я понял,

что, кроме других полезных функций своих, мозг выполняет еще одну, и притом очень важную, — служит для языка тормозом.

Между тем время шло, я окончил университет. Выдали мне литературный диплом. И я поступил в Госиздат — секретарем редакции детских журналов «Еж» и «Чиж». Были в Ленинграде такие весьма увлекательные журналы.

Жизнь моя заметно переменялась. По утрам я уже не сидел в филармонии и в консерваторию не ходил. А находился при должности: выписывал гонорарные ведомости, читал корректуры, беседовал с авторами, которым следовало вернуть непошедшую рукопись. Но по вечерам был свободен, предоставлен самому себе и изображал любовь к музыке всеми доступными мне средствами.

А тем временем, совершенно от меня независимо (потому что я к этому не готовился), так получалось, что, бывая в гостях, я передавал свои впечатления о людях не только в третьем, но и в первом лице. Уже произносил от их лица целые монологи. Уже принимал на себя их образы. Подражал их голосам, жестам, мимике, походке, артикуляции. Уже вкладывал в их уста речи, каких они никогда, может быть, не произносили, но могли бы произнести. И стремился к тому, чтобы эти речи передавали их характеры и манеры лучше, чем те, которые они произносили в действительности. Поэтому, когда заходила речь обо мне, говорили: «Это тот, который «изображает»...»

И вот однажды, едуци в один музыкальный дом, где должны были на двух роялях играть какую-то новую симфонию, я повстречался в трамвае с известным всему Ленинграду Иваном Ивановичем Соллертинским. Это был талантливейший, в ту пору совсем молодой ученый-музыковед, критик, публицист, выдающийся филолог, театровед, историк и теоретик балета, блистательный лектор, человек феноменальный по образованности, по уму, остроумию, острословию, памяти, профессор консерватории, преподававший, кроме того, и в Театральном институте, и в Хореографическом училище, и в Институте истории искусств, где, между прочим, на словесном отделении он читал курсы логики и психологии, а другое отделение посещал как студент. И, получая положенную ему преподавательскую зарплату, в финансовой ведомости расписывался иногда как бы ошибкою по-японски, по-арабски или по-гречески: невинная шутка человека, знавшего, как говорят, двадцать пять иностранных языков и сто диалектов!

Память у него была просто непостижимая. Если перед ним открывали книгу, которой он никогда не читал и даже видеть не мог, — он, мель-

ком взглянув на страницы, бегло перелистав их, возвращал говоря: «Проверь». И какую бы страницу ему ни назвали, — произносил наизусть! Ну, если и ошибался порою, то в мелочах. Не удивительно, что он любил викторины, из которых всегда выходил победителем.

— Напомни, пожалуйста, — говорил он с быстротой пулемета голосом несколько хриловатым и ломким, преувеличенно четко артикулируя, — напомни, если тебе нетрудно, что напечатано внизу двести двенадцатой страницы второго тома Собрания сочинений Николая Васильевича Гоголя в последнем издании ОГИЗа?

— Ты что, смеешься, Иван Иванович? — отвечали ему. — Кто может с тобой тягаться? Впрочем, сомнительно, чтобы ты сам знал наизусть страницы во всех томах Гоголя. Двести двенадцатую во втором томе ты, может быть, помнишь. Но уж в третьем томе тоже двести двенадцатую, наверно, не назовешь!

— Прости меня! — выпаливал Иван Иванович. — Одну минуту... Как раз! Да-да! Вот точный текст: «Хвала вам, художник, виват, Андрей Петрович — рецензент, как видимо, любил фами...»

Прости, Иван Иванович. А что такое «фами»?

«Фами», — отвечает он небрежно как будто это было в порядке вещей, — «фами» — это первая половина слова «фамильярность». Только «льярность» идет уже на двести тринадцатой!

Те, кто любит и знает искусство, помнит Соллертинского и будут помнить его всегда — я же говорю о его друзьях, говорю о читателях! Без него нельзя представить себе художественную жизнь Ленинграда 20-х — начала 40-х годов и особенно филармонию, с которой он связал свое имя и свой талант и где проработал пятнадцать лет. Начав с должности лектора, он стал консультантом, потом заведовал репертуаром и, наконец, был назначен художественным руководителем этого великолепного учреждения, которое в высокой степени обязано Соллертинскому, ибо он воспитывал вкус публики ко всему новому и прекрасному, направлял репертуар филармонии, самолично чуть ли не более тысячи раз произнес вступительные слова перед концертами — в зале филармонии и на предприятиях, куда выезжал вместе с оркестром.

Его слышали все, кто бывал в филармонии. Он был красноречив, увлекателен, выступления его были доступны и производили огромное впечатление своей остротой и новизной. Слышал его и я. И даже знаком был. Но, верно, ни разу не произнес при нем ни одной фразы. Куда мне было открывать рот! Это же был знаменитый И.И. Соллертинский. А я был никто! Завидев его на улице, я задолго до сближения

сдергивал кепку, раскланивался еще издали, улыбался, откашливался — и мечтал поговорить и робел.

И вдруг здесь, в трамвае, я узнаю, что мы едем к общим знакомым, и Соллертинский, человек необычайно доброжелательный, свободный в общении и весьма экспансивный, завел беседу со мной, как со старым приятелем.

— Видите ли, дорогой друг, — быстро заговорил он, называя меня по имени-отчеству, отчего я вовсе потерял разум, — я мало знаю вас лично, но у нас много общих друзей, которые помогли мне воссоздать ваш синкретический портрет. Сознаюсь, он производит довольно необычное впечатление. Первое, что о вас говорят, — это, конечно, о вашей странной способности изображать ваших добрых знакомых. Причем, говорят, вы понабрались такой храбрости и даже наглости, что изображаете их чуть ли не им же в лицо, причем проявляете чудеса находчивости. Так, недавно в одном доме вы изображали нашего известного писателя, который, как водится, в этот момент отсутствовал. Все смеялись, поскольку это было наблюдательно и крайне похоже, а речи, которые вы вкладывали в уста отсутствующего, ни в коем случае не делали чести его уму. И в этот момент открылась дверь, и неожиданно для всех он вошел собственной своею персоной. И все растерялись... кроме вас! Вы же весьма ловко присобачили какое-то медоточивое славословие к весьма резкому сатирическому портрету, так что ничего не подозревавший писатель от удовольствия массировал ладонью область желудка, а все остальные удивлялись и пожимали плечами, не в силах понять, как можно так быстро оценить обстановку и так ловко к ней приспособиться. Это ваше весьма ценное качество — способность импровизировать и находить общий язык с аудиторией — мы обозначим литерой «А». Буквой «Бэ» отметим тот факт, что вы окончили университет и, как говорится, у вас имеется некоторое образование: «Це» — это то, что вы долгие годы посещаете филармонию и у вас многие музыки на слуху: и, наконец, «Де» — это то, что ваш язык подвешен, как балаболка! Все это утверждает меня в мысли привлечь вас к нам в филармонию на работу, на должность второго лектора, вернее, лектора-практиканта. Вы поймете сейчас, почему. Как главный лектор я имею право держать помощника (ибо не могу же один обслужить своим языком решительно все аудитории). И у меня в настоящее время помощник есть — это молодой человек, который, как выяснилось, дурно знает предмет и еще хуже говорит о нем. Основное занятие этого

молодца в то время, когда он произносит свое десятиминутное слово перед концертом, заключается в судорожных попытках оторвать на пиджаке пуговицу. Как только он ее оторвет, у нас появится формальный повод его уволить. И я хотел бы взять вас на его место. Не удивляйтесь, пожалуйста. Дело в том, что у нас слишком любят читать по бумажке и слишком не любят говорить в свободной манере, импровизируя перед публикой, общаясь с ней, находя с ней контакт. Между тем лектор, а тем более лектор, выступающий с эстрады нашего зала, должен знать ораторские приемы и являть образец убеждающего и красноречивого слова. Что же касается нынешнего моего помощника, коего имел честь упомянуть, он пишет свое корявое сочинение заранее и, не имея возможности положить перед собой написанное, ибо перед ним нету кафедры, выучивает его наизусть и помещает между лобной костью и очень серым веществом своего мозга. От этого лицо его принимает выражение, несколько обращенное внутрь себя, когда, закатив глаза, он старается заглянуть под брови и в глазах его читается ужас: «Ах, ах! Что будет, если я забыл!» О том, что в ходе беседы лектор должен уметь перестроиться, напоминать ему бесполезно. Недавно был запланирован симфонический утренник для ленинградских школ, точнее, для первых классов «А» и первых классов «Б». Но по ошибке билеты попали в Академию наук, и вместо самых маленьких пришли наши дорогие Мафусаилы. Об этом мой помощник узнал минут за пять до концерта. И, не имея вашей способности учесть требования новой аудитории, он рассказал академикам и членам-корреспондентам, что скрипочка — это ящичек, на котором натянуты кишочки, а по ним водят волосиками, и они пищат... Почтенные старцы стонали от смеха, но это не совсем та реакция, которая нам нужна! С вашей способностью импровизировать бояться вам нечего. Вам надо только выйти на публику и поговорить с нею в живой и непринужденной манере. В текущем репертуаре вы ориентированы, наши добрые капельмейстеры, с которыми вы дружите, отзываются о вас в весьма лестных тонах, — этим делом вы должны овладеть с легкостью. Ну, не совсем получится в первый раз — получится во второй... Мне кажется, что с вашей помощью мне удастся доказать, что потрепаться — это не такое простое дело, как об этом принято думать! Соглашайтесь, дорогой друг! Соглашайтесь! Право, это гораздо интереснее, чем проводить время в компании каких-то мелких зверушек — я забыл, как называются ваши журналы: кажется, «Окосевшая каракатица» и «Обалдевшая трясогузка»?..

Ах, простите, я забыл, что это мужчины — «Еж» и «Чиж»... Серьезно: переходите к нам! Неужели вы не сможете объяснить публике, чем отличается симфония от увертюры и на сюжет какого произведения написана «Шехеразада» Римского-Корсакова!

Что я мог ответить ему?.. Я представил себе Большой зал филармонии — эту эстраду, этот красный бархат, мраморные колонны, чуть не две тысячи слушателей!.. Нет, я понимал, что никогда в жизни не смогу выступить с такой эстрады перед такой аудиторией! И, конечно, надо было сказать Соллертинскому, что никаких вступительных слов перед симфоническими концертами я произносить не могу. Надо было сказать, что он ошибается... Надо сказать Соллертинскому, что он в заблуждении? Возразить?.. Да я бы умер скорее! И я подумал: предлагают тебе дураку, поступить в филармонию. Потом как-нибудь выяснится, что произносить вступительные слова перед концертами ты не можешь. И пристроят тебя в библиотеку — будешь ты при нотах. Или пошлют тебя билеты распространять. А я так любил филармонию, что готов был пол подметать, так мечтал иметь хоть какое-нибудь причастие к этому замечательному учреждению. Я пробормотал что-то неопределенное, стал кланяться, благодарить, улыбаться... Соллертинский воспринял эту восторженную признательность как согласие и обещал хлопотать. А я на следующий день сделал новый неверный шаг — подал заявление в редакцию «Ежа» и «Чижа» с просьбой уволить от занимаемой должности. Я понимал, что надо пойти к Соллертинскому и объясниться начистоту. Но для этого надо было набраться храбрости, произнести перед ним целую речь. И хотя я понимал, что потом будет хуже, но предпочитал, чтобы было хуже, только не сейчас, а потом.

В «Еже» и «Чиже» ничего не слышали о том, что я собираюсь стать музыкальным лектором, удивились, но от работы освободили. Я пришел домой, сел возле телефона и стал ожидать звонка Соллертинского. Так прошло... восемь месяцев! Я перебивался случайными работами, писал библиографические карточки по копейке за штуку, а Соллертинский все не звонил. По афишам было видно, что мой, так сказать, «предшественник» еще работает в филармонии и вакансии нет. Но наконец я узнал, что место освободилось, нажал на знакомых, они напомнили обо мне Соллертинскому. И он пригласил меня в филармонию и велел написать заявление. Мною написанное ему не понравилось, он его скомкал и выбросил, а своим быстрым, четким, необычайно красивым почерком написал от моего имени совершенно другое, в котором тонко было

замечено, что, имея некоторое музыкальное образование, между прочим, окончил Ленинградский университет по историко-филологическому факультету». Прямо в бумаге не было сказано, какое такое музыкальное образование я получил, но как бы и было отчасти сказано.

В первую секунду я усомнился, могу ли я подписать такую бумагу, но Иван Иванович, тут же предложив перейти с ним на «ты», быстро меня убедил.

— Важно, чтоб ты написал толковое заявление и поступил в филармонию, — горячо сказал он. — А тебе хочется написать дурацкое заявление и не поступить в филармонию! Учись формулировать мысли!

Я подмахнул этот текст и был зачислен в должность второго лектора с испытательным сроком в две недели.

Исполнились все мои мечты! Но я не был счастлив! Чем ближе становился день моего дебюта, тем я все более волновался. Дело дошло наконец до того, что пришлось обратиться к известному гипнотизеру, некоему Ивану Яковлевичу. Рассказывали, что он замечательно лечивает артистов от боязни сцены. Что будто бы один из Онегиных, страдая агарофобией, опасался упасть во время спектакля в оркестр, пятился назад и опрокидывал декорации. И только один раз беседовал с ним мудрый доктор, как на следующем спектакле уже держали Онегина за фалды, дабы он не сиганул в оркестр и, боже упаси, не убил бы кого, ибо нигде не хотел петь, кроме как за суфлерской будкой!

Я написал и вызубрил наизусть свое будущее десятиминутное слово — я должен был говорить о Первой, до-минорной симфонии Танеева — и пошел к доктору. Коль скоро он был в кабинете один и составлял примерно половину аудитории, перед которой я способен был говорить не смущаясь, я сумел кое-как произнести этот текст. Говорил я очень коряво, все время, помню, запинаясь, забывал, повторял, извинялся, смеялся неизвестно чему, потирал руки. Но все-таки до конца добраться мне удалось, — ведь я знал этот текст наизусть, как стишки. И доктор сказал, что в целом ему мое слово очень понравилось. Понравилось потому, что он понял, на какую тему я собрался говорить. Он не скрыл, что десятиминутный текст я произносил более получаса и внешне это выглядело очень непрезентабельно: я все время почесывался, облизывался, хохотал, кланялся и при этом отступал все время назад, так что он, доктор, должен был несколько раз возвращать меня из угла на исходную точку. Но больше всего его поразило, что, с трудом произнося заученные слова, я помогал себе какими-то странными

движениями левой ноги — тряс ею, вертел, потирал носком ботинка другую ногу, а то начинал стучать ногой в пол... Доктор сказал, что все это называется нервной распушенностью, что надо только следить за собой... Правда, есть и другие признаки, когда человек очень взволнован и устранить которые не в его власти.

— Горят уши, — сказал он, — сохнет во рту, на шее появляются пятна. Но ведь это же никому не мешает. Все поймут, что выступаете вы в первый раз, и охотно вам это волнение простят. Конечно, если я проведу с вами гипнотический сеанс, вы будете выступать спокойнее, но зато еще больше будете волноваться перед вторым выступлением в уверенности, что сумеете преодолевать страх только под влиянием гипноза... Но... вы понимаете сами...

И он несколько поуспокоил меня.

Однако все это касалось формы моего выступления. А содержание беспокоило меня еще больше. Надо было получить одобрение Ивана Ивановича, ведь он был мой начальник, вдохновитель и поручитель. Но посоветоваться с ним все как-то не удавалось. Поймаю его в филармонии, говорю:

— Иван Иванович, ты не можешь послушать меня?

— Да, да, непременно, с большим интересом, но несколько позже того!

А чего же «того»? Когда уже афиши расклеены!

Наконец я уловил его на хорах во время утренней репетиции и быстро произнес первые твердо выученные фразы будущего моего слова. Иван Иванович послушал с напряженной и недоумевающей улыбкой, перебил меня и торопливо заговорил:

— Великолепно! Грандиозно! Потрясающе! Высокохудожественно! Научно популярно! И даже еще более того! Но, к сожалению, все это абсолютно никуда не годится... Ты придумал вступительное слово, смысл которого непонятен прежде всего самому тебе. Поэтому все эти рассуждения о ладах, секвенциях и модуляциях надобно выкинуть, а завтра сочинить что-нибудь попроще и поумнее. Прежде всего ты должен ясно представить себе: ты выйдешь на эстраду филармонии, и перед тобой будут сидеть представители различных контингентов нашего советского общества. С одной стороны будут сидеть академики, а с другой — госиздатовские клерки, подобные самому тебе. С той стороны тебя будут слушать рабочие гигантов-предприятий, рабочие, которые долгие годы посещают филармонию, знают музыку, отлично в ней

разбираются, с другой — студенты первого курса консерватории, которые полагают, что они на музыке собаку съели, тогда как они только еще приступают к этой закуске. Всем этим лицам надо будет сообщить нечто такое, что всеми было бы понято в равной степени, независимо от музыкальной подготовленности. И я думаю, что если ты пожелаешь для начала сообщить, что Танеев не представляет собою плод твоей раздраженной беллетристической фантазии, а в свое время, как и все люди, родился от отца с матерью и что это произошло в тысяча восемьсот пятьдесят шестом году, то уже сегодня, могу заверить тебя, что завтра решительно все поймут тебя одинаково, а именно, что Сергей Иванович Танеев родился в тысяча восемьсот пятьдесят шестом году и, следовательно, не мог уже родиться ни в пятьдесят седьмом, ни в пятьдесят и восьмом, ни в пятьдесят девятом, эт сетера, и т.д., и т.п., и проч. Если в конце своего выступления ты пожелаешь сообщить, что Танеев не состоит членом Союза композиторов только по той причине, что отошел в лучший из миров еще в тысяча девятьсот пятнадцатом году, то это будет крайне с твоей стороны любезно. Таким образом, ты забил два столба. Теперь натягивай веревку и двигайся от начала к концу. Сообщи по пути, что Танеев не кастрюли паял, а в свое время писал музыку, в том числе ту самую симфонию, которую вы, почтенные граждане, сейчас услышите, — Первую, принадлежащую к лучшим творениям русской симфонической классики. Если же ты при этом сумеешь вернуть, что Танеев был любимым учеником и ближайшим другом нашего прославленного Петра Ильича Чайковского, что лучшие страницы танеевской музыки в чем-то перекликаются с героикой бетховенских симфонических концепций, то это будет крайне полезно тебе. Думаю, по этой канве мог бы произнести слово любой идиот. И я не беспокоюсь, что ты не сможешь этого сказать!.. Но меня возмутило другое! Зачем ты выучил свой текст наизусть! Это не по-товарищески и отчасти даже нечестно. Нам нужна свободно льющаяся речь, живая, эмоциональная... Когда я увидел эти растарашенные глаза, сухой рот, из которого ничего не вылетает, кроме шумного дыхания, эти чудовищные облизывания, я понял, что мы совершили большую ошибку. Неужели ты не понимаешь, что в таком виде ты никому не нужен? От тебя ожидают той непосредственности, с какой ты рассказываешь свои опусы в редакциях и в салонах своих литературных друзей. Если ты думаешь, что тебя назначат назавтра ректором Ленинградской консерватории, то жестоко ошибся: место занято! И завтра ты будешь таким же дилетантом, каким явля-

ешься сегодня. Но нам нужен человек, умеющий говорить, как говорят наиболее ретивые слушатели в конце года на конференции, сообщая нам все, что им заблагорассудится. Мы постоянно получаем от них записки, что-де вы, профессионалы-музыковеды, выражаетесь слишком учено, пользуетесь специальной терминологией... Так вот вам, товарищ публика, получите вашего выдвигенца, Геракла Андроникова, который поговрит близким вам языком. И ты можешь улыбнуться, провести рукою по волосам, даже отчасти симулировать непосредственность и неопытность, развести руками, подыскивая подходящее слово. Это несколько меня не пугает. А этот идиотский, прости меня, вид... Уволь! Поди домой и придумай на завтра что-нибудь поумнее и поживее. А главное, обойдись без помощи пера!.. Ступай!.. Нет, задержись на минуту: знаешь, ты слишком много околачиваешься в филармонии, болтаешь с оркестрантами. Ты еще ничего не произвел, а уже начинают поговаривать, что ты бездельник... Ты должен быть очень краток и на праздные вопросы отвечать, прижимая к боку легкий портфель: «Простите, мне некогда, я готовлюсь к своему выступлению!» Ступай!.. Минуту еще: сегодня твой затылок много выразительнее твоей физиономии!.. Не забудь прийти завтра и выступить. Минут за пятнадцать до начала приди. Говори завтра свободно, коротко, остроумно, легко... Помни, что это нетрудно. Если так легче, — вспомни, как я говорю... Прощай!.. и успокойся: о Танееве ты знаешь гораздо больше, чем нужно для завтрашнего твоего опыта...

Была, наконец, еще одна причина для волнения — состояние моего гардероба. Кто-то сказал, что надо выступать в лакированной обуви. А у меня ее не было! Я же не выступал никогда!.. Нет, говорят, неудобно. Займите!

И я обратился к замечательному чтецу, старинному моему другу Антону Исааковичу Шварцу.

— Антон Исаакович, какая у вас нога?

— Я ношу сорок второй размер.

— И у меня сорок второй. Одолжите мне на один вечер ваши лакированные ботинки.

И он одолжил пару новых, ни разу еще не надеванных концертных ботинок с условием, что я переобуюсь сразу же после концерта — по улице в лаковой обуви не пойду — и назавтра верну ему: вечером у него концерт, а постоянные его ботинки в ремонте.

И вот настал день моего первого выступления. День, когда я не ел. Не пил. Не спал. Не лежал. Не сидел. Не стоял. Не ходил. И не бегал.

А в невыносимой тоске *слонялся*... Хожу по квартире, стараюсь не думать о вечере — сердечная муть. Подумаешь — сердце вскакивает в глотку, и кажется, кто-то жует его... Я так измучился, так исстрадался, что решил уйти в филармонию засветло: больше ждать я не мог. И мать, очевидно, хотела сказать мне что-то напутственное. Она позвала меня... Но у меня не было рассчитано сил, чтобы еще диспутировать с матерью. Услышав свое имя, я чуть не упал — так мне стало от него плохо... Я спросил:

— Почему ты так странно смотришь?

— Никак я особенно не смотрю...

Я взял под мышку коробку с ботинками Шварца и отправился.

И вот впервые в жизни я вошел в филармонию не с главного хода, откуда пускают публику, а с «шестого» — артистического — подъезда. С подъезда, куда я иногда заходил, чтобы взять пропуск, оставленный знакомым дирижером. И уж побывав там, в тот вечер находился в состоянии великой немоты и восторга от мысли, что приобщился.

Я пришел часа за два до концерта, когда никого еще не было, и вступил в слабо освещенную голубую гостиную — артистическую, устланную голубым пушистым ковром, уставленную голубой мебелью и украшенную огромными зеркалами в золотых рамах...

Я был один и не берусь объяснить, от кого я прятал ноги в носках под диван, пока обувался в ботинки Шварца. Но когда завязал тесемки и встал, выяснилось, что они мне впору только по длине. В ширину же они были такие узенькие, что ступни сложились в них лодочками. Я потерял устойчивость. При этом подошвы были у них не плоские, а какие-то полукруглые, скользкие, словно натертые специальной мастикой. Я и шага еще не ступил, а мне уже казалось, что я, как на лыжах, лечу с горы. Хватаясь за мебель, я попробовал пройтись, и тут выяснилось вдобавок, что они не гнутся в подъеме, и надо ходить, высоко поднимая ноги, словно на них надеты серпы для лазания по телефонным столбам...

Пока я учился ходить, гостиную наполнили музыканты. Кто строил скрипку, кто вытряхивал на ковер слюни из духовых. Ко мне стали обращаться с вопросами: на каком инструменте я играю, какое музыкальное заведение окончил, родственник мне Иван Иванович или по знакомству проткнул меня в филармонию?

Каждый новый взгляд, на меня обращенный, каждый вопрос погружали меня в еще не изведенные наукой пучины страха. Очень скоро

мне стало казаться, что я выпил небольшой тазик новокаина: в груди и под ложечкой занемело, задеревенело. Во рту было так сухо, что язык шуршал, а верхняя губа каждый раз, когда я хотел вежливо улыбнуться, приклеивалась к совершенно сухим зубам, так что приходилось отклеивать пальцем.

Вдруг я увидел дирижера Александра Васильевича Гаука, под чьим управлением должны были играть в тот вечер Танеева. Гаук расхаживал по гостиной, выправлял крахмальные манжеты из рукавов фрака, округляя локти, и встряхивал дирижерской палочкой, как термометром. И я услышал, как капризным тенорком он сказал: «Я сегодня что-то волнуюсь, черт побери!» И тоненьким смехом выкрикнул: «Э-хе-хей!»

Я подумал: «Гаук волнуется?.. А я-то что же не волнуюсь еще?» И тут меня стал пробирать озноб, который нельзя унять никакими шубами, ибо он исходит из недр потрясенной страхом души. По скулам стали кататься какие-то желваки... В это время ко мне быстро подошел Соллертинский.

Ты что, испугался? Плюнь! Перестань сейчас же! Публика не ожидает этих конвульсий и не платила за них. А тебе это может принести ужасные неприятности! Если ты не перестанешь дрожать, я подумаю, что ты абсолютный пошляк! Чего ты боишься? Тебе же не на трубе играть и не на кларнете; язык — все-таки довольно надежный клапан, не подведет! Ну, скажем, тебе надо было бы играть скрипичный концерт Мендельсона, который помнят еще в этом зале, и ты боялся бы сделать накладку, — это я мог бы понять. Но того, что ты собираешься сказать, не знает никто, не знаешь даже ты сам: как же они могут узнать, что ты сказал не то слово?.. Если бы я знал, что ты такой вдохновенный трус, — я не стал бы с тобою связываться! Возьми себя в руки — оркестранты смотрят!.. Ну уж раз ты перепугался, тогда тебе не надо говорить про Танеева. Ты еще, чего доброго, скажешь, что он сочинил все симфонии Мясковского, и мы не расхлебываем твоё заявление в продолжение десятилетий. Гораздо вернее будет, если ты поимпровизируешь на темы предстоящего сезона. Воспользуйся тем, что сегодня мы открываем цикл абонементных концертов, и перечисли программы, которые будут исполнены в этом году. Назови наиболее интересные сочинения, назови фамилии исполнителей, а в заключение скажи: «Сегодня же мы исполняем одно из лучших произведений русской симфонической классики — Первую, доминорную симфонию Танеева, которую вы услышите в исполнении оркестра под управлением Александра Гаука...» Можешь ска-

зять «Первую». Можешь назвать ее до-минорной. Все это — на твое усмотрение... Я надеюсь, какие-нибудь программы застряли у тебя в голове, когда ты переписывал их почерком Акакия Акакиевича? Назови пять или шесть наиболее интересных программ, а в отношении других сделай вид: «Могу назвать, но не считаю нужным». Если же ты вспомнишь на публике все восемьдесят программ, то, несмотря на этот удивительный подвиг памяти, тебя из филармонии вышвырнут... Сегодня от тебя не многое требуется — показать, что ты способен связать два слова. О трех словах речи нет... Важно, чтобы можно было понять, как ты смотришься, как двигаешься... Со стороны содержания ты можешь быть совершенно спокоен. Что же касается техники выступления, то я не хотел тебя заранее волновать, но время уже пришло, поэтому прошу тебя выслушать. В музыкальном отношении акустика этого зала считается безупречной. Но для оратора она немножко трудна. Здесь нельзя сказать «к сожалению...». Здесь надо артикулировать очень отчетливо: «К. Со. Жа. Ле. Ни. Ю.»! Я несколько утрирую, но принцип таков — максимальная отчетливость. Второе — сила звука. Если тебя слышат в первом ряду, — это еще не значит, что слышат в тридцать втором. Но если слышат в тридцать втором, то услышат и в первом. И в этом заключается принципиальная разница между первым и тридцать вторым рядом. Итак, говорить надо отчетливо и говорить громко. Иначе тебя вышвырнут... Еще совет: если слово твое будет продолжаться два или три часа и на завтра его напечатают все музыкальные журналы мира, — это тебя не спасет: тебя вышвырнут. Но если ты будешь говорить даже посредственно, но семь или восемь минут, — тебе заплодируют из благодарности, что скоро кончил. Поэтому тебе выгодно говорить отчетливо, громко и коротко. Запомни еще, что ты должен подняться на дирижерскую подставку. Сделав шаг вперед, ты можешь упасть в зал. Шагнув назад, рискуешь опрокинуться в оркестр. Но если ты будешь торчать, как вбитый в подставку гвоздь, — тебя вышвырнут. Поэтому стой, но двигайся. Корпус должен находиться в движении. Жестикулируй, подыскивая слова, «экай» и «мекай» побольше, старайся показать, что ты готов броситься в бой за каждую произнесенную тобой фразу. Будь экспрессивен и непосредствен. Поменьше скованности. И, наконец, последнее. Новички начинают обычно разглядывать публику. Это плохо кончается. Не надо ее рассматривать. Пусть публика рассматривает тебя. Ты можешь заботиться, смутиться. Поэтому выбери в тридцать втором ряду какое-нибудь милое лицо и расскажи ему, что у тебя наипе-

ло на душе про Танеева. Кажется, это все! Комиссия уже удалилась, все относятся к тебе хорошо, даже наш директор, который не имеет чести знать тебя лично, спросил у меня: «О чем будет болтать ваш бодрячок?» Я уверен, что все будет отлично! Ну, ни пуха тебе ни пера!..

Он исчез. Я остался один за кулисами, не зная, с чего начать мое слово, чем кончить. В это время в гостиную быстро вошел инспектор оркестра, сказал: «Оркестр уже на местах». Я ответил ему без звука, одними губами: «Хорошо». — «Ну, вы у меня новичок, давайте я вас провожу». Он взял меня рукою за талию. И я пошел на негнущихся деревянных ногах той дорогой, которая всю жизнь казалась мне дороною к славе.

За кулисами филармонии — коридорчик, где стояли в тот вечер челеста, фисгармония, гlockеншпиль, большой барабан тамтам, не употребляющиеся в симфонии Танеева. Кончился коридорчик, и мы повернули влево и вышли к эстраде. Я поравнялся с контрабасами. Я уже вступал в оркестр. И тут инспектор сделал то, чего я меньше всего ожидал: он что-то пробормотал — что именно, я не расслышал — и убрал с моей спины руку. А я так на нее опирался, что чуть не упал навзничь, и, падая, схватился за плечо контрабасиста. Сказал: «Извините!» — и въехал локтем в физиономию виолончелиста. Сказал: «Я нечаянно», — наскочил на скрипичный смычок, смахнул полой пиджака ноты с пюпитра... И по узенькой тропинке между скрипками и виолончелями, по которой, казалось мне, надо было не идти, а слегка побежать, чтоб взлететь на дирижерское возвышение, как это делали некоторые любимые Ленинградом заграничные дирижеры, я стал пробираться по этой тропинке цепляясь, извиняясь, здороваясь, улыбаясь... А когда добрался наконец до дирижерского пульта, то выяснилось, что меня навестило несчастье нового рода: у меня не гнулись ноги в коленях. И я понимал, что если даже сумею втащить на подставку левую ногу, то на правом ботинке Антона Шварца улечу в первый ряд. Тогда я применил новую тактику: согнувшись, я рукою подбил правое колено, втянул правую ногу на площадку, потом повторил эту манипуляцию с левой ногой, распрямился... окинул взглядом оркестр... Кто-то из оркестрантов сказал: — Повернитесь к залу лицом!

Я повернулся — и обомлел. Зал филармонии, совершенно в ту пору ровный, без возвышений, без ступеней, зал, где я проводил чуть ли не каждый вечер в продолжение многих лет и пересидел во всех рядах на

всех стульях, — в этот вечер зал уходил куда-то вверх, словно был приколочен к склону крутой горы. И хоры сыпались на меня и нависали над переносьем. Я не понял, что это объясняется тем, что я приподнят над ним метра на три и вижу его с новой точки. Я решил, что потерял перпендикуляр между собою и залом, и стал потихоньку его восстанавливать, все более и более отклоняясь назад, и восстанавливал до тех пор, покуда не отыскал руками за спиной дирижерский пульт и не улегся на него, отдуваясь, как жаба.

В зале еще шныряли по проходам, посылали знакомым приветы. У меня было минуты полторы или две, чтобы собраться и сообразить краткий план своего выступления. Но я уже не мог ни сообразить ничего, ни собраться, потому что в этот момент был весь как... отсиженная нога!..

Я ждал, пока успокоятся. И дождался. Все стало тихо. И все на меня устремилось. Памятуя совет Соллертинского, я вырвал глазом старуху из тридцать второго ряда, повитую рыжими косами, — мне показалось, что она улыбается мне. Решил, что буду рассказывать все именно ей. И отворив рот, возопил: «Се.во.ды.ня мы оты-кры.ваеммм се-зо-ныны Ле.нинградской, га.сударственной фи-ла-ры.мо-ниии...» и почти одновременно услышал: «... адыской... аственной... мохонии...» И это эхо так меня оглушило, что я уже не мог понять, что я сказал, что говорю и что собираюсь сказать. Из разных углов ко мне прилетали некомплектные обрывки фраз, между которыми не было никакой связи. Я стал путаться, потерялся, кричал, как в лесу... Потом мне стало ужасно тепло и ужасно скучно. Мне стало казаться, что я давно уже кричу один и тот же текст. И, стоя над залом, видя зал и обращаясь к залу, я где-то от себя влево, в воздухе, стал видеть сон. Мне стало грезиться, как три недели назад я в безмятежном состоянии духа еду на задней площадке трамвайного вагона, читаю журнал «Рабочий и театр» и дошел до статьи Соллертинского «Задачи предстоящего сезона филармонии». И вдруг этот журнал словно раскрылся передо мной в воздухе, и я, скашиваясь влево, довольно бойко стал произносить какие-то фразы, заимствуя их из этой статьи. И вдруг сообразил: сейчас в статье пойдет речь о любимых композиторах Соллертинского, которых не играют сегодня. Упомянуть их не к чему: сегодня Танеев. И хотя я помнил, о чем шла речь в статье Соллертинского дальше, — связи с дальнейшим без этого отступления не было. Я еще ничего не успел придумать, а то, что было напечатано в первом абзаце, неожидан-

но кончилось. Я услышал какой-то странный звук — крик не на выдохе, а на вдохе, понял, что этот звук издал я, подумал: «Зачем я это сделал? Как бы меня не выгнали! А потом услышал очень громкий свой голос:

— А се.во-ды.ня мы испол.няем Та.нее.ва Пер.вую сим.фонию Та.неева. Це-моль. До-минор. Первую симфонию Танеева. Это я к тому говорю, что це-моль — по-латыни. А до-минор... тоже по-латыни!

Подумал: «Господи, что это я такое болтаю!» И ничего больше не помню!

Помню только, что зал вдруг взревел от хохота! А я не мог понять, что я такого сказал. Подошел к краю подставки и спросил: «А что случилось?» И тут снова раздался дружный «кнопочный» хохот, как будто кто-то на кнопку нажал и выпустил струю хохота. После этого все для меня окутано каким-то туманом. Помню еще: раздались четыре жидких хлопка, и я, поддерживая ноги руками, соскочил с дирижерской подставки и, приосанившись, стал делать взмывающие жесты руками — подымать оркестр для поклона, как это делают дирижеры, чтобы разделить с коллективом успех. Но оркестранты не встали, а как-то странно натопорщились. И в это время концертмейстер виолончелей стал настраивать свой инструмент. В этом я увидел величайшее к себе неуважение. Я еще на эстраде, а он уже подтягивает струны. Разве по отношению к Соллертинскому он мог бы позволить себе такое?

Я понял, что провалился, и так деморализовался от этого, что потерял дорогу домой. Бегаю среди инструментов и оркестрантов, путаюсь, и снова меня выносит к дирижерскому пульту. В зале валяются со смеху. В оркестре что-то шепчут, направляют куда-то, подталкивают. Наконец, с величайшим трудом, между флейтами и виолончелями, между четвертым и пятым контрабасами, я пробился в неположенном месте к красным занавескам, отбросил их выскочил за кулисы и набежал на Александра Васильевича Гаука, который стоял и встряхивал дирижерской палочкой, словно градусником. Я сказал:

— Александр Васильевич! Я, кажется, так себе выступал?

— А я и не слушал, милый! Я сам чертовски волнуясь. Эх-хе-хе-хей!. Да нет, должно быть, неплохо: публика двадцать минут рыготала, только я не пойму, что вы там с Ванькой смешного придумали про Танеева? Как мне его теперь трактовать? Хе-хе-хе-хей!..

И он пошел дирижировать, а я воротился в голубую гостиную, даже в самомалейшей степени не понимая всех размеров совершившегося надо мною несчастья.

В это время в голубую гостиную не вошел и не вбежал, а я бы сказал, как-то странно впал Соллертинский. Хрипло спросил:

— Что ты наделал?

А я еще вопросы стал ему задавать:

— А что я наделал? Я, наверно, не очень складно говорил?

Иван Иванович возмутился:

— Прости, кто позволил тебе относить то, что было, к разговорному жанру? Неужели ты не понимаешь, что произошло за эти двадцать минут?

— Иван Иванович, это же в первый раз...

— Да, но ни о каком втором разе не может быть никакой речи! Очевидно, ты действительно находился в обмороке, как об этом все и подумали. Дрожавшим голосом я сказал:

— Если бы я был в обмороке, то я бы, наверно, упал, а я пришел сюда своими ногами.

— Нет-нет... Все это не более, чем дурацкое жонглирование словами. Падение, которое произошло с тобой, гораздо хуже вульгарного падения туловища на пол. Если ты действительно ничего не помнишь, — позволь напомнить тебе некоторые эпизоды. В тот момент, когда инспектор подвел тебя к контрабасам, ты внезапно брыкнул его, а потом выбросил ножку вперед, как в балете, и кокетливо подбоченился. После этого потрепал контрабасиста по загривку — дескать: «Не бойсь, свой идет!» — и въехал локтем в физиономию виолончелиста. Желая показать, что получил известное воспитание, повернулся и крикнул: «Пардон». И зацепился за скрипичный смычок. Тут произошел эпизод, который, как говорится, надо было снять «на кино». Ты отнимал смычок, а скрипач не давал смычок. Но ты сумел его вырвать, показал залу, что ты, дескать, сильнее любого скрипача в оркестре, отдал смычок, но при этом стряхнул ноты с пюпитра. И по узенькой тропинке между виолончелей и скрипок, по которой нужно было пройти прижав рукой полу пиджака, чтобы не зацепляться, ты пошел какой-то развязной, меленькой и гаденькой походочкой. А когда добрался до дирижерского пульта, стал засучивать штаны, словно лез в холодную воду. Наконец взгромоздился на подставку, тупо осмотрел зал, ухмыльнулся нахально и, покрутив головой, сказал: «Ну и ну!» После чего повернулся к залу спиной и стал переворачивать листы дирижерской партитуры, так что некоторые подумали, что ты продирижируешь симфонией, а Гаук скажет о ней заключительное слово. Наконец, тебе подсказали из оркестра, что не-

дурно было бы повернуться к залу лицом. Но ты не хотел поворачиваться, а препирался с оркестрантами и при этом чистил ботинки о штаны — правый ботинок о левую ногу — и при этом говорил оркестрантам: «Все это мое дело — не ваше, когда захочу, тогда и повернись». Наконец ты повернулся. Но... лучше бы ты не поворачивался! Здесь вид твой стал окончательно гнусен и вовсе отвратителен. Ты покраснел, двумя трудовыми движениями скинул капли со лба в первый ряд и, всплеснув своими коротенькими ручками, закричал: «О господи!» И тут своей левой ногой ты стал трясти, вертеть, сучить, натирая сукно дирижерской подставки, ты подскакивал и плясал на самом краю этого крохотного пространства... Потом переменял ногу и откаблучил в обратном направлении, чем вызвал первую бурную реакцию зала. При этом ты корчился, пятился, скалился, кланялся... Публика вытягивала шею не в силах постигнуть, как тебе удалось удержаться на этой ограниченной территории. Но тут ты стал размахивать правой рукой. Размахивал, размахивал и много в том преуспел! Через некоторое время публика с замиранием сердца следила за твоей рукой, как за полетом под куполом цирка. Наиболее слабонервные зажмуривались: казалось, что рука твоя оторвется и полетит в зал. Когда же ты вдоволь наслаждался страданием толпы, то завел руку за спину и очень ловко поймал себя кистью правой руки за локоть левой и притом рванул ее с такой силой, что над притихшим залом послышался хруст костей, и можно было подумать, что очень старый медведь жрет очень старого и, следовательно, очень вонючего козла. Наконец ты решил, что пришла пора и поговорить! Прежде всего ты стал кому-то лихо подмигивать в зал намекая всем, что у тебя имеются с кем-то интимные отношения. Затем ты отворил рот и закричал: «Танеев родился от отца и матери!» Помолчал и прибавил: «Но это условно!» Потом сделал новое заявление: «Настоящими родителями Танеева являются Чайковский и Бетховен». Помолчал и добавил: «Это я говорю в переносном смысле». Потом ты сказал: «Танеев родился в тысяча восемьсот пятьдесят шестом году, следовательно, не мог родиться ни в пятьдесят восьмом, ни в пятьдесят девятом, ни в шестидесятом. Ни в шестьдесят первом...». И так ты дошел до семьдесят четвертого года. Но ты ничего не сказал про пятьдесят седьмой год. И можно было подумать, что замечательный композитор родился два года подряд и это был какой-то особый клинический случай... Наконец ты сказал: «К сожалению, Сергея Ивановича сегодня нету среди нас. И он не состоит членом Союза композиторов». И ты

сделал при этом какое-то непонятное движение рукой, так что все обернулись к входным дверям, полагая, что перетрусивший Танеев ходил в фойе выпить стакан сидра и уже возвращается. Никто не понял, что ты говоришь о классике русской музыки, отошедшем в лучший из миров еще в тысяча девятьсот пятнадцатом году. Но тут ты заговорил о его творчестве. «Танеев не кастрюли паял, — сказал ты, — а создавал творения. И вот его лучшее детище, которое вы сейчас услышите». И ты несколько раз долбанул по лысине концертмейстера виолончелей, почтенного Илью Осиповича, так что все подумали, что это — любимое детище великого музыканта, впрочем, незаконное и посему носящее совершенно другую фамилию. Никто не понял, что ты говоришь о симфонии. Тогда ты решил уточнить и крикнул: «Сегодня мы играем Первую симфонию до-минор, це-моль! Первую, потому что у него были и другие, хотя Первую он написал сперва... Це-моль — это до-минор, а до-минор — це-моль. Это я говорю, чтобы перевести вам с латыни на латинский язык». Потом помолчал и крикнул: «Ах, что это, что это я болтаю! Как бы меня не выгнали!..» Тут публике стало дурно одновременно от радости и конфуза. При этом ты продолжал подскакивать. Я хотел выбежать на эстраду и воскликнуть: «Играйте аллегро виваче из «Лебединого озера» — «Испанский танец...». Это единственно могло оправдать твои странные движения и жесты. Хотел еще крикнуть: «Наш лектор родом с Кавказа! Он страдает тропической лихорадкой — у него начался припадок. Он бредит и не правомочен делать те заявления, которые делает от нашего имени». Но в этот-момент ты кончил и не дал мне сделать тебе публичный отвод... Почему ты ничего не сказал мне? Не предупредил, что у тебя вместо языка какой-то обрубок? Что ты не можешь ни говорить, ни ходить, ни думать? Оказалось, что у тебя в башке торичеллиева пустота. Как при этом ты можешь рассказывать? Непостижимо! Ты страшно меня подвел. Не хочу иметь с тобой никакого дела! Я возмущен тобой!

А в это время играли первую часть симфонии, которую я очень любил. Потом вдруг слышу — снова появилась первая тема: она уже предвещает финал. Вот в зале заплодировали, в гостиную вошел Гаук, очень довольный... Я стал озираться, чтобы куда-нибудь спрятаться. И не успел. Комнату наполнили музыканты, стали спрашивать: «Что с вами было?» Я хотел отвечать, но Соллертинский шепнул:

— Никогда не потакай праздному любопытству. От этих лиц ничего не зависит. Второе: наука еще не объяснила, что было с тобой. И в-

третьих: мы еще не придумали, как сделать, чтобы тебя уволили по собственному желанию.

Что было потом, помню неясно. Знаю только, что возле меня сидит человек, которого до этого я видел, наверное, не больше двух раз, — известный ныне искусствовед Исаак Давыдович Гликман, коего числю с тех пор среди своих лучших друзей. Он похлопывает меня по плечу, говорит, что не я один, но и филармония виновата. Надо было прослушать сперва, а не так выпускать человека. И он подмигивал Соллертинскому. И Соллертинский уже смеялся и, желая утешить меня, говорил:

— Не надо так расстраиваться. Конечно, теоретически можно допустить, что бывает и хуже. Но ты должен гордиться тем, что покуда гаже ничего еще не было. Зал, в котором концертировали Михаил Глинка и Петр Чайковский, Гектор Берлиоз и Франц Лист, — этот зал не помнит подобного представления. Мне жаль не тебя. Жаль Госцирк — их лучшая программа прошла у нас. Мы уже отправили им телеграмму с выражением нашего соболезнования. Кроме того, я жалею директора. Он до сих пор сидит в зале. Он не может пойти сюда: он за себя не ручается. Поэтому очистим помещение, — поедем ко мне и разопьем бутылочку кахетинского, которую я припас на случай твоего триумфа. Если б я знал, что сегодня произойдет событие историческое, я бы заготовил цистерну горячительного напитка. Но прости, у меня не хватило воображения!..

Ах, какой это был человек! Благородный. Добрый. Великодушный.

Мы вышли втроем. Лил дождь. Пошли на Пушкинскую, где жил Соллертинский. И там он рассказал эту историю за ночь раз десять, каждый раз прибавляя к ней множество новых подробностей. Я задыхался от смеха. Валялся на диване в изнеможении. Но к утру какая-то муть стала оседать в голове, я начал смекать, что мне-то особенно радоваться нечему, что это произошло со мной и, вероятно, отразится на всей моей жизни, повернет ее ход и мне уже не иметь дела с музыкой (как потом и случилось!). Наверное, к утру лицо мое уже ничего не могло выражать, кроме тупого отчаяния. Но туловище все еще продолжало колыхаться от смеха.

.....
Проснулся я дома, у себя на диване. В комнате было светло.

Услышав в соседней чьи-то шаги, я позвал:

— Ма-ать!

Мать вошла. Я сказал:

— Дело в том, что я вчера провалился. И у меня просьба: на эту тему, если можно, не разговаривать со мной. Мать спокойно ответила:

— Может быть, ты и провалился, — этого я не знаю, — только уж это было не вчера, а позавчера...

— Почему же позавчера?

— Потому что ты домой пришел очень поздно, тебя целый день вчера будили, спрашивали, когда и куда тебе надо идти. Ты говорил, что тебе больше никуда никогда ходить не придется. Просил оставить тебя в покое...

Я подпер голову кулаком, перевел взгляд на ковер... Раскисшие, разлезшиеся, серо-белые, с мышинными хвостиками вместо шнурков, стояли возле дивана, бывшие лакированные ботинки Антона Шварца!.. Но мысль о том, что Шварц вчера выступал *босой*, привела меня в такое отчаяние, что я заплакал.

Мать спросила:

— Неужели ты думаешь помочь делу тем, что будешь лежать в постели и плакать? Я прохрипел:

— Да вовсе я не от этого плачу!.. Мне... Шварца жалко!

А на другой день меня с шумом уволили из филармонии. Но — странное дело! — с тех пор я никогда уже так не боялся. И впоследствии почти полностью преодолел страх.

ПЕРВОЕ ИСПОЛНЕНИЕ НА ЭСТРАДЕ «ПЕРВОГО РАЗА НА ЭСТРАДЕ»

Стыд меня мучил, но через несколько дней я все же пошел в филармонию. На концерт. В фойе, в кругу молодых хохочущих композиторов, я увидел Ивана Ивановича, который что-то рассказывал им, как всегда пулеметно и остроумно.

Заметив меня, он извинился и, подойдя, положил мне на плечо руку.

— Поскольку на Танеева расчеты плохи, — он хохотнул, — мне хотелось бы знать, что ты жуешь? У тебя ж нет работы!

Я пробормотал что-то невнятное.

— Я говорил о тебе на радио, — сказал Соллертинский. — Там тебе будут заказывать небольшие музыкальные конферансы. Вот возьми, передай Вере Францевне Коукаль...

И вручил мне заранее заготовленную записку.

«Дорогая Вера Францевна! Направляю к Вам Геракла Андроникова, о коем уже говорил. Этот юный почитатель серьезной музыки, обладающий недюжинными познаниями, вступил в единоборство с нашей аудиторной и повержен. Тем не менее, он надеется на реванш, и я совершенно уверен, что это в его возможностях, ибо наш дорогой Геракл за один вечер составил себе легендарное имя и мог бы поспорить с великим героем древности. Если тот удушал змей, разрывал пасть Немейского льва, чистил Авгиевы конюшни и осуществил двенадцать выдающихся подвигов, то наш ленинградский герой, совершив новый подвиг, совершенно затмил образ своего знаменитого тезки. Он разрушил вековые основы, на которых покоилась Ленинградская филармония, а сам провалился так глубоко, что мы никак не можем вытащить его на поверхность. Только Вы способны помочь ему, если дадите ему комментировать музыкальные передачи при условии, что между ним и аудиторией встанут директор, редактор и диктор.

И. Соллертинский».

В Радиокomiteте работу мне дали, но каждый раз, когда я там появлялся, все улыбались. О, я хорошо понимал причины этой веселости!

Вскоре, расставшись с музыкальным вещанием, я стал заниматься литературой.

Прошло время. Я переехал в Москву, начал выступать со своими рассказами перед публикой.

Выступления эти давались легко: ведь тут говорил не я, а мои герои. Второй раз провалиться мне не пришлось.

Минуло еще несколько лет. И вот один из солидных московских журналов решил посвятить моим устным рассказам обстоятельную статью. Писать ее захотел известный и очень талантливый критик Владимир Борисович Александров. Но познакомиться с моими рассказами редколлегия могла только в моем исполнении, поскольку я их не пишу, а передаю на память и каждый раз несколько по-другому. Решили позвать меня на заседание редакционной коллегии. И я несколько часов исполнял перед нею мой тогдашний репертуар. Смеялись. Потом Александров спросил:

— До того, как вы вышли впервые на эстраду со своими рассказами, вы когда-нибудь выступали публично?

Ах, зачем он задал мне этот вопрос! Он отнял у меня радость жизни! Дрожащим голосом, оправдываясь, стыдясь, я стал рассказывать эту историю. Никто не улыбнулся. Да и нечему было.

— История грустная, — сказал Александров. — Простите, что вызвал вас на это воспоминание.

Это было зимою 1940/41 года.

Наступила весна. Вышел журнал. И я с величайшим удивлением узнал из долгожданной статьи, что лучший из рассказов Андроникова — о том, как он провалился.

Я пришел в ужас! Такого рассказа у меня не было. Я просто вспоминал тогда подробности своего несчастья.

Но журнал-то прочел не один я. Прочли и те, кто ходил на мои концерты. И вот несколько дней спустя в Коммунистической аудитории МГУ мне подали на эстраду записку:

«Расскажите, как вы в первый раз выступали с эстрады».

Я спрятал записку в карман и собрался уже объявить что-то другое, когда какой-то пожилой человек прямо с места спросил:

— Что вы убрали в карман? Что там написано?

Я сказал:

— Меня просят исполнить рассказ, а у меня нет такого.

— Какой рассказ?

— О том, как я первый раз выступал на эстраде.

— Простите, такой рассказ есть: Александров пишет о нем. И вдруг весь зал начал требовать:

—Пер

—вый

—раз

—на

—эст

—ра

—де!

Что было делать! Оставалось либо уйти, либо исполнить требование. Но как? Оправдываться? Вызвать жалость?

Стыдиться? Сетовать на судьбу? Нет, я решил рассказать эту историю весело, взглянув на нее другими глазами.

И в ту же минуту начал, как и сейчас начинаю: «Основные качества моего характера с самого детства — застенчивость и любовь к музыке. С них все и началось...»

ЭКЗЕРСИСЫ

Рассказ сложился под хохот аудитории. Рассказывал я так, как и теперь рассказываю, как рассказывал с небольшими отклонениями все тридцать лет. И все же после концерта оставалась горечь в душе. Успокоился я только в тот вечер, когда исполнил этот рассказ в Ленинграде с эстрады того самого Большого белоколонного зала, на которой я тогда провалился. И слушала меня ленинградская публика, в том числе постаревшие оркестранты, которые в тот злополучный вечер играли Танеева...

Недавно впервые попробовал записать эту историю — посмотреть, как она выглядит на бумаге.

Записал.

И решил напечатать.

Печатается по: *Андроников И.Л.*
Первый раз на эстраде // Изб. В 2-х т., —
М.: Худож. литература, 1975.
Т.2. — С. 5 и след.

ТЕСТЫ

Тест — слово иностранное. Как педагогический, методический прием в первые годы советской власти он был подвергнут анафеме. В словарях до 60—70-х годов его не найти, например, в Словаре иностранных слов (под ред. И.В. Лехина и Ф.Н. Петрова. М., 1954. Изд. 4-е, перераб. и доп.).

Но в Советском энциклопедическом словаре издания 1981 г. на с. 1136 можно прочесть, что *тест* в психологии и педагогике — стандартизованное задание, **по результатам выполнения которого судят о психофизиологических и личностных характеристиках, а также знаниях, умениях и навыках испытуемого**. Кроме данного определения, на этой же странице есть еще три других, которые не имеют отношения к нашей теме, поскольку относятся к медицине, вычислительной технике и к распознаванию образов, связанных с множеством функционально взаимозависимых классов.

В наше время *тесты широко используются при обучении многим предметам*. В этом пособии они представлены в двух видах. Несколько слов об особенностях работы с тестами.

- **Каждый желающий может определить, насколько он готов к ораторской работе**, как велик его словарный запас, какой процент учебного материала из каждого теста он знал до того, как решил заняться риторикой. Здесь есть такое правило: если желающий может верно ответить примерно на 75% и более вопросов, то он готов к изучению риторики в наибольшей степени. И наоборот, чем меньше от 70% у испытуемого верных ответов, тем менее значительны могут быть его последующие успехи.

Естественно, эти расчеты приблизительны. Нет сомнения, что чем более внимательно и активно желающий начнет заниматься

риторикой даже при начальных весьма скромных знаниях и успехах, тем больших окончательных результатов он может добиться.

В наше время общепринята формула, согласно которой «способности» и «деятельность» связаны между собой таким образом, что не только количество и качество способностей определяют успешность занятия данной деятельностью, но и наоборот, чем больше оратор занимается, например, риторикой, тем в большей степени у него развиваются нужные для этого вида деятельности способности.

Такая формула действительна не только для риторики, но и для любого другого вида деятельности (занятие музыкой, наукой, спортом, искусством и пр.). Чем более активен и изобретателен сам работающий, тем более ему удастся проникнуть в сокровенные тайны конкретной деятельности, развивая свои способности.

- **Работая с приведенными тестами, оратор может готовить себя к последующим деловым играм, не только к подготовительным, но и к реальным**, поскольку тесты развивают кругозор, способствуют расширению словарного запаса, повышают общую культуру говорящего, в том числе языковую, речевую, риторическую и пр.

Оратор может обратиться к тестам после изучения материала всего пособия, ответить на все вопросы вновь и сравнить результаты первого и последующих выполнений заданий. При желании можно перевести результаты на язык математики, вычислив в каждом случае процент эффективного выполнения заданий.

- Приведенные тесты постепенно усложняются и требуют все более высоких знаний, умений и навыков для верного ответа.

Попробуйте ответить на вопросы каждого теста. Не имеет смысла подгонять свои решения к ответам, которые далее приведены к каждому тесту. Можно рекомендовать для начала не торопиться и попытаться ответить в пределах неограниченного времени. При необходимости в поисках ответа на вопрос лучше обратиться к словарям и только после этого свериться с ответом.

ЗАДАНИЯ И ВОПРОСЫ

ТЕСТ № 1

ЗАДАНИЯ

1. Укажите на сходство/различие между:

1) меценат/спонсор, 2) гамма/аккорд, 3) деревня/село, 4) маркетинг/менеджер, 5) заснуть/проснуться, 6) перчатка/перстень/наперсток, 7) бросать слова на ветер/ветер в голове/ищи ветер в поле, 8) свежая газета/рубашка/хлеб/ветер/рыба, 9) надежный/верный, 10) дрожит как осиновый лист/овечий хвост, 11) носить на руках/рукой подать/иметь руку/держат в руках/рука об руку/рука руку моет, 12) родина/отечество, 13) краски чистые/мягкие/пастельные/акварельные, 14) шторм/штурм, 15) консервы/консерватория/консерватор, 16) свобода/воля, 17) молдаване/цыгане, 18) крепкий/крепость/крепостной/купчая крепость, 19) компания/кампания, 20) синоним/антоним/омоним, 21) золотое время/волосы/кольцо/руки/пора/осень, 22) спустя/засучив рукава, 23) скучать/горевать/тосковать, 24) сверкать/светить/сиять, 25) красная дичь/строка/словцо/девица/солнышко/рыба.

2. Продолжите цепочку:

26) для генерала: пришел—увидел—победил;

Победил—.....—.....

27) для оратора: пришел—сказал—убедил;

убедил—.....—.....

3. Определите происхождение слова: русское/иностранное:

28) клуб, сцена, эстрада, 29) кандидат, депутат, коллектив, 30) танец, актер, автор, 31) музыка, группа, ансамбль, 32) конкурс, театр, оркестр, 33) дирижер, мелодия, нота, 34) книга, газета, журнал, 35) культура, планета, 36) герой, бухгалтер, тренер, 37) директор, адвокат, кассир, 38) режиссер, шофер, доктор.

4. Есть ли здесь ошибки:

39) я уважаю цифры/офицеров, 40) он одел перчатки/ребенка, 41) он хорошо себя ведет, 42) это показывает о том, что,

43) скучать за родными, 44) оба—обоих, обе—обеих, 45) играть/играться, 46) более красивее/красивше, 47) ихние нравы/дела, 48) класть/ложить/положить, 49) сколько времени?/который час? 50) ехайте дальше по этой улице...

5. Поставьте ударение:

51) начать, углубить, товарищество, 52) арбуз, домовой, молодежь, 53) партер, магазин, засуха, 54) чихать, гусеница, алфавит, 55) ожить, ожил, ожила, 56) принять, принял, приняла, приняли, 57) статуя, цемент, свекла, 58) километр, ремень, коклюш, 59) каучук, кухонный, портфель, 60) верба, инструмент, искра, искры, 61) вишневый, голоден, голодна, 62) ворота, ворот, воротам, 63) он жил, она жила, 64) запыхаться, запыхаюсь, запыхаешься, 65) задать, задал, задала, задали, 66) занять, занял, заняла, заняли, занято, 67) столяр, столяра, (мн) столяры, 68) торт, торта, (мн) торты, тортов, 69) прожить, прожил, прожила, прожили, 70) сколько, скольких, скольким, сколькими

ТЕСТ № 2

ЗАДАНИЯ

Вставьте пропущенные слова:

- 1) Ледяные холмы стоят неподвижно, но у вас... голова и кажется, что мост... с вами и с публикой куда-то уходит. (А. Чехов).
- 2) Как старый... житель дед знал, что звери гораздо... человека чувят, откуда... огонь, и всегда спасаются. (К.Г. Паустовский).
- 3) Солома была гнилая и..., так что волчиха едва не провалилась, на нее прямо... пахнуло теплым паром и... навоза и овечьего молока. (А.П. Чехов).
- 4) Поражало безмолвных посетителей филиала то, что хористы, рассеянные... местах, пели... складно, как будто... хор стоял, не спуская... с невидимого дирижера. (М. Булгаков).
- 5) Иван узнал, что гость его и тайная жена... к заключению, что столкнула их на... Тверской и переулка... судьба, и что созданы они друг для друга... (М. Булгаков).
- 6) Пока секретарь... совещание, прокуратор в... от солнца темными шторами комнате имел... с каким-то человеком, ... ко-

- торого было наполовину прикрыто капюшоном. (М. Булгаков).
- 7) Когда мы поднялись, в воротах еще висела... сетка дождя, а сквозь... падающие капли уже сияло, ... лучами летнее радостное солнце. (И.С. Соколов-Микитов).
 - 8) Иван Кузьмич... в центре этого поселка, в маленьком... с окнами на все... стороны, из которых было... все, что ни делалось вокруг него. (Г.И. Успенский).
 - 9) ... жизни говорил мне, что если я хочу... хорошие, дружеские... с Лидой, то ни в... случае я не должен выдавать... моей любви. (А.Н. Апухтин).
 - 10) Еще... мрак, и дно трудно было разглядеть, но в центре... круга блистала какая-то точка, должно быть, вершина горы, ... солнцем. (К.Э. Циолковский).
 - 11) Когда... видим хорошо сделанную статую или куклу, то нам приходит..., что сам мастер все же выше своего...: кукла не говорит, не ходит, не мыслит. (К.Э. Циолковский).
 - 12) С новым и странным чувством я... к окружающим меня людям и... все больше поражало, как мало среди них..., почти каждый чем-нибудь да болен. (В.В. Вересаев).
 - 13) Утром в воскресенье, торопливо... на работу, Зоя вспомнила, что Костоготов просил непременно на следующее дежурство надеть... серо-зеленое платье, ворот которого за халатом он видел вечером. (А.И. Солженицын).
 - 14) При мысли о том, что Лариса Федоровна поняла его превратно и что он оставил ее... с ложными надеждами, он готов был повернуть и скакать обратно в город, чтобы... оставшееся недосказанным. (Б. Пастернак).
 - 15) Тот, кто еще недавно полагал, что он чем-то управляет, оказывался вдруг... неподвижно в деревянном ящике, и окружающие, понимая, что толку от лежащего нет..., сжигают его в печи. (М. Булгаков).

ТЕСТ № 3

ЗАДАНИЯ

Вставьте пропущенные слова:

- 1) Темнело, и, когда они... в реденькую березовую рощу, ... оказались яркими бумажно-белыми полосами, наклепанными на

- лиловый сумрак, и... бумажной белизной светились в ... ранние ромашки. (К. Федин).
- 2) Удивленными... она разглядывала все на свете, потому что все... совсем не так, как должно было делаться, как того требовала, по ее..., сама наша жизнь, эпоха ... замыслов и свершений. (Л. Леонов).
 - 3) Деревня эта... меня: вместо привычной сонной... здесь царил шум, слышались раздраженные... мужчин, звенели возгласы..., чем-то явно возмущенных. (В. Астафьев).
 - 4) Как ни... желала Анна... с сыном, как ни давно думала о том и готовилась к тому, она... не ожидала, чтоб это свидание так подействовало на нее. (Л.Н. Толстой).
 - 5) Сережа... посмотрел на учителя, на его редкую..., на очки, которые... ниже зарубки, бывшей на носу, и задумался так, что уже ничего не... из того, что ему объяснял учитель. (Л.Н. Толстой).
 - 6) Опомнившись и оглядевшись, я увидел, что над... быстро несло небольшое розовое облако прямо к туче, которая синела, чернела, росла ежеминутно и заволакивала уже... с правой стороны, и у которой один... был белесоват. (С. Аксаков).
 - 7) Левин продолжал находиться все в том же... сумасшествия, в котором ему казалось, что он и его счастье... главную и единственную цель всего существования и что думать и заботиться ему ни о чем не нужно, что все делалось и... для него другими. (Л.Н. Толстой).
 - 8) Я шел к Татариновым с... в руках, и это было как-то неловко: с тех пор как мы с Петькой таскали левкой в энском садоводстве и после спектакля... их публике за пять... пучок, я не ходил по улицам с ... в руках. (В. Каверин).
 - 9) То..., которое я испытал во время разговора с Валею, вернулось ко мне, и с такой..., что мне захотелось встать и выйти, чтоб хоть не... этой тоскливой песни, которую женщина.. с закрытыми... (В. Каверин).
 - 10) Проснувшись, Маргарита не заплакала, как это... часто, потому что... с предчувствием, что сегодня наконец-то... произойдет. (М. Булгаков).
 - 11) Более всего... прокуратор ненавидел... розового масла я все теперь предвещало нехороший..., так как запах этот... преследовать прокуратора с рассвета. (М. Булгаков).

- 12) Он всеми силами старался не... оправдывающегося Либерия, ... продолжал успокаивать его, что к весне белые будут обязательно разбиты, гражданская война... (Б. Пастернак).
- 13) Властители наших... грешат поговорками, а главную..., что насильно мил не будешь, и укоренились в привычке осуждать и осчастливливать особенно тех, кто об... не просит. (Б. Пастернак).

ТЕСТ № 4

ЗАДАНИЯ

1. Объясните значение этих слов/ выражений, их сходство/различия:

1) карминовый/лазоревый, 2) борзая/медведь/петух, 3) комфорт/иллюминатор, 4) спасибо/оратор, 5) опешить/ ошеломить/ опростоволоситься, 6) хворост/хворь/хорь, 7) вернуться к своему причалу/к своим баранам, 8) бредущий/пикирующий полет, 9) канонада/эскадра/эскадрон, 10) наострить лыжи, 11) с волками жить, по-волчьи выть, 12) по Сеньке и шапка, 13) ему про Фому, а он — про Ерему, 14) шлягер/хит, 15) крест нательный/наперсный, 16) берем быка за рога, 17) апокалипсис, 18) орфоэпия/орфография, 19) волка ноги кормят, 20) прецизионный/точный, 21) бить баклуши, 22) попасть впросак, 23) нувориши/бомонд, 24) сказка про белого бычка, 25) репортер/паспорт, 26) председатель/президент/ спикер, 27) попасть пальцем в небо, 28) коммерсант/бизнесмен, 29) приказчик / продавец, 30) купец/разгильдяй, 31) природа/экология, 32) лук (оружие)/лукошко (корзинка), 33) анализ/синтез в речи оратора, 34) индукция/ дедукция в речи оратора, 35) введение/ заключение в речи оратора, 36) выводы/заключение в речи оратора, 37) теория/практика в речи оратора, 38) каюта/кубрик, 39) кортик/портик, 40) апогей/перигей.

2. Определите происхождение следующих слов:

41) гений, генерал, маршал, 42) майор, манеж, мандарин, 43) мандат, марш, лейтенант, 44) капитан, патриот, штурман, 45) порт, сервис, сержант, 46) ефрейтор, адмирал, поручик, 47) прапорщик, практика, поэт, 48) поэтесса, авторитет, актив, 49) прейскурант, солист, штаб, 50) снайпер, мачта, маши-

на, 51) солдат, матрос, офицер, 52) бригада, бригадир, корпус, 53) армия, гвардия, полиция, 54) календарь, боцман, босс, 55) бетон, бинокль, блокнот, 56) блиндаж, бомба, система, 57) бойкот, губернатор, наркотик, 58) публика, психология, профиль, 59) процедура, псевдоним, профилактика, 60) протестант, православный, католик.

3. Прочтите следующие цитаты из А.С. Пушкина, прокомментируйте их:

- 61) Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.
- 62) Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно.
- 63) Не дай мне Бог сойти с ума,
Уж лучше посох и сума.
- 64) Души неясный идеал.
- 65) И всюду страсти роковые
И от судеб покоя нет.
- 66) Здесь русский дух,
Здесь Русью пахнет.
- 67) Россия для многих писателей была вечным предметом невежественной клеветы.
- 68) Когда не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботы суетного света
Он малодушно погружён.

ТЕСТ № 5

ЗАДАНИЯ

1. Прочитайте вслух текст. Какое заключение предложили бы вы, оказавшись на месте этого оратора, слабо подготовленного в красноречии?

Речи лились рекой, благо ни характер тем, ни время не были ограничены. Можно было вволю поболтать. Этим особенно злоупотребил член Государственного совета Гурко...

— Господа, — начал свою речь Гурко, — приехал в Париж, как-то еще перед войной, владетельный царек одного из африканских племен. Его особенно очаровали прелестные ножки парижанок, и, уезжая, он возымел мысль обуть своих соотечественниц в такие же очаровательные туфельки, какими он любовался на парижских бульварах.

Присутствовавшие, ожидавшие либеральных, умных речей, в первые минуты были заинтригованы подобным оригинальным началом. И Анатолий Франс даже повернулся в сторону занятого оратора. Скоро, однако, пришлось разочаровываться. Прошло еще добрых полчаса, а бывший царский министр продолжал скучно объяснять, как туфли, заказанные неграм в Париже, оказались слишком тесными, как в Африку поехал немецкий сапожник, снял там мерки с ног негритянок и сколь выгодную аферу он сумел на этом сделать. Никто ничего не понял. Сидевший направо от председателя Милюков побагровел от негодования, а я, уставившись в тарелку, старательно очищал одну грушу за другой. (Цит. по *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. — Петрозаводск, 1964, Т. II. — С. 192, 193).

2. Читая любую книгу, обращайтесь внимание на те места, в которых автор говорит о риторике в любых ее аспектах. Например, А.А. Игнатъев в цитируемом произведении упоминает об интересующем нас предмете весьма часто:

на с. 152

Секретарем при мне Карнеев, конечно, быть не мог: из-за застенчивости он не смел объясниться ни с одним из посетителей, хотя говорил идеально по-французски.

на с. 356

Он (Бриан — *Д.А.*) стал гибким политиканом, столь ценным для лавирования среди бесчисленных и над-

водных и подводных шхер беспринципной буржуазной республики. Писал он мало, говорил много, побеждая даже врагов даром своего красноречия.

3. Читая книгу и наткнувшись на интересное для вас место, постарайтесь проанализировать его, составить для него план выступления, рассказать о своих размышлениях в процессе ближайшей деловой игры.

ТЕСТ № 6

ЗАДАНИЯ

1. Подберите общее слово к следующим словам:

1) место, прием, халат, 2) глаз, меч, язык, 3) башня, душа, гора, 4) идея, почва, 5) подъем, нрав, 6) личность, комната, голова, 7) опыт, плод, лекарство, истина, 8) зависть, кошка, дыра, 9) коридор, рубль, 10) логика, маска, воля, 11) луг, поросёнок, 12) древность, борода, 13) характер, деньги, 14) талант, пятно, 15) дуб, почерк, 16) родня, дорога, 17) смех, месяц, окунь.

2. В чем разница/сходство между:

18) базар, рынок, ярмарка, 19) извинить, простить, помиловать, 20) преклонить/склонить голову, 21) преклонить колена/колени, 22) возложить/положить цветы, 23) верный ленинец/рекламное объявление, 24) господин/товарищ, 25) профессия/профессионализм.

3. Назовите

26) цвета современного российского флага, 27) роль учителя/школа преподавателя/вуз, 28) роль диктора/комментатора/референта, 29) определение термина «культура», 30) определение термина «тезис», 31) задачи, стоящие перед оратором, 32) хороших (на Ваш взгляд) современных ораторов, 33) плохих (на Ваш взгляд) современных ораторов, 34) хороших/плохих (на Ваш взгляд) ведущих журналистов на радио и на телевидении,

- 35) Ваших любимых русских писателей:

а) конца XIX в.: ...

б) начала XX в.: ...

в) времени войны (1941/44 гг.) ...

г) современных писателей ...

36) ваших любимых художников, музыкантов, композиторов, скульпторов, архитекторов, 37) годы жизни А.С. Пушкина, А.В. Суворова, Петра I, П.И. Чайковского ... (кого вы знаете еще?), 38) Правильное ударение в словах: августовский, алкоголь, бензопровод, взапери, внове, арест, без умолку.

ТЕСТ № 7

ЗАДАНИЯ

1. Поставьте верное ударение:

1) бряцать, 2) укупорка, 3) средства (связи), 4) укусный, 5) отнять, отнял, отняла, отняли, 6) патина, 7) умерший, умершая, 8) заторможен, заторможена, заторможено, 9) чучело, чучела, 10) исконный, искони, 11) наносный, наносная, наносное, 12) теплится (надежда), 13) украинец, украинка, 14) арбуз, 15) пагубный 16) кивер, 17) ирис (растение), ирис (конфета), 18) зараженный (участок), 20) заснеженный (путь).

2. Закончите фразу/сочетание слов:

1) между Сциллой и..., 2) меньше говори, больше..., 3) он для красного словца не пожалеет и..., 4) большой говорун — плохой..., 4) добро тому врать, кто за, 6) задним умом..., 7) жребий..., 8) за одного битого двух, 9) баба с воза,, 10) показать Кузькину..., 11) пока гром не грянет, мужик, 12) во субботу, в, 13) авось да..., 14) Бог-то — Бог, да и, 15) быть с врагами на..., 16) Бог троицу..., 17) о времена, о..., 18) держать нос по..., 19) от дурной головы и ногам ..., 20) стрелять из пушки по..., 21) его на кривой кобыле не..., 22) доброе начало полдела..., 23) деньги к 24) в гостях хорошо, а дома ..., 25) в семье не без ..., 26) было бы болото, а, 27) буря в стакане ..., 28) бумага все ..., 29) большому кораблю, большое ..., 30) береги честь ..., 31) бедность не ..., 32) за добро добром и ..., 33) добро скоро ..., 34) на безрыбье и рак ..., 35) с больной головы да на ..., 36) закусить ..., 37) запретный плод ..., 38) заморить ..., 39) знай сверчок свой ..., 40) и дешево и ..., 41) на войне как, 42) и стены имеют ..., 43) каждому ..., 44) капля по капле и камень ..., 45) каков поп, таков и ..., 46) из двух зол выбирай ..., 47) копейка рубль ..., 48) коготок увяз—

всей птичке ..., 49) кто рано встает, тому, 50) кто палку взял, тот и ..., 51) посеешь ветер, пожнешь ..., 52) кто старое помянет, тому,53) куй железо, пока ... 54) ласковый теленок двух... ..., 55) игра не стоит ..., 56) как волка не корми, он все в, 57) кончил дело, гуляй ..., 58) слово не воробей, вылетит,.. ... 59) легок на ...,60) лежачего не ..., 61) мал, да ..., 62) мал золотник, да ..., 63) не бойся собаки, которая лает, а бойся той, которая ..., 64) на ловца и зверь ..., 65) на чужой каравай рот, 66) всем не ..., 67) на языке мед, а в сердце ..., 68) насильно мил не ..., 69) на авось не ..., 70) муж да жена — одна ..., 71) отогреть змею на своей ..., 72) не дорог подарок, дорога ..., 73) ни Богу свечка, ни черту ...,74) не так страшен черт, как его ..., 75) от добра добра, 76) охота пуще ..., 77) не годы старят, а ..., 78) учись смолоду, не умрешь ..., 79) сулить золотые ...

3. Вставьте пропущенные слова (*Астафьев В. Последний поклон. Гл. «Бабушкин праздник»*).

- 1) Вскоре после Ильина ..., как только заканчивался ..., в наш ... собиралась вся многочисленная ... — гостевать, точнее, праздновать день бабушкиного рождения.
- 2) Случалось это раз в два-три ... Чаше-то накладно.
- 3) Никто не сговаривал ... сыновей, дочерей, внуков и других ... съезжаться в этом именно году, об эту пору, но они сами по какому-то наитию, когда им надо быть в ... дому, у матери и отца.
- 4) Бабушка и дедушка ... как-то догадывались, что ныне нагрянут ребята, и ... начинали готовиться к тому, чтобы принять и устроить уйму Само собой, ребята приезжали не с пустыми руками, но все же главная тяжесть ... ложилась на бабушку и дедушку, и в ... нашем загодя, еще с зимы ... великий пост и всевозможный прижим по части расходов харчей и денег — коли пировать так и мудровать.
- 5) После отела ... брали под особое наблюдение телку или бычка — на закол. На базайскую механическую мельницу по санной дороге увозили и ... зерно на крупчатку, с весны ... яйца, сбивали ... на масло — и все это убиралось в подвал, в кладовку, рассовывалось по каким-то, никому, кроме бабушки, неведомым тайникам.

- 6) Чем ближе ... бабушкин праздник, тем напряженнее ... жизнь в ... доме. Бабушка все чаще роняла что-нибудь из ... или проливала и кричала неизвестно ...: «Сдохнуть бы мне сегодня же! Легче бы мне было!» И все же ... входила в предпраздничную линию ... и прочнее чем дедушка ...
- 7) Перед тем ..., который мне запомнился ..., что был я уже в памятливых ..., дедушка взорвался в самый неподходящий И довела его до крайности снова ..., из-за усталости не почувывая той ..., за которой наступает предел дедушкиного ...
- 8) Бобылю Ксенофонту надоедало ... одному в старой, наполовину засевшей в ... хибарке, и он после дневного труда и забот ... на нашу завалинку.
- 9) Сидели два брата, ... табак, передавая друг ... кисеты.
- 10) Иной раз просидят так вот весь ..., единого слова не скажут и ..., друг другом довольные. А иногда курят-курят ... и молча же куда-то улизнут. И не ... их тогда — не найдешь.

ТЕСТ № 8

ЗАДАНИЯ

1. Поставьте верное ударение:

- 1) боязнь (воды), 2) что творится, 3) перевезен/привезен из, 4) дети дороги родителям, 5) обеспеченье/изобретение, 6) постигать азы, 7) собрался кружок, 8) атака была стремительная, 9) облегчить сиротам (жизнь), 10) прибывший осужденный был под арестом, 11) благоприобретенные (знания), 12) фрейлина, 13) шасси, 14) цесаревич, 15) нет двух третей.

2. Объясните значение слов/выражений:

- 16) нетто/брутто, 17) нирвана/нимфа, 18) саммит/самшит, 19) феникс/гамаюн, 20) умер/помер/скончался/почил в Бозе, 21) гала-/шоу-концерт, 22) реституция/рескрипт, 23) конный/конский, 24) артист/актер/аристократ, 25) СМИ/масс-медиа, 26) эшафот/эпилог, 27) диплом/жюри, 28) форте/пиано/аллегро/ модерато, 29) кесарь/кентавр, 30) мим/муэдзин.

3. Кому принадлежат слова/высказывания:

- 31) Белеет парус одинокий в тумане моря голубом, что ищет он в краю далеком, что кинул он в краю родном. 32) Выхожу

один я на дорогу, сквозь туман кремнистый путь блестит, ночь тиха, пустыня внемлет Богу, и звезда с звездой говорит. 33) На свете счастья нет, а есть покой и воля. 34) Я к Вам пишу, чего же боле. 35) Эх, полным-полна моя коробочка, есть и ситец и парча. 36) Кому на Руси жить хорошо. 37) Храни честь смолоду. 38) У природы нет плохой погоды. 39) Служить бы рад, прислуживаться тошно. 40) Майскими короткими ночами, отгремев, закончились бои. 41) Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, пусть солдаты немного поспят. 42) Красота спасет мир. 43) Жди меня, и я вернусь. 44) Если хочешь быть счастливым, будь им. 45) И пошли они, солнцем палимы. 46) Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия.

4. Что Вам известно о таких личностях:

47) И.Л. Андроников 48) А.А. Ахматова 49) А.Н. Бенуа 50) Е.С. Боткин 51) С.Н. Булгаков 52) М.А. Булгаков 53) кн. Владимир Святой 54) М.Н. Ермолова 55) Лжедмитрий II 56) А.Д. Меншиков 57) М.В. Нестеров 58) Н.Н. Нестеров 59) П.Д. Корин 60) Г.С. Уланова 61) М.И. Цветаева 62) кн. М.К. Тенишева 63) П.А. Флоренский 64) кн. И.И. Шереметев 65) К. Прутков 66) В.М. Песков.

ТЕСТ № 9

ЗАДАНИЯ

1. Поставьте верные ударения/слова/словосочетания:

1) по-людски, 2) в районе восьми лет, 3) принять решение, 4) для обеих сторон, 5) влаживать деньги, 6) морщиться, 7) подпол, 8) ведут под руки, 9) подсинить, 10) пузо/пузан, 11) задали урок, 12) задался целью, 13) задохнулся/задохся, 14) начать/начал/начаться/начался, 15) продать/продал/продала, 16) жара спала/ девочка спала, 17) с Борис Ивановичем, 18) проливание крови/ пролитие крови/клясться на крови, 19) своим детям, 20) продавший/проданы/продана, 21) любопытные/ любопытствующие люди, 22) об этом можно убедиться, 23) ему больно/ общество больно, 24) псевдоним, 25) обретенье/обеспечение, 26) мизерный, 27) насторожить, 28) коклюш, 29) диспансер, 30) отзыв/ отзываться (мнение), 31) отзыв/отзывать (действие),

32) трапеза, 33) ругаться на меня, 34) приведен приговор, 35) закупоривать, 36) диалог, 37) настороженность/настороженный/настороже, 37а) предсказывание, 38) масло/масла/масел, 39) добра девица/ красный молодец.

2. Объясните слова/выражения:

40) элита/Элиста/экстремист, 41) пелетон/пленэр/плюмаж, 42) код/кода, 43) деликатес/демагог, 44) клавесин/клавир, 45) тирада/тога, 46) титан/титул, 47) триплекс/триптих, 48) тролль/ тромбон, 49) легитимный/лейб-гвардия, 50) под сурдинку, 51) не в коня корм, 52) опешить/опростоволоситься.

3. Укажите имя-отчество знаменитых людей России:

53) Художник Айвазовский, 54) генерал князь Багратион, 55) маршал Буденный, 56) маршал Ворошилов, 57) писатель Грибоедов, 58) генерал Деникин, 59) маршал Жуков, 60) писатель Жуковский, 61) адмирал Колчак, 62) певец Козловский, 63) академик Ломоносов, 64) фельдмаршал Кутузов, 65) певец Лемешев, 66) селекционер Мичурин, 67) драматург Островский, 68) царь Петр I, 69) физиолог Павлов, 70) изобретатель Попов, 71) художник Репин, 72) певица Русланова, 73) композитор Римский-Корсаков, 74) певец Собинов, 75) генералиссимус Суворов, 76) композитор Чайковский, 77) полководец Чапаев, 76) писатель Чехов, 79) певец Шаляпин, 60) художник Шишкин.

ТЕСТ № 10

ЗАДАНИЯ

1. Поставьте верное ударение:

1) (он) побоязливее, чем ... 2) затеплится (огонь), 3) дороговизна, 4) смягчить, 5) (будет) проведена, 6) вареная (картошка), 7) суетный (день), 8) воспринимать, воспринял, восприняла, восприняло, 9) неприязнь, 10) кладбище, 11) одновременно, 12) продать, продали, продал, продала, 13) внесенные (поправки), 14) вкупе, в купе, 15) с глазу на глаз, 16) избалованный (ребенок), 17) (он) сторонится (политики), 18) кобель, 19) острота, 20) новорожденный, 21) кишка, кишки, 22) создать, создал, создала, создало, 23) статус, статут, 24) диспансер.

2. Закончите фразу/предложение:

25) Не мытьем, так ... 26) Пустить козла в ... 27) Свой глаз — как ... 28) Привычка — вторая ... 29) Охота пуше ... 30) Лучше синица в руках, чем ... в ... 31) Торговали — веселились, подсчитали — ... 32) От судьбы не ... 33) Остатки — ... 34) Скрипит колесо ... 35) Не всяк монах, на ком ... 36) Что посеешь, то и ... 37) Отогреть змею на ... 38) Нужда хитрее ... 39) Ни Богу свечка, ни ... 40) Кончил дело, ... 41) Мыло серо, а моет ... 42) Много званных, да ... 43) Видеть под ... 44) Легок на ...

3. Вставьте пропущенные слова:

45) Мой отец мало ... стихами, делая ... только для Пушкина: он знал его, как иные ... церковную службу, и, гуляя, ... декламировать.
46) Поэзию же новейшую он ... вздором, и я при ... не очень распространялся о ... увлечениях в ... области.
47) Но когда ... подсчитываю, что ... для меня уцелело в этой ... поэзии, то вижу, ... уцелело ... мало, а именно ... то, что естественно ... Пушкина.
48) Что отцу ... казалось истинным лицом новизны, — «мордой модернизма», как он ..., теперь так устарело, так ... как даже не забыты стихи Карамзина.
49) Его ошибка ... не в том, что он свально охаял всю «поэзию модерн», а в ... что он в ... не захотел высмотреть длинный животворный луч ... своего поэта.

ТЕСТ № 11

ЗАДАНИЯ

1. Объясните значение слов:

1) харизма, 2) Китеж, 3) нимб, 4) аура, 5) мелодия, 6) кураж, 7) конфессия, 8) либидо, 9) маргинал, 10) рейтинг/мандат, 11) каменя, 12) Ника, 13) донор/реципиент, 14) Титикака, 15) лабордан, 16) нарцисс, 17) головоногие, 18) мириады, 19) Ор-фей, 20) сепарировать/сепаратист.

2. Поставьте верное ударение:

21) вероисповедание, 22) вермут, 23) верба, 24) морковь, 25) наголо/назло, 26) нагнуть/нагнутые, 27) наглухо, 28) над-

вое, 29) надолго, 30) лото, 31) призыв, 32) переносить/перенесен, 33) эксперт, 34) знамение, 35) дешева/дешевая, 36) диоптрия, 37) гористый, 38) община/общины, 39) козырь/kozyри, 40) крапива.

3. Вставьте фамилию/год/факт/событие:

41) 11 декабря 1610 г. под Калугой был убит ... 42) 13 февраля / 2 марта 1931 г. венчался в Москве ..., накануне слушал песни... 43) 19 октября 1811 г. в царском Селе был открыт ... 44) Таню и Олю Лариных по отчеству звали ... 45) В 1725 г. от простуды в Санкт-Петербурге умер ... 46) 8 сентября 1380 г. состоялась битва ... 47) 7 сентября 1812 г. состоялось сражение ... 48) Осенью 1430 г. под Калугой на реке Угре было ... 49) Высшим военным орденом Российской Империи был ... 50) Высшим военным орденом СССР была ... 51) Князь Владимир Святой крестил Русь в ... г. 52) Большая часть населения Грузии исповедует ... религию. 53) 14 декабря 1825 г. в Петербурге был убит герой войны 1812 г. ... 54) 19 декабря 1699 г. ... издал Указ о переносе Нового Года на 1 января с ... 55) В селе Троицком, между Москвой и Калугой, жил и похоронен Президент двух Российских Академий. Его зовут ... 56) 1 августа 1914 г. Германия объявила войну ... 57) Знаменитый русский актер К.С. Станиславский (1863—1938) родился в семье ... 58) 12/24 октября 1812г. состоялось сражение под ..., закрывшее Наполеону дорогу в южные области России. 59) 1 марта 1881 г. в результате пятого покушения был убит русский император ...

60) Ты помнишь, как из тьмы былого,

Едва закутана в атлас,

С портрета ... снова

Смотрела ... на нас? (*Заболоцкий Н.* Портрет. 1953)

ТЕСТ № 12

ЗАДАНИЯ

1. Поставьте верное ударение /слово/ сочетание:

1) оговорено, 2) сернистый (газ), 3) включить, 4) одобрено, 5) зардеть, 6) бесовщина, 7) договоренность, 8) положить, 9) гражданство, 10) об этом убеждаемся, 11) влаживать ценности, 12) обострить (вопрос), 13) не мытьем, так ..., 14) мы ездим, они ездют, ехайте дальше, 15) набрался, поднабрался, 16)

одно лечит, другое — ..., 17) подсинить, 18) формировать, 19) по-людски, 20) с обеих сторон, 21) псевдоним, 22) предсказывание, 23) молод, молода, 24) более моложе, чем, 25) голоден, голодна, 26) запыхаться, 27) голод не ..., 28) яйца курицу не ..., 29) попасть в ..., 30) волка ноги ..., 31) с волками жить, по-волчьи 32) по Сеньке и ..., 33) берем быка за ..., 34) два чувства дивно..... 35) навзничь, 36) не дай мне Бог, 37) закупоривать, 38) играть значение, 39) голый пустырь, 40) трубопровод, 41) под лежащий камень, 42) боязнь, 43) (что здесь) творится, 44) прибывший, 45) одного поля ..., 46) постигать ..., 47) (нужно) заняться, 48) по двое, 49) порт, порты, 50) (она) избалована, 51) памятуя за (событие) 52) с бантом, 53) зараженная (вода), 54) запасник,

55) не бывает дерева без ..., 56) предательство и ... — противоположены по своему смыслу, 57) труд и... — противоположны по смыслу, 58) первой столицей России является ..., второй — ..., 59) фраза не существует без ..., 60) взаимная уступка в споре называется ..., 61) комментарий по-русски означает ..., 62) если человек не любит новшества, то он называется ..., 63) если человек любит новшества, то он — ..., 64) мысль, что все люди честны, является ..., 65) древние люди читали все тексты не, а ..., 66) не было счастья, да ... помогло, 67) не все коту ..., 68) течет река ..., 69) если поэт, то стихотворение, а если скульптор, то ..., 70) если слон, то дрессировщик, если картина, то ..., 71) если дерево, то ствол, если трава, то ..., 72) пора, мой друг, ... (*А. С. Пушкин*), 73) как соловей без ..., 74) как собаке пятая ..., 75) как генерал без ..., 76) парфюмерия, мафия, пиво ..., коньяк, водка ..., деловитость ..., вежливость ..., жара ..., холод ..., 77) трудится как ..., 78) весел как ..., 79) белый как ..., 80) черный как ..., 81) страшный как ..., 82) бегал как... 83) в конце ..., 84) ансамбль песни и ..., 85) преступление и 86) офицеры и ..., 87) огонь и ..., 88) дамы и ..., 89) гори, гори... .., 90) ни дать, ни ..., 91) оторви и ..., 92) сорви-..., 93) воду, огонь и, 94) за тех, кто ...

ТЕСТ № 13

ЗАДАНИЯ

Прочитайте следующий текст, ответьте на вопросы:

1. Какие ошибки в тексте? Найдите их, выпишите, систематизируйте, объясните, как нужно сказать в каждом отдельном случае.
2. После того, как все ошибки исправлены, перепишите тест начисто так, как он должен выглядеть, по вашему мнению.

Выступление на собрании (Вариант «А»)

Значит, это, я, честно говоря, позволю, понимаете, потратить, так сказать, две минуты на мое сообщение, как я болею душой, как профессионал, и преклоняюсь, значит, перед аудиторией за все ихние труды по менеджменту и всю работу фирмы, конечно, очень знаю, понятно.

Конечно, поэтому нужно, в общем, так сказать, послать ваши, можно сказать, образцы, значит, в дирекции на местах, и они, это, придут к вам обратно, вот.

Скажу одно, я не думаю, скажем так, начинать, уважаемые, сначала, а надо, значит, делать сначала, и все, чего тут не понимать, понимаете?

А еще, значит, вопросы встали за общий план, поговорили, или его совсем не делать, честно говоря. Да ради Бога, пусть бы кто и не знал, а в кассе пусто, значит. В купе с образцами, деньги, честно сказать, могут сделать аврал, нежели чем закрывать филиал. Смотрите, я уже стихи выражаю, и будете персонал, который, как все говорят — «персона нан гранда».

Ну, а теперь, честно говоря, хватит, серьезно. Нет другой пути, как вверх и вперед, взад — не пройдет. И не на дядю, это значит, это сваливать, а только на себя. Мы профессионалы, так сказать. Определить понимаете, и в дело, если, так сказать, нужно.

Если есть вопросы, может быть, есть, то тут и отвечать не надо: все, честно говоря, скажем, понятно, если нет умников и бездельников, которые не желают, вот и все, а думают, что он, значит, на нас, конечно, ругается без начала.

А все инженерá, так сказать, отделов, они, значит, останутся еще, понимаете, ну хотя бы минут на 20 или, значит, 30, точно.

Спасибо, как говорится, Вам, значит за внимание, вот так. И, значит, займемся делами повсеместно, чтобы начать, углубить успехи и принять новые примеры для нашего фирменного процветания. Счастливой вам пути. Ехайте прямо и вперед, и нечего смотреть, значит, повернув голову взад. Поэтому у меня и конец, понимаете, так сказать. Наша цель — более два миллиона рублей, и ни грамма меньше. Вот. В районе — три миллиона, как наша целевая программа, понимаете, вот так. Извиняюсь, если что ...

ТЕСТ № 14

ЗАДАНИЯ

1. Объясните слова/выражения:

1) интуиция/инфантилизм, 2) конвой/конвульсия, 3) корректор/котировка, 4) лейтмотив/лексикон, 5) жесткий/жестокий, 6) графика/пастель, 7) нарочный/нарочно, 8) чушь/вздор/бред/глупость/нонсенс/маразм, 9) кириллица/латиница, 10) дизель/бемоль/бекар, 11) мажор/минор, 12) есть/кушать/обедать, 13) кадет/корнет, 14) костел/кирха, 15) вализ/кофр, 16) ересь/духовник, 17) реституция/ипотека, 18) дьякон/дьячок, 19) архимандрит/митрополит, 20) спор/обсуждение/диспут.

2. Поставьте верные ударения/слова/словосочетания:

21) насторожить, 22) касающее... этого, 23) трудящие... получили, 24) одержана/достигнута вершина/победа, 25) более понятнее/проще/увлеченнее, 26) квартал, 27) неприязнь, 28) взрывчатый, 29) примеров очень предостаточно, 30) отнял/отняла, 31) обезумел/обезумела, 32) иначе, 33) засека, 34) много лекторов, 35) облокотился на локоть, 36) кишка/кишки, 37) диалог/диалоги, 38) патриархия, 39) мышление.

3. Закончите фразу:

40) Что век грядущий, 41) нет худа без добра, но ..., 42) Отечество нам ... Село, 43) аргентинское (танец) 44) венский (танец) ..., 45) индийский (напиток) ..., 46) бразильский (напиток) ..., 47) глубокие (на лице) ..., 48) китайский (дворянин) ..., 49) Проскакал на (чем?) ..., 50) музыкальный (что?) ..., 51) реклама на (где?) ..., 52) русский (вид искусства) ...,

53) полковой (принадлежность) ..., 54) все будет (как?) ..., 55) нет розы (без чего?) ..., 56) Иван да (кто еще?) 57) никто не хотел (что делать?)

ТЕСТ № 15

ЗАДАНИЯ

1. Поставьте верное ударение:

1) формировать, 2) облегчить, 3) принять, 4) силен (в физике), 5) намерение, 6) прибывший, 7) призыв, 8) началась (лекция), 9) я поняла, 10) она так молода, 11) принявший (на себя), 12) верба, 13) инструмент, 14) искра, 15) арбуз, 16) простыня, 17) простыни.

2. Есть ли ошибки в сочетании слов/выражений:

18) я могу позволить рассказать о том, что..., 19) этот пример указывает о том, что..., 20) он получил более два миллиона триста тысяч рублей, 21) студент Иванов более лучше подготовлен, нежели чем Петров, 22) время проведения ..., 23) уважаемые судари и достопочтенные сударыни! 24) дамы и господа!, 25) эта фирма более значительнее, чем..., 26) в кинотеатре есть три зала: Красный, Зеленый и Малый, 27) незаконные бандформирования, 28) верный ленинец, 29) эти идеалы были утопические.

3. Объясните значение/происхождение слов/выражений:

30) под лежащий камень вода не течет, 31) останки/ остатки/ обломки, 32) Русь/русалка/русло/русые (волосы)/роса/ Россия, 33) питаться акридами и диким медом, 34) афера/амфора, 35) сон в руку/вещий сон, 36) либерал/демократ/ консерватор, 37) фаталист/фарс/фат/фатум, 38) на безрыбье и рак рыба, 39) танцевать от печки, 40) смотреть сквозь пальцы, 41) небо с овчинку покажется.

4. Найдите слово, выпадающее из логического ряда:

42) лев, лиса, жирафа, селедка, собака,
43) Юпитер, Аполлон, Марс, Нептун, Меркурий,
44) циклоп, туф, краб, смарагд, жалюзи, гонг,
45) педантичность, уход, парфюмерия, пароход.

ТЕСТ № 16

ЗАДАНИЯ

1. Укажите на риторические и иные ошибки в речах «секретарши».
2. Исправьте ошибки, напишите верный вариант «Б».

Вариант «А»

Я сегодня встала, честно говоря, в районе девять часов, пошла вобщем-то, скажем, куда-то на кухню. А по радио, конечно, говорят:

— Дамы и господа, значит, послушайте рекламное объявление, вот, как бы оно очень важное, вроде.

А я как-то и думаю, что как бы нужно иметь денег больше, так сказать, чтобы их как бы слушать, больше 2 миллиона триста тысяч на ихние заказы. Потом я приняла как-то душ, посмотрела, значит, на градусник, а он как-то показывает, понимаете, о том, что сегодня как бы мороз. Больше как бы двадцать градусов. Одеда я, значит, как бы шубу, побежала, вот, на остановку. А трамвай, значит, понимаете, в него — контролеры, они и говорят:

— Женщина, где это как бы ваш билет? Оплачивайте за проезд, конечно!

А я, конечно, им и отвечаю, что, значит, да ради Бога, подайтесь-ка вы своим билетом!

А сама посмотрела на ихние часы и поняла о том, что, как говорится, как бы, сама уже опаздываю. А тут все как бы толкаются, лаются, едва вылезла из вагона, побежала вся разобстроенная, хотела как бы уже начала печатать, а тут подруга, она как бы звонит и говорит, значит:

— Очень прекрасно, что ты вобщем-то не опоздала, а то Иван Иванович, он, значит, на тебя как бы ругается...

Я, конечно, трубку положила и побежала, а начальник, он как бы мне как-то и говорит:

— Я, говорит, скажу одно и позволю, конечно, заметить, что ошибки у тебя какие-то большие в районе печатания, так сказать. Договор значит, как бы испортила, а сама ходишь в туфлях с бантом, понимаешь. А я очень обожаю, когда вся работа, так сказать, сделана как бы как-то более аккуратнее нежели чем у тебя, о чем я скажу ниже...

Ну, я его, конечно, совсем не слушала и совсем разбстроилась вся, заревела, иду, значит, взад и обратно, так сказать, думаю, что как бы нужно, так сказать, где-то искать работу. Зла теперь не хватает, вобщем-то, честно говоря, и позволю сразу пойти домой, может все во сне и пройдет, значит, и успокоюсь...

ТЕСТ № 17

ЗАДАНИЯ

1. Поставьте верное ударение/слово/сочетание:

1) оговорено, 2) включить, 3) даровать, 4) обречение, 5) сернистый газ, 6) запасной (выход), 7) туфли лаковые/ лакированные, 8) заржаветь, 9) (мы) несказанно (рады), 10) договоренность, 11) (мне) близки (заботы), 12) близкие (края), 13) взрывчатые (вещества), 14) избранник/избранничество, 15) бесовская (сила), 16) (размах ее) челюстей, 17) два раза, 18) упростить, 19) (собирать) пригоршнями, 20) наложить вето.

2. Объясните значение слова/сочетания:

21) начальник, 22) руководитель, 23) шеф, 24) босс, 25) гордиев узел, 26) эпитафия, 27) эпиталама, 28) заведующий, 29) председатель, 30) президент, 31) секретарь, 32) референт, 33) заместитель, 34) советник, 35) помощник, 36) политес, 37) инсинуация, 38) инвектива, 39) химера, 40) инаугурация, 41) златоуст/злыдень, 42) знак/злачный, 43) зоб/зодчий, 44) змей/змий, 45) прописать кому-нибудь ижицу, 46) как иерихонская труба, 47) квелый/киприот, 48) лад/лада, 49) малахит/малахай, 50) пирс/пируэт, 51) грассировать, 52) грифон/грация/гrog/грот, 53) ям/явство, 54) рампа/ракурс, 55) расстегай/бирюк, 56) рдеть (ся), 57) бифштекс/ромштекс, 58) бефстроганов/битюг, 59) благостный, 60) куш/куща, 61) шоры/шпоры, 62) рында/рухлядь, 63) дебелый, 64) турысы (на колесах), 65) шквал/шихта, 66) идиома/ибис, 67) пеклеванный, 68) облобызать(ся), 69) облик/обличье/облатка, 70) кривда/критикан, 71) политика изоляционизма, 72) имажинист, 73) иммунитет, 74) судьба-индейка, 75) инспирировать, 76) инсинуация, 77) инсоляция, 78) инстанция, 79) интендантство, 80) ипостась, 81) киот, 82) клацать, 83) командор/комендор, 84) официоз (ный), 85) пажить (пажи-

ти мн. ч.) 86) Синод, 87) утилизировать, 88) чревоугодие, 89) текстолог/текстология, 90) авторское право.

ТЕСТ № 18

ЗАДАНИЯ

1. Поставьте верное ударение/слово/сочетание:

1) воспринять, 2) договоренность, 3) оговоренные (вопросы), 4) роженица, 5) урод, 6) взялись (за дело), 7) вареная (колбаса), 8) копить, 9) азы (профессии), 10) судя по ..., 11) кухонный, 12) присовокупить, 13) обесценивание/обесценение, 14) переходный/переходной, 15) гражданство, 16) несведущий/несведующий, 17) украденная, 18) бомбардировать, 19) заско-рузлый, 20) поднялся.

2. Подберите одно общее существительное ко всем данным прилагательным:

21) святая, великая, светлая, киевская, языческая, московская, 22) златоглавая, белокаменная, величавая, суматошная, 23) народная, мелодичная, лихая, широкая, 24) крепостная, каменная, белая, сторожевая, кирпичная, 25) пешеходный, ви-сячий, канатный, железобетонный, автомобильный, 26) низкий, бархатный, душевный, звенящий, 27) камерный, смешанный, мужской, 28) славянская, древняя, владимирская, пергаментная, 29) черная, в конце, торговая, с запятой, 30) резной, золоченый, с балдахином, с подушками, 31) зеленый, ранний, вкусный, соленый, 32) яркий, пахучий, осенний, увядший, сло-маный, 33) соленый, бушующий, тихий, далекий, 34) эlegantный, полноприводный, быстроходный, грузовой, 35) парадный, торжественный, пеший, подтянутый, 36) белый, далекий, вол-нующий, легкий, скользкий, 37) желтый, пищащий, теплый, беспомощный, однодневный, 38) каменная, песчаная, без-водная, горячая, безжизненная, 39) летний, свежий, зеленый, благоухающий, плодовой, 40) справедливый, умный, сильный, знающий, 41) заботливая, любящая, добрая, улыбающаяся, 42) шумная, тихая, зеленая, современная, старинная, транспор-тная, 43) туманное, ясное, дождливое, раннее, солнечное, 44) художественная, техническая, военная, раритетов, 45) ши-рокая, крутая, винтовая, мраморная, грязная.

ТЕСТ № 19

ЗАДАНИЯ

1. Подберите одно общее прилагательное ко всем данным существительным:

1) сон, капуста, галстук, фотография, 2) река, дорога, ход, ветка, 3) соус, анекдот, сюжет, 4) ответ, план, речь, расписание, взаимодействие, 5) номер, представление, манеж, слон, клоун, 6) рассказ, коза, собака, принц, 7) дом, человек, стройка, замысел, план, пир, горе, 8) взгляд, воззвание, желание, призыв, 9) дым, раствор, жидкость, 10) груз, подъем, ноша, болезнь, воздух, вздох, 11) взгляд, заяц, фалды, образ, покрой, галстук, 12) вопрос, взгляд, тон, улыбка, 13) друг, океан, шум, звук, пение, раскат, 14) родственник, Восток, пункт, рейс, 15) нос, яблоко, щеки, бант, дичь, словцо, 16) мундир, грузовик, покрой, сапог, штаб, 17) фестиваль, мотив, инструмент, концерт, солист, 18) оркестр, концерт, вечер, абонемент, 19) момент, антракт, аккорд, инструмент, произведение, сборник, 20) война, орден, продукт, история, писатель, 21) опыт, конь, генерал, корабль, взвод, 22) житель, вид, простор, двор, достаток, 23) товар, инициатива, книга, почин, опыт, совет, 24) знания, сокровища, друг, вклад, завет, 25) иголка, струйка, волос, вкус, голос, 26) дуб, здание, мечта, гора, порог, мода, 27) котлета, дом, фасад, черты (лица), 28) сон, собака, человек, 29) вид, речь, здание, костюм, 30) лицо, руки, платье, прошлое, 31) предмет, студент, конец, нож, 32) цветок, огурец, лист, трава, цыпленок, 33) ответ, вопрос, взгляд, человек, угол, 34) одежда, рана, облака, шкура, ноздри, 35) платок, вышивка, халат, тубетейка, 36) хвост, ногти, волосы, язык, 37) закат, отблеск, земля, смерч, вал, 38) ход, поворот, линия, переход, скорость, 39) вода, жизнь, дрейф, лошадь, 40) хор, одеяние, служба, свеча, календарь.

2. Объясните значение слов/сочетаний/выражений:

41) о времена, о нравы, 42) а капелла, 43) ад либитум, 44) о натюрель, 45) аква вита, 46) квоускве тандем, 47) воленс-ноленс, 48) ва-банк, 49) вандалы, 50) варьете, 51) ахиллесова пята, 52) бельканто, 53) бисировать, 54) богема, 55) терра ин-

когнита, 56) про áрис ет фóцис, 57) рандеву, 58) кабаре, 59) канонир, 60) канкан, 61) беже, 62) зефир, 63) кичиться, 64) кинолог, 65) синолог, 66) оптовые поставки, 67) ради Бога, 68) Христа ради, 69) дум спíро, спéро, 70) дýра лекс, сэд лекс, 71) форс-мажор (форс-мажорные обстоятельства), 72) магíстер дíксит, 73) фортуна, 74) все свое ношу с собой, 75) тэт-а-тэт, 76) аудиáтур эт áльтэра парс, 77) сит вéния вэрбо.

3. Закончите фразу/предложение:

78) Ходить вокруг, 79) Худой мир лучше, 80) Цель оправдывает ..., 81) Что город, то ..., 82) Чужая душа — ..., 83) Шила в мешке, 84) Чужими руками жар, 85) Язык до Киева ..., 86) Что с воза упало, ..., 87) Баба с воза, на, 88) Доброе начало полдела ..., 89) У черта на ..., 90) У страха глаза, ..., 91) Толочь воду в ..., 92) Старая любовь ..., 93) Сокол мал, да, ..., 94) Для смерти — все ..., 95) Пустить козла в ..., 96) После нас — хоть ..., 97) Пустой мешок — не ..., 98) Свой свояка видит ..., 99) Сам черт ногу ..., 100) Праздность — мать

ТЕСТ № 20

ЗАДАНИЯ

1. Подберите одно общее слово к данным словам:

1) светлая, высокая, в обоях, с балконом, 2) модный, плодovitый, одаренный, профессиональный, 3) прохладный, ссновый, сумрачный, величавый, молчаливый, 4) высокий, художественный, чугунный, с орнаментом, 5) огромный, черный, нахохленный, белохвостый, 6) дождливые, жаркие, душиные, 7) утро, прием, чай, лягушка, 8) мысли, туфли, день, лебедь, 9) путь, угорь, лед, 10) аист, голубь, лист, город, свет, 11) плакат, пейзаж, слой, рассказ, 12) флаг, тропинка, волосы, ручек, растение, 13) час, стол, отдых, концерт, перерыв, 14) доска, лестница, скульптура, 15) погода, настроение, день, человек, 16) комната, вечер, ветер, климат, хлеб, вода, 17) с повинной, под конвоем, под расписку, без опоздания, 18) керосиновая, электрическая, переносная, уличная, кабинетная, 19) летает, плавает, несется, ныряет, 20) бегаёт, несется, не летает, не плавает.

2. Вставьте пропущенные слова/слово:

21) Там ... прелестная ... : три реки, много источников. 22) Помню красивую ... 23) мы с Извольским шли по ... реки, краю воды. 24) В стороне от ..., повыше, шел статный крестьянин с ... за плечами. 25) Вдруг ... опустился ... небольшой лоханью в крепком песчанике, 26) Круглая лохань у ... его была ... глубокой темной ... 27) И светлой струйкой эта ... сбегала ..., мимо нас в реку. 28) Странник снял со ... котомку, ... наземь, осенил себя широким ... знаменем, 29) Стал перед водой на ..., уперся ... в край лохани и, 30) припав широкой ... к светлой глади темной воды, стал ... студеную струю. 31) Никогда ни ... картина, ни ... произведение ... не давали мне ... сжатого слияния человека, Бога и природы. (*Волконский С.В. Мои воспоминания. — М., 1992, Т. II, с. 67*). 32) ... молочные сумерки стояли... городом. Зиновий Борисович... не возвращался с подпрудки. 33) Свекра Бориса Тимофеевича тоже дома: 34) поехал к ... приятелю на именины, 35) даже и к ... заказал себя не дожидаться. 36) Катерина Львовна от нечего ... рано повечерила, 37) открыла у себя на вышке ... и, 38) прислонясь к косяку, шелушила ... зернышки. 39) Люди на кухне ... и расходились по двору спать: 40) кто ... сарай, кто ... амбарам, кто ... высокие душистые сеновалы. 41) Позже всех вышел из ... Сергей. 42) Он походил по ..., спустил цепных ..., посвистал и, 43) проходя ... окна Катерины Львовны, 44) поглядел на ... и ... ей поклонился. (*Лесков Н. С. Леди Макбет Мценского уезда // Повести и рассказы. — М., 1983, С. 15*).

45) «Посмотрите, кто с нами рядом, — ... обратился вполголоса мой братец к Ч. — Да вон, справа ... нас».

46) В соседней ложе ... старик ... роста, в поношенном фраке желтовато-..., с растрепанными пепельными ... и проседью в жидких, взъерошенных ..., он преоригинально наслаждался игрою африканца: толстые ... вздрагивали, ... были раздуты, при иных пассажах он даже подскакивал и стучал от удовольствия по барьеру, ... перстнями.

47) «Кто же это?» — ... Ч.

«Как, не узнаете? — Вглядитесь ...».

«... узнаю».

Тогда мой брат ... большие ... и шепнул:

«Да ... это Пушкин!» ...

48) Что если это и ... Пушкин, грезилося мне, Пушкин в шестьдесят лет, Пушкин, ... пулей рокового хлыща; Пушкин, вступивший в роскошную осень ... гения. Вот это он, вот эта желтая ... сжимающая ... дамский бинокль, написала «Анчар», «Графа ...», «Египетские ...».

49) Действие кончалось, грянули рукоплескания. Седой Пушкин порывисто ... и, все еще улыбаясь, со светлым ... в молодых ..., быстро ... из ложи». (*Набоков В.В. Дар. — М., 1990, — С.91.*)

ТЕСТ № 21

ЗАДАНИЯ

Вопросы этого задания ориентированы на знание истории России и ораторское обсуждение отдельных ее страниц.

1. В кинофильме «Иван Васильевич меняет профессию» на вопрос о его фамилии главный герой ленты говорит:

— Рюриковичи мы!

Эти слова звучат как лозунг.

Обоснуйте этот ответ, используя приведенную в ответах схему краткой родословной русского великого княжения (династия Рюриковичей). Какая «фамилия» была у царя Ивана Васильевича Грозного?

2. Расскажите о Лжедмитриях, сопоставив их появление с гибелью младенца Дмитрия и согласуя написание плана для выступления со схемой краткого русского великого княжения (династия Рюриковичей и период смуты).

Наиболее известны Лжедмитрий I (убит в Москве в 1606г.) и Лжедмитрий II (убит под Калугой в 1610 г.).

Составьте план, который покажется наиболее приемлемым для этой темы.

3. Подготовьте рассказ о царе Борисе Годунове, одной из наиболее трагичных фигур русской истории. С этой целью перечитайте специальную литературу, А.С. Пушкина о Борисе Годунове, Ф.И. Шаляпина о том, как он готовил эту роль в опере М.П. Мусоргского, посмотрите схему краткой родословной русского великого княжения (период смуты).

- У А.С. Пушкина были сложные отношения с царем Николаем I, а потомок царской фамилии Романовых женился на внучке поэта. Посмотрите схему краткой родословной русского великого княжения, почитайте специальную литературу, там найдется немало ярких сюжетов и деталей. Подготовьте ораторское выступление на эту тему по специально подготовленному плану.
- Если указанные выше темы покажутся неинтересными, то каждый желающий сможет придумать для себя еще несколько тем, сформулировать их, рассматривая приведенные в ответах схемы краткой родословной русского великого княжения (Рюриковичи, период смуты и Романовы), и подготовить ораторское выступление по заранее обдуманному и написанному плану.

ТЕСТ № 22

ЗАДАНИЯ

Разделы хрестоматии открываются эпитафиями — цитатами, принадлежащими ярким представителям красноречия древности и наших дней. Перечитаем их, постараемся понять основную мысль в них, может быть, запоним их с целью ответа на следующие вопросы.

- Попытайтесь обосновать свое согласие (или несогласие) с той основной мыслью, которую ее автор считает принципиально важной.

Риторика заботится о словах, их смысле и порядке...
(*Сенека*)

Зачем ты выучил свой текст наизусть! Нам нужна свободно льющаяся речь, живая, эмоциональная ... Говори свободно, коротко, остроумно. Помни, что это нелегко... (*И.Л. Андроников*)

Оцерковляя себя, человек стремится и к оцерковлению всего, что попадает в сферу его жизни, то есть к оцерковлению твари в той мере, в какой это возможно в земных условиях быта.

Такой образ жизни, реально осуществлявшийся лучшей частью русского общества на протяжении веков,

и являлся общепризнанным для всех, даже тех, кто ему не следовал и потому должен был оценивать свое состояние как ГРЕХ. (*Протоирей Лев Лебедев*)

Итак, какие есть предложения? Расширить цитату? Сократить? Принимаются любые предложения, только они должны быть оформлены планом, логикой доказательств, ораторскими приемами и т. д., и на все выступление затрачено не более пяти минут.

2. Прав ли, на ваш взгляд, автор — составитель настоящей хрестоматии, поместивший данную цитату перед конкретным разделом? Для ответа на этот вопрос придется полистать страницы, сопоставить содержание цитаты с содержанием раздела. Ну а потом, как всегда: план, доказательства (согласия или несогласия), ораторские приемы, и на все — пять минут. Свое мнение полагается объяснять, предложение обосновывать.
3. Может быть, у вас есть на примете другие цитаты, которые вы могли бы предложить вместо указанных. Какие, почему? Чем они лучше, полнее? Оцените их со всех возможных для вас сторон, и сначала — план, потом — выступление.
4. В тексте хрестоматии немало других цитат, которые не вынесены в качестве эпиграфов, тем не менее, на взгляд специалиста, ярко, точно и убедительно выражают определенную мысль. Перелистайте хрестоматию с целью поиска таких цитат, последующей оценки и оформления выступления таким образом, как об этом сказано выше.
5. Еще один дополнительный вопрос для желающих. В хрестоматии представлено несколько отрывков из произведений, произнесенных или написанных знаменитыми личностями в разное время: за годы до Рождества Христова и относительно недавно. В них есть немало мест, которые можно было бы увязать с вопросами, высказанными в этом задании. Тот, кто согласен с этой точкой зрения, может выписать все понравившиеся ему места в тетрадь (или на карточки), систематизировать их по тематике (стране, автору и т.д., возможны многочисленные варианты такой систематизации), чтобы впоследствии использовать их в собственной ораторской деятельности.

Очевидно, что разнообразие видов подготовительных работ с цитатами просто не поддается подробному обзору, и каждый может расширить их список за счет собственных творческих разработок.

ТЕСТ № 23

ЗАДАНИЯ

Это задание призвано обобщить в какой-то мере все то, что было сделано в предыдущих. Итак, оглянем всю хрестоматию и попытаемся ответить на следующие вопросы.

1. После длительных размышлений и многократных перечитываний, представленных в хрестоматии образцов красноречия, выбираем из них тот единственный, который производит наибольшее впечатление, нравится в наибольшей степени в целом как определенное произведение ораторского и литературного искусства. Какие места, на ваш взгляд, наиболее удачны, наименее удались автору, как он распорядился логикой изложения, ораторскими приемами, собственным достоинством, знаниями, умениями, навыками, в какой мере использовал юмор, остроумие, иронию, попытался ли приобщиться к противопоставлению, сравнению, анализу, синтезу и пр. Все не перечислить и не вспомнить, но, надо надеяться, что вопрос понятен в полной мере. А как лучше назвать это задание? Как организовать план предполагаемого выступления.
2. Выберите уже не произведение, а автора, которому хотелось бы «подражать» (в хорошем, в творческом плане). Можно выйти за рамки этой хрестоматии. Может быть, у вас есть такой любимый оратор (автор, литератор, исследователь, политический деятель и т. п.), который не включен в этот сборник. Но в любом случае ваше мнение должно объяснять вашу позицию. Предполагаемые оппоненты не будут оспаривать ваши предпочтения, но хотели бы понять их причины. Это упражнение может быть полезным хотя бы потому, что позволит желающему проверить собственные резоны, отточить и перегруппировать примеры и доказательную сторону собственного мнения, совершенствуя собственное ораторское мастерство.

3. Дополнительное задание, полностью выходящее за рамки хрестоматии. Включите вечером телевизор (или радио), прослушайте кого-нибудь из ведущих программы, постарайтесь выбрать из них того, кто, на ваш взгляд, в наибольшей степени отвечает вашей творческой ораторской манере (или противоречит ей). Объясните сами себе (а потом, может быть, и какой-нибудь аудитории), почему «нравится» этот, а не тот. Вспомните все то, о чем мы говорили в этом сборнике, и, подготовив план выступления, расскажите его содержание сами себе.
- На этот вопрос невозможно ответить немедленно. Понадобится немало времени, прежде чем удастся сформулировать ответ. Тщательное составление плана, его многократная ревизия и реконструкция позволят подготовить выступление ад-либитум.

ТЕСТ № 24

ЗАДАНИЯ

Прочитайте (лучше вслух) отрывок из «Воскресенья» Л.Н. Толстого (ч. I, гл. XXI, М.: Правда, 1975, с. 73 и след.), стараясь найти ответы на следующие вопросы:

1. Как можно охарактеризовать главное действующее лицо этого отрывка — «товарища прокурора», выступающего в судебном заседании с обвинениями в адрес Катюши Масловой — главной подозреваемой по этому делу:
 - а) содержание речи обвиняющего,
 - б) форма речи обвиняющего,
 - в) почему, по мнению автора, товарищ прокурора «глуп чрезвычайно»?
2. Каковы особенности речей защитников Катюши Масловой и другого адвоката?
3. Каково отношение автора романа к происходящему в зале судебного заседания в целом (может быть, для ответа на этот вопрос нужно будет прочитать и другие страницы романа по первоисточнику)?
4. Как соотносятся логические, риторические, этические вопросы в выступлениях участников судебного заседания, в том числе обвиняемых?

Л.Н. Толстой
ВОСКРЕСЕНЬЕ

Когда окончился осмотр вещественных доказательств, председатель объявил судебное следствие законченным и без перерыва, желая скорее отделаться, предоставил речь обвинителю, надеясь, что он тоже человек и тоже хочет и курить и обедать и что он пожалеет их. Но товарищ прокурора не пожалел ни себя, ни их. Товарищ прокурора был от природы очень глуп, но сверх того имел несчастье окончить курс в гимназии с золотой медалью и в университете получить награду за свое сочинение о сервитутах по римскому праву, и потому был в высшей степени самоуверен, доволен собой (чему еще способствовал его успех у дам), и вследствие этого был глуп чрезвычайно. Когда ему предоставлено было слово, он медленно встал, обнаружив всю свою грациозную фигуру в шитом мундире, и, положив обе руки на конторку, слегка склонив голову, оглядел залу, избегая взглядом подсудимых, и начал.

— Дело, подлежащее вам, господа присяжные заседатели, — начал он свою приготовленную им во время чтения протоколов и акта речь, — характерное, если можно так выразиться, преступление.

Речь товарища прокурора, по его мнению, должна была иметь общественное значение, подобно тем знаменитым речам, которые говорили сделавшиеся знаменитыми адвокаты. Правда, что в числе зрителей сидели только три женщины: швея, кухарка и сестра Симона, и один кучер, но это ничего не значило. И те знаменитости так же начинали. Правило же товарища прокурора и было в том, чтобы быть всегда — на высоте своего положения, то есть проникать в глубь психологического значения преступления и обнажать язвы общества.

— Вы видите перед собой, господа присяжные заседатели, характерное, если можно так выразиться, преступление конца века, носящее на себе, так сказать, специфические черты того печального явления разложения, которому подвергаются в наше время те элементы нашего общества, которые находятся под особенно, так сказать, жгучими лучами этого процесса...

Товарищ прокурора говорил очень долго, с одной стороны, стараясь вспомнить все те умные вещи, которые он придумал, с другой стороны, главное, ни на минуту не остановиться, а сделать так, чтобы речь его лилась, не умолкая, в продолжение часа с четвертью. Только один раз

он остановился и довольно долго глотал слюни, но тут же справился и наверстал это замедление усиленным красноречием. Он говорил то нежным, вкрадчивым голосом, переступая с ноги на ногу, глядя на присяжных, то тихим деловым тоном, взглядывая в свою тетрадку, то громким обличительным голосом, обращаясь то к зрителям, то к присяжным. Только на подсудимых, которые все трое впились в него глазами, он ни разу не взглядывал. В его речи было все самое последнее, что было тогда в ходу в его круге и что принималось тогда и принимается еще и теперь за последнее слово научной мудрости. Тут была и наследственность, и прирожденная преступность, и Ломброзо, и Тард, и эволюция, и борьба за существование, и гипнотизм, и внушение, и Шарко, и декадентство. <...>

Главной же двигательной пружиной преступления была Маслова, представляющая в самых низких его представителях явление декадентства.

— Женщина эта, — говорил товарищ прокурора, не глядя на нее, — получила образование, — мы слышали здесь на суде показания ее хозяйки. Она не только знает читать и писать, она знает по-французски, она, сирота, вероятно, несущая в себе зародыши преступности, была воспитана в интеллигентной дворянской семье и могла бы жить честным трудом; но она бросает своих благодетелей, предается своим страстям и для удовлетворения их поступает в дом терпимости, где выдается от других своих товарок своим образованием и, главное, как вы слышали здесь, господа присяжные заседатели, от ее хозяйки, умением влиять на посетителей тем таинственным, в последнее время исследованным наукой, в особенности школой Шарко, свойством, известным под именем внушения. Этим самым свойством она завладевает русским богатырем, добродушным, доверчивым Садко — богатым гостем и употребляет это доверие на то, чтоб сначала обокрасть, а потом безжалостно лишить его жизни.

— Ну, уж это он, кажется, зарпортовался, — сказал, улыбаясь, председатель, склоняясь к строгому члену.

— Ужасный болван, — сказал строгий член.

— Господа присяжные заседатели, — продолжал между тем, грациозно извиваясь тонкой талией, товарищ прокурора, — в вашей власти судьба этих лиц, но в вашей же власти отчасти и судьба общества, на которое вы влияете своим приговором. Вы вникните в значение этого преступления, в опасность, представляемую обществу от таких патологи-

ческих, так сказать, индивидуумов, какова Маслова, и оградите его от заражения, оградите невинные, крепкие элементы этого общества от заражения и часто гибели.

И как бы сам подавленный важностью предстоящего решения, товарищ прокурора, очевидно до последней степени восхищенный своей речью, опустился на свой стул.

Смысл его речи, за исключением цветов красноречия, был тот, что Маслова загипнотизировала купца, вкравшись в его доверие, и, приехав в номер с ключом за деньгами, хотела сама все взять себе, но, будучи поймана Симоном и Евфимьей, должна была поделиться с ними. После же этого, чтобы скрыть следы своего преступления, приехала опять с купцом в гостиницу и там отравила его.

После речи товарища прокурора со скамьи адвоката встал средних лет человек во фраке, с широким полукругом белой крахмальной груди, и бойко сказал речь в защиту Картинкина и Бочковой. Это был нанятый ими за триста рублей присяжный поверенный. Он оправдывал их обоих и сваливал всю вину на Маслову. <...>

В заключение адвокат в пику товарищу Прокурора заметил, что блестящие рассуждения господина товарища прокурора о наследственности, хотя и разъясняют научные вопросы наследственности, неуместны в этом случае, так как Бочкова — дочь неизвестных родителей.

Товарищ прокурора сердито, как бы огрызаясь, что-то записал у себя на бумаге и с презрительным удивлением пожал плечами.

— Потом встал защитник Масловой и робко, запинаясь, произнес свою защиту. Не отрицая того, что Маслова участвовала в похищении денег, он только настаивал на том, что она не имела намерения отравить Смелкова, а дала порошок только с тем, чтобы он заснул. Хотел он подпустить красноречия, сделав обзор того, как была вовлечена в разврат Маслова мужчиной, который остался безнаказанным, тогда как она должна была нести всю тяжесть своего падения, но эта его экскурсия в область психологии совсем не вышла, так что всем было совестно. Когда он мямлил о жестокости мужчин и беспомощности женщин, то председатель, желая облегчить его, попросил его держаться ближе сущности дела.

После этого защитника опять встал товарищ прокурора и, защитив свое положение о наследственности против первого защитника тем, что если Бочкова и дочь неизвестных родителей, то истинность учения наследственности этим нисколько не инвалидируется, так как закон

наследственности настолько установлен наукой, что мы не только можем выводить преступление из наследственности, но и наследственность из преступления. Что же касается предположения защиты о том, что Маслова была развращена воображаемым (он особенно ядовито сказал: воображаемым) соблазнителем, то все данные скорее говорят о том, что она была соблазнительницей многих и многих жертв, прошедших через ее руки. Сказ это, он победоносно сел.

Потом предложено было подсудимым оправдываться. Евфимья Бочкова повторяла то, что она ничего не знала и ни в чем не участвовала, и упорно указывала как на виновницу всего, на Маслову, Симон только повторил несколько раз:

— Воя ваша, а только безвинно, напрасно.

Маслова же ничего не сказала. На предложение председателя сказать то, что она имеет для своей защиты, она только подняла на него глаза, оглянулась всех, как затравленный зверь, и тотчас же опустила их и заплакала, громко всхлипывая.

Объясним некоторые термины,
встречающиеся в тексте, например:

- 1) ... «получил награду за свое сочинение о сервитутах по римскому праву» ... «Сервитут» или «сервитутное право» — (лат.), обязанность, обязательство», повинность. В античном мире — право пользования чужим имуществом в определенных пределах (например, право прохода, проезда, проведения канав и т.п. через чужой соседний участок земли) или право на ограничение собственника в определенном отношении (например, запрещение прорубать из дома окно в чужой двор и т.п.).
- 2) *Ломброзо Чезаре* (1835—1909) — итальянский психиатр и криминалист, выдвинувший теорию о существовании особых черт, свойственных типу преступника: низкий лоб, выдающаяся челюсть и т.п.
- 3) *Тард Габриель* (1843—1904) — французский социолог и криминалист, считал, что в основе социальной деятельности человека лежат конфликты, приспособление и подражание, с помощью которых люди осваивают нормы, ценности и нововведения.
- 4) *Шарко Жан Мартен* (1825—1893) — врач, занимался болезнями нервной системы, истерией и другими неврозами, разработал методы их лечения.
- 5) *Декадентство* (лат. — упадок) — общее наименование кризисных явлений в культуре конца XIX—начала XX вв., отмеченных настроениями безнаказанности, аморальностью, неприятием жизни и пр.

ТЕСТЫ/ЗАДАНИЯ

- 6) *Цветы красноречия* — использование ораторских приемов, например, риторических тропов и фигур. Цветы красноречия могут использоваться как средство и как цель. Во втором случае — это недостаток речи, которая обычно малосодержательна по рассмотрению в ней теоретических вопросов, или полна вопросов, не относящихся к тематике обсуждаемых проблем.
- 7) *Болван* — в словарях русского языка есть несколько значений этого слова. Здесь наиболее подходит: тупица, неуч (с пометкой: разговорное, бранное). Таким образом, товарищ прокурора, закончивший гимназию с золотой медалью и получивший награду за специальное научное исследование по истории и теории юриспруденции, оценивается присутствующими на судебном заседании по самой низкой из возможных мерок.
- 8) ... *«подобно тем знаменитым речам, которые говорили сделавшиеся знаменитыми адвокаты»*. — Имеется в виду плеяда выдающихся судебных деятелей конца XIX—начала XX вв., имена которых вошли в историю русской юриспруденции. Среди них: Петр Акимович Александров (1838—1893) — адвокат Веры Засулич (добившийся оправдания в 1878 г.); Анатолий Федорович Кони (1844—1927) — выдающийся судебный оратор, председательствовал на процессе по делу В. Засулич; Федор Никифорович Плевако (1842—1908/09) — адвокат, выигравший множество сложных судебных дел, например, дело о стачке рабочих на фабрике С. Морозова, и др.
-

... упадок святого благочестия в народе русском происходит не от чего иного, как от совершенного недостатка образования и учения.

*Митрополит Петр Могила
(1596—1647)*

ОТВЕТЫ

Несмотря на то, что митрополит П. Могила жил давно, а родился 400 лет тому назад, слова его могут быть отнесены и к нашему времени со значительной степенью их актуальности.

Общий недостаток «образования и учений» сказывается повсеместно. С целью попыток его хотя бы малой ликвидации даны примерные контрольные ответы на задания и вопросы тестов.

Представленные задания ориентированы на различные стороны теории и практики риторического мастерства. Некоторые из них требуют краткого точного ответа, состоящего из одного слова, другие — развернутого полного ораторского выступления, с подготовкой предварительно продуманного и творчески составленного плана, написанного и неоднократно переработанного.

Многие из ответов, помещенных ниже, являются примерными, ибо разные люди могут предложить на один и тот же вопрос разные ответы. В наибольшей степени это соображение относится к заданиям, требующим развернутого и многостороннего описания.

Видимо, не имеет смысла сразу смотреть ответ, чтобы потом по нему «подгонять всю задачу». Лучше сделать как раз наоборот: не торопиться, самому найти ответ, может быть, не «сегодня, а завтра», и только после этого проверить себя по приведенным ответам.

Иногда бывает полезно несколько раз возвращаться к одним и тем же заданиям, чтобы лучше запомнить заключенный в них фактический материал.

ТЕСТ № 1

1. 1) фр., не предполагает прибыль/ан., прибыль обязательна, 2) последовательные звуки/ одновременные звуки, 3) в селе должна быть церковь, 4) маркетинг — знание условий, рынка/менеджер—управляющий, 5) второй глагол — возвратный, 6) все от слова перст (палец), 7) без пользы, не думая/пустой, несерьезный человек/без результата, не найти, 8) сегодняшняя/числая/мягкий/прохладный/живая, 9) преданный/верный — о людях, животных, 10) он боится, 11) заботиться/рядом/иметь защиту/владеть/вместе/скрывать, 12) место рождения/история рода, 13) краски яркие/приглушенные/спец. мелки/прозрачные, 14) буря/атака, 15) от лат. — сохранять, 16) воля — полная свобода, 17) цыгане — потомки выходцев из Индии, 18) прочный/укрепл. пункт/невольник/документ о владении, 19) объединение/поход, 20) одинаковые по смыслу/противоположные/одинаково звуч., но разные по смыслу (ключ), 21) лучшее время/цвет волос/кольцо из металла/умелые руки/осенняя пора/осенний листопад, 22) работать плохо/хорошо, 23)—24) повышается качество действия, 25) фазаны/абзац/вранье/молодая, красивая/женщине/вид рыбы — кета.

2. 26) победил — разгромил — уничтожил

27) убедил — очаровал — повел за собой

3. 28) англ., лат.-греч., фр., 29) лат., лат., лат., 30) нем., фр., греч., 31) греч., нем., фр., 32) лат., греч., фр., 33) фр., греч., лат., 34) слав., итал., фр., 35) лат., лат., 36) греч., нем., англ., 37) фр., лат., итал., 38) фр., фр., лат.

4. 39) уважают только людей, 40) он надел перчатки, он одел ребенка, 41) написано верно, 42) неверно, нужно: это показывает, что ..., 43) скучать о ..., скучать по 44) все написано верно, 45) глагола играть — в литературном языке нет, 46) все неверно, 47) нужно: их нравы/дела, 48) глагола — ложить — нет, 49) нужно: который час?, 50) нужно: езжайте и т.д., 51) начать, углубить, товарищество, 52) арбуз, добрый—домовой, молодежь, 53) партёр, магазин, засуха, 54) чихать, гусеница, алфавит, 55) ожить, ожил, ожилá, 56) принять, принял, приняла, приняли, 57) статуя, цемент, свёкла, 58) километр, ремень, коклюш, 59) каучук, кухонный, портфель, 60) верба, инструмент, искра, искры, 61) вишнёвый, голоден, голодна,

62) ворóбта, вóрот, ворóбтам, 63) она жила́, 64) запыхáться, запыхáясь, запыхáешься, 65) задáть, зáдал, задалá, зáдали, 66) занáть, зánял, занялá, зánяли, зánято, 67) столя́р, столяра́, (мн.) столяры́, 68) то́рт, то́рта, (мн.) то́рты, то́ртов, 69) про-жить, прóжил, прожила́, прóжили, 70) скóлько, скóльких, скóльким, скóлькими.

ТЕСТ № 2

Были пропущены слова:

1) кружится, вместе, 2) лесной, лучше, идет, 3) рыхлая, в морду, запахом, 4) в разных, очень, весь, глаз, 5) пришли, углу, сама, навек, 6) собирал, затененной, свидание, лицо, 7) алмазная, прозрачные, переливаясь, 8) жил, домике, четыре, видно, 9) опыт, сохранить, отношения, коем, секрета, 10) сгущался, темного, освещенной, 11) мы, в голову, произведения, 12) приглядывался, меня, здоровых, 13) одеваясь, то же самое, 14) в заблуждении, договорить, 15) лежащим, более никакого.

П р и м е ч а н и е. После того, как вы закончили работу с пропущенными словами, прочитайте вслух каждое предложение, мысленно представляя себе, что вы работаете диктором на телевидении (на радио) и читаете эти фразы перед телекамерой (перед микрофоном).

Проделайте эту работу несколько раз, с паузой между чтениями.

ТЕСТ № 3

Были пропущены слова:

1) вошли, стволы, такой же, траве, 2) глазами, делалось, мнению, великих, 3) поразила, тишины, голоса, женщин, 4) сильно, свидания, никак, 5) внимательно, бороду, спустились, слышал, 6) нашими головами, полнеба, край, 7) состоянии, составляют, делается, 8) цветами, продавали, копеек, цветами, 9) чувство, силой, слышать, пела, глазами, 10) бывало, проснулась, что-то, 11) на свете, запах, день, начал, 12) слушать, который, кончится, 13) дум, забыли, этом.

П р и м е ч а н и е. В содержании тестов, которые вы уже видели или, может быть, еще увидите, упоминается много русских писателей, поэтов. Знакомы ли вы с их творчеством, знаете ли их произведения подробно (или только поверхностно)?

Может быть, стоит их прочитать (или перечитать)?

ТЕСТ № 4

1) ярко-красный цвет/ярко-синий, с сиреневым, 2) быстрая/ ведающий мед/любящий петь, 3) удобства/круглое окно на судах, самолетах, 4) спаси Бог/ставящий целью устное воздействие на аудиторию, 5) потерять коня/получить удар по шлему/потерять головной убор — потерять честь, 6) ветки/болезнь/мелкий хищный зверек, 7) вернуться домой/к обсуждаемой теме, 8) низкий полет/крутой полет к земле, 9) частая стрельба из пушек/соединение кораблей/кавалерийское соединение, 10) сбегать, улизнуть, 11) подчиняться чужим правилам, 12) найти свое место, 13) говорить про разные вещи, не понимать друг друга, 14) популярная песня/список из популярных песен, 15) у верующих мирян/у священнослужителей, 16) приступаем к делу, 17) греч. — пророчество о конце света, 18) наука о правилах произношения/ письма, 19) чтобы прокормиться, волк должен много бегать, 20) оба слова однозначны, но первое — по-французски, 21) готовить чурки для деревянных ложек, делать простую работу, 22) попасть в работающий станок для свивания веревок, 23) фр. — новые богатые/высший свет, 24) бесполезные повторения, 25) фр. — один корень (носить), 26) два первые слова идентичны, но второе — из лат., третье — из англ., 27) допустить грубую ошибку, 28) оба могут быть переведены как — купец, но первое фр., а второе — англ., 29) приказчик — название продавца в России до 1917 г., 30) купцы делились на три гильдии, изгнанный из них назывался разгильдяем, 31) второе слово греч. происхождения, означает — дом, родину, их охрану и сохранение, 32) старослав. корень означает — изгиб, 33)—37) требуют развернутого ответа согласно теории риторики, 38) для пассажиров/для команды, 39) морской кинжал/навес над колоннами здания, 40) наиболее /наименее удаленная точка орбиты, 41) лат., лат., фр., 42) лат., фр., фр., 43) лат., нем., фр., 44) фр., греч., голл., 45) лат., англ., фр., 46) нем., араб., слав., 47) слав., греч., греч., 48) фр., нем., лат., 49) нем., итал., нем., 50) англ., нем., фр., 51) нем., голл., нем., 52) фр., фр.-нем., лат., 53) фр., фр., нем., 54) лат., голл., англ., 55) фр., фр., англ., 56) фр., фр., греч., 57) англ., лат., греч., 58) лат., греч., фр., 59) лат., греч., греч., 60) лат., слав., греч., 61—68) комментарий пушкинских строк требует глубокой интеллектуальной подготовки. Их содер-

жание может быть основой для реферата с последующим обсуждением.

Точно так же вопросы 33)–37) могут быть основой для реферативных ораторских выступлений с последующей оценкой и обсуждением.

ТЕСТ № 5

1. Ответ не может быть однозначным. Итак, оратор произвел впечатление на аудиторию занятным и забавным введением. Далее он говорил полчаса, говорил нудно, путано, скучно.

Следовательно, главная его ошибка в том, что речь была длинна и скучна. Что касается заключения, то можно было бы завершить речь яркой поговоркой, которыми так богаты Франция и французский язык. Например, о том, что немецкий сапожник оказался проворнее и негритянского царька и парижских законодателей модельной обуви.

Можно взять словарь пословиц и поговорок и подобрать подходящую к данному сюжету. Например, может быть русскую «Не по Сеньке шапка» или «Волка ноги кормят».

Впрочем, читатель может придумать к ситуации другой конец, никак не связанный с использованием поговорок. Конец выступления, как и вся речь в целом, — дело творческое.

Задания 2 и 3 связаны с развитием наблюдательности начинающего оратора в обычной жизни, при чтении книг, при приобретении риторического опыта читателем.

ТЕСТ № 6

1) теплый, 2) острый, 3) высокая, 4) плодородная, 5) крутой, 6) светлая, 7) горькая, 8) черная, 9) длинный, 10) железная, 11) заливной, 12) седая, 13) бешеный, 14) яркий, 15) кудрявый, 16) большая, 17) серебристый, 18) тюрк./слав./нем., 19) после выяснений/без выяснений/ юрид.термин, 20–22) разница стиля, оттенков смысла, 23) тавтология: «ленинец» не может быть «неверным», реклама и объявление — по сути своей синонимы, 24 —25) требуют развернутого разъяснения по стилю, происхождению, качеству, 26) белый/лазоревый/алый, 27) помогать в учебе (требует развернутого разъяснения), 28) читает чужой текст/ комментирует события/ оценивает в пол-

ной мере, 29) есть в любом справочнике, 30) тезис следует доказать, 31) убедить, 32—36) ответы не могут прогнозироваться, 37) 1799—1837, 1729/1730—1800, 1672—1725, 1840—1893 — соответственно — Пушкин, Суворов, Петр I, Чайковский, 38) Августовский, алкоголь, бензопровод, взапёрти, вно́ве, арéст, без умб́лку.

ТЕСТ № 7

1. 1) бряца́ть, 2) уку́порка, 3) сре́дства, 4) у́ксусный, 5) отня́ть, отня́л, отняла́, отня́ли, 6) па́тина, 7) уме́рший, уме́ршая, 8) затормо́жен, затормо́жена, затормо́жено, 9) чу́чело, чу́чала, 10) иско́нный, иско́ни, 11) нано́сный, нано́сная, нано́сное, 12) те́плится, 13) украине́ц, украинка, 14) арбу́з, 15) па́губный, 16) кйвер, 17) и́рис, ири́с, 18) засаже́нный, 19) засне́женный.

2. 1) Харибдой, 2) делай, 3) отца, 4) работник, 5) морем бывал, 6) крепок, 7) брошен, 8) небитых дают, 9) кобыле легче 10) мать, 11) не перекрестится, 12) день ненастный, 13) небось, 14) сам не плох, 15) ножах, 16) любит, 17) нравы, 18) ветру, 19) горе, 20) воробьям, 21) объедешь, 22) откачало, 23) деньгам, 24) лучше, 25) уroda, 26) черти найдутся, 27) воды, 28) стерпит, 29) плаванье, 30) смолоду, 31) порок, 32) платят, 33) забывается, 34) рыба, 35) здоровую, 36) удила, 37) сладок, 38) червячка, 39) шесточек, 40) сердито, 41) на войне, 42) уши, 43) свое, 44) долбит, 45) приход, 46) меньшее, 47) бережет, 48) пропасть, 49) Бог дает, 50) капрал, 51) бурю, 52) глаз вон, 53) горячо 54) маток сосет, 55) свеч, 56) лес смотрит, 57) смело, 58) не поймешь, 59) помине, 60) бьют, 61) удал, 62) дорог, 63) молчит, 64) бежит, 65) не разевай, 66) угодишь, 67) лед, 68) будешь, 69) надейся, 70) сатана, 71) груди, 72) любовь, 73) кочерга, 74) малюют, 75) не ищут, 76) неволи, 77) горе, 78) с голоду, 79) горы.

3. 1) дня, сенокос, дом, родня, 2) года, 3) бабушкиных, родичей, знали, родном, 4) тоже, заранее, людей, расходов, доме, начинался, 5) коровы, мололи, копили, сметану, 6) подходил, шла, нашем, рук, кому, она, раньше, 7) праздником, оттого, годах, момент, бабушка, черты, терпения, 8) сидеть, земле, приходил, 9) курили, дружке, 10) вечер, разойдутся, молча, ищи.

ТЕСТ № 8

1. 1) боязнь, 2) творИтся, 3) перевезЕн/привезЕн, 4) дОро-
ги родИтелям, 5) обеспЕчение/изобретЕние, 6) азы, 7) собрАл-
ся, 8) была стремИтельна, 9) облегчИть сирОтам, 10) прибЫв-
ший осуждЕнный арЕстом, 11) благоприобретЕнные, 12) фрЕй-
лина, 13) шассИ, 14) цесарЕвич, 15) третЕй.

2. 16) чистый вес/общий вес, 17) отрешенность, самоуглуб-
ленность/второстепенные богини в древнегреческой мифологии,
18) совещание на высшем уровне/сорт твердой древесины,
19) птица, символ вечного возрождения, 20) выражение литера-
турное/народное/официальное/церковное, 21) фран./англ. выра-
жение праздничного концерта, 22) возвращение ценностей/указ
монарха, 23) отряд/хвост, 24) слово фран./фран./греч., 25) со-
кращено: средства массовой информации/ название СМИ на
Западе, 26) место казни/выводы, 27) точный перевод — «сло-
женный вдвое» (греч.)/суд, 28) в музыке: громко/тихо/быстро/
медленно, 29) император/мифическое существо: получеловек-
полулошадь, 30) актер без слов/служитель мечети.

31, 32 — М.Ю. Лермонтов
33, 34, 37 — А.С. Пушкин
35, 36, 45 — Н.А. Некрасов
38 — Э.А. Рязанов
39 — А.С. Грибоедов

40, 41 — А. Фатьянов
42 — Ф.М. Достоевский
43 — К.М. Симонов
44 — Козьма Прутков
46 — П.А. Столыпин

47) ученый, рассказчик, писатель; 48) поэтесса; 49) худож-
ник, писатель, искусствовед; 50) врач, ученый, 51) философ,
ученый, 52) писатель, драматург, 53) ввел Христианство на Руси,
54) великая русская актриса, 55) самозванец, убит под Калугой,
56) князь, сподвижник Петра I, 57) художник, 58) летчик, пер-
вым сделавший мертвую петлю, 59) художник, 60) выдающаяся
балерина, 61) поэтесса, 62) меценат искусств, 63) философ,
монах, ученый, 64) основатель Московского университета (вме-
сте с М.В. Ломоносовым), 65) коллективный псевдоним поэтов
А.К. Толстого и братьев Жемчужниковых, 66) писатель, журна-
лист.

Подробные данные о личностях нужно искать в словарях и
энциклопедиях.

ТЕСТ № 9

1) по-людский, 2) примерно восьми лет, 3) принять, 4) обеих, 5) вкладывать, 6) морщиться, 7) подпол, 8) под руки, 9) подсинить, 10) пúзо/пузán, 11) задали, 12) задался, 13) задохнулся/задохся, 14) начать/начал/начаться/начался, 15) продать/прóдал/продалá, 16) спáла/спалá, 17) с Борисом, 18) крóви/крóви/крóви, 19) дётям, 20) продавший/прóданы/проданá, 21) интересные для других людей/любопытные сами по себе, 22) нужно: без предлога «об» — в этом можно..., 23) больно/больно, 24) псевдоним, 25) обретение/обеспечение, 26) мизёрный, 27) насторожить, 28) коклюш, 29) диспансёр, 30) óтзыв/отзывáться, 31) óтзыв/отзывáть, 32) трапéза, 33) ругать (без СЯ): ругáла меня, 34) приведён приговóр, 35) закúпоривать, 36) диáлог, 37) настороженность/настороженный/насторожé, 37а) предсказáние предсказывание, 38) мáсло/маслá/мáсел, 39) красна девица/добрый молодец, 40) лучший, особый/столица Калмыкии/нетерпимый, сторонник крайних мер, 41) группа велосипедистов/ рисунок на природе/украшение из перьев, 42) условное обозначение/конец музыкального произведения, 43) кушанье тонкого вкуса/лживообещающий, 44) предшественник рояля/ноты, 45) длинная фраза, часть речи/плащ без рукавов, 46) великан/дворянское звание, 47) тройной/трехстворчатый, 48) сказочный карлик/музыкальный инструмент, 49) законный/охрана монарха, 50) тихо, 51) без пользы, 52) удивиться/ошибиться, 53) Иван Константинович, 54) Петр Иванович, 55) Семен Михайлович, 56) Климент Ефремович, 57) Александр Сергеевич, 58) Антон Иванович, 59) Георгий Константинович, 60) Василий Андреевич, 62) Александр Васильевич, 62) Иван Семенович, 63) Михаил Васильевич, 64) Михаил Илларионович, 65) Сергей Яковлевич, 66) Иван Владимирович, 67) Александр Николаевич, 68) Алексеевич, 69) Иван Петрович, 70) Александр Степанович, 71) Илья Ефимович, 72) Лидия Андреевна, 73) Николай Андреевич, 74) Леонид Витальевич, 75) Александр Васильевич, 76) Петр Ильич, 77) Василий Иванович, 78) Антон Павлович, 79) Федор Иванович, 80) Иван Иванович.

ТЕСТ № 10

1) побоязливее, 2) затёплится, 3) дороговизна, 4) смягчить, 5) проведена, 6) варёная, 7) суетный, 8) воспринимать, воспринял, восприняла, восприняло, 9) неприязнь, 10) кладбище, 11) одновременно и одновременно, 12) продать, продали, продал, продала, 13) внесённые, 14) вкúпе (в смысле — «вместе»), в купé (в смысле — «в отделении вагона»), 15) с глазу на глаз, 16) избалованный, 17) сторóнится, 18) кобёлъ, 19) острóта (в смысле — «шутка»), острóта (в смысле — «ножа» «положения»), 20) новорождённный, 21) кишкá, кишки, 22) создáть, сóздал, создадá, сóздало, 23) стáтус, статúт, 24) диспансёр, 25) ... катаньем, 26) ... огород, 27) ... алмаз, 28) ... натура, 29) ... неволи, 30) ... журавль ... небе, 31) ... прослезились, 32) ... отказываются (или — не уйдешь), 33) ... сладки, 34) ... не мазанное, 35) ... клубúк, 36) ... пожнешь, 37) ... груди (своей груди), 38) ... мудреца, 39) ... черту кочерга, 40) ... гуляй смело, 41) ... бело, 42) ... мало избранных, 43) ... землей (или — на два метра под землей), 44) ... помин

45) интересовался, исключение, знают, любил,

46) считал, нем, моих, этой,

47) я, теперь, новой, что, очень, только, продолжает,

48) моему, выражался, забыто,

49) заключалась, том, ней, любимого.

(Вопросы 45—49 взяты из книги: *Набоков В.В.* Дар. 1990, с. 133—134)

ТЕСТ № 11

1. 1) Божий дар, 2) сказочный город, 3) сияние, 4) веяние, дуновение, 5) музыкальная мысль, 6) смелость, 7) церковность, 8) половое влечение (лат.), 9) порвавший с миром, 10) оценка (лат.)/поручение, 11) резной слоистый камень для поделок, 12) победа 13) дающий/ принимающий, 14) солёное озеро в Латинской Америке, 15) рыба, упоминаемая Н.В. Гоголем, 16) «прекрасный» цветок, 17) класс моллюсков, 18) десять тысяч (греч.), неисчислимоe множество, 19) мифический искусный певец, 20) отделять/отделившийся.

2) 21) вероисповѣдание, 22) вѣрмут, 23) вѣрба, 24) моркóвь, 25) нáголó/нáзлó, 26) нагнóть/нагнутый, 27) нáглухо, 28) нáдвое, 29) надóлго, 30) лотó, 31) призýв, 32) переносить/перенесѣн, 33) экспѣрт, 34) знáмение, 35) дешевы/дешевá, 36) диоптрíя, 37) горíстый, 38) Общíна/Общíны, 39) кóзырь/кóзыри, 40) крапíва.

3) 41) Лжедмитрий II, 42) А.С. Пушкин, цыганки Тани, 43) Лицей, 44) Дмитриевны, 45) Петр I Великий, 46) на Куликовом поле, 47) вблизи Бородина, 48) Великое стояние между войсками Ивана III и хана Ахмата, завершившее татаро-монгольское иго на Руси, 49) Орден Святого Георгия I степени, 50) Золотая Звезда Героя Советского Союза с одновременным вручением ордена Ленина, 51) в 987—989 гг., 52) православную религию, 53) генерал-губернатор Санкт-Петербурга князь М.А. Милорадович, 54) Петр I, с 1-го сентября, 55) княгиня Екатерина Романовна Дашкова, 56) войну России, 57) фабриканта Алексева, 58) Малоярославцем, 59) Александр II, 60) Рокотова ... Струйская.

ТЕСТ № 12

1) 1) оговоренó, 2) сернiстый, 3) включiть, 4) одóбрено, 5) зардѣть/зардѣться, 6) бесóвщина, 7) договорѣнность, 8) положить, 9) граждáнство, 10) в этом убеждаемся, «об этом» — ошибка, 11) вкладывать ценности, 12) обострiть, 13) ... кáтань-ем, 14) ездим, ездят, ездáйте дальше, 15) набрáлся, 16) ... калечит, 17) подсинiть, 18) формировáть, 19) по-людскi, 20) с обеих сторон, 21) псевдонiм, 22) предсказáние, 23) мóлод, молодá, 24) два варианта: или — более молода, или моложе, чем ..., 25) гóлоден, голоднá, 26) запыхáться, 27) ... тетка, 28) ... учат, 29) впросак, 30) ... кормят, 31) ... выть, 32) ... шапка, 33) ... рога, 34) ... близки нам (*А.С. Пушкин*), 35) нáвзничь, 36) ... сойти с ума (*А.С. Пушкин*), 37) закúпорить, 38) играть роль, иметь значение, 39) неверное сочетание: пустырь всегда — голый, следовательно, пустырь (без «голый»), 40) трубопровóд, 41) ... вода не течет, 42) бóязнь, 43) творiтся, 44) прибýвший, 45) ... ягода, 46) ... жизнь (или — ремесло), 47) занáться, 48) пó двое, 49) пóрты, 50) избалóвана, 51) памятуя ó событии («за» сказать нельзя), 52) с бáнтом, 53) заражѣнная, 54) запáсник.

55) корней, 56) верность, 57) леность (или безделие), 58) Москва, Санкт-Петербург, 59) слов, 60) компромисс, 61) объяснение, 62) консерватор, 63) новатор, 64) абсурдной, 65) про себя а вслух, 66) несчастье, 67) масленица, 68) Волга, 69) скульптура, 70) художник, 71) стебель, 72) пора (А.С. Пушкин), 73) песен (А.И. Райкин говорил: без перьев), 74) нога, 75) армии, 76) ... французская, ... итальянская, ... немецкое, ... французский (армянский), ... русская, американская, ... английская, ... африканская, ... арктический (антарктический), 77) пчелка, 78) Буратино (попугай, мартышка), 79) мел (снег), 80) ночь (сажа), 81) война (Квазимодо, ужас), 82) Савраска (скороход, братья Знаменские, лось), 83) концов, 84) и пляски, 85) наказание, 86) дамы (солдаты), 87) дым (ветер, лед, спички), 88) кавалеры, 89) моя звезда, 90) взять, 91) брось, 92) голова, 93) медные трубы, 94) в море (на передовой, в пути, с нами).

ТЕСТ № 13

Все фразы и выражения этого выступления взяты из жизни. В этих восьми абзацах собраны наиболее существенные речевые ошибки, встречающиеся в наши дни в речи делового партнера (собеседника). Многократное перечитывание текста приводит нас к мысли о том, что:

- 1) в тексте много лишних слов, слов-паразитов, которые только затрудняют понимание смысла, например, «значит», «это», «так сказать», «понимаете», «понятно» и др.;
- 2) выражение «честно говоря» имеет смысл употреблять только в исключительных случаях, когда нужно подчеркнуть важность смысла фразы, в противном случае многократные повторения этого словосочетания превращаются в слово-паразит;
- 3) выражение «ради Бога» не имеет смысла употреблять «всуе», т.е. зря, не по назначению, что для человека верующего превращается в нарушение третьей заповеди из Нагорной Проповеди, а для неверующего — в обычное паразитическое выражение (см. п. 1);
- 4) в нашей речи есть два похожих выражения, которые на практике нередко употребляются неверно: «вкúпе» и «в купé». Первое означает — «вместе», «сообща» и имеет ударение на «у», второе — «отделение в пассажирском вагоне», ударение на

- «е». Следовательно, в данном случае нужно было бы сказать — «вкúпе»;
- 5) слово «профессионал», очень распространенное в наши дни в любой речи, имеет важную особенность: если употреблять его в первом лице единственного числа — «я — профессионал», то это звучит хвастливо, предпочтительно услышать его в третьем лице — «он — профессионал», когда о профессионализме человека говорит кто-то другой, даже третье лицо;
 - 6) глагол «ругаться» не может сочетаться с предлогом «на», он управляется винительным падежом: «он ругает (кого, что?) меня», наконец, в южно-русских говорах смешиваются глаголы «ругать» и «ругаться», поэтому можно думать, что наш оратор приехал в Подмоскóвье из районов России, сопредельных с Украиной;
 - 7) в тексте немало неверных ударений, которые на бумаге довольно затруднительно выразить: нужно говорить — «инженёры» (а не «инженерá»), «начáть» (а не «нáчать»), «углуби́ть» (а не «углúбить»), «приня́ть» (а не «приняты́»). Таких слов в тексте много;
 - 8) неверно склоняются числительные, нужно: «более двух миллионов, трех миллионов». Это очень распространенная ошибка в современной русской речи;
 - 9) «район» — понятие локальное, географическое, «грамм» — мера веса, поэтому в других случаях их лучше не употреблять: нельзя мерить рубли на вес, на расстояние по местности;
 - 10) глагол «извинять» использован в возвратной форме — «извиняюсь», т.е. «извиняю СЕБЯ». Такая форма широко используется в бытовой речи, но нежелательна для выступления с трибуны;
 - 11) формы «ежайте» (нужно «езжайте»), «взад» (нужно «назад»), «ихние» (нужно «их») характерны для малограмотной разговорной речи, не подходящей для делового выступления;
 - 12) все выступление указывает на слабую общую культуру оратора, о чем свидетельствуют весь тон, стиль, манера говорящего; его выступление невозможно исправить в целом: многие сочетания слов не поддаются корректировке. Например, если в первой строке можно исправить — «позволю», на «позволю себе», то как исправить такие слова: «я уже стихи выражаю»

или «займемся делами повсеместно». Такие обороты нужно вычеркивать и вместо неверного все писать заново. Например, так.

Выступление на собрании (вариант «Б»)

Я позволю себе потратить на сообщение две минуты, потому что знаю менеджмент и ценю работу фирмы в этом направлении.

Нужно послать ваши образцы в дирекции на местах и получить на них отзывы.

Это будет не возвращением к начальной стадии работы, а напротив, ее продолжением.

В кассе пусто и в результате придется закрывать филиал, объявив весь персонал «персонами нон грата».

Поэтому путь один — вперед и вверх, не смотреть назад, не надеяться на дядю, а только на себя, если мы считаем себя профессионалами.

Если есть вопросы, то я попытаюсь ответить на них.

Прошу остаться на несколько минут инженеров из отделов.

Наша цель — два-три миллиона, что и станет процветанием для фирмы.

Благодарю всех за внимание.

П р и м е ч а н и е. Предлагаемые исправления текста выступления являются примерными: можно все сделать иначе. Некоторые ошибки в тексте выступления не указаны вообще. Таким образом каждый любитель русского красноречия может продолжить работу над этим заданием в удобном для него направлении. Например, можно ли употребить рядом два слова «нежели» и «чем», хорошо ли звучит «скажу одно», а потом еще долго говорить о разных вещах и т.п. Таких примеров в тексте еще немало.

ТЕСТ № 14

Полные и подробные ответы нужно искать в специальных изданиях (словарях, справочниках). Здесь даны наиболее краткие их варианты:

1. 1) пронизательность/детский (детство), 2) охрана/судорога, 3) исправляющий/цена, 4) главный/словарь, 5) твердый/злой, 6) линейное рисование/специальный мягкий карандаш, 7) посыльный/специально, 8) синонимы слова — нелепость,

9) виды азбуки, 10) знак повышения/понижения/отказа в музыке, 11) в музыке: веселый/печальный, 12) имеют разное употребление в зависимости от сюжета, 13) младший/младший офицерский чин, духовой музыкальный инструмент, 14) католический храм, немецкая церковь, 15) чемодан/сундук, 16) ложь, отступление/духовный отец, 17) возвращение чужого имущества/залог недвижимости, 18) церковные должности, 19) настоятель монастыря/управляющий епархией (церк.), 20) выявление победителя/поиск истины/научное обсуждение.

2. 21) насторожить, 22) касающиеся, 23) трудящиеся, 24) одержана победа/достигнута вершина, 25) более понятно/просто/увлеченно, 26) квартал, 27) неприязнь, 28) взрывчатый, 29) примеров достаточно, 30) отнял/отняла, 31) обезумел/обезумела, 32) иначе, 33) засека, 34) лекторов, 35) на подушку, на спинку, на стенку, 36) кишка/кишки, 37) диалог/диалоги, 38) патриархия, 39) мышление.

3. 40) нам готовит, 41) нет добра без худа, 42) Царское, 43) танго, 44) вальс, 45) чай, 46) кофе, 47) морщины, 48) мандарин, 49) розовом коне, 50) момент, антракт, 51) на радио, на СМИ, 52) романс, 53) оркестр, штандарт, 54) как надо, хорошо, на пять, 55) без шипов, 56) да Марья, 57) умирать.

ТЕСТ №15

1. 1) формировать, 2) облегчить, 3) принять, 4) силён, 5) намерение, 6) прибывший, 7) призыв, 8) началась, 9) поняла, 10) молодá, 11) принявший, 12) вёрба, 13) инструмент, 14) искра, 15) арбуз, 16) простыня, 17) простыни.

2. 18) позволить: кому? Нужно: позволить СЕБЕ, 19) нужно: показывает, что (без предлога), 20) нужно: более двух миллионов трехсот тысяч, 21) нужно: лучше подготовлен чем ... Слова «нежели» и «чем» равны по смыслу друг другу, 22) время ПРОВОЖДЕНИЯ, 23) в прежние времена обращения «сударь» и «сударыня» не имели множественного числа, 24) первое слово по-французски, второе — по-русски: смешиваются два языка, 25) нужно: или — фирма более значительна, или — фирма значительнее, 26) Красный и Зеленый — объединение по цвету, Малый — по величине, следовательно — нет логики, 27) «банда»

не бывает «законной», 28) если «ленинец» неверный, то он не может именоваться «ленинцем», 29) лучше: были утопичны.

3. 30) смысл: ничего не случится, 31) погибшего/еды/крушения, 32) единый корень: «рос», «рус», 33) «акриды» — вид диких кузнечиков, упоминаемых в Библии, 34) преступление/сосуд особой формы, 35) оба выражения означают «сон-прогноз», т.е. то, что может сбыться, 36) выражение партийной принадлежности, 37) верящий в судьбу/ комедия/франт/судьба, 38) лучше это (малое), чем ничего, 39) начинать с самого начала, 40) не обращать внимание, 41) о ярком событии, сильной боли.

4. 42) селедка, остальные — животные.

43) Аполлон — древнегреческий бог, остальные — древнеримские.

44) гонг. Во всех остальных — две последние буквы расположены последовательно по русскому алфавиту.

46) Пароход. В остальных словах есть речевая связь с определенными нациями: педантичность — немецкая, уход — «по-английски», парфюмерия — французская.

ТЕСТ № 16

Вариант «А» содержит следующие нежелательные особенности:

- 1) элементы прямой грубости по отношению к контролерам и к начальнику со стороны говорящей и начальника — по отношению к ней самой;
- 2) массу ненужных слов-паразитов типа: «вот», «так сказать», «значит», «куда-то», «где-то» и пр., которые только запутывают смысл речи и должны быть выброшены из текста;
- 3) другие ошибки:
 - а) «честно говоря» не имеет смысла говорить по пустякам,
 - б) «в районе» — понятие географическое, неприменимое ко временным и прочим показателям,
 - в) «дамы» — по-французски, «господа» — по-русски, т.е. смешение двух языков, лучше — одним словом: «господа»,
 - г) «реклама» и «объявление» — слова синонимичные, лучше — одно из них,
 - д) нужно: «больше двух миллионов» или «более чем два миллиона»,

- е) без предлога следует употреблять глаголы:
 «показывает (что?)», «о том, что» — нельзя,
 «оплачивать ... (что?)», «оплачивать за ...» — нельзя, «платить за проезд ...» — можно говорить,
 «понимать ... (что?), — можно, «понимать о том, что...» — нельзя говорить,
- ж) «ради Бога», «слава Богу» и пр. не нужно употреблять «всуе»; т.е. зря, без серьезной надобности,
- з) «ихние» в литературной речи невозможно, нужно: «их часы»,
- и) «разбóстроенная», «разбóстроился» — неверно, нужно от глагола «расстроиться», т.е. без «О»,
- к) «прекрасно» не может быть с «очень», «обожать» можно человека и без «очень»,
- л) «ругать ... (кого-нибудь)», без предлога «на» и без частицы «ся»,
- м) нет глагола «лбжить», есть «положить»,
- н) «позволить ... (кому?)», в данном случае: «себе», т.е. «я позволю себе»,
- о) есть два верных варианта: или «более аккуратнó» или «аккуратнее», или: «нежели» или «чем»,
- п) нужно: «в тóфлях, с бáнтом», «дóговор»,
- р) для глагола «написать» — может быть «выше» или «ниже», для глагола «сказать» может быть «ранее» и «потом»,
- с) следует: «иду назад» и «думаю опять»,
- т) слова «зла не хватает» характеризуют несдержанность и агрессивность внутреннего мира говорящей,
- у) «одела (кого-нибудь)», например, «ребенка», «надела (на себя)», например: «шубу»,
- ф) форма «как бы» является условной, означающей, что на самом деле события не было, что оно кажущееся, «как бы» было.

Итак, перед нами образец речи, которая, к сожалению, встречается не так редко, как хотелось бы. Это, как правило, речь мало читающего, недостаточно культурного человека, безусловно не знакомого с элементарными правилами риторики, абсолютно не следящего за своей речью.

Если учесть все сказанное выше о лингвистических и иных погрешностях монолога, то, вероятно, эта речь могла бы более правильно прозвучать в следующем варианте «Б» (очевидно, что могут быть предложены и другие решения по исправлению указанных недостатков).

Вариант «Б»

Я сегодня встала в девять часов, пошла на кухню, а по радио говорят:

— Господа, прослушайте объявления! А я и подумала, что нужно иметь более двух миллионов, чтобы их слушать. Потом я приняла душ, посмотрела на градусник, который показывал мороз 20 градусов, надела шубу и побежала на остановку.

А в трамвае контролеры говорят:

— Пожалуйста, ваш билет. Оплачивайте проезд! Я ответила, что мой билет — вот он.

А сама посмотрела на часы, на их часы, поняла, что опаздываю. А тут все ругаются, толкаются, я едва вышла из вагона, пришла вся расстроенная, хотела начать печатать, а тут Зина звонит и говорит:

— Прекрасно, что ты не опоздала, а то Иван Иванович тебя ругает ...

Я трубку положила, пошла к начальнику, а он и говорит:

— Позволю себе заметить, что у тебя в печатании много ошибок. Договор испортила, а мне нравится, когда работу делают лучше, чем делаешь ты. Но об этом я скажу потом ...

Ну, я его уже не слушала, расстроилась совсем, расплакалась, пошла назад и опять подумала, что нужно менять работу, позволила себе пойти домой. Мне кажется, не прав он, мой начальник ...

Таковы основные особенности и недостатки этого учебного текста. Итак, если сравнить вариант «А» и «Б» этого текста, то видно, что «Б» короче, чем «А» почти в два раза,

- вариант «А» соответствует тому стилю, который принято называть «низким», а «Б» — хотя бы «средним», поскольку он не может претендовать на звание «высокого»,

- для того, чтобы не говорить, как наша «секретарша», нужно стараться говорить лучше, чем говорят окружающие нас люди,
- после прочтения варианта «А» трудно встать на сторону «потерпевшей» и посочувствовать ей. Вариант «Б» позволяет думать, что общая и риторическая культура говорящей находится в целом на достаточном уровне, а поэтому возможно, что «начальник Иван Иванович» поторопился со своим заявлением, которое должно было привести к увольнению секретарши.

ТЕСТ № 17

1. 1) оговоренó, 2) включи́ть, 3) дарова́ть. 4) обрете́ние, 5) серни́стый, 6) запасно́й и запáсный, 7) туфли ла́ковые, стол лакированный, но можно и наоборот, в зависимости от стиля изложения, 8) заржаве́ть, 9) несказáнно, несказáнный, несказáнная (радость), 10) догово́ренность, 11) близки́, 12) бли́зкие, 13) взры́вчатые, 14) избра́нник/избра́нничество, 15) бесóвская, 16) че́люстей, 17) два ра́за, 18) упрости́ть, 19) при́горшнями, 20) наложи́ть вето.

2. 21) от гл. — нача́ть, начина́ть, тот кто начинает, 22) от сущ. — рука, 23) фран. — начальник, глава, 24) англ. — хозяин, руководитель, 25) чрезвычайно запутанный узел, завязанный, по легенде, царем Фригии — Гордием, который Александр Македонский не стал развязывать, а разрубил мечом, 26) надгробное слово (надпись), 27) свадебная речь (песня), 28) от гл. — веда́ть (знать), 29) впереди сидящий, 30) лат. — сидящий впереди, председатель, 31) от франц. слова секрет — тайна, часто секретарь сидит за специальным столом, который по-французски называется секретер, 32) лат. — лицо докладывающее, консультирующее, 33) тот, кто замещает в отсутствие, 34) тот, кто советует, 35) тот, кто помогает, 36) принятые правила вежливости, 37) лат. — клеветнические измышления с целью опорочить, 38) лат. — речь, полная брани в конкретный адрес, 39) в греч. мифологии — чудовище с огнедышащей львиной пастью, хвостом дракона и козьим туловищем, теперь — несбыточная мечта, фантазия, 40) торжественная процедура вступления в должность главы госу-

дарства (от лат. — посвящая), 41) опытный оратор, красноречивый человек/тот, кто постоянно зол, злится, 42) растение, дающее зерно, хлебные злаки/место, где предаются кутежам, разврату, 43) часть пищевода, расширенная у птиц/архитектор, 44) змея, чудовище, летающая игрушка на нитке/искуситель Адама и Евы, «зеленый» — водка, 45) «ижица» — последняя буква старого русского алфавита, сделать выговор, обругать, 46) очень громким голосом, 47) слабый, хилый, вялый/житель острова Кипр, 48) звукосочетание, стройность в муз., согласие, мир/возлюбленный (ая), 49) поделочный ярко-зеленый камень/большая меховая шапка, широкая одежда без пояса, 50) двусторонний причал/полный поворот на одной ноге, 51) произносить звук «р» гортанью, 52) изображение хищной птицы/изыщество/горячий напиток из рома, воды, сахара/небольшая пещера, 53) станция для смены лошадей/еда, кушание, 54) край сцены/расположение предметов, точка зрения, 55) открытый пирог (с рыбой)/нелюдимый, угрюмый, 56) краснеть, резко выделяться, 57) кусок жареной говядины/то же, но в сухарях, 58) кусочки мяса, жареные в сметане/большая тяжелая лошадь, человек, 59) приятный, умиротворяющий, 60) большая сумма денег/несколько деревьев, 61) то, что ограничивает зрение/нарост на ноге птицы, выступ на сапоге, колесе, 62) охранник, специальный колокол/старые вещи, 63) толстый, полный, 64) пустые разговоры, болтовня, 65) порыв ветра/набор для плавки металла, 66) оборот языка, речи, в котором слова имеют новое общее значение/птица южных стран, в Египте является священной, 67) из муки высшего сорта, 68) целовать (ся), 69) внешний вид/лицо, наружность/обертка (для лекарства), 70) ложь, неправда/всегда и всех критикующий, 71) стремление отгородиться от любого влияния, 72) сторонник становления искусства ради искусства, 73) невосприимчивость к влиянию, право неподчинения, 74) о трудной, незадачливой судьбе кого-нибудь, 75) внушать, вызывать, подталкивать, 76) порочащее измышление, 77) освещение солнцем, 78) ступень в системе, 79) часть, ведающая хозяйством, снабжением в армии, 80) роль, качество, 81) ящичек для иконы, 82) лязгать, стучать, 83) распорядитель, руководитель, воинское звание в европ. флоте/ артиллерист, 84) органа/правительства, власти, 85) пастбище, 86) высший орган церкви, 87) употреблять с пользой, 88) обжорство, неумеренная еда,

89) специалист по изучению текстов/наука об изучении текстов, 90) право на интеллектуальную собственность: право автора распоряжаться своим произведением (для ученых, изобретателей, художников, конструкторов, дизайнеров, композиторов, писателей и других творческих личностей). Авторские права охраняются Законом Российской Федерации.

ТЕСТ № 18

1. 1) воспринять, 2) договорённость, 3) оговорённые, 4) роженица, 5) урбд, 6) взялись, 7) варёная, 8) копить, 9) азы профессии, 10) судя по ..., но судя (деепарич.), 11) кухонный, 12) присовокупить, 13) обесцёивание и обесцёение, 14) переходный/переходной, 15) гражданство, 16) несведущий, 17) украденная, 18) бомбардировать, 19) закорузлый и заскорузлый, 20) подъялся.

2. 21) Русь, 22) Москва, 23) пляска/песня, 24) стена/башня, 25) мост, 26) голос, 27) хор, 28) летопись, 29) точка, 30) трон, 31) огурец, 32) цветок, 33) океан, 34) автомобиль, 35) строй/полк, 36) парус, 37) цыпленок, 38) пустыня, 39) сад, 40) отец, 41) мать, 42) улица, 43) утро, 44) выставка, 45) лестница.

ТЕСТ № 19

1. 1) цветной, 2) извилистый, 3) пикантный, 4) четкий, 5) цирковой, 6) маленький, 7) большой, 8) пламенный, 9) едкий, 10) тяжелый, 11) косой, 12) ехидный, 13) далекий, 14) дальний, 15) красный, 16) армейский, 17) джазовый, 18) симфонический, 19) музыкальный, 20) отечественный, 21) боевой, 22) сельский, 23) ценный, 24) бесценный, 25) тонкий, 26) высокий, 27) рубленый, 28) чуткий, 29) вычурный, 30) темный, 31) тупой, 32) желтый, 33) прямой, 34) рваный, 35) парчевый, 36) длинный, 37) огненный, 38) плавный, 39) спокойный, 40) церковный.

2. 41) лат. — (о тЭмпора, о мОрэс!) — восклицание М.Т. Цицерона из его речи против Катилины, 42) итал. — хоровое пение без сопровождения музыкальными инструментами, 43) лат. — на выбор, свободно, по желанию, 44) франц. — в естественном виде, как создала природа, 45) лат. — живая вода, 46) лат. — до коих же

пор, наконец-то! (слова Цицерона, выражающие гнев и нетерпение), 47) лат. — волей-неволей, в любом случае, 48) франц. — идти ва-банк, идти на риск, рискуя всем на свете, 49) нем. — древнегерманское племя, которое в 455 г. захватило Рим и уничтожило множество произведений искусства, отсюда вандал — невежда, варвар, разрушитель культурных ценностей, 50) лат. — разнообразие, театр со сборной программой легкой музыки и танцев, 51) греч. — Ахилл, один из героев Гомера («Илиада»), у которого было единственное уязвимое место — пятка, следовательно, — слабая сторона человека, 52) итал. — легкость и красота пения, 53) лат. — повторять (чаще всего музыкальный номер), 54) франц. — в точном переводе «цыганский», иносказательно — легкомысленный образ жизни, 55) лат. — неизвестная земля, неизведанная область, 56) лат. — «за алтари и очаги» (слова Цицерона о войне за свою родину), 57) франц. — свидание, встреча, 58) франц. — ресторан или кафе с концертом (танцы, пение, музыка), 59) нем. — пушкарь, артиллерист, 60) франц. — танец с высоким выбрасыванием ноги, 61) франц. — точный перевод «поцелуй», легкое пирожное из взбитых яичных белков с сахаром, 62) греч. — легкий западный ветер, теперь — сорт пастилы, 63) быть высокомерным, 64) греч. — специалист по собакам, 65) греч. — специалист по Китаю, 66) оптОвые постАвки — массовое снабжение (но Оптом), 67) распространенное восклицание в бытовой речи, как правило, не связанное с религиозными устремлениями, 68) просьба, характерная для верующего человека, 69) лат. — пока дышу, надеюсь, 70) лат. — закон суров, но это закон, 71) чрезвычайные, непреодолимые обстоятельства, не зависящие от человека, 72) лат. — учитель сказал! это сказал учитель! (Ссылка на абсолютный авторитет учителя, как на одно из доказательств в споре, впервые относилось к Аристотелю, его авторитету и его учению), 73) лат. — в мифологии богиня слепого счастья, изображалась с повязкой на глазах, с рогом изобилия в руке, из которого сыпались всевозможные блага на человека, 74) лат. — óмниа м́а м́кум пóрто — изречение древнегреческого мудреца Бианта, но не в том смысле, что у него мало вещей (как это теперь принято считать), а в том, что истинное богатство человека заключается в его внутреннем содержании, 75) франц. — с глазу на глаз, наедине, без свидетелей, 76) лат. — следует выслу-

шать и другую сторону (одно из основных правил для юристов Древнего Мира), 77) лат. — с позволения сказать (обычно используется с оттенком иронии, насмешки над оппонентом или над его высказыванием).

3. 78) да около, 79) доброй ссоры, 80) средства, 81) норов, 82) потемки, 83) не утаить, 84) загреть, 85) доведет, 86) то пропало, 87) коне — легче, 88) откачал, 89) куличиках, 90) велики, 91) ступе, 92) не ржавеет, 93) удал, 94) равны, 95) огород, 96) потоп, 97) стоит, 98) издалека, 99) сломит, 100) всех пороков.

ТЕСТ № 20

1. 1) комната, 2) писатель/художник, 3) лес/бор, 4) забор, 5) орел, 6) дни, 7) холодный, 8) черный, 9) скользкий, 10) белый, 11) красочный, 12) вьющийся, 13) обеденный, 14) мраморный/деревянная, 15) ветренный, 16) сырой, 17) явка, 18) лампа, 19) утка/гусь, 20) страус.

2. 21) была местность, 22) картину, 23) берегу, 24) нас, котомкой, 25) он, перед, 26) ног, полна, воды, 27) вода, вниз, 28) спины, положил, крестным, 29) колени, руками, 30) грудью, пить, 31) одна, одно, искусства, такого, 32) теплые, над, еще, 33) не было, 34) старому, 35) ужину, 36) делать, 37) окошечко, 38) подсолнечные, 39) поужинали, 40) под, к, на, 41) кухни, 42) двору, собак, 43) мимо, 44) нее, низко, 45) вдруг, от, 46) сидел, небольшого, — смуглый, баками, волосах, губы, ноздри, сверкая, 47) спросил, хорошенько, не, сделал, глаза, ведь, 48) впрямь, пошаженный, своего, рука, маленький, «Нулина» «Ночи», 49) встал, блеском, глазах, вышел.

ТЕСТ № 21

2. Примерный план выступления об истории Лжедмитриев на Руси:

История Лжедмитриев на Руси

Введение. Конец династии Рюриковичей

Лжеличности на Руси были весьма распространены:

Лжедмитрии, Лжеиоанны, Лжеконстантины, Лжепетры

- I. История гибели сына Ивана IV Грозного младенца Дмитрия в Угличе (неосторожность/заговор).
Точка зрения А.С. Пушкина по этому поводу.
- II. Лжедмитрий I (Григорий Отрепьев), связь с арианами (ересь), редкие личностные способности, опора на поляков, убит в Москве 17 мая 1606 г.
Марина Мнишек, патриарх Гермоген (ум. 17 февр. 1612 г.)
- III. Лжедмитрий II (Матвей Веревкин или Богдан Шкловский), идеи иудаизма, отсутствие идей и способностей, опора на поляков и казаков, убит в Калуге 11 декабря 1610 г.
Марина Мнишек, Иван Болотников (?— 1608).
- Заключение. Начало династии Романовых, но до того: Лжедмитрий III (в Пскове, Матюшка-Сидорка).
Причины появления Лжедмитриев, «семибоярщина».
Смутное время на Руси, «нестроение», шведы.

К этому примерному плану можно приложить краткий список рекомендуемой литературы:

1. *Пушкин А. С.* Исторические заметки. — Л., 1984.
2. *Эйдельман Н.* Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. — М., 1984.
3. *Зажурило В.К.* и др. Пушкинские места Ленинграда. — Л., 1989.
4. *Скрынников Р.Г.* Святители и власть. — Л., 1990.

Список можно продолжить. Тема трудна, ее можно облегчить по желанию говорящего, выбрать такие факты и связи между ними, которые отвечали бы подготовленности оратора и его аудитории.

Все другие вопросы теста № 21 могут быть подготовлены изучающими риторiku самостоятельно. Но в любом случае при подготовке к выступлению речь должна идти не только о том, *что* сказать аудитории, но и (непременно!) — *как* лучше это сделать.

Примечания к краткой родословной русского Великого княжения

1) В родословной показаны три раздела:

- I. Рюриковичи
 - Киевское княжение
 - Московское княжение
- II. Период смуты
- III. Династия Романовых

ТЕСТ № 21

**Краткая родословная
русского Великого Княжества (862—1917)**

I. РЮРИКОВИЧИ

Киевское княжение

Рюрик (862—879)

Олег (879—912) — родственник Рюрика, правитель страны, воспитатель Игоря, герой «Песни о вещем Олеге» А.С. Пушкина

Кн. Игорь (912—945) = кн. Ольга (945—964)

↓
кн. Святослав I (964—972)

↓
В. кн. Владимир I (Святой, 969, 980—1015)

↓
В. кн. Ярослав (Мудрый, 1019—1054)

↓
В. кн. Всеволод I (1078—1093)

Гита (дочь англ. кор.
Гарольда)

= В. кн. Владимир II (Мономах, 1113—1125)

↓
Мстислав (Великий)
(1125—1132)

↓
В. кн. Всеволод II (1139—1146)

↓
Юрий Долгорукий (1155—1157)

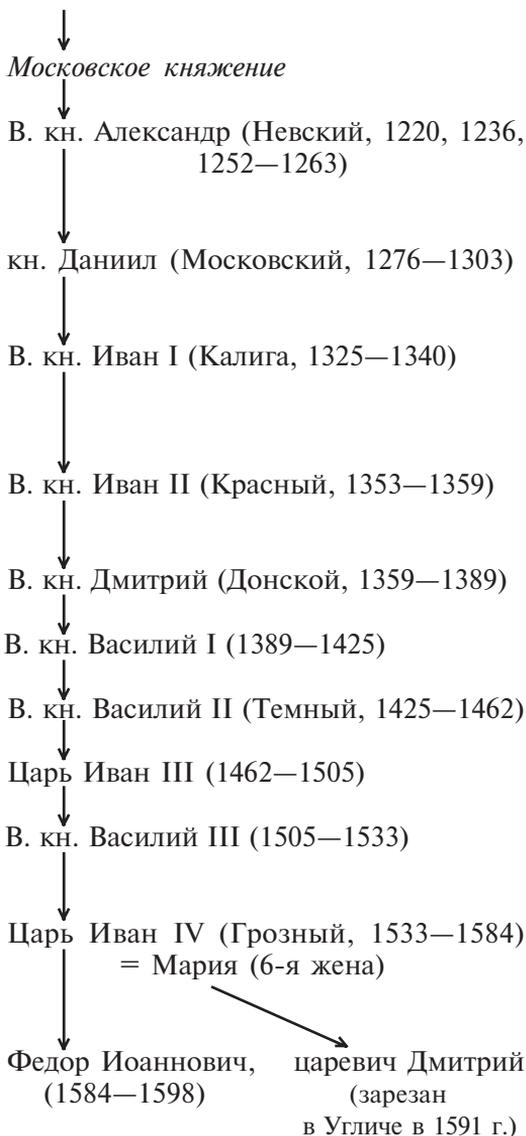
↓
В. кн. Всеволод III (Б. Гнездо, 1176—1212)

↓
Ярослав (1236—1238)

ЭКЗЕРСИСЫ

**Конец
Подкарпатской Руси**

Конец династии Рюриковичей

ТЕСТЫ/ОТВЕТЫ

II. ПЕРИОД СМУТЫ

Царь Иван IV (Грозный, 1533—1584) =
Романова Анастасия (первая жена)

Ее брат Никита
Романов

Конец династии Рюриковичей

Царь Борис Годунов (1598—1605)

Царь Федор Борисович
(апрель—май 1605)

Лжедмитрий I (1605—1606) —

Григорий Отрепьев (убит в Москве)

Царь Василий Шуйский (1606—1610)

Лжедмитрий II (1610) — убит в Калуге

Семибоярщина (1610—1612)

(Лидер Ф.И. Милославский)

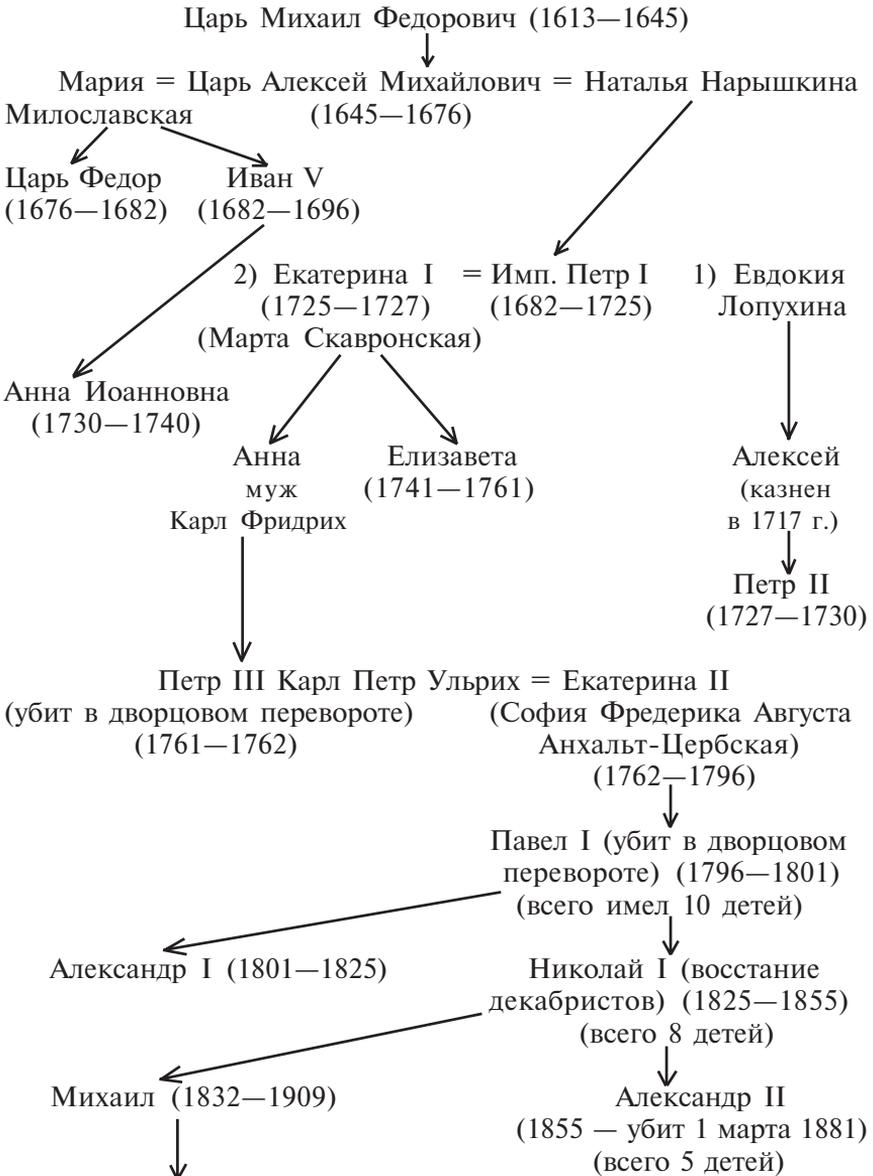
Федор Романов
(в пострижении
Филарет — митрополит, отец
первого царя из
дома Романовых
Михаила Федоровича)

Конец периода смуты на Руси

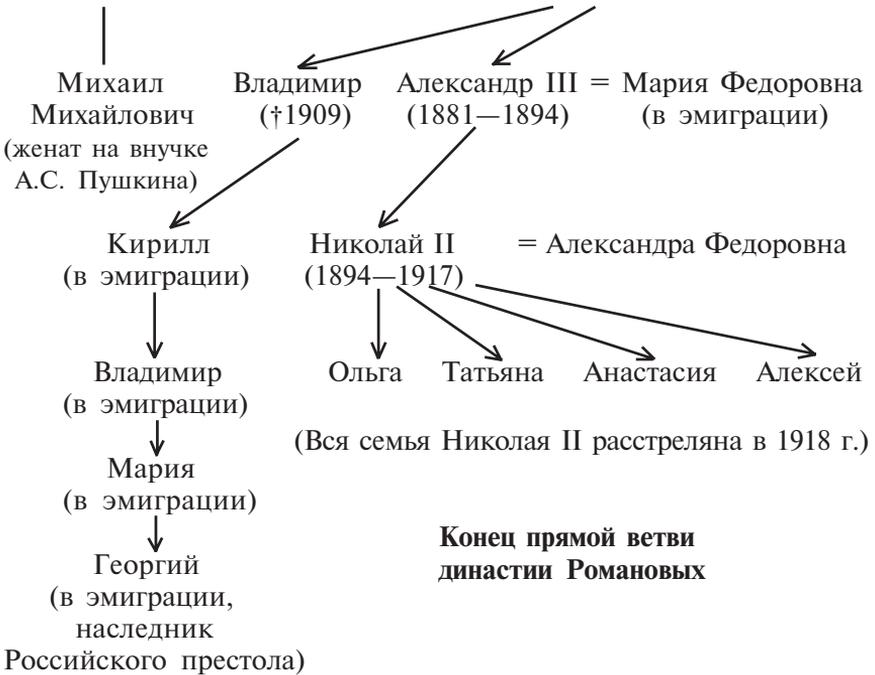
Начало династии Романовых

III. ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ

ТЕСТЫ/ОТВЕТЫ

- 2) В скобках даны для общей ориентировки годы правления (смерти — со знаком †). Например, царь Иван IV Васильевич Грозный родился в 1530 г., вступил на престол в 1533 г., и обе даты нередко даются в разных источниках как взаимозаменяемые. У Вел. кн. Владимира (Святого, Красного Солнышка) год рождения неизвестен, княжение в Новгороде с 969 г.; в Киеве — с 980 г. Какую из этих дат брать за основу?
- 3) В краткой родословной Великого княжения представлены только наиболее близкие и прямые потомки обеих династий.
- 4) По велению царя Василия Шуйского, дабы прекратить появление самозванцев, выдававших себя за убиенного царевича Дмитрия (Дмитрия), его святые мощи были перенесены из Углича в Москву в Архангельский собор 3 июня (по ст. ст.) 1606 г., но появление новых Лжецаревичей не прекратилось.
- 5) Краткая схема, помещенная на этих страницах, является подсобным справочным материалом в рамках нашего пособия и не претендует на сколь-нибудь значительную историческую полноту по личностям и по хронологии.

Пример 1. Знаменитый на Руси и до наших дней Александр Ярославич Невский (1220—1263) был князем Новгородским в 1236—1251 гг., Великим князем Владимирским с 1252 г. На Москве формально не княжил, но стал, по сути, основателем Московского княжества через своего сына Даниила Московского. Александр Невский включен в нашу схему.

Пример 2. Брат Александра Невского Андрей был женат на дочери князя Даниила Романовича Галицкого, которую звали Доброслава, а дома — Дубравка. Ее брат Шварно со временем стал князем Литовским. Отец Доброславы, Шварно, Льва и Романа — Даниил Галицкий получил в 1254 г. титул короля от римского папы. Все Галицкие упомянуты в нашей схеме, а Андрей Ярославович — нет. Но от брака Андрея и Дубравки пошел род князей Шуйских, а представитель этого рода кн. Василий Шуйский стал царем на Москве между Лжедмитриями I и II. С детьми Даниила Галицкого кончилась история Подкарпатской Руси. Началась история Западной Украины.

- б) Читатель, интересующийся художественной исторической литературой, Подкарпатской Русью, в частности, может обратиться, например, к таким источникам: *Югов А.* Ратоборцы. — Л.: Лениздат, 1983; *Хижняк А. Д.* Галицкий. — М.: Панорама, 1991 и др.

ТЕСТ № 22

1. Ответ может быть построен по следующему плану.

Оценка трех эпитафий

Введение

Можно сказать о причинах, которые привели оратора к этому выступлению: общее согласие (несогласие), новые добавления, которые оратор хотел бы предложить... (и т.п.).

- I. Из трех цитат можно полностью согласиться со следующими (только с некоторыми), потому что они... (далее идут конкретный анализ, сопоставления, рассуждения и пр.).
- II. Из трех цитат совершенно нельзя согласиться (частично нельзя согласиться) с тем, что... (далее система доказательств, конкретных примеров и т.д.).
- III. Могу предложить следующие уточнения (добавления, сокращения, оговорки) к некоторым цитатам (указываются их номера) и пр. согласно мнению говорящего...

Заключение

Содержание Заключения может полностью зависеть от самого говорящего, а поэтому не будем пытаться предвосхитить его мысли, слова.

Остальные вопросы задания не станем комментировать, поскольку ответы на них могут быть столь разнообразны, подход к ним настолько личностным, что всякая попытка прогнозировать ответы окажется мало продуктивной.

Следует тем не менее заметить, что торопливость в подготовке планов таких ответов не приведет к добру: нужно время, чтобы начинающий оратор осознал учебный материал хрестоматии, вместил в себя перлы ораторского мастерства, в ней представленные. Тогда можно будет надеяться на успех.

ТЕСТ № 23

Вопросы 1, 2 и 3 объединяем, чтобы наметить схему подготовки плана возможного ответа. Пункты плана могут быть сходными, а вот наполнение каждого пункта, естественно, не может быть идентичным.

Примерные пункты плана

(точное наименование темы, чем более кратко, тем лучше, а лучше всего — одним или двумя словами)

Введение

(объясняются причины выступления, наименование произведения, указываются автор, исходные данные и пр., каждый говорящий может придумать для себя подходящее объяснение и пр.).

- I. Перечисляются все те «плюсы», которые можно, по мнению говорящего, обнаружить в материале, подвергаемом анализу (рецензии, оценке). Перечисление идет по принципу: самое главное ближе к началу, все второстепенное — ближе к концу. Очевидно, что мнение говорящего должно сопровождаться примерами из анализируемого произведения. Если речь идет о том, что «это хорошо», то лучше повторить ту мысль (пассаж, факт, пример и пр.), которая привела говорящего в состояние восторга. Нередко бывает и так, что аудитория не соглашается с оратором, выясняется, что то, что его привело

в экстаз, на других людей подействовало в противоположном плане.

II. Перечисляются все те «минусы», которые, на взгляд оратора, снижают общее хорошее впечатление от произведения.

Здесь следует повторить те же требования, что и в п. I: нужно постараться показать и доказать, что говорящий не ошибается, полагая нужным выставить «минус» за конкретные стороны оцениваемого произведения.

III. Можно сосредоточить пожелания автору рецензируемого произведения (устного или письменного). Возможны любые пожелания (предложения, даже, может быть, замечания), если они отвечают двум требованиям:

- а) высказаны в уважительной форме, не обижают (тем более не оскорбляют) говорящего (оратора),
- б) доказательны по своей сути, если критика опирается на факты, не мелочна, не обоснована стремлением свести счеты и т.п.

Заключение

(Могут быть разные варианты, поэтому не будем их прогнозировать. В любом случае следует подвести итог сказанному, который можно начать словами: итак..., подведем итог..., суммируем сказанное..., повторим главное..., что же у нас получилось в итоге..., подведем черту... — и т. п.).

В определенной степени эти положения (после необходимых исправлений, изменений) могут быть использованы для всех вопросов теста № 23. Но поскольку составление плана выступления, наполнение его пунктов конкретным фактическим (теоретическим и практическим) материалом — дело в высшей степени творческое, то не будем больше ограничивать у желающих творческое профессиональное ораторское начало и закончим этим наши методические и иные рекомендации.

Как сказано, терпение и труд — все перетрут.

ТЕСТ № 24

Точный ответ на каждый из вопросов этого задания невозможен, ибо всякий желающий может найти для него свои собственные резоны и поля аргументации. Поэтому ограничимся лишь

некоторыми предположениями, которые, может быть, могут стать интересными для тех, кто хотел бы заняться подготовкой ответов на данные вопросы.

1. «Господин товарищ прокурора» — тип кабинетного ученого, весьма успешного в учебе и в науке, но, может быть, именно поэтому не знающего реалий жизни вообще и жизни народа, реальной жизни в частности.

Его отношение к происходящему усугубляется еще и тем, что его подсудимая из тех слоев общества, с которыми он не соприкасается, он относится к ней предвзято, на основе всех тех теоретических посылок, с которыми он хорошо знаком, и которые в изобилии присутствуют в его прокурорском выступлении:

- а) именно поэтому он пытается говорить умно, многословно, длительно, со многими экскурсами в области, сопредельные с его темой, пересыпая свое выступление научными и другими подробностями;
- б) именно поэтому он «доволен собой», «речь его лилась, не умолкая», он говорил «то нежным, вкрадчивым голосом, то деловым тоном», да еще к тому же делает он все это «грациозно извиваясь тонкой талией», и иногда что-то записывал у себя в бумагах, «с презрительным удивлением» пожимая плечами.

Перечень выписок из текста Л.Н. Толстого по пунктам а) и б) можно продолжить.

- в) ответ на этот вопрос может быть связан с тем, что кабинетный ученый, оторванный от жизни, сталкиваясь с ней, проявляет себя таким образом, что не отличается ни умом, ни сообразительностью: хорошо зная «римские сервитуты», он не понимает подсудимых, не интересуется ими, да и не хочет ими заниматься. Впрочем, он не входит в интересы и других участников судебного заседания: председателя суда, его членов и пр.

2. Отношение Л.Н. Толстого к происшедшему с Катюшей Масловой заслуживает отдельного разговора, но последние слова в приведенном отрывке говорят сами за себя: «Маслова же ничего не сказала». А защитник ее говорил «робко, запинаясь...» да еще «мямлил о жестокости мужчин...»

В отрывке даны характеристики другого адвоката и некоторых членов суда, которые можно найти по тексту.

3. Отношение автора «Воскресенья» ко всей гамме показанных им событий заслуживает тщательного и подробного описания, но может быть концентрировано в предпоследнем абзаце всего романа (который не вошел в наш цитируемый отрывок). На самой последней странице романа, в частности, сказано, что люди живут *«в нелепой уверенности, что мы сами хозяева своей жизни, что она дана нам для нашего наслаждения. А ведь это очевидно нелепо. Ведь если мы посланы сюда, то по чьей-нибудь воле и для чего-нибудь. А мы решили, что живем только для своей радости, и ясно, что нам дурно, как будет дурно работнику, не исполняющему воли хозяина. Воля же хозяина выражена в его заповедях»* (с. 455).

Прервем цитату Л.Н. Толстого. Желающий может ее продолжить.

4. В романе Л.Н. Толстого, названном им не без тайного умысла «Воскресеньем», сконцентрированы все аспекты «коммуникативной триады»: логики, риторики, этики. В тексте романа много примеров, демонстрирующих самолюбование товарища прокурора, неуважение к составу суда и к подсудимым, неуважение к нему со стороны председателя и членов суда.

У товарища прокурора речь засорена словами-паразитами: «если можно так выразиться», «так сказать» и др. Только во втором абзаце его речи «так сказать» упомянуто два раза.

Подробный анализ отрывка не входит в задачи нашего задания, но комментарии, о которых речь шла выше, помогут, возможно, тем, кто попытается повысить свое ораторское мастерство, проделывая указанные методические и риторические рекомендации.

Следует добавить, что внутри цитируемого отрывка есть некоторые сокращения, которые сделаны с целью уменьшения цитаты, и которые обозначены знаком <...>.

В основу плана для ораторского выступления по этим заданиям можно взять вопросы данного теста.

Второй вариант может подготовить для себя сам потенциальный оратор, сообразуясь со своими собственными мнениями по этому поводу.

ЦИТОНЫ

Такого слова в словарях нет. Что такое «цитаты» знают все, а «цитон» (мн. ч. — цитоны) — это цитата, содержащая в себе ошибочные, смешные, неверно сформулированные мысли, произнесенные на экзаменах и зачетах по различным учебным предметам вузов гуманитарной направленности.

ЗАДАНИЯ

Прочитайте цитоны и, посмеявшись над их формой и содержанием выполните следующее:

1. Объясните содержащиеся в цитонах ошибки.
2. Сформулируйте верный вариант того, о чем идет речь в цитоне.
 1. Можно сказать, что педагогика — это список мыслей и практики. А если более грамотнее сказать, то без нее воспитывать детей в школе нельзя, но если дома и родители, то можно.
 2. На ваш вопрос я обратно говорю, что новые исследования в педагогике, которые называются новациями, всегда дают учителю что-то новое, чего он раньше никогда не встречал в коридорах школы.
 3. Автор позволил заметить, что история не учит так, как должен учить учебник потому, что они говорят про разные вещи.
 4. Что основное в продукте питания, на стол когда ложат? Ну, там хлеб, ну, там картошка, мясо, а еще? А еще соль и сахар, так сказать. А бананы и чай нам нет нужды производить.
 5. Закончив институт, учитель начинает, так сказать, лучше, как бы, понимать, я бы сказал, соль жизни, и понимать, значит, что она, вобщем-то, скажем так, — не сахар.

6. Есть вопросы, которые сильно в педагогике вспучились. Например, половое воспитание, про которое нельзя сказать, что оно сексуальное, потому как оно неправильное и идет не туда.
7. Падение по наклонной плоскости начинается с недостатков воспитания для детей и для их родителей, но не для школы.
8. Музыкальная классика, так сказать, плохо воспринимается потому, что в ней нет современных танцев, а певцы должны иметь голос, а, так сказать, не кричать.
9. Я в детсадишке работаю. Один мальчик говорит, что иностранные мультики лучше русских потому, что там чудовища выходят прямо из стены, всех бьют, а потом опять уходят в стену, как его папа.
10. Этот вопрос не повлечет перед собой успехов, а кто не верит, пусть попробует повлечь их перед собой хоть куда-нибудь, и увидит.
11. Все, значит, рыцари обычно были неграмотными, и от них требовалось, чтобы они всегда, как говорится, жили со своими дамами, а в походе — со своим оруженосцем и с конем.
12. Оруженосцы не сражались с врагом, а только ухаживали за конем рыцаря и за его дамой и чистили ихнее оружие и сбрую.
13. Рыцари хотели захватить Гроб Господен и сделать из него место для своего пользования всегда.
14. Рыцарь в латах железных и с мечом, щитом, каской становился очень тяжелым, и сам ничего делать не хотел, за него все делал оруженосец, поэтому их иногда было несколько или много.
15. Конь рыцаря имел особую породу, он назывался «скакун», так как мог скакать вперед и назад, долго не уставая.
16. Рыцарство состояло из четырех человек, которые всегда были вместе: рыцарь, дама, оруженосец и конь.
17. В.И. Ленин, которого в детстве звали Володя Ульянов, закладывал новое государство по своей воле, но не успел, умер, а СССР развалился.
18. Ян Амосович Коменский был великим педагогом всего педагогического мира, но особенно чешского, потому что он говорил по-латыни.

19. Дети в наше время часто бывают бестолковыми, но физического наказания использовать к ним, значит, все-таки, нельзя, а нужно много раз долбить им одно и то же на словах.
20. Воспитание и образование в школе должно преподаваться одновременно, но не так, как в капиталистическом обществе. Они так преподаются вместе, а нужно одновременно. В этом и есть главное различие, которое выдвинуло советскую школу вперед.
21. Учитель должен учить ученика, а если он не хочет, то заставляют, а потом идти к родителям, директору, в милицию или в спортивную школу.
22. Девочки попадали на учение не сразу, а после проверки их сословия, сказок Пушкина, пения, танцев, швейного дела и Закона Божия, но обязательно отдельно от мужчин.
23. Учитель должен работать так, чтобы быть противостоянием для неграмотной пошлости и других школьных безобразий.
24. Женщине раньше не давалось, так сказать, образование, они жили в специальной комнате для женщин и никуда не ходили, а все приходили к ним по мере надобности.
25. В Риме к детям нанимали няnek, которые хорошо говорят, их называли «риторами», и таким образом образовывали своих детей.
26. Есть такие родители, которые очень изнеживают ребенка, а нужно воспитывать его, ну, на, скажем, морозе жизни.
27. Учителя в эти годы были видные деятели, но поэтому гонимы государственной политикой.
28. Учителя в России были попами или писцами. Иногда они были обучены за границей, и даже сами были непосредственно иностранными мастерами своего дела. Но Петр I выдвинул на эти места русских недорослей, которые потом стали студентами и даже репетиторами для своей молодежи.
29. Дворянские школы в XVIII в. процветали, а все другие вели себя жалко, потому как не могли изучать родную традицию без затратных ассигнований.
30. Циолковский был ученым физико-математических наук. Поэтому провел большую, значит, жизнь и всегда наблюдал за определенными предметами. Совсем не давал нужного ответа, а ждал, вот, его в общем-то от своих учеников.

31. Обучение детей проходило в духе радостного добродушия и детского веселья и непосредственности для филантропического выхода идей.
32. Есть много умных русских поговорок, например, «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива», которая означает, что некрасивым людям лучше на себя в зеркало не любоваться.
33. Никто не может знать, что будет завтра, потому что хоть не все дураки, но для всех завтра будет темно, а когда станет светло, то уже надвинется новое завтра, которое послезавтра сегодня.
34. Хоть большое влияние играла цель эта, но правительством предложение это не одобрилось.
35. Рыцарь должен управлять конем, копьём и дамой.
36. Тут появляются передовые деятели, которые начинают бороться с этим мракобесием.
37. На стенах нужно написать цитаты, и таким образом дети ходят и сами собой как бы обучаются.
38. В медресе готовили учителей-священников и общих людей.
39. Конфуцианство несло положительное положение, а потом превратилось в формализм поверхностной сути идей.
40. Раньше церковь занимала значительное значение в школе.
41. У Екатерины II увеличилась тяга к укреплению своего строя.
42. Дети дворян и крепостных крестьян обучались на дому в своих особенных классовых условиях.
43. Белинский высказывал ценные мысли и писал разные учебные труды о воспитании, которые, как он много раз сам подчеркивал красной нитью, будут дальше развивать и будут полезны для детей.
44. Но не все девочки были удостоены этого права, т. е. поступать в женское образование, что пришло в противоречие с жизнью и ее путем общего образования для подростков женского рода.
45. У ребенка вся информация передается в мОзги, и он понимает ее или не понимает, но передает в действия ему подходящие, и здесь нужна хорошая педагогика для передавания действиям этим наибольшего значения (в слове «мозги» — ударение на букве «о»).
46. После окончания школы Базедова дети получали специальность гувернера, акушера или археолога, а потом они со-

- противлялись суровым телесным наказаниям за плохие успехи в обучении.
47. В процессе труда дети как бы облагораживаются, поэтому их нужно заставлять трудиться упорно и каждый день.
 48. Господствующее правительство видело в классовом образовании предохранение от марксизма и революции и везде обучало молодежь латинскому и другим языкам. Потом выяснялось, ему не помогли это, и марксизм победил.
 49. Комплексная программа образования состоит из кусочков разных предметов и труда, который тоже учится как предмет.
 50. После свержения Павла I приходит Александр I и сразу обещает школьную реформу, так как народ выражал недовольство, потому что профессорский состав не выбирался, а назначался сверху, а народ хотел получить образование, а не обещания.
 51. Дворяне всегда привыкли к льготам и учились в лицее, а не в школе.
 52. Мы перед вами низко извиняемся, а если согласия нет, то извиняемся еще ниже.
 53. Кира Муратова, как говорят, самый загадочный режиссер нашего кино, но в ней, вобщем-то, нет ничего загадочного, просто в ней претенциозный шок, который можно назвать «киношок».
 54. Честно говоря, во всех новеллах автор выводит как бы маньяков, но каждому влаживает в голову оправдательные замашки, хотя они всем как-то досаждали, но говорили, например, «миришь, миришь и больше не дерись».
 55. Лидер ЛДПР сказал, что в 1997 г. все женщины должны забеременеть, а все мужчины — вступить в его партию. А я думаю, что первое — аморально, а второе — безнравственно, или наоборот, потому что это агрессивное насилие и спланированное заранее посягательство на личную партийно-половую свободу человека.
 56. Трагизм положения заключается в том, что из этого трагизма нет выхода, а если кто-нибудь и найдет, то будет еще хуже, и это будет большой самый трагизм.
 57. Кариес — это такая зубная боль, при которой ничего нельзя есть, а нужно все время чистить зубы.

58. Президиум тихонечко покинул работу съезда, и все остались без ничего, потому что контакта не нашлось ни у кого, ни тут, ни там.
59. Книга — это пища для сердца и ума, но для живота она не помогает, потому что ни варке, ни жарке не поддается.
60. Нужно найти у себя смелость для того, чтобы работать юристом или раскрывать глаза — свои и другие — на окружающую вокруг нас обстановку, которая по-научному называется дизайн.
61. Как это получается, что сейчас школе не дают много учебников, если их мало выпускают, нет, значит, денег, что ли. Это можно сравнить с тем, что ученику не дают глоток воздуха, говорят, заплатить сначала нужно. Теперь уже даже мне нечем дышать от таких фактов.
62. Теперь такая реклама ужасная, например, «лучше средства не ищи, если выросли прыщи». Если бы прыщи знали, сколько эти средства стоят, они бы сами скончались от ужаса.
63. У некоего героя произведения уже вырос некий животик, а он, конечно, очень здорово у них, у ребят пытаются всех воспитывать, короче, нужно быть рядом с поколением, и это лучшее воспитание. Это Тимур, с его командой, но нет у них, конечно, правды современной жизни. Ни у команды, ни у этого, значит, авторитета.
64. Передовые учителя нам подсказывают: что-то как-то на уровне где-то детям как бы объяснить и можно. Но осторожно. А то может получиться некая неконструктивная активность.
65. Но нам как бы не совсем ясно, какими это, значит, вот, словами и, конечно, методами лучше воспользоваться из нашего, само собой, арсенала в резерве мысли и, конечно, опыта практики.
66. Алкоголизм — это такая болезнь, которая, так сказать, сказывается в большой интоксикации и, значит, в наличии социальных, вот, так сказать, конфликтов. А выпитый уже алкоголь может даже достаточно вернуться, вот. Он может даже иметь также свое поведение, до некоторой большей степени.
67. Учебник написан неустойчиво, но с уклоном мысли, которая тянет на судебный произвол, хотя адреса точного в нем нет.

68. Я могу эту цитату вспомнить наизусть и сказать вслух, которая чудно разрешает проблему вопроса.
69. Тут есть одна третья сторона, которую нам еще предстоит узнать. Тем не менее, хотя, конечно, приносит какую-нибудь пользу, но не ясно, кому это все же хорошо.
70. Именины сердца — это такой праздник, когда думать не надо, а только раздувать внутреннее веселье для одного человека.
71. Журналист, он, как всегда, должен быть в центре — хоть чего, но в центре. В самой дырке от каждого бублика. А если нет, то тогда он только писатель, и все тут.
72. Один русский мыслитель сказал уже давно: «Если хочешь быть счастливым — будь им». Но не все, значит, могут это понять, потому что не все слова у него понятны.
73. Нет смысла все учить наизусть. Например, «Е. Онегина», все равно забудешь. А еще, «... но Боже мой, какая скука, сидеть с больным и день и ночь, не отходя ни шагу прочь». Разве это хорошо для гуманного и доброго человека, и не знаю, наверно отрицательно могу ответить.
74. Честно говоря, Курильские острова нельзя отдавать японцам, а то они сразу и быстро там все наладят — и жизнь и вообще, и все это увидят, что раньше там жизни нет.
75. Конечно, проблема, как наша, это, стоит на крепких ногах. Поэтому диспаритет цен будет еще выше, а сельское хозяйство, как сверху виднее, а снизу — еще нет, падает, но надо хорошо, значит, надеяться.
76. Известно, что ученым гениям трудно, и они не рождаются. А как опираться на свой опыт, чтобы стать талантом, точных описаний нет. Даже Циолковский был глухой и плохо видел, и все от чтения в книгах.
77. Знаменитый режиссер Станиславский всегда говорил актерам: «Ну, чем сегодня будем потрясать зрителей?» Значит, он сам не знал. Я тоже спрашиваю у своих учеников, и они тоже не знают. Я тоже, если честно
78. Группа поддержки помогала кандидату в депутаты в его избирательной компании с художественным оттенком. Она носила за ним три плаката, один вымпел и художественный цветной портрет, специально срисованный с лица самого кандидата.

79. Я не знаю, хорошо ли, если некоторые наши министры говорят, например так: «Я говорю и заявляю, что это правильный путь, и мы идем правильно на этих путях».
80. Известный генерал заявил: «Некоторым министрам нужен переводчик с русского на русский язык». А почему, не объяснил. Может быть, он перепутал с иностранными языками.
81. Оратор сказал: «Двум пернатым в одной берлоге — не жить». Как это понять с точки зрения ораторского искусства. Хорошо или плохо?
82. Депутат сказал, обращаясь к залу: «Я — президент. Однозначно. А вас всех — в наручниках и в Бутырку, однозначно. Уже готовьтесь».
83. Особенности русской национальной охоты еще и в том, что, как сказал классик: «Какой же русский не любит быстрой езды».
84. Меня смущает одно. Если сегодня заложников спасать, то завтра будут новые. А экстремистов этих, террористов нужно убивать на месте, но не ясно: как? Всегда же вместе с ними убьются и эти заложники.
85. Я никогда не позволяю думать, что начальник знает больше меня. А когда я на него еще и смотрю, то вижу, что он еще и нечего не видит. Даже меня.
86. Если содержание вопроса не знаешь, то нужно покрутить билет: а может, и вспомнишь. Это значит, знаешь, но забыл, а потом в процессе кружения вспомнил. А если голова закружится, то уж точно — не знаешь.
87. Воспитывать надо тогда, когда ребенок еще не понимает слов. А когда уже понимает, то бесполезно, потому что он их не слушает. В этот момент и проявляется призвание учителя.
88. «Примитивный» — это не просто «простой», а «очень простой», значит «очень примитивный», это «сверх простой», такой, что и не видно, даже рядом, и не интересно.
89. Значит, вот, теперь много в прессе печатается, что, значит, нужно делать армию как бы профессиональной и вроде бы наемной. Но денег нет, а главное нужно, так сказать, сокращать так называемых генералов. Значит, ничего и не будет, честно говоря.
90. В торговой палатке корявая надпись от руки на пакетишке с сухим соком: «Раз водица на один литор». Я спросила у про-

- давца, что означает эта иностранная надпись. Он ответил, что написано по-русски: «Разводится на один литр».
91. Если объяснить чувство тонкого вкуса, что батончики, которые теперь везде лежат, то они, — нет вопросов. А шоколаду в них мало или вовсе уже нет, а вкус еще есть, что, который объяснить нельзя, вот, и трудно.
 92. Приглашать Россию в НАТО никто не приглашал. А крупный специалист сказал, что — да ради Бога и могут подавиться. А кто это, не сказал, кто, значит, задавится. И как. Он не сказал совсем, наверно еще сам не думал за правило и пример.
 93. Чтобы хотеть учиться, нужно иметь желание. Как, например, к жажде или к пиву. Но это вообще, как правило, без примеров. А пример, например, учить историю или математику.
 94. Перенести китайские реформы в Россию нельзя. Китайцев поддерживают китайские иероглифы, которых много тысяч, а у нас их нет. А буквы на всех указах не дают успеха, в общем-то.
 95. Сейчас все строятся в финансовые пирамиды, например, «МММ», «Селенга» и другие. Из меня ничего построить нельзя: я сразу вижу недостатки, не могу молчать, и на этом все кончается. Для меня.
 96. Если наши хоккеисты не разбазарят свои выгодные моменты, то им лучше целовать не друг друга, а защитников противной команды, которые пропустили автора гола к противоположным воротам.
 97. Тот, кто является защитником отечества в той или иной степени, тот может праздновать этот праздник в той же некой степени.
 98. Отсчет дома Романовых начался давно, а закончился, когда всех расстреляли до конца.
 99. Ученый хотел развивать себя, но его победила политика и победила его науку.
 100. Как много русского внес Шолохов в литературу, но не все это могут оценить, потому что — не по зубам, и они его ругают, улыбаясь в зубы себе, а не кому-нибудь.
 101. Моментальную съемку можно сделать как подарочек, если родилась такая мысль в голове, зародилась, но если и не

- моментальную, то в разумное время для всех, кто хочет себя обнаружить для фотки.
102. Армия должна хмуриться не в сторону собственного, понимаете, правительства, хотя бы, понимаете, из-за того, что ей не платят заслуженные деньги, а наоборот, она, понимаете, должна выражать хмурость в адрес чужого правительства, готовящего за свои деньги нападение на ее родное, понимаете, правительство. Вот так.
 103. Чтобы что-нибудь делать, нужно делать движения, значит, так сказать, хоть какие, если не в голове в виде мыслей, то хотя бы на голове, — ну, там хмуриться или задумываться, ну, значит, делать задувающийся вид, или, значит, выражение задумчивости в своем, значит, взгляде.
 104. У нас рисованные или кукольные фильмы получили название «мультфильмов», а за границей — «анимационных». А принято считать, что «анима» — это душа. Для меня душа — это зерно в человеке, это самое очень отличное в человеке, это и называется душа, и у фильма тоже есть душа.
 105. В психологии есть понятие «профессиональной деградации» работника. Оно сводится к неверной оценке работником собственных должностных функций. Например, врач не торопится к больному, милиционер — на дорожную аварию, омовонец готов ударить первым и т.п. Для учителя такая оценка практически отсутствует, может быть, сводится к стремлению воспитывать «двойками», неуважение к личности ученика, даже рукоприкладство, но разговоры об этом не поддерживаются на любом уровне.
 106. Это дело такое, время сложное, которое как бы показали нам, скажем, что уже есть люди, которые знают и умеют и делать и дело, сути дела такого.
 107. Какие идут стрессы волной, а налоги собрать не могут, а нужно вкалывать и пахать, и ко многим есть вопросы даже в правительстве. И хорошо будет.
 108. Вчера у Чехова была какая-то такая тайна, а сегодня в нем осталось одно — трудности современного восприятия, конечно, не без интереса и приятностей для зрителя.
 109. Этот вопрос не побудил причин, ну, причину, которая... Наоборот, нет, кажется, наоборот... Эта причина побудила

- вопрос, который такой трудный и неопределенный, что ни в сказке, ни пером не вырубить. Вот.
- 110.** Как прервать эту систему или, как лучше сказать, менталитет, если психологию сменить нельзя по решению Верховного суда, или Конституционного, а по решению райсуда никто и не будет даже думать.
- 111.** Нужно наметить, лучше, конечно, принять Закон о возмещении ущерба тем, кто просидел в тюрьме под следствием несколько лет, а посадить туда следователей, которые допустили, допустим, оправдание этого невиновного невольно или, даже, может быть, вольно.
- 112.** Человек запрограммирован на существо, а если он об этом не знает, то это его не спасает, а даже бывает, что и наоборот и выходит.
- 113.** Объявляя новый номер на концерте, актер сказал про свою партнершу: «Она сейчас будет глупо скакать». Так сказать нельзя, неверно. Нужно: «Сейчас она будет скакать глупыми движениями».
- 114.** Он был владелец этой такой энергетики на судебном заседании, это я про Федора Никифоровича Плевако, что он всегда зажигал аудиторию, и все рыдали — рыдали судьи, рыдали присяжные заседатели, рыдали конвойные солдаты и рыдали все слушатели в зале, во время появления там этой такой энергетики и после нее.
- 115.** У человека есть так называемые «естественные потребности», которые он и должен удовлетворять естественным образом, но некоторые из них можно при людях, например, голод, жажда, сон, а другие — скрытно, но их я перечислять стесняюсь и не буду здесь.
- 116.** Я только недавно узнала, что не нужно стучать по дереву, если захотеть, чтобы что-нибудь исполнилось, а нужно просто сказать, что «дай-то Бог» или «не дай-то Бог», — и все. Это, конечно, удобнее, чем искать дерево, а иногда его и не найдешь, потому что просто его нету тут.
- 117.** Все-таки не понятно, как нужно говорить: «с этим коллегам» или «с этой коллегой», но если сказать «с этим коллегой», то это совсем не подходит по грамматическому смыслу.

118. Вот так, значит. Если спросить, что может нам помешать мечтать, то, значит, ответ простой: окружающая нас, значит, вот, действительность.
119. Да, хотелось бы, конечно, побывать во Франции, говорят, там везде очень красиво, например, Эйфелева башня, и везде пахнет духами.
120. Я хочу вам подчеркнуть, что глубокое понимание этой, значит, проблемы сердцем и головой будет иметь роль и эффекты.
121. Ну, если, конечно, все же хотите, то эта возможность дает нам возможность показать, может быть, наши новые возможности для всего развития, в конце концов.
122. Всякие подтверждения о том, что это правда, конечно, неправда, честно вобщем-то говоря, таким образом.
123. Очень отличная удача, это, если когда у меня двоек за семестр нету совсем.
124. Даже увидев все эти блюда, возникает какой-то, вроде бы, зверский аппетит, вроде бы, даже как бы похожий на тигрицу.
125. Смешные шутки, это когда девочки просто пищат от смеха и обратно.
126. Как правильно сказать про Москву: «Москва зотоглазая» или по-другому как-то, так и не знаю совсем.
127. Он работал банком или президентом, или как-то там еще, но все равно общался все время с очень большими деньгами, даже бешеными, как можно сказать.
128. Почему «Ростральные колонны» в Ленинграде так называются я не знаю: может быть, потому, что наверное от слова «рост», может быть они как-то подрастают систематически. А? Сами собой? Жалко, что это неправильно я рассказала.
129. Его посадили в тюремное заключение, и он там пребывал столько времени, что нельзя сосчитать в уме.
130. Некий какой-то энергетический контакт между помогает действовать учителю на ученика, а наоборот никак не получается.
131. Однозначно, значит, что я не согласна. А что еще нужно, если я однозначно. Что я еще скажу: однозначная моя позиция.

132. Все лекарства, в которых есть слово «упса», я не покупаю, потому что это собачье производство, но написано неграмотно, а нужно: «у пса».
133. Маленький небольшой такой сюрприз получился оттого, что сыграли мне в гармонь по радио. А это редко бывает, что не знаю, как и обсказать. Хотя я очень внимательная к эфиру, а гармонь поет редко.
134. Есть такая длинная реклама на телевидении. Диктор спрашивает: «Валерия, в чем секрет Вашей красоты?». Она что-то долго отвечает про духи или там мыло. А по-моему, секрет в том, что никакой ее самой красоты нет и никогда не было, и никогда не будет.
135. Если сейчас все ПТУ (профессионально-технические училища) стали называться «лицеями», а А.С. Пушкин закончил лицей, то можно ли в самом деле сказать, что поэт закончил ПТУ?
136. После войны народ остался на голом поприще, но все начали восстанавливаться.
137. Оказывается, шоколадный батончик «Баунти» назван так по имени островка у восточной части Новой Зеландии. А мы для своих кваса да сбитня все дедовские рецепты забыли и теперь покупаем Бог весть что.
138. Конечно, она не только происходит — старение, эта техника, но и ухода под нее нету никакого, — денег-то не дают уже год.
139. Если кто сделает хороший подвиг, то и награждение будет по заслугам, а если нет когда, то и не будет, хотя и бывает, что все-таки орден дают, а за что, никто и не знает.
140. Я где-то твердо уверена, что твердый политик, так сказать, лучше, чем политик профессиональный.
141. Будет время, я эти как бы правила, так сказать, перечислю и более детализированно вроде, конечно, повторю, чтобы не отшатнуть слушателей.
142. А что он, с целью, чтобы пошлость свою показать, говорит, что уроки домашние не выучил. Ну, разве это, как говорится, интеллигент, то есть, как говорится, говорит.
143. Придется мне попрощаться — звонок уже вскипел до конца урока.

144. На иностранном языке этот факт как раз и называется «нон-сенс», а на русском — «нелепица», что одно и то же, хотя, может быть, кто-нибудь с этим активно не согласен.
145. Был такой ученый, Чарльз Дарвин, небезызвестный. Он много создал нового о том, как человек произошел от обезьяны.
146. Этот вопрос превзошел все границы, а они должны быть на замке, и не надо прыгать через «полосу» или через «колючку».
147. Слово «порядок» должно быть таким, чтобы все понимали, что «порядок» — это «порядок», а не наоборот, а при нем еще и прилагательное, например, какой? — какой порядок?
148. В зале была столичная интеллигенция и просто простые любители театра.
149. Я бы была далеко не справедлива, если оправдывалась против Ваших, так сказать, оценок и прочее.
150. Об этом учебник разъясняет все положительно, и нечего тут размышлять и строить.
151. Президент может как бы сделать новый Указ, а все сделать, что его, значит, нету у Президента, но зарплата растет, но не у народа.
152. У школьников этот вопрос имеет интерес. В 11 классе много выпускников идет на него, и вопрос этот стоит в школе.
153. Дети были очень воодушевлены тем, что поняли новый материал. Я даже очень удивилась тоже такими восторгами ихними.
154. Говорят, что Иерусалим будет столицей для арабов и для евреев вместе. Какая многолетняя столица получается. Наверное, снова война будет.
155. Элитарный — значит необычный. Собака должна быть с хвостом, а бесхвостая собака — уже может считаться элитарной.
156. Этой выставкой преследуются такие художники, которые очень отлично отличаются от других художников, так сказать, более блеклых, которые рисуют обычные простые сценки из жизни.
157. В нашей России есть даже сенаторы, которые дают как бы проекцию от Думы вверх и, как бы на Кремль ее набрасывают сами даже собой, своим видом и поведением.
158. У женщины тоже есть где-то голова, которая может быть умнее, чем женская или не женская, а, так сказать, даже и мужская.

159. Если отвечать в том плане, в котором Вы задаете, то — нет. А если в другом, то — да, то есть, хоть и не знаю, но — учил.
160. Я была в театре. Там актер говорит: «Я заказал шампанского и котлет». Все засмеялись. А почему? Даже в Е. Онегине написано:

Еще бокалов жажда просит
Залить горячий жир котлет ...

Почему засмеялись? Непонятно мне до сих пор.

161. Я прочитала одну такую фразу, которая, дескать, что трудно, туда-сюда, — правительство виновато. А я не верю, я читала хорошо, подробно, и дразнят гусей.
162. Правительству нужно честно вести свою деятельность, а не пускать пыль в уши.
163. Сезон будет сильный в КВН, а то там все говорят, говорят, — кто больше? А нужно, — кто, если он не остроумнее, то, значит, конечно, находчивее, хотя бы, в принципе, или как-нибудь еще.
164. Чтобы затронуть эту тему, нужно время, очень его много, а поэтому лучше не затрагивать, как думаю. Но к экзамену я готовилась вчера, целый день без остановки.
165. Я каждый день ездию на автобусе, давка такая, что весь сок остается в салоне.
166. Мне более приятнее, когда я знаю имена школьников, а не фамилии ихние.
167. Наши в своих газетах журналисты хлещут друг друга по... Не скажу, по какому месту. Но за это их часто стреляют в лицо.
168. Характер у него не нордический, а хилый, и, может быть, даже квельный, но он это кристально скрывает.
169. На элементарную порядочность делового партнера сейчас надеяться нельзя, нет никаких таких сознательных элементов у разных партнеров по взаимному обману в виде бизнеса.
170. Она в этом киносериале сына Диегу выгнала, а Мейсон нашелся, и никого не узнал, не мог этого пережить.
171. Квартет — это когда четыре музыканта или певца. Поэтому в нем не может быть много людей, а вот пять-шесть — может.
172. Почему все теперь говорят «тинэйджеры» вместо «подростки»? Наверное потому, что все хотят уехать и учат английский язык.

173. Если у человека широкое лицо, то, как говорят, его можно ужать, если по утрам пить специальный эликсир, который называется, не помню, как, но это написано в объявлениях на заборах и столбах.
174. В Испании есть такая игра — «бой быков». Но бьются не быки, — дерутся между собой, то есть, а такие «торреадоры», которые соблазняли даже певицу Кармен.
175. Этот ученик произнес разные иронии по моему адресу, а я не простила, вызвала родителей и эти же иронии им передала в адрес.
176. Наши итоги где-то вообще равны некоему нулю неадекватному, который не дает и не одерживает пальму первенства.
177. Я там, конечно, была и очень хорошо там разбиралась о том, что уроки они, конечно, сорвали, хотя сами неграмотные и диктанты пишут на «два».
178. Такие уже эти серьезные вопросы мне задаются, что ответы вызывают удивление, хотя я еще и ничего не ответила.
179. Некоторые такие перепалки возникают, вот, но вопрос щекотливый скорее, чем творческий был. И есть.
180. Это влечет потерю времени, и у меня где-то в генах, мы видим, как вызывается агрессия, протест, дескать, что делать, ликвидировать это положение, это настроение уже появилось.
181. Если предусматривалось положение секретаря в суде, когда рукой пишется протокол судебного заседания восемь часов, то спросить с них уже невозможно по ужасным положениям всех положений, о чем все расписались и в бессилии.
182. Желтая пресса — это когда газета ли там журнал бедный, денег нет на хорошую белую бумагу, они печатаются свои интервью на любой небелой, даже плохой, желтой.
183. Мудроствовать не надо, надо все делать проще и проще, так чтобы, если на то пошло, что дело не пошло, то передать в следственный отдел, а там — контроль, открытость, и взаимодействие, и все.
184. Это решение суда считается заблуждением, которым затрагивается положение, скажем так, собственности и должно тянуться годами, о чем все поняли, и последняя точка грамотно последует и исследует, кто произвел ошибку.

185. Я переговорю пару слов за тех, кто игрался на уроке.
186. Это очень далеко не так, что такие говорят. И что это слово не правильное, звучит по лингвистике. Но проблема есть, хоть еще и не видно, что должно быть правильное.
187. Если у человека столько-то часов до занятий в институте, то он может выпить столько-то бутылок пива... или не пива.
188. Существует такое хорошее народное выражение — «бюджет рекспектабельности», и мы сегодня о нем говорим, потому что денег нет, чтобы вставить новые стекла в окна.
189. Москва — это крупнейший город России.
190. У меня был с учеником очень уникальный разговор, который как бы плохо слушал он, читая книжку, как Наполеон.
191. Если он все же приемлемо занимается о покупке книг в школу, то дать ему в похвалу, может быть, грамоту за хорошую цену преподнести на собрании или в торжественной обстановке, запротоколировать.
192. Надо сейчас тратиться очень, очень большие деньги за учебники, а они сейчас стоят очень и очень дорогогато. А не хлебом же единым в общем-то, как говорится. А сами только эксплуатируют язык, вобщем-то, а он показывает обратно.
193. А наши, так сказать, даже женщины, совсем даже вроде бы не глупее, чем даже как бы и сказать наши мужчины, что уже и выдержало даже, скажем, и проверку как бы временем.
194. Как говорили у нас в учительской: «Лучший ученик — это отсутствующий ученик». Но это, конечно, так сказать, как бы, вроде даже и шутка. На этом как бы и строится даже какой-то комический эффект: его нет, а он — лучший, что тут непонятное?
195. Я говорю: «Отвечай!», а он: «Зачем фуффло гнать?». Одно слово — он, как ничтожный рецидивист, богатый тюремным содержанием, а не сидит.
196. Увидя эту актрису на экране, настроение повышается — как утром, так и вечером, без конца потрясающе.
197. Я в эту теорию не врубаюсь. А че? Там же и так одни шепки, летящие на дне.
198. Если учитель не понимает шуток, не смеется, например, совсем, ну, или там, ну, раз в год, то плачет то, понимаете, не он, а дети, что тут не говори. Однозначность.

199. Я бережно отношусь к нашей как бы земле, к атмосфере, так сказать. Поэтому, где можно, разбрасываю навоз, в целом, значит.
200. Понимаете, я, понимаете, что люди должны понимать, понимаешь, что если не хана, то все в самомпереди. Понимаете, да.
201. Дело стоит в том, что, как говорят, есть много прорух даже на старух, а еще и на школьников, которые составляют преступления даже для тюрьмы.
202. Если предъявлять контроль к судам, то потом с ними трудности проявляются, в основном организационного характера при исполнении.
203. Солидарность у рабочих, конечно, всегда есть. Присутствует, так сказать. Но может пойти не туда, не в свои значит ворота, то есть, и все тут. Попробуй-ка ее потом обратно на дорогу прямую, то есть, значит. Не выйдет она, и все тут. Бывает, проверяли уже.
204. Общие сложности горячих дел закалили нас, и когда, как один, горят в голове, или лучше — в глазах, и, преодолевая.
205. Одна из тяжелых частей всякого дела — это суть всякого дела, а ее иногда даже и понять-то трудно, значит, ее большую то есть роль, которая, дескать, когда какая во всем, на ее протяжении.
206. Этот более укрупненный шрифт демонстрирует о том, что это уже заголовок, который более главнее, чем самый мелкий текст.
207. Я говорю ученику: «Будешь смеяться, поставлю «двойку». А он: «Нет у Вас царя в голове». Да еще называет меня так вежливо, по имени-отчеству, и улыбается. Ну, причем тут царь, да еще в моей голове?
208. Если смотришь телевизор, то все время чувствуешь, как тебе стараются вылить ушат на уши.
209. Там люди торгуют молоко и создают соперничество, но большую роль это не совсем дает, нежели, чем мясо и яйцо.
210. Как было выше сказано, та-скасть, что не надо бросать мысль вниз, честно говоря, а нужно вверх, как бы, чтобы, та-скасть, всем было виднее и издалека значит, даже от горизонта или из горизонтов, честно говоря.

211. Полагаю, что если сказать: «Этого не может быть» или «Быть этого не может», то разница в том, что первое — выражает уверенность, а второе — только надежду на отказ или на провал события.
212. О каких доказательствах можно вести, если расследование не поставлено и не доведено, чтобы помыслить.
213. У этих культуристов такие излишества на мускулах, что невольно начинаешь думать: у них шишки на мышцах, потому что дырки на мозгах.
214. Я зада́ла ему вопрос, и в процессе, когда я ожидала ответ, он так и не ответил, как рыба.
215. Довольно-таки в чем-то она не потеряла свою искренность к людям, а ее, эту искренность терять и не нужно, потому что как ее обратно-то и не найдешь, когда если нужно потом будет.
216. Дети-то, они, конечно, цветы, но лучше бы они, дети, то есть эти, не становились потом ягодками, а еще хуже — фруктами, такими, что от них и отравка идет, даже до самого суда.
217. Вы за время наших уроков немного лучше узнали обо мне, а нужно не обо мне, а лучше, чтобы вместо меня бы узнали лучше за историю, как говорится, хотя бы.
218. Люди высказываются или, значит, лучше сказать, запускают информацию о том, что, значит, люди поверят, что опасна дестабилизация, которая идет и все быстрее в сельском хозяйстве для рыночных отношений по этому, значит, вопросу.
219. Когда у человека бедность в душе, то он любую работу делает абы как. И наоборот, когда богатство в кармане, то он ничего не делает, или его дети, тоже.
220. Я прочитал эту книгу еще до отмены крепостного права и до сих пор все помню, спасибо царю-батюшке.
221. Если следователь не может показать свою конструктивность, то главное для него — запустить дело в дело.
222. Приступившему к работе молодому специалисту, я думаю, что он и у него все скоро хорошо пойдет и получится налад.
223. Если я куплю, хочу автомобиль, но нет подъема у меня на такую сумму, а ее зарабатывание затянется на две-три мои жизни, значит — что? Внук доплатит?

224. Я сделал Вам такой хороший ответ, а Вы обратно лицом выражаете недовольство.
225. Общество хочет реформы, потому что, может быть, вырвемся откуда-то и куда-то, а с противной — страшно это: а вдруг — попадем не на ту стрелку.
226. Надо стремиться, когда у ученика все руки по швам, то он этими руками уже нигде плохого сделать не сможет.
227. Сегодня были выступления, что нету истины, а есть она, она в том, что ложная истина — не истина в последней инстанции, и всегда, вот в чем главное, значит.
228. Авитаминоз — это когда весна наступает или, там, идет уже, а фруктов не хватает, в том, значит, смысле, что на них не хватает денег, да и все тут. И приходится не фрукты, а кислую капусту или, там, значит, в смысле, что простую морковь.
229. Икебана — это может быть, конечно, фамилия, например, японская, или название какой-нибудь местности, тоже восточной, например, китайской. Но, конечно, говорят, что это умение складывать букет из простых цветов. Правда? Я, конечно, не верю.
230. Я читала хорошую и очень историческую книгу про Петра I, тоже писателя Толстого, название не запомнила.
231. Если всем завидовать, то можно совсем обзавидоваться и потерять от стыда все, что еще где-нибудь осталось.
232. Любовь — самое главное в жизни. Поэтому это не то, что показывают в американских фильмах, в которых она — почти всегда беременная, а он — активно ругается и дерется.
233. Принято не говорить людям про ихние физические недостатки, потому что все должны думать, что сами инвалиды о своих лишениях, как бы, вроде бы, даже и примерно, вроде и не знают совсем, или хотят об них, конечно, позабыть, не вспоминая.
234. Чтобы делать у школьников мужество, нужно сначала делать для них такую информацию про ее корни.
235. Анализ разных поведений нужен для характеристики.
236. Все ковбой отличаются от простых американцев в основном благородством и слабым умственным развитием.
237. Ковбой все время трясутся в седле и, контактуя между собой, тренируются в стрельбе и в гордости.

238. У нас рабство не присутствует, а в некоторых странах это присутствует широко и прослеживается.
239. Этот момент произошел потому, что нельзя владеть привилегиями о том, что он был неправ конкретно.
240. Я уже все рассказала по билету и т.п. и т.п., а получается, что нужно все начинать снова и т.д. и т. д... Но хотя все мне очень понятненько.
241. Я стараюсь воспитывать в детях максимально положительные качества, а максимально отрицательные — наоборот. И безо всяких колебаний с двух сторон.
242. Вранья этого уже нельзя терпеть и нужно правильно освещать этого вранья своим ярким светом.
243. Я хочу поделиться, та-скать, этим глубоким знанием относительно лучших, та-скать, качеств человека, или, лучше сказать, для человека, которые, нужно, та-скать, развивать, и, та-скать, для людей достаточно развиваться во всем.
244. Если согласиться с тем, что, дескать, в тюрьме тоже вроде люди, то, значит, их нужно очень жалеть и добра, а не желать им очень плохо. Но это никто еще не доказал, и смертная казнь, отменять ее то есть, та-скать, нельзя, и скорее, вот, очень рано.
245. Скорее «нет», чем «да», чем скорее «да», чем «нет» — вот и весь вопрос равняется развития, так сказать, новых идей самых. Тогда как первый — пессимист, а второй — осторожный оптимист. Как говорят в философии.
246. Сегодня все было очень привлекательно и взволнованно и вдвойне более красивее для присутствия, которым является сейчас время, эпоха и вообще, как даже гротеск, за которое всем радостно, и спасибо за экзамен комиссии.
247. Большая благодарность за всю экзаменационную комиссию, за члены, и за усердие к нашим ошибкам.
248. Историческая задача народа в свободе и в тюрьме для врагов народа. Только как вот, значит, естественно, конечно, их отличить, снимая с якоря, когда они соприкасаются вместе, понимаете.
249. Лозунги были уже, если честно сказать, не яркие, даже глупые, но нужные для народа, как бы правильно сказать.

250. Для меня все ясно: учиться трудно и не нужно, но у меня дома такая атмосфера, что предки заставляют, а сами серые и нудные.
251. Я, понимаете, что... понимаете, когда человек легкий, то с ним, понимаете, легче, а если он, понимаете, дурак, разве, понимаете, будет с ним легче из-за такой его, понимаете, легкости духа.
252. Эта такая наша, значит, перспектива просматривается как бы тускло и не очень видна, значит, и такой этот момент, та-скать, не дает, а, честно говоря, очень нужно, та-скать.
253. Сейчас музыкальная пауза, потому что она заполняет музыкальным клипом и словами с музыкой, которые вроде как бы песня или похоже.
254. А мужчина и говорит, что он уделяет очень большое влияние за ужесточением какого-то контроля, и в наше время конечно же никак нельзя, что нужно как-то очень срочно называть.
255. И от кайфа мурашки бегают по мозгам, наверное по спинным, а если нет, то все слабаки.
256. Есть вопросы, которые никто не знает, поэтому, скажем так, так и возникает, что вопросы, значит, есть, а ответы, значит, скажем, или пугают.
257. Кто-то сказал, что все дороги ведут в Рим, вот, а все колдобины, значит, вот — в Москву. Не помню подробности, вот.
258. У него есть поддержки в лице среди криминальных групп, а это нонсенс. Что означает, что нельзя. Что для этих структурных групп.
259. Я могу, значит, подражать некоторым домашним, значит, животным и политикам, но лучше, значит, чтоб первым демонстрировать вторых, а вторым, значит, — первых.
260. Поговорим о наболевшем. О прогулах школьников... Разумеется, роль, и все, разумеется, пойдет в сторону дисциплины от школьного сознания, в общем-то.
261. Да, есть вопросы, уже накопились и справедливые нарекания. Которые в целом, значит, конечно, индентичные или, лучше сказать, имеют взаимное между собой соучастие или даже протяжение.

262. «Альма матерь» — это такое, как бы, старинное и условное название высшей школы, которая «матерь» — в смысле, что «альма», значит, молоком кормит всегда, как бы сказать об ней.
263. Я прочитала весь билет несколько раз, но как-то скажу — не в материале сейчас по всем вопросам. И не вылезит...
264. Раньше ученика с родителями — к директору, теперь — всех в тюрьму и порядок.
265. Искусство требует жертв, и поэтому вечно, и вполне наоборот.
266. Как лучше сказать: «за дверями» или «за дверьми» не ясно, но ясно, что кого-нибудь не пускают и скрывают.
267. Сначала я взяла себя в руки, а потом они мне отказали.
268. Я иду, а у него глаза — шарами, наверно понравилась, а я и ломанула, на всякий случай, то есть.
269. Все долбают ученика, именно и школа и дома, а у него дефицит времени, именно — между улицей, уроками и школой. Если можно так выразиться.
270. Что касается запрета торговли, тут все хорошо, а где реализация, там еще нет, не хорошо. И грамотность в этом плане, она очень важная, как известно, выполняет все функции.
271. Если человек все время наступает на одни и те же грабли, то они должны быть очень крепкими, эти грабельки, как и лицо у человека.
272. Какая может быть правда, если в театре царский трон сделан из картона. Так и в нашей жизни, нет правды жизни.
273. Все газеты заботятся о своей продажности, хотя, как я думаю, это не должно быть главным, чтобы их покупали.
274. Просматривая это обвинительное заключение, мне в глаза попало или попалась фраза, что... Ну, в общем он виноват, хотя это, значит, и не доказано.
275. Ну, был я в театре, называется балет. Ничего особенного. Ну, танцевали там все. Ни одна из них, балерина там, ничего не спела. Скукота. Больше не пойду.
276. Еще тошнее, что новые законы не выполняют само начальство и его лица и его члены. Я очень огорчаюсь об этом.
277. Где-то Вы правы, та-скать, что нет решенья, там, где сомненья.

278. Если «гребец» — это мужской род, то как будет женский: «гребчиха» или «гребчица»? Не могу взять в голову.
279. Я уже хочу сделать мой ответ. Можно? Делаю.
280. Наша как бы страна несет как-то перед собой и вперед очень большую какую-то культурность и где-то взывает руками за эту и очень значит, изыскивает очень, большие меры для этого.
281. Депутаты у нас дерутся в эфире и зевают на экране, а надо им сидеть и голосовать только в самой Думе.
282. Поэт-песенник пишет, а бард — поет, как, например, Винни Пух, который сам и сочиняет песни и сам их же исполняет.
283. Весной все приобретает зеленоватый оттенок, даже студенты, поэтому падает у них работоспособность, хотя физические некие качества у них поднимаются.
284. Если хлеб и масло более свежее, то и на вкус они будут более вкуснее.
285. Этот вопрос несет очень большой корень, на котором он и растет, и который раньше давно проткнул его, как причина или история.
286. И, пожалуй, главная мысль, которую нужно взвесить, значит, объяснить. Но она не очень тяжелая, как буханка хлеба.
287. В заповеднике стрелять и убивать никого нельзя, а в городе — можно.
288. Он очень излучал прямо на меня свои нехорошие угрозы.
289. И тогда неприятные ощущения значительно улучшились до самого конца.
290. Выражение «заламывать руки» означает, что руки можно заламывать, то есть ломать не до полного конца.
291. 1 сентября обычно наблюдается начало учебного года, то есть его рождение, которое потом даст свою икру и ее большой рост.
292. Я в лучшем, значит, отношении нахожусь вроде нежели чем он, потому что он не явь, а я, значит, — явь, то есть являюсь сам себе, значит, примером для себя.
293. А он в милиции и говорит: Мы им так, блин, дали, что от них, блин, один след и остался, как, блин, наглядное, блин, пособие.

294. Левая нога у меня более слабже, нежели чем моя правая, как костыль, когда сравнивать, во-от.
295. Если нужно делать мероприятие день рождения, то нужно сначала сделать план или сценарий, как говорят артисты.
296. Я хочу атаковать этот вопрос с фланга, то есть с лирического отступления, который к нему сам не относится.
297. Я не шикарничаю, поэтому ездию на старом «Москвиче».
298. Я тоже как бы так как-то вроде даже что-то могу сказать по этому, во-от, вопросу. Но, во-от, та-скать, не знаю, во-от, как, та-скать, назвать второе уже, хотя я, конечно, во-от, первое уже, во-от, та-скать, как бы уже сказал, хотя и без конца.

Итак, все цитоны прочитаны, проделаны два первых задания. Работа с цитонами может быть продолжена на более высоком уровне (табл. 4).

ЗАДАНИЯ (продолжение)

3. Среди всех цитонов могут найтись такие, которые:
а) вам понравились, б) вам не понравились.
Составьте их список, поделив на две части («понравилось/не понравилось») и объясните причины такой симпатии и антипатии.
4. Отберите цитоны, которые могут казаться смешными по содержанию или по форме, естественно, мнение свое нужно обосновать.
5. Обратите внимание на те из цитонов, которые кажутся нелогичными, примитивными. Дайте их характеристику, может быть, указав более логичный вариант для данного цитона.
6. Отдельно можно собрать те из цитонов, которые являются примерами пустого многословия, пестрят словами-паразитами, повторами и пр. Можно также собрать цитоны, выраженные лаконично, просто, понятно.
7. Среди цитонов есть и такие, о которых можно сказать «убедительные» (или «с элементами новизны содержания»). Наконец, можно собрать все эти особо выделенные цитоны в такую, например, таблицу. Но для каждого читателя наполнение такой таблицы будет индивидуальным, поскольку работа творческая и мнения могут разойтись до диаметральной противоположности.

ЭКЗЕРСИСЫ

Таблица 4

№№ п/п	Многословные	Лаконичные	Смешные	Примитивные	Нелогичные	Убедительные	«Новое»	Нравится/ не нравится
1	+	—	+	+	+	—	—	+ / —
2

Очевидно, что такой анализ может быть продуктивен только в том случае, если говорящий сможет логично объяснить свою точку зрения. Например:

Цитон №1 обозначен знаками + и —, потому что (см. табл. 4): (+) по разделу «смешные», так как: а) неграмотно выражается мысль, б) неверно противопоставлено школьное и домашнее образование;

(+) по разделу «примитивные», так как: а) неверно сформулировано понятие «педагогика», б) сочетание «более грамотнее сказать» демонстрирует невысокую грамотность говорящего;

(+) по разделу «нелогичные», так как: а) вся фраза построена без опоры на элементарную логику, б) фраза противоречива по составляющим ее частям.

Аналитическая часть такой работы может быть продолжена, каждый желающий может добавить свои соображения и доводы, при условии, что его мнение будет продуманным и доброжелательным по отношению к оппонентам, пропонентам и аудитории.

К учебному материалу, изложенному в цитонах, можно неоднократно возвращаться, открывая в них при каждом новом прочтении новые, ранее ускользнувшие от внимания, стороны.

МОНОФОНЫ

Монофон как термин впервые встречается в этом пособии и состоит из двух слов: моно... (греч. *μονος* — один, единственный) и фон (греч. *φωνε*— звук). Мы подразумеваем под этим термином краткий оригинальный рассказ, в котором каждое слово начинается с одного и того же звука (буквы), выбранного по желанию автора монофона.

Польза от работы по подготовке монофонов заключается в том, что они развивают у начинающих ораторов чувство ритма речи, расширяют словарный запас, систематизируют слова по звучанию, по аналогии и пр.

Требования, предъявляемые к монофонам, могут заключаться в следующем:

- не менее ста слов в одном монофоне (для начинающих), на тот звук, который выбран автором, на другие звуки слова не допускаются;
- предлоги могут быть на любые звуки, но только однословные, в крайнем случае, — двухсловные, трехсловные — не разрешаются, например, можно — «в», «на», «у», «при» и т.д., «рядом», «вокруг», «перед», «затем» и пр., нельзя: «около», «напротив» и т.д.;
- слова, использованные в тексте монофона несколько раз, учитываются в количественном отношении только один раз.

Все монофоны могут быть тематически условно разделены на общие (смешанные), спортивные, военные, исторические, сказочные, приключенческие, полицейские и пр.

Наличие в монофоне юмористических моментов может способствовать интересу аудитории, оживлению слушателей, что в целом позволит оживить работу, сделать ее более творческой.

Можно рекомендовать такой прием в ходе написания монофона: берется одноязычный русский словарь, открывается на нужной букве, а затем из него выписываются все те слова, которые подводят к сюжетной линии монофона, не нарушая ее логику и развитие действия.

Далее дается несколько примеров таких предметных монофонов.

ЗАДАНИЯ

1. Отметьте удачные места монофона (сочетаемость слов) и пр.
2. Отметьте недостатки (нелогичность, стиль и пр.)
3. Напишите свой монофон на желаемую тему.

1. ВЫЛАЗКА

В воскресенье военнотружущий Владимир Васильевич Власов встал вовремя, в восемь, вяло вытянулся, встрепенулся и, взглянув на взъерошенные волосы и взлохмаченный внешний вид, ввалился в ванну, включил воду и всесторонне вымылся. Затем, вытершись и взяв выстиранные вещи, возрожденный и великолепно выглядевший Владимир Васильевич выскочил на веранду.

В воздухе всюду веяло весной, вдаль виднелись вытянувшиеся ввысь вершины, вокруг все восхитительно взбудораживало изображение ветерана. Выпив виноградного вина и вкусив вермишели с ветчиной, он взялся за вишневое варенье с вафлями, взалкал водки и выкурил «Винстон» взятую — все вопреки врачам, и вскоре вышел с веранды на высланную васильками, как веснушками, вспашку.

Внезапно взмывший ветерок всколыхнул верхушки войлочных вишен, вспугнув вездесущих воробьев. Вблизи ворот, возле водоколони, на ветках вербы взгромоздились ворчащие вороны. Вихрем взмыл в высоту ворон. На востоке, взволновав воздух, возник вертолет, влекущий вдаль, в восторг и в волю.

Вновь и вновь вспыхивало у ветерана восторженное впечатление от всего возникавшего вокруг великолепия, и вот, вольготно вдохнув весенний воздух, Владимир Васильевич во власти веселого восприятия весны взял велосипед и выбыл на водохранилище.

Он выглядел весело, веселее, чем всегда.

2. КАНИКУЛЫ

У Костика и Кати Кругловых каникулы. Кто косит, кто крышу кроет, а Кругловы кропотливо красят калитку.

Катя с косой и в косынке, а у Костика картуз и кудри в краске. Он конопатый, курносый, коренастый, крепыш. А Катюша — кареглазая красавица.

Как они кончили красить, кинулись кувыряться в копешках у калитки. Кругом красота — колышется крупнолистный клен, краснеет клубника, на клумбах красуется калла и календула с картошкой. Костик кубарем катится с копны — купаться.

А Катюша кричит: — Костик, кушать!

Катя кипятит компот из клюквы, кладет Костика крупную котлету, курицу копченую, колбасу «краковскую».

Котенок Кешка карабкается Костика на колени и клянчит кусочек. Катя кормит крупной канарейку в клетке, кидает Кешке косточку, кормит кудахтающих кур и купает котенка в корыте.

Костик крадется в коридор, на крыльцо, курить. Потом в камышах крепит кусочек колбасы на крючок. Клюет карась. Костик колесит к Кате. Катя копошится в кладовке. Костик кладет карася на крышку кастрюли с компотом и караулит Катю.

Катя с кружкой касается карася и с криком кидает кружку, колотит кулаком Костика и командует: — Клей кружку!

Костик капризничает: — Кокнула и клей!

Катя кричит: — Крапива в кустах!

Костик колеблется: — Клей в кладовке.

Катя командует, Костик кивает и ковыляет на кухню клеить Катину красивую кружку.

Каникулы, каникулы... Красота!

3. СЕЛЬСКАЯ СХОДКА

Сентябрь. Солнечный свет струится сквозь синеву. Сирень склонилась над скамейкой. Старый Степан Степанович сонно смотрел на скачущую по сучьям сосны сороку. Серая собака Сонька сидела у столика.

Сосед — Сергей Станиславович — со старшей сестрой Сашей Самохиной собирал спелую смородину. Собрав, сосед скинул синие сапоги и, сняв Соньку со стола, ссыпал смородину из сумки. Он собирался сварить суп со свиной и сыроежками.

Сестра Саша стелила скатерть на стол. Согрев самовар, Саша свалила сушки на салфетку. И, собрав сладости на стол, созвала своих соседей.

Степан Степанович спустился по ступенькам и сообщил собравшимся о скоро состоящейся свадьбе. В среду, семнадцатого сентября, в сельсовете соединяются сердца Свиридова Славы и Соловьевой Светы.

Сообщение смутило слушавших. Странно! Светка старше Славы. — Совсем Славка свихнулся! — сказала сельская сплетница Серафима Соломоновна.

— Спокойно, старуха, по себе не судят! — сорвался сельский старожил, садовый сторож семидесятилетний Самохин.

Свадьба — событие светлое, судачить не стоит. Света и Саша станут счастливыми супругами. Семья Свиридовых славится своей сплоченностью, а сам Слава — самостоятельный, смелый, собранный, сообразительный и сильный. А Светлана — симпатичная и скромная. Свиридовы станут самой современной семьей в селе.

Смеркалось. Словоохотливые соседи собрались спать. А Света и Слава совсем не собирались и, сидя на софе, смеялись над сельскими сплетниками.

— Съездим до свадьбы в Сочи? — сказал Слава.

— Сногшибательно! — согласилась Света.

А в саду стрекотали сверчки, сливаясь со стрекотом селезней, силуэтами сидящих на соломе.

Сентябрь. Синева и счастье. А секрет счастья в согласии.

4. СПЕЦИАЛИСТ

Сведущий специалист в своей сфере — Семен Серафимович Синенайло скучал в санатории для сумасшедших среди стройных сосен. Случайно справа от себя Семен слышал стук.

Сыщик Сергей Сеницын состоял следователем на своей секретной службе. В среду, семнадцатого сентября, съев сэндвич с соком, серьезный Сергей Stanisлавович собрался к сумасшедшим.

— Садитесь! — сказал Семен сыщику. Сергей, сняв сумку, сел на стул.

— Слиян свихнувшийся Сысой Самоедов, — сообщил следователь.

— Суперагент Серов смог сыскать сведения на Сысою: Самоедов — сварщик из северного села Собаково. Супруг сестры Сысоя сообразил, как сдать Самоедова в санаторий для сумасшедших. Но Сысой симулировал слабо. Седьмого сентября Самоедов, связав санитарку и сиделку, сбежал, скрывался семь суток у старого соседа со среднего севера.

Секретный и скромный сумасшедший слонялся без средств, а затем скоро сломался. Сосед сообщил сведения о том, как снабдить себя средствами для существования, но, стесняясь своей сестры, согласился сообщить свой секрет Сысою, согревая себя самогоном.

Самоедов слушал, сплевывая, и Сакуров сумел склонить Сысою к содействию.

Солнце садилось. Смеркалось. Скрипя сапогами, соучастники события сходили со скрипучих ступенек сруба. Старики сговорились своровать сокровища старухи, но старуха схватила серп и стала самоотверженно самообороняться.

Сообщники стреляли в старуху сыром, содействовав ее сражению и смерти. Старухины средства из сундука составили, как считали соучастники, семь сотен слитков серебра. Самоедов свел с соседом счеты, сбросив Самуила со скалы. Сысой сокровенно сознался в содеянном в специальном сообщении и собирался совершить самосожжение, слив на себя и в себя семь стаканов спирта.

Но самоубийство сорвалось — спирт слизали собутыльники и собаки.

Сысой сдался спецназу и сыщик сержант Синицын сопроводил сумасшедшего в СИЗО.

Сысою судили. Споры сопровождали суд как символ симметричности существования и сказанного судьбоносного содержания соответствующих сказаний.

5. МЕЩАНСКИЕ МАНЕРЫ

Милейшая мадам Макарова Марина Мстиславовна мерила метры маленькой мансарды. Мадам мучительно мыслила: можно ли меблировать мансарду? Метров мало. Можно монтировать мрамором, но на мраморе муж Марины мерзнет. Мадам не могла мед-

лить: мастер-мраморщик может метнуться к молоденькой мадемуазель Машеньке Микишиной. Марине Мстиславовне между тем мнились мышки между мешками с мылом и мукой...

Мадам моргнула, еще моргнула. Мадам мучили мигрени. Мысли мутнели, мускулы мякли. Марина Мстиславовна маршировала за мансарду за микстурой с молоком и медом. Медик Михаил Мартынович молвил: Мадам, можно медленно массажировать!

Мадам молча миновала мансарду и мягко метнулась на матрас. Миловидная мадемуазель Микишина музицировала, как Мальвина. Мать мадам молилась, мелькали мгновения и минуты. Подле мадам — мужественный, но мерзнувший на мраморе майор милиции и муж Марины Матвей Митрофанович. Мигрень у мадам миновала.

Муж что-то мямлил и мял макароны с майонезом. — Майонеза в магазинах мало! — молвила мадам, махая меховой муфточкой. Но Матвей Митрофанович не мог мириться с мерзкой мыслью. Мечтая о мае и о мимозах, муж Марины махнул в магазины. Матвею Митрофановичу мерещились магнолии, маргаритки и мелкие мошки, мельтешившие возле модного макинтоша из мерлушки.

Муж Марины маршировал мимо магазинов, мимо мальчика с мордастым мопсом. Ах, она — модная молодежь! — мыслил медленно майор милиции. Мимо мчались «москвичи» и «мазды», мелькали «мерседесы». Матвей Митрофанович метнулся в магазин. Там — мороженое, макароны, мармелад, масло, малина, мясо, манка, но майонеза — нет.

Майор милиции Матвей Митрофанович молча и медленно маршировал к мадам Марине. Мадам молвила: — Мудришь, Матвей, может моя мысль о мраморе малость мерзкая, но мастер уже монтирует.

Муж махнул маузером и мысленно магнетизировался на матч «Москва— Мадрид», а мастер уже монтировал модный мрамор на маленькой мансарде.

Месяц май медленно макал мансарду в малахит, а малопримечательный майор милиции между тем мямлил про матриархат и медитировал на матрасике возле мешков с мелом и мрамором. За мшанниками мычали мустанги и мельтешили музы.

6. СКАЗКА

Светило солнце, седовласый сгорбленный старик, сидя на скамейке, сказывал собравшимся смеющимся сорванцам сочиненную им самим сказку...

Старый сицилианский столяр Стефан Сальери, стряхнув с себя свежие стружки, схватил свою стертую сумку, спустился из столярской в столовую собрал съестного: свежую солонину, соли, сахару, сладкого, сухарей, сигарет и спички. Скрутил собранную снедь в сверток, спрятал в сумку и сунул в старинный сатиновый сюртук. Сменил старые сапоги и сбежал в сад.

Столяр спешил, ступая по стежке сквозь сливы к собору Святого Стефания. Справа от собора сидел сморщенный священник. Столяр свернул к священнику и спросил:

— Сколько стоит свечка?

— Семь сантимов, — сказал священник и страшно смутился, — странно, Стефан спрашивает свечи.

— Сынишку бы, — сказал столяр. — Сделаю себе сынишку из секвойи. Сделаю. Славно сказано.

И столяр свернул к санаторию «Сицилийская Саванна». Спилив сухую секвойю, столяр срубил сучки, собрал их и сжег.

Собравшись с силами, он сделал из ствола сверкающую статуэтку. Сев на сваленную секвойю, он съел свое съестное и смотрел, как со стороны села по стежке ступал странник.

— Садитесь и скушайте солонинки, сеньор, — сказал Стефан.

— Спасибо. — Странник скушал снедь и сгинул. Смущенный столяр собрал свои стамески, связал в старую скатерть статуэтку и спрятал в сумку.

— Старый столяр Стефан! — из сумки слышалось свистящее сопрано.

— Сынок, — стонал Стефан, и слеза скатилась по сюртуку старого столяра...

Сопрано смолкло. Старик тоже смолк, сорванцы стихли и странно смотрели на сказочника.

— Сотворил это сказание Святой Себастьян. — Сказав это, сгинул и сам старый столяр.

Эта сказка старой солнечной страны. Странная и скоро сказанная. Но не стоит сомневаться. Свершилось.

7. ПРОИСШЕСТВИЕ

В пасмурную погоду пожилой полковник Панин пошел прогуляться по пустынному парку. Проходя по переулку, полковник присматривался к поздним прохожим. Проходили пешеходы в промокших пальто.

Приобретя пачку «Полета» в палатке, Прохор Поликарпович продолжил прогулку по парку.

Пересекая проспект, подойдя к перекрестку Пестеля и Пролетарской, полковник пристально посмотрел на подвыпившего прохожего подростка в помятом плаще и в пятнистых перчатках, переходившего перекресток. Постовой на перекрестке повернулся и посмотрел на подозрительную персону.

Из-за поворота показался пикап с прицепом. Посигналив правым поворотником, пикап повернул и, не притормозив, продолжил путь. Пьяный парень не прореагировал и поэтому попал под пикап.

Происшествие привело к плачевным последствиям. Подбежал постовой полицейский, потребовал предъявить права и паспорт.

Прохор Поликарпович подошел к постовому и предложил помочь пострадавшему, поскольку полковник помнил правила первой помощи. В прошлом Панин помогал в поликлинике.

Пострадавший получил перелом правого предплечья и пару порезов. Помощь полковника пригодилась: он перевязал подростку предплечье и прижег порезы перекисью. После проделанной процедуры постовой подвез пострадавшего к подъезду поликлиники.

Поутру полковник позвонил в приемный покой и поинтересовался положением пациента, прибывшего с постовым полицейским в полночь.

Пьяного подростка прооперировали и перевели в пятую палату, Панин приготовил пирог, приобрел пионы и прибыл в палату. Уже протрезвевший парень представился:

— Поляков Петр, пограничник, первогодок, на побывке!

Потом он поправился, а полковник с ним подружился, как с племянником по происшестввию.

Итак, прочитаны все учебные монофоны. Следует, как сказано в заданиях 1 и 2, отметить плюсы и минусы каждого монофона, а затем полезно придумать к каждому монофону другой конец, продолжая уже написанное. При этом следует обращать внимание на то, чтобы:

- а) не изменялся сюжет,
- б) найти на эту букву редко употребляемые слова при помощи одноязычного русского словаря,
- в) выявить из всех монофонов лучший, по мнению читателя,
- г) выделить те слова, которые чаще всего повторяются в монофоне, и постараться отказаться от них в процессе собственного «монофонотворчества». После всей этой подготовительной работы следует написать собственный монофон, да так, чтобы он был «на порядок» лучше всего прочитанного на этих страницах.

Это нужно для того, чтобы начать серьезно заниматься риторикой. Подчеркиваем: *серьезно!* Как показывает практика, ею хотят многие заняться, меньше — действительно начинают такие занятия, еще меньше — ведут их относительно длительный период времени, совсем мало — стремятся повысить свое ораторское мастерство вдумчивой, кропотливой, последовательной работой над содержанием и над формой своей бытовой и профессиональной речи.

Работа с монофонами — подготовительная деловая речевая игра, которая может быть полезной для становления ораторского мастерства по полной риторической программе; содержание (сюжет, логика, все, что с ними связано) и «цветы» ораторского красноречия (которые могут быть использованы не в полной мере из-за «монофонности» звучания всей работы).

Отметим удачные места представленных монофонов:

№ 1 ... *ввалился в ванну, включил воду и всесторонне вымылся.../ ... во власти веселого восприятия весны, взял велосипед.*

№ 2 ... *он конопатый, курносый, коренастый крепьш. А Катюша — кареглазая красавица...*

№ 3. (Последняя строка монофона)

Есть в приведенных монофонах и другие запоминающиеся места.

ЧАСТЬ IV

АННАЛЫ

*Все искусства состоят в исследовании
истины.*

ЦИЦЕРОН

Кто время вытфрал ~ все вытфрал в итоге.

МОЛЬЕР

Анналы — слово латинского происхождения, означает древние или средневековые летописи (от *annus* — год), а в широком смысле — это запись любых значительных событий, расположенных в определенном порядке.

В пособии под этим общим заголовком расположены:

- Рифмы — последовательно показана возможность дополнительного обучения желающего оратора при помощи специальных заданий, основанных, в частности, на творческой работе: а) условно «поэтической», б) поэтической, едва ли не в полной мере;
- Персоналии — даны краткие биографические справки всех авторов, представленных в хрестоматии, расположенные не по векам и странам, а в алфавитном порядке;
- Словарь — объяснения многих слов, встречающихся не только в данном пособии, но и в риторике вообще, состоит из трех частей: а) термины, объясняющие техническую сторону ораторской речи, б) термины, связанные с теорией подготовки оратора к выступлению, в) список исторических имен, на основе которых сформировались новые понятия, весьма употребительные в кругу ораторов.

Для любителей, тщательно изучающих русское красноречие, этот раздел будет полезен. К нему можно обращаться многократно, в процессе длительной работы над повышением собственного ораторского мастерства и риторической манеры оратора.

В столицах шум — гремят витии,
Кипит словесная война,
А там — во глубине России —
Что там?

Н.А. Некрасов

Стихи повсюду были первыми детьми
гения и первыми учителями красноречия.
Ф. Вольтер

РИФМЫ

Знаменитый поэт, писавший на русском, родном ему языке, и заслуживший на этой ниве Нобелевскую премию, однажды сказал, что не более одного процента населения страны по-настоящему интересуется поэзией. Этот поэт — Иосиф Бродский, и, похоже, что он прав. Во всяком случае, повседневная практика подтверждает, что нередко встречаются учителя, совершенно равнодушные к любым проявлениям поэзии. Но та же практика показывает, что между риторикой и поэзией есть некая сложная, тонкая и не всегда объяснимая связь. Может быть, именно поэтому многие древние риторы и ораторы одновременно были и поэтами, или, если угодно, можно наоборот, поэты были ораторами и Ораторами.

Поэтому попытаемся поставить поэзию на службу риторике.

В одной современной бессмысленной и даже вульгарной песенке бесконечно повторяются рифмы к женскому имени «Алла»: «бежала», «рыдала», «кричала», «желала» и другие более примитивные и даже неприличные. Такая поэзия не останавливает современных «композиторов, исполнителей и продюсеров» от «раскрутки» подобных подделок по радио и телевидению. Аналогичные «тексты» заполнили эфир.

Попытаемся организовать простую и непритязательную, но умную деловую игру, экзерсис из подготовительного ряда.

Можно предложить любителям стихов подобрать рифмы к словам, например: «правил — занемог», «наука — ночь», «коварство — забавлять», «себя — тебя». Наверное, вы уже догадались, что эти рифмы взяты из начальных строк «Евгения Онегина» — С. Пушкина; можно взять с полки томик его произведений.

Но у нас другая задача: нужно набрать на каждое слово не одну рифму, а как можно больше слов-рифм, и тот, кто наберет наибольшее их количество, — тот и победитель.

Можно составить рифмы на пару других слов, которые вам понравятся, скажем, «земля—небо», «лето—зима», «дом—поле» и т.д. В таких упражнениях могут встретиться «легкие» слова, а могут — и «трудные». Под «легкими» понимаются такие, для которых рифмы находятся в относительно большом количестве, например, «лес». Среди ответов в свою очередь могут быть слова, известные всем, и слова, распространенность которых является достаточно редкой. Итак, перед нами два ряда, продолжить которые может всякий желающий:

Распространенные

залез (слез, перелез, подлез)
 без, бес, вес
 балбес, замес, чудес, пресс
 порез (разрез, срез)
 обвес (отвес, завес, навес)
 (много) принцесс
 процесс, экспресс
 конгресс, компресс
 эфес (шпаги)
 (много) месс (от «месса» —
 католическая церковная
 служба)
 воскрес, небес

Не очень распространенные

Мерседес, Геркулес, Ахиллес
 Крез, Зевес (как писал
 А.С.Пушкин, вместо — «Зевс»)
 дормез — (франц.) тяжелая
 карета для лежания, спанья
 портшез — (франц.), кресло-
 носилки
 дюшес — (франц.), герцогиня
 ноблес — (франц.), дворянство
 политес — (франц.), вежливость
 полонез — польский торжест-
 венный бальный медленный
 танец
 шартрез — густой крепкий
 ликер
 дизез — знак повышения тона
 в музыке

Далее можно попытаться создать учебное стихотворение на заданные рифмы, например:

ЛЕС

Задремал к обеду лес,
 Льется солнышко с небес,
 Стайкой бабочки-ноблес
 Там слетелись на конгресс.

РИФМЫ

Но случился с ними стресс, —
Проскочив когда, как бес,
Воробей под куст-навес
К ним, чирикая, залез.
А потом... другой процесс,
Поглядев в глаза принцесс,
Он сконфуженно исчез,
Вспомнив, видно, политес.
Вновь повис июня пресс,
Воздух плотный, как шартрез,
Лес танцует полонез,
Полный неги и чудес...

Нельзя полагать, что перед нами стихотворный шедевр, но как учебная работа заслуживает внимания. Такая работа расширяет запас слов, позволяет продуктивно пользоваться словарями.

После этого можно перейти к словам «трудным», сложным, более редким для рифмы. Поэтому мы переходим к непосредственным заданиям, которые сформулируем как экзерсис «Опора на рифмы».

ОПОРА НА РИФМЫ

ЗАДАНИЯ

1. Практика показывает, что среди начинающих ораторов есть такие, которые с удовольствием занимаются специальными деловыми играми, связанными со стихотворчеством. Начинать такие игры нужно с подбора рифм на любые простые слова, а выигравшим считается тот, кто наберет наибольшее количество слов на одну рифму. Например, на слово «меня»: коня, звеня, кляня, полоня...
2. Наиболее трудными являются слова «Русь», «Россия». Вот как рифмуют их известные поэты, например:

Писатель, если только он
Волна, а океан — Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.

Яков Полонский

Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца
Царю быть другом до конца
И верноподданным России.

Ф.И. Тютчев. На юбилей Н.М. Карамзина

Она не погибнет, — знайте,
Она не погибнет, Россия,
Они всколосятся, — верьте —
Поля ее золотые.

Зинаида Гиппиус

С высот надзвездной Музикии
К нам ангел занесен,
Он крепче всех твердынь России
Славнее всех ее знамен.

Владислав Ходасевич

В петлицах шпалы боевые
За легендарные дела,
По этим шпалам вся Россия,
Как поезд, медленно прошла.

Ярослав Смеляков

Мне кажется, что я не покидал России
И что не может быть в России перемен,
И голуби в ней есть. И мудрые есть змии,
И множество волков. И ряд тюремных стен.

К. Бальмонт. Дурной Сон

Как странно все теперь.
В снегу поля пустые...
Поверь, таких потерь
Немного у России.

К. Ваншенкин. Памяти А. Твардовского

Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

М.Ю. Лермонтов ...

РИФМЫ

Что русским словом столько лет
Вы славно служите России —
Про это знает целый свет:
Не знают немцы лишь родные...
Ф.И. Тютчев. Поздравление
А. Гильфердингу

Боже храни Россию.
Бал сатане не править.
Три молодые жизни
Лежат под трехцветным небом.
Вечная память!..
А. Вознесенский. Памяти Д. Комаря,
В. Усова, И. Кричевского

О златоустом блатаре
Рыдай, Россия!
Какое время на дворе —
Таков мессия.
А. Вознесенский. Реквием В. Высоцкому

В воротнике я — как рассыльный
В кругу кривляк.
Но по ночам я — пес России
О двух крылах.
А. Вознесенский

Цель моя — опереть, свести
Тень, пусть пятнышко, волосиное,
С ветрового стекла России,
Чтоб было светлей в пути.
А. Вознесенский

Горсть отвоеванной России
Он захотел на память взять,
И не сумели мы, живые,
Те пальцы мертвые разжать.
Я. Смеляков. Судья

Я не знаю, отличья какие
Не умею я вас разделять,
Ты одна у меня, как Россия
Милосердная русская мать.
Я. Смеляков. Мать

Суровы глаза голубые,
Сияние молний в избе.
И ветры огромной России
Скорбят и ликуют в трубе.

Я. Смеляков. Пряха

Эти бабы России
Возле нас, там и тут,
Службу, как часовые,
Не сменяясь, несут.

Я. Смеляков. Павел Антокольский

Снова кличет в поход Россия,
И челом я хозяйке бью...
Если дочь родится, — спросила,
— Как назвать мне царевну свою?

С. Наровчатов. Польские стихи

Тысячелетия России
Разбитый памятник в снегу
И купола святой Софии —
Мы все запишем в счет врагу.

С. Орлов. Земля Новгородская

С того рассвета в глубине России,
Где женщины одни и тишина,
Когда бежали, в окна голосили,
Стучали в двери: «Кончилась война!»

С. Орлов. В этот день

Мы тебя трудом преобразили,
Ты звездой немеркнувшей гори...
Разве можно о тебе, Россия,
Бедными стихами говорить?

А. Авдонин

«В его минуты роковые»...
Да что там! Не было и нет
Благих и безмятежных лет
У нашей матери — России.

С. Куняев

РИФМЫ

От самых далеких времен
Мы с гордостью их пронесли,
Хоть много имен у России —
Россия превыше имен.
Вас. Федоров. Лицо века

Великий от великого усилъя,
Вознесший над страной крыло свое!
Отечественный!
Ибо в нем — Россия
И сестры равноправные ее!..
Р. Рождественский. 210 шагов

И мне казалось — вся Россия,
Ее сосновые леса,
Ее потоки грозовые
Вошли в знакомые, живые,
Нас признающие глаза,
А. Алдан-Семенов. Встречаю праздник

Да! Час пробьет, и, обессилев,
Я рухну, голову склоня.
В моих глазах умрет Россия, —
Она ж бессмертна без меня!
А. Алдан-Семенов. Знал...

Ночью бьют орудья корпусные...
Снова мимо. Значит, в добрый час.
Значит, вы и в эту ночь России —
Что вам стоит — вспомнили о нас.
К. Симонов. Я не помню...

Ни писем, ни вестей, как ни проси их,
Они забыли там, за семь морей,
Что здесь, на самом кончике России,
Живет поручик с ротой егерей...
К. Симонов. Поручик

Да где ж Россия?
Где настоящие полки,
Подчас раздетые, босые,
Полмира бравшие в штыки?
К. Симонов. Суворов

И сразу на сердца людские
Печаль, сводящая с ума,
Легла, как будто вдруг Россия
Взяла их за руки сама.

К. Симонов. Слепец

Там с громом подскакав к радушной австери,
Суровых поселян
Напаивали мы, крича «ура»! России,
Ругая Ватикан...
О, дни волшебные! О, годы золотые!
О, как светла тогда
Казалась наших дней над милою Россией
Всходившая звезда!

Аполлон Майков. Якову Полонскому

Что она мне, сыну, дала
душу, слово, характер, силу.
Научила любить Россию
И добро отличать от зла.
С. Викулов. Плуг и борозда

Список может быть продолжен, каждый желающий может сделать это для собственного удовольствия. Следовательно, набор рифм для таких «трудных» слов может быть бесконечно разнообразен.

3. Для желающих можно предложить написать собственное поэтическое творение с каким-нибудь «ключевым словом», например с тем же словом «Россия» (в любых падежах).
4. Желающие получают листочки, на которых напечатаны по две первые строки каждого куплета неизвестного стихотворения, а все остальное дописывает упражняющийся. Затем выявляется лучший вариант и его сравнивают с авторской моделью.

Все эти задания развивают объем лексики начинающего оратора, расширяют темпо-ритмические характеристики его прозаической речи, дисциплинируют ораторскую мысль и пр.

Хорошая, плавная, логичная, обращенная, понятная, обдуманная речь, речь мудрая всегда сопряжена с темпо-ритмом, характерным и индивидуальным для данного оратора. В такой речи

ударные и безударные доли располагаются по определенному порядку (рисунку), согласно с уже давно изученными законами, например, пушкинский стих:

Альфонс садится на коня;
Ему хозяин держит стремя,
«Сеньор, послушайте меня,
Пускаться в путь теперь не время...»

В.Я. Брюсов по поводу этого отрывка замечает: «Это — пример естественности в расположении рифм. Нельзя и в прозе расставить слова в ином порядке». (*Брюсов В. Ремесло поэта.* — М.: Современник, 1981. — С.140).

А вот начало пушкинского «Выстрела»:

Мы стояли в местечке ***
Жизнь армейского офицера известна.
Утром — учение, манеж;
Обед у полкового командира
Или в жидовском трактире;
Вечером — пунш и карты.

В *** не было ни одного открытого дома,
Ни одной невесты;
Мы собирались друг у друга,
Где, кроме своих мундиров,
Не видали ничего.

Известный пушкинист Б.М. Эйхенбаум комментирует эти строки так: «Число слогов в этих «артикулах» (как сказали бы римляне) колеблется от 6 до 14, но с характерным преобладанием девяти-, восьми- и семисложных частей с уравниванием более длинных следующими за ними короткими (12—7, 14—6)». Нет ли здесь переключки между пушкинским стихом и пушкинской прозой? Более того, можно, видимо, утверждать, что пушкинское чувство стиха, строфы, рифмы сказывается и на его прозе. (С деталями этих рассуждений можно ознакомиться по сборнику «Пушкинист». — М.: Современник, 1989. — С. 223, 224).

Итак, для желающих — стихотворные упражнения, но только и исключительно по их собственной доброй воле. Вот еще два примера:

Дай твоей неизящности силу.
Дай мне подвиг мучительный твой,
Чтоб идти, волоча всю Россию,
Как бурлаки идут бечевой.

Е. Евтушенко. Братская ГЭС

С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая.
На лугах твоих, о Русь.

М. Цветаева. 10 июня 1917 г.

Тот, кто чувствует стихи, их темпо-ритм, и прозой распоряжается лучше при всех прочих равных условиях. Но поскольку риторика есть искусство, то нередко бывает и так, что люди, равнодушные к стихам, могут быть неплохими ораторами.

Возможны и другие варианты работы с рифмованным вербальным материалом.

ЗАДАНИЯ (продолжение)

5. В аудитории могут оказаться (а на практике так бывает почти всегда) любители поэзии какого-нибудь конкретного русского поэта, скажем, Сергея Есенина, Марины Цветаевой, Анны Ахматовой... Ритор предлагает аудитории на выбор несколько стихов любимого поэта и ставит задачу (задачи):
- а) прочитайте вслух стихотворение, заранее продумав в нем паузы, ударения, интонации, темпо-ритм и прочее:

М. Цветаева

МОЛИТВА

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
«Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал слишком много!
Я жажду сразу — всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой — день вчерашний,
Чтоб был безумьем — каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство — лучше сказки
И дай мне смерть — в семнадцать лет!
(26 сентября 1909 г., Таруса)

- б) определите для себя наиболее яркие строчки, объясните, почему;
- в) оцените все стихотворение в целом, объясните свою оценку. При любом мнении (положительном или отрицательном) нужно мотивировать свои слова;
- г) предложите другое стихотворение этого же автора, которое в наибольшей степени отвечает вашим вкусам, вашему отношению к этому поэту, и объясните почему;
- д) для наиболее заинтересованных и любящих поэзию — попытайтесь написать собственный вариант на эту тему. Можно взять другое стихотворение, в котором на бумаге будут написаны только первая и третья строки, а все остальные дополняет сам желающий заняться этой творческой работой;
- е) перечень таких заданий может быть продолжен;
- ж) для тех слушателей, которые заявляют о своей нелюбви к поэзии вообще, возможно следующее: полностью освободить от заданий такого рода или заменить на другое задание по договоренности.

Подводя итог сказанному в этом разделе, подчеркнем, что творческое сочетание изучения прозы и стихов выдающихся представителей писательского, поэтического и ораторского мира может в большой степени способствовать становлению начинающего

оратора. Упражнения этого раздела могут внести немалое оживление в учебный процесс, стимулировать творческие начала у начинающих и шлифовку навыков ораторского мастерства у тех, кто уже постиг азы русского красноречия.

Плиний Младший однажды сказал: «**Но ведь есть разница между ораторами и поэтами**» (*Плиний Младший. Письма.* — М.: Наука, 1982, письмо 26, с. 170).

Согласимся с выдающимся мыслителем древности: конечно, разница есть. Но, стало быть, больше сходства, если есть различия. Вот этими совпадениями нам и нужно заняться.

Отсюда ясно, что любовь к стихам помогает освоить риторику.

... Не пишите риторики, а подберите речи известных ораторов всех народов и веков, снабдите их подробной биографией каждого оратора, необходимыми историческими примечаниями — и вы окажете этой книгой великую услугу и ораторам и неораторам.

В.Г. Белинский

ПЕРСОНАЛИИ

Для того чтобы, читая хрестоматию, более полно представить себе тех авторов, отрывки из произведений которых приведены на ее страницах, покажем наиболее важные и характерные особенности их жизни и творчества. При этом хотелось составить такой список не в сухой канцелярской манере, а в стиле оживленном, лирическом, увлекательном, поэтому — с привлечением высказываний (цитат, стихов, оценок, описаний, портретов и пр.) самих героев этих персоналий и высказываний о них третьих лиц.

Очевидно, не имеет смысла приводить здесь биографические данные А.С. Пушкина, чтобы еще раз подчеркнуть, что он — «первый поэт России, солнце русской поэзии» и пр. Но остальные авторы требуют пояснений к своей пусть даже весьма известной фамилии, а некоторые из них известны в наше время непростительно мало.

Первый ряд занимают авторы, жившие в Древней Греции и в Древнем Риме, — Аристотель, Гомер, Демосфен, Крисп, Платон, Цицерон...

Значительное место отводится российским авторам. Среди них Аввакум (Петров), А.Ф. Кони, М.В. Ломоносов, А. Мень, А.Н. Муравьев и др.

В хрестоматии представлена также речь ныне здравствующего митрополита Кирилла, ведущего по российскому телевидению беседы о православии.

Целой эпохой в истории русского красноречия были (и остаются) выступления Ираклия Луарсабовича Андроникова, которому в хрестоматии предоставлено много места.

Отметим еще, что ряд произведений до недавнего времени был едва ли не под негласным (а, может быть, и под гласным) запретом. К ним следует отнести, например, работы графа М.В. Толстого, протоиерея С.Н. Булгакова.

Персоналии далее расположены в алфавитном порядке.

АВВАКУМ (Петров, 1621—1682) —

идеолог и вождь движения старообрядцев на Руси.

Его неистовое и категоричное неприятие реформы Патриарха Никона, готовность пожертвовать собственной жизнью за торжество собственной точки зрения по любому из спорных религиозных вопросов сделали из него символ религиозного фанатизма. Его послания и письма — своеобразное и яркое явление в русской литературе. М. Горький считал, что «язык, а также стиль писем протопопа Аввакума и «Жития» его остаются непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца» (*Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., 1953. Т. 27. — С. 166*).

Аввакум родился на Нижегородской земле, в селе Григорово в семье священника, сам стал священником, в 1652 г. был поставлен в протопопы.

После начала реформы русской церкви Аввакум стал ее активным противником. В своем «Житии» он писал, например, так:

... огнем да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? — не знаю. Мой Христос не призывал наших апостолов так учить.

Против Аввакума и его сторонников, среди которых не последнее место занимала и боярыня Морозова, начались репрессии. Он был сослан в Сибирь (1653—1664 гг.), затем в Мезень (1664—1666), в Пустозерский острог (1667—1682), где и был сожжен 14 апреля 1682 г. по царскому указу «за великия на царский дом хулы».

В хрестоматии помещены его письма к боярыне Морозовой и ее ответы на них, которые позволяют понять некоторые стороны их личных взаимоотношений, познакомиться с общей точкой зрения на современные им события (в том числе церковные), со стилем писем, написанных за четыре сотни лет до наших дней. В настоящее время известно около пятидесяти его сочинений.

Православная церковь дает протопопу Аввакуму следующую характеристику:

... один из первых и выдающихся столпов русского раскола, отличающийся редкими дарованиями, энергией и железной волей... И в ссылке до самой казни

Аввакум являлся энергичным пропагандистом и авторитетным вожаком раскола... (*Полный православный богословский энциклопедический словарь* в 2-х т., Т. I. — С. 20).

АНДРОНИКОВ (Андроникашвили) Ираклий Луарсабович (1908—1990) —

выдающийся ученый-филолог, доктор наук, профессор, народный артист СССР, создатель жанра устного рассказа на телевидении, автор большого числа устных шедевров, рассказанных им за многие годы с эстрады. За особые успехи в научной работе, касающиеся темных мест в истории русской литературы («Лермонтов на Кавказе» и др.), он был удостоен Государственной (1967 г.) и Ленинской (1976 г.) премий.

И.Л. Андроников родился в Тбилиси, после окончания тбилисской школы, затем Ленинградского университета занялся литературоведческой работой, о которой одновременно стал рассказывать на эстрадных концертах (например, знаменитая «Загадка Н.Ф.И.» и множество других). Таким образом, он едва ли не единственный оратор, соединивший в себе и ученого и артиста, причем обе эти его ипостаси на самом высоком уровне были признаны и государством и общественностью.

И.Л. Андрониковым опубликовано несколько томов записей его устных рассказов. Насколько известно, он вначале рассказывал свои произведения, а затем уже записывал их, и не сразу, а через несколько (иногда десятки) лет. Обычно авторы все делают как раз наоборот — вначале пишут, потом говорят.

Речь И.Л. Андроникова артистична, точна, изящна, богата неожиданными сочетаниями слов и выражений, содержит редко употребляемые тропы.

И.Л. Андроников — чрезвычайное явление нашей интеллектуальной эстрады. Его творчество неподражаемо, он создавал критерии, которые следует изучать, приемы, которые полезно использовать в устных выступлениях всем современным ораторам вне зависимости от тематики их интересов. Кажется, после него не осталось ученых или актеров, которые могли бы продолжить

его путь на эстраде, на радио, на телевидении. Он был в полной мере един в трех лицах: знаток темы, автор произведения, оратор-исполнитель. При этом все его три лица были отмечены высокой интеллектуальностью и безусловным профессионализмом.

В хрестоматии помещен самый известный устный рассказ мастера, к которому даются риторические задания и методические комментарии.

АРИСТОТЕЛЬ (384—322 до н.э.) —

классик философии и риторики, учился у Платона в Афинах, в 335 г. до н. э. основал Ликей (Лицей), стал воспитателем Александра Македонского.

Аристотель оставил после себя философское учение («Аристотелизм»), более десятка капитальных ученых трудов, в том числе «О душе», «Метафизика», «Этика», «Политика», «Риторика», «Поэтика».

Взгляды Аристотеля колебались между идеализмом и материализмом, поскольку, по его учению, общим источником всего движения и изменчивого бытия является «ум» («нус» — перводвигатель), и только такой «ум» отличает человека от животного. Поэтому в основе повседневного поведения человека и, как следствие, в основе его ораторской деятельности должны лежать разумное поведение и всеобщая человеческая умеренность.

Для всего творчества Аристотеля характерно такое чрезвычайно важное человеческое качество, как мудрость. Именно оно должно присутствовать в любой речи оратора, если это Оратор (с большой буквы), и любому выступающему следует продумывать свое выступление с этой точки зрения. По Аристотелю, всякое рассуждение направлено либо на деятельность, либо на творчество, либо на умозрение, а наставники более мудры не благодаря умению действовать, а потому, что обладают отвлеченными знаниями и знают «причины»... Если к этому добавить, что сам человек обладает свободой воли, в одинаковой мере властен в выборе добра и зла, добродетели и порока, то становится ясной роль наставника вообще и ритора в частности при овладении любым видом человеческой деятельности, в том числе и такой ее важной области, как риторика. Человеку же, не обладающему практической

мудростью, рассудительностью, следует брать пример с другого человека, чье поведение служит образцом практической мудрости, рассудительности, умудренности. А в конце концов благоразумный и добродетельный человек представляет собой норму для всех других людей.

В хрестоматии дается отрывок из Аристотеля, в котором он исследует проблемы и различные стороны проявления человеческой дружбы.

БУЛГАКОВ Сергей Николаевич (1871—1944) —

ученый, экономист, философ, теолог, православный священник, автор многих книг о православии, оратор-проповедник.

Семь поколений его рода были до него русскими священниками. В молодости он был связан с марксизмом, но постепенно преодолел идеи основоположников этого учения, написав затем книгу «От марксизма к идеализму». В 1894 г. закончил юридический факультет Московского университета. С 1907 г. он становится профессором политэкономии Московского коммерческого института, а в 1912 г. защищает докторскую диссертацию.

С 1923 г. С.Н. Булгаков жил во Франции, был деканом Русского богословского института в Париже.

2 июня 1917 г. С.Н. Булгаков выступил на Первом Всероссийском съезде духовенства и мирян Москвы. Закончил он свое устное выступление такими словами:

Если грядущая Россия станет строиться без имени Христа, если демократия российская окажется в духовном разрыве со Святой Русью, то какую же цену она имеет, кому она нужна, кому из нас дорога будет стремящаяся от Христа Россия.

Объем письменного и устного наследия С.Н. Булгакова поражает. Весной 1939 г. он перенес две операции по поводу рака горла. Нечеловеческими усилиями воли он продолжал читать лекции в своем институте, служить в храме, изъясняться в повседневной жизни без участия голосовых связок. Так продолжалось пять лет, а

6 июля 1944 г. у него произошло кровоизлияние в мозг и 12 июля он скончался.

Отец Сергей погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев де-Буа.

В 1909 г. С.Н. Булгаков писал:

Русское общество, истощенное предыдущими напряжениями и неудачами, находится в каком-то оцепенении, духовном разброде, апатии. Русская государственность не обнаруживает пока признаков обновления и укрепления. (*Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. — М.: Русская книга, 1992, С. 106*).

В наши дни произведения отца Сергея издаются значительными тиражами, доступны для изучения с точки зрения их содержания, а также и как образец для изучения авторского стиля произведений такого рода.

В хрестоматии приведен отрывок из его книги «Очерки учения православной церкви».

ВАЛИШЕВСКИЙ Казимир (1849—1935) —

польский писатель, историк, публицист, доктор права.

За более чем тридцать лет издал во Франции и на французском языке серию книг об истории России, работал в архивах Парижа, Лондона, Вены, Петербурга...

Среди наиболее известных — его книга «Иван Грозный», изданная, в частности, в переводе с французского в Москве в 1912 г. типографией «Общественная польза», но написанная автором в 1904 г. В предисловии к ней автор пишет:

Я мало пользовался неизданными документами. Те документы, которые оказались мне полезными, в большинстве случаев уже опубликованы, частью же совершенно недоступны. Что касается литературы по этому вопросу, то она очень обширна... историку нужно еще поработать, чтобы создать стройное целое.

В предлагаемом в хрестоматии отрывке из его книги «Первые Романовы» (гл. 13 «Раскол») речь идет о церковном расколе в

России, появлении феномена старообрядцев, роли Аввакума, о коллективных самоубийствах среди старообрядчества и о некоторых других сюжетах из этого явления.

В предисловии к этой книге автор, в частности, пишет:

Мне уже заметили одни в виде порицания, другие в виде похвалы, что на этом длинном пути я часто делал отступления, так сказать, шел зигзагами... Двадцать лет тому назад я не располагал теми источниками, которые позволяли мне потом приступить к исследованию этих отдаленных эпох прошедшего, к тому же недостаточно исследованного... Наш труд и должен восполнить этот пробел. Я не осмеливаюсь сказать, что он будет восполнен целиком, но все-таки надеюсь, что мне здесь удалось не без некоторой пользы дать несколько общих взглядов и определенных данных. (*Валишевский К.* Первые Романовы. — М.: СП Квадрат, 1993. — С. 5—8).

В представленном в хрестоматии отрывке из «Первых Романовых» дается только в основном начало главы. «Раскол» — по-гречески «схизма», и этот термин многое определял и определяет в отношениях между Польшей (католиками) и Россией (православными). «Схизматиками» называли католики православных во времена, описываемые Казимиром Валишевским. Таким образом, «раскол» сказывается в разных сторонах внутренней и внешней жизни и политики России. Это о содержании книги К. Валишевского, а ее стиль определяется в соответствующих риторических заданиях в хрестоматии.

ГОМЕР (около 8—7 в. до н. э.) —

легендарный древнегреческий эпический поэт, которому приписывается со времен античных традиций авторство «Илиады», «Одиссеи» и других произведений, легенды рисуют Гомера слепым странствующим певцом, одним из аэдов. За честь называться родиной Гомера спорили, по преданию, семь городов Древней Греции. Полуфантастический образ Гомера привел к появлению так называемого «гомеровского вопроса», при решении которого разные спе-

циалисты по-разному решают проблему авторства этих произведений и в целом проблемы авторства в древнегреческой литературе.

Среди всех аэдов, исполнявших свои произведения под собственный аккомпанемент струнного инструмента, Гомер вошел в список величайших авторов, а его произведения — в список поэтических творений всех времен и народов.

В основе «Илиады» и «Одиссеи» лежат всемирно известные сюжеты, содержащие большое количество мифических древнегреческих сказаний, бытовых зарисовок, напрямую связанных с религиозными представлениями Древней Греции.

Для гомеровской «Илиады» характерны такие стилевые особенности, как неторопливость повествования, любовь к детальному подробному и скрупулезному описанию всего, что оказывается в поле зрения автора, стремление сравнивать между собою все, что только поддается принципу эпического сравнения.

Особое место занимают в поэме боги. Они не только сочувствуют гомеровским героям, но часто и препятствуют им в их действиях, а нередко сами лично вмешиваются в земные события людей на той или другой стороне. Таким образом, божественное вмешательство в жизнь смертных, сопоставление воли богов, с одной стороны, и человеческих знаний, с другой, были в центре внимания древних греков уже за несколько веков до начала нашей эры.

В «Илиаде» (поэме об Илионе, как тогда часто называли Трои), написанной гекзаметром (стихотворный размер), ее главный герой Ахилл (или Ахиллес) совершает много подвигов, которые чередуются с картинами мирной жизни в осажденной им Трое и со сценами споров между богами на Олимпе.

Всего в «Одиссее» около 12 100 стихов, классический перевод ее сделан В.А. Жуковским в 1849 г., в «Илиаде» — 15 700 стихов, впервые переведенных Н.И. Гнедичем в 1829 г.

Отрывок из «Илиады», предлагаемый для хрестоматии, называется «Битва богов».

ДЕМОСФЕН (ок. 384—322 до н. э.) —

афинский оратор, организатор борьбы против македонского царя Филиппа II. После Цицерона — это наиболее известная на

Руси личность среди всех древних ораторов Греции и Рима. Широко известны два факта из жизни Демосфена:

- 1) слабость голоса и невнятность произношения вызывали насмешки окружения Демосфена. Он стал ходить на берег моря, набивал рот камешками и упражнялся в произнесении речей, стараясь побороть шум волн и ветра четкостью дикции;
- 2) большинство его речей имеет политическую окраску и направлены они против отца Александра Македонского, царя Македонии Филиппа, а поэтому называются «Филиппиками». До наших дней всякую страстную, пламенную речь, содержащую в себе не ругань, а факты и огромный эмоциональный призыв к аудитории, принято называть «филиппикой», особенно если оратор разоблачает деятельность конкретной личности.

Совершенное владение приемами, выработанными греческой риторикой, Демосфен удивительно сочетал с искренним пафосом пламенного борца. Он умел разносторонне развить основную мысль, каждое мгновение обращаясь к аудитории своих слушателей, органично включая диалог, призывая ее к вниманию, стремясь взволновать и подчинить ее своей воле. Но слушателей захватывали прежде всего его страстная убежденность и непоколебимая аргументация.

Демосфен оказал большое влияние не только на риторику, но и на прозу. Безусловным образцом был Демосфен, например, для Цицерона ... (См.: *Демосфен. Речи*. В 3-х т. Предисловие. — М., 1994).

До наших дней сохранилось 63 произведения, известных под общим названием «Демосфеновский корпус». Его политические речи переиздавались на русском языке, а «Любовная речь» впервые издана в переводе на русский в 1994 г. (т. II, с. 321 и след.)

В хрестоматии представлена речь любовная — единственный пример такого обращения во всей хрестоматии. Обратим внимание на такую мысль Демосфена (с. 337):

... и придись мне по нраву их речи, я хранил бы молчание, а коли нет, вот тогда и я попытался бы выразить свое мнение.

Демосфен остался верен себе до конца своих дней: после того как Македония (после 338 года до н. э.) постепенно подчинила

себе Грецию, автор блистательных филиппик добровольно принял яд.

КИРИЛЛ —

Митрополит Смоленский и Калининградский, Председатель отдела внешних церковных сношений, родился в 1946 г. в семье русских православных деятелей, сын и внук православных священников.

С мая 1994 г. Его Преосвященство Владыко Кирилл ведет на первом канале российского телевидения цикл религиозных передач под общим названием «Слово пастыря». Тематика его выступлений касается различных сторон жизни Русской Православной церкви, разных сюжетов и общего содержания Ветхого и Нового Заветов, особенностей жизни приходов Православной церкви, работы воскресных православных школ, подготовки православных пастырей, оплаты церковных треб и многого другого.

Телевизионные выступления митрополита Кирилла собирают перед экранами большую аудиторию, так как оратор не только прекрасно владеет излагаемым материалом, но и блистательно демонстрирует высокую ораторскую технику: речь его ярка, образна, самобытна, освещена чистотой дикции и глубокой заинтересованностью самого оратора. В процессе его выступления телезрители слушают речь опытного оратора — плавную, широко льющуюся, музыкальную, содержащую в себе и логику доказательств тезисов и умение украсить ее ораторскими «цветами» красноречия.

Все перечисленное выше, умноженное на истинную веру в содержательную сторону своих выступлений, оказывает на слушателей глубокое познавательное и эмоциональное воздействие. Еженедельные субботние выступления Владыки Кирилла способствуют распространению мастерской ораторской прозы, создавая в среде слушателей немало его духовных и профессиональных последователей.

В хрестоматии представлена одна из проповедей митрополита Кирилла, посвященная событиям, произошедшим до, во время и после Тайной Вечери. Автор использует здесь многие приемы ораторской речи и цитаты из соответствующих мест Библии.

КОНИ Анатолий Федорович (1844—1927) —

русский юрист и общественный деятель, член Государственного Совета, почетный академик Петербургской академии наук, сын известного русского писателя и драматурга Ф.А. Кони.

А.Ф. Кони — один из наиболее известных и выдающихся судебных деятелей и ораторов. В 1878 г. суд под его председательством вынес оправдательный приговор по делу Веры Засулич. Народница Вера Ивановна Засулич (1849—1919) покушалась на жизнь петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и ранила его. Причиной действия В. Засулич явилось чрезвычайно жестокое обращение градоначальника с заключенными, применение к ним телесных наказаний. Дело приняло не только юридический, но и политический оборот. Обращаясь к присяжным заседателям, А.Ф. Кони сказал:

Обсудите дело спокойно и внимательно, и пусть в приговоре вашем окажется тот «дух правды», которым должны быть проникнуты все действия людей, исполняющих священные обязанности судьи (*Кони А.Ф. Собр. соч. Т. II. — С. 168*).

После революции 1917 г. А.Ф. Кони жил в Петербурге, читал юридические курсы в университете в качестве профессора (1918—1922 гг.), писал воспоминания, опубликованные затем в пяти томах.

Как оратор и автор А.Ф. Кони начал рано печататься: ему не было и двадцати лет, когда была опубликована его кандидатская диссертация «О праве необходимой обороны». Эта тема и сегодня остается злободневной. А в те времена она имела большой резонанс, поскольку автор диссертации утверждал:

... Употребление личных сил может быть допущено только при отсутствии помощи со стороны общественной власти... (*Кони А.Ф. Избранное. — М., 1989. — С. 7, 8*).

Если не знать, что эти слова написаны более ста лет тому назад, то можно отнести их к нашей современности.

Читая труды А.Ф. Кони, убеждаешься в том, что его несколько тяжеловесные фразы, идеально точные по смыслу, чеканные по оформлению, демонстрируют такую по всем вопросам позицию автора, которая позволила ему самому сказать о себе:

Я прожил жизнь так, что мне не за что краснеть... Я любил свой народ, свою страну, служил им, как мог и умел.... Я много боролся за свой народ, за то, во что верил. (А.Ф. Кони. Собр. соч. Т. VI. С. 105).

В хрестоматии представлено дело об утоплении крестьянки Емельяновой — одно из наиболее ярких в юридической практике автора.

КРИСП Гай Саллюстий (86—35 до н.э.) —

литератор, государственный деятель Рима, оратор-трибун, многократный оппонент Марка Туллия Цицерона по разным вопросам жизни города.

Первым политическим и ораторским выступлением Криспа следует считать предлагаемую в хрестоматии инвективу против Цицерона (54 г. до н. э.). В отличие от Цицерона Крисп усвоил аттический стиль красноречия, широко использовал архаизмы своего времени. В инвективе он старается унижить и даже уничтожить Цицерона морально (как человека, гражданина и семьянина), как политического деятеля и защитника в суде (из-за его предполагаемой продажности). В частности, издевается над тем, что Цицерон — «новый человек в Риме»: предполагается — по рождению и по тому, что вынужден был находиться в изгнании.

Речи Криспа, как правило, тщательно отделаны, план каждого выступления продуман до мелочей. Часто прослеживается еще одна особенность его стиля: широко используются экскурсы и дигрессии — когда основное течение повествования прерывается отступлениями, в которых автор сообщает по теме дополнительные сведения, расширяет тематику повествования.

Русский перевод инвективы Криспа против Цицерона был опубликован только в 1981 г. (См.: *Крисп Гай Саллюстий*. Сочинения. — М.: Наука, 1981).

Жаль, что многие особенности стиля Криспа не могут быть сохранены при переводе на другой язык, например, необычные слова, простонародные формы, архаизмы, поэтизмы и т. п. Современники отмечали его «саллюстивую краткость» и «бессмертную быстроту повествования», правда, относились к этим особенностям его стиля по-разному: одни хвалили, другие — отрицали.

Тексты Криспа дошли до наших дней в рукописях на пергаменте, которые датируются IX—XI вв. Их оценке и оценке политических взглядов их автора посвящен ряд книг (например: *Утиченко С.Л.* Древний Рим. События, люди, идеи. — М., 1969). В этой же книге дается характеристика всему литературному наследию этого выдающегося писателя и оратора Древнего Мира.

Для нас интересно сравнить содержание и форму двух инвектив: Криспа против Цицерона и Цицерона против Криспа. И читать и работать с ними лучше одновременно, по общему и хорошо известному приему антитезы.

ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич (1711—1765) —

кроме множества научных титулов, чрезвычайных открытий, абсолютных начинаний и построения основополагающих систем ему принадлежит первенство в формировании основ русского языка. Он заложил фундамент русской поэзии, истории, российского просвещения в целом. По его инициативе в 1755 г. был открыт Московский университет, носящий теперь его имя. М.В. Ломоносов — первый русский самородок из народа, добившийся международного признания. Перечислить все его заслуги перед Россией невозможно, настолько они велики и многогранны.

Нас интересует то, что его перу принадлежат стихи в силлабо-тонической манере, оды, трагедии, сатиры, грамматика русского языка и т. п. А самое главное для нашей хрестоматии — он написал учебник по риторике.

В «Отчете о завершенных и незавершенных научных и литературных работах» (19 января 1764 г.) М.В. Ломоносов среди 23 пунктов указывает, в частности, следующее:

собрал великую часть рифмологии российской, сочинил 30 од торжественных и духовных..., стихи о пользе стекла... читал лекции стихотворческие и по оным обучался поэзии студент Поповский, который после того был профессором красноречия в Московском университете..., собрал лексикон первообразных русских слов..., собрал лучшие российские пословицы..., рассуждения о разделении и сходстве языков..., краткое руководство к красноречию..., собрал речи разных языков, между собою сходные..., переведил оды и другие стихи с латинского, французского и немецкого языков на русский... (См.: *Ломоносов М.В.* Избранная проза. — М., 1980. С. 405, 406).

Похоронен М.В. Ломоносов в Александро-Невской лавре С.-Петербурга в Некрополе XVIII в.

Вспомним его классические строки:

Держайте ныне ободрены
 Раченьем вашим показать,
 Что может собственных Платонов
 И быстрых разумом Невтонов
 Российская земля рождать.

Свое знаменитое «Краткое руководство к красноречию» Ломоносов опубликовал в 1747 г. В хрестоматии из него представлен довольно большой, но все же отрывок. Желательно ознакомиться с «Руководством...» по первоисточнику.

МЕНЬ Александр (1935—1990) —

протоиерей, крупнейший современный православный проповедник и духовный писатель, написавший семь томов «В поисках истины». В этой серии он анализирует духовную эволюцию человека, начиная от первых шагов цивилизации. Последняя книга серии называется «Сын человеческий» и посвящена Иисусу Христу.

Отец Александр служил под Москвой. В его маленький сельский храм на службу собирались толпы народа, люди приезжали не только со всех концов Подмосковья, но и издалека. О служении отца Меня, о его проповедях, о его умении влиять на аудиторию Архиепископ Иоанн (Шеховской) отозвался так:

Отец Мень избегает абстрактных терминов, он говорит кратко и просто, языком понятным и точным... Пусть слова этих страниц о служении человечества Богу — слова живые и нужные — упадут не на дорогах суеты, не в терния страстей и не на камень бесчувствия, но на благодатную землю живых сердец. (*Мень А.* Православное богослужение. Предисловие. — М.: Слово/Slovo, 1991. С. 5).

9 сентября 1990 г. ранним осенним утром отец Александр шел на службу. Неизвестный преступник ожидал его на безлюдной лесной тропинке. Удар сзади по голове завершил земную жизнь протоиерея. Как показало следствие, отец Александр, возможно, видел убийцу, но никаких имен не назвал, хотя еще жил некоторое время после удара. Следствие продолжается пока без видимых результатов.

В одном из разделов своей книги отец Мень пишет:

Труд священника-исповедальника Церковь сравнивает с трудом врача. Мы приходим на исповедь, чтобы обрести исцеление своих душевных и духовных недугов; для этого нужно учиться ясно и точно называть свои грехи. Если мы скрываем что-то, то грешим против Самого Христа Спасителя. Тогда таинство будет нам «в суд и осуждение» (Там же, с. 142).

Таким образом, не только во время публичного ораторского выступления, но даже и на исповеди «нужно учиться ясно и точно называть»... вещи своими именами, нужно мыслить «ясно и точно», остальное — приложится.

Для хрестоматии взят отрывок из его книги, впервые изданной в Брюсселе в 1980 г. Во введении к ней отец Александр пишет:

Слова молитв, гимны благодарения и покаяния, которые вылились из глубины сердец великих поэтов, мистиков, святых, боговидцев, драгоценны для нас. Жизнь в них есть школа жизни. Оно воспитывает нас, просветляет и возвышает. (Там же, с. 10).

В русском издании эта книга называется *Протоиерей А. Мень.* Православное богослужение. Таинство, слово, образ. — М., 1991.

**МУРАВЬЕВ Андрей Николаевич
(1806—1874) —**

ученый, поэт, офицер, дипломат, с 1836 г. — член «Общества любителей русской словесности», а с 1837 г. — член Российской академии.

Его книга «Путешествие по святым местам русским» выделяется среди всех других им написанных, а всего их насчитывается до тридцати, другое его произведение — «Жития святых Российской церкви, а также Иверских и Славянских» вышло из печати в 12 томах.

Кроме книг по истории церкви, большинство из которых переведено на многие европейские языки, А.Н. Муравьев оставил воспоминания, в которых сообщает немало интересного об А.С. Пушкине, А.С. Грибоедове, М.Ю. Лермонтове, И.А. Крылове, З.Н. Волконской и других выдающихся личностях «золотого века» русской поэзии.

Но отзывы современников о творчестве этого автора порой встречаются самые противоречивые: одни считали его устаревшим и сентиментальным, другие — холодным и неискренним, третьи — искренним и горячим... Кто-то ругал его стиль, кто-то — хвалил, но все соглашались с тем, что значение его творчества для русской культуры непреходяще. Особенно в наши дни, когда восстанавливается Русская Церковь и когда со времени издания этой книги (предыдущее в С.-Петербурге в 1846 г.) прошло более 150 лет.

Стихи Андрея Николаевича и его книгу «Путешествия по святым местам русским» отмечал и ценил А.С. Пушкин.

А.Н. Муравьев родился в знаменитой семье. Его отец — генерал Н. Муравьев, математик, организовавший в Москве школу колонновожатых — прообраз будущих офицеров генерального штаба. Его братья — М.Н. Муравьев, управляющий Виленским краем, Н.Н. Муравьев-Карский, наместник на Кавказе, последний получил к фамилии добавление (Карский) за руководство по взятию турецкого города Карса в 1855 г.

Итак, нам предстоит составить собственное мнение относительно стиля этого некогда популярного автора, о котором, например, Н.С. Лесков писал так:

Он первым из светских людей начал вещать о таких вопросах, которыми до него «светские» люди не интересовались и не умели за них тронуться.

Именно благодаря «Путешествию...» к духовной теме обратили свои стихи А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев («Там, где на высоте обрыва...»), А.Н. Апухтин («Уставши на пути тернистом и далеком...») и др.

В хрестоматию включен отрывок из «Путешествия...», в котором речь идет об одном из главных Кремлевских храмов — об Архангельском соборе, в сумраке которого находятся великокняжеские захоронения России.

ПЛАТОН (428 или 427—348 или 347 до н.э.) —

древнегреческий философ-идеалист, оратор, ученик Сократа, создатель Платоновской академии в Афинах (около 387 г. до н.э.). Один из наиболее известных основателей философской школы в истории человечества.

Сочинения Платона («Апология Сократа», «Федон», «Пир», «Федр» — учение об идеях, «Государство» — теория познания, «Парменид», «Софист» — диалектика категорий и др.) представляют собой собрание и систему высокохудожественных и интеллектуальных диалогов, как правило, между знающим и спрашивающим, между учителем и учеником, нередко в беседах принимает участие несколько человек.

От имени самого Платона произошло особое понятие — «платонический» (чисто духовный, не связанный чувственностью, например, «платоническая любовь»). «Платонизм» — философское течение, превратившееся позднее в неоплатонизм, воздействие которого испытала на себе идеалистическая философия Европы.

По вопросу об ораторе (который особенно интересует нас в рамках хрестоматии) приведем вопрос и ответ Платона, которые полностью освещают его мнение:

Сократ: Чтобы речь вышла хорошей, прекрасной, разве разум оратора не должен постичь истину того, о чем он собирается говорить?

Федр: ... тому, кто намеревается стать оратором, нет необходимости понимать, что действительно справедливо, — достаточно знать то, что кажется справедливым большинству, которое будет судить. То же самое касается и того, что в самом деле хорошо и прекрасно, — достаточно знать, что таковым представляется, именно так можно убедить, а не с помощью истины...

Сократ: Значит, тот, кто намерен заняться ораторским искусством, должен прежде всего постичь правильное разделение и уловить, в чем признак каждой его разновидности — и той, где большинство неизбежно блуждает, и той, где этого нет.

Федр: Прекрасную его разновидность, Сократ, постиг бы тот, кто уловил бы это! (*Платон. Собр. соч. Т. II. — М., 1993. — С. 169, 173.*)

Конечно, все понимание теории и практики красноречия Платоном не укладывается в эти четыре реплики, они дают о нем лишь некоторое представление.

В хрестоматии представлен полный раздел диалога «Софист», который называется «Возможность лжи в речах и мнениях».

Добавим, что «Платон» — это прозвище, в переводе «широкий», а его настоящее имя — Аристокл, но об этом забыли.

ПЛЕВАКО Федор Никифорович (1842—1908) —

один из наиболее крупных российских адвокатов, закончил юридический факультет Московского университета. Глубокая эрудиция, проникновение в психику обвиняемых, тщательная подготовка к судебным заседаниям и к собственным судебным речам сделали его популярным на многие годы, постепенно превратив самого судебного оратора в легендарную фигуру, рассказы о которой передавались из уст в уста.

В судебных речах Ф.Н. Плевако затрагивал большой круг вопросов, в том числе социальных, нравственных, которые находились в поле зрения общественности страны. Внутренняя теплота оратора воздействовала на аудиторию таким образом, что

его выступления запомнились на годы. А.Ф. Кони написал: «Это был человек, у которого ораторское искусство переходило во вдохновение» (Сб. судебных речей известных русских юристов. — М., 1957. — С.467).

В.В. Вересаев вспоминает об одной из судебных речей Ф.Н. Плевако, когда тот защищал священника за преступление, которое сам подсудимый не отрицал. Речь адвоката состояла всего из нескольких фраз, которые он произнес взволнованно:

Господа присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всем совершенно прав. Все эти преступления подсудимый совершил и в них сознался. О чем тут спорить? Но я обращаю ваше внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который тридцать лет отпущал на исповеди все ваши грехи. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему его грех?

Адвокат отошел к своему месту и сел. Священника оправдали. (*Вересаев В.В. Соч.*, т. IV. — М., 1948. — С. 446, 447).

Этот и другие подобные примеры из российской судебной практики вошли едва ли не во все учебники отечественного красноречия. После смерти Ф.Н. Плевако было опубликовано около 60 записей его судебных выступлений.

В хрестоматии представлены две речи знаменитого адвоката с совершенно разными социальными и психологическими сюжетами.

ПЛИНИЙ Младший, или Плиний Цецилий (61—114) —

друг историка Тацита, писатель, оратор, государственный деятель, из трудов которого до нас дошли только его письма, собранные в 10 книгах. Он называется «Младшим» в отличие от собственного дяди — Плиния Старшего, который был одним из самых трудолюбивых ученых всех времен, написал множество обширных сочинений, обладал разносторонним образованием. В 79 г., желая поближе видеть и описать извержение вулкана Везувия, он погиб.

Плиний Младший родился в богатой и знатной семье, его детство под опекой его дяди — Плиния Старшего — было безоблачным. Окончив школу грамматики, мальчик перешел в «университет», т.е. в риторическую школу; она учила понимать цену слова, его силу и вес. Все питомцы риторической школы знали, что слово может быть мощным разящим оружием, которое часто становится страшнее меча, а может быть и драгоценным камнем, который при умелой отделке и подборе к другому чарует своим блеском, игрой и изяществом.

Риторическая школа в Древнем Мире ставила перед собой в это время специальную цель: подготовить хорошего судебного оратора. При империи, когда Август, по словам Тацита, «усмирил политическое красноречие», юноша уже не мог мечтать о том, чтобы «слово его управляло умами и успокаивало сердца». Полем его деятельности оставался суд, карьера судебного оратора была и почетной и доходной. Удачно провести в суде, а тем более в сенате, защиту или обвинение, значило положить прочное основание собственной известности и всей дальнейшей судьбе...

И Плиний Младший, успешно закончив школу, решил стать адвокатом. В суде он выступал много раз, адвокатом был талантливым, затем перешел на государственную службу, став консулом в 100 г., затем императорским легатом. В этой должности его и настигла естественная кончина.

Письма Плиния Младшего — тщательно отработанная литературная и риторическая работа. Они написаны по плану, составлены в обдуманых выражениях и в тщательно подобранных словах: они убеждают, вразумляют и доставляют удовольствие от самого факта знакомства с ними. Хотя некоторые критики считают их надуманными, деланными и искусственными.

ПУШКИН Александр Сергеевич (26 мая/6 июня 1799— 29 января/10 февраля 1837)

Не будем повторять биографию великого поэта, обратимся к высказываниям о нем. Ксенофонт Полевой:

Одушевленный разговор его был красноречивою импровизациею, потому что он обыкновенно увлекал всех, овладевал разговором, и это всегда кончалось тем, что все смолкали невольно, а говорил он. Если бы записан был хоть один такой разговор Пушкина, похожий на рассуждение, перед ним показались бы бледны профессорские речи Вильмена и Гизо...

Друзья поэта утверждали, что беседа его «стоила его произведений».

Нащекины рассказывали «о том удовольствии, какое они испытывали в обществе и в беседах Пушкина. Он был душа, оживитель всякого разговора».

Разговаривая с Пушкиным, замечаешь, что у него есть тайна, — его прелестный ум и знания. Ни блесок, ни жеманства в этом князе русских поэтов.

...с его веселым, заливающимся, ребячьим смехом, с беспрестанным фейерверком остроумных, блистательных и добродушных шуток.

Лев Сергеевич Пушкин свидетельствовал, что «гениальность его брата выражалась преимущественно в словах, особенно в разговорах в женщинами».

А.А. Муханов писал в 1827 г.: «Он в сто крат занимательнее в мужском обществе, нежели в женском...»

Т.Н. Грановский, имевший однажды случай беседовать с Пушкиным, причислял «этот разговор к приятнейшим в своей жизни».

Л.С. Пушкин:

...редко можно встретить человека, который бы объяснялся так вяло и несносно, как Пушкин, когда предмет разговора не занимал его. Но он становился блестяще красноречив, когда дело шло о чем-нибудь близком его душе. Тогда-то он являлся поэтом, и гораздо более вдохновенным, чем во всех своих сочинениях.

Все эти цитаты взяты из издания 1929 г. «Разговоры Пушкина» (репринт 1991. — М.: Изд-во политич. литературы. — С. IX—XI).

А.С. Пушкин был красноречив, риторику изучал с детства. Так, публичный экзамен в Лицее по русскому языку охватывал четыре раздела: «разные роды слогов и упражнения речи, краткая литература красноречия в России, славянская грамматика, чтение собственных сочинений». Кроме русского ораторского искусства, изучал французскую риторику и владел ею, знал классическую поэзию и мифологию, греческий и латинский языки.

Рассказывает П.И. Миллер, лицеист младшего года выпуска:

Вскоре по выходе «Повестей Белкина» (в октябре 1831 г.) я на минуту зашел к Александру Сергеевичу, они лежали у него на столе. Я и не знал, что они вышли, а еще менее подозревал, что автор их — он сам.

— Какие это повести? И кто этот Белкин? — спросил я, заглядывая в книгу.

— Кто бы он там ни был, а писать повести надо вот так: просто, коротко и ясно.

Далее я не хотел расспрашивать. (Там же, с. 173).

Любимые выражения А.С. Пушкина:

Очень хорошо (когда бывал чем-нибудь доволен).

Злы только дураки и дети.

Защити меня, Господи, от моих друзей, а врагов я беру на себя.

Поэты — сверхкомплектные жители света.

Вот было бы любо.

Толпа имеет здравый смысл [добавляя:] Но в отношении вкуса — ни гугу!

О своей жене часто говорил: Моя Косая Мадона.

Приязнь и дружбу создал Бог, а литературу и критиков мы сами выдумали.

Таким, как Бог создал меня, хочу всегда казаться.

И замереть, и умереть можно — лежа на диване, заложив руки под голову и закрыв глаза.

Люблю играть этой мелочью... Но беречь ее не люблю... поиграю и пускаю в ход, ходячая монета! — [о деньгах.]

Как я рад, что я у вас! Я здесь в своей родной семье! (Воспоминание жены П.В. Нащекина) — [в гостях.]

В процессе создания своих поэм часто повторял строки из них:

Обманет, не придет она!
Ударил бой, Полтавский бой!
Да, это вещь не простая, чистый голубец — [хваля что-нибудь.]
Летом песочница, зимой чернильница — [об Одессе.]

Или в «Евгении Онегине»:

Онегин был по мнению многих
(Судей решительных и строгих)
Ученый малый, но педант:
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм.
Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпиграфы разбирать...
Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита...

Его знакомец К.И. Савостьянов пишет, что на все приветы в Тифлисе во время торжества в честь Пушкина, он

молчал до времени, и одни только слезы высказывали то глубокое приятное чувство, которым он тогда был проникнут. Наконец, когда умолкли несколько голоса восторженных, Пушкин в своей стройной благоуханной речи излил пред нами душу свою, благодарил всех нас за торжество, которым мы его почтили, заключивши словами: «Я не помню дня, в который я был бы веселее нынешнего, я вижу, как меня любят, понимают и ценят, и как это делает меня счастливым!» (Там же, с. 125).

Драматург М.П. Погодин читал Пушкину свою трагедию «Петр I»:

Помню одну поправку. Расстрига Иаков в первом действии, осуждая действия Петровы, говорит о захвачен-

ных им церковных деньгах. Когда я прочел:

И всякая копейка горячим углем
На голову его падет в последний день...

«Каплей, каплей», — воскликнул Пушкин, вскочив и потирая руки... (Там же, с. 163)

А.С. Пушкин, будучи выдающимся мастером красноречия, был хорошо развит физически, прекрасно стрелял из пистолетов, ездил верхом, управлялся и с пером, и с нагайкой.

17—19 июня 1829 г. А.С. Пушкин принимал непосредственное участие в стычках с горцами во время русско-кавказской войны. Он пишет:

Отдохнув, пустились мы далее. По всей дороге валялись тела. Верстах в 15 нашел я Нижегородский полк, остановившийся на берегу речки посередине скал. Преследование продолжалось еще несколько часов. К вечеру прошли мы всю долину, окруженную густым лесом, и, наконец, мог я выспаться вволю, проскакав за эти два дня более осьмидесяти верст.

Среди стихов 1829 г. есть и такие:

Был и я среди донцов. Гнал и я османов шайку,
В память битвы и шатров я домой привез нагайку...

В походе поэт читал ночью в палатке Н.Н. Раевскому, командиру Нижегородского драгунского полка, рукопись своей трагедии «Борис Годунов».

СЕНЕКА Луций Анней (около 4 до н.э. — 65 н.э.) —

один из самых известных писателей Древнего Рима, философ, крупный поэт, драматург.

Но для нас он интересен в первую очередь как оратор. Не случайно уже в начале своей ораторской деятельности одной из своих речей он вызвал такую ненависть Калигулы, что тот распорядился убить Сенеку. Это не было пустыми угрозами: Калигула — третий император Рима, которого на самом деле звали Кай Це-

зарь, получил это прозвище по названию солдатского сапога («калиге»), поскольку особенно любил эту обувь. Его царствование отличалось жестокостью и безумными выходками, ибо сам Калигула после серьезной болезни впал в полное помешательство. Он не только сам убивал, но выражал желание, чтоб весь римский народ имел бы одну голову, чтобы он мог отсечь ее одним ударом. Сам Калигула был убит в 41 г.

От Калигулы Сенеку спасло только слабое здоровье, которое позволяло надеяться, что оратор сойдет в могилу естественным путем и в самое скорое время. Затем Сенека стал наставником маленького Нерона. Жизнь Сенеки закончилась трагически: он совершил самоубийство по приказанию подросткового Нерона. Напомним, что Нерон — римский император, родился в 37 г., отличался жестокостью, грубостью, распутством. Он предал смерти множество людей, в том числе свою мать Агрипину, жену Октавию, сводного брата Британика и других. В 64 г. в Риме произошел большой пожар. Есть данные, что сам Нерон приказал поджечь город, но он обвинил в этом преступлении первых христиан, объявил на них гонения, в ходе которых христиан предавали страшным казням, травили хищными зверями, сжигали живьем и пр. Нерон считал себя великим актером, певцом, оратором, требовал себе всеобщего поклонения, но после всеобщего восстания в провинциях Рима был вынужден лишить себя жизни.

Вот какие были «времена и нравы»!

В каком контрасте со всем тем, что рассказано на этой странице, находится творчество Сенеки, его письма к Луцилию, его трагедии! Особенно письма, наполненные цельной и стройной системой нравственного отношения к человеку, к окружающей его действительности. Писем более ста, они разного объема и содержания.

СИПОВСКИЙ Василий Дмитриевич (1621—1682) —

автор многотомной серии под общим названием «Родная старина отечественной истории в рассказах и картинках». Она была опубликована третьим изданием в 1904 г.: один том — XIV—XVI вв.,

другой — XVI—XVII вв. и т.д. Вся серия издается с подзаголовком: «История России в рассказах для детей».

Для того чтобы можно было сразу составить мнение о стиле и манере автора, процитируем важный абзац из его собственного предисловия к выпуску, посвященному XVI—XVII вв. нашей истории:

Главной целью нашей было дать учащемуся юношеству такое пособие по отечественной истории, которое, дополняя и освещая факты, изложенные в общепотребительных учебниках, давало бы по возможности более живое представление о внутреннем строе жизни и быте наших предков... При соблюдении последнего условия нам, понятно, нельзя было избегать сухих страниц, на которых говорится по большей части о внешних фактах немногим более, чем в общепринятых руководствах: опустить эти страницы — значило бы нарушить связь, весьма важную в историческом изложении, а развивать подробнее — значило бы дать книге слишком уж большой объем и сделать ее менее доступной для учащихся (книга наша и так вышла значительно больше предполагаемых размеров).

И далее:

Особое внимание обратили мы на изложение, старались по мере сил достигнуть возможно большей простоты и чистоты языка, чтобы наша книга, хотя по содержанию и рассчитана преимущественно на учащееся юношество, в большинстве рассказов была доступна всякому грамотному человеку (*Сиповский В.Д.* Родная старина. — М., 1993. — С. 6).

Хорошие слова и хорошо сказаны. Под ними может подписаться любой автор, пишущий для молодежи, для учащихся, для тех, наконец, кто озабочен риторической и ораторской культурой; каждый из любителей русского красноречия, озабоченный, в частности, становлением риторики и как учебного предмета в нашей современной школе — в целом.

В хрестоматии представлена в изложении В.Д. Сиповского одна из труднейших страниц нашей отечественной истории: религиозное противостояние между русскими и поляками, между православием и католицизмом, между Россией и Польшей, которое особенно ярко проявилось в Западной Руси и Литве, сосредоточившись во Львове и вокруг этого города. Вспомним, что отголоски этих давних событий дают знать о себе и сегодня, через более чем пятьсот лет после того, как они потрясли собою народы, страны, церковь и множество отдельных людей, выступающих как на той, так и на другой стороне, пострадавших и погибших в вихре исследуемых событий.

СОКРАТ (469—399 до н.э.) —

великий афинский философ, величайший мыслитель человечества, в юности ваятель (скульптор), чему он научился у своего отца. Внешне был чрезвычайно некрасив (похож на старого сатира Селена — веселого, пьяного, лысого, коротконового, с сильным и мощным торсом, физически очень здорового и выносливого).

Он ходил по улицам и беседовал с прохожими, со своими учениками (но термин «ученик» он не принимал, полагая, что недостаточно мудр, чтобы иметь «учеников», а вместо слова «ученик» выражался иносказательно — «люди, беседующие со мной»), согражданами, стараясь способствовать их нравственному и интеллектуальному развитию, ратуя против ложных знаний и ложного понимания вещей. Он не оставил никакой школы, не оставил письменного наследия, а учил на площадях, отвечая на вопросы желающих и задавая вопросы любому встречному.

В своих размышлениях Сократ отводит центральное место человеческому поведению. Душа является вместилищем личного интеллекта и характера, поэтому Сократ видел свое предназначение в заботе о душе и стремился сделать ее как можно лучше.

Мы знаем о содержании его «занятий» со слов Платона и, частично, со слов Ксенофонта (Ксенофонт написал, в частности, «Воспоминания о Сократе»). У Сократа была жена — Ксантиппа, и если он — олицетворение ума, мудрости, честности, справедливости и многих других высоких человеческих качеств, то она — символ ворчливости, мелочности и склочности...

Прямота суждений Сократа, его выдающийся интеллект сыскали ему немало врагов, которые обвинили его во всех возможных смертных человеческих грехах (разврат юношества, отречение от государственной религии и пр.). После открытого судебного разбирательства он был приговорен к смерти и мужественно выпил чашу с ядом, отказавшись от побега, на чем настаивали его друзья.

Так закончил свой жизненный путь один из самых идеальных людей земли и граждан своей страны.

Итак, Сократ считал, что высшая добродетель человека — знание, или мудрость, путь достижения — самопознание, а средство овладения знаниями — система вопросов, наводящих «беседующих» на верное понимание «истинного, блага» — истины. Главная цитата из Сократа звучит так:

Единственное, что Сократ знал окончательно — это то, что он ничего не знал окончательно.

ТОЛСТОЙ Михаил Владимирович (1812—1896) —

граф, дальний родственник Льва Николаевича Толстого. Он знаменит не этим родством, а тем, что стал одним из наиболее ярких духовных писателей России, автором многих книг по истории Русской церкви. Среди них одно из первых мест занимает «История Русской церкви», которая была любимым чтением в домашнем кругу и пользовалась большей популярностью, чем иные тома, имевшие в списках своих авторов имена прославленных отечественных историков.

Это тем более так, поскольку история Русской Церкви была неотделима от истории всего Российского государства и от повседневной жизни русского народа во всех его бытовых, духовных и социальных проявлениях. В предисловии к этой книге Наместник Спасо-Преображенского Валаамского Ставропигиального монастыря Игумен Андроник пишет:

«История Русской церкви» М.В. Толстого написана церковно и научает церковности. История церкви — это описание ее святости и благочестия, открывающихся в ее подвижниках. Естественно нам поэтому от

церковного историка ожидать «по тщательном исследовании всего сначала», как пишет евангелист Лука (Лк. 1, 3), а прежде всего благочестивого повествования о событиях: чтобы мы узнали твердое основание церковного учения (Лк. 1,4). Такие повествования церковь преимущественно заключала в круг Четий-Миней, подчеркивая равноценность различных временных отрезков перед вечностью. Но и хронологическое («от сотворения мира»), по годам («полетное») изложение всегда признавалось церковью имеющим свой смысл и значение... М.В. Толстой в своей «Истории...» следует традициям как церковного летописания, так и житейного повествования и потому читатель получает от его книги и исторические познания, и благочестивое назидание. (См.: *Толстой М.В. История Русской церкви*. Изд. Спасо-Валаамского монастыря, 1991. — С. 5, 6).

Таким образом, для хрестоматии отрывок из этой книги, кроме двух служб, отмеченных Игуменом Андроником, сослужит еще одну, для нас немаловажную — покажет стиль и манеру написания и говорения на церковные темы, покажет те ораторские приемы, которые используются для бесед на эти святые для всех верующих темы. Наш выбор пал на небольшой по объему отрывок, посвященный самой начальной фазе становления православия на Руси: «Святой равноапостольный великий благоверный князь Владимир, во святом крещении Василий». (Год его рождения неизвестен — умер в 1015 г.).

ЦИЦЕРОН Марк Туллий **(3 января 106—7 декабря 43 до н.э.) —**

самый знаменитый оратор Древнего Мира, нередко упоминаемый по любому риторическому поводу. Этот выдающийся оратор и государственный деятель Древнего Рима, теоретик и практик красноречия, автор философских работ, оставил глубокий след в риторике.

В одной из наиболее полных книг о Цицероне есть такие слова: Цицерон

... приступил к трактату «Об ораторе». Он знал, что до сего времени ни один римлянин не владел словом с таким совершенством, как он (*Грималь П.* Цицерон. — М., 1991, ЖЗЛ. — С. 272).

А несколькими строками ниже П. Грималь пишет:

Ведь красноречие — не только важное слагаемое общественной жизни, но также ее форма, а подчас и движущая сила. Поэтому обращаться с ним следует сугубо осторожно. Платон указывал на опасности, которые таит красноречие, но какой он сделал вывод? Он отрицал это искусство искусств, отказывался от него. Однако греческие полисы не могли жить без дискуссий и споров, без речей, убеждающих граждан в разумности тех или иных решений, и выводы Платона на практике не осуществлялись... Цицерон же утверждает, что... надо научить граждан правильно им (красноречием) пользоваться.

Главный труд Цицерона о красноречии так и называется — «Об ораторе». В этой книге два главных персонажа: 1) философская и риторическая культура автора и 2) его собственный практический ораторский, государственный и философский опыт. Но Цицерон сам писал о себе, что в начале выступления он нередко терялся, начинал заикаться и забывал нить речи.

По велению Антония (Марк Антоний — триумвир, современник Цезаря, родился около 83 г. — кончил самоубийством в 30 г. до н.э.) Марк Туллий Цицерон был убит. Но Рим помнит до сих пор, что во время борьбы с Катилиной, который организовал заговор против Цезаря, а затем покушался на жизнь Цицерона, Цицерону был дан титул «Отец Отечества». Цицерон заслужил этот титул не оружием, не войнами, не даром полководца, а только тем, что владел словами, да еще умел расставить их в таком порядке, который обеспечивал ему победу над любым противником, кем бы этот противник ни был в жизни и в государстве. В риторике Цицерон был неподражаем и непобедим.

В хрестоматии представлена его инвектива против Гая Саллустия Криспа. Читать обе инвективы лучше, сравнивая их между собой.

Слово — одно из величайших орудий человека. Бессильное само по себе, оно становится могучим и неотразимым, сказанное умело, искренне и вовремя. Оно способно увлекать за собой самого говорящего и ослеплять его и окружающих своим блеском.

А. Кони

Верно определяйте слова и вы освободите мир от половины недоразумений.

Р. Декарт

СЛОВАРЬ

Словарь делится на три части, граница между которыми условна, тем не менее она может быть определена тем, что первая и вторая части относятся в наибольшей степени к практике красноречия, а третья связана с именами собственными. В словаре использованы общепринятые сокращения. Если термин имеет несколько значений в различных областях человеческих знаний, то в этом списке указывается только его значение, имеющее отношение к культуре, языкознанию, риторике.

Красноречие — это поэзия прозы.

У. Брайан

ТЕХНИКА РЕЧИ/ЛЕКИФ

АББРЕВИАТУРА (итал.), сокращение, употребительное в устной речи, например, вуз (высшее учебное заведение).

АБРАКАДАБРА (греч.), непонятный набор слов, бессмыслица.

АД ЛИБИТУМ (лат.), по желанию, на выбор, свободно, т.е. такая манера речи, когда оратор свободно пользуется всеми ее богатствами.

АКЦЕНТ (лат.), ударение в слове, во фразе, выделение какой-нибудь части речи, обращение внимания аудитории.

АЛЛЕГОРИЯ (греч.), иносказание, выражение отвлеченного понятия при помощи конкретного образа, например, в баснях: Лиса — «хитрость». Волк — «жадность».

АЛЛИТЕРАЦИЯ (лат.), повторение одинаковых или похожих звуков, например, «Мой милый маг, моя Мария» (В. Брюсов).

АЛОГИЗМ (греч.), нелогичность речи, высказывания.

АМПЛИФИКАЦИЯ (лат.), накопление нескольких сходных определений, усиливающих характеристику явления (личности), например, «он храбрый, отважный, мужественный человек».

АМПЛУА (франц.), роль, род за-

нятий, для оратора — та особенность облика, которую он берет на себя перед аудиторией, выступая, например, «как товарищ», «как ментор», «как руководитель», «как критик», «как судья» и пр.

АНАГРАММА (греч.), перестановка букв в слове для образования другого слова, например, «топор — ропот», «куб — бук», «сук — суп — зуб».

АНАДИПЛОСИС — (греч.), стилистическая фигура, смысл которой в том, что отрезок речи начинается словами, которыми заканчивается предыдущий, например, «Голова болит, мало можется. Мало можется, нездоровится» (народ. песня).

АНАКОЛУФ (греч.), стилистическая фигура, состоящая в нарушении грамматической или логической правильности речи, например, «Признаюсь, удивился, как дубиной, пардон, по лбу». Здесь грубовато-алогичный и напыщенный подтекст прямой речи создает дополнительный колорит самого персонажа.

АНАФОРА (греч.), повторение в начале фраз одних и тех же звуков, например, «Али я тебя холью? Али

ешь овса не волю?» (А.С. Пушкин). Противоположный оборот называется «эпифора», повторение конечных частей фраз.

АНТИТЕЗА (греч.), противопоставление понятий, схем, точек зрения, событий и пр., например, «Кто был ничем, тот станет всем.»

АНТОНИМЫ (греч.), слова, имеющие противоположное значение, например, «твердый — мягкий», «дорого — дешево», «болезнь — здоровье», «большой — маленький».

АНТОНОМАЗИЯ (греч.), замена имен собственных на нарицательные (или наоборот), например: «Крез» — «богач», «Геркулес» — «сильный», «силач», «Цицерон» — «красноречивый», «оратор».

АПОСТРОФА (греч.), ораторский прием (фигура), представляющая собой обращение к лицу отсутствующему, как к присутствующему, или к одушевленному предмету, как к одушевленному, например, «Ветер, ветер, ты могуч...».

АРТИКУЛЯЦИЯ (лат.), работа органов речи (губ, языка, мягкого нёба, голосовых связок), необходимая для произнесения определенного звука, слова.

АСИНДЕТОН (греч.), бессоюзие, стилистическая фигура, заключающаяся в опущении союзов для усиления речи, например, «пришел, увидел, победил», «не сидел, не стоял, не лежал, даже не бегал». Противоположная фигура — «полисиндетон».

АТТИЦИЗМ (греч.), утонченность и образность речи, свойственная жителям Аттики (в Древней Греции) в период ее наибольшего рас-

цвета. Отсюда выражение «аттическая соль» — тонкая насмешка, образная острота, желательная в любом ораторском выступлении.

БЕССОЮЗИЕ - см. *Асиндетон*.

ГИПЕРБАТОН (греч.), стилистическая фигура, которая состоит в изменении естественного порядка слов и отдалении их друг от друга некоторыми вставными словами: «В восторге только музы томном» (Г.Р. Державин). Слово «только» — вставное, характеризующее «гипербатон».

ГИПЕРБОЛА (греч.), оборот речи, состоящий в чрезмерном преувеличении, для создания более полного (сильного) впечатления, например, «безбрежное море», «пот катился градом». (В русской литературе встречается написание этого термина как «ипербола»). Противоположное значение — «*Литота*».

ГОЛОС, совокупность звуков, различных по силе, высоте, тембру, — основное ораторское средство достижения цели в процессе риторического (ораторского) выступления. Мужские голоса: тенор (самый высокий), бас (низкий), баритон (средний между ними), женские: сопрано (высокий), меццо-сопрано (низкий).

ГРАДАЦИЯ (лат.), или «нанизывание»: постепенный переход от одного состояния к другому при нарастании качества (или наоборот) для усиления эффекта речи, например, «победил, разгромил, уничтожил».

ГРАССИРОВАТЬ (франц.), невыговаривание звука «р», непривычное для русской речи произнесение его картаво, «картавить».

ДЕКЛАМАЦИЯ (лат.), упражнение в ораторском произношении, искусство выразительного чтения (речи) вслух, а может быть, и малосодержательная, напыщенная речь, выступление оратора и пр.

ДИАЛОГ (греч.), беседа между двумя лицами, основная форма ораторской деятельности при ответах на вопросы.

ДИГРЕССИЯ (лат.), отступление, отклонение от темы выступления.

ДИКЦИЯ (лат.), произношение, манера, с которой оратор произносит звуки, слоги, слова и фразы в ходе выступления.

ИДИОМА (греч.), словосочетание, свойственное данному языку, например, «бить баклуши», «спустя рукава», «попасть впросак». **ИМПРОВИЗИРОВАТЬ** (итал.), произносить речь без видимой подготовки, как правило, опираясь на свой предыдущий ораторский опыт.

ИНВЕКТИВА (лат.), речь с бранью, с оскорблениями в чей-нибудь адрес.

ИНВЕРСИЯ (лат.), перестановка слов в предложении с целью изменить оттенки смысла фразы, например, «Завтра лекция в шесть часов» и «Завтра лекция часов в шесть». В первом примере — время начала фиксировано, во втором — оно приблизительно.

ИНТОНАЦИЯ (лат.), тон речи, повышение и понижение голоса оратора (для выражения просьбы, гнева, жалости, усталости, радости и пр.).

ИПЕРБОЛА — см. *Гипербола*.

ИРОНИЯ (греч.), тонкая скрытая насмешка, в стилистике — речевой оборот, в котором слова противоречат смыслу, например, «Отколе, умная, бредешь ты, голова?» — слова Лисы, обращенные к Ослу (И.А. Крылов).

КАКОФОНΙΑ (греч.), звучание, неприятное для слуха, иногда может использоваться для исправления ошибок в речи оратора с учетом недостатков, выявленных в примерах какофонии, по принципу: «Так делать не нужно!».

КАЛАМБУР (франц.), игра слов, основанная на их сходном звучании, например: «Осип охрип, а Архип осип».

КАТАХРЕЗА (или катахрезис) (греч.), соединение противоречивых или несовместимых понятий, например: «красные чернила», «ужасно обрадовался».

КЛАУЗУЛА (лат.), конец речевого отрезка, звуковой или стилистической форме которого оратор придает особо важное значение, исходя из собственных творческих замыслов, желая придать клаузуле наиболее эффектную форму.

КОНТАМИНАЦИЯ (лат.), включение подробностей одного события в изложение другого, «лирическое отступление» от основной темы выступления.

КОНТРАДИКЦИЯ (лат.), противоречие в суждении, противоречивое высказывание, противоречие вообще.

КОПИРОВАТЬ (лат.), подражать, стараться не отступить от образца, сделать копию (копия — запас, множество).

КУЛЬМИНАЦИЯ (лат.), наиболее напряженный момент речи, сравнения, доказательства, связанный с ее содержанием, с логикой изложения.

ЛАКОНИЗМ (греч.), краткое и четкое выражение своих мыслей, что (по преданию) умели делать жители Лаконии (Спарта).

ЛЕКИФ (лат.), термин Марка Туллия Цицерона для обозначения любых приемов, способствующих украшению речи (анафора, риторический вопрос и др.). В первоначальном смысле — небольшой изящный сосуд (флакончик) для благовоний (розового масла).

ЛЕКСИКОН (греч.), словарь, запас слов, которым владеет отдельный человек; принято считать, что для туриста нужно знание около полутора тысяч слов на языке страны пребывания, для чтения газеты — до 4—5 тыс. слов, для чтения художественной литературы — до 10 тыс. и более. Если средний словарь содержит в себе около 100 тыс. слов, то мало читающий человек оперирует, как правило, в повседневной жизни примерно двумя-четырьмя процентами лексикона.

ЛИТОТА (литотес) (греч.), оборот речи, обратный гиперболе — уменьшение значения явления, со-

бытия и пр., например: «мальчик-с-пальчик», «корова ростом с козу».

ЛОГОГРИФ (греч.), игра, в ходе которой получается несколько слов при перестановке или при выбрасывании отдельных букв из данного слова, например: «крона, Рона, она, на».

ЛОГОПАТИЯ (греч.), пороки речи, например, заикание, шепелявость, картавость и пр.

ЛОГОПЕДИЯ (греч.), наука и приемы для исправления логопатии.

МАНЕРА (франц.), отличительная черта стиля оратора, его особенности при говорении, умение держаться на трибуне.

МЕДИТАТИВНАЯ (лат.) речь, речь, способствующая раздумью, размышлениям, например, у А.С. Пушкина: «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»

МЕТАБАЗИС (лат.), софистический прием в споре, связанный с отклонением от обсуждаемого вопроса и подменой его другим вопросом (тезисом), например: «В огороде бузина, а в Киеве — дядько» (как принято говорить в таких случаях).

МЕТАЛЕПСИС (лат.), перенос значения слова по части на целое, например: «Как десять жатв прошло, взята пространный Троя» (т.е. по слову «жатва» подразумевается «лето», а по «лету» — целый «год»). Следовательно, нужно понимать: «Как десять лет прошло, взята пространный Троя». Но первый вариант оригинальнее по стилю, в нем использован реже встречающийся оборот.

МЕТАФОРА (греч.), всякое иносказание, употребление слова или выражения в переносном смысле по сходству или по контрасту, например: «говор волн», «восковая келья» (улей). Метафора наиболее часто используется в ораторской деятельности.

МЕТОНИМИЯ (греч.), оборот речи (троп), основанный на замене одного слова другим при обыгрывании смежности двух понятий. Например: «лес поет» (вместо — «поют птицы в лесу»), «читать Пушкина» («читать произведения А.С. Пушкина»).

МНОГОСОЮЗИЕ, см. *Полисиндетон*.

МОНОЛОГ (греч.), речь одного лица, выступление оратора перед аудиторией, процесс речи одного человека, непрерывное выступление по данной теме.

МУЛЬТИЛОГ (греч.), беседа между несколькими людьми, групповое обсуждение проблемы, круговое высказывание по теме (тезису), выявление различных точек зрения.

НЮАНС (франц.), оттенок, едва заметный переход в интонациях, в темпе, в тембре и т.п., который может быть замечен понимающему человеку, сведущему в риторике, специалисту.

НЮАНСИРОВАТЬ (франц.), оттенять деталями, делать в речи едва заметные переходы, отступления, пояснения, ценимые знатоками, оттачивать тончайшие особенности (детали).

ОКСИМОРОН (греч. — остроумно-глупое), стилистический оборот, состоящий в подчеркнутом соединении противоположностей, несоединимых слов, например, «Живой труп» — Л.Н. Толстого, «Жар холодных чисел» — А. Блок. Его можно сравнить с катахрезой.

ОМОНИМЫ (греч.), слова с одинаковым звучанием, но разным значением, например, «коса» (для сенокоса) и «коса» (из волос).

ОМОФОНЫ (греч.), слова с одинаковым звучанием, но с разным написанием и разным значением, например, «плот» и «плод».

ОРАТОР (лат.), умеющий говорить «красно», влияющий на аудиторию, умеющий убедить ее.

ОРИС (лат.), рот. От этого слова происходят слова «оратор», «ораторский», «оранта» и др.

ОРФОЭПИЯ (греч.), образцовое литературное произношение, изучение правил и практики правильного произношения.

ПАРАДИГМА (греч. — пример, образец), в языкознании — система форм одного слова по присутствию ему категориям, образец типа склонения или спряжения, например, «я хочу», но «мы хотим» или «я могу», но «мы можем».

ПАРАЛЛЕЛИЗМ, сходное расположение двух действий, двух сюжетов, например,

«В синем море волны плещут,
В синем небе звезды блещут»

(А.С. Пушкин).

ПАРАЛОГИЗМ (греч.), ложное умозаключение в результате непреднамеренной логической ошиб-

ки, случайное (досадное) нарушение законов мышления.

ПАРИРОВАТЬ (франц.), отражать доводы противника при обсуждении проблемы, при ответах на вопросы. Для успешного решения такой задачи нужно заранее определять возможные выпады противника и готовить наиболее удачные ответы.

ПАРАНОМАЗИЯ (греч.), стилистическая фигура обыгрывания нескольких созвучных слов, но разных по значению, например: «Он не глух, а глуп», «Ты сер, а я, приятель, сед».

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ (франц.), деление фразы на самые краткие отрезки, отделяемые голосом, паузами друг от друга, например: «И снова. Гулливер. Стоит. Стулясь» (П.Г. Антокольский). Каждое слово становится отдельным предложением.

ПАССАЖ (франц.), отдельное яркое место в тексте, в речи.

ПАРАФРАЗА (греч.), адаптация, сокращенное изложение больших худ. произведений.

ПЕРИФРАЗ (греч.), передача смысла другими словами, замена прямого названия описанием для большей наглядности, эмоциональности, точности, например: вместо «он пошел к себе домой» (фраза безлика) лучше сказать: «старик поплелся в свою каморку» (конечно, с учетом ее реального содержания).

ПЛЕОНАЗМ (греч.), многословие, стилистический прием, содержащий однозначные и как бы излишние слова, например: «темный

мрак», «я плачу и проливаю слезы», «во саду ли, в огороде», «тройка мчится, тройка скачет».

ПОЛЕМИКА (греч.), спор в печати, на собрании по проблеме, по теме, по вопросу между двумя или несколькими ораторами.

ПОЛИСИНДЕТОН (греч.), многосоюзие, т.е. стремление к многократному использованию союзов, например, у А.С. Пушкина:

«И пращ, и стрела, и лукавый кинжал...»

Противоположное значение — *Асиндетон*.

ПРОКЛИТИКА (греч.), безударное слово, стоящее перед ударным, например, в словах «подо мною» — первое слово не несет на себе ударения и является «проклитикой», второе слово находится под ударением. Противоположное слово — *Энкликтика*.

РЕЗОНЕР (франц.), человек, любящий вести длинные речи, рассуждения, преимущественно нравоучительного характера, говорить нудно и неинтересно.

РЕПЛИКА (франц.), краткое возражение, быстрый ответ, замечание с места по ходу выступления оратора.

РЕФРЕН (франц.), повторяющаяся несколько раз мысль, фраза, строчка, стремление вернуться к чему-нибудь.

РЕЧЬ, речевая деятельность, средство общения между людьми, результат этой деятельности (произведения).

РИТМ (греч.), чередование более быстрых и более медленных мест в

ораторской речи. Скорость формулирования отдельной мысли, абзаца, доказательства, примера — это темп. Как правило, в риторике используется термин «темпо-ритм». У опытного оратора темпо-ритм бывает индивидуальным, характерным для него.

РИТОРИКА (греч.), теория красноречия, наука об ораторском искусстве.

СИМПЛОКА (греч.), стилистическая фигура повторения, состоящая в том, что два отрезка речи имеют сходные начала и окончания, например, «Или ты меня не знал, или я тебя не знал».

СИНЕКДОХА (греч.), стилистический оборот использования части (меньшего) вместо целого (большого, или наоборот), например, «пропала моя головушка» вместо «я пропал» или «защита требует оправдания подсудимого» вместо «защитник требует...» или «к нему и птица не летит, и зверь не идет» вместо «птицы» и «звери».

СИНОНИМЫ (греч.), слова, разные по звучанию, но близкие по значению, например, базар, рынок, ярмарка.

СКАНДИРОВАТЬ (лат.), громко и отчетливо произносить слово, слова, фразы, разделяя их на слоги, можно использовать как тренировочное упражнение для совершенствования техники ораторской речи.

СОЛЕЦИЗМ (греч.), неправильный языковый оборот, нарушающий смысла высказывания, иногда используется для создания

стилистического эффекта, характеристики действующего лица, например, «Сколько время?». С точки зрения норм литературного русского языка так сказать нельзя, нужно: «Который час?». Следовательно, данный пример характеризует малую риторическую культуру говорящего.

СОФИЗМ (греч.), умышленно ложное построение умозаключения, основанное на двусмысленности понятий, на выхватывании отдельных сторон рассматриваемого явления. Случайная, непредумышленная логическая ошибка — *паралогизм*.

СОФИСТ (греч.), оратор, пользующийся *софистикой*, не стремящийся к постижению истины.

СОФИСТИКА (греч.), рассуждение, основанное на преднамеренном нарушении законов логики (употребление *софизмов*).

СТИЛЬ (лат.), совокупность основных отличительных особенностей в манерах, в приемах, в логике оратора во время его выступления. С античных времен в стиле различаются два основных направления: а) аттическое, характерное точным, сжатым и кратким изложением вопроса, и б) азиантическое, предполагающее рассказ подробный, с отклонениями, афоризмами, намерение не столько сообщить, сколько — взволновать. В крайних случаях аттическое направление вырождалось в сухой, бледный, нудный пересказ, а азиантическое — в красноречие и болтовню без элементарного плана и смысла, в разговоры «ни о чем». Пли-

ний Младший предпочитал «смешанный стиль». Очевидно, что в наше время следует избегать любых риторических крайностей при выработке своего собственного стиля.

Сторонники аттического стиля (в литературе еще встречается термин «аттицизм») считали азианизм «порчей» классического греческого стиля под «азиатским влиянием».

СРАВНЕНИЕ, ораторский прием, слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета (явления, события, персонажа и пр.) другому, одной ситуации — другой, нередко связывающее их словами «как», «как будто», «вроде» и т.п. Например, «он работает, как негр», «был голодный, как волк», «устал, как собака», «избит, словно солома».

СХОЛАСТИКА (лат.), абстрактные бесплодные рассуждения, формальные высказывания, оторванные от жизни, в ораторской практике — сухое, неинтересное выступление лектора.

СЮЖЕТ (франц.), совокупность явлений, фактов, характеров, которые в сумме своей могут быть темой для выступления оратора, послужить основной для подготовки плана для выступления.

ТАВТОЛОГИЯ (греч.), сочетание и повторение одних и тех же близких по смыслу слов. Иногда используется как ораторский прием для объяснения трудного доказательства, сложного теоретического материала в надежде на то, что аудитория лучше усвоит излагаемое.

ТЕЗИС (греч.), положение, утверждение, которое ритор или оратор намерен доказать, защитить или опровергнуть.

ТЕМП, см. *Ритм*.

ТЕХНИКА РЕЧИ, совокупность приемов, применяемых в ходе устного выступления, практическое владение этими приемами.

ТИРАДА (франц.), часть речи, длинная фраза, произнесенная в приподнятом тоне, яркая реплика, запоминающееся место в выступлении.

ТОН (греч.), степень напряженности голоса оратора, его оттенки и особенности, присущие только данному человеку.

ТОПИКА (греч.), общее место в речи, избитое место в системе доказательств. В риторике Древнего Мира — учение о разработке общих закономерностей, основных положений при подготовке выступления, общих приемов подхода к теме. Этим термином называется один из логических трактатов Аристотеля.

ТРАКТОВАТЬ (лат.), толковать, обсуждать, излагать тему, вопрос, проблему, тезис.

ТРОП (греч.), слово или фраза в переносном значении, например, метафора, синекдоха, аллегория, гиперболы, литоты и др.

ФАКТ (лат.), твердо установленное основание, на котором строятся доказательства, рассуждение, теория.

ФАКТОР (лат.), причина, движущая сила, лежащая в основе события, явления, ставшая сюжетом для оратора.

ФИГУРА (лат.), необычайный оборот речи, усиливающий ее эмоциональное воздействие, например, инверсия, анафора, анаколуф и др.

ФИЛИППИКА (греч.), серия обличительных гневных речей Демосфена против царя Македонии Филиппа, позднее — любая гневная речь, направленная против известной личности.

ФОНЕТИКА (греч.), наука, изучающая звуковую сторону языка.

ФРАЗА (греч.), законченный оборот речи, предложение, из суммы которых состоит публичное выступление оратора.

ФРАЗЕРСТВО, пустословие, болтовня, пристрастие к громким, но бессодержательным словам, фразам, выражениям.

ХРИЯ, нравоучение, выражение нравоучения посредством специальной организованной фразы, например, «Живи, поминая смерть» (Персий), превратившееся в знаменитое латинское выражение «*мементо мори*» («помни о смерти»). М.В. Ломоносов различал многие стороны использования хрии в речи (см. Руководство..., § 254 и след.).

ЭВФЕМИЗМ (греч.), употребление выражения более мягкого вместо грубого или непристойного, например, «не сочиняйте», «не выдумывайте» вместо «не врите».

ЭВФОНИЯ (греч.), благозвучие речи, отсутствие в ней грубых слов, выражений, неприличных словосочетаний.

ЭВФУИЗМ (англ.), напыщенность, вычурность речи, жеманный, манерный стиль выступления.

ЭКЗЕГЕЗА (греч.), толкование трудных малопонятных фраз, текстов, сокрытых мыслей.

ЭКСКУРС (лат.), отступление от главной темы выступления, освещение второстепенного вопроса, вопросов.

ЭКСПРЕССИЯ (лат.), выразительность в самом широком смысле, живость и яркость выступления.

ЭКСПРОМТ (лат.), короткая речь, произнесенная без видимой подготовки, вдруг, внезапно, т.е. экспромтом.

ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ (лат.), распространение определенных понятий, относящихся к одной области знаний (одному отрезку времени), на другую область (время).

ЭЛЛИПС(ИС) (греч.), стилистическая фигура, опущение слов, которые могут легко подразумеваться в речи, например, «я — домой» вместо «я пойду домой».

ЭЛОКВЕНЦИЯ (лат.), красноречие, само ораторское искусство. Сейчас этот термин употребляется довольно редко, ранее — постоянно.

ЭЛОКУЦИЯ (лат.), учение о стилях: высоком, низком и среднем, о том, как подойти к формированию такого стиля.

ЭМФАЗА (греч.), напряжение речи с целью ее большей экспрессии, оптимальное использование в выступлении риторических приемов.

ЭНКЛИТИКА (греч.), слово, утратившее собственное ударение, стоящее позади ударного слова, к

которому оно примыкает, образуя с ним единое целое, например, частица «то» в выражениях: «мой-то, тот-то» или, например, в выражении: «куда же вы?». Противоположное явление — *Проклитика*.

ЭНТИМЕМ(А) (греч.), использование аргумента (рассуждения), недостающая часть которого очевидна, понятна без объяснений (подразумевается без труда). Только на первый взгляд энтимем(а) похож(а) на *эллипс(ис)*. Энтимем(а) опускает часть доказательства. Эллипс(ис) опускает отдельное слово (слова).

ЭПÍСТРОФА (греч.), риторическая фигура, состоящая из повторения одного и того же слова, сочетания слов, оборота. Использование этой фигуры требует от оратора осторожности.

ЭПИТЕТ (греч.), определение, которое прибавляется к названию предмета (лица) с целью подчеркнуть его наиболее характерные свойства (особенности), например,

«шелковые кудри», «чистое поле», «парус одинокий».

ЭПИФОРА (греч.), совпадение конечных частей нескольких фраз, строк, например, рифмы. Фигура, обратная эпифоре, — *анафора*.

ЭРИСТИКА (греч.), искусство вести спор, заниматься полемикой, энергично и эффективно отстаивать свою точку зрения.

ЯЗЫК, важнейшее средство человеческого общения, неразрывно связанное с мышлением, реализуется и существует в речи. Можно говорить о языке А.С. Пушкина, о языке И.Л. Андроникова, о языке конкретного оратора или риторика.

ЯРЛЫК, жалованная грамота татарского хана, в целом — любое клеймо, «навешивание ярлыков» — обвинения в адрес оппонента, сбор сведений, порочащих оппонента, нередко обвинений голословных, не подтвержденных документами.

Сила речи состоит в умении
выразить многое в немногих словах.

Плутарх

КУЛЬТУРА ОРАТОРА

АБЗАЦ (нем.), часть текста, ограниченная смыслом, интервалом.

АБСТРАГИРОВАТЬ (лат.), образовывать отвлеченные понятия, — переходить от конкретного к общему (абстрактному).

АБСУРД (лат.), бессмысленность, нелепость, нонсенс.

АВТОРИТЕТ (нем.), лицо, пользующееся признанием, влиянием.

АГЕНТ (лат.), лицо или группа лиц, проводящая чьи-либо идеи; оратор, высказывающий чужую точку зрения или агитирующий за нее.

АГНОСТИК (греч.), сторонник агностицизма, т.е. теории, согласно которой человек не может познать истину.

АГРЕССИВНЫЙ (франц.), нападающий, захватнический, совершающий насильственные действия различного рода, в том числе в процессе публичного выступления.

АДЕПТ (лат.), посвященный в тайны, ярый сторонник, последователь, приверженец учения, теории, идеи.

АДЕКВАТНЫЙ (лат.), равный, тождественный.

АЛИБИ (лат.), доказательство не-

причастности к преступлению, факт нахождения подозреваемого в это время в другом месте, что засвидетельствовано соответствующими документами, например, свидетельскими показаниями.

АЛЛЮЗИЯ (франц.), намек, выражение, являющееся намеком на известные события, например «пиррова победа», «демянова уха».

АЛТАРЬ (лат.), у древних — жертвенник, у православных — часть храма, отделенная иконостасом, в русском красноречии нередко употребляется в переносном смысле, например, «принести жертву на алтарь Отечества, искусства».

АЛЬКОВ (франц.), углубление в стене для кровати, спальня, в красноречии употребляется выражение «альковные тайны» — намек на тайную сексуальную распущенность кого-нибудь.

АЛЬМА-МАТЕР (лат.), старинное название университета, дающего духовную пищу, употребляется в разных смыслах: в ласкательном буквально — «кормящая мать».

АЛЬТЕРНАТИВА (франц.), каждая из возможностей, исключающих друг друга, несовместимых друг с другом.

АМБИЦИЯ (франц.), самолюбие, спесь, чванство, самомнение.

АМИКОШОНСТВО (франц.), чрезмерная, бесцеремонная фамильярность.

АМИМИЯ (греч.), понижение и полное отсутствие мимики лица, как говорится в таких случаях «лицо на замке», «на лице ничего не написано».

АМОРФНО (греч.), бесформенно, без четкого деления на части и без границ.

АМФОРА (лат.) у древних — яйцеобразный сосуд (с двумя вертикальными ручками) для хранения зерна, масла, вина и пр., сейчас — дорогой предмет (явление, личность и т. п.) с ценным содержанием (знаниями и пр.), нередко с оттенком иронии.

АНАЛИЗ (греч.), метод научного исследования путем разложения предмета, явления на его составные части, мысленного расчленения объекта на основе логической абстракции. Противоположное явление — синтез.

АНАЛИЗАТОРЫ, органы чувств, позволяющие понимать речь, для риторики в первую очередь — слух, зрение, речедвигательный анализатор.

АНАЛОГ (греч.), нечто, представляющее собой соответствие, сходство или подобие другому предмету, явлению, дающее основание для аналогии — сходства, подобия между предметами, явлениями или понятиями, которые в целом могут являться различными по своей сущности.

АНАХРОНИЗМ (греч.), пережиток

прошлого, символ старины, нечто устаревшее.

АНЕКДОТ (греч.), короткий шуточный рассказ, нередко вымышленный, о смешном, забавном происшествии, вымысел, шутка о том, что было или якобы было на самом деле, с непременным неожиданным комичным концом (концовкой), чаще всего контрастирующим с его основным содержанием.

АННАЛЫ (лат.), летопись, перечень наиболее важных событий за прошлые годы.

АННОТАЦИЯ (лат.), краткое изложение содержания статьи, книги, речи, нередко с выявлением ее положительных и/или отрицательных сторон.

АНУЛИРОВАТЬ (лат.), упразднить, объявлять недействительным, сообщать об отказе от ранее сделанного, запланированного.

АНОМАЛЬНЫЙ (греч.), неправильный, отклоняющийся от общего правила.

АНОНИМ (греч.), автор, скрывающий свое имя.

АНОНС (франц.), объявление о будущем событии, мероприятии.

АНТАГОНИЗМ (греч.), противоречия в широком значении и по серьезному поводу.

АНТИПАТИЯ (греч.), чувство неприязни, отвращения. Противоположное значение — чувство симпатии.

АНТИЧНЫЙ (лат.), древний, относящийся к миру Древней Греции и Древнего Рима.

АНТУРАЖ (франц.), окружение, среда, обстановка, обслуживающая команда.

АПАТИЧНЫЙ (греч.), вялый, бесстрастный, равнодушный.

АПЕЛЛИРОВАТЬ (лат.), обращаться к мнению знатока, авторитета, специалиста.

АПЛОМБ (франц.), излишняя самоуверенность, особенно в личных отношениях, в речи, у оратора во время выступления.

АПОКАЛИПСИС (греч.), откровение, пророчество о «конце света».

АПОЛОГЕТ (греч.), защитник учения, идеи, теории, позиции.

АПОСТЕРИОРНЫЙ (лат.), основанный на опыте, на прошлой деятельности, на практике.

АПОРИЯ (греч.), неразрешимое противоречие, непреодолимое разногласие.

АПОФЕОЗ (греч.), прославление лица или события, торжественный конец события.

АПРИОРИ (лат.), заранее, наперед (соглашаясь, отрицая, утверждая что-либо в ходе выступления).

АПРОБИРОВАТЬ (лат.), одобрять, утверждать, соглашаться на основе проверки, испытания.

АРБИТР (франц.), судья в споре, третья сторона.

АРГО (франц.), или жаргон — (франц.), или сленг — (англ.), речь людей, принадлежащих к определенной социальной группе, не имеет своего грамматического строя и основного словарного фонда (в отличие от диалектов).

АРГУМЕНТ (лат.), логический довод, который служит основанием для доказательства тезиса.

АРГУМЕНТАЦИЯ (лат.), совокупность аргументов в пользу какой-нибудь точки зрения.

АРЕОПАГ (греч.), высший орган судебной и политической власти в Древних Афинах, сейчас — высокое собрание, нередко — с иронией.

Синедрион (греч.), совет старейшин в Древней Иудее. Сейчас — высокое собрание, нередко — с иронией.

АРКАДИЯ (греч.), в Древней Греции область с развитым скотоводством, сейчас — страна «счастливых пастухов», вообще — «страна всеобщего благоденствия, счастья».

АРСЕНАЛ (франц.), большой и разнообразный запас чего-нибудь, например, оружия, снаряжения.

АРХАИЗМ (греч.), старинное слово, оборот речи, вышедший из употребления.

АРХЕТИП (лат.), прообраз, идея; письменный вариант выступления оратора.

АРХИ... (лат.), приставка, означающая старшинство, высшую степень признака.

АССОЦИАЦИЯ (лат.), перенос связей по сходству, смежности или противоположности (глубоко исследованы И.П. Павловым).

АТТРАКЦИОН (франц.), эффектный номер, притягивающий к себе внимание, яркая манера речи и поведения оратора на трибуне.

АУДИЕНЦИЯ (лат.), официальный прием, прием у высокого лица, может использоваться с ироничным оттенком.

АУДИТОРИЯ (лат.), зал для лекций и группа слушателей в нем; в формальной логике — третий (кроме *пропонента* и *оппонента*) участник обсуждения *тезиса*.

АУРА (лат.), в первоначальном значении «дуновение ветерка», в

целом — эмоциональные, слуховые или зрительные переживания.

АУТЕНТИЧНЫЙ (греч.), соответствующий подлинному, действительный, верный, основанный на первоисточнике, заверенный подписями и печатями.

АУТОДАФЁ, «акт веры» (в пер. с порт.), под которым подразумевались оглашение и приведение в исполнение варварских приговоров инквизиции, доходивших до сожжения виновных на костре. Первое аутодафе состоялось в XIII в., последнее — в 1826 г. в Валенсии. Сейчас — суровый приговор за отступничество от основной, важной, принципиальной идеи.

АФАЗИЯ (греч.), полная или частичная потеря речи вследствие поражения головного мозга.

АФЕРА (франц.), темное дело, жульничество, мелкая спекуляция.

АФИША (франц.), объявление о культурном событии.

АФОНИЯ (греч.), потеря голоса или его беззвучность вследствие заболевания.

АФОРИЗМ (греч.), изречение, выражающее какую-нибудь общую мысль, для которой одинаково обязательны и законченность мысли и отточённость формы, например, «Человек — это звучит гордо». (М. Горький).

АФРОНТ (франц.), неожиданная неприятность, оскорбление, резкий отпор, неудача, например, при ответах на вопросы.

БАНАЛЬНОСТЬ (франц.), избитое мнение, пошлое выражение.

БАТАЛИЯ (франц.), битва, сражение.

БЕДЛАМ (англ.), неразбериха, хаос, сумасшедший дом (так назывался дом для сумасшедших в Лондоне).

БЛЕФ (англ.), хвастовство, выдумка, «пустить пыль в глаза».

БЛОКИРОВАТЬ (англ.), затруднять, не пускать, заграждать путь.

БОНУС (лат.), вознаграждение, премия.

БРАВИРОВАТЬ (франц.), пренебрегать опасностью, рисоваться своей храбростью.

БРИФИНГ (англ.), краткое конструктивное совещание, информация о таком совещании, краткое изложение взглядов на проблему.

БУДИРОВАТЬ (франц.), дуться, быть в плохом расположении духа.

Нередко неверно употребляется в значении «побуждать», «возбуждать», «стимулировать», что свидетельствует о недостаточной подготовленности говорящего.

БУМ (англ.), шумиха, скандал вокруг какого-нибудь события или личности.

БУРЛЕСК (франц.), чрезвычайно комичное изложение, изображение, преувеличенное представление комизма положения.

БУТАФОРИЯ (итал.), мишура, поддельная роскошь, изложение нереальных сюжетов в ходе ораторского выступления.

ВА-БАНК (франц.), идти на риск, рискуя всем, идти напролом, напропалую.

ВАРИАНТ (лат.), иная разработка плана выступления, иной прием,

другой подбор фактов, примеров и пр.

ВВЕДЕНИЕ, часть ораторского выступления, в которой объясняется причина появления оратора на трибуне, вскрывается значение темы, ее важность для аудитории, для общества, для страны в целом.

ВЕРБАЛЬНЫЙ (лат.), устный, словесный, выраженный в речи.

ВЕРСИЯ (франц.), одно из нескольких объяснений, положенных в основу ораторского выступления, в основу тезиса, теории.

ВИРТУАЛЬНЫЙ (лат.), возможный, который может появиться в результате сочетания определенных явлений, событий. Принцип виртуальности широко используется в современных телевизионных программах, фильмах под названием «виртуальная реальность».

ВИРТУОЗ (итал.), мастер, достигший в своей области высокой степени творчества. Критики не раз называли И.Л. Андроникова «виртуозом устного рассказа».

ВОЛАПЮК (англ.), непопулярный искусственный язык, изобретенный в 1880г. И. Шлейером, сейчас — набор пустых bestолковых фраз, звуков.

ВУЛЬГАРИЗМ (лат.), грубое слово или выражение, не принятое в литературном языке.

ВЫВОД, последняя часть выступления оратора, в которой он подводит краткий итог всему сказанному.

ГАЛА́ (франц.), в XVIII в. торжественный придворный праздник, сейчас гала-концерт — торже-

ственный концерт, гала-представление — торжественное представление.

ГАЛАНТНЫЙ (франц.), чрезвычайно вежливый человек, исключительно внимательный и обходительный.

ГАРМОНИЯ (греч.), согласие, единодушие, стройная согласованность между частями целого.

ГИПОТЕЗА (греч.), научное предположение, выдвигаемое для объяснения какого-либо явления, события, предположения, суждения о закономерной связи между явлениями, вообще — предположение с последующими доказательствами, подтверждениями.

ГЛОССАРИЙ (лат.), толковый словарь непонятных или малоупотребительных слов к тексту, чаще всего к древнему, к переводам.

ГОЛГОФА место около Иерусалима, где совершались казни и где был распят Иисус Христос, сейчас — символ места мучений, источника страданий.

ГНОМА (греч.), краткое мудрое изречение, чаще всего в стихах.

ГРАЦИОЗНЫЙ (итал.), изящный, стройный, например, «грациозная походка».

ГРАЦИЯ (лат.), изящество, особенно в позах и телодвижениях.

ГРИВУАЗНЫЙ (франц.), игривый, легкомысленный, ветренный.

ГРОТЕСК (франц.), изображение людей или предметов, описание событий, явлений в фантастическом или уродливо-комическом виде.

ГУМАННОСТЬ (лат.), человечность, уважение к личности, к человеческому достоинству.

ДЕБАТЫ (франц.), обмен мнениями, ученое обсуждение.

ДЕБОШ (франц.), буйство, скандал, драка.

ДЕБЮТИРОВАТЬ (франц.), впервые выступить на каком-нибудь поприще, например, на эстраде, с публичным выступлением.

ДЕВИЗ (франц.), краткое изречение, в котором сформулирована главная мысль, руководящая идея.

ДЕДУКЦИЯ (лат.), логическое умозаключение от общего к частному, от общих суждений к частным, противоположное значение — индукция.

ДЕЗАВУИРОВАТЬ (франц.), заявлять о своей несогласии, неодобрении, о том, что подчиненный сказал нечто без разрешения, отказ начальника от заявления своего подчиненного.

ДЕКЛАРАЦИЯ (лат.), заявление оратора от имени организации, от имени государства.

ДЕЛИКАТНЫЙ (франц.), чуткий, вежливый, в телосложении хрупкий, нежный, слабый.

ДЕМАГОГ (греч.), политикан, опирающийся на ложную популярность посредством ложных обещаний, несбыточных проектов и примитивной (а, может быть, и изощренной) лести, лжи.

ДЕМАРШ (франц.), выступление, действие, мероприятие.

ДЕФИНИЦИЯ (лат.), логическое определение понятия, установление основного содержания понятия.

ДИЗАРТРИЯ (греч.), расстройство речи, выраженное в затруднении произношения отдельных слов,

словов, звуков (главным образом согласных звуков).

ДИЛЕТАНТ (франц.), любитель в какой-нибудь профессии, непрофессионал, занимающийся профессией без достаточной подготовки.

ДИЛОГИЯ (греч.), двойное значение, двусмысленность, общее, состоящее из двух частей.

ДИСКРЕДИТАЦИЯ (франц.), лишение доверия, подрыв уважения, умаление авторитета.

ДИСКУРСИВНЫЙ (лат.), рассудочный, основанный на логике.

ДИСКУССИЯ (лат.), обсуждение на собрании, в речах, в печати.

ДИСПУТ (лат.), ученый спор, обсуждение теоретического вопроса, темы лекции, ее содержания.

ДИССИДЕНТ (лат.), несогласный, противоречащий, раскольник, инакомыслящий, вообще — отступник от главных положений.

ДИССОНАНС (франц.), отсутствие гармонии, несоответствие мнений, убеждений, наличие разных точек зрения.

ДИФИРАМБ (греч.), первоначальное значение — гимн в честь бога Диониса (Вакха), сейчас — преувеличенная, восторженная похвала, в ироничном смысле — «петь дифирамбы».

ДИФФАМАЦИЯ (лат.), высказывание сведений, порочащих честь кого-нибудь, такие сведения могут быть мнимыми, не основанными на реальных фактах или документах.

ДИФФЕРЕНЦИРОВАТЬ (лат.), различать, анализировать факты, разлагать сложное на простое для лучшего понимания.

ДИХОТОМИЯ (греч.), последовательное деление целого на два, затем половинок — на два и четвертинок — на два и т. д.

ДОГМА (греч.), положение, признаваемое неизменным, всегда верным, не подлежащим развитию или пересмотру.

ДОКТРИНА (лат.), учение, научная или философская теория, политическая система, стройная система принципов.

ДОСЬЕ (франц.), совокупность документов, материалов по определенному вопросу.

ДОТАЦИЯ (лат.), доплата, пособие на нужные цели.

ДУАЛИЗМ (лат.), двойственность, раздвоенность.

ЕРЕСЬ (греч.), вздор, чепуха, нечто ложное.

ЖАРГОН, см. *Арго*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ, заключительная часть речи с широкими обобщениями, прогнозами относительно будущего развития.

ИГНОРИРОВАТЬ (лат.), намеренно не замечать, не желать знать, нарочно не принимать во внимание.

ИДЕАЛ (франц.), высшее совершенство, конечная цель стремлений.

ИЛЛЮСТРИРОВАТЬ (лат.), приводить наглядные примеры для пояснения или доказательства своей мысли (тезиса).

ИМИДЖ (англ.), вид, изображение, образ, впечатление от чело-

века, желаемый образ важной персоны.

ИМИТАЦИЯ (лат.), подражание манерам, голосу и прочему другого человека, другого оратора.

ИМПОЗАНТНЫЙ (франц.), внушительный с виду, представительный, с плавными движениями, с красивым голосом.

ИМПОНИРОВАТЬ (лат.), внушать уважение, производить достойное впечатление.

ИНВЕНЦИЯ (лат.), часть ораторского выступления, в которой дается оригинальная разработка темы по содержанию или по форме, осуществляется новый творческий подход.

ИНСИНУАЦИЯ (лат.), клеветническое измышление с целью опорочить кого-нибудь, подорвать авторитет, в целом — клевета.

ИНТЕЛЛЕКТ (лат.), ум, рассудок, разум, мыслительные способности человека.

ИНТЕРВЬЮ (англ.), беседа с персонажем, предназначенная для печати, передачи по радио или по телевидению.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (лат.), толкование, раскрытие смысла трудных мест в речи, в тексте, объяснение сложных понятий.

ИНТУИЦИЯ (лат.), чутье, догадка, пронизательность.

ИНТРИГАН (франц.), любитель интриг, происков, скрытых действий, направленных на нечистые цели.

ИНФАНТИЛЬНЫЙ (лат.), обладающий свойствами детского возраста, неразвитого мышления, отсутствием зрелого опыта.

ИСТИНА (в философии), адекватное отражение в сознании того, что существует объективно, в логике — всякая мысль признается истинной, если под ней имеется достаточное основание. Объективная истина не зависит от человека или от человечества.

ЙОТА, греческое название буквы «и» — означает малую величину. Выражение «ни на йоту» — несколько, ничуть, ни в коем случае.

КАББАЛИСТИКА, мистическое толкование Ветхого Завета, сейчас — ненаучные выводы, проявление случайных признаков, нечто непонятное, запутанное.

КАЗУИСТ (лат.), оратор, опытный в споре, «тертый калач».

КАЗУИСТИКА (лат.), изворотливость в доказательствах ложных или сомнительных положений, хитросплетения в споре, крючкотворство.

КАНОН (греч.), всеобщее правило, не допускающее никаких отклонений.

КВАЗИ... (лат.) приставка, означающая «якобы», «мнимый, например, «квазиученый».

КВАЛИФИКАЦИЯ (лат.), определение качества, степень пригодности, уровень подготовленности.

КЛАССИЧЕСКИЙ (лат.), 1) относящийся к Древнегреческому или к Древнеримскому Миру, 2) признанный образец, образцовый, годный для использования в учебных заведениях.

КЛЕПСИДРА (лат.), водяные часы, которыми пользовались для регулирования длительности вы-

ступления сторон в судебном заседании в Древнем Мире. Вода из них вытекала по капле, наполняя сосуд, по наполнению которого засекалось время для речей сторон.

КОЛЛИЗИЯ (лат.), столкновение противоположных мнений, стремлений, интересов.

КОЛЛОКВИУМ (лат.), беседа со студентами с целью выявления их знаний по теме, по вопросу темы.

КОЛОРИТ (итал.), характерная особенность произведения, эпохи, местности, отделки чего-нибудь.

КОМПЕТЕНТНЫЙ (лат.), знающий, сведущий, имеющий право на решение, на выступление с важной речью, со своим мнением.

КОМПИЛЯЦИЯ (лат.), несамостоятельная работа, основанная на списывании чужих мыслей, трудов.

КОМПРОМИСС (лат.), взаимные уступки в позиции, мнениях.

КОМПРОМЕТИРОВАТЬ (франц.), вредить кому-нибудь, подрывать репутацию, доброе имя, в том числе посредством ораторского выступления.

КОНКРЕТИЗИРОВАТЬ (лат.), придавать наглядный, предметный характер, конкретное выражение чему-нибудь.

КОНСЕНСУС (лат.), общее согласие, единая точка зрения.

КОНСТАТИРОВАТЬ (франц.), устанавливать факт, несомненность явления, подтверждать, свидетельствовать.

КОНТАКТ (лат.), связь, согласованность, взаимодействие в работе.

КОНТЕКСТ (лат.), общее содержание законченной речи, сумма поднятых в ней вопросов.

КОНТРОВЕРЗА (франц.), или контроверса, разногласия, спорный вопрос, неясный момент в ученом споре, сам ученый спор.

КОНТРЫ (франц.), враждебные отношения, пререкания, выпады.

КОНФЕРЕНЦИЯ (лат.), совещание с серьезной повесткой дня.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ (лат.), доверительный, не подлежащий огласке, не для всех.

КОНФЛИКТ (лат.), столкновение взглядов, разногласия с будущими осложнениями.

КОНФУЗ (лат.), замешательство, смущение, неловкое положение для оратора, например, при ответах на вопросы.

КОНЦЕНТРИРОВАТЬ (лат.), сгущать, обогащать, сосредоточивать внимание на вопросе, на теме.

КОНЦЕПЦИЯ (лат.), система взглядов, общий замысел выступления.

КОНЪЮНКТУРА (лат.), стечение обстоятельств, влияющих на исход какого-нибудь дела, решения, становления точки зрения.

КОРИФЕЙ (греч.), мастер, добившийся высшей квалификации в своем деле.

КОТУРНЫ (лат.), род сандалий на очень толстой подошве, в которых играли на сцене актеры в театре Древнего Мира с целью придания исполнителю роли большей величественности персонажа (роли бога или героя), сейчас — говорят о напыщенном персонаже со значительной долей иронии.

КРЕДО (лат.), вера, система взглядов, убеждения, путеводная мысль, фраза, зовущая вперед.

КРИТЕРИЙ (греч.), отличительный признак, мерило, пробный камень.

КУЛЬТУРА (лат.), воспитание, обучение. Имеет несколько значений. Включает в себя предметные результаты деятельности людей, человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности, в другом смысле — сфера духовной жизни людей. Можно говорить о культуре человека, общества, государства, отношений. Культура государства «зависит не от министра культуры, а от культуры всех его министров». В наши дни в высшей школе введен новый предмет, который называется «культурология».

КУРЬЕЗ (франц.), любопытное смешное обстоятельство или происшествие, диковинка, привлекающая внимание.

ЛАБИРИНТ (греч.), по мифологии — здание с запутанными коридорами, сейчас — сложное запутанное положение, из которого трудно найти выход.

ЛАВИРОВАТЬ (голл.), увертываться, уклоняться от заданной темы, вопроса, например, не зная ответа на этот вопрос.

ЛАКУНА (лат.), пропуск, пробел в тексте речи.

ЛЕГИТИМНЫЙ (лат.), в прямом значении «законный», основанный на законодательстве, не противоречащий ему.

ЛЕЙТМОТИВ (нем.), руководящая, основная идея, мысль, которая подлежит неоднократному подчеркиванию и повторению.

ЛЕКСИКА (греч.), весь словарный запас какого-нибудь языка.

ЛЕКТОР (лат.), в Древнем мире раб, который был приставлен к чтению текстов, сейчас — выступающий с научной или учебной лекцией.

ЛЕКЦИЯ (лат.), публичное выступление оратора в форме монолога, после которого могут быть ему заданы вопросы.

ЛИТАНИЯ (греч.), длинный и скучный перечень чего-нибудь.

ЛИЦЕЙ (греч.), название рощи при храме Аполлона Ликейского близ Афин, где учился Аристотель, позднее — среднее учебное заведение для мальчиков.

ЛОГИКА (греч.), наука о законах мышления.

ЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗКИ, дизъюнкция (лат.) — союз «или»; импликация (лат.) — союз (оборот) «если..., то...»; конъюнкция (лат.) — союз «и»; контрадикторный — противоречащий; контрарный — противоположный.

ЛОЗУНГ (нем.), призыв, кратко и четко выраженная идея, не требующая доказательств.

ЛОЯЛЬНЫЙ (франц, англ.), тот, кто держится в пределах законности, иногда только внешне, формально, без внутреннего убеждения.

МАКАРОНИЧЕСКИЙ (итал.) **МСТИЛЬ**, шуточный стиль, насыщение речи искаженными иностранными словами или выдуманноными словами, измененными в духе иностранного языка, иностранного происхождения.

МАКСИМА (лат.), логический или этический принцип, выраженный в краткой формуле, правило поведения.

МАМ(М)ОН(А) (греч.), бог богатства у древних сирийцев, сейчас — алчность, корыстолюбие.

МАНЕВР (франц.), ловкий обходный прием в речи, прием при ответе на сложный, острый вопрос.

МАНИПУЛЯЦИЯ (франц.), ловкая проделка с системой доказательств, подмена одних доказательств другими.

МАНИЯ (греч.), сильное, почти болезненное пристрастие, влечение к чему-нибудь.

МАНЬЯК (фран.), одержимый манией, страдающий чрезмерным влечением к чему-нибудь.

МАРГИНАЛ, понятие появилось во Франции в 70-е годы XX в., означает людей, разорвавших связи с привычным миром, иногда выходящих за пределы общей государственной законности.

МАШИНАЛЬНЫЙ (франц.), бессознательный, безотчетный, непроизвольный.

МАЭСТРО (итал.), почетное название для высокого мастера в творческих областях человеческой деятельности.

МИМИКА (греч.), искусство выражать свои чувства и мысли посредством движения лицевых мышц, не последнее для опытного оратора.

МИСТИФИЦИРОВАТЬ (греч.), обманывать, намеренно вводить кого-нибудь в заблуждение.

МИФИЧЕСКИЙ (греч.), баснословный, сказочный, легендарный, вымышленный.

МОЗАИКА (франц.), пестрая смесь из отдельных кусочков.

МОНОТОННЫЙ (греч.), однозвучный, однообразный, скучный.

МОНСТР (франц.), чудовище, урод, нереальность.

МОТТО (итал.), остроумное изречение, краткий эпиграф в начале книги, главы.

МУССИРОВАТЬ (франц.), раздувать, преувеличивать слухами, подогревать намеками.

МУТАНТ (лат.), организм, отличающийся от нормального развития.

МЭТР (франц.), почтительное обращение к высокому профессионалу.

НЕГЛИЖИРОВАТЬ (франц.), пренебрегать, относиться без внимания.

НЕЙТРАЛИТЕТ (лат.), невмешательство в чужие споры, распри.

НИВЕЛИРОВАТЬ (франц.), приводить к одному уровню, сглаживать особенности, различия.

НИГИЛИЗМ (лат.), отрицание любых норм, правил, законов, особенно в этике и в эстетике.

НОТА БЕНЕ (лат.), примечание, отметка в тексте, часто обозначаемая буквами по-латыни: **NB**.

НОНСЕНС (англ.), бессмысленность, глупость, нелепость.

НОТАЦИЯ (лат.), выговор, наставление, нравоучение.

НОУ ХАУ (англ.), точный перевод: «знаю как», под которым понимается всякое владение техническими, технологическими, творческими и иными знаниями, сведениями, рецептами, информацией.

Термин применяется при заключении договоров, соглашений, рекламы, в выступлениях представителей фирм и пр. На другие языки не переводится.

ОБСКУРАНТ (лат.), враг науки и просвещения, мракобес, реакционер.

ОБСТРУКЦИЯ (лат.), род протеста, попытка срыва выступления оратора шумом, топотом, аплодисментами, другим длинным выступлением, не относящимся к делу.

ОБЪЕКТИВНЫЙ (лат.), беспристрастный, непредвзятый подход к теме.

ОДИОЗНЫЙ (лат.), неприятный, нежелательный, неприемлемый.

ОКАЗИЯ (лат.), случай, приключение, нерядовое событие.

ОППОЗИЦИЯ (лат.), противопоставление взглядов, точек зрения.

ОППОНЕНТ (лат.), противник в споре, тот, кто возражает, высказывает собственную точку зрения, отличную от первой.

ОПТИМАЛЬНЫЙ (лат.), наиболее благоприятный, более соответствующий.

ОПТИМИСТ (лат.), человек с бодрым, жизнерадостным настроением, уверенный в хорошем будущем, в положительном решении вопроса, проблемы. Противоположное понятие — пессимист.

ОРАТОРСКАЯ ПРОЗА, живая речь, получившая художественную обработку. Издавна различаются несколько форм красноречия: речи торжественные, судебные, политические, проповеди, поучения,

бытовые и пр. С развитием радио и телевидения появились новые формы бесед, интервью, диспутов и т.п.

ОРГИЯ (греч.), у древних — торжественное празднование в честь бога веселья Вакха, сейчас — разгульное и разнузданное веселье.

ОРИЕНТАЦИЯ (франц.), направление в нужную сторону.

ОРТОДОКС, ортодоксальный (греч.), правоверный, неуклонно подчеркивающий верность определенным убеждениям.

ОСТРОУМИЕ, ум легкий, цепкий, избирательный, быстро находящий нужное слово в ответ из реплику, тот, кто «за словом в карман не полезет».

ПАБЛИСИТИ (англ.), известность, популярность личности, государственного деятеля.

ПАЛЛИАТИВ (франц.), полумера, нерешительное действие, половинчатое мероприятие, то, что не может дать окончательного результата.

ПАМФЛЕТ (англ.), выступление на злободневную тему, в котором в резкой обличительной форме осмеивается какое-нибудь лицо или явление в общественной или политической жизни.

ПАНАЦЕЯ (греч.), мнимое средство, которое, по мнению кого-нибудь, может помочь в любом случае жизни, исправить любые ошибки и просчеты.

ПАНЕГИРИК (греч.), патристическая речь у древних греков и римлян, в которой восхвалялись подвиги богов, героев, народа, предков.

ПАРАДОКС (греч.), неожиданное

явление, сюжет, пример, противоречие привычным соображениям и представлениям.

ПАРЕМИЯ (греч.), притча, изречение, цитата из Библии.

ПАРОДИЯ (греч.), шуточное или насмешливое подражание внешней форме чего-нибудь, например, речи, манере произносить слова, задавать вопросы, использовать междометия и пр.

ПАСКВИЛЬ (нем.), речь, произведение оскорбительного или клеветнического характера.

ПАСОВАТЬ (франц.), признавать себя побежденным, сдаваться в споре, при обсуждении проблемы.

ПАТЕТИКА (греч.), страстность, полнота чувств, приводящая в волнение.

ПАТРИОТ (греч.), человек, любящий свое Отечество.

ПАССИОНАРНОСТЬ, страстность.

ПАФОС (греч.), чувство, страсть, подъем, речь со страстным воодушевлением.

ПЕРЛ (франц.), нечто единственное в своем роде, образцовое, нередко употребляется в ироничном смысле.

ПЕРСОНА (лат.), особа, личность, важная особа. Персона грата — лицо, пользующееся расположением.

Персона нон грата — лицо нежелательное, вызывающее недоверие.

ПИКИРОВКА (франц.), обмен колкостями при споре, обсуждении.

ПЛАГИАТ (лат.), присвоение чужого авторства.

ПЛАН (лат.), плоский, ровный, сейчас — наметка содержания предполагаемого выступления, ре-

чи, определение ее темы, формулирование основных разделов, подбор примеров, подготовка речевых фигур, подбор литературы, определение содержания Введения и Заключения. Верный план — более чем половина успеха.

ПЛЮРАЛИЗМ (греч.), наличие у людей разных взглядов на одну проблему.

ПОЗЕР (франц.), оратор, озабоченный внешним эффектом своего поведения на кафедре, внешней красотью своих речей.

ПОЗИЦИЯ (лат.), точка зрения, отношение к проблеме.

ПОЛЕМИСТ (греч.), любитель споров, умеющий защищать свою точку зрения.

ПОЛИГЛОТ (греч.), человек, владеющий многими языками.

ПОМПЕЗНЫЙ (франц.), пышный, роскошный, эффектно-торжественный.

ПОНЯТИЕ, в логике это форма мышления, отражающая предметы с их существенными признаками. Признаком предмета называется то, в чем предметы сходны друг с другом или чем они друг от друга отличаются.

ПОСТУЛАТ (лат.), предпосылка, допущение, позволяющее построить систему доказательств.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ (лат.), торжественное предъявление, представление чего-нибудь (книги и пр.).

ПРЕЗЕНТОВАТЬ (франц.), подарить, преподнести в дар.

ПРЕЗИДЕНТ (лат.), председатель в самом широком смысле слова.

ПРЕЛЮДИЯ (лат.), вступление, введение.

ПРЕСТИЖ (франц.), авторитет, влияние, уважение.

ПРЕТЕНЗИЯ (лат.), требование, жалоба, иск.

ПРЕЦЕДЕНТ (лат.), факт, случай, служащий оправданием для подобного явления в будущем.

ПРИВАТНЫЙ (лат.), частный.

ПРИМИТИВНЫЙ (лат.), несложный, грубо сделанный, простой.

ПРИНЦИП (лат.), руководящая идея, основное правило.

ПРИОРИТЕТ (нем.), первенство в открытии, изобретении и пр.

ПРОЗЕЛИТ (греч.), новый приверженец чего-нибудь, вновь примкнувший к какой-нибудь новой точке зрения; новый защитник теории.

ПРОЛОГ (греч.), событие, бывшее до того, о чем рассказывается в основной части речи (произведения).

ПРОПЕДЕВТИЧЕСКИЙ (греч.)

КУРС, вводный, предварительный курс в учебный предмет.

ПРОПОНЕНТ (лат.), в формальной логике — участник обсуждения, выдвигающий и обосновывающий свой *тезис*.

ПРОФАН (лат.), человек ничего не знающий, не посвященный невежда в чем-либо.

ПУТЧ (нем.), неудавшийся государственный переворот.

РЕЗОН (франц.), довод, разумное основание для решения, смысл предложения.

РЕЗЮМЕ (франц.), краткое изложение сути речи, статьи, краткий вывод из сказанного.

РЕМА (греч.), то новое, что содержится в речи, в предложении,

новая информация, сообщение ранее неизвестных фактов.

РЕМАРКА (франц.), пояснения к тексту, речи, замечания к ним.

РЕНЕГАТ (лат.), человек, изменивший своим убеждениям, перешедший на противоположную точку зрения.

РЕНОМЕ (франц.), репутация, слава, известность.

РЕПУТАЦИЯ (франц.), общее мнение о чьих-либо достоинствах и недостатках.

РЕФЕРАТ (лат.), публичный доклад, изложение сути вопроса.

РЕЦЕНЗИЯ (лат.), отзыв, критическая оценка выступления (более, или менее подробная, устная или письменная).

РИТОРИКА (греч.), теория красноречия. Наука об ораторском искусстве.

РИТОРИЧЕСКИЙ, относящийся к риторике, риторический вопрос — ораторский прием, при котором на заданный вопрос отвечает сам оратор, чтобы привлечь к нему внимание аудитории.

РУТИНА (франц.), действия по шаблону, отсутствие чувства нового.

САБОТАЖ (франц.), открытое противодействие, скрытая похвала.

САРКАЗМ (греч.), злобная, едкая и остро-язвительная насмешка.

СЕНСАЦИЯ (лат.), сильное впечатление, важное событие.

СЕНТЕНЦИЯ (лат.), высказывание или речь нравоучительного, морального характера.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ (франц.),

излишне чувствительный, приторно-нежный.

СИЛЛОГИЗМ (греч.), дедуктивное логическое умозаключение, состоящее из двух посылок (большой и малой) и умозаключения, например: все четырехугольники имеют четыре стороны, квадрат — четырехугольник, следовательно, квадрат имеет четыре стороны.

СИЛЛОГИСТИКА (греч.), часть формальной логики, учение о силлогизмах, в ироничном смысле для риторики — пустые, беспредметные общие абстрактные рассуждения (то же, что схоластика).

СИМПАТИЯ (греч.), влечение, сочувствие, внутреннее расположение к кому-нибудь, к чему-нибудь.

СИНЕДРИОН, см. Ареопаг.

СИНОПСИС (греч.), общее обозрение, сборник материалов по одному вопросу.

СИСТЕМА (греч.), правильное расположение частей в целом, совокупность правил для продуманного расположения таких частей, способ устройства чего-нибудь.

СИТУАЦИЯ (франц.), совокупная обстановка, обстоятельства.

СКЕПСИС (греч.), сомнение, недоверие.

СКЕПТИК (греч.), недоверчивый, сомневающийся человек.

СЛЕНГ, см. Арго.

СОЛИДАРНОСТЬ (франц.), единомыслие, единодушие, совместная ответственность, общность интересов.

СОЛИДНЫЙ (франц.), основательный, надежный, степенный.

СПИКЕР (англ.), основное зна-

чение — оратор, председатель заседания, собрания.

СПИЧ (англ.), краткая речь, торжественная, застольная.

СПОНТАННЫЙ (лат.), произвольный выкрик, неожиданный вопрос, краткий ответ во время ораторского выступления.

СТАГНАЦИЯ (лат.), застой, неподвижность, полная остановка развития.

СТАТУС КВО (лат.), положение до события, сохранение этого положения.

СТЕРЕОТИПНЫЙ (греч.), неизменный, повторяющийся без изменения, избитый, ходовой, надоевший.

СТРУКТУРА (лат.), строение, устройство, внутреннее положение чего-нибудь относительно друг друга.

СУПЕР (лат.), приставка, означающая «сверх», «над», например, суперобложка.

СУФЛЕР (франц.), подсказчик, тайный руководитель, определяющий содержание выступления.

СФЕРА (греч.), область владения, влияния, область интересов.

СХЕМА (греч.), предварительный набросок, абстрактное упрощение проблемы, графическое изображение вопроса.

СХЕМАТИЗМ, упрощенное изложение вопроса, неглубокое содержание ораторского выступления.

СХОЛИИ (греч.), примечания к тексту, которые сделал комментатор, по-гречески — «схолиаст».

ТЕЗАУРУС (греч.), одноязычный толковый словарь, охватыва-

ющий всю лексику языка, тезаурусами являются словари В.И. Даля, С.И. Ожегова.

ТЕКСТ (лат.), подлинное слово оратора, записанные до или после выступления.

ТЕМА (греч.), главная мысль речи, доклада, беседы, разговора.

ТЕМБР (франц.), особая окраска голоса, характерная для каждого оратора, человека.

ТЕОРИЯ (греч.), в риторике — логическое обобщение опыта выдающихся риториков и ораторов, закономерности ораторской деятельности, принципы подготовки оратора к выступлению, система познаний о правилах подготовки ораторов.

ТЕРМИН (лат.), слово, дающее точное определение понятия или явления, в древней мифологии — бог, охраняющий границы, почитался в народе в виде межевого камня.

ТИП (греч.), образец, модель, обобщенный образ.

ТИПИЧНЫЙ, характерный, обобщенный.

ТИРАН (греч.), жестокий человек, мучитель.

ТОЖДЕСТВО, полное сходство, абсолютное совпадение, «одно и то же».

ТОЛЕРАНТНОСТЬ (лат.), терпимость к другим мнениям, мыслям, верованиям.

ТОСТ (англ.), яркая застольная речь.

ТРИБУН (лат.), оратор, защищающий интересы трудящихся (со времен Древнего Мира).

ТРИУМФ (лат.), блестящий успех, торжество по этому поводу.

УБЕЖДЕНИЕ, прочное, сложившееся мнение, уверенный взгляд на что-нибудь, непоколебимая точка зрения.

УЛЬТИМАТУМ (лат.), требование, высказанное в форме угрозы.

УЛЬТРА... (лат.), приставка, означающая все выходящее «за пределы», например, «ультрасложный», «ультрапримитивный».

УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ, заключение, вытекающее из посылок.

УНИВЕРСАЛ (лат.), оратор с широкими познаниями.

УНИТАРНЫЙ (франц.), стремящийся к единству, к объединению.

УТИЛИТАРНЫЙ (лат.), практический, выгодный, прикладной.

УТРИРОВАТЬ (франц.), преувеличивать, впадать в крайность.

ФАБУЛА (лат.), краткое содержание сюжета, речи, выступления.

ФАВО́Р (лат.), благосклонность, расположение, покровительство высокого лица.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ (лат.), подделка документов, фактов, подтасовка примеров и т. п. в ходе ораторского выступления.

ФАЛЬШЬ (нем.), обман, ложь, неправда.

ФАМИЛЬЯРНОСТЬ (лат.), преувеличенная развязность (в том числе в ходе выступления), бесцеремонность.

ФАНТАЗИРОВАТЬ (греч.), предаваться словесным мечтаниям, не имея на то реальных оснований.

ФАНФАРОН (франц.), хвостун, бахвал, не очень серьезный человек.

ФАРИСЕЙ, в Древней Иудее сторонник лицемерного соблюдения правил внешнего благочестия, сейчас — лицемер, ханжа, обманщик.

ФАРС (франц.), грубая шутка, непристойное высказывание.

ФЕНОМЕН (греч.), необычайный, исключительный факт, явление, событие, постигаемое, как говорят философы, в опыте, в чувственном познании. В точном переводе — «являющееся». Ноймен (точный перевод — «умопостигаемое»), термин введен Платоном и является противоположным «феномену» по механизму познания.

ФИГУРАЛЬНЫЙ (лат.), образный, иносказательный.

ФИКЦИЯ (лат.), выдумка, вымысел, несуществимое, обещание.

ФИНАЛ (итал.), заключительная часть речи, произведения.

ФОРМУЛИРОВАТЬ (лат.), кратко и четко выразить свою мысль, решение.

ФОРС-МАЖОР (франц.), непреодолимое препятствие, которое не может быть устранено усилиями человека, например, стихийное бедствие.

ФРАГМЕНТ (лат.), отрывок речи, выступления.

ФУРОР (лат.), шумный успех, восторженное одобрение.

ХАОС (греч.), полный беспорядок, неразбериха.

ХАРИЗМА (греч.), «божья милость», человек, одаренный свыше, имеющий исключительные, редкие личные качества, харизматический лидер.

ХИАЗМ (греч.) перестановка час-

тей чего-нибудь в виде греческой буквы «Х», которая называется «хи», зависит от творческого отношения автора к своему произведению, но части «хи» должны быть уравновешены.

ХРЕСТОМАТИЯ (греч.), сборник каких-либо материалов, подобранных в учебных целях, например, лучших образцов ораторского искусства.

ЦЕРЕМОНИЯ (лат.), торжество по заранее намеченному плану, внешние условия, жеманность. **ЦИВИЛИЗАЦИЯ** (лат.), уровень общественного развития в материальной культуре, в отличие от духовной культуры.

ЦИНИЗМ (греч.), бесстыдство, наглость, грубая откровенность.

ЦИТАТА (лат.), дословная выдержка из чужих слов, текста в подтверждение собственных сообщений, доводов, выводов.

ШАБЛОН (нем.), избитая форма выражения, фраза, мысль.

ШЕДЕВР (франц.), образцовое произведение, верх искусства.

ШОКИРОВАТЬ (франц.), смущать кого-нибудь словами или действиями.

ЭГИДА (греч.), в древней мифологии — щит Зевса, символ покровительства богов, «под эгидой» — под защитой высокого лица.

ЭГОИСТ (франц.), человек, выше всего ставящий свои личные интересы.

ЭГОТИЗМ, преувеличенное мнение о собственной значимости.

ЭГОЦЕНТРИСТ, ставящий себя в центр событий, интересов.

ЭДЕМ, на древнееврейском языке означает то место, где был земной рай, сейчас — благодатный уголок земли.

ЭЙФОРИЯ (греч.), повышено радостное настроение.

ЭКВИВАЛЕНТ (лат.), равноценное, равнозначное, равносильное явление.

ЭКИВОК (франц.), двусмысленность, тайный намек на разнотчтения, на слухи.

ЭКСКЛЮЗИВ (англ.), журналистский материал, предназначенный исключительно для данного журнала, студии, газеты.

ЭКСТАЗ (лат.), болезненно-иступленное состояние крайнего восторга.

ЭКСТРАВАГАНТНЫЙ (франц.), сумасбродный, причудливый, необычайный.

ЭКСТРЕМИСТ (лат.), сторонник крайних мер, нередко со смертельным исходом для окружающих и для самого себя.

ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ (франц.), выходящий из ряда вон, странный, причудливый.

ЭЛИТА (франц.), лучший, избранный, выдающийся из общего ряда.

ЭЛЬДОРАДО (исп.), золотой, в золоте, позолоченный. Под этим обычно понимается мифическая, сказочная страна сказочных богатств и удивительных чудес, «золотой сон».

ЭМОЦИЯ (франц.), чувство, переживание, волнение, страх, гнев, радость.

ЭНТИМЕМА, сокращенный силлогизм, в котором пропущены или посылка или заключение, например, полный силлогизм — «Все студенты изучают логику» (большая посылка). «Сидоров — студент» (малая посылка). «Следовательно, Сидоров изучает логику» (заключение). Для превращения полного силлогизма в энтимему нужно пропустить один из трех компонентов.

ЭНЦИКЛОПЕДИЗМ (франц.), многосторонние, всеохватывающие знания, глубокие познания во всех областях человеческой деятельности.

ЭПАТИРОВАТЬ (франц.), поражать, удивлять содержанием или формой речи, выступления.

ЭПИГОН (греч.), жалкий последователь какой-нибудь школы, не сказавший в ней своего слова, не создавший ничего нового, яркого.

ЭПИГРАФ (греч.), фраза, цитата, помещенная перед сочинением, речью или перед их частью.

ЭПИЗОД (греч.), часть сюжета, отдельное событие в повествовании.

ЭПИЛОГ (греч.), заключение, действие которого происходит через некоторое время после основных событий.

ЭПИТАЛАМА (греч.), песня, сти-

хотворение на свадьбе, для свадьбы.

ЭПИТАФИЯ (греч.), надпись, слово на похоронах, на памятнике.

ЭРУДИТ (лат.), человек, обладающий большими знаниями во многих областях человеческой деятельности.

ЭСКИЗ (франц.), предварительный набросок произведения, схемы.

ЭСТЕТ (греч.), ценитель прекрасного, поклонник изящного.

ЭСТЕТИКА (греч.), учение о прекрасном, об искусстве, о художественном творчестве.

ЭТАЛОН (франц.), образец, достойный подражания.

ЭТИКА (лат.), система норм нравственного поведения людей.

ЭТИКЕТ (франц.), строго установленные нормы отношений между людьми при дворах монархов, у дипломатов, на приемах и пр.

ЭФФЕКТ (лат.), сильное впечатление от выступления кого-нибудь.

ЮМОР (англ.), изображение смешного, выставление событий, недостатков в комическом виде.

ЮМОРИСТ (англ.), человек, обладающий юмором, изображающий смешные сюжеты, оратор, вызывающий смех в зале.

Речь должна вырастать и развиваться из знания вещей.

Цицерон

ИМЕНА¹

АВГИЕВЫ КОНЮШНИ, в древнегреческой мифологии — конюшни царя Авгия, которые не чистились много лет и были очищены за один день *Гераклом*, направившим через них русло реки, в наши дни — это нечто чрезвычайно грязное, запущенное, не связанное с контролем и управлением.

АВРОРА (лат.), богиня утренней зари в римской мифологии (в греческой — Эос). Сейчас используется в значении веселой, рано встающей, работающей молодой женщины. Этим именем назван революционный крейсер русского флота.

АВТОМЕДОНТ (греч.), возница Ахиллеса, лихо и умело управлявший его боевой колесницей. Впоследствии так стали называть всякого ловкого возницу, кучера, а теперь и шофера.

АГАСФЕР, легендарный древнееврейский «вечный жид», который был осужден вечно скитаться по земле «до конца мира». Сейчас — че-

ловек, скитающийся по жизни без цели и пристанища.

АДОНИС (греч.), сирийский и финикийский бог природы, умирающей и воскресающей дважды в год. Его представляли в виде прекрасного юноши, возлюбленного богини любви *Афродиты*. Его именем называют очень молодого человека, прекрасного и несколько болезненного.

АМАЗОНКИ (греч.), по древнегреческим легендам — племя воинственных молодых женщин, обитавших на реке Фермодонт (Малая Азия) или в предгорьях Кавказа и Меотиды (Азовское море) и совершавших набеги на сопредельные страны. Так называют молодую красивую и грубоватую женщину.

АНДРОМАХА, дочь царя Эгиона и жена *Гектора*, отличалась любовью и верностью своему супругу, впоследствии стала символом супружеской верности.

АНДРОМЕДА, в греческой мифологии дочь эфиопского царя Кефея и Кассиопеи. Была отдана чу-

¹ Приведены имена мифических или реально живших персонажей, которые оказали влияние на красноречие или получили нарицательное значение, связанное с определенным сюжетом их жизни.

довищу, но *Персей* спас ее. После смерти Андромеда превратилась в звезду и до наших дней светит нам в созвездии, носящем ее имя.

АНТЕЙ, афинский великан, сын *Посейдона* и *Геи* (земли), был непобедим, потому что касался своей матери-земли. *Геркулес*, узнав о его тайне, поднял его над землей и победил. В наше время его именем называют людей, имеющих тесную связь с землей, природой. **АНТИГОНА** и ее жизнь послужили сюжетом для знаменитой трагедии Софокла. Дочь *Эдипа* и *Иокасты*, поддерживала своего отца во всех его необычайных невзгодах, оставалась с ним до самой его смерти. Она кончила тем, что лишила себя жизни. Люди чтят в ее имени верную дочернюю любовь к отцу, сестринскую любовь к братьям.

АНТИКЛЕЯ (греч.), дочь Автолика, жена Лаэрты, мать *Одиссея*. Она умерла от горя, причиненного ей долгим отсутствием сына. В литературе — символ чрезвычайной материнской любви.

АПОЛЛОН, божество солнца, сын *Зевса* и *Лето*, брат-близнец *Артемиды*, считался богом музыки, искусств, прорицателей, покровителем стад и скота, спаситель от мора, как «солнцеподобный» нередко назывался Гелиосом, пользовался огромной известностью во всем Древнем Мире. В наше время его имя соотносится с чрезвычайной красотой и высокими проявлениями многих творческих способностей.

АРГОНАВТЫ, герои, отправившиеся на корабле «*Арго*» в Кол-

хиду за Золотым Руном под предводительством *Язона*. Многочисленные приключения аргонавтов послужили причиной того, чтобы этим именем стали называть всех любителей опасных, длительных и красочных путешествий. Отдельные сюжеты плавания аргонавтов описаны в музыкальных, поэтических и прозаических произведениях.

АРГУС, **АРГОС**, существо, имевшее множество (сто) глаз, которого Гермес усыпил своей игрой на флейте. После этого Гера поместила глаза Аргуса на хвост павлина. В современном языке Аргус, недремлющий страж, которому поручили важное дело по охране кого-нибудь.

АРИАДНА, помогла *Тезею* спастись от *Минотавра*, дав ему клубок ниток, при помощи которого он смог выбраться из лабиринта. Тезей обещал жениться на ней, но покинул ее. Ее нашел *Дионис*, подарил ей корону из семи звезд, которые в наши дни представляют собой одноименное созвездие. «Клубок Ариадны» в наши дни — путеводное направление в дороге, как и «звезды Ариадны».

АРИСТОФАН (ок. 450—380 до н.э.), древнегреческий поэт-комедиограф, величайший поэт и комический писатель всех времен и народов. До нас дошло его одиннадцать комедий, которые отличаются удивительно тонким остроумием. Сравнение «с Аристофаном» — высшая оценка для писателя.

АРЛЕКИН (итал.), одна из масок комедии дель арте, слуга, шут, па-

яц, носит костюм из шелковых разноцветных треугольников и черную маску, в наши дни соотносится с народным весельем.

АРТЕМИДА, сестра Аполлона, у римлян она называлась Дианой, богиня луны и охоты. Храм Артемиды в Эфесе считался одним из семи чудес света, а знаменитейшая из сохранившихся до наших дней статуй Артемиды находится в Версале в Париже.

АТЛАНТ, по древнегреческому мифу великан (титан), держал на голове и руках небесный свод. Сейчас — человек, взявший на себя тяжелую ношу, непосильную работу.

АФИНА ПАЛЛАДА, дочь *Зевса*, родившаяся из его головы после того, как он проглотил свою первую жену Метиду. Она олицетворяла собою мудрость, была богиней знаний, искусств и наук, изобретательницей флейты, покровительницей города Афин, ее священными животными считались змея, сова и петух. Поскольку Афина еще почиталась как богиня войны, то умная и сильная женщина и в наши дни — Афина.

АФРОДИТА — в греческой мифологии, у римлян — Венера, была богиней любви и красоты, появилась из морской пены. *Парис* объявил ее самой красивой из богинь и отдал ей яблоко раздора. Обычно ее сопровождал сын — Эрот. Изображения богини красоты в любом материале (от мрамора до полотна) представляют собой образцы великих произведений искусства. По традиции — красивая женщина во все времена или Аф-

родита или Венера. Но Афродита — богиня любви вообще, а Венера — богиня супружеской любви.

АХИЛЛ, или **АХИЛЛЕС**, главный герой «Илиады» Гомера. Он совершил неисчислимое количество подвигов, обладал множеством достоинств, но одним недостатком — «ахиллесовой пятой». Все тело Ахилла было неуязвимо для оружия, кроме пятки. Именно в нее попал своей стрелой *Парис* и убил героя. «Ахиллесова пята» и в наши дни означает слабое место кого-нибудь.

АЯКСЫ, в древнегреческой эпической поэме «Илиада» два неразлучных друга и героя Троянской войны, вместе сражавшихся на стороне греков. В наше время — верные друзья, «друзья до гроба».

БАХУС у римлян и Дионис у греков, бог вина и виноделия, путешествовал в сопровождении *сатиров*, *кентавров*, *вакханок*. Культ Диониса, сначала имевший характер веселья, постепенно становился все более невоздержанным и переходил в неистовые оргии (вакханалии). И в наши дни говорят про тех, кто «увлекается дружбой с Бахусом», что у них краснеет нос и чернеет душа.

БУРИДАН ЖАН (1300—1358), французский философ, который изобразил осла, умирающего от голода между двумя охапками корма (сена и соломы), поскольку не мог выбрать, с какой из них начать. Сейчас выражение «буриданов осел» свидетельствует о крайней степени нерешительности, о не-

умении выбрать одно из двух, о неуверенности в себе.

ВАКХ, см. *Бахус*.

ВАКХАНКИ, участницы вакханалий (см. *Бахус*).

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ, «ночь Святой Вальпургии» — когда в Германии на горе Броккен проходят оргии, хороводы колдунов и ведьм. В наши дни под этим наименованием фигурируют разгульные пирушки, неистовые вакханалии.

ВАНДАЛЫ (нем.), древнегерманские племена, прославившиеся своими стремлениями к уничтожению произведений искусства, что они продемонстрировали, овладев Римом в 455 г. Сейчас — вандал, человек в высшей степени некультурный, примитивный, разрушитель.

ВАЛЬТАСАР, вавилонский царь, по преданию убитый персами, вторгшимися в Вавилон во время веселого пиршества. Современное выражение — «Вальтасаров пир» означает «веселье перед несчастьем».

ВАРФОЛОМЕЙ, почитаемый святой у французских католиков. В ночь на его праздник 24 августа была устроена в 1572 г. резня французских протестантов (гугенотов), которая продолжалась три дня, унесла много тысяч жизней. Позднее под этим выражением понимается ночь массовых убийств.

ВЕНЕРА, см. *Афродита*. В 1761 г. М.В. Ломоносов открыл, что планета, носящая ее имя, окружена атмосферой.

ВИКТОРИЯ, у греков Ника, бо-

гиня победы, изображалась в виде летящей женской фигуры с венком в руках. Петр I особенно любил слово «виктория», а противоположное обозначал словом — «конфузия».

ВУЛКАН, см. *Гефест*.

ГАРПИИ, дочери морского бога жества, похитительницы, которые изображались в виде полуптиц-полуженщин. Им приписывалось похищение людей, которые пропадали без вести. Видимо, гарпии усердно функционируют и в наше время.

ГЕКТОР, одна из благороднейших фигур в «Илиаде» Гомера, сын Приама и Гекубы, супруг *Андромахи*, главный герой троянцев в их борьбе с греками. В последние времена, особенно в период жизни А.С. Пушкина, символ чести и благородства. Гектор погиб в поединке с *Ахиллесом*. Образ Гектора был раньше известен любому гимназисту.

ГЕНИЙ, дух, оживляющий лицо, место и пр., олицетворение внутренних сил и способностей мужчины, соответствует греческому Демону. По мнению римлян, местные гении имели вид змей, но в произведениях искусства изображались в виде юношей с рогом изобилия или как крылатые существа с неясными фигурами. До наших дней и слово «гений» и слово «демон» имеют широкое хождение.

ГЕРКУЛЕС (ГЕРАКЛ), величайший и самый известный до сих пор герой Древнего Мира. Обладая нечеловеческой силой, он совершил

двенадцать подвигов, равных которым нет в истории человечества. До наших дней могучий человек может быть назван Геркулесом.

ГЕРМЕС, бог промышленности, торговли и изобретений, хитрый, изворотливый, владеющий ловким умным словом, способный на обман и кражу. По преданию, Гермес изобрел лиру, натянув нити на панцирь черепахи. Его изображали в крылатых сандалиях или в шляпе с крыльями и с жезлом счастья в руке. В Риме греческому Гермесу соответствовал Меркурий. Они оба были символами успешной торговли, им поклонялись купцы.

ГЕРОДОТ, древнегреческий историк, «отец истории» (484—425 до н.э.). Написанные им книги носили названия имен всех девяти муз Древнего мира.

ГЕРОСТРАТ, грек из г. Эфеса, с целью сохранения своего имени в истории в 365 г. до н.э. сжег храм *Артемиды* в г. Эфесе. Принято знаменитых разрушителей называть его именем.

ГЕФЕСТ (у римлян — Вулкан), хромой от рождения сын *Зевса* и *Геры*, искусный мастер по обработке металлов, ковал оружие богам и героям, используя помощь циклопов. Любимым местом его пребывания считался остров Лемнос. Имена Вулкана и Гефеста олицетворяют собой искусного мастера и в наши дни.

ГИМЕНЕЙ, бог брака, свадьбы, супружеского счастья, его изображали в виде крылатого мальчика с факелом в руках. Выражение «узы Гименея» известно с древних вре-

мен, Гименею посвящено несколько свадебных гимнов и песен.

ГИПНОС, бог сна, сын *Ночи*, брат *Смерти*, изображался в виде спящего юноши. В наши дни «под гипнозом» делаются операции, что позволяет избежать шоковой боли в ходе хирургического вмешательства.

ГИППОКРАТ, древнегреческий знаменитый врач, материалист, родился в 460 г. до н.э. Умер в 365 г., всю жизнь занимался лечением болезней. До наших дней молодые врачи дают «клятву Гиппократова».

ГОРДИЙ, легендарный царь Фригии, прикрепил ярмо к дышлу колесницы таким узлом, который никто не смог развязать. Знаменитый Александр Македонский разрубил «гордиев узел» вместо того, чтобы возиться с его распутыванием. С тех пор это выражение символизирует быстрое, четкое и неожиданное для всех решение, до которого ранее никто не смог додуматься.

ГРАЦИИ, или *Хариты*, богини женской прелести и светлой радости. Жили в дружбе с музами и сопровождали *Афродиту*, которая без них не могла пленять. Их изображали в виде молодых и прекрасных женщин с музыкальными инструментами и цветами в руках. «Грации» и «Хариты» — любимые персонажи поэтов всех веков.

ГРИФ, мифическое существо с львиным туловищем и орлиной головой, стерегущее золото. Позднее — рукоятка оружия, головка музыкального инструмента, на которых изображался гриф либо в его

классическом варианте, либо с любыми изменениями.

ДАМОКЛ, по древнегреческому преданию сиракузский тиран Дионисий, предложил на один день престол своему фавориту Дамоклу, но повесил над его головой меч на конском волосе, волос мог оборваться в любую минуту. Сейчас «дамоклов меч» — нависшая, постоянно грозящая опасность.

ДАНАЕВ ДАР, дар данайцев, которые подарили троянцам данайский (греческий) подарок: деревянного коня, положо внутри, в котором спрятался греческий отряд, открывший ночью ворота Трои. В последующие века смысл этого выражения всегда один и тот же: подарок, сделанный с предательским умыслом.

ДАНАИДОВА бочка, или работа Данаид. По греческой легенде пятьдесят дочерей аргосского царя Дария убили своих мужей, а за это получили от богов наказание наполнить водой бездонную бочку. Сейчас — бесконечный и бессмысленный труд, работа, не имеющая смысла и цели.

ДЕДАЛ и **ИКАР**, лица мифические, интересны тем, что Дедал выдал *Ариадне* ту нить, при помощи которой спасся *Тезей*, это во-первых, а во-вторых, Дедал сделал себе и своему сыну Икару крылья из перьев и воска, но сын поднялся слишком высоко, воск растаял от солнца и Икар погиб. Поэтому часть моря, где это совершилось, называется Икарским

морем. А Дедал — образец талантливого изобретателя.

ДИОНИС, см. *Бахус*.

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ, спартанская царица, отличалась чарующей красотой. Была увезена *Парисом* в Троию, что и послужило началом троянской войны. В наши дни есть немало сюжетов, в которых главная героиня наделена прелестями Елены, называемой Прекрасной.

ЗЕВС, глава греческих богов, у римлян он известен под именем Юпитера. Он устанавливает высший порядок на земле, перед ним трепещут все: и боги и люди. Его оружие — молнии, которые кует для него *Гефест*. От его связей с земными женщинами были рождены многие герои: *Геркулес*, *Персей* и др., от связей с богинями — многие богини. До наших дней Зевс — полный владыка вселенной, с ним никто не может сравниться.

ЗОИЛ, греческий философ и критик (IV в. до н.э.), известен своими нападениями на самого Гомера и на его сочинения. Сейчас — несправедливый, придирчивый критик, злопыхатель.

КАЛЛИОПА, муза красноречия в древнегреческой мифологии, покровительница ораторского искусства у древних греков. Обычно изображалась с навошенными дощечками и грифелем в руках. Одна из девяти олимпийских муз, которыми руководил сам *Аполлон*.

КАМЕНЫ, см. *Музы*.

КАССАНДРА, дочь троянского царя Приама и Гекубы, отличалась красотой, была любима Аполлоном, от которого получила дар предвидения. Но она не ответила на его притязания, за что была наказана неверием окружающих в ее «прогнозы». До наших дней вызывающий насмешки или сомнения прогноз называется «прорицанием Кассандры».

КАСТАЛИЯ, Кастальский источник у подножья горы Парнас, близ Дельф в Греции, который был посвящен *Аполлону* и музам. До наших дней является символом очистительного омовения и творческого подъема, местом, где можно встретиться с музами.

КВАЗИМОДО, герой романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери», так называют крайне уродливого человека.

КЕНТАВРЫ, полулюди, полубоги, полулошади — фантастический народ, который из-за страсти к вину был включен в свиту *Диониса*. Самым знаменитым среди всех кентавров считался *Хирон*.

КЛЕОПАТРА, последняя царица Египта, дочь египетского царя Птолемея Авлета, была поразительно красива, очаровала самого Цезаря. Полная приключений жизнь ее закончилась на 39 г. от роду, когда она сама убила себя посредством укуса ядовитой змеи, чтобы не попасть в Рим в качестве пленницы. После ее смерти Египет стал провинцией Рима.

КРЕЗ, последний царь Лидии, известный своими несметными богатствами. «Богат, как сам Крез» — так говорят и в наши дни.

КСАНТИППА, жена великого афинского философа Сократа. Если муж вошел в историю человечества как образец истинного ученого, главное кредо которого выразалось одним словом: «Иследуем!», то его жена стала известна потому, что отличалась крайне неприятным, ворчливым и нетерпимым характером, но никогда не могла вывести своего мужа из терпения.

ЛЮДОВИК XIV, французский король (1638—1715), сказавший фантастическую фразу, вошедшую во все учебники истории, этики и эстетики: «Государство — это я!»

МАВЗОЛ, царь карийцев (377—335 до н.э.), в честь которого был воздвигнут первый Мавзолей — одно из семи чудес света.

МАРАФОН, селение на восточном берегу Аттики, известное победой афинян над персами (в 490 г. до н.э.). Отсюда гонец бежал в Афины с известием о победе, покрыв расстояние в 42 км 195 м (марафонская дистанция).

МАРС, римский бог войны, считается родоначальником римского народа, он даровал победу, а поэтому ему нужно поклоняться, отправляясь на войну.

МАФУСАИЛ, библейский патриарх, проживший 969 лет. «Мафусаилов век» — возраст почтеннейшей старости.

МЕГЕРА, одна из трех Эринний (или *Эмений*), которые изображались в виде отвратительных женщин с волосами из змей и с нали-

тыми кровью глазами. Они были жестоки и неумолимы. Римляне называли этих богинь фуриями. МЕДЕЯ, дочь Айета, царя Колхиды, помогла аргонавтам (*Язону*) добыть Золотое Руно. Но впоследствии убила многих своих родственников (брата, мужа, детей). Героиня многих прозаических и драматических произведений.

МЕДУЗА ГОРГОНА, одна из трех Горгон. Они были покрыты змеями, у них были крылья, страшные зубы и когти, всякий, кто взглянул бы на них, превращался в камень. Ее убил *Персей*, увидев ее отражение в собственном щите. И в наши дни неприятную женщину называют «Медуза Горгона».

МЕНТОР, воспитатель Телемака, сына Одиссея в гомеровской поэме «Одиссея». В наши дни — неотступный и назойливый советчик, непрощенный воспитатель.

МЕРКУРИЙ, см. *Гермес*.

МЕССАЛИНА, жена императора Клавдия, известная своим развратным поведением и чрезвычайной жестокостью, что подразумевается в ее характеристике и до наших дней. МИДАС, царь Фригии, захотел, чтобы все, к чему он прикасается, превращалось в золото. Боги исполнили его просьбу, в результате ему предстояло умереть голодной смертью, поскольку пища тоже превращалась в золото. Богижалились и сняли с него заговор. Его имя стало синонимом чрезвычайной алчности. Мидас еще прославлен тем, что у него были ослиные уши, выросшие по желанию *Аполлона*, поскольку Мидас судил со-

ревнование между Аполлоном, игравшим на лире, и Паном, игравшим на свирели, и присудил победу не Аполлону, а *Пану*. Выражение «ослиные уши Мидаса» имеет широкое хождение среди ораторов и означает малую музыкальность владельца.

МЕЦЕНАТ, римский всадник, друг и советник императора Августа, покровитель поэзии и искусств (Горация и Вергилия). Умер в 8 г. до н.э. Имя стало нарицательным.

МИНЕРВА, римская богиня, покровительница писателей и актеров, в Греции — *Афина* Паллада.

МИНОТАВР, «бык Миноса», которому каждые девять лет присылалось по семь девушек и семь юношей на съедение. Страшное чудовище с человеческим туловищем и бычьей головой (или наоборот, с туловищем быка и головой человека). Его убил *Тезей*, и поскольку Минотавр жил в лабиринте, «нить Ариадны» вывела Тезея на свободу. Минотавр — символ ненасытного чудовища.

МИТРИДАТ, Понтийский царь (132—63 до н.э.), отличался чрезвычайной памятью и говорил на двадцати двух языках.

МНЕМОЗИНА, богиня памяти, мать всех девяти муз Древнего Мира. В наши времена известны мнемонические законы (или мнемонические приемы, имеющих целью облегчить запоминание возможно большего количества сведений, фактов, законов, основанных главным образом на принципах ассоциации).

МОМ, бог злословия и насмешки, который кончил тем, что лопнул от злости, когда не смог найти в Афродите никаких недостатков, достойных его внимания. «Что б ты лопнул, как Мом» — недоброе пожелание злопыхателю.

МОРФЕЙ, сын бога сна, бог сновидений, создающий образы и сам являющийся во сне («в объятиях Морфея»).

МУЗЫ, в Риме Комены, дочери *Зевса* и *Мнемозины*, их было девять, каждая имела влияние в своей области:

Каллиопа, красноречие и эпос, знание, Клио — история, Эрато — любовная поэзия и мимика, Эвтерпа — лирическая поэзия, Мельпомена — трагедия, Полигимния — гимны, Терпсихора — танцы, Таллия — комедия, Урания — астрономия.

НАРЦИСС, красивый юноша. Не способный на любовь. Его жизнь кончилась тем, что он полюбил собственное отображение в воде и превратился в одноименный цветок. «Хорош, как Нарцисс» — говорят про такого молодца.

НЕФЕРТИТИ, египетская царица начала XIV в. до н.э., супруга Аменхотепа IV. Ее имя переводится как «Красавица грядет» или «Прекрасная явилась». В 1912 г. найдены ее изображения — поэтические, тонкие по работе и по ее образу: оригинальное лицо на тонкой шее, с огромным головным убором. «Как Нефертити» — такого комплимента хотела бы удостоиться едва ли не каждая женщина.

НАЯДЫ (или Нимфы), богини вод, разделялись на несколько классов. Нимфы деревьев назывались Дриадами и умирали вместе с ними. В славянской мифологии им соответствуют русалки. Например, «Она плавает как русалка (как нимфа, наяда)».

ОДИССЕЙ, царь острова Итаки, греческий герой, участник троянской войны, прославившийся своей хитростью, умом и красноречием. Его красочные и нескончаемые приключения описаны Гомером в «Одиссее». Его жена *Пенелопа* известна как верная, ждущая жена. Его имя стало синонимом хитреца и путешественника.

ОЛИМП, гора в Фессалии, на которой жили боги. Сейчас это слово нередко употребляется с иронией относительно верхушки руководителей, например, в писательских, композиторских, государственных и других организациях. Аполлон и все музы жили на горе Геликон. Геликон — также самая большая труба в духовом оркестре.

ОРАКУЛ, в Древнем Риме жрец, который предсказывал будущее. Одновременно под этим словом понималось место, где происходили предсказания. Особой известностью пользовался Дельфский оракул, находившийся в храме *Аполлона* у подножья Парнаса. Сейчас — ироничное наименование предсказателя.

ОРФЕЙ, поэт и музыкант догомеровской эпохи, мифическое лицо, сын *Каллиопы*, участник похода *аргонавтов*. Играл на лире,

полученной из рук Аполлона, и пением он усмирал диких зверей и приводил в движение скалы и деревья. Ему пришлось спуститься в царство мертвых за умершей женой (нимфой *Эвридикой*), затем он был растерзан вакханками во время оргий. Орфей наших дней — «сладкоголосый певец».

ПАН, главный бог пастухов и стад, изобретатель свирели. Внезапно появлялся перед людьми, наводя на них «панический ужас». Он находился в свите Диониса, у него были рога, кривой нос и козлиные ноги. У римлян он назывался Фавном. «Панический ужас» говорят до сих пор.

ПАНДОРА, в греческой мифологии первая женщина, созданная *Афиной* и *Гефестом*. У этой красивой женщины был сосуд, заполненный всяческими бедствиями. Открывать его было нельзя, но Пандора пренебрегла предостережением богов, открыла его и выпустила все беды на головы людей. В ларчике осталась только одна обманчивая надежда. «Ящик Пандоры» — сумма всех человеческих невзгод и болезней.

ПАРИС, главным образом известен тем, что должен был рассудить трех богинь: отдать золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей» или Гере, или *Афродите*, или *Афине*. Он отдал предпочтение Афродите. Во время троянской войны Парис с помощью *Аполлона* убил *Ахиллеса*. Но сам он не отличался особой храбростью, предпочитая общество женщин.

ПАРНАС(С), высокий горный массив с двумя вершинами, у подножья находились Дельфский оракул и Кастальский источник.

ПЕНАТЫ, Древнеримские боги, покровители дома и государства. «Пенатами» нередко назывались поместья родовой знати, усадьбы, имения в России.

ПЕНЕЛОПА, жена *Одиссея*, верная ему во все время его отсутствия. Чтобы отказать многим женщинам, она объявила, что выйдет замуж не раньше, чем закончит для мужа погребальное покрывало, поскольку ее уверяли, что *Одиссей* погиб. Но ночью она распускала ту часть пряжи, которая была соткана днем. «Верна, как Пенелопа» — похвала верной жене.

ПЕРСЕЙ, сын *Зевса* и *Данаи*. Одним из основных его подвигов было уничтожение *Медузы* Горгоны. В этом ему оказали помощь *Афина* и *Гермес*, дав ему летающие сандалии, сумку, шлем-невидимку и зеркальный щит, глядя в который он и отрубил *Медузе* голову. Затем на крылатых сандалиях скрылся от двух других Горгон, спас *Андромеду*, а голову *Медузы* поместил в центр своего щита. Легкий, быстрый человек нередко и сегодня — «Персей».

ПИГМАЛИОН, царь на Кипре, сделавший статую прекрасной женщины и влюбившийся в нее. По его просьбе *Афродита* оживила статую и Пигмалион женился на ней. Талантливый скульптор и сегодня может быть назван «Пигмалионом».

ПИГМЕИ, в греческой мифологии племя карликов, ростом не боль-

ше расстояния от «локтя до кулака», которое описал Гомер. Это также группа народов, относящихся к негрильской расе, коренное население тропической Африки. Сегодня низкорослые люди могут быть названы этим словом.

ПИРР, царь Эпира, одержал победу над римлянами, но ценой огромных жертв для собственного войска. Следовательно, сомнительная победа, не оправданная понесенными жертвами, называется «Пиррова победа». Было это в 279 и 280 гг. до н.э.

ПОЛИШИНЕЛЬ, персонаж французского марионеточного театра — веселый и болтливый слуга. В ораторской практике нередко употребляется выражение «секрет полишинеля», под которым подразумевается «тайна, известная всему миру», «секрет, которым владеют все».

ПОСЕЙДОН, один из главных олимпийских богов, у римлян это Нептун, господствовал над морем и другими водами. Его дворец находился на дне океана, он насылал бури на корабли, потрясая своим трезубцем. Он считался создателем коня, поэтому разезжал по волнам на меднокопытных конях (а иногда на дельфинах). Праздник Нептуна (или Посейдона) устраивается и сегодня, когда современный корабль пересекает экватор.

ПРОКРУСТ, греческий разбойник, знаменитый своим «ложем», на которое он укладывал всех людей, причем тому, кто был длиннее ложа, он отрубал ноги, а у тех,

кто был короче, он их вытягивал. Сейчас «Прокрустово ложе» — искусственная мерка, под которую стараются что-нибудь насильно подогнуть, не считаясь с реальным положением вещей.

ПРОМЕТЕЙ, был великим благодетелем всего человечества: похитил на Олимпе огонь и принес его людям, научил их обрабатывать металл и глину. За это Зевс приказал приковать его к скале, а прилетавший орел выклевывал днем его печень, которая восстанавливалась за ночь. От этих страданий Прометей избавил сам Геркулес, убивший орла и освободивший героя. «Прометей» — человек, приносящий людям благоденствие.

ПСИХЕЯ, в переводе «душа». Апулей, объединив различные мифы, создал поэтическую сказку о странствиях человеческой души. Психея возбудила любовь Эрота, но он приходил к ней в темноте. Желая увидеть лицо возлюбленного, она зажгла лампу, но горячее масло капнуло ему на плечо, он проснулся, и рассердившись, покинул ее. Психея долго искала его, испытала множество всевозможных бедствий. В конце они соединились, а их дочь была названа Счастьем.

РУБИКОН, река, впадающая в Адриатическое море, которую в 49 г. до н.э. перешел Юлий Цезарь, несмотря на запрещение со стороны Сената. Сейчас «перейти Рубикон» означает совершить решительный поступок, сделать решительный шаг навстречу неизвестному.

САТИРЫ, лесные божества, похожие на козлов, но с человеческими чертами, бродят среди деревьев с нимфами, преследуя их своей любовью, любят спать, пить вино и играть на музыкальных инструментах. В более поздние времена стали смешивать сатиров, панов и фавнов. Среди современных людей есть немало последователей этих весельчаков.

СЕМЬ ЧУДЕС СВЕТА, широко известные по культуре Древнего Мира наиболее прославленные достопримечательности:

1) пирамида Хеопса, 2) Фарос — маяк близ Александрии, построен Птоломеем II (ок. 280 до н.э.), 3) висячие сады Семирамиды в Вавилоне (VII в. до н.э.), 4) храм Артемиды или Дианы в Эфесе (ок. 550 до н.э.), 5) колоссальная статуя Зевса на Олимпии, изваянная Фидием (ок. 430 до н.э.), 6) мавзолей в Галикарнасе (IV в. до н.э.), 7) Колосс родосский — огромная бронзовая статуя Аполлона (Гелиоса), стоявшая при входе в гавань города Родоса (ок. 292—280 до н.э.). До наших дней сохранилась только пирамида Хеопса.

СИЗИФ, сын *Эола*, царь Коринфа. Известен своей крайней скупостью и коварством. Он был наказан богами и должен был вкатывать на вершину горы мраморную глыбу, которая всякий раз скатывалась вниз, и Сизифу приходилось все начинать сначала. «Сизифов труд» — бесплодная и нескончаемая работа, не приносящая удовлетворения и не имеющая конечной цели.

СИРЕНЫ, морские девы, которые

губили путешественников своим пением, поскольку заслушавшиеся моряки попадали в водовороты *Сицилы*. *Одисей* спасся от них тем, что приказал привязать себя к мачте во время их пения, а всем сотоварищам приказал залепить уши воском. Они изображались в женском естестве, но с птичьими ногами. Давний от нас образ женского оболщания.

СПАРТАК, фракиец, был разбойником, стал гладиатором, в 73 г. до н.э. поднял восстание, довел количество своего войска до 200 000 человек, наносил римским консулам одно поражение за другим, пока не был разбит и убит в бою в 71 г. до н.э. Он стал одним из самых любимых героев читающей публики. На этот сюжет написаны книги, поставлены спектакли и знаменитый балет.

СТЕНТОР, грек, участвовавший в троянской войне. Прославился голосом, который был сильнее, чем у хора, состоящего из пятидесяти человек.

СФИНКС, чудовище женского рода, имело крылатое туловище львицы, а голову и грудь — женщины. Оно жило близ Фив на скале и убивало каждого, кто не мог отгадать такую загадку: «что утром ходит на 4-х ногах, в полдень на 2-х, а вечером на 3-х». Эдип отгадал, что это — человек, после чего чудовище бросилось со скалы и погибло, а фиванцы сделали Эдипа своим царем. Сколько загадок вынужден отгадывать современный человек из тех, что загадывает ему сама жизнь...

СТИКС, река в царстве мертвых, куда души умерших перевозил *Харон*, а воды этой реки разъедали все, кроме лошадиных копыт. Харон получал за свою работу плату, которую родственники умершего клали ему в рот и люди клялись именем Стикса и Харона, и эта клятва считалась одной из самых священных.

СЦИЛЛА И ХАРИБДА, две скалы в море между Италией и Сицилией, морской проход между которыми был очень опасен для мореплавателей. На скалах жили страшные чудовища, например, Сцилла — страшилище с шестью головами на длинных шеях, с тремя рядами острых зубов в каждой пасти, с двенадцатью ногами и лающая, как собака. В описании этих двух чудовищ древние люди выражали ощущение двойной опасности, ожидавшей моряков при проходе через скалы: камни и водовороты. Такие сюжеты встречаются человеку и в наши дни.

ТАНТАЛ, сын *Зевса*, который за преступления против отца был наказан: он должен был сидеть по горло в воде, над его головой висели прекрасные плоды, но как только он наклонялся к воде или протягивал руку к плодам — вода опускалась, плоды поднимались, дразня его, страдающего от жажды и голода. В дополнение к этому над Танталом висела скала, готовая обрушиться на его голову. Весь сюжет целиком называется до наших дней «Танталовы муки».

ТЕЗЕЙ (Тесей), великий мифиче-

ский герой Аттики, совершивший множество подвигов, убил *Минотавра*. В него влюбилась *Ариадна*, давшая ему клубок ниток для выхода из лабиринта... В дальнейшем Тезей ходил в походы с *Геркулесом* против амазонок, хитростью увез амазонскую царицу Антиопу, а после ее смерти женился на *Федре*. Афиняне считали его своим героем и поставили в его честь величественный храм.

ТИТАНЫ, шесть сыновей и шесть дочерей Урана и Геи, вступили в борьбу с самим *Зевсом* за обладание небом, но были побеждены *Циклопами* и сброшены в ад (Тартар). И сегодня мы говорим: «Сбросить в Тартарары» и «Титаны штурмуют небо».

ФАВН, римское божество, похожее на греческого *Пана* покровитель стад и пастухов стремился к общению с нимфами. Впоследствии стали говорить, что фавнов много, как сатиров. Крестьянами Фавн почитался как покровитель скотоводства и сельской жизни.

ФЕМИДА, богиня законности и порядка. Изображалась с рогом изобилия, весами в руках и с повязкой на глазах. Этими аксессуарами подчеркивалась ее непредвзятость, стремление к справедливости, которого всем не хватает во все века. ФЕНИКС, мифическая священная птица египтян, которая сжигала себя, достигнув зрелого возраста, а из этого пепла рождался молодой Феникс. В этом сказании проектировалась тема вечно уми-

рающей и возрождающейся природы, непрерывного возобновления поколений человечества. У славянских народов такая птица получила наименование «гамаюн». Гамаюн — символ вечного возрождения — был помещен на гербы ряда городов и владетельных фамилий.

ФОРТУНА, богиня случая и судьбы, имеющая многие сходства с Фемидой. Выражение «по воле Фортуны» сохранилась до наших дней, как и другое — «как скажет Фемида» — слепой случай.

ФОРУМ, так назывались в Риме открытые места, где проходили собрания, велась торговля, выступали ораторы. Сейчас — любое собрание, но большое, торжественное, а про маленькое — с элементами иронии.

ФУРИЯ, в древнеримской мифологии одна из богинь мщения и кары, преследующих грешников повсюду. В Греции их называли Эриннии или *Эвмениды*, жили они в аду (в Тартаре). Сейчас под этим словом фигурирует обычная, но злая и сварливая женщина, с нетерпимым характером.

ХАРИТЫ, богини красоты и женской прелести. Еще они назывались Грациями и повсюду сопровождали *Афродиту*.

ХАРОН, старый, грязный перевозчик в царстве мертвых — аде, который переправлял тени умерших через подземные реки, главной из которых была река Стикс. За переправу полагалось заплатить монету стоимостью в один обол (мелкая серебряная монета, 6-я

часть драхмы), которая по погребальному обряду находилась у покойников под языком.

ХЕОПС, египетский фараон, соорудивший величайшую пирамиду в XXVII в. до н.э. Ее высота — 146,6 м, первое «чудо света».

ХИМЕРА, мифическое чудовище, извергающее огонь, с львиной головой, змеиным хвостом и с туловищем козы. Представляла собой неосуществленную мечту, несбыточную фантазию, что понятно и сегодня едва ли не каждому человеку.

ХИРОН, замечательнейший из кентавров, поскольку он знал толк в лекарствах, травах, музыке, обладал даром предвидения, был воспитателем Ахиллеса, Геркулеса и других героев. Случайно раненый стрелой Геркулеса, он был помещен на небо под именем Стрельца. Значит, все Стрельцы незримо связаны с этим кентавром, хотя и не подозревают, может быть, об этом. Изображение кентавра Хирона помещено на зодиакальном знаке Стрельца.

ЦЕЗАРЬ (Гай Юлий Цезарь), (100/102—44 до н.э.), римский диктатор, полководец. Сосредоточив в своих руках ряд важнейших республиканских должностей, стал фактически монархом. Убит в результате заговора республиканцев. Ему приписывается фраза: «И ты, Брут!», которую он бросил в лицо заговорщиков. После этого он закрыл лицо тогой и упал пронзенный мечами, но даже в последний миг жизни, демонстрируя самооб-

ладание и артистизм. Именно он сказал: «Пришел, увидел, победил». О нем написаны библиотеки книг, поскольку это был один из величайших людей Древнего Мира, а его литературные и ораторские произведения до сих пор изучаются как образцовые.

ЦЕРБЕР, трехглавый страж у врат подземного мира, пес свирепый и никогда не спящий, никого из ада не выпускающий, его змеи на гриве и хвосте всегда шевелились. В переносном современном смысле — бдительный и свирепый страж, что объединяет его с образом, известным под названием «Аргус». Иногда написание «Цербер» изменялось на «Кербер».

ЦИКЛОПЫ, существа с одним круглым глазом в центре лба, мифическое племя великанов, которые жили на Сицилии. Они занимались скотоводством, но были людоедами, ковали громы-молнии для *Зевса*, помогая *Гефесту*. Главным среди них был Полифем. Он съел двух товарищей *Одиссея*, но последнему удалось ослепить великана и скрыться от него, надев на себя и спутников бараньи шкуры и уворачиваясь от обломков скал, которые разъяренный Полифем влепую бросал им вслед. В целом — это племя неумных силачей со всеми вытекающими из этого последствиями. Естественно, что хитроумный *Одиссей* без особого труда одолел и самого Полифема.

ЦИРЦЕЯ, известная волшебница, превратила в свиней всех товарищей *Одиссея*, а его самого целый

год не отпускала в дальнейший путь. Пользуясь помощью *Гермеса*, *Одиссей* убедил ее вернуть своим товарищам человеческий облик и отпустить всех с ее острова Эя. Современными словами Цирцею можно охарактеризовать как «коварную обольстительницу». От *Одиссея* у Цирцеи родился сын Телегон, который в дальнейших приключениях случайно убил своего отца.

ЭВМЕНИДЫ (Эриннии), богини кары и мести, греки так их боялись, что называли «благодетельницы» (по-греч. эвмениды). Наиболее известна из них Мегера. Римляне называли их фуриями.

ЭВРИДИКА, жена *Орфея*, умерла, укушенная змеей. *Орфей* спустился за ней в ад, своим пением прекратил страдания душ умерших, уговорил Аида (повелителя царства мертвых) отпустить ее к людям, но не сдержал запрета не смотреть на нее до выхода на поверхность. *Эвридика* осталась навсегда в царстве теней, а *Орфей* стал выражать презрение ко всем женщинам без исключения. Об *Эвридике* написано много произведений, в том числе песен.

ЭДИП, царь Фив, сын Лая и Иокасты, в переводе его имя означает «со вспухшими ногами». Его отец, узнав от оракула, что сын убьет его, проколол ему ноги, связал их и выбросил его на гору Киферон. Там его подобрал пастух, дал ему имя, вылечил. Когда Эдип вырос, то оракул предсказал ему, что он убьет своего отца и женится на соб-

ственной матери. Эдип старался избежать предсказанного, но все так и случилось. Кроме того, Эдип отгадал загадку Сфинкса. Дочь Эдипа сопровождала слепого отца, когда он сам ослепил себя и отправился в изгнание. Предание об Эдипе послужило сюжетом для нескольких греческих трагедий, для многих произведений в последующие века.

ЭЗОП, знаменитый баснописец, жил около 570 г. до н.э. Легенды рисуют его юродивым, народным мудрецом. Он был обвинен (напрасно) в святотатстве и сброшен со скалы. Его басни пережили века и стали основой для многих последующих баснописцев, например, для И.А. Крылова. До сих пор авторы пользуются знаменитым «эзоповским языком» (стилем) — приемом иносказания, когда не хотят прямо выражать свои мысли, а находят для этого обходные слова и выражения. Читать такие мысли нужно «между строк».

ЭЛЛАДА, так сами греки называют свою страну, а себя — эллинами. Следовательно, лучше сказать не «в Греции все есть», а «в Элладе все есть».

ЭФЕБЫ, юноши в Древней Греции, достигшие совершеннолетия (18 лет), обучающиеся риторике, философии, военному делу.

ЭНЕЙ, герой эпической поэмы Вергилия «Энеида». Принимая участие в Троянской войне, он стал (наряду с Гектором) величайшим героем Древнего Мира. Из пламени горящей Трои он вынес на спине своего отца Анхиза, вывел всех

домашних богов, своего сына Аскания и свою жену Креузу. Затем он становится царем аборигенов и троянцев, которым дает общее наименование — латины. Погиб в битве с рутулами.

ЭОЛ, царь Эолийских островов и повелитель всех ветров, любимец богов, у него было шесть сыновей и шесть дочерей. Он насылал на *Одиссея* все противные ветры. По имени Эола есть выражение «эолова арфа» — рамка со струнами, которые начинают издавать звуки, если поднимается ветер, пусть даже самый легкий.

ЭПИКУР, греческий философ (341—270 до н.э.), основоположник эпикурейства, течения в философии, сторонники которого полагали, что нужно жить только для наслаждений, для собственного удовольствия, что только в этом и заключено счастье.

ЭХИДНА (Ехидна), страшное чудовище, наполовину женщина, наполовину змея, была матерью *Химеры*, *Цербера*, *Сициллы* и других монстров. Она была убита Аргусом во время сна. «Ужасен (или ужасна) как Эхидна!» — современное выражение.

ЭХО, нимфа, которая не могла говорить, но не могла и молчать, откликаясь эхом на любой голос. Она влюбилась в красивого юношу *Нарцисса* и, отвергнутая им, так истомилась от горя, что окаменела, и от нее остался только живой и трепетный голос. Ее образ — образ женщины, зачахшей от любви и отражающей голос и мысли возлюбленного.

ЮПИТЕР, римское божество, соответствующее греческому *Зевсу*.

ЯЗОН, предводитель аргонавтов, его жена *Медея*.

ЯНУС, двуликий бог латинян, одно его лицо обращено в про-

шлое, другое — в будущее. Первоначально он был богом солнца и начал, поэтому месяц «январь» назван от его имени. Кроме того, он почитался как бог дверей и ворот, привратник Неба, посредник в каждом человеческом деле. Ему молились «перед началом» чего-либо.

Если мы не достигли цели, то, по крайней мере, мы видим, к какой цели следует стремиться.

М.Т. Цицерон

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С давних времен известно, что та мифическая Дама, которую люди называют Удачей («Госпожой Удачей»), по всей своей первородной внутренней сути в высшей степени непостоянна, вертлява, вздорна во всех ее делах, словах и поступках. «Пусть неудачник плачет!» — как сказал великий поэт, сожалея о ее отсутствии.

А другая Дама, более реальная в своем мифическом существовании и именуемая умными людьми Эрудицией, напротив, в достаточной степени постоянна по отношению к тем, кого она сама выбрала в качестве объекта своего творческого внимания и воздействия. Но если «Госпожа Удача» — это награда «за смелость», то «Сударыня Эрудиция» — вознаграждение за трудолюбие, терпение, труд, которые «все перетрут».

Как часто нам трудолюбия и не хватает, как часто мы не знаем — с чего начать, как продолжить, какую задачу себе поставить, если общей целью является овладение современным русским красноречием. Лет 30 назад была широко известна книга очерков психологии труда учителя, в которой рассмотрены многие стороны этой темы. Но в ней ни слова не сказано о том, что учитель должен владеть русским красноречием, должен стремиться к тому, чтобы овладеть теорией и практикой этого искусства (См.: *Кузьмина Н.В. Очерки психологии труда учителя.* — Л., 1967. — С. 173 и др.).

Очевидно, что при таком подходе для риторики как для учебного предмета в школе просто нет места. Так и было многие годы. Но следует признать, что риторика способна внести в застойную атмосферу современной школы свежую творческую струю, способную противопоставить себя тому, что характеризуется Н.В. Кузьминой как «повышение учительского голоса и стучание указкой по столу». Напротив, мы должны содействовать нашим

пособием новому росту «методической изобретательности и расцвету педагогического воображения». Вот эта цитата в относительно полном варианте:

Встречаются учителя, которые, несмотря на большой опыт работы в школе, не могут овладеть педагогическим мастерством. У них, как правило, на уроках плохая дисциплина, они часто повышают голос, стучат по столу, делают замечания, многословны в объяснении материала. Учащиеся у них учат уроки время от времени, когда знают, что их должны спросить, материал усваивают плохо, но получают хорошие и отличные оценки. Эти учителя не пользуются авторитетом, работать им трудно, они свыкаются со своими недостатками и не замечают их, привыкают плохо готовиться к урокам.

Для таких учителей характерно отсутствие педагогической направленности, интереса к детям и к делу, неумение видеть в каждом ученике индивидуальное, особенное. Они не наблюдательны, их суждения о детях поверхностны и статичны, они не замечают их роста и развития. Они мало думают о своей работе, выполняют ее формально. Для них характерно ограниченное понимание сущности педагогической профессии; они объясняют материал, спрашивают, ставят оценки, наказывают и жалуются на плохое поведение учащихся их родителям, руководству школы. Они мало изобретательны, у них плохо развито педагогическое воображение. Педагогическая деятельность не является для них источником новых знаний, поскольку причины своих неудач они ищут не в недостатках своей деятельности, а в неудачном составе класса и т.д. Такие учителя не ставят перед собой больших задач (растить нового человека, будущего специалиста), не видят дальних перспектив своей деятельности и потому плохо справляются и с частными задачами.

Итак, что же из этого следует?

Для начала следует, видимо, признать, что сюжет, описанный Н.В. Кузьминой по состоянию нашей школы более чем чет-

вертьвековой давности, что называется, «имеет место быть» и в наши дни.

Современное введение риторики в школьные программы заслуживает всяческой поддержки. Но во многих случаях дело еще упирается в то, что сейчас ни одно высшее учебное заведение не готовит профессионально образованных риториков, способных квалифицированно преподавать этот предмет. Следовательно, нужно подумать и об этой стороне вопроса.

Необходимо подчеркивать, что занятия риторикой не только способствуют становлению ораторских способностей человека, формированию его личности, владеющей на достаточном уровне таким явлением интеллекта, как «коммуникативная триада», т.е. тем, что мы называем «ЛоРиЭт». Плюс к этому каждый из тех, кто интересуется риторикой, активно и невольно занимается расширением своего культурного кругозора за счет более глубокого знакомства с классической литературой и искусством.

Наконец, оратор, занимающийся риторикой постоянно, не может не быть в курсе всей современной жизни страны со всеми ее многогранными проявлениями, находящими отражение на телевидении, на радио, в газетах, журналах и т.д.

Такова в кратком перечислении общая идея для целеустремленных и систематических занятий риторикой.

Недаром принято считать, что «Наука — знает», «Религия — верит», «Искусство — умеет...» Как утверждали ораторы Древнего Мира: «Кто перестает читать, тот перестает мыслить, а тот, кто плохо говорит, тот плохо думает». Будем же думать, что риторика займет в этой системе свое высокое место.

Существует такая забавная задача. Нужно последовательно написать все слова, которые придут в голову, если ключевым (то есть главным, объединяющим) словом является «веселый».

Решения. Первый вариант.

«Веселый» — рассказ, котенок, рожер, щенок, ветер, гусь, комарик, песня, сказка, считалка, девочка, луг, свет, кинофильм, клоун, ведущий, артист, солдат...

Можно продолжить этот список настолько, насколько хватит терпения. Терпение для первого варианта решения является основной и главной добродетелью.

Второй вариант решения. Он представляет собой в графическом исполнении цепочку, поскольку каждое последующее звено связано не с первым, основным словом — «веселый», а с предыдущим, другими словами, каждое последующее придуманное слово уносит говорящего (играющего) все дальше от слова-ключа, но не от его семантического объема — «веселый». Тогда может получиться примерно так: «веселый» — роджер, парус, море, пираты, бриг, абордаж, палуба, капитан, каюта, добыча, золото, пиастры, попугай, пассажирка. А дальше — пусть будет говорящего (играющего) его воображение. Именно воображение прибавляет к цепочке все новые и новые звенья во втором варианте.

Итак, второе решение можно назвать — «цепочка», а первое — изображенное графически, будет напоминать «цветок ромашки»: в ее центре написано «веселый», а все остальные придуманные слова расположены как бы на ее лепестках, поскольку каждое из них связано с головным словом «веселый».

Следовательно, или «ромашка», или «цепочка». Надо думать, что мистер Шерлок Холмс, комиссар Мегре, лейтенант Коломбо и другие знаменитые сыщики при решении этой задачи пошли бы по пути «цепочки». Но и путь «ромашки» в подобных книгах и фильмах никогда не бывает забыт: по нему всегда действуют немудрые полицейские и их помощники, хватаясь за первые улики, лежащие на поверхности события. А герои сыска находят то звено, которое, кажется, не имеет, на первый взгляд, никакого отношения к делу, но которое в дальнейшем приводит все расследование к верному решению. В повести Конан Дойля «Знак четырех» глава IX так и называется — «Разрыв в цепи».

Но вернемся к нашей тематике. Специалисты утверждают, что в риторике (как, видимо, и в сыске) успех сопутствует тому, кто идет по второму пути.

Последнее соображение. Недаром говорится, что хорошо то, что хорошо кончается. Поэтому процитируем Библию:

«Всегда радуйтесь».

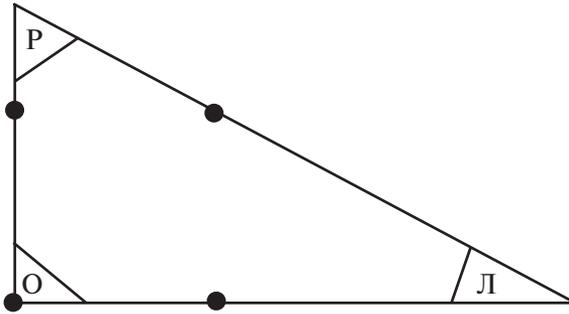
(1-е фессалоникийцам, 5,16)

Это одна из самых кратких библейских цитат и, может быть, одно из самых мудрых риторических выражений человеческой мысли. Ее не очень трудно запомнить, но как претворить ее в жизнь? Ответ у каждого человека может быть свой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот теперь мы подошли к еще одной задаче:

«Провести три замкнутые линии через четыре точки». Практика показывает, что эта задача посильна далеко не для всех взрослых людей. Каждый, кому она «поддается», может считать себя интеллектуально подготовленным к работе над любым риторическим материалом, над риторикой в целом как над учебным предметом. Ну, а овладение риторикой важно как для каждого отдельного человека, так и для всего нашего Отечества. Еще раз повторим: «Кто перестает читать, тот перестает мыслить, а тот, кто плохо говорит, тот плохо думает», — полагали ораторы древности.

Решение задачи «о четырех точках» сводится к следующему. Рассматривая этот треугольник, четыре точки и три замкнутые линии, мы сразу же замечаем, что а) один угол возвышается над двумя другими, б) этот верхний угол объединяет два угла в основании, в) можно начертить треугольник вниз, налево и т.п., г) верхний угол (как и два в основании) нуждается в буквенном обозначении. Как же их обозначить?

Три угла этой фигуры можно пометить: Л, О, Р. Если согласиться с тем, что Л — это Личность, О — Общество, а Р — Риторика, то важно найти между ними оптимальные отношения, которые способствуют функционированию всей системы. Тогда расположение букв на схеме будет иметь не только символическое, но и принципиальное значение: если буква Р будет расположена наверху, то она сможет объединить собой и Л и О, поставив перед ними новые общегосударственные задачи и цели по формированию общей российской идеи, которой в нашем обществе сегодня нет.

Действительно, разве риторика не сможет сыграть объединяющую роль по отношению и к обществу в целом, и к каждой отдельной творческой личности в частности? Именно риторика как искусство и как наука сможет сформировать новую историческую ценность для государства, для его власти в ее различных формах, для всех деловых партнеров, работающих в самых разных областях человеческой деятельности.

Итак, в основе построения — «Общество и Личность», в вершине — «Риторика», их объединяющая и венчающая собой всю композицию.

А теперь последние задания этого пособия.

ЗАДАНИЯ

1. Если читатель согласен с высказанной выше идеей относительно сущности треугольника Л—О—Р, то нужно подготовить план, в котором можно развить это предложение и более полно обосновать его. Это тезис.
2. Если читатель не согласен с этим предложением относительно сущности треугольника Л—О—Р, то он сможет подготовить план, в котором в качестве оппонента выскажет свое несогласие, выдвинув свои соображения по данной проблеме. Это будет антитезис.

Можно и так сказать о риторике:

По-латыни — ОРИС — рот,
И ОРАТОР — это тот,
Кто под действием светил
Пришел,
сказал
и убедил.

Ну, а РИТОР — кто такой?
Он такой же и другой:
Ритор может преподавать —
Что, когда и как сказать.

Цицерон для них — основа —
И для плана и для слова:
— СТРОЙНО — планы составлять,
Их — ИЗЯЩНО излагать,
Доказав по ходу речи,
Что к нему для новой встречи
Повалит честной народ,
Чтоб внимать,
разинув рот.

Посредством риторики — ораторского искусства — русского красноречия опытный оратор стремится воздействовать на своего слушателя с разных возможных творческих позиций. Риторическая

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

культура есть одновременно и наука и искусство. Она призвана и может воздействовать на интеллект и на чувства говорящего и слушающего с учетом культурологической и риторической традиции оратора и аудитории.

Может быть, в этой ее удивительной двойственности и заключаются определенная таинственность и загадочность данного учебного предмета. И оратору нужно настроиться на то, что, выходя на трибуну, чтобы «глаголом жечь сердца людей», он будет использовать для этой цели все свои позитивные творческие возможности. Пополняя, обогащая и совершенствуя свои знания, умения и навыки, он повышает собственный общий культурный и профессиональный уровень в процессе повседневной и трудной, нередко незаметной для аудитории подготовительной работы, без которой не бывает Оратора.

Согласимся с тем, что «лучше учиться до ошибок, чем после них», впрочем, последнее относится не только к риторике.

В добрый путь...

И добавим на языке Марка Туллия Цицерона:

— Dixi et animam levavi! — что означает:

— Я сказал все и облегчил этим свою душу!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

РИТОРИКА

1. *Апресян Г. З.* Ораторское искусство. — М. (различные издания).
2. *Бойко В.В.* Адрес лекции — личность. — М., 1976.
3. *Головин Б.Н.* Основы культуры речи. — М., 1980.
4. *Голуб И. Б.* и др. Секреты хорошей речи. — М., 1993.
5. *Гольдин В.Е.* Речь и этикет. — М., 1983.
6. *Граудина Л.К.* и др. Теория и практика русского красноречия. — М., 1989.
7. *Иванова С.Ф.* Специфика публичной речи, — М., 1978.
8. *Козаржевский А. Ч.* Античное ораторское искусство. — М., 1980.
9. *Козлянинова И.Н.* Произношение и дикция. — М., 1977.
10. *Кузнецова Т.И.* и др. Ораторское искусство в Древнем Риме. — М., 1976.
11. *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч. — М., 1955, Т.7 (можно использовать другие издания).
12. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики: Софисты, Сократ, Платон. — М., 1969.
13. *Минеева С.А.* Рецензирование устного выступления. — М., 1982.
14. *Михневич А.Е. и др.* Лекторское мастерство. — М., 1975.
15. *Мищич Предраг.* Как проводить деловые беседы. — М., 1988.
16. *Ножин Е.А.* Основы ораторского искусства. — М. (различные издания).
17. Об искусстве полемики. — М., 1980.
18. *Одинцов В.В.* Речевые формы популяризации. — М., 1982.
19. Риторика и стиль. — М., 1984.
20. *Сахарный А.В.* К тайнам мысли и слова. — М., 1983.
21. *Сергеев П.* Искусство речи на суде. — М., 1988.
22. Словари и справочники по произношению, сочетаемости слов и т.п.
23. *Сопер Поль Л.* Основы искусства речи. — М., 1992.
24. Судебное красноречие. — М., 1992.
25. *Фишер Р.* и др. Путь к согласию, или Переговоры без поражения. — М., 1990.
26. *Форманская Н.И. и др.* Речевой этикет. — М., 1990.
27. *Цицерон М.Т.* Три трактата об ораторском искусстве. — М., 1972.
28. *Чарторицкая Т.В.* Красноречие Древней Руси XI—XVII вв.// Сокровища древнерусской литературы. — М., 1987.
29. *Яранцев Р.И.* Словарь — справочник по русской фразеологии. — М., 1985.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ХРЕСТОМАТИЯ

1. *Авакум*. Переписка // Памятники литературы Древней Руси. — М., 1988.
 2. *Андроников И.Л.* Избр. произведения. — М., 1975.
 3. *Булгаков С.Н.* Православие. — Киев, 991.
 4. *Валишевский К.* Первые Романовы. — М., 1993.
 5. *Гомер*. Илиада. — М., 1981.
 6. *Демосфен*. Речи. М., 1994.
 7. *Кириллов В.И. и др.* Логика. — М., 1995.
 8. *Кириллов В.И.* Упражнения по логике. — М., 1993.
 9. *Кони А.Ф.* Избранное. — М., 1989.
 10. *Крисп Г.С.* Сочинения. — М., 1981.
 11. *Ломоносов М.В.* Избранная проза. — М., 1980.
 12. *Мень А.* Православное богослужение. — М., 1991.
 13. *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам Русским, — М., 1990.
 14. *Овидий П.Н.* Скорбные элегии... — М., 1979.
 15. *Платон*. Соб. сочинений. — М., 1993.
 16. *Плиний Младший*. Письма — М., 1982.
 17. *Сенека Л.А.* Письма к Луцилию. Трагедии. — М., 1986.
 18. *Сиповский В.Д.* Родная старина. — М., 1993.
 19. Судебные речи русских юристов. — М., 1957.
 20. *Толстой М.В.* История русской церкви. Валаам, 1993.
 21. *Цицерон М.Т.* Об ораторском искусстве. — М., 1973.
-

Учебное издание

Александров Дмитрий Николаевич

РИТОРИКА

Учебное пособие

Изготовление оригинал-макета

ООО «ВЕНЗИ»

Подписано в печать 25.10.2001. Формат 60 × 88/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 38,2. Уч.-изд. л. 36,1.

Тираж 3000 экз. Заказ . Изд. № 456.

ИД № 04826 от 24.05.2001 г.

ООО «Флинта», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 332.

Тел./факс: 334-82-65; тел. 336-03-11. E-mail: flinta@mail.ru, flinta@cknb.ru

ЛР № 020297 от 23.06.1997 г.

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, Москва В-485, ул. Профсоюзная, д. 90